

ГОДЪ

XLII.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣоть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 1.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1902 года, января 1-го.

Содержаніе: На рубежѣ двухъ годовъ. — Чѣмъ можетъ сельскій пастырь
содѣйствовать улучшенію матеріальнаго благосостоянія крестьянъ.—
Праздникъ Богоявленія Господня на рѣкѣ Іорданѣ.

НА РУБЕЖЪ ДВУХЪ ГОДОВЪ.

На скалѣ стоитъ вѣрный, и потому недоступенъ
ударамъ волнъ.

Слова св. Іоанна Златоуста.

Въ старину у насъ, на Руси, новый годъ начинали съ
1-го сентября, затѣмъ—съ 1-го марта; со временъ Петра Ве-
ликаго начинаютъ его 1-го января. И въ томъ, и въ дру-
гомъ, и въ третьемъ случаѣ начало новаго года „отъ ро-
ждества по плоти Бога—Слова“ не совпадаетъ со днемъ, когда
вспоминается событіе рождества Христова. Значить, начало
новаго года, падающее у насъ на 1-ое января,—грань времени
болѣе или менѣе случайная, искусственная, и тѣмъ не менѣе

она не лишена своего значенія: не говоря уже о томъ, что эта грань напоминаетъ намъ о нашемъ приближеніи къ „грядущему граду“, она побуждаетъ насъ осмотрѣться, одуматься,—оглянуться назадъ, посмотрѣть впередъ, дать отчетъ въ прошломъ, намѣтить задачи для будущаго. И вотъ, когда мы оглядываемся назадъ, чтобы всмотрѣться въ главные событія церковно-общественной жизни минувшаго года, въ душѣ невольно возникаетъ тревожное чувство. Подобно своему предшественнику, минувшій годъ былъ тревожнымъ годомъ... Но что грустнѣе всего—наше общество не только въ верхнихъ, но и въ нижнихъ слояхъ замѣтно отчуждается отъ Церкви; послѣдняя перестаетъ для него быть родимою, безцѣнною матерью. Православно-русская Церковь, въ лицѣ своихъ представителей, открыто заявляетъ о томъ, что русскій писатель, гр. Л. Толстой, отпалъ отъ Церкви,—фактъ настолько несомнѣнный, что постановленіе Св. Синода не должно бы, кажется, встрѣтить недоумѣній. На дѣлѣ вышло не то: послышались крики негодованія, а гр. Толстой сдѣлался предметомъ самыхъ торжественныхъ овацій. Будь это оваціи въ честь и славу великаго художника, умѣвшаго будить мысль и совѣсть,—это было бы въ порядкѣ вещей, но кому же не ясно, что оваціи были не столько прославленіемъ дѣйствительно гениальнаго писателя, сколько демонстраціей противъ синодальнаго акта? Зачѣмъ же это? Какъ будто, преклоняясь предъ постановленіемъ церковной власти, нельзя уже цѣнить того хорошаго, что несомнѣнно есть въ твореніяхъ покинушаго Церковь писателя!.. Много ли нашлось въ нашемъ образованномъ обществѣ такихъ лицъ, которыя прочли бы въ посланіи Синода глубокую скорбь объ отпадшемъ сынѣ Православно-русской Церкви? Голосъ скорби приняли за голосъ гнѣва, мало того — за голосъ озлобленія!.. Такъ — среди интеллигенціи. Лучше ли въ народѣ? Можетъ быть, и лучше, но не вполне хорошо: сектантство растетъ, порою смущаетъ простолюдина сосѣдь-интеллигентъ. И это понятно: пропасть между т. наз. образованнымъ об-

ществомъ и простымъ народомъ замѣтно сглаживается, а потому мечты покойнаго Ильминскаго отгородить народъ отъ интеллигенціи надо признать несбыточными: сила солому ломить...

Таковы факты. Отраднaго въ нихъ мало. Становится страшно,—не за Церковь, а за русскихъ людей, которые начинаютъ отчуждаться отъ Церкви. Когда-то православіе было для русскихъ людей самымъ дорогимъ сокровищемъ,—тѣмъ многоцѣннымъ бисеромъ, ради котораго можно продать всѣ сокровища въ мірѣ. Такъ ли теперь?!

Что же? Станемъ ли смущаться, станемъ ли унывать, станемъ ли безнадежно опускать свои руки? Да не будетъ этого! Вспомнимъ, какъ однажды Спаситель съ своими учениками переѣзжалъ на лодкѣ Тиверіадское озеро; поднялась буря, а Спаситель, утомленный дневнымъ трудомъ, спалъ на кормѣ; „Его будятъ и говорятъ Ему: Учитель! неужели Тебѣ нужды нѣтъ, что мы погибаемъ? И вставъ, Онъ запретилъ вѣтру и сказалъ морю: умолкни, перестань. И вѣтеръ утихъ, и сдѣлалась великая тишина. И сказалъ имъ (ученикамъ): что вы такъ боязливы? какъ у васъ нѣтъ вѣры?“ (Марк. 4, 38—40). Вотъ и мы плывемъ по житейскому морю, и вокругъ насъ неспокойно: слышатся раскаты грома, предвѣщающіе бурю; море начинаетъ волноваться. Все это такъ. Но вѣдь нашъ корабль охраняетъ тотъ же самый Кормчій, который когда-то укротилъ бурю на озерѣ Тиверіадскомъ. Онъ сказалъ: „созижду Церковь Мою, и врата ада не одолѣютъ ей“. Если мы вѣрны Ему,—Онъ и теперь среди насъ, какъ тогда былъ среди учениковъ; а если—такъ, чего бояться? За чѣмъ унывать? „Господь—просвѣщеніе мое и Спаситель мой, кого убоюся“? Вспомнимъ, съ какою бодростью шель по своему жизненному пути ветхозавѣтный праведникъ, одушевленный вѣрою въ Бога: если бы мнѣ пришлось итти посредѣ сѣни смертныя, я и тогда не убоился бы зла, потому что Ты, Господи, со мною,—вотъ гдѣ была его опора, и онъ твердо стоялъ на ней. Намъ ли, новому Израилю, колебаться? намъ ли малодушествовать?

Исторія христіанскої Церкви знаєть такія епохи, когда, казалось, всѣ силы міра сего, не покоряющагося Христу, устремлялись на нее. Такова была эпоха гоненій. Гражданская власть и языческая наука напрягли всѣ свои силы, чтобы сокрушить Христову Церковь, но... не сокрушили: она не только устояла среди гоненій, но вышла изъ тяжкаго испытанія окрѣпшею и торжествующею. Кровь мучениковъ становилась сѣменемъ новыхъ христіанъ. Скоро сама власть сложила свое знамя у подножія Христа, а наука предоставила свои средства въ распоряженіе христіанскихъ богослововъ. Церковь побѣдила... Старшіе изъ насъ, надо полагать, хорошо помнятъ то время, когда и у насъ, на Руси, стало-было слабѣть вліяніе Церкви: это—шестидесятые годы минувшаго вѣка. Вырвавшись изъ суровой николаевской школы, русское общество бросилось на путь свободнаго развитія и скоро зашло слишкомъ далеко въ этомъ направленіи,—дошло до отрицанія какихъ бы то ни было ограниченій, налагаемыхъ на личность тѣмъ или другимъ внѣшнимъ авторитетомъ, будь этотъ авторитетъ на небѣ или на землѣ. Молодой государь выражалъ пожеланіе, чтобы „свѣтъ спасительной вѣры, озаря умы, укрѣпляя сердца, сохранялъ и улучшалъ общественную нравственность, вѣриѣйшій залогъ порядка и счастья“ (манифестъ отъ 19 марта 1856 г.), а освобождая крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, прежде всего призывалъ ихъ къ молитвѣ: „Осѣни себя крестнымъ знаменемъ, православный народъ, и призови съ Нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ“. Между тѣмъ въ обществѣ стали громче и громче раздаваться голоса, что Церковь не просвѣщаетъ, а омрачаетъ народныя массы, что она не идетъ въ уровень съ прогрессомъ, что выводы точной (точной ли?) науки неспровергають догматы вѣры, что церковные пастыри уже не годятся въ вожди народу и т. д., и т. д. Казалось, авторитетъ Церкви пошатнулся. Смущались сердца не только у пасомыхъ, но и у пастырей. Волновался, скорбѣлъ, негодовалъ молодой, ученый и энергичный архимандритъ Никаноръ (впослѣдствіи

архієпископъ Херсонскій), смущался умудренный лѣтами и опытомъ жизни старецъ, митрополитъ Московскій Филаретъ. Прочтите ихъ проповѣди, написанныя въ 60-ые годы,—сколько тамъ глубокой скорби и тревожныхъ опасеній! Конечно, много было серьезныхъ поводовъ для такихъ опасеній, и трогательно видѣть, какъ пастыри и архипастыри душою болѣли о своихъ заблуждающихся чадахъ; однако, идейныя и общественныя движенія того времени не поколебали Православно-русской Церкви, мало того—она развила въ эти годы замѣчательную внутреннюю дѣятельность: оживились старыя богословскіе журналы, появились новыя, сумѣвшіе привлечь къ себѣ сотрудниковъ и читателей даже изъ свѣтскаго общества; богословская наука достигла небывалой дотолѣ производительности; выросла литература по вопросамъ о религіозно-правственномъ воспитаніи и преподаваніи Закона Божія; расширилась и оживилась проповѣдническая дѣятельность духовенства; жизнь выдвинула на пастырское поприще образованныхъ, убѣжденныхъ и энергичныхъ священниковъ, имена которыхъ не забудетъ исторія Православно-русской Церкви: таковы протоіереи Васильевъ, Полисадовъ, Янышевъ, Гумилевскій, Делицынъ, Сергіевскій, Иванцовъ-Платоновъ, Смирновъ-Платоновъ, Лебединцевъ, Фаворовъ и многіе другіе; за ними идетъ цѣлая дружина сельскихъ священниковъ, работавшихъ въ глуши и безвѣстности. Нѣтъ, шестидесятые годы не распатали, а укрѣпили нашу родную Православно-русскую Церковь. Теперь снова разгорается движеніе, направленное если не противъ Церкви, то въ сторону отъ нея. Не пошатнулась она въ былые годы, не пошатнется—вѣримъ—и теперь: она еще не оскудѣла внутренними силами... Итакъ, будемъ скорбѣть объ отпадающихъ и заблуждающихся, будемъ молиться объ утвержденіи Церкви, но не будемъ унывать, не будемъ отчаяваться: Христосъ посредѣ насъ!

Что-жъ? на этомъ и успокоиться? Нѣтъ, этого мало: христіанскій покой не есть покой бездѣйствія, это—спокойствіе труженика, вѣрящаго въ правоту своего дѣла, спокой-

ствіе борца, увѣреннаго въ конечномъ торжествѣ той истины, которой онъ служитъ. „Отець Мой доселѣ дѣлаеть, и Я дѣлаю“, говорилъ Спаситель. Говорилъ Онъ и о томъ, что Ему нужны сотрудники: „жатва многа, дѣлателей же мало“. Пастыри—первые дѣлатели на нивѣ Божіей, они—сотрудники самого Христа. Имъ ли пребывать въ покоѣ бездѣйствія? имъ ли равнодушно взирать на то, какъ расхищается стадо Христово? Нѣтъ, добрый пастырь, оставляя 99 овецъ, идетъ искать одну заблудившуюся; добрый пастырь вступаетъ въ борьбу съ самымъ волкомъ, чтобы отнять у него похищенную овцу, и, если надо, душу свою полагаетъ за овцы. Пастырство — непрестанное дѣланіе, непрестанный трудъ. Только трудъ увѣнчивается побѣднымъ вѣнцомъ. Сколько ободряющаго для современныхъ пастырей въ словахъ Апокалипсиса, обращенныхъ хотя бы къ ангелу Смирнской Церкви: „Знаю твои дѣла, и скорбь, и нищету (впрочемъ, ты богатъ), и злословіе отъ тѣхъ, которые—сборище сатанинское. Не бойся ничего, что тебѣ надобно будетъ претерпѣть. Будь вѣренъ даже до смерти, и дамъ ти вѣнецъ живота“ (Апок. 2, 9—10). Но грозны слова, обращенныя къ ангелу Лаодикійской Церкви: „Знаю твои дѣла: ты ни холоденъ, ни горячъ; о, если бы ты былъ холоденъ или горячъ! Но какъ ты теплъ, а не горячъ и не холоденъ, то извергну тебя изъ устъ Моихъ“ (гл. 3, 15—16). Это—призывъ къ ревности о спасеніи пасомыхъ, къ труду на благо Христовой Церкви; тотъ же призывъ слышится и въ обстоятельствахъ современной церковно-общественной жизни. Отцы и братіе! Не останемся глухи къ этому внушительному призыву, и прежде всего,—на порогѣ новаго года, еще разъ вдумаемся въ значеніе Христовой Церкви, въ смыслѣ нашего пастырскаго служенія, въ характеръ тѣхъ средствъ, которыми мы можемъ и должны располагать для привлеченія ближнихъ въ Церковь Христову, для удержанія ихъ въ ея оградѣ, а затѣмъ поставимъ себя предъ лицомъ такихъ вопросовъ: цѣнимъ ли мы наше безцѣнное сокровище—православную вѣру по ея внутреннему достоинству,

а не по значенію только для благоустроенія земной жизни? даемъ ли мы своимъ пасомымъ то, чего они въ правѣ ожидать отъ насъ,—успокоеніе смущенной совѣсти, разъясненіе тревожныхъ недоумѣній, облегченіе скорбей? не закрываемъ ли мы отъ нихъ богатство духовныхъ благъ, хранящихся въ Церкви, небрежностью въ совершеніи богослуженія и лѣнностью въ проповѣданіи слова Божія? болѣемъ ли мы ихъ скорбями и радуемся ли ихъ радостями? служимъ ли мы для своихъ пасомыхъ, хотя бы въ малой мѣрѣ, тѣмъ, чѣмъ былъ для христіанъ апостоль Павелъ, который говоритъ о себѣ: „для іудеевъ я былъ, какъ іудей, чтобы пріобрѣсть іудеевъ: для подзаконныхъ былъ, какъ подзаконный, чтобы пріобрѣсть подзаконныхъ; для чуждыхъ закона,—какъ чуждый закона, чтобы пріобрѣсть чуждыхъ закона; для немощныхъ былъ, какъ немощный, чтобы пріобрѣсть немощныхъ: всѣмъ быхъ вся, да всяко нѣкіи спасу“ (1 Кор. 9, 20—22)? И въ другомъ мѣстѣ: „Кто не изнемогаетъ, съ кѣмъ бы и я не изнемогалъ? кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся“? (2 Кор. II, 29). Такъ ли мы относимся къ своимъ пасомымъ? не лежатъ ли на насъ самихъ, хотя до нѣкоторой степени, отвѣтственность за то отчужденіе русскаго общества отъ Церкви, какое замѣчается въ наши дни? По крайней мѣрѣ, около года тому назадъ одинъ изъ современныхъ архипастырей въ своемъ поученіи къ будущимъ пастырямъ счелъ своимъ долгомъ указать на то, что „мы не хотимъ сдѣлать шагу, чтобы поискать на распутіяхъ міра погибающую душу, чтобы навстрѣчу выйти возвращающемуся въ Отчій домъ сыну блудному. Не здѣсь ли причина того печальнаго явленія, что такъ называемая интеллигенція современная бѣжитъ отъ насъ, не идетъ къ намъ, не слушаетъ или мало слушаетъ голоса нашего? А мы, высокоумно махнувъ на нее рукой, думаемъ, что мы правы! Нѣтъ, Христось самъ шелъ навстрѣчу мытарямъ и грѣшникамъ, принималъ ихъ, заходилъ къ нимъ въ дома, ѣлъ и пилъ съ ними. А св. Іоаннь Богословъ не пощадилъ своей дряхлой старости, не убоился опасностей, самъ пошелъ въ

толпу разбойниковъ и отыскалъ своего ефесскаго юношу. Вотъ образецъ истинно-пастырской любви, вотъ гдѣ сила пастырскаго вліянія¹⁾! Надъ этими словами стоить подумать.

Не по внѣшней только связи, но и по своей многозначительности для нашего времени невольно вспоминается сейчасъ то изреченіе Премудраго, которое любилъ повторять покойный митрополитъ Кіевскій Іоанникій: „Братъ отъ брата помогаемъ яко градъ твердъ“. Это—такое изреченіе, надъ которымъ также стоить поразмыслить въ наши дни, особенно на порогѣ новаго года. Въ единеніи—сила, въ единеніи—красота: „се что добро или что красно, но еже жити братіе вкупѣ“. Чѣмъ сильнѣе волны, колеблюція лодку, тѣмъ дружнѣе надо грести. Тревожныя событія нашего времени особенно настойчиво призываютъ православно-русскихъ пастырей къ дружной совмѣстной работѣ. Слава Богу! эта мысль начинаетъ мало-по-малу входить въ сознаніе и жизнь нашихъ пастырей: кое-гдѣ, особенно по городамъ, начинаютъ образовываться пастырскіе кружки, союзы, общества; но въ общемъ между нашими пастырями единенія меньше, чѣмъ слѣдуетъ: общеніе между ними происходитъ, главнымъ образомъ, на почвѣ житейскихъ или служебно-дѣловыхъ (въ узкомъ смыслѣ слова) интересовъ. А этого мало: нужно бы общими силами обсуждать задачи и средства собственно-пастырской дѣятельности, нужно бы поддерживать другъ друга въ осуществленіи намѣченныхъ задачъ. Чѣмъ тѣснѣе будетъ пастырское единеніе, тѣмъ вѣрнѣе успѣхъ пастырской дѣятельности. Однако, и этого мало. Необходимымъ условіемъ успѣшнаго развитія церковной жизни служить еще единеніе между пастыремъ и пасомыми: нужно, чтобы пастырь былъ дѣйствительнымъ вождемъ своей паствы, чтобы храмъ былъ дѣйствительнымъ центромъ приходской жизни, чтобы приходъ пред-

¹⁾ Епископъ Алексій. — Сила пастырскаго вліянія („Православный Собесѣдникъ“, 1900, 12, 598).

ставлялъ собою сплоченную общину. Чѣмъ тѣснѣе связь пасомыхъ съ храмомъ, пастыремъ, а также между собою, тѣмъ труднѣе вырвать изъ пѣдръ Церкви того или другого ея члена. Чѣмъ сильны старообрядцы, сектанты, иновѣрцы? Своею сплоченностью. Между тѣмъ у насъ такой сплоченности мало, и это не только въ городахъ съ ихъ текучимъ населеніемъ, но и въ селахъ. Церковно-приходскія попечительства по большей части лишены духа жизни, а юго-западные братства являются лишь жалкими пережитками своего славнаго прошлаго. Свѣтскія лица, дорожащія судьбами Православно-русской Церкви,—покойный Аксаковъ, татевскій подвижникъ Рачинскій, кропотливый изслѣдователь приходской жизни въ ея прошломъ Папковъ, только-что почившій знатокъ русской деревни Ромеръ, неутомимый публицистъ Шараповъ,—все они въ одинъ голосъ говорятъ о настоятельной необходимости прочной организаціи прихода, какъ непремѣнномъ залогѣ плодотворнаго развитія церковно-приходской жизни. Этотъ голосъ налагаетъ на пастырей обязанность поработать надъ организаціей приходской жизни,—дѣло столько же важное, сколько и трудное.

Таковы тѣ запросы и задачи, которые предъявляются намъ современною жизнію. Запросы—серьезны, задачи—сложны. Нужно много труда для разрѣшенія первыхъ, для осуществленія вторыхъ. Отдыхать некогда. Съ вѣрой въ помощь Божію, въ единеніи другъ съ другомъ и своими пасомыми, *гордость всяку отложше и удобь обстоятельный урѣхъ, терпѣніемъ да течемъ на подлежащій намъ подвигъ, взирающе на начальника вѣры и совершителя Исуса, иже вмѣсто подлежащія Ему радости претерпѣ крестъ, о срамотѣ не радивъ* (Евр. 12, 1—2).—„Руководство для сельскихъ пастырей“, по мѣрѣ своихъ силъ, и въ наступающемъ году будетъ продолжать свое дѣло—служить православно-русскимъ пастырямъ въ осуществленіи ими тѣхъ задачъ, которыя возлагаются на нихъ пастырскимъ призваніемъ и требованіями времени, во благо Православной Церкви. А—Ты, Господи,

утверженіе на Тя надѣющихся, утверди Церковь, юже стя-
жалъ еси честною Твоею кровію!

Чѣмъ можетъ сельскій пастырь содѣйствовать улучшенію матеріальнаго благосостоянія крестьянъ?

Ни для кого въ настоящее время не новость, что деревня русская все больше и больше падаетъ: и въ печати, и въ жизни разговоры на эту тему стали самыми обычными. Фактъ несомнѣнный, что, не смотря на всѣ гуманныя заботы и мѣропріятія правительства послѣ освободительной реформы, деревня мало ушла впередъ: крестьянинъ сталъ свободенъ, грамотность широкою волною распространилась по всему лицу Руси, не далеко то время, когда всеобщее обученіе изъ мечты перейдетъ въ область дѣйствительности; но сказать, что крестьянинъ сталъ жить лучше, будетъ нѣсколько рискованнымъ. Намъ нѣтъ нужды въ настоящемъ случаѣ выяснять причины этого прискорбнаго явленія, да это и не входитъ въ задачу нашей замѣтки; для насъ важно отмѣтить самый фактъ.

О поднятіи матеріальнаго благосостоянія деревни заботятся нѣсколько вѣдомствъ: Министерство Финансовъ, Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ: много дѣлаютъ въ этомъ отношеніи также земства въ земскихъ губерніяхъ. Распространеніе грамотности, которая необходимо должна повліять и на улучшеніе матеріальной стороны жизни, распространеніе полезныхъ свѣдѣній по сельскому хозяйству, улучшенныя породы скота, усовершенствованныя орудія и мн. др.—таковы мѣропріятія этихъ учрежденій, направленные къ улучшенію матеріальнаго положенія крестьянства. Спрашивается, насколько желательно вліяніе духовенства въ этомъ отношеніи, и можетъ ли оно быть полезно въ этомъ случаѣ?

На первый вопросъ могутъ сдѣлать много возраженій, въ томъ числѣ и принципиальнаго характера. Скажутъ, что духовенство призвано вовсе не къ тому, чтобы заботиться о

матеріальныхъ нуждахъ прихода; что его задача—спасеніе душъ вѣрующихъ, нравственное руководство приходомъ; что служеніе пастыря выше дневныхъ насущныхъ интересовъ; что внимательство его въ эту область будетъ унижать его, будетъ неприличнымъ. Скажутъ, затѣмъ, что у священника и времени нѣтъ, и силъ не хватитъ для того, чтобы заботиться еще и о матеріальныхъ нуждахъ прихода. Наконецъ, могутъ сказать, что священникъ и не способенъ что-нибудь сдѣлать въ этой области: просидѣвши 12 лѣтъ въ школѣ за книгой, что можетъ онъ понимать въ хозяйствѣ, напр.?

То правда, что главная забота священника—спасеніе вѣр-
ренныхъ ему душъ: но это вовсе не исключаетъ для него воз-
можности вліять благотворно и на матеріальную сторону жизни
прихожанъ. Высокій примѣръ подаетъ въ этомъ отношеніи
самъ Пастыреначальникъ Христосъ. Онъ не гнушался плот-
ническихъ занятій своего названнаго отца старца Іосифа.
Пришедшій на землю грѣшныя спасти, взыскати погибшихъ,
Онъ входилъ не рѣдко и въ матеріальныя нужды людей: по-
давалъ больнымъ исцѣленіе, насыщалъ чудесно хлѣбомъ, бла-
гословилъ уловъ рыбы Своихъ учениковъ, чудесно помогъ
бѣднымъ на бракъ въ Канѣ Галилейской. Если, затѣмъ,
обратимся къ исторіи Церкви Христовой, то уже съ первыхъ
временъ, съ вѣка апостольскаго увидимъ, что пастыри Церкви
заботились о нуждахъ пасомыхъ. Во время голода въ Антіо-
хіи вѣрующіе въ Іерусалимѣ, по вліянію апостоловъ, посы-
лаютъ туда свою посильную помощь (Дѣян. 11, 28—30). Бла-
гочестивыя обители наши и до сихъ поръ сохраняютъ добрый
обычай—помогать бѣднымъ, и цѣлыя тысячи бѣдниковъ пи-
таются ими. Священника зовутъ: „отцомъ“, „батюшкой“,—и
для народа нашего эти названія не пустыя слова. Плотской
отецъ былъ бы плохимъ отцомъ, если бы, заботясь о воспи-
таніи дѣтей, вовсе не заботился о прокормленіи ихъ. Что же
худого или унижительнаго въ томъ, если священникъ станетъ
заботиться и о матеріальныхъ нуждахъ прихода?

По положенію о земскихъ учрежденіяхъ 1864 года, въ земскія собранія приглашается депутатъ и отъ духовенства. Этимъ ясно высказывается желаніе Правительства, чтобы духовенство не сторонилось заботъ о матеріальныхъ интересахъ крестьянъ, по вносило свою посильную лепту въ общій трудъ на пользу народа.

Скажутъ, пожалуй, что у священника времени нѣтъ для того, чтобы заботиться и о насущныхъ интересахъ прихода; что на немъ лежитъ такъ много прямыхъ обязанностей, отъ него и безъ того такъ много требуется, что побочныя заботы будутъ для него слишкомъ обременительными.—Нельзя, конечно, не согласиться съ тѣмъ, что возраженіе это имѣетъ свои основанія. Но время свободное у священника все же найдется, было бы только желаніе. У священника есть множество случаевъ говорить съ народомъ, дѣлиться впечатлѣніями, вліять на него. О радости крестьянъ тому, что „батюшка“ входитъ въ ихъ дѣла и нужды, о ихъ признательности мы не говоримъ: она вѣдъ всякаго сомнѣнія.

Что сказать о способности пастырей вліять на матеріальную сторону деревенской жизни?—Деревни и крестьянина, говорятъ, никто не знаетъ и не пойметъ. Но это вовсе не относится къ священнику. Священникъ не чужой человѣкъ для деревни: онъ никогда не порывалъ связи съ нею, деревенская жизнь—его родная стихія. Крестьянинъ знаетъ и вѣритъ священнику,—а въ этомъ для послѣдняго открывается лучшее условіе для вліянія на всѣ стороны крестьянской жизни. Съ условіями деревенской жизни священникъ знакомъ еще съ дѣтства: крестьянскій трудъ, его условія, бытовая сторона деревенской жизни ему хорошо знакомы.

Матеріальная нужда народа есть вмѣстѣ съ тѣмъ нужда и духовенства. Матеріально оно, при незначительномъ жалованьи отъ правительства, всецѣло зависитъ отъ достатка крестьянъ: пользуется приходъ матеріальнымъ благосостояніемъ,—есть средства и у духовенства. Всякое колебаніе, неудачи въ хозяйственныхъ дѣлахъ крестьянина необходимо

отражаются и на бюджетѣ духовенства: голодаетъ крестьянинъ,—будетъ голоденъ и священникъ. Слѣдовательно, не только по долгу пастырства и любви къ ближнему, но и по личнымъ интересамъ священникъ долженъ заботиться о матеріальномъ преуспѣяніи своего прихода. Заботятся о крестьянахъ разныя учрежденія, но они далеки отъ крестьянъ, не всегда и не все видятъ то, что нужно видѣть. Священникъ для крестьянъ ближе и роднѣе всѣхъ этихъ „господъ“, наѣзжающихъ изъ города въ деревню и иногда очень строгихъ. Въ деревнѣ священникъ часто является единственнымъ образованнымъ лицомъ и притомъ такимъ лицомъ, къ которому народъ всегда относится съ глубокимъ почтеніемъ и довѣріемъ.

Главная сфера, гдѣ священникъ можетъ вліять на матеріальную сторону крестьянской жизни,—это земледѣліе. Россія—страна по преимуществу земледѣльческая. Пусть говорятъ экономисты, что Россія переходитъ теперь отъ „натуральнаго хозяйства“ къ „мануфактурному періоду“. Правда то, что земледѣліе крестьянское, вслѣдствіе многихъ неблагоприятныхъ условій, сильнаго обезземеленія, все больше падаетъ; но все же русскій крестьянинъ твердо держится земли: если есть хотя какая-нибудь возможность остаться на ней, крестьянинъ сдѣлаетъ все отъ него зависящее, чтобы остаться въ деревнѣ, и только въ крайнемъ случаѣ мѣняетъ деревню на городъ. Вообще можно сказать, что сельское хозяйство есть главный источникъ нашего народнаго богатства. Если земледѣліе имѣетъ такое важное значеніе для крестьянъ, то не меньшую роль играетъ оно и въ жизни духовенства; земледѣліе и для него служитъ большою, если не главною, поддержкою въ его нуждѣ.

Для правильнаго и успѣшнаго веденія сельскаго хозяйства нужны слѣдующія главнѣйшія условія: 1) достаточное количество земли; 2) тяжелый, но разумный трудъ; 3) инвентарь; 4) хотя небольшой оборотный капиталъ. Чѣмъ лучше поставлены всѣ эти условія, тѣмъ больше есть надежды на успѣшный ходъ хозяйства.—Безспорно, что на всѣ эти усло-

вія священникъ можетъ вліять въ благопріятномъ, полезномъ для крестьянъ смыслѣ.

Хотя у нашихъ крестьянъ мало земли, но сплошь и рядомъ есть возможность увеличить ее путемъ покупки. Дворянское землевладѣніе у насъ, какъ показываютъ отчеты различныхъ банковъ, все больше и больше падаетъ; дворянство иногда добровольно бросаетъ землю само и бѣжитъ въ города на казенныя мѣста; еще чаще вынуждаютъ его къ тому неблагоприятныя условія, напр., неурожаи. Виновата тутъ и неумѣлость дворянъ, виноваты и неудачи; но фактъ на лицо: помѣщичьи земли постепенно уходятъ изъ рукъ своихъ прежнихъ владѣльцевъ. Если этотъ фактъ грустенъ самъ по себѣ, то еще грустнѣе то явленіе, что переходятъ эти земли часто совсѣмъ не въ тѣ руки, гдѣ онѣ нужны: захватываютъ ихъ эксплуататоры, кулаки, евреи на подставное лицо; высасываютъ всѣ соки изъ земли да кстаті забираютъ въ кабалу и окружное мѣстное населеніе, отдавая истощенную уже землю по высокой цѣнѣ небольшими участками. Между тѣмъ, всего желательнѣе было бы, чтобы эти земли переходили путемъ покупки къ крестьянамъ,—имъ онѣ болѣе чѣмъ кому-либо нужны. На помощь крестьянамъ идетъ въ этомъ случаѣ Крестьянскій банкъ, выдающій, за сравнительно небольшіе %о, ссуды. Этимъ путемъ банкъ уже много сдѣлалъ добра крестьянамъ. Крестьяне наши любятъ землю, согласятся на всякія жертвы для нея, и если часто удобныя земли уходятъ у нихъ изъ-подъ рукъ, то просто по ихъ неопытности: многіе, напр., и не слышали о крестьянскомъ банкѣ, не знаютъ, какъ ступить въ этомъ дѣлѣ, куда обратиться. Священникъ, какъ единственный просвѣщенный человекъ въ деревнѣ, и могъ бы руководить въ этомъ случаѣ крестьянами. Трудъ небольшой—познакомиться съ уставомъ банка, его условіями и познакомиться со всѣмъ этимъ крестьянъ; а польза получилась бы огромная. На нашихъ глазахъ былъ такой случай.

Богатая владѣлица предложила крестьянамъ купить у нея обширныя земли, прекрасный черноземъ; разъяснила даже

черезъ управляющаго, какъ устроить дѣло. Но помѣщицѣ и ея управляющему крестьяне не повѣрили. Обратились къ „батюшкѣ“. Тотъ никакого опредѣленнаго совѣта дать не могъ. Долго старики толковали, чесали затылки, спорили о томъ, какъ они будутъ владѣть вновь прибрѣтенной землей, разъ даже немного подрались; раздавались голоса и о томъ, что земли у „барыни“ все равно никто не купитъ, что она перейдетъ къ крестьянамъ даромъ, а въ банкъ обращаться— все равно, что идти въ кабалу. Въ это время къ „барынѣ“ явились купцы, дали ббольшую цѣну, и земля осталась за ними.—Разъяснить крестьянамъ всю полезность такихъ прибрѣтений, указать на истинное значеніе Крестьянскаго банка, разсѣять неосновательные слухи и толки о бесплатномъ дарованіи земли, которые по мѣстамъ и до сихъ поръ упорно держатся въ народѣ и очень смущаютъ его, вдохновить часто инертнаго крестьянина—это обязанность того, кто ближе всѣхъ стоитъ къ нему, это долгъ священника. Земля—кормилица крестьянина, и всякое прибрѣтеніе, каждый клочекъ ея можетъ быть полезнымъ для крестьянъ.

Кромѣ прибрѣтенія земли въ собственное владѣніе, вторымъ средствомъ для крестьянъ расширить площадь пахоты является аренда чужихъ земель. У насъ отдаются въ аренду какъ частныя, такъ и казенныя земли; но онѣ имѣютъ то большое неудобство для крестьянъ, что отдаются на большіе сроки и большими участками. Земли отдаются при такихъ условіяхъ, что одному крестьянину брать ее оказывается не по силамъ, а до коопераціи наши крестьяне еще не додумались. Приходилось намъ видѣть въ Воронежской и Харьковской губерніяхъ, какъ ведется дѣло съ казенными землями. Земля въ количествѣ нѣсколькихъ сотъ десятинъ отдается на 6 лѣтъ по 3—4 рубля за десятину въ годъ; впередъ требуется внести большой задатокъ. Кому же изъ крестьянъ будетъ подъ силу сдѣлать наемъ такой земли?—Земли эти естественно остаются за кулаками. Приходилось видѣть намъ въ этой несимпатичной роли и лицъ духовнаго званія. Обыкно-

венно непосредственные наемщики земли сдаютъ нанятую землю менѣе достаточнымъ крестьянамъ небольшими участками и берутъ съ нихъ двойныя цѣны; нѣкоторые сдаютъ землю съ половины. На вопросъ о томъ, почему крестьяне сами не берутъ земли въ аренду, отвѣтъ всюду получается одинъ и тотъ же: „средствъ нѣтъ, не по силамъ“. Очевидно, крестьяне, разбирая землю небольшими кусками, не понимаютъ той простой вещи, что истинные наемщики и плательщики за эту землю—они, при томъ вдвое переплачиваютъ за нее. Пусть одному, даже достаточному, крестьянину нанять большой участокъ земли не по силамъ; но зато компаніей они легко справились бы съ ней. Крестьяне могли бы сами снимать аренду и не переплачивать за нее. Важна въ такомъ дѣлѣ инициатива, нужно лицо, которое подвинуло бы инертную крестьянскую массу,—а такимъ лицомъ въ деревнѣ и могъ бы быть священникъ: онъ не только могъ бы сплотить крестьянъ воедино при наймѣ земли, но даже самъ могъ бы быть найщикомъ и этимъ принесть бы пользу и себѣ, и крестьянамъ оказалъ бы большую услугу.

Одно изъ золъ, подрывающихъ крестьянское хозяйство, это—частые раздѣлы; хозяйство крестьянское все больше и больше дробится, мельчаетъ. Достаточно невѣсткамъ перессориться въ семьѣ, и раздѣлъ готовъ; и безъ того слабое крестьянское хозяйство дѣлится на нѣсколько еще болѣе слабыхъ. Зло это велико; бороться съ нимъ трудно; но, во всякомъ случаѣ, и здѣсь священникъ могъ бы принести большую пользу прихожанамъ. Уже по долгу пастырства, онъ долженъ вносить всюду миръ и спокойствіе. Раздоры семейные противны закону Христову, противны любви; къ такимъ наставленіямъ священникъ можетъ присоединить и разъясненіе того вреда, какой приносятъ крестьянамъ частые раздѣлы.

Если раздѣлы такое зло, съ которымъ трудно бороться, то передѣлы не менѣе вредны—съ той лишь разницей, что бороться со вторыми легче, чѣмъ съ первыми. Землю крестьяне владѣютъ во многихъ мѣстахъ на общинныхъ началахъ: она—собственность

извѣстнаго села или волости. Что касается частнаго пользованія ею, то здѣсь царить крайнее разнообразіе. Въ нѣкоторыхъ селахъ землю дѣлятъ на число плательщиковъ на нѣсколько лѣтъ сразу: на 12—6; по нерѣдки и такія деревни, гдѣ передѣлъ земли производится каждый годъ. Послѣдній способъ имѣеть то удобство, что даетъ возможность болѣе справедливо раздѣлить надѣлы пропорціонально числу работниковъ въ каждой семьѣ: съ увеличеніемъ послѣднихъ въ семьѣ увеличивается и надѣлъ ея. Но этотъ способъ крайне неудобенъ тѣмъ, что заставляетъ крестьянъ небрежно относиться къ землѣ: „зачѣмъ я стану заботиться о своемъ надѣлѣ, удобрять его,—разсуждаетъ каждый,—если на слѣдующій годъ онъ перейдетъ къ другому“? Земля отъ такого веденія дѣла истощается, отказывается вознаграждать трудъ и часто не возвращаетъ даже сѣмянъ. Разъяснить крестьянамъ весь вредъ такого веденія хозяйства и могъ бы священникъ. Рѣшаются такія дѣла на сходахъ, на которыхъ, по существующему положенію о крестьянахъ, священникъ не можетъ участвовать; но это вовсе не исключаетъ для него возможности вліять на крестьянъ въ благотворномъ смыслѣ. Священникъ всегда можетъ знать напередъ, какой вопросъ будутъ обсуждать на сходѣ; путемъ частныхъ бесѣдъ съ крестьянами онъ и можетъ вліять на тѣ или другія рѣшенія схода. Мы знаемъ село, гдѣ, благодаря вліянію священника и сельскаго учителя, земля, дѣлившаяся каждый годъ, стала дѣлиться крестьянами на 6 лѣтъ; теперь и сами крестьяне сознали удобство такого веденія дѣла.

Земля наша не только истощается, но, какъ показываютъ отчеты Министерства Земледѣлія, часто сокращается въ площади. Образование овраговъ и сыпучихъ песковъ у насъ является настоящимъ народнымъ бѣдствіемъ: пески заносятъ десятки тысячъ десятинъ земли. Но если пески у насъ не вездѣ есть, зато овраги—повсемѣстное зло. Стоитъ завестись одному оврагу на полѣ, и часто цѣлая площадь земли можетъ быть испорчена. Вешними водами, проливными дождями

овраги все больше увеличиваются: образуются провалы, сокращается площадь земли, и иной хозяинъ и не подозреваетъ, что это зло во-время можно было прекратить. Священникъ, хотя нѣсколько знакомый съ этимъ бѣдствіемъ, могъ бы указать крестьянамъ, какъ бороться съ этимъ зломъ. Съ оврагами можно бороться, нужно только захватить зло во время,— не давать имъ увеличиваться, засыпать и уравнивать ихъ.

Земля требуетъ ухода. Давая хозяину обильный урожай, отдавая ему свои соки, она, съ своей стороны, требуетъ отъдыха, требуетъ и того, чтобы расходы производительной энергіи ея были возмѣщены путемъ удобренія. Тамъ, гдѣ хозяйство ведется широко и прочно, употребляются для удобренія дорого стоящія неорганическія вещества; за границей искусственное удобреніе приобрѣло самое широкое распространеніе. Не то совсѣмъ у насъ, на святой Руси. Удобреніе, особенно въ плодородныхъ южныхъ губерніяхъ, совсѣмъ почти не примѣняется; въ мѣстностяхъ, гдѣ есть сахарные заводы, крестьяне продаютъ навозъ на свекловичныя плантаціи съ своей доставкой по 1 коп. съ пуда, не понимая того, какой подрывъ они дѣлаютъ своимъ полямъ. За грошовый заработокъ въ жертву приносится цѣлый урожай. Священникъ всячески долженъ противодействовать такой эксплуатаціи—и прежде всего своимъ личнымъ примѣромъ. Если крестьяне не заботятся о своихъ поляхъ, то священникъ долженъ удвоить заботы о своей нивѣ. Состояніе хозяйства „батюшки“ у всѣхъ крестьянъ на виду, всѣ интересуются имъ, каждый знаетъ, какой у него урожай. Пусть одинъ, другой разъ увидятъ крестьяне хорошую жатву у священника, и сами они возьмутся за умъ. Рядомъ съ этимъ можно потолковать съ крестьянами о пользѣ удобренія, прочесть вмѣстѣ съ ними одну, другую статейку объ этомъ изъ какого-нибудь сельско-хозяйственнаго журнала: такихъ журналовъ у насъ есть не мало и стоятъ они не дорого; выписываются они въ народныя читальни, и если мало еще привились въ деревнѣ, то потому, что крестьянинъ не привыкъ пока къ книгѣ. Здѣсь вспоми-

нается намъ одинъ въ высшей степени симпатичный старичокъ-священникъ.—„Вотъ бѣда,—говорилъ онъ:—завели читальню въ нашемъ селѣ, а читать никто не хочетъ, особенно хозяйственныхъ книгъ. Соберемся вмѣстѣ, почитаю имъ,—ничего, слушаютъ; а безъ этого цѣлый годъ *Сельскій Вѣстникъ* останется не разрѣзаннымъ“.

Для земледѣлія нуженъ тяжелый, упорный трудъ: только потому облитая земля возвращаетъ человѣку его затраты обильнымъ урожаемъ. Крестьяне наши работаютъ много, но въ природѣ русскаго человѣка есть и много лѣни, много халатности; русскій человѣкъ часто живетъ на „авось“: вспахалъ кое-какъ землю, бросилъ въ нее зерно,—авось уродитъ. Священникъ не только долженъ призывать своихъ прихожанъ къ труду, но и самъ долженъ подавать имъ примѣръ труда. Трудъ земледѣльца никогда не унижить священника, какъ это многіе склонны думать; напротивъ, трудъ этотъ возвышаетъ, облагораживаетъ человѣка, такъ какъ ставитъ его въ непосредственное отношеніе къ природѣ,—а природа—великая учительница. На почвѣ сельско-хозяйственныхъ занятій для священника открывается возможность самаго широкаго вліянія на крестьянъ: оно открываетъ ему возможность узнать поближе жизнь и быть крестьянъ, возможность сблизиться съ ними: ничто такъ не сближаетъ людей, какъ одно общее занятіе, общій трудъ. И литература и жизнь давно уже отиѣтили симпатичный типъ стараго добраго времени пастыря-пахаря. Къ сожалѣнію, типъ этотъ въ настоящее время встрѣчается все рѣже и рѣже; молодые священники неохотно занимаются хозяйствомъ и обыкновенно отдаютъ свою землю внаймы. Виноваты въ этомъ отчасти и усложнившіяся обязанности священнослужителей: обширная казенная переписка, занятія въ школѣ—очень часто не въ одной даже, а въ двухъ; для хозяйства остается очень мало времени, а между тѣмъ сельскій трудъ благотворно дѣйствуетъ на душу труженика, увеличиваетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и его достатокъ.

Для хозяйства необходимъ, какъ мы выше сказали, инвентарь: безъ сохи, безъ лошади какое возможно хозяйство?— И эта сторона въ нашемъ крестьянствѣ поставлена часто очень плохо. Во многихъ мѣстахъ пахота земли и до сихъ поръ производится тѣмъ орудіемъ, какимъ орудовалъ еще богатырь Микула Селяниновичъ,—сохой. По мѣстамъ употребляются плуги, но очень неудобные, тяжелые и не глубоко взрывающіе землю. Распространять въ народѣ болѣе удобныя орудія могъ бы священникъ; въ этомъ ему всегда охотно поможетъ земство, гдѣ оно есть. Такъ, мы знаемъ село, гдѣ, по примѣру священника, почти всѣ прихожане выписали усовершенствованные плуги и теперь не нахвалятся ими. Въ другомъ селѣ мы видѣли и болѣе серьезную попытку священника облегчить крестьянскій трудъ, окончившуюся, впрочемъ, довольно неудачно. Въ селѣ Д., Харьковской губ., крестьяне берутъ молотилку у помѣщика и выплачиваютъ ему за это каждый годъ довольно большую сумму. Мѣстный священникъ внушилъ было крестьянамъ мысль самимъ приобрести молотилку, но разногласія и споры помѣшали доброму начинанію.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Праздникъ Богоявленія Господня на рѣкѣ Иорданѣ.

Святки проходятъ скучно и монотонно для русскаго паломника, привыкшаго у себя на родинѣ проводить ихъ и весело и даже разгульно. На протяженіи цѣлыхъ почти двухъ недѣль, послѣ торжествъ въ Виелеемѣ, нѣтъ праздниковъ, за исключеніемъ Новаго года, когда на святыхъ мѣстахъ совершаются торжественныя патріаршія служенія, доставляющія и развлеченіе и единственное утѣшеніе нашему паломнику. Благодаря непрерывнымъ дождямъ, а отсюда и невылазной іерусалимской грязи паломники наши волею-не-волею вынуждены

сидѣть въ душныхъ и скученныхъ русскихъ постройкахъ. Но послѣ новаго года на нашихъ постройкахъ замѣчается уже нѣкоторое оживленіе: паломники начинаютъ мало-по-малу приготовляться къ путешествію на Іорданъ къ предстоящему празднику Богоявленія, запасая все, что необходимо имъ для достоюдолжнаго выполненія этого паломническаго подвига.

Четвертаго января выѣзжаетъ изъ Іерусалима на Іорданъ съ своею походною церковью престарѣлый іорданскій митрополитъ Елифаній, единственный разъ въ году бывающій въ предѣлахъ своей мнимой епархіи въ праздникъ Богоявленія. Его сопровождаютъ въ этомъ путешествіи въ достаточномъ количествѣ патріаршіе клирики. По дорогѣ къ Іерихону въ это время тнутся на ослахъ и лошадахъ, навьюченныхъ багажемъ, торговцы съѣстными припасами и разнаго рода сластями, нарочито выѣзжающіе изъ Іерусалима. Утромъ рано того же числа большой караванъ поклонниковъ, выразившихъ нашему консульству о своемъ желаніи быть въ праздникъ Богоявленія на Іорданѣ заранѣе, сопровождаемый кавасами консульства, арабами, служащими на нашихъ постройкахъ, мѣстными шейхами на коняхъ, съ ружьями и копьями за плечами, выступаетъ изъ Іерусалима съ нашихъ русскихъ построекъ съ пѣніемъ духовныхъ пѣснопѣній. Съ паломниками отправляется, въ качествѣ начальника каравана, кто либо изъ чиновниковъ нашего консульства.

Весь день съ четвертаго на пятое января караванъ русскихъ богомольцевъ находится въ дорогѣ, медленно двигаясь по стремнистымъ извилистымъ тропинкамъ, съ частыми остановками для отдыха въ гостинницѣ, напр., милосердаго самарянина и въ другихъ пунктахъ, иногда имѣющихъ навѣсь и дворъ, а иногда на чистомъ полѣ. Вечеромъ поздно караванъ нашъ вступаетъ въ арабскую деревушку на мѣстѣ древняго Іерихона и истомленный отъ тяжелаго пути, послѣ чаепитія и сухой закуски, располагается на отдыхъ въ гостепріимномъ русскомъ пріютѣ, сооруженномъ здѣсь стараніями приснопамятнаго начальника русской духовной миссіи въ Іерусалимѣ,

архимандрита Антонина (Капустина) на щедрыя русскія пожертвованія.

Утромъ слѣдующаго дня, въ канунъ праздника Богоявленія, русскій караванъ покидаетъ пріютъ о. Антонина въ Іерихонѣ и въ прежнемъ составѣ направляется къ мѣсту крещенія Спасителя, отстоящему отсюда не менѣе двухъ часовъ пути, по ровной приорданской долинѣ, въ которой весна царитъ въ это время во всей своей чарующей прелести. Подойдя къ Іордану, нашъ караванъ находитъ близъ берега уже разбитую походную палатку-церковь и нѣсколько другихъ палатокъ для митрополита, духовенства, почетныхъ гостей и пріѣзжихъ купцовъ. Царитъ повсюду оживленіе, мало напоминающее сочельникъ и день поста. Въ палаткахъ и на открытомъ воздухѣ повсюду кипятъ мѣдные кувшинчики, и ароматъ только что свареннаго кофе слышенъ въ воздухѣ. Въ нѣкоторыхъ палаткахъ пьютъ ракі (мѣстная водка), закусываютъ сладостями и ѣдятъ жареную рыбу. Съ приходомъ русскаго каравана оживленіе еще болѣе дѣлается замѣтнымъ. Кавасы и арабы, сопровождавшіе караванъ, разставляютъ палатку для начальника каравана, который любезно приглашаетъ подъ ея кровъ и почетныхъ гостей изъ интеллигенціи. Простые богомольцы, разсыпавшись по берегу Іордана, тамъ и здѣсь образуютъ живописныя группы, отдыхая прямо на травѣ.

Видъ рѣки Іордана, несущей быстро мутныя волны въ неподвижное Мертвое море, въ это время года очарователенъ. Берега его, покрытые въ изобиліи олеандровымъ тростникомъ, окаймлены какъ бы лентою желтыхъ и голубыхъ цвѣтовъ. Зрѣлище поразительное для непривычнаго глаза сѣверянина, видящаго олеандры въ банкахъ и при томъ только розоваго цвѣта, особенно если онъ отъ этой чарующей прелести весны перенесется мысленно къ себѣ на родину, гдѣ стоятъ трескучіе морозы, все покрыто бѣло-снѣжнымъ саваномъ и оковано крѣпкимъ льдомъ...

Мѣсто крещенія Господня (Марк. I, 4; Іоанн. I, 28) съ точностію нынѣ неизвѣстно. Но преданіе, идущее изъ древ-

ности, указываетъ это мѣсто вблизи монастыря св. Іоанна Предтечи, стоящаго недалеко отъ рѣки Іордана, не болѣе получаса ходьбы. Въ этомъ мѣстѣ рѣка Іорданъ дѣлаетъ довольно значительный изгибъ, нѣсколько замедляющій быстрое теченіе ея, и имѣетъ берегъ съ нѣкоторымъ возвышеніемъ, удобнымъ для спуска желающимъ омыться въ прохладныхъ струяхъ священной рѣки. Мѣсто это называется иногда *Вивавара* или мѣсто переправы, такъ какъ здѣсь удобно переходить рѣку Іорданъ въ бродъ. Здѣсь на самомъ глубокомъ мѣстѣ воды въ рѣкѣ не болѣе, какъ по поясъ взрослому мужчине. Впрочемъ, не во всякое время года и не всякому изъ путешественниковъ попытки переходить эту быстротечную рѣку проходятъ безнаказанно. Во время неожиданныхъ и довольно частыхъ разливовъ рѣки, при неумѣнн держаться подъ напоромъ бьющихся съ ногъ быстрыхъ ея теченій и возможности попасть на мѣсто глубокое или, по крайней мѣрѣ, такое, гдѣ вода достигаетъ по шею, пускающійся вбродъ или вылавъ черезъ эту рѣку, подвергается большому риску и даже опасности утонуть. Нѣсколько отважныхъ и опытныхъ пловцовъ заплатились уже за свою смѣлость и нашли себѣ могилу въ бурныхъ волнахъ священной рѣки, о чемъ краснорѣчиво говорятъ безмолвные памятники, поставленные здѣсь, и сдѣланныя на нихъ, въ предупрежденіе посѣтителей Іордана нашихъ дней, приличныя эпитафіи. Одна изъ подобныхъ надписей имѣется даже въ саду нашего пріюта въ Іерихонѣ. Неудивительно поэтому, что наши кавасы, сопровождающіе паломническіе караваны на Іорданъ, обязуются зорко наблюдать за паломниками и предупреждать ихъ о возможныхъ опасностяхъ при купаніяхъ въ этой рѣкѣ...

Часовъ въ 9 утра, въ присутствіи митрополита іорданскаго, совершены были сначала часы патріарха Софронія, а потомъ непосредственно за ними и литургія съ водоосвященіемъ. Послѣ литургіи съ вечернею, испивши іорданской священной воды, наши паломники разбрелись въ разныя стороны: одни отправились къ берегу Мертваго моря и въ монастырь

св. Герасима, другіе ходили по берегу Іордана съ цѣлю вырѣзать себѣ изъ мѣстнаго тростника „на память“ о Іорданѣ посошки, или рѣзали камышъ, собирали по берегу рѣки голыши, рвали цвѣты и вообще наслаждались природою, а третьи, какъ люди, уже не впервые являющіеся на Іорданъ, въ виду предстоящей ночной службы и обратнаго утомительнаго возвращенія въ Іерусалимъ, подкрѣпившись „чайкомъ“, согрѣтымъ на сухомъ тростникѣ въ жестяномъ чайникѣ, на лужайкахъ покоились мирнымъ сномъ. Поклонники изъ грековъ и другихъ національностей проводили время веселѣе. Не обращая вниманіе на постное время и канунъ великаго праздника, они попивали ракі, коньякъ, ликеры, кофе, курили кальянъ, и угощались по праздничному, ведя между собою оживленныя бесѣды, прерываемыя нерѣдко шумомъ и веселымъ смѣхомъ... Когда наступили сумерки, то стали зажигать въ разныхъ мѣстахъ изъ сухого тростника костры. Шумъ оживленныхъ разговоровъ и нескромный смѣхъ часто оглашали воздухъ. Послышались гдѣ-то звуки веселой пѣсни подъ аккомпаниментъ мѣстной балалайки. Эти посѣтители Богоявленскаго праздника и рѣки Іордана веселились и не прекращали своего игриваго времяпрепровожденія даже и тогда, когда раздался скромный призывъ къ ночному праздничному богослуженію...

Въ 10 часовъ вечера въ церкви-палаткѣ началась богоявленская утрения, совершавшаяся митрополитомъ іорданскимъ съ клириками греческой національности и нѣкоторыми русскими священниками, находившимися на лицо въ средѣ паломниковъ. Такъ какъ палатка едва вмѣщала подъ своею сѣнью духовенство и нѣкоторыхъ почетныхъ богомольцевъ, то всѣ простые паломники стояли на открытомъ воздухѣ, окружая плотными массами церковь-палатку. Богослуженіе утреннее совершалось, по обычному чину, на греческомъ языкѣ, а поэтому естественно скоро стало прискучивать своимъ однообразіемъ и монотонностію.... Многіе изъ богомольцевъ отходили отъ палатки-церкви и бродили среди палатокъ, въ которыхъ христіане восточной національности проводили время по

прежнему оживленно и шумно... Только паломники, пожелавшіе причаститься св. Таинъ за этою литургіею, плотную вереницею тянулись къ митрополиту іорданскому, который, въ свободное время отъ участія въ богослуженіи, сидя на крестѣ, принималъ на исповѣдь желающихъ.

Къ полночи, по мѣрѣ окончанія утренняго богослуженія и приближенія начала литургіи, многочисленные богомольцы, явившіеся на Іорданъ, сдѣлались сосредоточеннѣе и молчаливѣе: наступалъ торжественный моментъ этой великой ночи, ради котораго шелъ каждый на священную рѣку. Замолкли даже оживленные разговоры и смѣхъ по палаткамъ... Русскіе паломники составили изъ себя хоръ и пѣли большую часть литургіи по-славянски. На этомъ-же языкѣ діаконъ-грекъ прочелъ апостоль, а русскій священникъ—праздничное евангеліе. Множество причастниковъ нѣсколько затянули литургію. Послѣ заамвонной молитвы торжественная духовная процессія, около двухъ часовъ ночи, изъ храма-палатки съ крестомъ, евангеліемъ, иконами и со свѣчами направилась къ берегу Іордана, который въ это время представлялъ новую картину, съ трудомъ поддающуюся описанію.

Наши русскіе паломники еще до окончанія литургіи стали мало-по-малу покидать храмъ-палатку и занимать удобныя мѣста въ рѣкѣ Іорданѣ, чтобы имѣть возможность погрузиться въ священныя струи ея и почерпнуть на память объ этомъ праздникѣ св. воды. Много усилій и хлопотъ съ этою большою толпою выпадаетъ въ это время на долю кавасовъ и арабовъ нашихъ русскихъ построекъ. Чтобы оградить въ Іорданѣ мѣста, глубокія и опасныя по быстрому теченію, арабы обыкновенно образуютъ въ водѣ живую цѣпь, имѣя для сего канатъ въ рукахъ. За линію этого каната выходитъ богомольцамъ строго возбраняется. Когда церковная процессія приблизилась къ мосткамъ, которые устроены для удобства погруженія креста въ струяхъ Іордана, вся рѣка была переполнена уже мужчинами и женщинами *въ бѣлыхъ смертныхъ сорочкахъ*, которыя нарочито ими для этого случая заготовля-

ются, съ возженными свѣтильниками въ рукахъ. Среди мрака теплой ночи вся эта картина разнообразныхъ лицъ, освѣщенныхъ колеблющимся свѣтомъ ярко пылающихъ свѣчъ, въ бѣлыхъ сорочкахъ, представляется поразительною для непривычнаго глаза наблюдателя. Всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ, съ глубокимъ благоговѣніемъ и сердечнымъ трепетомъ, стоя въ холодныхъ струяхъ ¹⁾ Иордана, прислушиваются къ чину богоявленскаго водоосвященія, ожидая момента погруженія креста, при радостномъ пѣніи: „Во Иорданѣ крещающуся Тебѣ, Господи“. Но, вотъ настала и этою съ томительнымъ нетерпѣніемъ ожидаемый моментъ крестопогруженія. Вся толпа дружно подхватываетъ пропѣтый духовенствомъ тропарь праздника, оглашая мощными звуками дивнаго пѣснопѣнія приіорданскую равнину, погруженную еще въ безмолвный мракъ ночи, и не дожидаясь троекратнаго погруженія креста въ водѣ, начинаетъ быстро погружаться въ священныя струи, пить ихъ пригоршнями и наполнять ими свои фляжки, бутылки, кувшинчики и проч., захватывая изъ подъ ногъ своихъ со дна рѣки на память и камешки. Говоръ и шумъ радостно и даже восторженно настроенной толпы, смѣшивающіеся съ окриками арабовъ и кавасовъ, предупреждающихъ богомольцевъ объ опасностяхъ и торопящихъ ихъ на берегъ, заглушаютъ звуки церковныхъ пѣснопѣній оканчиваемаго духовенствомъ чина водоосвященія.

Духовенство, наконецъ, направилось обратно съ берега рѣки въ церковь-палатку, чтобы закончить чинъ литургіи. Наши паломники мало-по-малу выходятъ на берегъ, снимаютъ свои бѣлыя смертныя сорочки, наполняютъ паломническія сумки реликвіями изъ рѣки Иордана и спѣшатъ не отставать отъ каравана, который, по условленной программѣ, сейчасъ же до разсвѣта долженъ покинуть берегъ священной рѣки. Но едва смолкли звуки церковныхъ пѣсней богоявлен-

¹⁾ Температура воды въ Иорданѣ въ это время не бываетъ ниже 10 градусовъ тепла, а иногда стоитъ и значительно выше этой цифры.

скаго водоосвященія, еще не улеглись вполне шумные восторги благоговѣнно настроенной толпы богомольцевъ, не охотно разстававшихся съ струями освященныхъ водъ, и не затихли понудительные окрики арабовъ и кавасовъ, торопившихъ замѣшкавшихся въ Иорданѣ купальщиковъ, какъ, къ изумленію всѣхъ богомольцевъ, рѣка Иорданъ быстро начала переполняться мутными волнами холодныхъ струй, которыя, выходя изъ береговъ, быстро затопляли прилегающую къ нимъ равнину. Чувство благоговѣйнаго изумленія, вызванное навѣянными разсказами о ежегодно будто бы повторяющемся въ ночь на Богоявленіе чудесномъ переполненіи рѣки Иордана, въ воспоминаніе о крещеніи Господа, смѣнилось у благочестивыхъ паломниковъ опасеніемъ, чтобы разливающаяся вода не затопила и церкви-палатки... Быстро поэтому оканчивалось богослуженіе въ этомъ походномъ храмѣ, и клирики спѣшно укладывали его принадлежности въ сундуки и мѣшки для отправки въ Иерусалимъ обратно для храненія до слѣдующаго года... Суета и оживленіе царили повсюду на приорданской равнинѣ: всѣ укладывались торопливо и спѣшили въ общемъ караванѣ отправиться во свояси.

Караванъ русскихъ богомольцевъ, сопровождаемый кавасами и арабами, подъ надзоромъ консульскаго чиновника, направился съ Иордана прямо въ Иерусалимъ, не заходя для отдыха даже въ нашъ пріютъ въ Иерихонѣ, такъ какъ торопились вечеромъ прибыть въ Иерусалимъ. Сравнительно лишь небольшая кучка богомольцевъ осталась въ русскомъ пріютѣ съ тѣмъ, чтобы, отдохнувъ отъ утомленія бессонной ночи, восьмого января праздновать соборъ святого славнаго пророка предтечи и крестителя Іоанна въ приорданскомъ монастырѣ его имени, возстановленномъ на мѣстѣ древнихъ руинъ стараніями блаженнѣйшаго патріарха Никодима I, а на слѣдующій день, посѣтивъ Сороковую гору или гору соблазна, на которой, по преданію, постился сорокъ дней и сорокъ ночей Господь нашъ Іисусъ Христосъ, отпраздновать память преподобнаго отца нашего Георгія Хозевита въ древнемъ монастырѣ

его имени, находящемся на пути въ Іерусалимъ, въ ущельяхъ горъ, близъ Еномскаго потока. Эти паломники возвращаются въ Іерусалимъ уже съ проводниками изъ людей „хожалыхъ“ и „бывалыхъ“.

А. Дмитріевскій.

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Д. Семинаріи, Архимандритъ Θεодості.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 27 декабря 1901 г.

Цензоръ, экстра-орд. проф. Акад. прот. *І. Боролюковъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLIII.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 2.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1902 года, января 8-го.

Содержаніе: Современная жизнь русскаго народа и православное русское духовенство. — О просфорахъ на литургіи. — Чѣмъ можетъ сельскій пастырь содѣйствовать улучшенію матеріальнаго благосостоянія крестьянъ. — Къ вопросу о матеріальномъ обезпеченіи духовенства.

Современная жизнь русскаго народа и православное русское духовенство.

Вопросъ о томъ, достаточно ли образованно православное русское духовенство для удовлетворенія требованій, предъявляемыхъ ему пастырскими его обязанностями и современною жизнію русскаго народа, самъ собою является у всякаго, внимательно прислушивающагося къ современнымъ запросамъ жизни нашего народа. Во всѣхъ классахъ его идетъ непрестанная, — то скрытая, то явная, — работа мысли, требующая своевременнаго и положительнаго удовлетворенія. Практическая дѣятельность народа тоже ищетъ постоянной и твердой поддержки и авторитетныхъ указаній. Среди всеобщаго умственнаго и религіозно-правственнаго броженія, когда, съ

одной стороны, оказались серьезно потрясенными прежние идеалы жизни и деятельности, вѣра въ могущество науки создать счастье человѣка, а, съ другой,—нѣтъ еще точно установленнхся новыхъ основъ жизни, новыхъ и болѣе отвѣчающихъ духовнымъ потребностямъ человѣка началъ деятельности, среди такого броженія взоры многихъ дѣятелей все чаще и чаще обращаются къ духовенству и отъ него ждуть отвѣтовъ, по крайней мѣрѣ, хотя на главнѣйшіе запросы современной жизни. Одновременно съ этимъ—и отчасти вслѣдствіе этого—выступаетъ все яснѣе и яснѣе величіе, важность пастырскаго служенія вообще, даже безъ всякаго отношенія къ современнымъ тревоженіямъ жизни. Задачи этого служенія, сравнительно съ другими видами человѣческой деятельности, уже и свѣтскими людьми начинаютъ пониматься, какъ нѣчто высшее, даже, быть можетъ, почти недостижимое. Всякое общественное служеніе, всякая деятельность человѣка имѣетъ строго опредѣленную сферу и точныя границы, чѣмъ значительно они и угрожаются. Между тѣмъ, служеніе пастырское обнимаетъ собою всѣ роды деятельности и по преимуществу ту деятельность, которая преслѣдуетъ цѣль, испоконъ вѣковъ считающуюся наименѣе осуществимою, именно—цѣль учебно-воспитательную и удовлетвореніе религіозныхъ потребностей людей. Въ виду всего этого, нужно признать вполне естественнымъ, что у нѣкоторыхъ является сомнѣніе, достаточно ли образованно и подготовлено православное духовенство, чтобы удовлетворить всѣмъ требованіямъ, предъявляемымъ ему современностью и вообще его пастырскими обязанностями.

Что же предъявляется въ настоящее время православному русскому духовенству такого, что могло бы вызвать подобное сомнѣніе?

Сущность пастырскаго служенія всегда была и есть одна и та же. Самое слово—„пастырь“ достаточно ясно характеризуетъ кругъ обязанностей принимающаго на себя это званіе. Основною изъ этихъ обязанностей нужно почитать ре-

религиозно-нравственное воспитаніе пасомыхъ посредствомъ совершенія св. Таинствъ и проповѣданія Слова Божія. Цѣлію этого воспитанія должно быть поставлено спасеніе людей въ будущей жизни и водвореніе правды Божіей въ жизни земной. Но, оставаясь по существу своему однимъ и тѣмъ же и потому требуя однихъ и тѣхъ же извѣстныхъ качествъ отъ пастыря, пастырское служеніе можетъ значительно видоизмѣняться какъ въ средствахъ выполненія, такъ и въ степени напряженія требуемыхъ отъ пастыря внутреннихъ качествъ. Въ обществѣ, проникнутомъ всецѣло любовію къ Богу, ближнимъ и Церкви, искренно и всегда ищущемъ благодатнаго обновленія, дѣятельность пастыря, естественно, будетъ направлена къ точному исполненію всего предписываемаго закономъ Божіимъ и установленіями церковными относительно порядковъ церковной жизни. Совершеніе Таинствъ, богослуженія, проповѣдь, имѣющая предметомъ своимъ не обличеніе, а указаніе прямыхъ путей и средствъ къ выполненію заповѣдей, ученіе дѣтей и взрослыхъ—вотъ что главнѣйшимъ образомъ будетъ характеризовать дѣятельность пастыря въ такомъ обществѣ. Очевидно, эта дѣятельность будетъ носить характеръ мирнаго, положительнаго и даже въ нѣкоторомъ отношеніи вспомошествоваемаго со стороны пасомыхъ служенія Богу и людямъ. Соотвѣтственно этому, и степень напряженности духовныхъ силъ пастыря будетъ не особенно велика; въ данныхъ условіяхъ дѣятельность пастыря сравнительно легка.

Иною она должна быть тамъ, гдѣ пасомые заражены разнаго рода пороками и сомнѣніями; гдѣ самая сущность религиозныхъ требованій или не понимается, или ложно толкуется, или, наконецъ, совершенно, принципиально отвергается. Иное напряженіе силъ должно быть у пастыря, если среда, въ которой ему приходится вращаться, по своему характеру будетъ крайне разнообразною, когда пасомые будутъ въ постоянномъ общеніи съ иновѣрцами, иноземцами, съ разнаго рода отщепенцами отъ Церкви. Всякому понятно, что

при такихъ условіяхъ мирный, спокойный характеръ пастырской дѣятельности будетъ постоянно нарушаться, и пастырю не разъ придется полемизировать съ врагами Церкви и избличать въ отступленіяхъ отъ ея предписаній. Въ этомъ случаѣ будетъ уже не достаточно пастырю обладать одними высокими нравственными качествами,—ему необходимо будетъ стоять на одномъ уровнѣ развитія (и даже выше) съ своими противниками и въ умственномъ отношеніи. Кромѣ того, нужны будутъ и другія качества, какъ внѣшнія, такъ и внутреннія.

Равнымъ образомъ, пастырское служеніе будетъ носить одинъ характеръ, если пасомые не отличаются образованіемъ, если среди нихъ живетъ еще много грубыхъ суевѣрій, унаслѣдованныхъ отъ временъ языческихъ, если ихъ общественная и экономическая жизнь не развита,—и другой, когда они уже вышли изъ этого первоначальнаго періода развитія, когда у нихъ существуетъ много самыхъ разнообразныхъ запросовъ и требованій умственныхъ и нравственныхъ.

Всѣ эти и подобныя имъ условія пастырскаго служенія, вытекающія не изъ сущности самаго служенія, а изъ обстоятельствъ жизни и дѣятельности пасомыхъ, и составляютъ то, что называется *задачами* даннаго времени. Кромѣ того, тотъ или другой строй общественной и государственной жизни, различныя реформы, въ свою очередь, ставятъ новыя задачи и требуютъ отъ всѣхъ общественныхъ дѣятелей извѣстнаго, опредѣленнаго отношенія къ нимъ. Въ особенности много подобныхъ задачъ выдвигается въ жизни народной на первый планъ тогда, когда происходитъ борьба между установившимися порядками жизни и взглядами общества, эти порядки поддерживавшими, и новыми, притомъ такими, къ которымъ раньше относились съ недовѣріемъ и даже пренебреженіемъ. Усложняются эти задачи иногда до крайности, если общественные слои народа неравномѣрно развиты, если одинъ классъ по умственному и нравственному развитію стоитъ или много выше, или много ниже другого. Усложненіе въ дан-

номъ случаѣ происходитъ, главнымъ образомъ, отъ того, что трудно бываетъ примирить, объединить желанія различныхъ слоевъ народа и избрать безусловно вѣрный путь для удовлетворенія насущныхъ потребностей государства: то, что является вполне пригоднымъ и достаточнымъ для одного класса народа, можетъ не удовлетворить другой и даже вызвать въ немъ ропоть. И пастырю Церкви не возможно стоять въ сторонѣ отъ всего этого.

Что же въ настоящее время предъявляется православному духовенству жизнію русскаго народа, какъ неотложныя задачи его дѣятельности?

Нельзя скрывать, что предъявляются нашему православному духовенству требованія въ высшей степени сложныя, и возлагаются на него задачи очень отвѣтственныя не только съ точки зрѣнія служенія пастырскаго, но и государственнаго. Прежде всего, самое пастырское служеніе православнаго русскаго духовенства поставлено въ условія, далеко не благопріятныя. Жизнь русскаго народа рѣзко раздѣляется на двѣ области, между собою едва-едва соприкасающіяся. Духовенству приходится дѣйствовать и среди интеллигенціи, среди образованнаго класса, и среди простого народа, который, какъ извѣстно, стоитъ на крайне низкой ступени умственнаго, религіозно-нравственнаго и экономическаго развитія, особенно въ разнаго рода захолустьяхъ. Потомъ, и сама жизнь простого народа не вездѣ одинакова. Не говоримъ уже о томъ, что подгородніе и фабричныя крестьяне далеко не то, что живущіе вдали отъ городовъ и фабрикъ,—есть у насъ не мало полуобрусѣвшихъ—мордвы, чувашъ, черемисъ и иныхъ народностей; есть у насъ бѣлоруссы, литвины, эсты,—и всѣ они отличаются извѣстными особенностями, весьма замѣтно отличающимися ихъ міровоззрѣніе, способности и образъ жизни. Жители сѣвера воспитывались въ теченіе многихъ вѣковъ въ однихъ условіяхъ, жители юга—въ другихъ; на востокѣ преобладаютъ одни понятія, на западѣ—другія. И наша интеллигенція также далеко не однообразна. Есть, конечно, у насъ

люди прекрасно образованные, но ихъ сравнительно весьма не много. Мало у насъ и лицъ съ университетскимъ образованіемъ, хотя и раздаются разглагольствованія о мнимомъ перепроизводствѣ молодежи съ высшимъ образованіемъ. Главная же масса нашей интеллигенціи составляется изъ лицъ съ гимназическимъ образованіемъ, далеко, при томъ, не всегда полнымъ. Въ ту же интеллигенцію попадаютъ, при нашей снисходительности и бѣдности въ ней, и обучавшіеся въ уѣздныхъ училищахъ—разный мелкій и средній чиновный людъ, сброе и пестрое купечество, иногда только-что вышедшее изъ крестьянъ, мѣщанство и вообще всѣ читающіе газету и болѣе или менѣе состоятельныя и вліятельныя въ обществѣ. Весь этотъ людъ, который на западѣ не былъ бы причисленъ къ интеллигенціи, у насъ пользуется всѣми правами ея и оказываетъ большое вліяніе на общественную, умственную и религіозно-правственную жизнь. Стоитъ только вспомнить, что большинство нашихъ чиновниковъ набирается изъ этого именно класса; въ особенности это нужно сказать объ уѣздномъ чиновничествѣ; даже теперешніе земскіе начальники въ весьма рѣдкихъ случаяхъ могутъ похвалиться высшимъ образованіемъ, а въ иныхъ случаяхъ—и полнымъ среднимъ.

Достаточно бѣлаго взгляда на подобный составъ пасомыхъ, чтобы понять, какое разнообразіе дарованій требуется отъ православнаго русскаго духовенства. Къ этому нужно прибавить, что иногда самыя вліятельныя по своему общественно-служебному положенію въ приходѣ лица принадлежатъ къ инославнымъ исповѣданіямъ. Все это до крайности осложняетъ пастырскую дѣятельность. Сельская паства требуетъ отъ священника самаго энергичнаго проявленія учительства—и притомъ въ самой элементарной формѣ, не менѣе энергичной борьбы съ грубостью нравовъ, съ разнообразными пороками, иногда доходящими до правственныхъ безобразій. Полуобразованная паства предъявляетъ свои требованія. Полуобразованный нашъ классъ, нахватавшійся, даже и не изъ книжекъ, разнаго рода ходячихъ либеральныхъ миѣній, боль-

ше всего направляетъ свою мысль на церковныя дѣла и религіозно-нравственные вопросы; онъ больше всего ищетъ общенія съ духовенствомъ и при этомъ не прочь принять даже нѣкоторый покровительственный тонъ. Въ этой средѣ дѣйствующему пастырю приходится всегда быть на-сторожѣ. Еще болѣе пастырь долженъ быть на-сторожѣ съ паствою образованною (съ гимназическимъ и высшимъ образованіемъ). Онъ обязанъ, по долгу своего призванія, оберегать въ своихъ пасомахъ чистоту вѣроученія и правоученія, церковную дисциплину, и весь установленный порядокъ церковной жизни. А кому не извѣстно, что современное образованіе, какъ одно-стороннее, всего болѣе враждебно и тому, и другому, и третьему? Такъ называемое положительное направленіе въ наукѣ сторонится всѣми мѣрами отъ всякихъ метафизическихъ вопро́совъ; матеріалистическое направленіе борется съ такъ называемою трансцендентальною нравственностью; умъ и воля, развитые и воспитанные на началахъ свободы и вѣры въ свои силы, не желаютъ признавать никакого авторитета. Знаніе образованными людьми ставится на первое мѣсто; умъ—выше сердца; непосредственная, для всѣхъ очевидная польза—прежде всего. Понятно, что при такихъ характеристическихъ чертахъ современнаго образованія—вѣра, Церковь, непогрѣшимый авторитетъ Церкви должны вызывать въ лучшемъ случаѣ одно недоумѣніе. Даже люди религіозные, т. е. открыто и въ душѣ не возстающіе противъ Бога и религіи, требуютъ ослабленія всего строя церковной жизни. Ихъ смущаетъ мнимая неподвижность Церкви: все будто бы совершенствуется, прогрессъ вездѣ виденъ, только Церковь стоитъ на одномъ мѣстѣ (конечно, при этомъ не принимается во вниманіе сущность предметовъ церковнаго вѣдѣнія). Трудность пастырскаго служенія въ этой средѣ усугубляется еще довольно пренебрежительнымъ отношеніемъ ея къ духовенству. Самые способы воздѣйствія пастырей на образованное общество должны быть иные. Поученія, виѣбогослужебное учительство необходимо здѣсь видоизмѣняются. Наши „обра-

зованные люди“, какъ извѣстно, не особенно часто посѣщаютъ богослуженіе и не особенно охотно и аккуратно прибѣгаютъ къ св. Таинствамъ; не всегда они приходятъ и на собесѣдованія церковныя. Нужно, значить, изыскивать пастырю особые способы, чтобы дойти до души пасомыхъ и управлять ею въ интересахъ вѣры и Церкви. А при такихъ обстоятельствахъ пастырямъ приходится прибѣгать къ усиленію своей общественной, научной и литературной дѣятельности.

Кромѣ необразованной, полуобразованной и образованной паствы, у современнаго православнаго русскаго духовенства есть еще паства, такъ сказать, не имѣющая опредѣленнаго мѣста, но весьма значительная и вліятельная: разумѣемъ текущую литературу. Сила и значеніе литературы во всѣхъ ея видахъ и формахъ внѣ всякаго сомнѣнія. Оставлять ее безъ всякаго вниманія нѣтъ никакой возможности. Расчитывать, что съ идеями ея пастырь встрѣтится въ средѣ своихъ пасомыхъ, и что тогда къ нимъ можно будетъ такъ или иначе отнестись,—расчитывать на это не всегда безопасно и основательно. Православному русскому духовенству нужно весьма внимательно слѣдить за литературой, такъ какъ разнаго рода идеи распространяются очень быстро и проникаютъ нерѣдко туда, гдѣ онѣ наименѣе всего, казалось бы, должны быть. Одновременно съ ознакомленіемъ съ состояніемъ общественной мысли въ каждый данный моментъ духовенству необходимо вступать въ борьбу съ такимъ или инымъ общественнымъ настроеніемъ; необходимо, такимъ образомъ, прибѣгать все чаще и чаще къ перу и борьбѣ на литературномъ поприщѣ. Но особенно осложняютъ и затрудняютъ пастырское служеніе тѣ отрицательныя и крайне нежелательныя жизненныя явленія, которыми характеризуется современное религіозно-нравственное состояніе нашего общества во всѣхъ слояхъ его.

М. Гн.

(Продолженіе слѣдуетъ).

О просфорахъ на литургіи.

(пятипросфоріе).

Первое древнѣйшее свидѣтельство о пятипросфоріи С. Д. Муретовъ склоненъ видѣть въ двухъ, стоящихъ рядомъ и какъ-бы восполняющихъ другъ друга, правилахъ константинопольскаго патріарха Николая Грамматика (1084—1111) объ употребленіи въ пищу освященныхъ просфоръ. „Сказавъ, что возвышаемую просфору (τῆν ὀψωθεῖσσαν προσφοράν, т. е. агничную) никто не долженъ употреблять въ пищу, кромѣ постниковъ, которые вкушаютъ ее съ благоговѣніемъ и многой молитвой,—названный патріархъ“,—разсуждаетъ С. Д. Муретовъ,—„въ слѣдующемъ канонѣ опредѣляетъ: „кто же будетъ вкушать *одну только знаменованную въ честь Всесвятой Богородицы и Приснодѣвы Маріи просфору*, отдѣльно отъ вѣрующихъ, то не смѣшивая съ мясомъ, молокомъ, сыромъ и яйцами; остальные же, а также и самыя проскомисованныя—до шести дней не должно употреблять въ пищу животного или кого нибудь; іерей долженъ различать просфоры (принесенныя) за *святыхъ, живыхъ и умершихъ*,—и да предлагаетъ святые дары сообразно съ народомъ“ (т. е. съ количествомъ народа). Такимъ образомъ“, заключаетъ С. Д. Муретовъ, „въ приведенныхъ правилахъ находимъ указаніе на просфоры—агничную (первая), богородичную (вторая), за святыхъ (третья), живыхъ (четвертая) и умершихъ (пятая) людей“¹⁾. Если бы для выясненія и подтвержденія правилъ патріарха Николая можно было указать хоть одинъ памятникъ богослуженія того времени съ опредѣленнымъ числомъ пяти просфоръ, то эти правила были бы важны не только какъ весьма древнее свидѣтельство о пятипросфоріи, но и какъ церковный законъ,

¹⁾ См. Братское Слово за 1896 г. № 7. Къ свидѣтельствамъ о числѣ просфоръ на проскомидіи въ греческой Церкви. С. Д. Муретова. Стр. 497—499.

обязательный, по крайней мѣрѣ, въ церквахъ константинопольскаго патріархата, которымъ управлялъ патріархъ Николай. Однако, такого древняго памятника пятипросфорія въ наукѣ нѣтъ, а *сами по себѣ* правила патр. Николая не доказываютъ мысли С. Д. Муретова. Въ своихъ правилахъ патр. Николай опредѣленно не предписываетъ, что на литургіи должно быть непременно *пять* просфоръ; онъ только указываетъ пять категорій или разрядовъ просфоръ, которые въ его время различались въ церковномъ употребленіи, и своимъ авторитетнымъ голосомъ утверждаетъ смыслъ такого различія между просфорами. Есть агничная просфора, говоритъ патр. Николай, есть просфора богородичная и есть *просфоры*: въ честь святыхъ, о здравіи несовершенныхъ членовъ Церкви и объ ихъ упокоеніи по смерти. Сколько-же всѣхъ просфоръ употреблялось на проскомидіи? на этотъ вопросъ разбираемыя правила прямо не отвѣчаютъ. Понятно, конечно, то, что агничная просфора была безусловно необходима на каждой литургіи, и для Агнца приносилась *одна* просфора¹⁾; но были-ли безусловно необходимы на каждой литургіи остальные просфоры: въ честь Божіей Матери, въ честь святыхъ и за несовершенныхъ? Выше мы видѣли уже, что названныя просфоры въ древности не всегда употреблялись... Понятно, далѣе, что въ томъ случаѣ, когда употреблялись эти просфоры, то, какъ указываетъ и патр. Николай, въ честь Божіей Матери приносили *одну* просфору; но слѣдуетъ-ли отсюда, что и въ честь прочихъ святыхъ, и за живыхъ, и за умершихъ, приносили также по *одной* просфорѣ? Правда, иногда такъ бывало, а иногда бывало и не такъ. По илитарію Патмосской библ. XIII в. № 719, напр., всѣ просфоры, кромѣ агничной, кото-

¹⁾ Правда, въ XII—XIV вв. на проскомидіи уготовляли иногда два и даже три агнца,—это практиковалось только въ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ. См. объ этомъ у Одинцова—Порядокъ общ. и частн. Богослуженія... стр. 119 и у Муретова—Историческій обзоръ чинослѣдованія проскомидіи до „устава литургіи“ константинопольскаго патріарха Филовея. М. 1895 г., стр. 241—242.

рыхъ могло быть *много*,—возносятся въ честь святыхъ. А, съ другой стороны, по типиконамъ императрицы Ирины и императора Алексѣя Комнена для поминовенія несовершеннолетнихъ членовъ Церкви, за здравіе и за упокой, полагаются не двѣ просфоры, но гораздо больше... Какъ-же, послѣ этого, можно видѣть въ правилахъ патр. Николая указаніе на опредѣленное число просфоръ?

Наконецъ, руководясь правилами патр. Николая, нельзя разъяснить себѣ и еще недоумѣнія: всѣ-ли, указываемыя правилами, просфоры *вмѣстѣ* употреблялись на каждой литургіи, или иногда однѣ, а въ другой разъ другія. Есть, вѣдь, служебники, въ которыхъ просфоры положены въ честь только святыхъ, и есть служебники, въ которыхъ просфоры назначены за однихъ несовершеннолетнихъ членовъ Церкви. Въ практикѣ древней Церкви не требовалось *непремѣннаго соединенія* тѣхъ и другихъ просфоръ на одной литургіи; соединеніе могло *быть*, но могло и *не быть*, и правила патр. Николая не отвѣчаютъ на вопросы, въ какихъ случаяхъ практиковалось соединеніе просфоръ и какимъ ихъ числомъ оно выражалось.

Какъ видно, правила патр. Николая не говорятъ о предметѣ ясно и опредѣленно и потому не могутъ служить надежнымъ основаніемъ для сужденія о томъ или другомъ числѣ просфоръ¹⁾. Но, не смотря на это, разсматриваемыя правила имѣютъ для насъ значеніе въ томъ отношеніи, что являются

¹⁾ Здѣсь уместно отмѣтить еще одинъ древній памятникъ, славянскій служебникъ С.-Петербургской дух. Академіи № 518 XIII вѣка (С. Д. Муретовъ относитъ его даже къ XII вѣку), въ каковомъ служебникѣ Н. О. Одинцовъ видитъ указаніе на пятипросфоріе (см. „Порядокъ общественнаго и частнаго Богослуженія въ древней Россіи до XVI в. Спб., 1881 г., стр. 95). Но ближайшее знакомство съ служебникомъ обнаруживаетъ, что чинъ проскомидіи въ той ея части, которая интересна для насъ, изложенъ настолько смутно и неясно, что лучше совсѣмъ оставить въ сторонѣ этотъ служебникъ. Извлеченія изъ служебника сдѣланы С. Д. Муретовымъ въ брошюрѣ: „Послѣдованія проскомидіи, великаго входа и причащенія въ славяно-русскихъ служебникахъ XII—XIV вв.“ Москва, 1897 г., стр. 7—8.

Безспорнымъ свидѣтельствомъ факта, что въ концѣ XI или въ началѣ XII вѣка была ясно выражена давно, быть можетъ, уже сознанныя мысль о необходимости дать свое особое назначеніе каждой изъ проскомидійныхъ просфоръ и всѣ ихъ раздѣлить, согласно назначенію, на пять категорій или разрядовъ. На почвѣ этого церковнаго сознанія, какъ лучшая форма его выраженія, надо думать, и явилось употребляемое нынѣ въ Православной Церкви пятипросфоріе, соединяющее въ себѣ просфоры всѣхъ разрядовъ, указанныхъ патр. Николаемъ. Только наше пятипросфоріе явилось и утвердилось въ Церкви не сразу, не одновременно съ правилами патр. Николая, но нѣсколько позднѣе ихъ...

Извѣстный русскій канонистъ, покойный проф. А. С. Павловъ, при рѣшеніи вопроса о времени появленія въ Православной Церкви пятипросфорія, не пользуясь выше приведенными правилами патр. Николая, обращаетъ вниманіе на издаваемое имъ въ первый разъ наставленіе патр. Николая священнику о томъ, какъ совершать проскомидію. Вотъ это интересное наставленіе, въ переводѣ проф. Павлова.

„Того-же Николая, патріарха Константинопольскаго, о томъ, какъ долженъ священникъ совершать проскомидію.— Первая просфора есть Господня: приносящій долженъ творить копіемъ крестъ сверху просфоры, говоря стихъ; потомъ водружать копіе и вынимать часть четверугольную или закругленную и говорить сіи елова: „жрется Агнецъ Божій, возмлей грѣхъ міра“.—Просфора вторая: когда іерей водрузитъ копіе, долженъ изъять (изъ нея) малую частицу и говорить: „Прими, Господи, жертву сію предстательствомъ преславныя Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Маріи, во очищеніе, имярекъ, принесшаго“.—На третьей просфорѣ: „прими, Господи, жертву сію предстательствомъ святыхъ и небесныхъ силъ Михаила, Гавріила и прочихъ чиновъ, во очищеніе, имярекъ принесшаго“.—На четвертой просфорѣ: „прими, Господи, жертву сію предстательствомъ честнаго Предтечи, святыхъ и всехвальныхъ Апостолъ, святыхъ Пророковъ, святыхъ іерар-

ховъ, святаго, имярекъ, его же и память совершаемъ и всѣхъ святыхъ, во очищеніе, имярекъ, принесшаго“. Если же имѣеть и другія просфоры, то долженъ говорить на каждой, поминая живыхъ: „пріими, Господи, жертву сію во очищеніе, имярекъ, принесшаго“, а поминая скончавшихся: „пріими, Господи, жертву сію во очищеніе, имярекъ, скончавшагося“¹⁾. Изъ этого наставленія патр. Николая открывається, что патріархъ, хотя и допускалъ употребленіе на проскомидіи *многопросфорія*, широко, какъ видно, распространившася послѣ введенія въ церковную практику другихъ просфоръ вмѣстѣ съ агничною, но, по выраженію проф. Павлова, „нормальнымъ и какъ бы необходимымъ“ числомъ просфоръ патріархъ считалъ только *четыре*, изъ которыхъ *три* указывалъ возносить въ честь совершенныхъ членовъ Церкви, поминая тутъ-же и лицъ, принесшихъ просфоры.

Едва ли можно думать, что наставленіе патріарха получило большую распространенность даже въ предѣлахъ константинопольскаго патріархата и повліяло сильно на церковную практику. Современный патріарху Николаю патріаршіи хартофилаксъ Петръ въ своемъ утвердительномъ отвѣтѣ на вопросъ: можно-ли совершать литургію на одной просфорѣ, указываетъ, между прочимъ, случаи, когда кромѣ одной, агничной просфоры бывають потребны и другія просфоры. Именно, особая просфора нужна бываетъ при совершеніи памяти *святаго*; особая же просфора необходима въ случаѣ поминаенія *усопшаго*. Кромѣ этихъ *трехъ* просфоръ, и притомъ не безусловно необходимыхъ для всякой литургіи, хартофилаксъ Петръ другихъ не перечисляетъ. Такимъ образомъ, во взглядахъ обоихъ современниковъ, церковныхъ законовѣдовъ,—патріарха Николая и патріаршаго хартофилакса Петра,—существенная разница. Однако, если взгляды того и другого

¹⁾ Ученыя записки Императорскаго Моск. университета. Отдѣлъ юридическій. Вып. 14 М., 1897 г. Номоканонъ при Большомъ Требникѣ. А. С. Павлова, стр. 410—412.

существовали въ одно и то же время и ни одинъ изъ нихъ, какъ болѣе авторитетный, не уничтожалъ собою другого,—то слѣдуетъ признать, что пастырямъ была предоставлена широкая свобода пользоваться по своему усмотрѣнiю любымъ изъ этихъ взглядовъ. Практика, указываемая хартофилаксомъ Петръмъ, должна была найти себѣ больше послѣдователей среди пастырей потому, что отличалась простотою и несложностью, качествами, которыя высоко цѣнятся у приходскихъ пастырей. Практика патр. Николая была болѣе сложная,—но она предлагалась вниманiю духовенства патриархомъ, авторитетнымъ лицомъ и, слѣдовательно, не могла остаться безъ послѣдователей. Однако, незначительное число памятниковъ четырехпросфорiя открываетъ намъ, что послѣдователей этой практики было немного. Главный недостатокъ ея въ томъ, что поминаенiе святыхъ раздѣляется, безъ особенной нужды, на три просфоры. Вотъ почему въ позднѣйшихъ памятникахъ четырехпросфорiя (XIII—XIV в.в.) для поминаенiя святыхъ уже назначаются только двѣ просфоры: съ четвертой просфоры поминаенiе святыхъ переносится на третью, а четвертая идетъ за несовершенныхъ членовъ Церкви—живыхъ и умершихъ¹⁾. Но и эта практика имѣетъ тотъ важный недостатокъ, что въ ней не находила себѣ наглядно-раздѣльнаго выраженiя идея поминаенiя *всей* Церкви, въ совокупности совершенныхъ и несовершенныхъ ея членовъ. При четырехъ просфорахъ всегда должна чувствоваться нужда еще въ одной просфорѣ—или за совершенныхъ членовъ Церкви, если изъ трехъ двѣ просфоры назначаются на поминаенiе живыхъ и умершихъ *людей*,—или за несовершенныхъ, если живые и умершие поминались на одной просфорѣ, а двѣ просфоры возносились въ честь святыхъ. Въ славянскомъ, напр., служебникѣ Моск. Синод. библ. XIV в. № 598—345 (л. 6—6 об.)

¹⁾ Типикъ конца XIII или начала XIV в. Аеоно-Ватопедскаго монастыря, ркп. Моск. Синод. библ. № 381—275. См. Братское Слово за 1896 г., № 7, стр. 501—502 и 507—508.

третья и четвертая просфоры назначены за здравіе (третья) и за упокой (четвертая), а вторая „въ честь святому, его же будетъ праздникъ“. Въ честь Пресв. Богородицы просфоры, такимъ образомъ, лѣтъ; нѣтъ и частиць въ честь другихъ святыхъ ¹⁾. Въ Типикѣ XIII—XIV в. Аеоно-Ватопедскаго монастыря (ркп. Моск. Синод. библ. № 381—275) вторая и третья просфоры возносятся въ честь Пресв. Богородицы и святыхъ, но частицы за живыхъ и умершихъ христіанъ вынимаются изъ одной и той же четвертой просфоры. Такое соединеніе поминовеній о живыхъ и умершихъ на одной просфорѣ,—какъ бы безразличное сліяніе ихъ,—не можетъ быть одобрено и признано образцовымъ потому, что въ немъ нѣтъ нагляднаго различія между частицами за живыхъ и частицами за умершихъ. Между тѣмъ, необходимость нагляднаго различія между просфорами и изъятыми изъ нихъ частицами съ древнихъ временъ признавалась церковною практикою ²⁾; поэтому вышеуказанный способъ поминовенія долженъ быть разсматриваемъ или какъ уклоненіе отъ общецерковной практики, или какъ исключеніе, допускавшееся номинальною практикою въ XIII—XIV в. ³⁾.

Отмѣченные недостатки четырехпросфорія, по памятникамъ его XIII и XIV в.в., не могли не вліять на него разрушительно и должны были открыть путь новой практикѣ, свободной отъ его недостатковъ. Этою новою практикою и оказалось пятипросфоріе.

(Продолженіе будетъ).

Н. Пальмовъ.

¹⁾ С. Д. Муретовъ. Послѣдованіе проскомидіи, великаго входа и причащенія по славяно-русскимъ служебникамъ XII—XIV вв. М., 1897 г., стр. 12. То же самое и въ служебникѣ XIV в. Новгородской Соф. библ., № 526, л. 4—6. См. Одинцова—Порядокъ обществ. и частн. Богослуженія въ древней Россіи до XVI в. Спб., 1881 г., стр. 118.

²⁾ Припомнимъ два вышеприведенныя правила патр. Николая Грамматика.

³⁾ См. Одинцова—Порядокъ общ. и частн. Богослуженія... стр. 205.

Чѣмъ можетъ сельскій пастыръ содѣйствовать улучшенію матеріальнаго благосостоянія крестьянъ ¹⁾.

Всякія улучшенія въ сельскомъ хозяйствѣ, съ цѣлію показать ихъ пользу, всего скорѣе могъ бы вводить священникъ въ своемъ маленькомъ хозяйствѣ. Правда, это дѣлаютъ и помѣщики, но крестьянамъ не тягаться съ помѣщикомъ: „у пана,—говорятъ они,—денегъ много: онъ можетъ вводить новшества“. У священника, и сами крестьяне знаютъ, денегъ мало, но и съ тѣми средствами, какія у него есть, онъ можетъ болѣе рационально поставить свое хозяйство: завести болѣе усовершенствованныя орудія, лучшія породы скота, птицы. Всякія новшества въ хозяйствѣ пугаютъ крестьянина потому, что соединены съ извѣстнымъ рискомъ, а хозяйство для него—единственный источникъ средствъ къ жизни. У священника—дѣло другое: съ одной стороны, хозяйство для него только побочная статья,—пусть онъ въ худшемъ случаѣ въ иной годъ ничего не получитъ съ поля—приходъ все же прокормить его; съ другой стороны, надѣлъ земли священника гораздо значительнѣе крестьянскаго надѣла, слѣдовательно—даетъ ему возможность имѣть хозяйство болѣе обширное и лучше обставленное. Крестьянинъ нашъ часто малоподвиженъ, но онъ уменъ: полезную вещь онъ всегда пойметъ, оцѣнитъ, и, если имѣетъ хотя малѣйшую къ тому возможность, самъ заведетъ, особенно если полезная вещь будетъ исходить отъ такого высокоуважаемаго въ деревнѣ лица, какимъ является священникъ. Важенъ здѣсь починъ, дорога инициатива, какъ и въ каждомъ дѣлѣ. А отъ кого же она должна исходить, какъ не отъ единственнаго просвѣщеннаго въ деревнѣ лица—священника?

Для того, чтобы правильно вести хозяйство, у крестьянина необходимо долженъ быть хотя маленькій оборотный капиталъ. Принять небольшой клочекъ земли, увеличить ко-

¹⁾ См. № 1 за 1902 годъ.

личество скота, внести во время подати, сдѣлать то или иное улучшение въ хозяйствѣ—для всего этого нужны средства. Положеніе нашихъ крестьянъ въ этомъ отношеніи далеко не блестяще. Обыкновенно бываетъ такъ, что крестьянинъ, продавши часть своего урожая, вносить подати, заплатываетъ болѣе замѣтныя прорѣхи въ своемъ хозяйствѣ, иногда тратится на „зелено вино“ и затѣмъ остается ни съ чѣмъ: сбереженія очень рѣдки. Какое-нибудь особенное событіе въ жизни крестьянина, требующее расхода,—напр., надежь скота, неурожай, болѣзнь одного изъ членовъ семьи,—грозитъ тяжелыми послѣдствіями крестьянину, можетъ подорвать въ конецъ его благосостояніе. Въ такихъ случаяхъ крестьяне обращаются къ помощи кулаковъ, евреевъ, попадаютъ къ нимъ въ кабалу. Какъ поступаютъ эти послѣдніе съ крестьянами, всѣмъ давно уже и хорошо извѣстно. Вотъ характерная сценка въ крестьянскомъ судѣ, описанная очевидцемъ. „Пришлось побывать,—говоритъ онъ,—на родинѣ (въ Бессарабіи) въ судѣ. На судѣ то и дѣло снуютъ скупщики-евреи со своими векселями и росписками. Судья спрашиваетъ крестьянина: „Зачѣмъ ты не возвращаешь Мошкѣ долгъ?“—„Я, господинъ судья, ему былъ *виненъ* не 20 руб., а только 10, но я ему возвратилъ за нихъ еще въ маѣ 15 р.“—„А чего же ты при уплатѣ не взялъ съ еврея свой вексель?“—„Потому, г. судья, что Мошка его тогда не могъ найти и обѣщаль послѣ, что, если найдетъ, отдастъ“¹⁾. Такіе факты совершаются сплошь и рядомъ. Какъ бороться съ безденежемъ среди крестьянъ? Для этого нужно учить ихъ бережливости, что священникъ можетъ дѣлать и личнымъ примѣромъ и наставленіемъ. Бѣда въ томъ, что бережливость у нашихъ крестьянъ часто хромаетъ; особенно много вреда приноситъ народу пристрастіе его къ вину. Обратимъ вниманіе хотя бы на то, какъ совершаются крестьянскія свадьбы. Для бѣднаго крестьянина—это цѣлое разореніе. Установившійся обычай во многихъ мѣстахъ

¹⁾ Земледѣліе, 1901 г., № 44.

требуетъ, чтобы на свадьбѣ перенилось почти все село. 5—6 ведеръ водки—это плохая свадьба,—а стоятъ они 50 рублей—сумма огромная для бѣдняка. Часто бываетъ такъ, что женихъ сейчасъ же послѣ свадьбы идетъ въ батраки, чтобы отработать выпитое на его свадьбѣ. Не лучше ли было бы, если бы эти деньги пошли на хозяйство молодоженамъ? Священникъ, какъ пастырь, долженъ неослабно бороться съ народнымъ пьянствомъ. Передъ вѣнцомъ, иногда задолго до свадьбы, отцы жениха и невесты приходятъ къ священнику заявить о желаніи дѣтей вступить въ бракъ. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ существуетъ прекрасный обычай, состоящій въ томъ, что женихъ и невеста ходятъ къ священнику учиться молитвамъ. Въ эти-то посѣщенія священникъ и могъ бы бесѣдовать съ крестьянами о вредѣ пьянства и о разорительности свадебныхъ расходовъ и тѣмъ удержать ихъ отъ непроизводительныхъ свадебныхъ затратъ. Теперь не только среди образованныхъ классовъ выводится обычай устраивать шумныя и дорого стоящія свадьбы, но и среди крестьянъ, какъ пишутъ въ газетахъ, случаются свадьбы, на которыхъ изъ напѣткови подается только чай, иногда пиво. Почему бы не сдѣлать такое празднованіе свадебъ повсемѣстнымъ? Въ этомъ отношеніи много бы могло сдѣлать духовенство. На свадьбѣ священникъ былъ бы всегда желаннымъ гостемъ и своимъ личнымъ присутствіемъ онъ могъ бы удержать крестьянъ отъ излишняго разгула. Скажутъ, пожалуй, что народъ не любитъ тѣхъ священниковъ, которые не пьютъ вина; что такихъ онъ считаетъ за гордецовъ, которые будто бы имъ гнушаются. Но такое сужденіе—не основательное. Крестьянинъ уважаетъ всѣхъ, кто не пьетъ; непьющій человекъ—золотой человекъ, по мнѣнію каждаго толковаго крестьянина. Пусть на первыхъ порахъ нѣкоторые крестьяне—притомъ очень немногіе—будутъ не довольны несочувствіемъ священника къ вину, съ теченіемъ времени они поймутъ и оцѣнятъ такое поведение „батюшки“. Чѣмъ меньше будутъ крестьяне пить, тѣмъ больше будетъ у нихъ сбереженій. Если бы крестьянинъ въ теченіе

нѣсколькихъ лѣтъ откладывалъ хотя небольшую сумму, положеніе его во многихъ случаяхъ не было бы такъ грустнымъ. Сбереженія могутъ дѣлаться въ сберегательныхъ кассахъ, которыя теперь уже повсюду существуютъ, хотя крестьяне пока еще и не особенно охотно несутъ туда свои сбереженія. Священникъ могъ бы популяризовать сберегательныя кассы, объяснять ихъ полезность, ходатайствовать объ открытіи ихъ тамъ, гдѣ еще нѣтъ кассъ.

Для крестьянъ важно имѣть всегда дешевый кредитъ. Въ настоящее время большимъ успѣхомъ среди населенія пользуются ссудо-сберегательныя товарищества. Они учреждены во многихъ мѣстахъ—не только въ городахъ, но и въ селахъ и дѣлаютъ миллионныя обороты. Эти товарищества имѣютъ двоякую пользу: съ одной стороны—даютъ возможность пайщикамъ имѣть дешевый кредитъ, съ другой—служать для выгоднаго помѣщенія ихъ сбереженій. И это безспорно хорошее дѣло могъ бы взять на себя священникъ. Важно, внушить крестьянамъ мысль о полезности этого учрежденія. Какъ и всегда, крестьяне вначалѣ отнесутся недоброжелательно къ такому, для нихъ новому, дѣлу, но случится разъ-другой нужда, и они ясно поймутъ пользу его.

Чтобы покончить о земледѣліи, скажемъ еще нѣсколько словъ о томъ, какъ крестьяне поступаютъ съ урожаемъ, съ продуктами своего труда. За долгую зиму и лѣто у крестьянъ собирается много всякихъ нуждъ, много дѣлается долговъ. Какъ только собирается урожай, тотчасъ же большинство крестьянъ спѣшитъ поскорѣе обмолотить хлѣбъ и продать его, чтобы выручить нѣсколько денегъ на покрытіе неотложныхъ нуждъ. Покупаютъ хлѣбъ ссыпщики, кулаки, евреи, которые и устанавливають свои цѣны, часто совершенно произвольныя. О томъ, чтобы узнать настоящія цѣны, выждать ихъ, крестьянину нечего и думать. Кулакъ, снабжающій крестьянъ деньгами, нетерпѣливъ. Онъ изведетъ своего должника. Вотъ и гонитъ крестьянина нужда на базаръ съ свѣже вымолоченнымъ хлѣбомъ. Здѣсь уже ждетъ его услужливый еврей:

не дастъ даже до базара мѣшка довести, „заговорить“, одурчить, деньги въ руки всунетъ, да кстати обсчитаетъ и обвѣситъ. И ѣдетъ крестьянинъ домой, почесывая затылокъ и раздумывал о томъ, что маловато выручилъ; но ничего не предѣлаешь: надо домой снѣшить, а то, пожалуй, послѣднюю коровенку уведутъ со двора за долги. Не такъ поставлено дѣло за границей, напр.—у нѣмцевъ. Мелкій нѣмецкій хозяинъ дѣйствуетъ не наобумъ, а строго-последовательно, по плану, съ полнымъ знаніемъ рыночныхъ цѣвъ на продукты; онъ умѣетъ уловить моментъ и никогда не снѣшитъ сбытъ продукты своего труда. Скупщики, маклаки, паразиты мало чѣмъ воспользуются у нѣмецкаго хозяина. Эту стойкость нѣмцу придаютъ такъ называемые сельско-хозяйственные союзы. Есть и у насъ нѣсколько обществъ въ родѣ этихъ союзовъ, но всѣ наши общества такого рода имѣютъ въ виду главнымъ образомъ интересы крупныхъ хозяйствъ; мелкое крестьянское хозяйство стоитъ у насъ сиротливо, безъ всякой поддержки. Почему бы въ каждой деревнѣ не могло быть у насъ такого союза? Взаимная поддержка членовъ матеріально, борьба со всякими паразитами—таковы матеріальныя цѣли этихъ союзовъ. О нравственномъ значеніи ихъ мы не говоримъ—оно внѣ сомнѣнія. Эти союзы могли бы быть въ предѣлахъ cadaго прихода, были бы приходскимъ братствомъ. Воскресить въ такомъ видѣ братства, оживить тѣмъ церковную и общественную жизнь деревни и поднять нравственное и матеріальное благосостояніе деревни—все это можетъ сдѣлать только духовенство, и лишь одно оно.

Земледѣліе—главное занятіе русскаго народа, а во многихъ мѣстахъ и единственное; о побочныхъ статьяхъ дохода, которыя могли бы поддержать крестьянъ, многіе не имѣютъ никакого представленія. Въ сѣверныхъ губерніяхъ, гдѣ земли мало и родить она плохо, довольно развиты кустарные промыслы; не то на югѣ: Отбывъ полевая работы, крестьяне наши почти половину года проводятъ безъ дѣла: хозяйки занимаются тканьемъ холста, а хозяева переворачиваются съ

боку на бокъ на печкахъ; вся работа послѣднихъ состоитъ въ томъ, чтобы напоить „скотинку“ да задать ей корму, изрѣдка привезти дровъ. Полгода праздности многихъ милліоновъ—это слишкомъ большая непроизводительная трата, слишкомъ большой ущербъ для народнаго благосостоянія. Въ этомъ случаѣ большую пользу—и матеріальную и нравственную—оказали бы крестьянамъ кустарные промыслы. Указать что-либо опредѣленное въ данномъ случаѣ трудно, здѣсь важно знать, что даетъ та или другая мѣстность, какія въ ней есть благопріятныя условія. Подмѣтить эти условія, подать мысль крестьянамъ о томъ или другомъ занятіи могъ бы священникъ. Онъ и край мѣстный лучше знаетъ, и на выставкахъ можетъ быть, и книгу дѣльную можетъ прочесть. Жена священника могла бы вліять въ этомъ смыслѣ на женское население: деревенскихъ дѣвушекъ она могла бы научить вышивать, вязать кружева и т. п. На послѣдней всероссійской выставкѣ были замѣчательныя издѣлія въ этомъ родѣ, сдѣланныя простыми деревенскими дѣвушками; работы эти отличались рѣдкимъ изяществомъ, и любители платили за нихъ большія деньги.

Могъ бы священникъ популяризовать и развивать среди крестьянъ и побочныя хозяйственныя занятія: пчеловодство, садоводство, огородничество. На всѣ эти занятія наши крестьяне смотрятъ, въ большинствѣ своемъ, какъ на пустое дѣло, какъ на занятіе „бабъ“; но эти занятія могли бы оказывать большую поддержку имъ, если бы были поставлены разумно. При развитіи у насъ желѣзныхъ дорогъ продукты этихъ занятій могли бы имѣть сбытъ въ города и давать заработокъ.

Наконецъ, есть и еще одна область, гдѣ священникъ самымъ своимъ высокимъ званіемъ, долгомъ пастырства призывается заботиться о нѣкоторыхъ прихожанахъ,—разумѣемъ нищихъ, тѣхъ, о которыхъ нашъ народный поэтъ сказалъ:

Жаль разумное Божье созданье—

Человѣка съ сумой и въ грязи.

Нящихъ на святой Руси достаточно; едва ли есть гдѣ-нибудь село, въ которомъ бы ихъ не было. Русскій крестьянинъ по природѣ добръ: нуждающемуся онъ никогда не откажетъ въ помощи, и если самъ имѣетъ хотя что-нибудь, подѣлится съ неимущимъ. Но помощь эта не всегда бываетъ разумна и не исцѣляетъ самаго зла—нищеты. Организовать помощь въ приходѣ на разумныхъ началахъ—это прямой долгъ священника. Въ этомъ ему могли бы помочь попечительные совѣты. Общественная благотворительность въ селѣ, не исключая конечно, собою и благотворительности частной, имѣла бы то преимущество, что она давала бы каждому нуждающемуся то, въ чемъ онъ именно нуждается. Такъ, напр., случается часто, что какое-нибудь непредвидѣнное несчастное событіе (болѣзнь, пожаръ, падежь скота) лишаетъ крестьянина всего его достатка. Идетъ такой крестьянинъ по міру; но что могутъ сдѣлать незначительныя подачки этому горемыкѣ? Безъ серьезной матеріальной помощи, не смотри на все свое желаніе трудиться, онъ не подыметъ. Вызвать крестьянъ на поддержку такому бѣдняку, убѣдить ихъ помочь своему пострадавшему собрату и тѣмъ дать ему возможность стать на ноги—это всегда можетъ и долженъ сдѣлать священникъ. Для одинокихъ бѣдняковъ, слабыхъ и не способныхъ къ труду стариковъ и старухъ въ каждой деревнѣ, по инициативѣ священника, можно было бы устроить богадѣльню—не такую богадѣльню, какія строятся въ городахъ, стоятъ десятки тысячъ и содержать 5—6 старухъ, да и тѣхъ выбираютъ по протекціи,—въ деревнѣ это дѣло можно устроить несравненно проще и дешевле. Для этого достаточно имѣть большую избу,—а выстроить ее обществомъ очень не трудно. Прокормить 5—10 человекъ всѣмъ приходомъ—дѣло легкое, и каждый изъ домохозяевъ согласился бы удѣлить на этихъ бѣдняковъ небольшую лепту (натурою, конечно) отъ своего достатка. Сердобольныя крестьянки охотно согласятся ухаживать за немощными стариками, охотно забѣгутъ побесѣдовать съ ними и, въ чемъ нужно, помочь.

Мы далеки отъ мысли указать всѣ случаи, гдѣ священникъ можетъ содѣйствовать матеріальной сторонѣ жизни народа; да это дѣло и невысказанное, при томъ разнообразіи бытовыхъ, климатическихъ и экономическихъ условій, какое царитъ на Руси. Наша задача проще—обратить лишній разъ вниманіе духовенства на матеріальную сторону жизни крестьянина, вызвать со стороны пастырей желаніе помочь одинокому крестьянству. Въ этомъ—и только въ одномъ этомъ—наша цѣль, и мы отъ всего сердца возблагодаримъ Господа, если хотя отчасти достигнемъ ея.

В. Пестряковъ.

Къ вопросу о матеріальномъ обеспеченіи духовенства.

(Мысли благожелательнаго мірянина).

Что матеріальное положеніе сельскаго священно-церковнаго причта очень скудно и весьма мало или совсѣмъ недостаточно и что онъ ничѣмъ не обеспеченъ подѣ старость, объ этомъ никто не будетъ спорить и прекословить; но какъ придти на помощь духовенству, чтобы оно, получая хорошес денежное жалованье, не вымогало бы съ прихожанъ чрезмѣрно большіе поборы за различнаго рода *требы*, а довольствовалося самою незначительною денежною платою, какъ напри- мѣръ: за крещеніе, молебны, похороны—*десятью копѣйками*, за вѣнчаніе брачущихся—*однимъ рублемъ*, и другія *требы* по соразмѣрной платѣ; а кто пожелаетъ изъ прихожанъ, можетъ платить и болѣе.

Вѣдь тогда только санъ священника будетъ почитаться, и передъ его святымъ призваніемъ будутъ преклоняться.

Что же нужно для этого сдѣлать? Необходимо объ этомъ хорошенько поразмыслить, слѣдуя мудрому изреченію: „*Однихъ обезпечивай, а другихъ не отяжчай*“. Придерживался этого правила, можно будетъ и разрѣшить этотъ трудный и спорный вопросъ вполне благопріятно.

Подушный или земельный денежный окладъ въ этомъ случаѣ совершенно непрямѣнимъ,—и какъ бы ни былъ малъ душевой, денежный налогъ, все-таки онъ будетъ въ тягость. Возьмемъ, на примѣръ, семейство крестьянина, которое состоитъ изъ отца, матери,—у нихъ девять человѣкъ дѣтей, изъ оныхъ одни малолѣтніе, другіе подростки, одинъ старшій сынъ женатый, у него жена и двое малолѣтнихъ дѣтей,—итого 14 душъ въ семействѣ. Несмотря на видимый достатокъ этого семейства,—если огульно наложить денежный налогъ ежегодно, положимъ небольшой—въ *шестьдесятъ копѣекъ* съ каждаго человѣка, это составитъ съ 14 душъ 8 руб. 40 копѣекъ,—и этотъ денежный налогъ явится очень обременительнымъ и крайне непосильнымъ даже и достаточному крестьянскому семейству.

Совсѣмъ будетъ другое, если предположимъ, что приходскій денежный налогъ установится взиманіемъ только съ 19-тилѣтняго возраста, съ парней и дѣвицъ и, включая также въ этотъ платежъ даже и самыхъ старыхъ, старухъ и стариковъ; а отъ платежа вышеозначеннаго приходскаго денежнаго налога будутъ изъяты и избавлены всѣ малолѣтніе и всѣ подростки, не достигшіе 19-ти лѣтъ. Тогда, очевидно, разница произойдетъ громадная и поразительная, тогда ужъ не съ 14 душъ будетъ платить семейство, а только съ *4-хъ прихожанъ*, по 60 копѣекъ съ каждаго и каждой, итого 2 рубля 40 копѣекъ; слѣдовательно, 6-ю рублями меньше, что составляетъ большой расчетъ въ крестьянскомъ семействѣ, въ особенности при его недостаточномъ приходномъ бюджетѣ. А подростая, съ маленькихъ лѣтъ, полегоньку, да потихоньку, и малолѣтніе подростки достигнутъ 19 лѣтъ; и для нихъ тоже будетъ тогда обязательный ежегодный приходскій денежный платежъ, до самой ихъ смерти. Достигшимъ же 19-ти-лѣтняго возраста прихожанамъ очень легко будетъ заработать и вносить ежегодно таковой небольшой денежный налогъ—60 копѣекъ. Вотъ почему мнѣ и кажется, что установленіе *ежегоднаго платежа денежнаго приходскаго налога, съ 19-ти-лѣтняго* возраста, какъ мужского, такъ и женскаго пола, среди крестьянскаго

населенія будетъ встрѣчено очень радушно и прихожане съ охотою подчинятся такому платѣжу, имѣя въ виду отрадное будущее и хорошее настоящее, собственно для себя же, такъ какъ отъ этого будетъ большая и несомнѣнная выгода и польза, потому что, съ установленіемъ денежной платы для священно-церковнаго причта, прекратятся всѣ лишніе поборы, и не будутъ дорого стоить необходимыя *требы* на жизненномъ поприщѣ каждаго крестьянина и всего его семейства.

Въ Россійской Имперіи всѣхъ прихожанъ православнаго вѣроисповѣданія, считая съ *девятнадцатилѣтняго* возраста, мужскаго и женскаго пола, какъ могущихъ уже заработать и самостоятельно добывать трудовой, денежный достатокъ, включая и самыхъ старыхъ стариковъ и таковыхъ же старухъ, предположимъ, будетъ не болѣе 60.000,000 человѣкъ. Таковой подсчетъ и расчетъ я произвожу вотъ на каковыхъ данныхъ и по слѣдующимъ соображеніямъ. Въ „Русскомъ календарѣ“ А. С. Суворина, на 1901 годъ, на страницѣ 135, въ отдѣлѣ: „Церковь“, обозначено, что „православнаго населенія обоюга пола, въ 1896 году, состояло 79.098,858“. Предположимъ, что изъ православнаго вышеупомянутаго населенія не достигшихъ 19-ти-лѣтняго возраста будетъ не болѣе 18.098,858 обоюга пола душъ; принимая во вниманіе, что по тому же „Русскому календарю“, А. С. Суворина, на 1901 г., на страницѣ 103, въ отдѣлѣ: „Территорія и населеніе Россійской Имперіи“, оказывается, что приростъ населенія, черезъ каждыя десять лѣтъ, увеличивается на 9 или 10 милліоновъ, что составитъ значительный ростъ и доходности. Но если даже положимъ, что всего православнаго населенія будетъ не болѣе 60.000,000 человѣкъ, то, если будетъ назначенъ денежный сборъ съ каждаго и каждой *по шестидесяти копѣекъ*, денежная сумма окажется громадная, а именно: *тридцать шесть милліоновъ рублей*.

Между тѣмъ таковой денежный сборъ, какъ 60 копѣекъ съ каждаго прихожанина и съ каждой прихожанки, не можетъ считаться ни чрезмѣрнымъ, ни обременительнымъ, тѣмъ болѣе, что малолѣтніе и подростки изъяты изъ этого денеж-

наго сбора, до 19-ти лѣтъ. Таковой приходскій денежный сборъ долженъ производиться ежегодно со всѣхъ жителей, православнаго вѣроисповѣданія, приписанныхъ къ какому-либо приходу, исключая, какъ сказано выше, малолѣтковь и подростковъ, мужскаго и женскаго пола, до 19-ти-лѣтняго возраста. Этотъ денежный сборъ и веденіе по нему отчетности въ особыхъ книжкахъ, платежныхъ спискахъ, долженъ быть возложенъ на сельскихъ старостъ, которые, полностью, по числу прихожанъ въ приходѣ, начинаютъ взимать уплату, какъ сказано выше, съ 19-ти-лѣтняго возраста.

Сельскіе старосты, получивъ съ прихода полностью выше-сказанный денежный налогъ, или сами сдаютъ означенныя приходскія деньги въ уѣздное казначейство, или вручаютъ волостнымъ старшинамъ собранныя суммы, а волостные старшины отвозятъ и сдаютъ этотъ *денежный сборъ* въ уѣздное казначейство, и получаютъ въ томъ установленныя оправдательныя росписки.

Священноцерковный причтъ: священники, діаконы, дьячки, пономари или псаломщики, въ назначенное время, будутъ уже получать опредѣленное денежное жалованье изъ уѣзднаго казначейства, по установленнымъ для этого талонамъ.

Предположивъ, что въ настоящее время въ Россійской имперіи состоитъ прихожанъ православнаго вѣроисповѣданія, съ 19-ти-лѣтняго возраста, мужскаго и женскаго пола, а также и достигшихъ до глубокой старости стариковъ и старухъ, всего до 60.000.000 населенія, то получится сумма въ размѣрѣ 36.000.000 рублей.

Предположивъ, что въ Россійской имперіи всѣхъ церковныхъ приходскихъ настоятелей, священноіереевъ, и священно-протоіереевъ 44,000 то, полагая каждому священноіерею или протоіерею, настоятелю прихода, ежегоднаго жалованья по 500 рублей, для священноіереевъ потребуется денежнаго жалованья . . . . . 22.000,000 р.

Предположивъ, что число діаконѡвъ доходитъ числомъ до 29,000 человекъ и что каж-

дому діакону ежегоднаго жалованья будетъ назначено 300 рублей, денежной суммы на жалованье имъ потребуется до . . . . . 8.700,000 р.

Предположивъ, что дьячковъ, или псаломщиковъ, тоже будетъ до 29,000 человекъ, и имъ ежегоднаго жалованья положить каждому по 150 рублей, понадобится денежная сумма для уплаты по такому разсчету . . . 4.350,000 р.

А всего, всей денежной суммы, предназначаемой къ ежегодной выдачѣ въ качествѣ жалованья, потребуется . . . . . 35.050,000 р.

Изъ вышепредполагаемаго денежнаго разсчета оказывается, что еще останется 950,000 рублей, изъ которыхъ могутъ быть назначены на нѣкоторыя суммы устройство отдѣльныхъ фондовъ и капиталовъ, какъ на примѣръ:

1) Неприкосновенный, капитальный фондъ . . . . . 100,000 р.

При этомъ текущіе ежегодно съ него % будутъ пополнять собою капитальный фондъ.

2) Капиталь на ремонтъ и построение церквей . . . . . 300,000 р.

3) Капиталь на устройство женскихъ и мужскихъ богадѣлень, для священноцерковнаго причта, престарѣлыхъ, больныхъ и убогихъ . . . 300,000 р.

4) Капиталь, для пособія церковно-приходскимъ школамъ . . . . . 100,000 р.

5) Капиталь на устройство библиотекъ, при церковно-приходскихъ школахъ . . . . . 100,000 р.

6) Фондовой капиталъ на выдачу пенсіонныхъ денегъ, изъ ежегодныхъ процентовъ, заслуженнымъ священноіереямъ и протоіереямъ, прослужившимъ въ іерейскомъ санѣ установленный срокъ . . . . . 50,000 р.

А всего предполагаемыхъ фондовъ и капиталовъ на . . . . . 950,000 р.

При этомъ необходимо замѣтить, что поименованные фонды и капиталы не будутъ всецѣло израсходоваться, на-

противъ ежегодно еще могутъ пополняться, такъ что, по всей вѣроятности, со временемъ, означенные фонды и капиталы возрастутъ до громадныхъ размѣровъ; вслѣдствіе этого и положеніе сельскаго духовенства все будетъ улучшаться, благотельно воздѣйствуя на его душу, умъ и сердце.

Получая такое денежное жалованье, священноцерковный причтъ будетъ вполнѣ обезпеченъ,—а имѣющаяся при церквахъ удобная земля въ размѣрѣ 33 десятинъ можетъ быть, съ успѣхомъ и по правиламъ научнаго земледѣлія, хорошо воздѣлываема; отъ таковой улучшенной земельной культуры священноцерковный причтъ будетъ получать хорошій доходъ и несомнѣнную прибыль, а вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ служить хорошимъ и дѣльнымъ образцомъ и прекраснымъ примѣромъ для прихожанъ.

Черезъ все вышеизложенное, въ приходахъ водворится духовно-нравственная тишина, спокойствіе и мирное настроеніе прихожанъ къ своимъ *батюшкамъ*. Утихнутъ всякіе свары, ссоры и раздоры; прекратятся также и разные кривотолки, ереси и уклоненіе отъ православной вѣры во всей великой Россійской имперіи.—Прихожане къ своимъ настоятелямъ—священноіереямъ будутъ относиться съ любовію и уваженіемъ.

Вотъ что можетъ сдѣлать опредѣленное ежегодное денежное жалованье всему священноцерковному причту.

Это будетъ самый мирный и желательный исходъ всего этого дѣла, которое давно уже томить и тяготитъ какъ священноцерковный причтъ, такъ равно и прихожанъ. И чѣмъ скорѣе разрѣшится и установится вышеозначенный *приходскій денежный сборъ*, тѣмъ лучше и спокойнѣе будетъ, какъ для священноцерковнаго причта, такъ равно и для прихожанъ.

Князь Н. Емкѣвъ.

(Церк. Вѣсти. 1901 г. № 51—52).

Редакторъ, Ректоръ Киев. Дух. Сем., Архимандритъ Θεодосій.

Отъ Киев. дух. ценз. Ком. печатанъ дозволяется. Киевъ, 2 января 1902 г.
Цензоръ, экстра-орд. проф. Акад. прот. І. Корольковъ.

Киевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLIII.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 3.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1902 года, января 15-го.

Содержаніе: Чинопослѣдованія хиротоній и хиротесій съ объясненіями ихъ особенностей (продолженіе).—Современная жизнь русскаго народа и православное русское духовенство (продолженіе).—Катихизическія домашнія бесѣды священника съ дѣтьми. (Очерки).

Чинопослѣдованія хиротоній и хиротесій съ объясненіями ихъ особенностей¹⁾.

(Руководственныя указанія ставленникамъ).

V. Чинъ, бываемый на хиротонію пресвитера.

§ 12. *Производство дѣла въ духовной Консисторіи о хиротоніи въ священника.*

Ищущій священническаго мѣста въ приходѣ городскомъ или сельскомъ подаетъ прошеніе на имя епархіальнаго архіерея съ присоединеніемъ къ нему (если онъ не состоитъ въ клирѣ церковномъ) тѣхъ же документовъ, которые требуются

¹⁾ См. № 49 за 1901 годъ.

и отъ кандидата на діаконское мѣсто (см. выше § 7). Послѣ сдачи архіереемъ прошенія въ духовную Консисторію для полученія необходимой справки о мѣстѣ, на которое подаетъ проситель, и о самомъ кандидатѣ на священническое мѣсто, если не требуется особаго экзамена отъ послѣдняго, то на поданной изъ Консисторіи справкѣ полагается архіереемъ резолюція: „предоставить мѣсто просителю“, а духовная Консисторія дѣлаетъ постановленіе „отобрать отъ такого-то ставленнической допросъ, объявивъ псаломщическое (или діаконское) мѣсто въ такомъ-то приходѣ празднымъ“.

Допросъ ставленнику предъ рукоположеніемъ въ священника производится по слѣдующей формѣ:

„190... года, мѣсяца такого-то, такого-то дня, окончившій курсъ ученія въ такой-то духовной семинаріи, имя отчество и фамилія, и опредѣленный, согласно его желанію, на священническое мѣсто къ такой-то церкви, такого-то села, такого-то уѣзда, такой-то губерніи, по спросѣ въ присутствіи такой-то духовной Консисторіи показали:

1) Лѣтъ мнѣ отъ роду столько-то: родился я 18... года, мѣсяца такого-то, дня такого-то, такой-то губерніи, такого-то уѣзда, въ селѣ или городѣ такомъ-то отъ православныхъ родителей: отца (имя) и матери (имя и фамилія), крещень и святымъ мѣромъ помазанъ такого-то уѣзда, села такого-то священникомъ (имя и фамилія). По изученіи, при родителяхъ моихъ, россійской грамоты, поступилъ въ 18... году въ такое-то духовное училище, въ которомъ, обучавшись по такой-то годъ, перешелъ въ такую-то духовную семинарію, гдѣ въ такомъ-то году и окончилъ курсъ. Съ такого-то года по настоящее время проходилъ псаломщическую должность.

2) Вѣрноподданническую присягу Его Императорскому Величеству Государю Императору Николаю Александровичу и законному Его Императорскаго Величества всероссійскаго престола Наслѣднику выполнилъ.

3) Дѣлъ до него (фамилія) никакихъ не касалось и въ приводахъ ни по какимъ дѣламъ не былъ.

4) Вредной скорби и увѣчья, препятствующихъ священнослуженію, и наружныхъ болѣзненныхъ знаковъ, причиняющихъ безобразіе, не имѣть.

5) Женать *первымъ бракомъ* на дочери такого-то (званіе, имя, отчество и фамилія), столькихъ-то лѣтъ, цѣломудренной и благочестивой дѣвицы православнаго исповѣданія, которая теперь находится въ живыхъ и до вступленія въ бракъ съ нимъ (фамилія) въ родствѣ или свойствѣ, возбраняющихъ бракъ, не была.

6) Званіе священника избираетъ для славы Божіей и спасенія душъ, которыя будутъ ему вѣрены, а не для прибытка и предоставленныхъ священнослужителямъ правъ, и проходитъ оное будетъ, по правиламъ св. и богоносныхъ Отець и согласно установленіямъ св. Православной Церкви.

7) Для сего онъ будетъ въ отношеніи къ ученію:

а) Утверждать своихъ прихожанъ въ истинахъ вѣры и благочестія, обращать на путь истины особенно заблуждающихъ (раскольниковъ), исправлять слабыхъ, утѣшать малодушныхъ, обличать порочныхъ безъ лицепріятія, но съ кротостію, терпѣніемъ и любовію, пользуясь всякимъ къ тому случаемъ, особенно же при богослуженіяхъ, совершаемыхъ въ храмѣ и молитвословіяхъ по домамъ.

б) Въ поученіяхъ держаться вѣрнаго, живаго и дѣйствительнаго Слова Божія, поставляя ихъ достоинство въ простотѣ и назидательности, да не будетъ, *якоже воздухъ бѣя и облако безводное* (1 Коринѣ. I, 17; II, 4; IX, 26; XIV, 9; Іуд. I, 12)

в) Стараться, чтобы каждый вообще изъ прихожанъ, приходя въ возрастъ отроческій, а тѣмъ болѣе юношескій, зналъ символъ вѣры, заповѣди и молитву Господню.

г) Обучать свѣрхъ сего дѣтей своихъ прихожанъ въ приходской школѣ Закону Божію, правильному разумѣнію церковныхъ обрядовъ, чтенію, письму и другимъ предметамъ, полезнымъ въ общежитіи; но обучаемыхъ дѣтей въ свои работы употреблять и платы за обученіе ихъ требовать не будетъ.

д) Наставленія въ вѣрѣ и благочестіи подтверждаютъ будеть примѣромъ собственной благочестивой жизни; и для того, сколько неприличны ему празднословіе, кощунство, пьянство, безчиніе, напрасный гнѣвъ, ссора, памятозловіе, клевета, сутяжничество, лжесвидѣтельство, гордость и тщеславіе, обманъ и лесть, столько, напротивъ, приличны трезвость, цѣломудріе, богобоязненность, кротость, терпѣніе, недвоязычіе, непритязательность, несребролюбіе, нелицепріятіе, ласковость и обходительность безъ лицемѣрія и притворства.

е) Поучая другихъ, прежде всего и паче всего прилежать будеть къ обученію самаго себя, упражнясь въ чтеніи Слова Божія, писаній отеческихъ и сочиненій свѣтскихъ и духовныхъ писателей, полезныхъ къ наставленію, *еже въ правдѣ* (2 Тимоѳ. III, 16).

8) Для чего онъ въ отношеніи къ тайнодѣйствию будеть:

а) Всякое священнодѣйствіе и молитвословіе совершать, по чиноположенію церковному, со вниманіемъ и благоговѣніемъ, ничего не измѣняя въ немъ, по своему произволу, для своего облегченія или другихъ какихъ либо видовъ.

б) Таинства преподавать своимъ прихожанамъ безвозмездно, а за трудъ молитвословій, не составляющихъ таинствъ, довольствоваться тѣмъ вознагражденіемъ, какое добровольно, безъ всякаго вымогательства, будеть дѣлаемо прихожанами.

в) Малолѣтнихъ, неравнолѣтнихъ, чужеприходныхъ и другихъ противозаконныхъ браковъ вѣнчать не будеть, да и прочіе браки будеть вѣнчать съ соблюденіемъ опредѣленныхъ закономъ предосторожностей.

г) При безвозмездномъ совершеніи таинствъ, не упрекать прихожанъ въ неблагодарности и, въ отмщеніе за оную, отъ совершенія таинствъ ни подъ какимъ предлогомъ не отказываться.

д) Брачующихся испытывать: знаютъ-ли они догматы вѣры, молитву Господню и Заповѣди; при крещеніи же—малолѣтнихъ и иновѣрныхъ воспріемниковъ не допускать, въ против-

номъ случаѣ внушать, чтобы, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ нихъ былъ возрастной и православный ¹⁾).

9) Для сего въ отношеніи къ управленію онъ будетъ:

а) Предписаніямъ и распоряженіямъ епархіальнаго своего начальства оказывать непрекословное повиновеніе, всѣ распоряженія его исполнять по буквальному ихъ смыслу, хотя бы они были и непріятны, съ кротостію и смиреніемъ; равнымъ образомъ и прихожанамъ внушать должное повиновеніе закону и установленной надъ ними власти.

б) Домъ свой правити, т. е. воспитывать дѣтей своихъ въ правилахъ православной вѣры и благочестія, наблюдать за правобріемъ и благоповеденіемъ своихъ домашнихъ; лицъ же зазорнаго поведенія въ своемъ домѣ не терпѣть.

в) Имѣть надзоръ за поведеніемъ и исправностію церковно-служителей, донося мѣстному начальству о непокорныхъ и неблагонадежныхъ. Части, церковно-служителямъ принадлежащей, ни въ какомъ случаѣ не присвоить.

г) Церковные документы, какъ-то: метрическія и приходо-расходныя книги, исповѣдныя росписи и проч. вести въ надлежащемъ порядкѣ и исправности. Записи о рожденіи и крещеніи дѣтей, о бракахъ и смерти вносить въ церковныя книги своевременно и безъ всякихъ упущеній. Не бывшихъ у исповѣди бывшими, а бывшихъ не бывшими не показывать. Предписанную же начальствомъ отчетность представлять, куда слѣдуетъ, къ опредѣленнымъ срокамъ и въ надлежащей исправности.

д) Заботиться о благолѣпії церкви и снабженіи ея всѣми необходимыми при богослуженіи потребностями, какъ-то: богослужебными книгами, утварью и ризницею, и все это содержать въ порядкѣ и хранить, равно какъ и церковную сумму, въ приличномъ и безопасномъ мѣстѣ, подъ вѣдѣніемъ,

¹⁾ Здѣсь, конечно, разумѣются восприемники соотвѣтственно полу крещаемого: у мальчика долженъ быть православный восприемникъ, а у дѣвочки — православная восприемница.

какъ своимъ, такъ равно и церковнаго старосты и почетныхъ прихожанъ.

е) Сверхъ сего, прихожанъ своихъ ни за какіе грѣхи публичнымъ эпитиміямъ, безъ разрѣшенія начальства, ни подѣ какимъ предлогомъ не подвергать.

ж) Довольствоваться опредѣленными для приходскаго священника на занимаемомъ имъ мѣстѣ выгодами, и большихъ выгодъ ни отъ прихожанъ, ни отъ начальства не домогаться. Просьбами о перемѣщеніи съ одного мѣста на другое епархіальное начальство ранѣе десяти лѣтъ не утруждать, да и послѣ того не иначе, какъ только по крайней необходимости и скудости средствъ къ жизни и другимъ, заслуживающимъ уваженія, обстоятельствамъ.

з) Въ храмѣ Божіемъ, какъ при совершеніи богослуженій, такъ и въ то время, когда оныя не совершаются, вести себя чинно и благоговѣйно, и не только не подавать повода къ какимъ-либо происшествіямъ, но и прихожанамъ кроткими и благоразумными мѣрами къ тому не допускать.

и) О безчинникахъ, отступникахъ и развратникахъ, въ нераскаяніи пребывающихъ и другихъ отъ Церкви православной отвлекающихъ, куда слѣдуетъ, письменно доносить будетъ.

10) Ставленную граммату, равно какъ и всѣ вышеизложенныя обязательства всегда будетъ содержать въ памяти и невѣдѣніемъ своего долга извиняться не станеть; за неисполненіе же всего вышенроисаннаго подвергаетъ себя штрафамъ и наказаніямъ по всей строгости церковныхъ правилъ и законовъ гражданскихъ“.

Ставленническій допросъ скрѣпляютъ собственноручными подписями ищущій священнической хиротоніи и членъ, секретарь и столоначальникъ Консисторіи, въ присутствіи коихъ былъ снятъ настоящій допросъ.

Одновременно съ ставленническимъ допросомъ отбирается отъ ищущаго хиротоніи въ священника и особая „подписка“ по слѣдующей формѣ:

„190... года, мѣсяца такого-то, дня такого-то. Я, нижеподписавшійся, окончившій курсъ семинарскаго образованія, имя и фамилія, бывъ опредѣленъ такимъ-то епархіальнымъ начальствомъ на священническое мѣсто къ такой-то церкви, села такого-то, уѣзда такого-то, и нынѣ, имѣя быть рукоположеннымъ къ оному во священника, даю сію подписку такому-то епархіальному начальству въ томъ, что я, на основаніи указа Св. Правительствующаго Синода отъ 8 марта 1861 года за № 884, по поступленіи моемъ на означенный приходъ, обязуюсь непремѣнно имѣть въ своей или церковной библіотекѣ 1) книги Священнаго Писанія, 2) Догматическое богословіе преосвященнаго Антонія, 3) Пространный Катихизисъ и 4) Книгу о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ, пріобрѣтеніе каковыхъ книгъ, по дешевизнѣ ихъ, никакъ не можетъ быть обременительно ни для меня, ни для ввѣренной мнѣ церкви; а также обязанъ стараться, по возможности, пріобрѣтать въ церковную библіотеку книги, назначенныя для сего циркулярнымъ указомъ Святѣйшаго Синода 15 февраля 1832 года и, книги, по особеннымъ обстоятельствамъ прихода нужныя въ пособіе священнику, каковыя:

1) Библія.

2) Св. Амвросія, архіепископа Медиоланскаго о должностяхъ.

3) Его же О покаяніи и нѣкоторыя поучительныя слова.

4) Его же избранныя поучительныя слова.

5) Св. Василія Великаго богоугодныхъ трудовъ четыре части.

6) Св. Григорія Назіанзина поучительныхъ словъ двѣ части.

7) Св. Ефрема Сирина разныя поучительныя слова.

8) Св. Іоанна Златоустаго бесѣды на евангелиста Матвея, на евангелиста Іоанна, на Дѣянія апостольскія и на четырнадцать Павловыхъ посланій и прочія, переведенныя его, слова и бесѣды.

9) Св. Игнатія Богоносца посланія къ вѣрующимъ во Христа.

10) Св. Іоанна Лѣствичника лѣствица, возводящая на небо.

11) Св. Іоанна Дамаскина Богословіе или обстоятельное изложение православныхъ христіанскія вѣры.

12) Св. Іустина мученика разговоръ съ Трифономъ іудеаниномъ о истинѣ христіанскаго закона.

13) Св. Діонисія Ареопагита о небесной іерархіи.

14) Его же о церковномъ священноначаліи.

15) Св. Кирилла Іерусалимскаго огласительныя и тайноводственныя поученія.

16) Преподобнаго Макарія Египетскаго слова.

17) Его же бесѣда о христіанскомъ совершенствѣ.

18) Блаженнаго Августина единобесѣдованіе души съ Богомъ.

19) Его же святыхъ и душеспасительныхъ размышленія.

20) Его же таинственныя Богословія.

21) Благовѣстникъ или толкованіе на четыре евангелиста Теофилакта Болгарскаго.

22) Житія святыхъ-или Миней-четіи.

23) Прологъ или Синаксарій.

24) Св. Димитрія, митрополита ростовскаго, полное собраніе сочиненій.

25) Полное собраніе сочиненій Тихона Воронежскаго.

- 26) Собраніе поучительныхъ словъ въ св. сорокатицу Или Минятія.

27) Православное исповѣданіе вѣры соборныя и апостольскія восточныя церкви Пѣтра Могилы.

28) Катихизисъ православныхъ восточныхъ греко-россійскія церкви.

29) О должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ.

30) Наставленіе правильно состязаться съ раскольниками.

31) Увѣщаніе на раскольниковъ.

32) Начертаніе церковно-библейской исторіи.

33) Начертаніе церковной исторіи отъ библейскихъ временъ.

34) Отвѣты Никифора, архіепископа словенскаго, на вопросы, предложенные ему старообрядцами.

35) Извѣстіе о возникшей въ Польшѣ униі, сочиненіе Бантышъ-Каменскаго.

36) О служеніи и чиноположеніи православныя греко-россійскія церкви.

37) Кормчую книгу.

38) Регламентъ духовный¹⁾.

¹⁾ Текстъ „подписки“ для ищущихъ мѣста священника извлечень нами изъ дѣлъ архива Кіевской духовной Консисторіи. Въ своемъ настоящемъ цѣльномъ видѣ текстъ этотъ не лишень нѣкоторыхъ излишествъ и даже анахронизмовъ. Во-первыхъ, въ синодальномъ указѣ отъ 8 марта 1861 г. требуется —обязывать воспитанниковъ семинарій, ищущихъ мѣста священника, подпискою имѣть непременно въ своей или церковной библіотекѣ такія книги, *пріобрѣтеніе каковыхъ, по дешевизнѣ ихъ, никакъ не можетъ быть обременительно для поступающихъ на священническія мѣста.* Этого, однако же, ни въ какомъ случаѣ нельзя сказать о томъ списокѣ книгъ, который былъ составленъ Григоріемъ, архіепископомъ тверскимъ и кашинскимъ (впослѣдствіи митрополитъ петербургскій), разосланъ при указѣ Св. Синода отъ 15 февраля 1832 г. во епархіямъ и воспроизведенъ въ вышеприведенной подпискѣ въ цѣльномъ своемъ видѣ. „По взятымъ нынѣ, *послѣ 35 лѣтъ отъ указа, свѣдѣніямъ, оказывается, писалъ 25 мая 1867 года покойный митрополитъ московскій Филаретъ объ указѣ 1832 года и о списокѣ книгъ, разосланномъ при немъ, что не только въ церквахъ сель и уѣздныхъ городовъ, но и въ церквахъ московскихъ многихъ изъ означенныхъ въ списокъ книгъ не достаеъ, такъ что въ нѣкоторыхъ находится на лицѣ только 13, а не достаеъ 25.* Причина недостаточнаго въ семь уснѣха заключается частію въ скудости многихъ церквей, частію въ томъ, что церковныя старосты не охотно удѣляютъ на сіе церковныя деньги“ (Арх. Саввы. Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета, митр. москов. и коломенск. по ученымъ и церковно-государственнымъ вопросамъ. М., 1888 г., т. V, ч. II, стр. 971). Въ настоящее время, черезъ *семьдесятъ лѣтъ*, по изданіи занимающаго насъ указа, появились и другія, болѣе серьезныя препятствія къ его выполненію, устранить которыя не легко самому ревностному пастырю. Многія изъ указанныхъ въ этомъ списокѣ книгъ сдѣлались уже библіографическою рѣдкостію и въ продажѣ не встрѣчаются. Такъ, напр., трудно отыскать въ книжныхъ лавкахъ нашего времени

Эта подписка скрѣпляется собственноручною подписью ставленника.

У духовника ставленникъ во священника исповѣдуются, получая отъ него съ собственноручною подписью удостовѣре-

такія книги, какъ напр., „Отвѣты архіепископа словенскаго Никфора на вопросы, предложенные ему старообрядцами“, „Начертаніе церковно-библейской исторіи“, „Начертаніе церковной исторіи отъ библейскихъ временъ“ и др., а книгу Иліи Миятія: „Собраніе поучительныхъ словъ въ св. четыредесятницу“ и совершенно нельзя видѣть въ книжныхъ лавкахъ. Нелегко пастырю нашихъ дней разыскать и требуемое „подпискою“ „Догматическое Богословіе“ преосв. Антонія, нынѣ совершенно вытѣсненное и въ школь и на книжномъ рынкѣ „Догматическимъ Богословіемъ“ покойнаго митрополита московскаго Макарія.—Во-вторыхъ, существуетъ позднѣйшій указъ Св. Синода отъ 3 декабря 1867 года, рекомендующій новый реестръ книгъ для церковныхъ бібліотекъ, составленный покойнымъ митрополитомъ московскимъ Филаретомъ, по требованію прокурора Св. Синода графа Д. А. Толстаго. Мудрый архипастырь признавалъ въ свое время за лучшее „обратить вниманіе не столько на умноженіе книгъ, сколько на приобрѣтеніе *хотя немногихъ, но нужнѣйшихъ*“, и съ этою цѣлью раздѣлилъ свой списокъ *на три отдѣленія*, рекомендуя „на первый разъ сильнѣе настоять на приобрѣтеніи въ церкви тѣхъ книгъ, которыя поставлены въ первомъ отдѣленіи сего реестра, и потомъ постепенно требовать пополненія церковныхъ бібліотекъ книгами и двухъ прочихъ отдѣленій“. Разосланный при указѣ 1861 г. списокъ книгъ, признанный Св. Синодомъ „*вполнѣ удовлетворяющимъ цѣль*“ и обойденный совершеннымъ молчаніемъ въ вышеприведенной „подпискѣ“ ставленниковъ, слѣдующій: *Отдѣленіе I:* 1) Библія, 2) Новый Заветъ на славянскомъ и русскомъ нарѣчій, 3) Писанія св. Василія Великаго, 4) Писанія св. Іоанна Златоустаго о священствѣ; Бесѣды на евангелиста Матѳея и на посланіе къ Римлянамъ, 5) Бесѣды св. Ефрема Сирина, 6) Св. Кирилла Іерусалимскаго огласительныя и таинводственные поученія, 4) Православный Катихизисъ, 8) Писанія св. Тихона Воронежскаго, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя, 9) Бесѣды къ глаголемому старообрядцу. *Отдѣленіе II:* 10) Св. Игнатія Боговоста посланія къ вѣрующимъ во Христа, 11) Посланія св. Григорія Назіанзина, 12) Прочія писанія св. І. Златоуста, 13) Преподобнаго Макарія Египетскаго слова, 14) Его же бесѣды о христіанскомъ совершенствѣ, 15) Писанія аввы Дородея, 16) св. Іоанна Дамаскина Богословіе или обстоятельное изложеніе православныя христіанскія вѣры, 17) Благовѣстникъ или толкованіе на четыре евангелиста Теофилакта Болгарскаго, 18) Житія святыхъ или Миней-Четыи, 19) Прологъ или Синаксарій, 20) Писанія св. Димитрія, митрополита ростовскаго, 21) Истинно-древняя и истинно-православная Христова Церковь пре-

ніе: „такой-то (имя и фамилія) мною исповѣданъ, и что онъ, по своей совѣсти, мнѣ открылъ, то къ рукоположенію его во священника препятствій нѣтъ“, и произноситъ предъ нимъ присягу по слѣдующей установленной формѣ:

„Азъ, нижеименованный, соблюдая свято и ненарушимо данную мною присягу на вѣрность подданства Его

освященнаго митрополита Григорія, 22) О должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ, 23) Начертаніе церковно-библейской исторіи, 24) Начертаніе церковной исторіи отъ библейскихъ временъ, 25) Книга правилъ св. апостоловъ, св. соборовъ и св. отецъ, 26) О служеніи и чиноположеніи православныя греко-россійскія Церкви. *Отдѣленіе III*: 27) Указаніе пути въ царствіе небесное—бесѣды преосвященнаго Иннокентія, архіепископа камчатскаго, 28) Повея скрижалъ Веніамина, архіепископа нижегородскаго, 29) Богослужебные каноны на греческомъ языкѣ съ переводами славянскимъ и русскимъ, 30) Сокращенная исторія русской Церкви преосв. Филарета черниговскаго и 31) Жизнеописаніе святыхъ Россійской Церкви А. Н. Муравьева (тамъ же, стр. 969—970, 972).—Въ-третьихъ, не лишне принять во вниманіе, при подпискѣ, и примѣчаніе къ § 1: „Инструкціи благочинному церковей“, гдѣ въ спискѣ книгъ, которыя „весьма прилично и полезно каждой церкви имѣть къ руководству священникамъ и къ наставленію прихожанъ“, перечисляются весьма немногія изъ указанныхъ выше книгъ, а именно: „Библія, Православное исповѣданіе вѣры митрополита Петра Могилы, грамматы объ учрежденіи Святѣйшаго Синода съ исповѣданіемъ вѣры восточныхъ патріарховъ, Творенія святыхъ отцевъ въ русскомъ переводѣ, Четвы-Минеи и Прологъ, Катихизисъ пространнѣй и краткѣй и книги, указываемыя начальствомъ, какъ полезныя для увѣщанія раскольниковъ и обличенія неправыхъ раскольническихъ толковъ“. По всемъ этимъ соображеніямъ, для пользы дѣла, считаемъ умѣстнымъ въ данномъ случаѣ высказать наше горячее пожеланіе, чтобы текстъ „подписки“ для ставленниковъ былъ изложенъ ближе къ синодальному указу 1867 года отъ 3 декабря и заключалъ въ себѣ реестръ необходимыхъ для пастырской практики книгъ, какой разослалъ Св. Синодомъ при этомъ указѣ, или, еще доступнѣе для сельскаго пастыря, — тотъ, который находится въ примѣчаніи къ § 1 „Благочиннической инструкции“. Въ противномъ случаѣ вышеприведенной „подпискѣ“ грозитъ печальная будущность сдѣлаться пустою формальностію, выполненіе которой на практикѣ не только *обременительно* для сельскаго пастыря, но даже *положительно невозможно*... Для нашего времени будутъ даже не излишни отступленія и отъ списковъ книгъ въ указѣ 1867 года и въ Благочиннической инструкции, такъ какъ нынѣ и богословская литература богаче, и запросы къ пастырю Церкви предъявляются въ наши дни шире и разнообразнѣе...

Императорскому Величеству, призываемый нынѣ къ служенію іерейскому, обѣщаюся и клянусь всемогущимъ Богомъ предъ святымъ его Евангеліемъ въ томъ, что желаю и, при помощи Божіей, всемѣрно потщусь проходить служеніе сіе, согласно съ Словомъ Божіимъ, съ правилами церковными и указаціями начальства; богослуженіе и таинства совершать со тщаніемъ и благоговѣніемъ, по чиноположенію церковному, ничтоже произвольно измѣняя; ученіе вѣры содержать и другимъ преподавать, по руководству святыя православныя Церкви и святыхъ отецъ; ввѣряемая попеченію моему души сохранять отъ всѣхъ ересей и расколовъ и заблудшихъ вразумлять и обращать на путь истины; провождать жизнь благочестивую, трезвенную, отъ суетныхъ, мірскихъ обычаевъ устранившую, въ духѣ смиренномудрїа и кротости, и благимъ примѣромъ руководствовать другихъ ко благочестію; во всякомъ дѣлѣ служенія моего имѣть въ мысляхъ моихъ не свою честь или выгоды, но славу Божію, благо святыя Церкви и спасеніе ближнихъ, въ чемъ да поможетъ мнѣ Господь Богъ благодатію Своею, молитвъ ради Пресвятыя Богородицы и всѣхъ святыхъ. Въ заключеніе сего клятвеннаго обѣщанія моего цѣлую Слова и Крестъ Спасителя моего. Аминь“. Подпись: „Сіе клятвенное обѣщаніе далъ окончившій курсъ такой-то духовной семинаріи, имя и фамилія, іюня такого-то дня, такого-то года“. Духовникъ, приводившій къ присягѣ ставленника, скрѣпляетъ „присяжный листъ“ и своею подписью.

По исполненіи указанныхъ формальностей, епархіальный архіерей на дѣлѣ полагаетъ резолюцію: „къ посвященію“, или же, если хиротонія поручается викарному архіерею: „прошу преосвященнаго такого-то рукоположить такого-то во священника“. Въ дѣлѣ объ опредѣленіи на священническое мѣсто названнымъ архіереемъ отмѣчается точно мѣсто и день хиротоніи во діакона и хиротоніи во священника, иногда съ обозначеніемъ даже лица, „подводившаго къ рукоположенію“, и дается указаніе: „обучаться совершенію богослуженій и требъ священникъ такой-то (имя и фамилія) назначается въ такой-

то храмъ“, нерѣдко съ опредѣленнымъ названіемъ имени того священника, подъ руководствомъ котораго онъ долженъ проходить свое обученіе. Назначенный руководитель на томъ же дѣлѣ о новопосвященномъ въ священника даетъ съ собственноручною подписью приблизительно такую аттестацію: „Священникъ такой-то (имя и фамилія) съ такого-то числа по такое совершалъ богослуженіе въ такомъ-то храмѣ. Оказалось, что онъ довольно знакомъ съ совершеніемъ богослуженія и требъ“.

Все дѣло о хиротоніи послѣ этого, по резолюціи епархіальнаго архіерея: „въ Консисторію“, возвращается въ мѣстную духовную Консисторію, изъ которой новорукоположенный въ священника получаетъ ставленную священническую грамоту, отмѣчая въ дѣлѣ о полученіи ея собственноручно. Удостоверяется это полученіе и подписью лица, выдававшего ставленную грамоту. Духовная Консисторія на дѣлѣ о хиротоніи постановляетъ: „предписать благочинному сдать церковь и донести“. Благочинный, въ вѣдѣніи коего находится церковь, къ которой опредѣленъ новорукоположенный, особымъ рапортомъ въ духовную Консисторію доноситъ, „что такого-то числа, такого-то года, сдана имъ такая-то церковь, села такого-то, ввѣреннаго ему округа, съ ея имуществомъ, документами, церковными землями и причтовыми постройками новоназначенному въ село такое-то священнику такому-то (имя и фамилія), согласно акту, при семъ прилагаемому. Выгодами отъ церковной земли наблюдавшій приходъ священникъ села такого-то (имя и фамилія) и новоназначенный въ село такое-то, священникъ такой-то (имя и фамилія), подѣлились между собою, по добровольному соглашенію, въ чемъ (фамилія назначеннаго на приходъ) дана росписка такому-то (фамилія священника, наблюдавшаго приходъ), хранящаяся у сего послѣдняго“. При рапортѣ въ Консисторію прилагается благочиннымъ и актъ о состояніи церкви, документовъ церковныхъ, денежныхъ и земельныхъ и причтовыхъ домовъ за подписью лично его, новоназначеннаго священника, членовъ причта съ церковнымъ старостою и представителей отъ прихожанъ. Ра-

портъ благочиннаго и актъ о состояніи храма и его имущества, по распоряженію Консисторіи, прилагаются къ дѣлу и о замѣченныхъ недостаткахъ въ состояніи храма или причтвыхъ помѣщеній сообщается къ свѣдѣнію по принадлежности.

(Продолженіе будетъ).

Профессоръ *А. Дмитріевскій.*

Современная жизнь русскаго народа и православное русское духовенство ¹⁾.

Въ какомъ плачевномъ религіозно-нравственномъ состояніи находится наше крестьянство, объ этомъ можно судить по тѣмъ сѣтованіямъ, которыя изо дня въ день раздаются въ печати. Крестьянство, говорятъ, дошло до крайнихъ предѣловъ распущенности, семейныя отношенія сдѣлались невыносимыми; понятіе о чести и чувство законности отсутствуютъ; цѣлое поколѣніе крестьянъ воспиталось внѣ закона, въ твердомъ убѣжденіи, что многіе предосудительные поступки останутся безнаказанными; пьянство и разореніе народа идутъ рука объ руку и со дня на день все усиливаются; количество преступленій увеличивается съ поражающей быстротою. Паденіе нравовъ особенно замѣтно въ отношеніяхъ половъ между собою: до-брачное и внѣ-брачное сожительство среди крестьянъ встрѣчается все чаще и чаще и—что главное—нисколько не осуждается общественнымъ мнѣніемъ. Допуская даже, что въ подобной характеристикѣ современнаго состоянія села нѣсколько сгущены темныя краски, мы все-таки должны признать въ ней значительную долю правды, особенно что касается сель фабричныхъ и подгороднихъ. Всѣ эти явленія, конечно, вызваны извѣстными причинами и даже находятъ нѣкоторое оправданіе въ индифферентномъ отношеніи къ нимъ въ свое время со стороны всѣхъ руководящихъ классовъ, въ томъ числѣ и духовенства. Самой религіозности народа въ

¹⁾ См. № 2 за 1902 г.

настоящее время угрожаютъ большія опасности. Расколъ нашъ все болѣе и болѣе вырождается въ самое уродливое, иногда крайне фантастическое сектантство. Рядомъ съ нимъ явля-ются разныя рационалистическія секты и ереси, къ сожалѣ-нію, находящія многихъ послѣдователей. Понятно, что все это не можетъ благопріятно отражаться на пастырской дѣя-тельности.

Еще болѣе неблагопріятными эти обстоятельства дѣла-ются оттого, что невѣжество въ громадномъ большинствѣ на-родонаселенія не уничтожается; что оно, вмѣстѣ со всевоз-можными суевѣріями, съ трудомъ поддается благотворному вліянію школъ. На-ряду съ невѣжествомъ, какъ великимъ пре-пятствіемъ успѣшности пастырскаго служенія, должна быть поставлена бѣдность народа, доводящая его до массовыхъ пе-реселеній или въ гѣрода съ ихъ развращающимъ вліяніемъ, или на новыя земли, въ среду дикихъ и полудикихъ народ-ностей.

Современная жизнь городовъ еще печальнѣе, чѣмъ жизнь деревень. Съ трудомъ здѣсь можно найти истинно вѣрую-щихъ; еще меньше—искренно исполняющихъ христіанскія обязанности. Всѣ мысли заняты другими дѣлами; желанія на-правлены въ противоположную отъ Церкви сторону. Самою гнойною язвою современной городской жизни являются край-ніе бѣдняки, такъ называемые „босяки“: среди нихъ, ка-жется, не осталось уже никакихъ признаковъ не только пра-вославія, но и обыкновенной человѣчности. Образованные и достаточные люди нерѣдко бываютъ проникнуты лож-нымъ либерализмомъ; разнаго рода теоріи, особенно съ характеромъ оппозиціоннымъ въ отношеніи къ Церкви и ре-лигіи, принимаются здѣсь охотно, прививаются быстро и вла-ствуютъ деспотически. Все, что уже давнымъ-давно пережито западомъ, среди нашихъ образованныхъ людей только что на-чинаетъ жить, и потому еще болѣе представляется уродли-вымъ. А тамъ, гдѣ имѣютъ возможность слѣдить за жизнью запада, спѣшатъ какъ можно быстрѣе пересаживать къ себѣ

самыя новѣйшія доктрины и „религіозныя моды“ (теперь и такія „моды“ есть!). И вотъ, появляются среди русскихъ православныхъ людей, мнящихъ себя образованными, буддисты, устраиваются буддистскія моленія и т. п. И чего-чего только нѣтъ теперь среди нашей интеллигенціи, особенно аристократической! Къ разнымъ заноснымъ „новинкамъ“ съ запада у насъ изобильно присоединяются доморощенные аристократическія секты и ереси. Пресловутыя толстовщина и особенно пашковщина представительницами высшаго свѣта признаны чуть ли не за откровенія, противъ православнаго же духовенства взводятъ самыя разнообразныя обвиненія. Само собою понятно, что и этихъ „заблудшихъ овецъ стада Христова“ нельзя пастырю забывать; нужно и о нихъ заботиться и приводить *въ разумъ* правой вѣры и жизни. Но сколько нужно имѣть высокихъ нравственныхъ качествъ, какими глубокими знаніями души человѣческой нужно обладать, а равно—сколько требуется умѣнья, настойчивости и преданности своему дѣлу, чтобы успѣшно бороться со всѣмъ этимъ зломъ!...

Не нужно забывать также, что въ современномъ пастырѣ и государство и общество хотятъ видѣть не только священно-служителя, но и земскаго дѣятеля. Вся та интеллигенція, которая съ гордостію и полупренебреженіемъ смотритъ на православное духовенство, усердно сторонится деревни, уходитъ въ города, подальше отъ деревенскаго невѣжества. Борются съ этимъ невѣжествомъ, въ чемъ бы оно ни проявлялось, предоставляется духовенству вмѣстѣ съ сельскимъ „начальствомъ“—волостными старшинами, писарями, урядниками, становыми, земскими начальниками. Но кто не знаетъ, какими пособниками въ дѣлѣ просвѣщенія народа и руководителями послѣдняго являются всѣ эти „чины“? Случится ли въ сельской жизни какое либо недоразумѣніе,—кто, какъ не духовенство, разрѣшаетъ его и кто успокаиваетъ народъ, если недоразумѣніе принимаетъ острый характеръ? Нужно ли разъяснить распоряженіе начальства, успокоить взволнованные ложными слухами умы и сердца деревни, убѣдить бунтующій

народъ въ необходимости мира и спокойствія,—все это и многое подобное выпадаетъ на долю того же духовенства. Достаточно вспомнить бывшіе въ 1891—2 годахъ голодъ и холерные беспорядки, а также борьбу съ слухами о новомъ перелѣлѣ полей въ пользу крестьянъ, чтобы понять, какого рода общественно-земское служеніе требуется въ настоящее время отъ православнаго духовенства. Это служеніе, становящееся необходимымъ для духовенства во внутренней Россіи, давно уже является таковымъ на окраинахъ государства. Здѣсь православное духовенство всегда почиталось—и было на самомъ дѣлѣ—носителемъ и водворителемъ началъ русской народности и государственности.

Государственное и земское служеніе духовенства выражалось—и выражается—въ земскихъ губерніяхъ въ томъ, что нѣкоторые священники и протоіереи бывають гласными въ земскихъ собраніяхъ, дѣятельными участниками, устроителями и даже руководителями дѣла народнаго образованія. Кроме того, въ послѣднее время все чаще и чаще высказываются пожеланія, чтобы духовенство являлось пособникомъ врачей, чтобы оно могло подавать хотя первоначальную медицинскую помощь. И подобныя пожеланія имѣють основанія: врачамъ народъ плохо вѣрить, да ихъ и мало; а болѣзней въ селѣ много-множество, при чемъ самыя болѣзни происходятъ, большею частію, отъ невѣжества и отъ несвоевременнаго поданія первоначальной помощи. Дѣятельность духовенства въ этомъ отношеніи должна быть двойкая: предупредительная и пресѣкающая. Первая должна состоять въ распространеніи въ народѣ здравыхъ гигиеническихъ понятій о жилищѣ, пищѣ, питьѣ и одеждѣ, а вторая—въ поданіи первоначальной медицинской помощи. Нечего и говорить, что все это требуетъ знаній, труда, любви къ народу, немалого времени, безкорыстія, а въ иныхъ случаяхъ—и полной готовности жертвовать собою.

Такимъ образомъ, требованія, предъявляемыя къ православному русскому духовенству его прямыми пастырскими обя-

занностями и условіями современной жизни нашего народа, какъ видимъ, велики, разнообразны и отвѣтственны. Между тѣмъ, условія дѣятельности его по прежнему остаются неизмѣнными и въ значительной степени препятствуютъ надлежащему исполненію обязанностей. Такъ, на первомъ мѣстѣ въ этомъ отношеніи должны быть поставлены способы обезпеченія православнаго духовенства. Они давно признаны не соответствующими ни пастырскому призванію и достоинству, ни условіямъ экономической и общественной жизни. Въ настоящее время, когда и въ простомъ народѣ и среди образованныхъ классовъ все болѣе и болѣе усиливается неудовольствіе именно по поводу существующихъ способовъ вознагражденія духовенства, они особенно вредны для цѣлей пастырскаго служенія. Сколько униженій, скрытыхъ и явныхъ оскорбленій приходится переносить духовенству,—и не въ городѣ только, а и въ селѣ,—чтобы добыть себѣ насущный кусокъ хлѣба, это вѣдомо одному только ему...

• Къ числу неблагоприятныхъ условій пастырскаго служенія нужно отнести и слѣдующее. Большинство пастырей живетъ въ сельскомъ уединеніи, а нѣкоторые въ такой глуши, куда цѣлыя недѣли идетъ письмо или газета. Нѣтъ подъ рукою ни книгъ, ни журналовъ, ни даже того, что постоянно поддерживаетъ въ человѣкѣ стремленіе къ знанію, къ свѣту,—и пастырь Церкви долженъ, при этомъ, съ честью и во всеоружіи постоянно освѣжаемаго знанія нести свои многосложныя обязанности! Какъ, при такихъ обстоятельствахъ, не забыть и того, что знаешь? Какъ слѣдить за тѣмъ, что дѣлается въ мірѣ Божіемъ?—Это обстоятельство нужно отнести къ числу самыхъ неблагоприятныхъ условій современной дѣятельности пастырей Церкви: въ грубой средѣ невольно огрубѣешь и умственно и нравственно. Между тѣмъ, никто у насъ почти не обращаетъ на это вниманіе, а всѣ готовы явиться строгими судьями недостатковъ и пороковъ, встрѣчающихся въ средѣ пастырей. Много говорятъ и о вымогательствахъ ихъ и объ ихъ невѣжествѣ, недѣятельности; но при этомъ забы-

ваютъ, что слишкомъ уже много требуется отъ человѣка, чтобы онъ, окруженный иногда безпросвѣтнымъ мракомъ, сохранилъ въ себѣ все самое лучшее и умѣлъ это лучшее усѣбно проводить въ жизнь народную.

Наконецъ, требующіе отъ пастырей Церкви серьезнаго земскаго служенія и сѣтующіе на не всегдашнюю исправность его въ этомъ отношеніи забываютъ, что, вѣдь, еще ничего не сдѣлано, чтобы поднять общественное положеніе православнаго духовенства. Мы не говоримъ здѣсь о томъ, что достигается личными достоинствами человѣка, а о томъ, что создается закономъ, обычаями. Въ настоящее время волостной старшина, волостной писарь, становой,—не говоря уже о земскомъ начальникѣ,—все они—чуть ли не „начальство“ надъ священникомъ, все иногда имѣютъ возможность третировать его. И, конечно, нельзя не признать обиднымъ явленіемъ такія крайне ненормальныя отношенія.—Отсюда понятно, какъ много нужно имѣть пастырю Церкви смиренія и непритязательности, чтобы съ честью нести свои тяжелыя обязанности при подобныхъ обстоятельствахъ.

Резюмируя указанныя нами современныя требованія, предъявляемыя къ православному духовенству его пастырскими обязанностями и условіями жизни, мы видимъ, что священникъ есть, прежде всего, носитель благодати, удовлетворяющій важнѣйшія потребности духовной жизни пасомыхъ—религіозныя, и потому долженъ обладать высокими нравственными достоинствами; современное колебаніе религіозныхъ основъ какъ въ средѣ простого народа, такъ и въ средѣ образованныхъ классовъ усиливаетъ это требованіе еще и необходимостью высокаго умственнаго развитія, знанія всего, что совершается въ религіозной, нравственной и умственной жизни народа. Священникъ есть проповѣдникъ высшихъ истинъ, и потому отъ него требуется въ высокой степени развитое искусство владѣть словомъ; онъ долженъ почти буквально „глаголомъ жечь сердца людей“ и непосредственно съ каедръ церковной и путемъ печати. Священникъ, далѣе, есть народный

государственный дѣятель, и потому обученіемъ въ школѣ, врачеваніемъ, сельско-хозяйственнымъ руководствомъ долженъ способствовать развитію народа,—а это требуетъ много и знаній и любви къ дѣлу и народу. Дѣйствуя среди самыхъ разнообразныхъ классовъ,—разнообразныхъ по умственному, религіозному, нравственному и соціально-экономическому развитію,—священникъ долженъ обладать въ высокой степени прозорливостью, находчивостью, настойчивостью, энергіей и непоколебимой вѣрой въ святость своего призванія, въ высоту своего дѣла. Всѣ эти качества должны быть у православнаго духовенства въ высокой степени развитыми еще и потому, что обезпеченіе матеріальныхъ, духовныхъ и общественныхъ интересовъ его стоитъ далеко не на надлежащей высотѣ.

Таковы требованія, и при такихъ условіяхъ они предъявляются духовенству. Каково же само дѣховенство? Съ какою подготовкою къ жизни и дѣятельности оно выступаетъ на свое поприще? Даетъ ли ему семейное и школьное воспитаніе всѣ необходимыя средства для безбоязненнаго и честнаго служенія дѣлу Божьему и человѣческому? И что нужно и можно предпринять для уничтоженія тѣхъ или другихъ недостатковъ въ современномъ положеніи православнаго духовенства?

Безъ сомнѣнія, разрѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ представляется въ настоящее время особенно важнымъ для духовенства. Мы не беремъ на себя смѣлости представить именно такое ихъ разрѣшеніе; мы желали бы выразить только то, что само собою напрашивается при взглядѣ на современную русскую жизнь, на религіозно-нравственныя и умственныя теченія въ ней,—и то, какими умственными и иными ресурсами обладаетъ православное духовенство въ виду современныхъ требованій жизни.

(Продолженіе слѣдуетъ).

М. Гн.

Катихизическія домашнія бесѣды священника съ дѣтьми.

(о ч е р к и).

Въ настоящее время уже во многихъ мѣстахъ ведутся съ народомъ виѣбогослужебныя бесѣды. Но еще очень и очень рѣдко бываютъ такія бесѣды съ дѣтьми, а послѣднее необходимо не менѣе перваго. Дѣтскій умъ пытливъ. Его все интересуеть, онъ все хочетъ знать,—и дѣтскія впечатлѣнія остаются на всю жизнь. По большей части, такъ и живетъ человѣкъ, какъ научился въ дѣтствѣ.

Поэтому, особенно полезно вести бесѣды съ дѣтьми. Могутъ дѣлать это учителя, по ближе всего вести такія бесѣды съ дѣтьми священнику. Не мало упускается удобнаго времени, не мало праздно проходитъ особенно вечеровъ, въ которые можно было бы сдѣлать много добраго путемъ бесѣды съ дѣтьми. Самое приличное содержаніе такихъ бесѣдъ, несомнѣнно, есть религіозно-нравственное. И самый удобный для священника планъ этихъ бесѣдъ—катихизическій. Катихизисъ м. Филарета извѣстенъ всякому священнику. По порядку его и слѣдуетъ вести бесѣды съ дѣтьми.

Начать бесѣды слѣдуетъ съ символа вѣры, а предварительныя понятія можно опустить; содержащіяся же въ нихъ свѣдѣнія сообщить по частямъ въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ дальнѣйшихъ бесѣдъ. Послѣ бесѣды на символъ вѣры должны идти бесѣды на молитву Господню и на заповѣди блаженства и десятословія. Мы не ошибемся, если скажемъ, что одна изъ причинъ развитія сектантства кроется въ недостаточности религіознаго обученія дѣтей. Не рѣдко молодой образованный сельскій священникъ цѣлыя дни томится не зная, за что взяться, скучаетъ и горько жалуется на пустоту деревенской жизни, некультурность среды, отсутствіе высшихъ интересовъ. Грустная картина! Невольно приходитъ по этому поводу на память слѣдующія вдохновенныя слова И. С. Никитина:

Не говори, что жизнь ничтожна,
Сперва въ глубокой тишинѣ

Не изучивши осторожно
 Ея значенія вполне.
 Пѣть, не суди о жизни строго!
 Повѣрь, прекрасное любя,
 Ты въ ней всегда отыщешь много
 Отрады новой для себя.
 Умѣй изъ груди безобразной
 Картину стройную создать
 И положить на слѣпокъ грязный
 Живого творчества печать.
 И ты поймешь свое призванье
 Въ минуты свѣтлыя труда
 И выше своего страданья
 Себя поставишь навсегда.

(Никитинъ, I, прилож. 8—9 стр).

И если гдѣ, то именно среди дѣтей, въ трудѣ ихъ воспи-
 танія и можно найти свое призваніе, и высокое нравствен-
 ное утѣшеніе. Трудъ имѣетъ то чудное свойство, что чѣмъ
 болѣе человекъ его любитъ, тѣмъ становится бодрѣе, крѣпче
 и нравственно чище.

I. Бесѣды о символѣ вѣры.

Бесѣды на символѣ вѣры слѣдуетъ начинать съ рѣчи о
 Богѣ, какъ нашемъ небесномъ отцѣ, и толкованіе перваго
 члена символа вѣры повести съ изъясненія свойствъ Божіихъ.
 Духовность существа Божія дѣти поймутъ только изъ нагляд-
 наго примѣра. Подходящимъ же въ этомъ случаѣ примѣромъ
 могутъ быть сказанія о явленіяхъ Спасителя по воскресеніи.
 Вѣчность Божію для дѣтей можно уяснить, конечно, только
 отчасти: нѣтъ ничего, что было бы до Бога; небо, земля и
 все существующее сотворено вѣчнымъ Богомъ. Благость Бо-
 жія не разъ проявлялась во время сорокалѣтняго странство-
 ванія евреевъ по пустынѣ Аравійской; можно взять также
 примѣры изъ евангельской исторіи. Для уясненія дѣтямъ все-
 вѣдѣнія Божія полезно прочесть книгу пророка Іоны. Содер-

жаніе этой же книги научить ихъ понимать и Божіе вездѣ-
сущіе, а слова св. Давида (138 пс., 7—12 ст.) въ этомъ
случаѣ будутъ хорошимъ заключеніемъ къ бесѣдѣ. Правосудіе
Божіе, карающее неправду, грозно проявилось на домѣ Ахава,—
какую исторію и умѣстно передать дѣтямъ, а еще лучше—
прочестъ по Библии. Всемогущество Божіе проявилось и въ
потопѣ всемірномъ и въ гибели трехъ городов,—и эти мѣста
надобно прочестъ дѣтямъ. Само собою понятно, что при чте-
ніи по Библии, нужно дѣлать соотвѣтствующіе пропуски, что
легко сдѣлаетъ каждый священникъ по своему усмотрѣнію,
предварительно прочитавши дома потребныя мѣста. О неизмѣ-
няемости, вседовольствѣ и всеблаженствѣ можно сказать не-
многое. Троичность лицъ Божества для дѣтскаго сознанія
непостижима, какъ непостижима она и для взрослыхъ. По-
этому, изложивъ въ бесѣдѣ сказанное у м. Филарета, хорошо
привести еще и примѣры проявленія Св. Троицы въ жизни
человѣчества (явленіе Св. Троицы праотцу Аврааму, крещеніе
Господа). Но особенное впечатлѣніе на дѣтей произведетъ
бесѣда объ ангелахъ. Въ примѣръ св. ангела, охраняющаго
людей, слѣдуетъ прочестъ дѣтямъ соотвѣтствующія мѣста изъ
книги Товита. О злыхъ духахъ и ожидающемъ ихъ наказаніи
надо говорить немного, но картинно. Дѣятельность ихъ бу-
детъ болѣе умѣстно выяснитъ позднѣе, при толкованіи мо-
литвы Господней; здѣсь же довольно прочестъ одну притчу о
гадаринскомъ бѣсноватомъ. О твореніи видимаго міра про-
честъ по Библии. Въ разъясненіе же мысли о промыслѣ Бо-
жіемъ слѣдовало бы 90-ый прочестъ псаломъ съ краткимъ къ
нему толкованіемъ.

2—6 члены символа вѣры самое удобное толковать въ
разказахъ изъ Священной Исторіи примѣнительно къ тексту
символа вѣры. Рѣчь же о пророчествахъ объ Иисусѣ Христѣ
весьма хорошо пополнить разказами о злостраданіяхъ хотя
нѣкоторыхъ, особенно великихъ пророковъ.

Седьмой членъ символа вѣры уясняется дѣтямъ путемъ
чтенія тѣхъ мѣстъ изъ рѣчей Господа нашего Иисуса Христа,

гдѣ Онъ говоритъ о второмъ Своемъ пришествіи, и въ некоторыхъ мѣстахъ изъ Апокалипсиса (изображеніе ангеловъ, поражающихъ землю, и появленіе небеснаго Іерусалима).

Восьмой членъ—о Св. Духѣ—необходимо разъяснить кратко и главное—путемъ примѣровъ. Сказаніе книги Дѣяній Апостольскихъ о сошествіи Св. Духа на апостоловъ—самое близкое для дѣтскаго пониманія, и его слѣдуетъ прочесть. Изъ этого сказанія дѣти, между прочимъ, уразумѣютъ, что значить сподобиться даровъ Св. Духа.

Но самой подробной бесѣды съ дѣтьми требуетъ *девятый* членъ символа вѣры. Въ настоящее время—время шатанія религіознаго и особеннаго развитія различныхъ сектъ—ученіе о Церкви особенно полезно съ малыхъ лѣтъ виѣдрять въ сознаніе дѣтей. Основная мысль, которую нужно укрѣпить въ умѣ дѣтей, должна быть та, что каждый изъ насъ есть членъ великой небесно-земной общины и всегда имѣетъ возможность получить помощь отъ Главы этой общины и небесныхъ ея членовъ; что на землѣ мы находимся какъ бы на испытаніи, отечество же наше—на небѣ. Что же требуется, чтобы быть членомъ этой общины?—вотъ вопросъ, отвѣтомъ на который и послужить первый отвѣтъ Катихизиса о 9 членѣ символа вѣры. „Церковь,—читаемъ мы здѣсь,—есть отъ Бога установленное общество челоѣковъ, соединенныхъ православною вѣрою, закономъ Божиимъ, священно-началіемъ и таинствами“. И дѣтямъ нужно только выяснить, что желающіе быть членами Церкви Христовой должны проявлять: свое единство вѣры—исповѣданіемъ символа вѣры; признаніе закона Божія—признаніемъ того Свящ. Писанія и Преданія, которое признаетъ св. Церковь наша, а также повиновеніемъ трехчинной іерархіи и принятіемъ семи таинствъ. Затѣмъ необходимо побесѣдовать о Церкви небесной: о Главѣ ея—Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ и вѣрующихъ усопшихъ—удостоенныхъ общенія со Христомъ и недостоенныхъ. О свв. угодникахъ рѣчь надобно начать сказаніемъ объ успеніи Пресв. Богородицы, продолжить разговоръ о Предтечѣ и

другихъ святыхъ; закончить же, лучше всего рѣчью о новопрославленныхъ угодникахъ Божіихъ отечественныхъ: св. Тихонѣ Воронежскомъ, Митрофанѣ, Димитріи Ростовскомъ и Ѳеодосіи Черниговскомъ (Углицкомъ). Главное, что важно здѣсь уяснить, это—чтобы дѣти видѣли въ Божіей Матери, въ свв. угодникахъ и въ свв. ангелахъ—нашихъ небесныхъ покровителей, которые горячо любятъ насъ и всячески готовы намъ помогать въ дѣлѣ нашего спасенія. На умершихъ же собратій нашихъ непрославленныхъ надо вселить взглядъ какъ на подобныхъ намъ людей, судьба которыхъ намъ не извѣстна, и за которыхъ надо усердно молиться. Въ „Училищѣ благочестія“ каждый священникъ, по своему усмотрѣнію, найдетъ не мало разказовъ о Церкви небесной и ея отношеніи къ Церкви земной. Когда будетъ идти бесѣда о Божіей Матери, весьма полезно привести сказанія древнѣйшихъ писателей о внѣшнемъ видѣ Пресв. Богородицы (сказанія эти приведены въ соч. о. Гр. Дьяченко: „Уроки и примѣры христіанской вѣры“ и въ соч.: „Женскіе подвиги и добродѣтели“. 1899 г. 136—139 стр.).

Во время такихъ бесѣдъ священникъ непремѣнно услышитъ со стороны дѣтей вопросъ: „почему же мы не видимъ святыхъ?“—На этотъ вопросъ нужно дать простой отвѣтъ: „наше недостойнство, наша грѣховность препятствуетъ намъ видѣть духовный, святой міръ; благочестивые же, праведные люди иногда удостоивались, по особой милости Божіей, явленія и лицезрѣнія Спасителя, Божіей Матери и свв. угодниковъ. Поминовеніе усопшихъ—нашъ священнѣйшій долгъ, и дѣтямъ нужно выяснитъ все величіе ихъ поминовенія во время совершенія Божественной литургіи. Здѣсь же умѣстно побесѣдовать и о почитаніи свв. мощей. Св. мощи представляютъ собою, такъ сказать, сосуды обитавшей въ нихъ благодатствованной души человѣческой, и, почитая ихъ, мы прославляемъ Божию благодать, чрезъ нихъ являемую. На ряду съ этимъ, нужно на паглядномъ примѣрѣ показать и то, какъ опасно неблагоговѣнно относиться къ свв. мощамъ (та-

кихъ разсказовъ можно найти много). Затѣмъ слѣдуетъ объяснить свойства Церкви: ея единство, святость, соборность и апостольское происхожденіе. Говоря о святости Церкви, настырь можетъ мысль о томъ, что грѣшники не препятствуютъ Церкви быть святою, объяснить, для наглядности, сравненіемъ (какъ сухія вѣтки на зеленомъ деревѣ, то отпадающія отъ дуновенія вѣтра, то отламываемыя рукою человѣка, не мѣшаютъ быть дереву здоровымъ; такъ и грѣшники... и т. д.). О томъ же, что значитъ соборность и апостольское происхожденіе Церкви, дѣтямъ довольно сообщить лишь то, что есть въ Катихизисѣ.

Десятый членъ символа вѣры—о таинствахъ. Дѣтямъ особенно нужно уяснить, что таинства суть источники Божественной благодати. Поэтому, говоря о каждомъ таинствѣ въ отдѣльности, слѣдуетъ указывать для чего и когда какое таинство бываетъ намъ нужно. Хорошо указать и примѣры видимаго проявленія при совершеніи таинствъ благодати Божіей. Такихъ примѣровъ весьма много въ житіяхъ святыхъ, въ Троицкихъ Листкахъ и т. д.

11 и 12 члены символа вѣры содержатъ въ себѣ ученіе о послѣднихъ судьбахъ міра и человѣчества. Задача священника при объясненіи этихъ членовъ будетъ выполнена, если онъ, хотя и не подробно, передастъ содержаніе Катихизиса по этому вопросу, о мученіяхъ же грѣшниковъ познакомитъ главнымъ образомъ изъ видѣній св. Θεодоры, а будущее царство славы нарисуетъ по Апокалипсису.

Слѣдствіемъ этихъ бесѣдъ явится то, что дѣти за богослуженіемъ будутъ сознательно пѣть символъ вѣры и будутъ вообще понимать его. Они будутъ знать, какъ и во что они вѣруютъ и почему вѣруютъ такъ, а не иначе.

Архимандритъ *Никодимъ*.

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Д. Семинаріи, Архимандритъ Θεодозій,

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 7 января 1902 г.
Цензоръ, экстр.-орд. проф. Акад. прот. *Г. Корольковъ*.

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. П. Т. Корчакъ-Повицкаго.

ГОДЪ

XLIII

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 4.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Киевской
духовной Семинаріи.

1902 года, января 22-го.

содержаніе: Недоумѣнный вопросъ изъ чина Божественной Литургіи
Преждеосвященныхъ Даровъ.— Чинопослѣдованія хиротоній и хиро-
тесій съ объясненіями ихъ особенностей (продолженіе).—Современ-
ная жизнь русскаго народа и православное русское духовенство
(продолженіе).—О просфорахъ на литургіи (продолженіе).

Недоумѣнный вопросъ изъ чина Божественной Литургіи Преждеосвященныхъ Даровъ.

Въ теченіе уже многихъ лѣтъ, пишущаго эти строки съ
особенною настойчивостью занимаетъ и даже трепетно вол-
нуетъ одна подробность изъ чина Божественной Литургіи
Преждеосвященныхъ Даровъ. Каждый годъ предъ наступле-
ніемъ св. четыредесятницы съ неизмѣнною живостію воскре-
саетъ въ сознаніи эта подробность, смущаетъ, тревожитъ,
наводя при этомъ на цѣлый рядъ пережитыхъ воспоминаній
и размышлений. Неизбѣжно въ эти минуты всегда является
неодолимое желаніе повергнуть свои недоумѣнія на судъ зна-
токовъ и любителей церковнаго устава, открыть имъ свои

затаенныя думы, чтобы и отъ нихъ взаимно услышать братскій сильный отзывъ. Однако, послѣ долгаго лишь колебанія, рѣшаемся выступить съ своимъ сообщеніемъ, движимые исключительно высокою важностію Богослужебнаго авторитета, которымъ навѣяны наши думы, и въ томъ упованіи, что вопросы Божественной службы, какъ бы нѣкоторые изъ нихъ ни казались иногда малыми, достойны всегда самага широкаго и всесторонняго обсужденія.

Вопросъ касается въ настоящемъ случаѣ перенесенія Св. Агнца съ престола на жертвенникъ для приготовленія Его къ Литургійному священнодѣйствію. Какъ извѣстно, церковный уставъ выражается относительно этого очень кратко. „Наченшуся стихословію“, говорится въ Служебникѣ, „отходить священникъ во святое предложеніе, и возьмъ преждеосвященный хлѣбъ отъ хлѣбоносца, полагаетъ ѿ со благоговѣніемъ многимъ во святой дискось... ничтоже глаголя“ (Чинъ Божеств. Литург. Преждеосвящ.). Этимъ замѣчаніемъ устава, повидному, указывается такая практика, въ силу которой священникъ, для приготовленія Св. Агнца, долженъ отходить отъ престола къ жертвеннику безъ всякой торжественности, въ глубокомъ молчаніи, и здѣсь уже, т. е. на жертвенникѣ, брать изъ хлѣбоносца Св. Агнецъ и полагать Его на дискось. Между тѣмъ, въ дѣйствующей нынѣ практикѣ наблюдается въ этомъ случаѣ нѣчто иное. Вслѣдствіе, конечно, глубокаго уваженія къ величайшей святынѣ, нынѣ хлѣбоносець, или дарохранительница обыкновенно находятся не въ предложеніи, не на жертвенникѣ, а на престолѣ или на особомъ столѣ за престоломъ, почему и при изъятіи изъ дарохранительницы Св. Агнца въ настоящее время принято совершать слѣдующія священныя дѣйствія. „Обыкновенно берутъ сначала дискось и поставляютъ его на престолъ; затѣмъ, Св. Евангеліе, лежащее на антиминосѣ, ставятъ на престолѣ за антиминосомъ; священникъ развертываетъ, потомъ, антиминосъ, поставляютъ на него дискось, на который и полагаетъ изъ дарохранительницы преждеосвященный хлѣбъ. Послѣ того священникъ съ

діакономъ, держащимъ въ рукѣ свѣчу, или одинъ священникъ кадитъ престоль, обходя его трижды, и, наконецъ, сотворивъ поклонъ святымъ Дарамъ, полагаетъ дискось на свою главу и переноситъ его на жертвенникъ, въ предшествіи діакона со свѣчею и кадильницею. Потомъ на жертвенникѣ вливаетъ вино съ водою во святую чашу, кадитъ звѣздицу и покровы, и покрываетъ ими дискось и потиръ. Затѣмъ священникъ идетъ къ престолу, складываетъ антиминсъ и полагаетъ на немъ св. Евангеліе“ (Никольскій, „Пособіе къ изученію устава Богослуженія Православной Церкви“. 1862. СПб. Стр. 413). Такова общераспространенная практика относительно указанной подробности изъ чина Преждеосвященной Божественной Литургіи. Къ ней привыкли мы съ дѣтства, — наблюдали ее въ приходскомъ, родномъ своемъ храмѣ, видѣли въ губернскомъ городѣ въ періодъ низшаго и средняго школьнаго своего обученія; наконецъ, встрѣтили ее же и въ храмѣ высшей духовной науки въ столицѣ. Практика эта казалась намъ въ совершенствѣ правильной, благолѣпной и вполнѣ отвѣчавшей высокому содержанію Божественной службы. Но вотъ въ 1885 году судилъ намъ Господь вступить на священническое служеніе при Вологодскомъ кафедральномъ соборѣ. Не иначе, какъ съ величайшимъ наслажденіемъ и даже съ восторгомъ воспоминается намъ это блаженное и счастливое время первыхъ опытовъ священническаго служенія въ одномъ изъ древнѣйшихъ храмовъ Русской земли, подъ сѣнію Заступницы рода христіанскаго, Пресвятой Богородицы¹⁾ и при самыхъ живыхъ, неумолкшихъ еще воспоминаніяхъ между членами соборнаго причта о настоятелѣ сего собора, знаменитомъ *Протоіерей В. Ив. Нордовъ*²⁾. Случилось такъ, что первую же очередную Литургію Преждеосвященныхъ Даровъ, послѣ принятія нами священнаго сана, и

¹⁾ Имѣется въ соборѣ мѣстно чтимая, чудотворная икона Божіей Матери „Всѣхъ скорбящихъ Радости“. Храмъ существуетъ съ 1568 г.

²⁾ Сконч. въ октябрѣ 1883 года.

именно въ среду на второй недѣлѣ наступившей св. Четырехдесятицы ¹⁾ вышалъ жребій совершать пишущему эти строки, причѣмъ сослужителемъ моимъ оказался тогда достопочтеннѣйшій о. протодіаконъ собора А. Вен. В—скій ²⁾, первый въ то время ветеранъ Вологодскаго соборнаго причта, великій знатокъ и любитель церковнаго устава и живой свидѣтель порядка, учрежденнаго при Соборѣ Протоіереемъ Нордовымъ. Наступило время чтенія каѳизмы... Я по обычаю началъ дѣлать приготовленія къ перенесенію Св. Агнца съ престола на жертвенникъ — послѣ первой эктеніи стихословія взялъ св. Евангеліе и поставилъ его на горней сторонѣ престола за антиминомъ; послѣ второй эктеніи распростеръ антиминосъ, съ тѣмъ, чтобы послѣ третьей эктеніи, положивъ Агнецъ на дискосъ, приступить въ началѣ пѣнія стихиръ на „Господи воззвахъ“ къ кажденію вокругъ престола. Но каково же было мое удивленіе, когда достопочтенный мой сослужитель, вопреки обычнымъ моимъ ожиданіямъ, не подалъ мнѣ дискоса на престолъ, а подошедши нѣсколько сбоку къ горней сторонѣ престола, сдѣлалъ земной поклонъ, благоговѣнно взялъ съ престола дарохранительницу, въ которой былъ Св. Агнецъ, и переставилъ ее на жертвенникъ, гдѣ все было готово уже для священнодѣйствія? Я смутился, слегка воспротивился дѣйствіямъ о. протодіакона и, насколько позволяло время, разъяснилъ ему, какъ бы, по моему мнѣнію, слѣдовало ему поступить; при этомъ, конечно, имѣлъ я въ виду обычную практику. Но онъ строго и авторитетно мнѣ на это замѣтилъ: „такъ дѣлать указано намъ Протоіереемъ Нордовымъ, переносить же Св. Агнецъ на головѣ имъ строго воспрещено“. Послѣ этого я уступилъ и сдѣлалъ все такъ, какъ было уже приготовлено. Однако, я на этомъ не успокоился, и по окончаніи Божественной Литургіи, снова рѣшился от-

¹⁾ На первой недѣлѣ въ среду была совершаема преждеосвященная божественная литургія архіерейскимъ служеніемъ; но какихъ-либо особенностей и отступленій отъ обычной практики нами замѣчено не было.

²⁾ Нынѣ состоитъ на пенсіи, въ почетной отставкѣ.

становать предъ о. протодіакономъ преимущество своей, дотолѣ известной мнѣ практики; но онъ съ нѣкоторымъ огорченіемъ далъ мнѣ на мои возраженія ясно понять, что „вѣдь, магистръ Нордовъ, известный знатокъ и любитель церковнаго устава, маститый старецъ и мужъ глубокаго духовнаго опыта, во всякомъ случаѣ не могъ же быть въ уразумѣніи Божественной службы менѣе свѣдущимъ“, нежели я, тогда еще совершеннѣйшій новичекъ въ этомъ дѣлѣ. Но какъ-бы-то-ни было, я все же въ концѣ концовъ потребовалъ отъ іерархически низшаго своего сослужителя, чтобы на слѣдующее время, когда мнѣ придется съ нимъ совершать Преждеосвященную Литургію, онъ дѣлалъ по моему. Къ чести и выдержанности о. протодіакона слѣдуетъ отнести, что онъ желаніе мое послѣ этого уже сталъ исполнять; но, какъ мнѣ казалось, съ нѣкоторою затаенною грустію и съ замѣтнымъ недовѣріемъ къ моей, еще слишкомъ малой авторитетности. Чтобы вывести возникшій вопросъ изъ такого неопредѣленнаго положенія, я готовъ уже былъ повергнуть его на возрѣніе своего Архипастыря; но въ этомъ случаѣ сами обстоятельства опередили меня. Случилось, что въ это же самое время, бывшимъ тогда на Вологодской кафедрѣ Преосвященнымъ Израилемъ, въ видахъ практическаго ознакомленія воспитанниковъ семинаріи съ порядкомъ Божественной Литургіи Преждеосвященныхъ Даровъ (при духовно-учебныхъ заведеніяхъ тогда еще не было обязательнаго совершенія по средамъ и пяткамъ сихъ Литургій), семинарскому начальству дано было приказаніе командировать по средамъ и пяткамъ великаго поста въ кафедральный Соборъ, группами человекъ по 10, воспитанниковъ старшаго класса. Въ перенесеніи Св. Агнца съ престола на жертвенникъ пришлось и мнѣ встрѣтить здѣсь не ту практику, какаѣ обыкновенно развивалась предъ ними на урокахъ Литургики. Возникло недоумѣніе, которое преподавателемъ Литургики немедленно же и было повѣдано Архипастырю. Въ результатѣ послѣдовало съ его стороны словесное распоряженіе чрезъ настоятеля собора о совершенной отмѣнѣ вышеописан-

саяной *Нордовской практики*. Этимъ и окончилась внѣшняя сторона возникшаго недоумѣннаго вопроса. Но всѣ сопутствовавшія ему обстоятельства глубоко запали намъ въ сердце и подали поводъ къ новымъ усиленнымъ размышленіямъ о спорномъ предметѣ. Невольно при этомъ думалось: вѣдь, не могъ же въ самомъ дѣлѣ безъ какихъ-либо основаній, и притомъ серьезныхъ и важныхъ, допустить у себя въ соборѣ означенное отступленіе отъ принятой практики такой благоговѣйный и опытный въ церковномъ служеніи мужъ, какимъ былъ, по всѣмъ извѣстіямъ и разговорамъ его очевидцевъ, Протоіерей Вас. Ив. Нордовъ? Не могъ же онъ допустить что-либо несообразное и противное самому духу Божественной службы. Не могъ безъ нужды отринуть въ настоящемъ случаѣ и церковное благолѣпіе. Самъ точный въ соблюденіи церковнаго устава до идеальности, конечно, не могъ поощрить онъ и какое-либо небреженіе или опущеніе у подчиненныхъ ему сослужителей... Мы съ любовію и съ живымъ интересомъ въ теченіе долгаго времени прислушивались ко всѣмъ мѣстнымъ разговорамъ непосредственныхъ очевидцевъ этой высокой и во многихъ отношеніяхъ замѣчательной личности. Намъ много передавалось о глубокомъ молитвенномъ настроеніи „Нордова“, о его строгой церковности, о сердечной любви его къ Божественной службѣ, о его преданности Божественному Провидѣнію, о благочестивой, воздержной жизни его и о примѣрной разсудительности въ дѣлѣ исполненія церковнаго устава. Самое отличіе, оказанное ему лишь одному чрезъ погребеніе бранныхъ останковъ его въ оградѣ собора, у сѣверной стороны алтаря холоднаго, отличающагося глубокою древностію храма Софіи Премудрости Божіей, постоянно видимый мною изъ оконъ своей соборной квартиры, точно свѣтлый маякъ въ волнахъ переилюстрируемаго мною тогда житейскаго моря, благоукрашенный памятникъ на могилѣ его отъ почитателей его памяти, съ свѣтящейся въ немъ лампадой, и нерѣдко совершаемая здѣсь повременно и мною, и другими соборными сослужителями моими паннихиды объ упо-

коени души его по желанію и мѣстныхъ, и пріѣзжихъ богомольцевъ,—со всею очевидностію свидѣтельствовали для меня о томъ уваженіи, какое дѣйствительно снискалъ себѣ этотъ по-истинѣ достойный служитель Божій. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ впечатлѣній, свѣдѣній и разсказовъ, съ именемъ Протоіерея Нордова и доселѣ въ моемъ сознаніи рисуется величавый, благоговѣйный, сильный вѣрою и полный глубокаго духовнаго опыта мужъ, одушевленный „бесѣдовникъ“ Слова Божія и убѣжденный любитель церковной-Божественной службы, привыкшій созерцать красоту ея не во внѣшнихъ только ея подробностяхъ, но въ самомъ духѣ и стробѣ. Въ виду сего, и приведенная *Нордовская практика* по затронутому нами вопросу отнюдь не можетъ быть пройдена молчаніемъ и естественно заслуживаетъ надлежащаго разсмотрѣнія. Въ теченіе долгаго времени мы были заняты этимъ вопросомъ, всесторонне размышляли о немъ и пришли къ тому убѣжденію, что практика эта носитъ на себѣ печать глубокаго пониманія Божественной службы и имѣетъ многія за собою преимущества. И, во-первыхъ, помимо уже того, что она буквально, ближе, точнѣе стоитъ къ прямому указанію изложеннаго въ служебникѣ церковнаго устава, она въ болѣе степеніи соотвѣтствуетъ, по нашему мнѣнію, и той простотѣ, какою облеченъ весь чинъ Божественной Литургіи Преждеосвященныхъ Даровъ. Такъ какъ Богомудрыми отцами установлено для христіанъ совершать ее во время только св. поста, и притомъ во дни самаго строгаго среди поста воздержанія,—во дни наибольшей скорби и сѣтованія о грѣхахъ, въ печальные дни воспоминанія крестныхъ страданій Христовыхъ, изъ чина ея намѣренно удалено все радостное, торжественное, дерзновенное. Не находя возможнымъ и умѣстнымъ въ покаянные, великопостные дни вводить христіанъ въ созерцаніе Святѣйшей, Божественной Евхаристической Тайны, но въ то же время не желая и лишить ихъ спасительнаго вкушенія Тѣла Христова, такъ какъ это особенно важно и необходимо при подвигѣ великопостнаго воздержанія, св. Церковь установле-

ніемъ Литургіи Преждеосвященныхъ Даровъ дѣлаеть для своихъ духовныхъ чадъ какъ бы нѣкоторую уступку въ ихъ добромъ и благочестивомъ желаніи—не оставлять себя и въ дни поста безъ приобщенія Божественныхъ Таинъ, позволяя имъ употреблять для этой цѣли Хлѣбъ, приготовленный ранѣе, преждеосвященный. И какъ не трудно замѣтить изъ всего содержанія молитвословій, св. Церковь на Преждеосвященной Божественной Литургіи имѣеть въ виду не услажденіе и утѣшеніе благоговѣйнаго чувства вѣрующихъ открытымъ, дерзновеннымъ созерцаніемъ Божественныхъ Таинъ, но преслѣдуетъ одну лишь цѣль: приготовить христіанъ, находящихся въ скорби о грѣхахъ, къ приобщенію и затѣмъ преподать имъ эту святыню безъ особой торжественности, неумѣстной для великопостнаго времени. Самый Евхаристическій Агнецъ Преждеосвященной Божественной Литургіи, для преподанія вѣрующимъ приготовленный ранѣе, по всему характеру Преждеосвященной Божественной службы, можетъ быть въ значительной степени приравненъ къ Дарамъ Запаснымъ. А отсюда, и введенное въ практику достопочтеннымъ о. прстоіереемъ Нордовымъ простое перенесеніе Св. Агнца съ престола на жертвенникъ, чрезъ переставленіе лишь діаконъмъ содержащей Его дарохранильницы, безъ обычно принятой нынѣ торжественности, какъ близко и хорошо подходитъ къ самому духу первоначальнаго установленія Литургіи Преждеосвященныхъ Даровъ! Участіе же здѣсь именно діакона невольно воскрешаетъ предъ нами самую древнюю практику христіанской Церкви, когда не только хранили Запасные Св. Дары, но и раздавали приготовленные Дары народу, и относили ихъ къ отсутствующимъ именно діаконъ (Св. Іуст. Мучен. перв. Аполлог. и Разгов. съ Трифон.). Въ чинѣ Божественной Литургіи Преждеосвященныхъ Даровъ есть и еще одна характерная черта, къ которой, повидимому, ближе и соответственнѣе также стоитъ разсматриваемая Богослужбная практика Нордова. Въ виду покаяннаго и скорбнаго, по случаю дней поста, настроенія молящихся, св. Церковь на Прежде-

освященной Божественной Литургіи какъ бы намѣренно скрываетъ приготовленные заранѣе Св. Дары не только отъ взора мірянъ, но и отъ непосредственнаго, открытаго созерцанія ихъ самими даже священнослужителями; ибо, по указанному въ служебникѣ чину той Литургіи, священнодѣйствующій, тотчасъ по изготовленіи Св. Агнца на полной Божественной Литургіи, „спрятоваетъ его въ Хлѣбносець“; потомъ, когда наступаетъ на Преждеосвященной Литургіи время, покрываетъ Его на дискосѣ звѣздицею и покровами и въ такомъ покровенномъ видѣ соблюдаетъ Его до самаго момента раздробленія для причащающихся, при чемъ не открываетъ Его и на знаменательномъ возгласѣ: „Преждеосвященная святая святымъ“; „но еще покровеннымъ Божественнымъ сущимъ Даромъ“, говоритъ въ этомъ случаѣ уставъ Литургіи, „вноситъ священникъ руку свою“ подъ осѣняющій Св. Дары покровъ „со страхомъ многимъ и прикасается Божественному Хлѣбу съ благоговѣніемъ“... Покровъ отлагается лишь предъ самымъ раздробленіемъ Св. Агнца. Послѣ столь ясныхъ, хотя и непрямыхъ, указаній служебника, съ какимъ благоговѣніемъ и опасеніемъ долженъ смотрѣть кающійся христіанинъ, въ дни великопостнаго воздержанія, на предлагаемый ему для благодатнаго укрѣпленія Преждеосвященный Божественный Хлѣбъ, открытое, съ отложеніемъ всякихъ покрововъ ¹⁾, поставленіе этой высочайшей и радостнѣйшей Святыни на престолѣ во время кажденія, что собственно и отмѣняется практикой Нордова, не слѣдуетъ ли признать въ нѣкоторомъ несоотвѣтствіи съ вышеуказаннымъ покаяннымъ характеромъ Преждеосвященной Божественной Литургіи? Затѣмъ возношеніе Св. Агнца священнодѣйствующимъ на главу на вполнѣ открытомъ дискосѣ, безъ звѣздицы и покрововъ ²⁾, предъ взоромъ всѣхъ,

¹⁾ Въ С.-Петербургскихъ церквахъ Агнецъ въ этомъ случаѣ полагается на дискосѣ обыкновенно покрытый звѣздицею и покровомъ. Въ такомъ видѣ переносится онъ потомъ и съ престола на жертвенникъ.

²⁾ Практика С.-Петербургскихъ церквей въ этомъ случаѣ достойна справедливаго подражанія.

находящихся въ алтарѣ¹⁾, помимо необычнаго положенія Святныи, представляется еще болѣе какъ бы нарушающимъ заботы самой Церкви о глубокомъ въ дни поста покровеніи Св. Даровъ. Въ такое открытое и доступное для взора всѣхъ положеніе Св. Агнецъ не ставится даже и въ праздничные дни на полной Божественной Литургіи. Напротивъ, мы видимъ здѣсь, что даже и простой евхаристическій хлѣбъ, еще не освященный, притомъ не исключая и дней самыхъ свѣтлыхъ, праздничныхъ и торжественныхъ, при перенесеніи съ жертвенника на престолъ, на великомъ входѣ, обыкновенно подымается священнодѣйствующимъ на главу не въ открытомъ, а въ покровенномъ видѣ—на дискосѣ съ воздухомъ и звѣздицею. Не тѣмъ ли болѣе должно этого ожидать по отношенію къ освященному Хлѣбу въ дни печали и сѣтованія, въ дни нарочитаго сознанія христіаниномъ своего недостойнства?—Такъ, практика знаменитаго и глубоко-разсудительнаго въ церковномъ уставѣ о. протоіерея Нордова и съ этой стороны заслуживаетъ особеннаго вниманія.

Но есть и еще одна подробность Преждеосвященной Божественной Литургіи, гдѣ преимущества этой практики выступаютъ также съ наиболѣе замѣтною силою. Когда Св. Агнецъ даже и въ покровенномъ видѣ показуется во время Преждеосвященной Божественной Литургіи на великомъ входѣ народу, „всѣ люди и пѣвцы падаютъ ницъ, творя Богоподобное поклоненіе Христу Богу въ Тайнахъ сущему“ (Типиконъ, послѣдов. среды 1-ой седмицы великаго поста). И это требованіе церковнаго устава обыкновенно соблюдается строго. Между тѣмъ, при существующей практикѣ не часто ли съ грустію приходится наблюдать, что при перенесеніи Св. Агнца съ престола на жертвенникъ, не смотря на открытый видъ Его, не только народъ, которому это перенесеніе иногда видно бываетъ въ алтарныя двери, но и присутствующіе въ алтарѣ

¹⁾ Кромѣ священнодѣйствующихъ, здѣсь бываютъ иногда для исполненія различныхъ обязанностей и люди мірскіе.

падениемъ лицъ не воздаютъ должнаго поклоненія святымъ? Не дѣлаютъ же сего поклоненія единственно потому, что оно для этого времени церковнымъ уставомъ не предусмотрено и въ обычай христіанъ не вошло. Такому несоотвѣтствію опять не даетъ мѣста практика о. Нордова.

Не можемъ умолчать въ заключеніе и о томъ духовномъ трепетѣ, который невольно объемлетъ сердце, каждый разъ при открытомъ перенесеніи Св. Агнца, вслѣдствіе вполне естественнаго опасенія, чтобы неосторожнымъ какимъ-либо движеніемъ не повергнуть наземь эту Божественную святыню. Такое трепетное опасеніе нерѣдко подавляетъ собою у іереевъ всѣ движенія благоговѣйнаго чувства, волнуется, смущаетъ, тревожитъ ихъ совѣсть въ такой важный моментъ, когда въ душѣ священнослужителя должно бы быть особенно высокое, сосредоточенное молитвенное настроеніе всѣхъ его силъ. Практика Нордова предуграждаетъ собою и эти описанныя неудобства.

Держаемъ предать гласности эти свои размышленія отнюдь не съ намѣреніемъ ослабить уваженіе къ существующей практикѣ, но единственно лишь вслѣдствіе глубокаго почитанія, а также и для достойной характеристики того высокаго Богослужебнаго авторитета, которымъ навѣяны наши думы. Не чужды мысли вызвать также на обсужденіе сего предмета и другихъ лицъ, сердцу которыхъ близки красоты и подробности нашего церковнаго Богослуженія.

Священникъ *Петръ Успенскій.*

Чинопослѣдованія хиротоній и хиротесій съ объясненіями ихъ особенностей¹⁾.

(Руководственныя указанія ставленникамъ).

Чинъ, бываемый на хиротонію пресвитера.

§ 13. Порядокъ хиротоніи во священника.

Ставленникъ во священника является въ храмъ до начала звона къ литургіи и вмѣстѣ съ очереднымъ священникомъ вычитываетъ входныя молитвы, облачается во всѣ діаконыскія одежды, по принятому порядку, и, омывши руки, принимаетъ участіе въ совершеніи чина проскомидіи, помогая очередному священнику. По приходѣ въ храмъ архіерея, когда окончится „входное“, и архіерей начнетъ благословлять народъ, при пѣніи „Τὸν δεσπότην“, ставленникъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выноситъ изъ алтаря на блюдѣ архіерейское облаченіе и несетъ его къ архіерейской каедрѣ на средину храма, а въ другихъ выноситъ дикирій или трикирій, когда подаются архіерею панагія, крестъ, гребень и митра. Во время чтенія начала шестого часа, ставленникъ вмѣстѣ съ иподіаконами, если нѣтъ посвящаемыхъ въ иподіакона или въ чтеца и пѣвца, выноситъ блюдо съ кувшиномъ розовой воды, имѣя на своихъ плечахъ полотенце, для умовенія рукъ архіереемъ и идетъ на средину храма за первымъ иподіакономъ. При окончаніи часовъ, вмѣстѣ съ прочими священнослужителями онъ выходитъ²⁾ къ каедрѣ архіерея и, послѣ совершенія начала

¹⁾ См. № 3 за 1902 г.

²⁾ Въ большинствѣ епархій діаконовъ, рукополагаемый во священника, въ началѣ литургіи не принимаетъ никакого участія въ совершеніи богослуженія и стоитъ до херувимской пѣсни въ алтарѣ. Активное участіе ставленника въ архіерейской литургіи требуетъ навыка и опытности, въ противномъ случаѣ можетъ вызвать естественныя съ его стороны замѣшательства и путаницу въ стройномъ теченіи литургіи.

литургии архіереємъ, подходитъ подъ благословеніе къ архіерею вмѣстѣ съ прочими діаконами и становится за архіереємъ на каѳедрѣ съ правой стороны. Во время прошенія протодіакона: „О избавитися намъ“, ставленникъ идетъ съ первымъ діаконемъ на солею, становится на правой сторонѣ и, по возгласѣ перваго священника: „Яко подобаетъ Тебѣ всякая слава“, кланяется архіерею и произноситъ малую ектеню. Послѣ малой ектенѣ, слѣдующей за вторымъ антифономъ и произносимой первымъ діаконемъ, совершивъ поклоненіе архіерею, онъ входитъ въ алтарь и стоитъ на лѣвой сторонѣ престола до херувимской пѣсни. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ епархіяхъ¹⁾ ставленникъ во священника произноситъ ектеню объ оглашенныхъ и двѣ за нею слѣдующія ектенѣи предъ херувимскою пѣснью. Въ этомъ случаѣ, прежде чѣмъ выходитъ изъ алтаря, ставленникъ молится на горнемъ мѣстѣ, дѣлаетъ поклонъ архіерею, и потомъ выходитъ изъ алтаря на солею черезъ сѣверныя двери. Во время херувимской пѣсни, онъ, какъ и на часахъ, выноситъ къ царскимъ дверямъ блюдо и кувшинъ съ розовою водою для умовенія рукъ архіереємъ и, по умовеніи, послѣ иподіаконовъ цѣлуетъ руку владыки и идетъ въ алтарь.

Когда архіерей, при окончаніи херувимской пѣсни, направится къ жертвеннику, хиротонисуемый во священника приближается къ жертвеннику и получаетъ отъ архіерея на свою главу большой воздухъ, который онъ держитъ обѣими руками за передніе концы, имѣя въ правой рукѣ и конецъ ораря. Получивъ на голову большой воздухъ, ставленникъ отходитъ въ сторону и ожидаетъ конца проскомидіи, совершаемой архіереємъ. Во время великаго выхода онъ идетъ послѣднимъ и становится рядомъ съ послѣднимъ священникомъ. Когда священники произнесутъ формулы поминовенія и обернутся къ алтарю, хиротонисуемый занимаетъ мѣсто на

¹⁾ О. Соколовъ. Руководство для участвующихъ въ служеніи съ архіереємъ литургии стр. 59.

солеѣ за послѣднею парою священниковъ. По окончаніи входа передавъ воздухъ одному изъ діаконовъ, хиротонисуемый ставится за солею, среди народа, и ожидаетъ здѣсь начала хиротоніи.

По окончаніи херувимской пѣсни, когда къ хиротонисуемому выйдутъ изъ алтаря два діакона ¹⁾, онъ совершаетъ два поясныхъ и третій земной поклонъ къ царскимъ вратамъ и, по возгласѣ перваго діакона: „Повели“, поднимается на солею. Предъ царскими вратами онъ кланяется снова, при чемъ второй діаконой возглашаетъ: „Повелите“, и вступаетъ въ царскія двери. При возглашеніи протодіакономъ: „Повели, пресвященнѣйшій владыко“, принимаетъ хиротонисуемаго въ алтарѣ первый изъ священниковъ или архимандритъ и, послѣ земнаго поклоненія имъ архіерею, при пѣніи тропарей: „Святїи мученицы“, „Слава Тебѣ Христе Боже“ и „Исаіе ликуй“, обводитъ его трижды кругомъ престола, какъ и въ чинѣ хиротоніи во діакона. По троекратномъ обхожденіи престола, хиротонисуемый, поклонившись архіерею, идетъ на правую сторону престола, преклоняетъ здѣсь *оба колѣна* и, „положивши длани крестовидно на святую трапезу, приложитъ же и чело между рукъ къ святѣй трапезѣ“. Архіерей, поднявшись съ сѣдалища и приблизившись къ колѣнопреклоненному ставленнику, возлагаетъ на главу его „край омофорія“ и руку, послѣ троекратнаго благословенія головы, и громко произноситъ: „Божественная благодать“, послѣ того, какъ „владычій іерей“ возгласитъ: „Вопъемъ“. Священнослужители на это приглашеніе поютъ въ алтарѣ трижды: „Господи помилуй“. Кляръ повторяетъ тоже самое на греческомъ языкѣ. Архіерей, благословивъ голову хиротонисуемаго троекратно и положивъ на нее свою руку, читаетъ молитвы: „Боже безначальный и безконечный“ и „Боже великій въ силѣ и не-

¹⁾ По нашему Чинovníку архіерейскаго священнослуженія, „имѣяй поставленъ быти пресвитеръ, приводимъ бываетъ архидакономъ, или инымъ нѣкимъ діакономъ въ царская врата, ко святѣй трапезѣ предъ архіереа съ десныя страны“ (л. 137 об).

изслѣднѣй въ разумѣ“. Первый священникъ или архимандритъ произноситъ въ полголоса положенную въ чинѣ ектенью о хиротонисуемомъ. По прочтеніи молитвъ, „воздвигнуть“ хиротонисаннаго отъ престола, и начинается его облаченіе въ священническія одежды, которыя состоятъ изъ епитрахили, пояса, въ данномъ случаѣ замѣняемаго у насъ діаконымъ ораремъ, и фелони. При возложеніи каждой священной одежды, архіерей предварительно благословляетъ ее крестнымъ знаменіемъ и даетъ цѣловать хиротонисуемому крестъ на одеждѣ и руку, возглашая громогласно: „Αξιως“, повторяемое троекратно въ алтарѣ и клиромъ. Послѣ врученія рукополагаемому Служебника, архіерей сейчасъ же возлагаетъ на него и наперсный крестъ, пожалованный всѣмъ пастырямъ, по случаю коронованія нынѣ благополучно здравствующаго Государя Императора. Въ заключеніе, по полученіи всѣхъ принадлежностей священническаго сана, новорукоположенный цѣлуетъ архіерея въ оба плеча и руку ¹⁾, цѣлуетъ, по чину, потомъ „архимандриты и сослужители вся въ рамена“, а на практикѣ лишь въ руку и при томъ не всѣхъ, но только перваго и третьяго изъ священниковъ ²⁾, между которыми и становится предъ престоломъ для участія въ совершеніи литургіи.

При пѣніи: „Отца и Сына и Святаго Духа, Троицу единосущную“, когда священнослужители, съ чтеніемъ словъ: „Возлюблю Тя, Господи, крѣпосте моя“, поклоняются трижды дискосу и потиру, которые покрыты воздухомъ на престолѣ, и потомъ, съ чтеніемъ: „Святой Боже“, цѣлуютъ „свята“, т. е. дискось и потирь, то послѣ архимандритовъ первымъ къ престолу „пріидеть хиротонисанный, зане имать первенство всѣхъ

¹⁾ Н. Розановъ (Руководство для лицъ, отправляющихъ церковныя богослуж. при участіи митрополита, епископа и всего собора и проч., стр. 107) говоритъ, что въ этомъ случаѣ архіерей и новорукоположенный обмѣниваются взаимными привѣтствіями. „Христось посреде насъ“, говоритъ архіерей. „И есть и будетъ“, отвѣчаетъ новорукоположенный.

²⁾ Ф. Соколовъ. Руководство для участвующихъ въ служеніи съ архіереемъ литургіи, стр. 60.

іереевъ, и по немъ прочіи іерей“ (л. 43). Поцѣловавши „свя-
тая“, новорукоположенный цѣлуетъ престоль, лѣвое плечо и
руку архіерея, съ словами: „Христось посредѣ насъ“, а по-
томъ цѣлуетъ въ руку прочихъ священниковъ съ тѣмъ же
привѣтствіемъ.

Во время пѣнія: „Тебе поемъ“, по освященіи св. Да-
ровъ, первый священникъ подводитъ новорукоположеннаго во
священника къ архіерею, который, отдѣливъ отъ св. Агнца
„горнюю его часть, яже есть Христось“, полагаетъ на ди-
сось, и, произнеся слова: „Прими залогъ сей и сохрани его
цѣль“, вручаетъ его новорукоположенному во священника.
Послѣдній, принявъ св. дискось съ Агнцемъ обѣими руками
и поцѣловавъ руку архіерея, идетъ за престоль, становится
лицемъ къ западу и, „положивъ руки на святую трапезу“ и
преклонивъ главу, читаетъ тихо псаломъ: „Помилуй мя, Боже“.

Предъ возгласомъ: „Святая святымъ“, новорукоположен-
ный первымъ священникомъ приводится снова къ архіерею съ
правой стороны престола, передаетъ ему св. дискось съ Агн-
цемъ, цѣлуетъ руку владыки и становится на свое мѣсто, ря-
домъ съ первымъ священникомъ. Первымъ же изъ священни-
ковъ новорукоположенный подходитъ къ архіерею для приоб-
щенія Тѣломъ и Кровію Христовыми. Отъ престола онъ на-
правляется въ жертвенникъ для вкушенія антидора и тепло-
ты и омовенія устъ и рукъ, и тайно вычитываетъ потомъ
благодарственныя молитвы по причащеніи.

Когда архіерей произнесетъ возгласъ: „Съ миромъ изы-
демъ“, поворукоположенный, поцѣловавъ край престола про-
тивъ своего мѣста, дѣлаетъ поклонъ архіерею и выходитъ
царскими вратами за солею для чтенія заамвоной молитвы:
„Благословляй благословящія Тя, Господи“, по окончаніи ко-
торой, поклонившись протодіакону, входитъ черезъ царскіи
двери въ алтарь на свое мѣсто¹⁾, снова цѣлуетъ край престола
и кланяется архіерею.

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, по прочтеніи заамвоной молитвы,
новорукоположенный занимаетъ уже послѣднее мѣсто среди іереевъ.

По окончаніи литургіи, когда владыка разоблачится и надѣнетъ клобукъ и мантию, новорукоположенный во священника приближается къ нему, дѣлаетъ земной поклонъ, выслушиваетъ отъ него архипастырское наставленіе, снова затѣмъ кланяется земно и принимаетъ послѣднее архипастырское благословеніе.

Снявъ съ себя священныя облаченія и одѣвшись въ одежды, присвоенныя сану, имѣя на груди и наперсный крестъ, новорукоположенный неспѣшно и благоговѣнно выходитъ изъ алтаря предъ царскія двери, совершаетъ троекратное поклоненіе и, обратившись къ народу, дѣлаетъ ему поклонъ, въ знакъ благодарности за его молитвы при хиротоніи и за высокую честь быть его пастыремъ. Неспѣшно и чинно новорукоположенный долженъ направиться къ выходу изъ храма, такъ какъ среди богомольцевъ всегда находится много желающихъ принять первое пастырское благословеніе¹⁾.

§ 14. Особенности въ чинѣ хиротоніи во священника на православномъ Востоку.

Современная практика православнаго Востока въ чинѣ хиротоніи во священника содержитъ весьма немного особенностей, по сравненію съ тѣмъ же чиномъ у насъ. Такъ, напр., хиротонисуемый во священника въ началѣ литургіи для удобства священнослуженія облачается не въ стихарь, какъ у насъ, а въ подризникъ съ источниками, имѣя на рукахъ поручи поверхъ рукавовъ подризника, затянутыхъ шнурами, и діаконскій орарь на плечахъ. Рукополагаемый, при совершеніи литургіи, до великаго выхода исполняетъ обязанности *второго*

¹⁾ Считаемо весьма приличнымъ древній обычай, рѣдко, къ сожалѣнію, соблюдаемый нынѣ нашими молодыми священниками, чтобы новорукоположенный у вратъ церковныхъ бралъ въ руки и пастырскій жезль, который, указывая символически на принятія имъ на себя обязанности, придаетъ несомнѣнно важность и степенность молодому пастырю въ его походкѣ даже внѣ храма.

діакона и всегда непременно читаетъ на литургіи ридовое евангеліе ¹⁾. Ведутъ хиротонисуемаго съ середины храма до царскихъ дверей два діакона, а принимаютъ въ царскихъ дверяхъ два старшихъ пресвитера (*ὁ πρῶτος καὶ ὁ δευτέρος*). Во время троекратнаго обхожденія престола, вмѣстѣ съ рукополагаемымъ ходятъ кругомъ и прочіе священники, участвующіе въ совершеніи литургіи, взявши другъ друга за руки. Протодіаконъ имъ предшествуетъ. При чтеніи возгласенія: „Божественная благодать“, какъ и въ хиротоніи во діакона, всѣ находящіеся въ алтарѣ падаютъ ницъ, и царскія двери закрываются завѣсою. „Вонмемъ“ предъ возгласеніемъ произноситъ діаконъ, а не „водящій іерей“, какъ въ нашемъ чинѣ. По освященіи св. Даровъ архіерей даетъ хиротонисанному въ руки, сложенные крестообразно, не часть св. Агнца, какъ у насъ, а *цѣлый второй Агнецъ* ²⁾, нарочито для сего приготовляемый на проскомидіи, произнося при этомъ слова: „Прими залогъ сей“ въ иномъ нѣсколько изложеніи (см. ниже § 15), чѣмъ въ нашемъ чинѣ. Во время причащенія священнослужителей въ алтарѣ, новорукоположенный во священника подаетъ св. чашу съ Кровью Господа всѣмъ прочимъ іереямъ ³⁾ и діаконамъ. Иногда онъ же выноситъ и св. чашу съ возгласомъ: „Всегда нынѣ и присно“ и относитъ ее въ жертвенникъ.

(Продолженіе будетъ).

Профессоръ А. Дмитріевскій.

¹⁾ „Вмѣстѣ съ служащимъ іерархомъ, говоритъ блаженный Симеонъ Солунскій, и онъ (т. е. хиротонисуемый) служитъ, совершая обязанности архидіакона, *читаетъ евангеліе*, принявъ благословеніе, и во время великаго выхода несетъ на главѣ божественнаго Агнца, какъ бы оканчивая служеніе діаконское“. *Mign. Patrol. Curs. complet., t. 155, col. 385*; Писан. отц. и учит. ц., т. II, стр. 232.

²⁾ „Во время проскомидіи готовится на предложеніи *второй Агнецъ*, который и приеидетъ послѣ руками, рукополагаемаго“... *Ibid.* col. 385.; тамъ же, стр. 232.

³⁾ Свидѣтельствуетъ объ этомъ и Симеонъ Солунскій. *Ibid.*, col. 393

Современная жизнь русскаго народа и православное русское духовенство ¹⁾).

Православное русское духовенство служить дѣлу просвѣщенія своего народа болѣе девятисотъ лѣтъ. Въ такой длинный періодъ времени, особенно при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ оно находилось, необходимо должны были выработаться разнаго рода традиціи, свойственныя исключительно духовенству и преимущественно направленныя на предметы его служенія. Эти традиціи, несомнѣнно, должны имѣть весьма важное воспитательное значеніе; подъ влияніемъ ихъ должны были сложиться особыя типическія черты взглядовъ и дѣятельности духовенства, какъ отдѣльнаго сословія, съ извѣстнымъ, опредѣленнымъ кругомъ занятій.

И прежде всего, дѣти духовенства до послѣдняго времени получаютъ воспитаніе и образованіе почти исключительно въ духовныхъ школахъ и идутъ по тому же пути, по которому шли ихъ дѣды и отцы. Такое преемство дѣятельности, несомнѣнно, должно весьма благотворно отражаться на самой дѣятельности ихъ, на устойчивости выработанныхъ на нее исторією взглядовъ. Съ молокомъ матери и съ первыми проблесками сознанія воспринятія привычки, съ первыми словами усвоенная рѣчь простого народа, съ первымъ осмысленнымъ взглядомъ вошедшая въ душу ребенка привязанность, любовь къ народу, а главное—увѣренность въ неразрывной связи своего существованія съ народомъ,—все это служило—и должно служить—въ дѣятельности будущаго пастыря Церкви весьма серьезнымъ залогомъ ея искренности, осмысленности и благотѣльности. Воспитавшись среди народа, ставши какъ бы его дѣтьми, пастыри Церкви, безъ сомнѣнія, не могутъ быть чуждыми жизни народной; они больше, чѣмъ кто-либо, понимаютъ послѣднюю и сумѣютъ найти доступъ къ сердцу народному.

¹⁾ См. № 3 за 1902 годъ.

Въ отношеніи къ отправленіямъ пастырскихъ обязанностей указанная преемственность дѣятельности также имѣеть чрезвычайно важное значеніе. Видя съ ранняго дѣтства благоговѣйное отношеніе родителей къ предметамъ вѣры, благоговѣйное совершеніе таинствъ и вообще богослуженія, будущій пастырь Церкви, естественно, проникается тѣмъ же чувствомъ; присутствуя постоянно при богослуженіи, участвуя въ чтеніи и пѣніи на клиросѣ, имѣя постоянно дѣло съ книгами богослужебными и Св. Писанія, онъ съ раннихъ лѣтъ воспитывается въ себѣ умѣнне пользоваться языкомъ этихъ книгъ и любовь къ нему,—а это, какъ всякому понятно, весьма важно для священника, призваннаго учить „отъ Божественнаго“. Наконецъ, самая обстановка жизни пастыря Церкви, строго опредѣляемой, съ одной стороны, Церковію, ея установленіями, а съ другой—отношеніями къ народу, не можетъ не оказывать могущественнаго вліянія на послѣдующую жизнь и дѣятельность дѣтей духовенства, особенно тѣхъ, которыя, волею Божіею, будутъ призваны къ тому же пастырству.

Такое важное въ воспитательномъ отношеніи значеніе традицій среди духовенства и издавна установившагося уклада его жизни даетъ намъ право разсматривать ихъ, какъ весьма важный залогъ успѣшнаго служенія пастырскаго. А потому, все лучшее, наиболѣе соответствующее идеѣ пастырства, въ этихъ традиціяхъ и въ этомъ уставѣ жизни должно быть поддерживаемо, усиливается; въ особенности нужно озаботиться тѣмъ, чтобы въ нихъ было побольше сознательности и приуроченія къ одной все объединяющей идеѣ пастырскаго служенія. Останавливаемся на этомъ обстоятельстве, главнымъ образомъ, потому, что либерализмъ и отрицательное отношеніе къ прошлому, сильно развившіеся въ концѣ 50-хъ и въ 60-е годы, проникли отчасти и въ среду духовенства, вслѣдствіе чего явился новый классъ пастырей Церкви, которые стали „творить дѣло Божіе съ небреженіемъ“ и съ тѣмъ же чувствомъ стали относиться къ своему сословію и своей дѣя-

тельности. Послѣдствіи этого нежелательнаго явленія чувствуются весьма замѣтно и до сего дня. Ихъ нужно, по всей справедливости, отнести къ тому, что способно обезсилить духовенство при осуществленіи выпадающихъ на его долю современныхъ задачъ. Всѣмъ, истинно ревнующимъ о пастырскомъ служеніи и искренно желающимъ видѣть его на подобающей высотѣ, необходимо дружно сплотиться и энергично вступить въ борьбу съ указаннымъ зломъ.

Съ другой стороны, малообразованность прежняго духовенства мѣшала ему смотрѣть на свое служеніе съ высшихъ точекъ зрѣнія и способствовала развитію въ его средѣ разныхъ грубыхъ навыковъ и пороковъ. Скудость средствъ къ жизни, притомъ добываемыхъ весьма унижительнымъ способомъ выпрашиванья или заискиванья предъ сильными и просто состоятельными своими прихожанами, также вносила,—а отчасти еще и теперь иногда вноситъ,—въ нравственную жизнь духовенства много несимпатичныхъ чертъ, мѣшавшихъ и мѣшающихъ сплошь и рядомъ видѣть въ пастырѣ Церкви именно пастыря, а не простого, подчасъ даже плохого, наемника. Все это вмѣстѣ взятое должно было воспитывать въ нѣкоторыхъ членахъ духовенства легкое отношеніе къ высшимъ основнымъ нравственнымъ принципамъ и давать поводъ и причины къ недовольству духовенствомъ и его дѣятельностью.

Не можемъ скрыть, что указанныя явленія и теперь еще есть, и они тоже должны быть причислены къ разряду препятствій, и притомъ весьма сильныхъ, для успѣшнаго прохожденія пастырскаго служенія. Борьба съ ними необходима; она въ значительной степени облегчается теперь значительно высшимъ уровнемъ образованія пастырей Церкви и болѣе широкимъ и независимымъ полемъ дѣятельности. Необходимо только постоянно возгрѣвать въ себѣ духъ истиннаго пастырскаго служенія, постоянно памятовать о тѣхъ основахъ, которыя положены во главу угла его, и о тѣхъ высокихъ цѣляхъ, которыя должны преслѣдоваться этимъ служеніемъ. Такое постоянное памятованіе, несомнѣнно, облегчитъ пастырямъ

Церкви борьбу и съ тѣми явленіями собственной жизни, которыя имѣютъ своимъ источникомъ не самихъ пастырей, а стороннія, вытекающія изъ общаго направленія мысли и дѣятельности, причины.

Заканчивая рѣчь о семейномъ воспитаніи въ духовномъ сословіи, считаемъ нужнымъ напомнить, что на эту сторону жизни нашего духовенства слѣдуетъ обращать самое серьезное вниманіе. Пастырская дѣятельность основывается по преимуществу на высшихъ нравственныхъ и религіозныхъ мотивахъ, нуждающихся въ самомъ тщательномъ и раннемъ воспитаніи. Необходимо помнить, что усвоенныя въ дѣтствѣ привычки не могутъ быть искоренены во всю послѣдующую жизнь, что религіозное и нравственное чувства воспитываются главнѣйшимъ образомъ примѣрами старшихъ, взрослыхъ. Поэтому правы тѣ, которые источникъ современнаго невѣрія и всевозможныхъ нестроеній въ семейной, общественной и государственной жизни видятъ въ невѣріи, легкомысленномъ отношеніи къ предметамъ первѣйшей важности со стороны старшихъ—отцовъ и дѣдовъ. Къ этой области человѣческой дѣятельности наиболѣе приложимы слова Спасителя, угрожающаго страшнымъ наказаніемъ тѣмъ, которые соблазняютъ „единого изъ малыхъ сихъ“. Грозны эти слова вообще для всѣхъ тѣхъ, которые примѣромъ жизни своей развращаютъ другихъ; но еще грознѣе они для пастырей Церкви, небрежущихъ о воспитаніи своихъ дѣтей и своихъ пасомыхъ, т. е. небрежущихъ о такомъ дѣлѣ, къ которому они главнымъ образомъ призваны. Въмѣстѣ съ этимъ пастырямъ Церкви необходимо помнить, что у нихъ для дѣятельности въ этомъ отношеніи есть въ распоряженіи не мало облегчающихъ средствъ. Не смотря на то, что въ современную семейную жизнь духовенства вкралось много предосудительныхъ новшествъ, все-таки въ этой жизни сохраняется еще не мало добраго, въ высшей степени жизненнаго, не мало здравыхъ и вполне соответствующихъ призванію пастырскому началъ, частію завѣщанныхъ прежними временами, частію привнесенныхъ уже новыми.

Нужно только ихъ всѣми мѣрами поддерживать, не давать имъ заглухнуть среди всевозможнаго рода нравственныхъ и умственныхъ плевелъ. А для этого первѣе всего необходимы добрая воля и увѣренность, что дѣло пастырское есть дѣло величайшей важности; что пастырское служеніе въ ряду другихъ человѣческихъ служеній есть первое; что оно, насколько это возможно здѣсь, на землѣ, и насколько это достижимо для ограниченныхъ человѣческихъ силъ, выполнимо. То же, что дается для выполненія той или другой дѣятельности образованіемъ, школою, — это пастыри Церкви могутъ въ достаточной степени получать изъ своихъ духовныхъ школъ, недостатка въ которыхъ, благодареніе Богу, пока не чувствуется.

Если въ семьѣ пастыря Церкви мы можемъ находить не мало такого, на что можно опираться для подготовленія къ пастырскому служенію, и что можетъ быть разсматриваемо, какъ одна изъ гарантій успѣшнаго осуществленія предъявляемыхъ къ пастырямъ Церкви требованій, то въ школьномъ образованіи, необходимомъ получаеомъ всѣми священнослужителями, мы должны видѣть этихъ гарантій еще больше. Системѣ образованія, даваемого духовными школами, сравнительно съ свѣтскими, должно быть отдано безспорное преимущество. Это послѣднее обусловливается какъ предметами, преподаваемыми въ духовныхъ школахъ, такъ и болѣею продолжительностью курса. Не говоря уже о спеціальныхъ предметахъ, духовныя школы сообщаютъ своимъ питомцамъ не мало такихъ знаній, которыя не сообщаются въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, и которыя даютъ значительное преимущество лицамъ, окончившимъ курсъ въ семинаріи, предъ свѣтскими, прошедшими гимназическій курсъ. А вѣдь послѣдніе составляютъ громадное большинство нашей интеллигенціи. Въ то же время, кандидаты священства проходятъ болѣе продолжительный курсъ ученія. Это обстоятельство должно быть разсматриваемо, какъ преимущество, потому что умъ, воля и вообще всѣ духовныя способности будущихъ священнослужителей, такимъ образомъ, въ теченіе болѣе продолжительнаго времени подвергаются вос-

питательному воздѣйствію, извѣстнаго рода духовной дисциплинѣ и, слѣдовательно, пріобрѣтаютъ большую воспріимчивость къ разнаго рода знаніямъ, большую, такъ сказать, эластичность и подвижность, а равно и бѣольшую возможность быстро оріентироваться въ данныхъ опыта и науки. Нельзя упускать изъ виду и того, что вышедшіе изъ школы болѣе возмужалыми менѣе могутъ подвергаться опасности быть увлеченными въ тѣ или другія крайности или легко измѣнить своимъ убѣжденіямъ, чѣмъ вышедшіе съ менѣе окрѣпшими физическими и духовными силами.

Болѣе частное указаніе на содержаніе курса ученія въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ еще больше подтвердитъ высказанное о преимуществахъ этихъ заведеній и о цѣлесообразности ихъ системы обученія въ отношеніи къ пастырскому служенію.

(Продолженіе слѣдуетъ).

М. Гн.

О просфорахъ на литурги¹⁾.

Эпохою развитія пятипросфорія проф. Павловъ признаетъ періодъ времени отъ половины XIII в. до половины XV. Появившись въ половинѣ XIII в. и постепенно входя въ церковно-богослужебную практику, пятипросфоріе, говоритъ проф. Павловъ, около половины XV вѣка получило уже полную силу и дальнѣйшее его существованіе въ греческой церкви было обезпечено появленіемъ въ половинѣ XV в. аѳонскаго Номоканона, въ которомъ правило о пятипросфоріи впервые было выражено, какъ общеобязательное²⁾. Подтверженіемъ догадки проф. Павлова о происхожденіи пятипросфорія отъ второй половины XIII вѣка служатъ уставы проskomидіи того времени, обнародованные, по аѳонскимъ руко-

¹⁾ См. № 2 за 1902 г.

²⁾ Номоканонъ при В. Требникѣ. А. С. Павлова, стр. 413.

писямъ, проф. Н. Θ. Красносельцевымъ ¹⁾ и проф. А. А. Дмитріевскимъ. Эти уставы, вообще, сходны между собою,— поэтому мы ограничимся передачею только того возношенія просфоръ, какое содержится въ Илитаріи Есфигменовской (аеонской) бібліотеки ²⁾, только что изданномъ въ свѣтъ проф. Дмитріевскимъ.

Первая просфора, по этому Илитарію, агничная; *вторая* „въ славу и честь преблагословенныя Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Маріи“; *третья*—въ честь святыхъ. Надъ нею священникъ произноситъ такіа слова: „Силою честнаго и животворящаго креста, предстательства честныхъ небесныхъ силъ безплотныхъ“. Надъ *четвертой* просфорой ³⁾ произносятся дальнѣйшія слова: „честнаго славнаго пророка, предтечи и крестителя Іоанна и всѣхъ пророковъ: святыхъ славныхъ и всехвальныхъ апостолъ дванадесяти и седмидесяти; святыхъ праведныхъ Іоакима и Анны и святыхъ божественныхъ царей Константина и Елены; иже во святыхъ отецъ нашихъ: Іоанна Златоустаго, Василія Великаго, Григорія Богослова, Григорія Нискаго, Григорія Декаполита, Григорія Акрагантійскаго, Григорія Чудотворца, Григорія Великія Арменіи; иже во святыхъ отца нашего архіерарха и чудотворца Николая, иже во святыхъ отецъ нашихъ: Аѳанасія Великаго, Кирилла, Іоанна Милостиваго, и иже во святыхъ отца нашего священномученика Власія, Модеста, Поликарпа и всѣхъ іерарховъ и священномучениковъ; святыхъ и архидіаконовъ Стефана и Евила; святыхъ чудотворцевъ цѣлителей, безсребренниковъ Космы и Даміана, Кира и Іоанна, Ермолая и Пантелеимона; святыхъ и славныхъ великомучениковъ: Дмитрія, Георгія и Ѳедора, Трифона, Евстаѳія, Евстратія, Авксентія, Мардарія и Ореста: святыхъ великомуче-

¹⁾ См. Матеріалы для исторіи чиносоставованія литургіи св. Іоанна Златоустаго. Вып. первый. Казань, 1889 г., стр. 6—15.

²⁾ Илитарій написанъ въ 1306 году.

³⁾ Указаніе на четвертую просфору въ Илитаріи опущено по простому недосмотру писца.

никовъ четыредесяти и всѣхъ мучениковъ; преподобныхъ и богоносныхъ отецъ нашихъ: Антонія, Евѳимія, Арсенія, Θεодосія, Киновіарха, Саввы, Макарія, Ефрема, Ефросина, Іоанна Климака, Іоанна Калывита и Θεодора Студита и всѣхъ преподобныхъ отецъ нашихъ; святыхъ славныхъ великомученицъ женъ: Θεκлы, Варвары, Анастасіи, Екатерины, Кирики, Фотины, Марины, Параскевы и всѣхъ святыхъ мученицъ и преподобныхъ женъ; преподобныхъ и богоносныхъ отецъ нашихъ 318-ти; святыхъ праотецъ, отецъ, патріарховъ, пророковъ, апостоловъ, провозвѣстниковъ, евангелистовъ, мучениковъ, исповѣдниковъ, воздержниковъ, и всякой души, въ вѣрѣ скончавшейся; святаго, имярекъ, его же и память совершаемъ, и всѣхъ Твоихъ святыхъ, ихъ-же молитвами пріими, Господи, жертву сію нашу въ пренебесный Твой жертвенникъ; и помяни, Господи, принесшихъ, чрезъ которыхъ и я Тебѣ принесъ“. Надъ пятой просфорой произносится: „О благочестивѣйшихъ царяхъ нашихъ, всей палатѣ и воинствѣ ихъ; объ оставленіи грѣховъ раба Божія, имярекъ, и всего во Христѣ братства нашего; о милости, мирѣ, здравіи, оставленіи согрѣшеній раба Божія Іакова архіерея, Іоанна и Каллиникіи монахини; о плодоносящихъ и добродѣющихъ во святыхъ храмахъ, о помнящихъ бѣдныхъ; о всякой душѣ христіанъ, скорбящей и озлобленной, милости Божіей и помощи требующей, о заступленіи святаго мѣста сего и живущихъ въ немъ, о мирѣ и успокоеніи всего міра, благосостояніи святыхъ церквей, спасеніи и помощи со тщаніемъ и страхомъ Божіимъ труждающихся и служащихъ отецъ и братій нашихъ; о оставшихся и во отшествіи сущихъ, исцѣленіи въ немощехъ лежащихъ; объ избавленіи плѣнныхъ и о братіяхъ во службахъ сущихъ и всѣхъ труждающихся во святѣй обители сей; о успеніи, славѣ, блаженствѣ, памяти и оставленіи грѣховъ рабовъ Божіихъ: Амфилохія іеромонаха, Равула монаха, Іоанпикія монаха, Георгія и всѣхъ преждеотшедшихъ отецъ и братій нашихъ здѣ лежащихъ и повсюду православныхъ. Помяни, Господи, по

множеству милости Твоея и мое недостойнство и прости ми всякое прегрѣшеніе вольное же и невольное“ ¹⁾).

Итакъ Илитарій указываетъ пять просфоръ на проскомидіи, хотя, какъ видно изъ него, въ половинѣ XIII в. назначеніе просфоръ было пока еще не то, какое онѣ имѣютъ у насъ теперь. Въ число просфоръ по памятникамъ XIII в. входятъ, кромѣ агничной, три просфоры въ честь святыхъ и одна за живыхъ и умершихъ христіанъ. Это почти такое же распредѣленіе просфоръ, какое указываетъ въ вышеприведенномъ наставленіи патр. Николая; разница—въ *совмѣстности* поминаенія живыхъ и умершихъ на пятой просфорѣ, чего патр. Николай не допускалъ. *Совмѣстность* поминаеній составляетъ особенность, какъ мы видѣли, практики четырехпросфорія. Такимъ образомъ, памятники проскомидіи половины XIII вѣка наглядно свидѣтельствуютъ, что практика пятипросфорія, по ея появленіи въ Церкви, не сразу вступила въ полныя права свои, но, возникши изъ четырехпросфорія, нѣкоторое время сохраняла связь съ нимъ.

Приводимое свидѣтельство о пятипросфоріи по Илитарію 1306 г. важно для насъ еще въ томъ отношеніи, что доказываетъ употребленіе пятипросфоръ въ XIII в. на Аѳонѣ; это же доказываетъ и другой аѳонскій списокъ устава проскомидіи XIII в., изъ библ. Пантелеимоновскаго монастыря на Аѳонѣ, изданный проф. Н. О. Красносельцевымъ. Сохранилось свидѣтельство объ употребленіи пяти просфоръ на Аѳонѣ и въ слѣдующемъ XIV вѣкѣ. Это служебникъ, написанный въ 1386 году на Аѳонской горѣ, хранящійся нынѣ въ Румянцевскомъ музеѣ (подъ № 400). Преосв. Макарій въ своей „Исторіи русскаго раскола“ дѣлаетъ изъ служебника слѣдующую выписку: „Церей же пріемъ въ рущѣ *вторую* (послѣ аг-

¹⁾ Описаніе литургическихъ рукописей, хранящихся въ бібліотекахъ православнаго Востока, т. II. А. А. Дмитріевскаго. Кіевъ, 1901 г., стр. 263—265. Съ этимъ чиномъ очень сходно послѣдованіе въ Діатаксисѣ патриарха Константинопольскаго Филовея по рки. XVI в. № 425 Святогробской библ. въ Константинополь. Ibid., стр. 820—821.

ничной) просфору глаголетъ: въ честь и въ память преблагословенные Владычице нашее Богородице... на *третьей* просфорѣ глаголи: силою честнаго и животворящаго креста, честныхъ небесныхъ силъ безплотныхъ, честнаго и славнаго пророка предтечи... и всѣхъ святыхъ, ихже молбами посѣти насъ Боже... также возьми *другую* (слѣдовательно четвертую) просфору, глаголетъ: о всякомъ епископствѣ православномъ... о благочестивыхъ и богохранимѣхъ царѣхъ нашихъ, о рабѣ Божиѣмъ, имярекъ, игумену, о братіи нашей..., таже глаголетъ по имени, ихже имать, живыхъ. на *друзій* же (слѣдовательно на пятой) просфорѣ глаголетъ сице: о блаженнѣй памяти и оставлении грѣхомъ блаженныхъ титоръ святыя обители сее... и всѣхъ, ихже о надежди воскресенія... усьпшихъ православныхъ отецъ и братіи нашея¹⁾. Въ какой бы обители св. Аѳонской горы не былъ написанъ служебникъ 1386 года, несомнѣннымъ представляется изъ него не только то, что въ XIV в. пятипросфоріе существовало на Аѳонѣ, но и то, что просфоры, входящія въ составъ его, имѣли тамъ такое же назначеніе, какое онѣ имѣютъ нынѣ: двѣ просфоры положены въ честь совершенныхъ членовъ Церкви и двѣ за несовершенныхъ, живыхъ и умершихъ. Изъ этого-то, практиковавшагося на Аѳонѣ въ XIV вѣкѣ пятипросфорія, позднѣе, въ XV вѣкѣ, и возникло въ лаврѣ св. Аѳанасія Аѳонскаго седмипросфоріе, чрезъ осложненіе пятипросфорія двумя новыми, задравными просфорами...

Однако, не смотря на обычай лавры св. Аѳанасія аѳонскаго, пятипросфоріе въ XV вѣкѣ было настолько широко распространено по Востоку, что о пятипросфоріи, какъ объ общеупотребительной церковной практикѣ, трактуется въ греческомъ „Толкованіи на чинъ литургіи“ (рпк. XV в. Моск. Синод. библ. № 428—321)²⁾. Широкая распространенность пятипросфорія была, конечно, и причиною появленія о немъ

¹⁾ Исторія рус. раскола, извѣстнаго подъ именемъ старообрядства. Спб. 1855 г., стр. 82, прим. 166.

²⁾ Братское Слово за 1896 г. № 7, стр. 502—503.

правила въ аѳонскомъ Номоканонѣ, составленномъ къ руководству греческаго духовенства въ церковно-богослужебной практикѣ. Но, вѣроятно, на первыхъ порахъ правило Номоканона не проводилось съ особенною настойчивостью въ богослужебную практику тѣхъ церквей, которыя дорожили своими собственными порядками, какъ, напр., лавра пр. Аѳанасія аѳонскаго, и только уже съ теченіемъ времени онѣ подчинились общему голосу въ пользу пятипросфорія и приняли его. Въ XVI и XVII вв. пятипросфоріе входитъ въ печатные греческіе евхологіи Венеціанскаго изданія (1566 г., 1602 г., 1613 г., 1638 г., 1642 г., 1648 г., 1666 г., 1684 г., 1692 г.)¹⁾.

Въ русской Церкви пятипросфоріе становится извѣстнымъ съ XIV вѣка²⁾, существуетъ въ богослужебной практикѣ XV и XVI вв., а съ половины XVII вѣка при патріархѣ Никонѣ дѣлается общеобязательною практикою русской Церкви. Съ благословенія патр. Никона, въ 1655 году въ Москвѣ выходитъ исправленный славянскій служебникъ, въ которомъ, согласно съ общею практикою греческой Церкви, указывается употреблять на проскомидіи *пять* просфоръ. А въ 1658 году издается исправленный по греческому оригиналу славянскій Номоканонъ при Большомъ Трестникѣ. Въ этомъ Номоканонѣ возстановленъ правильный текстъ 213 правила о пяти проскомидійныхъ просфорахъ, какъ оно читается въ греческомъ подлинникѣ и въ славянскихъ его переводахъ 1620, 1624, 1629 и 1646 гг.,—и, такимъ образомъ, съ 1658 года пятипросфоріе во всей русской Церкви получаетъ *законообязательное* значеніе³⁾, которое остается за нимъ и въ настоящее время.

¹⁾ Братское Слово за 1896 г. № 7, стр. 508—510

²⁾ Памятники пятипросфорія отъ XIV вѣка указаны Одинцовымъ, см. Порядокъ обществ. и частн. Богослуженія... стр. 118. См. также Муретова—Послѣдованіе проскомидіи, вел. входа и причащенія... стр. 16—17.

³⁾ *На святой проскомидіи божественныя литургіи пять просфоръ да имаша*,—говорится въ 213 правилѣ Номоканона.—*Первая за Господскій хлѣбъ; вторая Пресвятыя Богородицы; третья, за святыхъ; четвертая, за живыхъ человекъ, иже хощеша поминати; пятая же за усопшихъ.*

Современныя намъ греческія богослужебныя книги также содержатъ пятипросфоріе, но въ богослужебной практикѣ греческой Церкви замѣчается та особенность, что вмѣсто пяти особыхъ просфоръ у грековъ часто берется одна большая просфора, имѣющая видъ обыкновеннаго хлѣба, вѣсомъ въ 2—3 фунта, и раздѣляется печатью на пять квадратныхъ частей. Эти квадратныя части (иначе „кресты“), отображенныя печатью на верхней, лицевой сторонѣ просфоры, замѣняютъ собою пять отдѣльныхъ просфоръ. Средній квадратъ вынимается для Агнца, а изъ четырехъ другихъ берутся частицы: въ честь Богородицы, въ честь святыхъ, за живыхъ и за умершихъ. По сторонамъ квадратовъ къ окружности примыкають еще *частицы*, обозначенныя просфорною печатью въ видѣ маленькихъ треугольниковъ. Онѣ вынимаются въ тѣхъ случаяхъ, когда необходимы частныя поминовенія. Всѣ мелкія частицы *выдаются* надъ поверхностью просфоры, поэтому очень удобно подрѣзываются кошіемъ.

Конечно, такое сокращеніе пяти просфоръ въ одну отзывается искусственностью и оно могло войти въ церковное употребленіе только уже послѣ появленія *отдѣльныхъ* просфоръ, которыя замѣняются одною просфорою. Съ другой стороны, просфора, соединяющая въ себѣ пять другихъ, да еще съ частицами для частныхъ поминовеній, представляетъ значительныя неудобства для самого священника при священнодѣйствіяхъ проскомидіи, на что было указано еще митрополитомъ московскимъ Филаретомъ въ его запискѣ „О единствѣ и особенностяхъ богослужебнаго чина въ греческой и русской Церкви“¹⁾. Но, во всякомъ случаѣ, примѣры подобнаго сокращенія нѣсколькихъ просфоръ въ одну извѣстны изъ древности. И на Руси бывали въ употребленіи такъ называемыя

¹⁾ Записка была представлена Митрополитомъ Оберъ-Прокурору Св. Синода, гр. А. П. Толстому, при письмѣ Митрополита отъ 7 іюня 1859 г. и напечатана въ IV томѣ „Собранія мнѣній и отзывовъ М. Филарета“.

„крестовыя просфоры“, изъ которыхъ каждая замѣняла собою нѣсколько отдѣльныхъ просфоръ¹⁾.

(Продолженіе будетъ).

Н. Пальмовъ.

---

¹⁾ Е. Е. Голубинскаго. „Исторія Русской Церкви“, т. I, вторая половина тома, стр. 309.

О ПРОДОЛЖЕНИИ ИЗДАНИЯ ПРИ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ

ЖУРНАЛА

„РУКОВОДСТВО для СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ“

въ 1902 году.

Въ 1902 подписномъ году и 43 году своего существованія Редакція журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“ продолжаетъ, при помощи Божіей и сочувствіи приходскаго духовенства, свое дѣло—служить, по мѣрѣ силъ, интересамъ русскихъ пастырей и содѣйствовать имъ въ ихъ святомъ служеніи.

Въ этихъ видахъ въ журналѣ печатаются не только статьи литургическаго, гомилетическаго и историческаго характера, но и разрѣшаются вопросы, вызываемые теченіями современной жизни, выясняется отношеніе къ этимъ теченіямъ духовенства и указываются способы и мѣропріятія борьбы съ религіозными заблужденіями и противохристіанскимъ направленіемъ жизни, а также даются послѣдныя отвѣты на разные недоумѣнные вопросы и случаи, возникающіе въ пастырской практикѣ. Для лучшаго осуществленія этой задачи Редакція обращается ко всѣмъ русскимъ пастырямъ съ просьбой дѣлать сообщенія обо всѣхъ выдающихся явленіяхъ и движеніяхъ въ духовно-религіозной жизни ихъ паствъ.

Кромѣ того, въ журналѣ помѣщаются очерки, посвященные памяти выдающихся дѣятелей на пивѣ Христовой, и художественно-обработанные рассказы изъ жизни духовенства или изъ религіозной жизни общества.

Въ ежемѣсячныхъ сборникахъ „Проповѣдей“, рассылаемыхъ подписчикамъ заблаговременно, помѣщаются общедоступныя поученія на всѣ воскресные, праздничные и высокаторжественные дни, внѣбогослужебныя чтенія и бесѣды, катихизическія поученія для систематическаго проповѣдыванія, а также проповѣди въ обличеніе сектантскихъ заблужденій.

¹⁾ Е. Е. Голубинскаго. „Исторія Русской Церкви“, т. I, вторая половина тома, стр. 309.

Въ „Богословскомъ Библиографическомъ Листкѣ“ наши читатели найдутъ краткіе отзывы или только простыя оповѣщенія обо всѣхъ выдающихся явленіяхъ и новостяхъ въ русской богословской литературѣ и духовной журналистикѣ.

Наконецъ, и въ наступившемъ 1902 подписномъ году Редакція „Рук. д. с. наст.“ дастъ своимъ подписчикамъ, въ качествѣ бесплатнаго приложенія, сборникъ духовно-музыкальныхъ произведеній для хороваго исполненія.

Журналъ „Руководство для сельскихъ пастырей“ рекомендованъ Святейшимъ Синодомъ духовенству и начальствующимъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ для приобрѣтенія въ церковныя и семинарскія библиотеки (Синод. опредѣленіе отъ 4 февраля—14 марта 1888 г. за № 280).

Подписная цѣна журнала съ означенными приложеніями **ШЕСТЬ рублей** съ пересылкою во всѣ мѣста Россійской Имперіи. Плата за журналъ по официальнымъ требованіямъ, какъ то: отъ консисторій, правленій духовныхъ семинарій и благочинныхъ, можетъ быть отсрочена до сентября 1902 года.

Съ требованіями обращаться по слѣдующему адресу: *Кіевъ, въ Редакцію журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“.*

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Д. Семинаріи, Архимандритъ Θεодосій.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 14 января 1902 г.

Цензоръ, экстра-орд. проф. Акад. прот. *І. Корольковъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLIII.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 5.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1902 года, февраля 1-го.

Содержаніе: Праздникъ Срѣтенія Господня у гроба праведнаго Симеона Богопріимца. — Чинопослѣдованія хиротоній и хиротесій съ объясненіями ихъ особенностей (продолженіе). — Изъ дневника священника.

Праздникъ Срѣтенія Господня у гроба праведнаго Симеона Богопріимца.

Въ исторіи настоящаго праздника, весьма кратко разсказанной св. евангелистомъ Лукою (II, 22—39), едва ли не самое видное мѣсто отведено св. праведному Симеону Богопріимцу. О немъ боговдохновенный писатель замѣчаетъ: „И се бѣ человекъ во Иерусалимѣ, ему же имя Симеонъ: и человекъ сей праведенъ и благочестивъ, чая утѣхи Израилевы, и Духъ бѣ святъ въ немъ. И бѣ ему обѣщано Духомъ святымъ, не видѣти смерти, прежде даже не видитъ Христа Господня. И прииде духомъ въ церковь: и егда введоста родителя отроча Іисуса, сотворити има по обычаю законному о немъ. И той пріемъ его на руку свою и благослови Бога

и рече: „Нынѣ отпускаеши раба твоего, Владыко“... И бѣ Иосифъ и Мати его чюдящася о глаголемыхъ о немъ. И благослови я Симеонъ и рече къ Маріи матери его: се лежитъ сей на паденіе и на востаніе многимъ во Израили и въ знаменіе пререкаемо: и тебѣ же самой душу пройдетъ оружіе: яко да открыются отъ многихъ сердець помышленія“.

Ни до этого знаменательнаго событія въ земной жизни нашего Спасителя раньше, ни послѣ него мы болѣе не встречаемся съ этою высоко-праведною и пророчески-вдохновенною личностію іерусалимскаго старца Симеона въ книгахъ Священнаго Писанія. Кто были родители св. старца, изъ какого колѣна они происходили, гдѣ онъ жилъ въ Іерусалимѣ, какое общественное положеніе онъ занималъ, когда скончался и гдѣ погребенъ—все это покрыто мракомъ неизвѣстности, и на многіе изъ этихъ вопросовъ, волнующихъ пытливые умы, возможны нынѣ отвѣты лишь предположительные, гадательные. Даже поводъ, почему ему „обѣщано Духомъ святымъ не видѣти смерти, прежде даже не видѣти Христа Господня“,—съ величайшею трудностію, и то лишь до нѣкоторой степени, уясняется церковнымъ преданіемъ.

Праведный Симеонъ Богопріимецъ былъ для своего времени весьма образованнымъ человѣкомъ, прекрасно владѣвшимъ языками еврейскимъ и греческимъ. Нѣкоторые предполагаютъ, что онъ былъ сыномъ еврейскаго патриарха Гилеля и якобы отцемъ знаменитаго законоучителя апостола Павла Гамаліила. За свои глубокія богословскія познанія и широкое лингвистическое образованіе праведный Симеонъ былъ приглашенъ въ числѣ прочихъ семидесяти двухъ старцевъ въ Александрію извѣстнымъ любителемъ просвѣщенія, египетскимъ царемъ Птолемеемъ Филадельфомъ, для перевода св. Библии съ еврейскаго языка на греческій. Переводъ этотъ впоследствии получилъ названіе перевода *семидесяти толковниковъ*. На долю праведнаго Симеона Богопріимца выпало, между прочимъ, переводить книгу пророка Исаіи. Когда онъ дошелъ до извѣстнаго пророческаго мѣста о рожденіи Спа-

сителя: „Се *Дѣва* во чревѣ приметъ и родить Сына и нарекутъ имя ему *Еммануиль*“ (Исаиѣ VII, 14; Матѳ. II, 23), то глубоко задумался надъ словомъ „Дѣва“ и недоумѣвалъ, какъ передать его въ переводѣ. По одной версіи этого преданія, онъ хотѣлъ было выскоблить слово „Дѣва“ и замѣнить его выраженіемъ „Жена“, но въ это время его „сумнительныхъ помышленій“ чуднымъ видѣніемъ ангела былъ удержанъ отъ исполненія своего намѣренія и получилъ отъ него даже „обѣщаніе: не видѣти смерти, прежде даже не видѣти Христа Господня“ (Лук. II, 26). По другой версіи, праведный Симеонъ свое недоумѣніе высказалъ своимъ спутникамъ, при возвращеніи уже на родину. Переходи въ бродъ какую-то рѣку, онъ снялъ съ своей руки перстень, бросилъ въ рѣку и сказалъ при этомъ: „если найду его, то могу повѣрить изреченію пророка по буквѣ“. Остановившись затѣмъ на ночлегъ въ одномъ мѣстечкѣ близъ этой рѣки, онъ купилъ себѣ на ужинъ рыбу. Когда, послѣ приготовленія, онъ сѣлъ ѣсть ее съ своими спутниками, то, къ общему изумленію, нашель внутри ея свой перстень, брошенный въ рѣку. Здѣсь-то, прибавляетъ вторая версія преданія,—и произошло чудесное откровеніе Духа Святаго, обѣщавшаго ему „не видѣти смерти, прежде даже не видѣти Христа Господня“.

По возвращеніи изъ Александріи на родину, праведный Симеонъ жилъ въ Иерусалимѣ, „чая утѣхи Израилевы“, а вмѣстѣ съ этимъ и конца своей жизни. Занималъ-ли праведный старецъ какую нибудь общественную должность въ своемъ родномъ городѣ или нѣтъ, на это точный отвѣтъ дать трудно. Церковь православная въ своихъ священныхъ писаніяхъ нынѣшняго праздника прославляетъ праведнаго старца, какъ въ „законѣ бывшаго священнослужителя священнѣйшаго“. На эту мысль наводитъ и то обстоятельство, что святые родители Христа Спасителя Іосифъ и Марія, „вознося“ въ Иерусалимъ отроча Іисуса—„поставити предъ Господемъ, якоже есть писано въ законѣ Господни“ (ст. 22), „и еже дати жертву, по реченному въ законѣ Господни“ (ст. 24), когда пришли

въ храмъ, то встрѣтили здѣсь лишь приведеннаго Духомъ старца Симеона, который припялъ „Его на руку свою“ (ст. 28), чтобы, конечно „сотворити има по обычаю законному о немъ“ (ст. 27). Но знаменитый витія и ученый патріархъ константинопольскій Фогій говорить о праведномъ Симеонѣ Богопріимцѣ, что онъ „не былъ іерей, но гораздо больше іерея“. Нѣкоторые поэтому дѣлаютъ догадку, что онъ былъ предсѣдателемъ іудейскаго синагога. По преданію, св. старецъ скончался на 360 году своей жизни. Его мощи были перенесены въ Константинополь при императорѣ Іустинѣ (565—578) и положены тамъ при Халкопратійскомъ храмѣ въ предѣлѣ св. Іакова, брата Господня, построенномъ этимъ императоромъ. Гробъ Симеона Богопріимца видѣлъ здѣсь и нашъ паломникъ XII вѣка архіепископъ новгородскій Антоній.

Вотъ все, что можно сказать, на основаніи краткой исторіи настоящаго праздника и преданія, о личности праведнаго старца Симеона Богопріимца. Къ этому возможно сдѣлать лишь одно добавленіе, что вдохновенная пѣснь святаго старца: „Нынѣ отпускаеши раба твоего, Владыко“ вошла въ церковное употребленіе съ очень ранняго времени и пользовалась широкою извѣстностію. Съ этою пѣснію на устахъ, какъ извѣстно, отошла ко Господу преподобная Марія Египетская, послѣ принятія изъ рукъ старца Зосимы св. Таинъ.

О томъ, гдѣ былъ погребенъ св. старецъ, никакихъ опредѣленныхъ указаній неизвѣстно. Среди обителей св. града держится издавна преданіе, что домъ праведнаго Симеона съ садомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и семейные его склепы, находились вблизи Іерусалима, въ мѣстности, именуемой въ настоящее время „Катамонасъ“.

„Катамонасъ“ лежитъ въ долину Ахмеда, усаженной масличными деревьями и орошаемой прозрачною ключевою водою. Находится это мѣсто на юго-западъ отъ Іерусалима, въ полчаса ѣзды, вблизи древняго монастыря св. Креста, въ которомъ помѣщается мѣстная богословская школа. До 1859 года истекшаго столѣтія мѣстность эта стояла въ пол-

номъ заустѣннѣи, но въ этомъ году монахъ Авраамій, родомъ изъ Мадита, приобрѣлъ всю эту мѣстность въ собственность и произвелъ ея расчистку для разведенія винограда и посадки масличныхъ деревьевъ. При этихъ работахъ были обнаружены остатки древнѣйшихъ зданій, мозаическіе полы, куски искусно обдѣланнаго мрамора, цистерны и т. п. Найденный подъ развалинами продолговатый небольшой домикъ былъ превращенъ въ церковку, о которой архимандритъ Кирилль Аванасіадисъ, авторъ брошюры „Краткое топографическое описаніе обители св. Симеона Богопріимца, называемой „Катамонасъ“. М. 1882 г.“, замѣчаетъ, что *„тутъ, какъ кажется намъ, была и въ древности церковь во имя святого Симеона Богопріимца“* (стр. 15). Къ произведеннымъ насажденіямъ и постройкамъ о. Авраамій присоединилъ высокую, въ 9 метровъ, башню, внутри ея въ нижнемъ этажѣ устроилъ кухню и кладовыя, а наверху четыре комнаты для жилья. Путемъ покупки о. Авраамій приобрѣлъ сосѣднія поля, взорвалъ порохомъ существующія скалы, насадилъ до 600 масличныхъ деревьевъ, множество деревьевъ фруктовыхъ и виноградныхъ лозъ, устроилъ прекрасный огородъ, а свободныя земли сталъ засѣвать пшеницею, ячменемъ и бобами. Получилась, такимъ образомъ, великолѣпная загородная дача.

Но предприимчивый о. Авраамій на этомъ не остановился. Преданіе о томъ, что домъ съ садомъ и семейными скленами, „какъ это было въ обычаѣ у іудеевъ и другихъ древнихъ народовъ“ (названная брошюра, стр. 10) пр. Симеона Богопріимца находилась близъ Іерусалима, ему хорошо было извѣстно, и онъ попытался поискать этихъ „семейныхъ могилъ“ въ предѣлахъ своей дачи, такъ какъ приблизительно къ этой мѣстности древнее преданіе пріурочивало домъ праведнаго Симеона. Въ 1879 году о. Авраамій произвелъ новыя уже „научныя“ изысканія, результатомъ которыхъ было то, что подъ скалою внизу были открыты обтесанныя могилы, наполненныя камнями, землей и костями, которыя, „по прикосновеніи съ атмосфернымъ воздухомъ, обратились въ прахъ“

(брошюра, стр. 20, прим. 17). Эти то погребальныя пещеры и были признаны за „семейныя могилы“ пр. Симеона Богопріимца, а вмѣстѣ съ тѣмъ и за мѣсто погребенія сего праведнаго старца (тамъ же, стр. 23). Такъ какъ названныя пещеры оказались далеко за башнею, то о. Авраамій включилъ ихъ въ общую черту своихъ владѣній сооружеиіемъ новой стѣны.

Храмъ въ честь пр. Симеона Богопріимца онъ устроилъ въ древней башнѣ, раздѣленной на двѣ части, соединяющіяся широкимъ портикомъ и дверью противъ гроба. Могила св. Симеона помѣщается въ боковомъ лѣвомъ придѣлѣ, имѣя надъ собою искусно вырѣзанный кувуклій, опирающійся на каменную плиту изъ превосходнаго бѣлаго мрамора, которая, въ свою очередь, покоится на четырехъ столбахъ. Могила ограждена изящною желѣзною рѣшеткою и надъ нею висятъ пять неугасимыхъ лампадъ.

Главный храмъ небольшихъ размѣровъ, по своимъ изящствомъ и убранствомъ производитъ на зрителя самое пріятное впечатлѣніе. Алтарь отъ храма отдѣляетъ деревянный иконостасъ съ художественною рѣзбою. Помость храма изъ бѣлаго и темно-краснаго мрамора. Стѣны покрыты бѣлою штукатуркою. Иконопись въ иконостасѣ на темы изъ жизни праведнаго Симеона Богопріимца сдѣлана рукою незауряднаго художника.

Въ правленіе іерусалимскою патріархіею блаженнѣйшаго Никодима I, нынѣ пребывающаго на докоѣ на Халкахъ близъ Константинополя, въ „Катамонасѣ“ былъ устроенъ домъ для помѣщенія патріарха, и это мѣсто сдѣлалось любимымъ загороднымъ мѣстопребываніемъ этого патріарха.

Праздникъ Срѣтенія Господня—праздникъ богословской школы при Крестномъ монастырѣ. Рано утромъ питомцы этой школы, подъ руководствомъ ректора и наставниковъ, отправляются въ „Катамонасѣ“ ко гробу праведнаго Симеона Богопріимца. Литургію здѣсь совершаютъ ректоръ школы и наставники, имѣющіе священный санъ, а питомцы поютъ и

читаютъ на клиросѣ. Патріархъ стоитъ въ тронѣ и читаетъ, по принятому обычаю, символъ вѣры и молитву Господню. По окончаніи литургіи питомцы школы, облобызавъ кувуклій надъ гробомъ пр. Симеона, получаютъ отъ патріарха благословеніе и идутъ въ особое помѣщеніе, гдѣ имъ заготовлено угощеніе, а потомъ гуляютъ по „Катамонасу“.

Съ высотъ здѣшной башни открываются прелестные виды на окрестности. Отсюда видѣнъ весь Іерусалимъ съ колоссальными благотворительными постройками католиковъ и протестантовъ, Елеонская гора съ величественною русскою колокольнею и грандіознымъ католическимъ женскимъ институтомъ, поле великановъ съ обителью св. пророка Іліи, окруженною густыми масличными рощами, обширное зданіе австрійскаго консула съ больницею и прекраснымъ садомъ, монастырь св. Креста въ глубинѣ долины Вади-иль-наша. Теплое весеннее солнце, чистый живительный воздухъ, тонкій аромат пробуждающейся природы, изумрудная зелень полей, усѣянныхъ разноколерными весенними цвѣтами—все это увеличиваетъ въ значительной степени красоту данной мѣстности и производитъ чарующее впечатлѣніе на гостей, съ неохотою покидающихъ этотъ очаровательный уголокъ.

Наставники школы, послѣ радушнаго угощенія у патріарха и бесѣды съ нимъ, вмѣстѣ съ питомцами къ обѣду возвращаются въ Крестный монастырь, обитатели же „Катамонаса“ усиленно готовятъ къ празднику слѣдующаго дня, когда Церковь воспоминаетъ память пр. Симеона Богопріимца и Анны пророчицы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ приему многочисленныхъ гостей и богомольцевъ, стекающихся ко гробу пр. Симеона. Въ эту вторую половину дня идетъ уборка храма для предстоящаго торжественнаго патріаршаго служенія вмѣстѣ съ членами патріаршаго синода, приготовленіе комнатъ для ночлега богомольцевъ, печеніе хлѣбовъ, вареніе „колива“ для панихиды по киторѣ обители и другія предпраздничныя приготовления. Дорога изъ Іерусалима въ Катамонасъ въ теченіе этого и слѣдующаго дней переполнена толпами богомольцевъ,

идущихъ ко гробу пр. Симеона Богопріимца и возвращающихся обратно на русскія постройки.

Торжественную вечерню 2 числа февраля и литургію на слѣдующій день совершаетъ самъ патріархъ съ многочисленнымъ духовенствомъ и синодальными архіереями. Небольшой катамонскій храмъ не вмѣщаетъ и трети молящихся, являющихся сюда въ этотъ день. Поэтому большинство изъ богомольцевъ размѣщается на открытомъ обширномъ дворѣ, а нѣкоторые, удалившись подъ вѣтвистый сикоморъ и образовавъ живописныя группы, ведутъ бесѣды, въ ожиданіи конца службы, о предметахъ житейскихъ. По окончаніи литургіи, патріархъ благословляетъ для народа хлѣбъ, который и раздается желающимъ; предлагается для нѣкоторыхъ изъ богомольцевъ и угощеніе русскимъ чаемъ въ одномъ изъ помѣщеній „Катамонаса“.

Цѣлый день, 3 февраля, двери катамонскаго храма не закрываются. Многочисленные паломники спѣшатъ попасть внутрь его, облобызать кувуклій гроба пр. Симеона Богопріимца, поставить передъ нимъ трудовую свѣчу, положить копѣечку на неугасимую лампаду, отслужить молебенъ и т. п. Оживленіе и въ монастырѣ и на всемъ пути до Іерусалима царитъ полное.

Изъ „Катамонаса“ многіе паломники по пути заходятъ въ древній монастырь св. Креста. Сюда влечетъ ихъ желаніе видѣть и облобызать то мѣсто, на которомъ, по преданію, выросло древо, послужившее орудіемъ казни для нашего Спасителя. Это мѣсто находится въ алтарѣ подъ престоломъ и обложено серебромъ. Безъ различія пола и возраста, всѣ богомольцы входятъ въ алтарь и беспрепятственно прикладываются къ данному мѣсту, надъ которымъ теплится неугасимая лампада. Отсюда чрезъ боковую алтарную дверь, темнымъ, узкимъ и низкимъ коридоромъ, съ зажженными свѣчами въ рукахъ, богомольцы спускаются въ пещеру подъ алтаремъ, гдѣ проводникъ указываетъ имъ расщелину скалы, въ которой якобы прежде видны были корни сего древа. Здѣсь также

теплится неугасимая лампада. Благочестивые богомольцы запасаются землею съ этого св. мѣста, которая якобы подаетъ исцѣленіе отъ различныхъ болѣзней.

Чинопослѣдованія хиротоній и хиротесій съ объясненіями ихъ особенностей¹⁾.

(Руководственныя указанія ставленникамъ).

Чинъ, бываемый на хиротоніи пресвитера.

§ 15. Историко-археологическія и таинственныя объясненія всѣхъ обрядовъ, входящихъ въ составъ чина этой хиротоніи.

Чтобы показать и хиротонисуемому и народу, находящемуся въ храмѣ, что рукополагаемый во священника назначается не только служить при таинствахъ, но и совершать ихъ, освящать св. Дары, св. Церковь пріурочиваетъ моментъ хиротоніи во священника къ самому началу литургіи вѣрныхъ, по переносѣ св. Даровъ съ жертвенника на престоль.

Хиротонисуемый въ пресвитера до великаго выхода исполняетъ всѣ обязанности діакона, почему онъ участвуетъ въ совершеніи чина проскомидіи, помогаетъ архіерею при его облаченіи, подаетъ воду ему для умовенія рукъ на часахъ и во время пѣнія херувимской пѣсни, произноситъ иногда ектеньи и даже читаетъ евангеліе. Послѣдняя обязанность діаконская, возлагаемая на рукополагаемаго во священника, состоитъ въ томъ, что онъ во время великаго выхода несетъ на главѣ большой воздухъ²⁾, которымъ покрываются св. сосуды

¹⁾ См. № 4 за 1902 годъ.

²⁾ Mign. Patrol. Curs. complet., t. 155, col. 373. „Ὁ χιροτονεῖσθαι μὲλλον προεβόητος... καὶ τὰ ἄγια ἐπὶ κεφαλῆς κατὰ τὴν εἴσοδον φέρεται“. Это мѣсто Симеона Солунскаго наши переводчики неправильно передаютъ примѣнительно къ нашей практикѣ такъ: „во время (большого выхода) несетъ на главѣ святыя покровы“ (Пис. отцевъ и учит. церкв., относящ.

до перенесенія ихъ съ жертвенника на престолъ и по перенесеніи. Обычай носить большой воздухъ, имѣющей на себѣ изображеніе положенія во гробъ Спасителя, на голову священнослужителями во время великаго выхода вошелъ въ нашу практику въ XVI столѣтіи ¹⁾. Въ настоящее время за литургіею обычно этотъ воздухъ возлагается на плечо одного изъ діаконовъ, идущаго впереди прочихъ священнослужителей, участвующихъ въ великомъ выходѣ.

Такъ какъ хиротонисуемый въ пресвитера избирается изъ діаконскаго чина и безъ хиротоніи въ это званіе не можетъ быть произведенъ въ высшій чинъ, то онъ, „поддерживаемый діаконами, т. е. тѣмъ чиномъ, къ которому самъ принадлежитъ, по толкованію Симеона Солунскаго, доводится ими до священныхъ вратъ алтаря, и такимъ образомъ показываетъ, что онъ еще діаконъ, поддерживаемый равночинными ему. Когда же достигнуть вратъ, то онъ оставляется діаконами, потому что становится выше чина ихъ, и принимаютъ его двое высшіе изъ пресвитеровъ, потому что онъ вступаетъ въ ихъ чинъ“ ²⁾.

Обхожденіе кругомъ престола трижды и обряды, совершаемые при этомъ, и въ чинѣ хиротоніи во священника

къ истолков. прар. богослуженія, т. II, стр. 219). Такой переводъ противорѣчитъ и тексту Симеона Солунскаго, который въ главѣ 179 „о хиротоніи пресвитера“ ясно и опредѣленно говоритъ, что хиротонисуемый, исполняя обязанность архидіакона, „*καὶ τὸ θεῖον ἄρτον ἐπὶ κεφαλῆς ἐν τῇ μεγάλῃ φέρει εἰς ὄρθον, ὡς τὰ τῆς διακονίας ἀποδοῦς*, т. е. и во время большого выхода несетъ на главѣ божественнаго Агнца (правильнѣе: божественный Хлѣбъ), какъ бы оканчивая служеніе діакона“ (Mign. Patrol., t. 155, col. 385; Пис. отц. и учит. ц., т. II, стр. 232), и даже греческой терминологіи, потому что „*τὰ ἅγια*“ всегда означаетъ св. Дары, и не можетъ быть переведено: „святые воздуха“, въ греческой богослужебной практикѣ обозначаемые: „*τὸ καταπέτασμα*“, „*ὁ ἀήρ, ἧτοι ὁ ἀμνός*“ или „*τὸ καταπέτασμα τῶν ἁγίων δώρων*“ (ibid.).

¹⁾ Арх. Амвросій. Исторія російской іерархіи. М., 1810 г., стр. 105. Св. А. Дмитріевскій. Богослуж. въ русской церкви въ XVI в., ч. I, стр. 218; Древности. Труды М. арх. общ., т. IV, в. I, стр. 1—36.

²⁾ Mign. Patrol. Curs. complet., t. 155, col. 385; Писан. отц. и учит. церкви, относящ. къ истолкован. пр. богослуж., т. II, стр. 232.

тѣже, что и въ чинѣ хиротоніи во діакона. Объясненіе ихъ см. выше, § 10.

Предъ произнесеніемъ архіерейскаго возглашенія: „Божественная благодать“, хиротонисуемый въ пресвитера преклоняетъ оба колѣна ¹⁾, по объясненію Симеона Солунскаго „въ

¹⁾ Обычай преклонить одно и оба колѣна, при произнесеніи архіереемъ наименованія (ἀνάρρησις, ἐπιχώρις, ἀναχώρις): „Божественная благодать“, въ чинахъ хиротоній утвердился въ греческой богослужбной практикѣ не раньше XV столѣтія. Первые указанія на этотъ обычай мы находимъ у блаженнаго Симеона Солунскаго (Mign. Patrol. Curs. complet., t. 155, col. 377, 388). Что же касается древней церковной практики, то въ этомъ отношеніи она держалась иного обычая. Въ чинахъ хиротоній, находящихся въ Барбериновскомъ кодексѣ св. Марка VIII—IX в. и Кристо-ферратскомъ XI в. и другихъ древнѣйшихъ кодексахъ, возглашеніе: „Божественная благодать“ положено произносить архіерею громогласно, вслѣхъ всего народа, когда хиротонисуемый еще *стоитъ на ногахъ*. Преклонять же колѣна ему предписывается уже, по произнесеніи этого возглашенія, предъ чтеніемъ слѣдующихъ затѣмъ сакраментальныхъ молитвъ. „Καὶ πάντων λεγόντων ἐκ τρίτου τὸ Κύριε ἐλέησον, говорится въ древнихъ чинахъ хиротоній, ὁ χειροτονοῦμενος ἀμφότερα κλίνει τὰ γόνατα ἐπὶ τῆς κρηπίδος, ὁ δὲ ἀρχιερεὺς, ποῶν σταυροῦς τρεῖς καὶ ἔχων ἐπιχειμένην τὴν χεῖρα, εὐχεται οὕτως: Οὐ Θεὸς ὁ ἀναρχος. Т. е. „и когда всѣ поютъ трижды „Господи помилуй“ (по прочтеніи возглашенія: „Божественная благодать“), хиротонисуемый преклоняетъ оба колѣна на ступенькахъ (престола), архіерей же, сдѣлавъ три креста и имѣя возлежащую (на главѣ) руку, молится такъ: „Боже безначальный“ (Goar. Εὐχολόγ., pag. 244, 245; conf. А. Дмитриевскій. Описан. литург. ркл., хранящихся въ библиотекѣ православи. Востока, ч. II. Εὐχολόγια, стр. 360, 996). Въ памятникахъ XVI в. замѣтно колебаніе относительно интересующаго насъ обычая. Въ рукописи, напр. Авоно-Ватопедской библиотекѣ 1538 г. № 134 (745) въ чинѣ хиротоніи во діакона возглашеніе: „Божественная благодать“ читается надъ ставленникомъ, когда онъ еще *стоитъ на ногахъ*, а въ чинѣ хиротоніи во священника—уже *надъ колѣнопреклоненнымъ*. (А. Дмитриевскій. Описаніе литургическихъ рукописей, хранящихся въ библиотекѣ православи. Востока, ч. II. Εὐχολόγ., стр. 772—773). Колебаніе это, впрочемъ, скоро исчезло изъ литургическихъ памятниковъ, и практика восточная, подъ вліяніемъ возрѣвнѣй Симеона Солунскаго на возглашеніе: „Божественная благодать“, какъ на совершительную формулу, по произнесеніи которой „предается благодатный даръ“, и рукополагаемый „тотчасъ тогда дѣлается изъ иподіакона діакonomъ“ (Mign. Patrol. Curs. complet., t. 155, col. 377) и изъ діакона священникомъ, выработала и доселѣ прочно удерживаемый обычай, въ

знакъ покорности и преданности, посвящается на высшую степень: ибо, получивъ прежде благодать діаконства и бывъ служителемъ, теперь онъ поставляется во священника и совершителя священнодѣйствій, молитвословій, крещенія и литургіи“ 1).

Непосредственно послѣ возглашенія архіерея: „Божественная благодать“, объявляющаго всенародно имя хиротонисуемаго и степень, на которую онъ возводится, и приглашенія всѣхъ вѣрующихъ къ сугубой молитвѣ о проручествуемомъ, „да придетъ на него благодать всесвятаго Духа“, во время нѣнія священнослужителями „Господи помилуй“, а пѣвцами косо „Кирие елейсонъ“, архіерей, по троекратномъ благословеніи главы хиротонисуемаго, читаетъ „тайно“ двѣ совершительныя молитвы, призывая на него благодать св. Духа. Въ первой молитвѣ архіерей молитъ безначальнаго и безконечнаго Бога, удостоившаго принявшихъ званіе пресвитера „священнодѣйствоватьъ слово Твоея истины“, благоволить проручествуемому отъ него „въ непорочномъ жительствѣ и неклонной вѣрѣ“ (ἀκλίματῃ πίστει) „подъяти великую сію благодать святаго Твоего Духа“ и показать его „совершенно, благоугождающа Тебѣ и достойно жительствующа даровавшіяся ему отъ Твоея предзнательныя силы (ὀπὸ τῆς σῆς προγνωστικῆς δυνάμεως) великія сея священническія чести“. Во второй молитвѣ проситъ Господа, чтобы Онъ возведеннаго „во пресви-

знакъ особой важности даннаго момента, всѣмъ священнослужителямъ, участвующимъ въ богослуженіи съ архіереемъ и находящимся въ алтарѣ, даже *надать ницъ*.—О возложеніи „края омофорія“ или даже обонхъ его концовъ, какъ это практикуется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ у насъ въ Россіи, при чтеніи возглашенія: „Божественная благодать“, нигдѣ въ греческихъ чинахъ не говорится, хотя въ практикѣ и то и другое допускается. Отсутствуетъ даже возложеніе руки архіерея на голову хиротонисуемаго во всѣхъ тѣхъ древнихъ чинахъ хиротоній, въ которыхъ рукополагаемый во діакона или пресвитера преклоняетъ колѣна, по произнесеніи: „Божественная благодать“, при чтеніи слѣдующихъ за этимъ возглашеніемъ молитвъ.

1) Mign. Patrol. Curs. complet., t. 155, col. 388; Писан. отц. и учит. червыи, относящ. къ истолков. прав. богослужен., т. II, стр. 233.

терскій степенъ“ исполниль „Святаго Духа дара“ и содѣлалъ его достойнымъ предстоять жертвеннику, благовѣствовать (κηρύσσειν) евангеліе царствія Его, священнодѣйствовать слово истины, приноситъ дары и жертвы духовныи, обновлять народъ Божій чрезъ купель пакирожденія и во второе пришествіе Иисуса Христа получить „мзду благого икономства своего чина“ (τὸν μισθὸν τῆς ἀγαθῆς οἰκονομίας τοῦ οἰκείου τάγματος), т. е. добраго исполненія обязанностей своего званія, по великой Божіей милости. Іерей, произносящій „тихимъ гласомъ.“ „мирная“, молится „о пророчествуемомъ пресвитерѣ и спасеніи его“, „яко да челоуѣколюбець Богъ нескверно и непорочно ему священство даруетъ“, т. е. просить о томъ же, о чемъ говорится и въ молитвахъ, читаемыхъ архіереемъ.

Одежды, въ которыя облачается новорукоположенный въ священника, таковы: епитрахиль, поясъ и фелонь.

Нашъ Чиновникъ архіерейскаго священнослуженія объ епитрахили говоритъ слѣдующимъ образомъ: „И приносятъ епитрахилій, и возьмъ орарій съ хиротонисаннаго, даетъ архіерей епитрахилій, благословивъ и, и цѣлуетъ хиротонисанный епитрахилій и архіереову руку. Архіерей же полагаетъ на выю его, глаголя велегласно: „Аксіосъ“¹⁾. Греческій чинъ о той же одеждѣ священника трактуеть иначе: „καὶ φέρει τὸ ἔπισθεν τοῦ ὄραριου αὐτοῦ ἐπὶ τὸ ἔμπροσθεν τοῦ δεξιῶν μέρους, λέγων Ἄξιος“²⁾, т. е. переноситъ архіерей заднюю часть ораря его напередъ по правому плечу, говоря: „Достоинъ“. Иными словами, греческій чинъ хиротоніи въ пресвитера трактуеть епитрахиль не новою священническою богослужебною одеждою, но прежнимъ діаконскимъ ораремъ, носимымъ лишь на шеѣ, со спущенными напередъ обоими концами по плечамъ. „Потомъ (архіерей) переноситъ *орарь* съ лѣваго плеча на правое, задній конецъ переноситъ напередъ, пишетъ Симеонъ Солунскій, и такимъ образомъ поставляя рукопола-

¹⁾ Чиновникъ, л. 140 об.

²⁾ Goar. Εὐχολόγ., pag. 243.

гаемаго какъ-бы подъ ярмо. Ибо и изъ этого символа онъ долженъ разумѣть, какую получили благодать, т. е. что прежде на немъ лежала обязанность совершать одно только дѣло—служеніе при таинствахъ, теперь же онъ призывается къ совершенію таинствъ и къ священству во всей его полнотѣ¹⁾. „Епитрахиль, по толкованію того же экзегета, знаменуетъ совершительную и нисходящую свыше благодать Духа. Посему-то архіерей и священникъ, возлагая ее на выю, говорятъ: „Благословенъ Богъ, изливаяя благодать на священники своя“. Потому каждый архіерей и священникъ употребляетъ ее при всякомъ священнослуженіи. Сверхъ того, епитрахиль показываетъ, что священникъ подначаленъ Христу, долженъ совершать службы, взирая на Него, какъ Началосовершителя; внушаетъ смиренно подклоняться игу Христа²⁾ и съ Нимъ творить Его дѣла, и ничего не дѣлать безъ Него; поелику безъ Него и невозможно совершить ничего, такъ какъ *вся тѣмь быша* и бывають“³⁾. Священнической епитрахили придается иногда и значеніе узъ, которыми связанъ былъ Спаситель, когда Его вели къ игемону Пилату на судъ. Литургическіе памятники XVI в. назначаютъ священнику, при возложеніи на себя епитрахили, читать слова: „Емша Исуса, связаша и приведоша понтійскому Пилату игемону“⁴⁾. На епитрахиль, какъ символъ вервий, которыми связанъ былъ Спаситель, ука-

¹⁾ Mign. Patrol. Curs. complet., t. 155, col. 388; Писан. отц. и учит. ц., т. II, стр. 234--235.

²⁾ Важное практическое и символическое значеніе епитрахили опредѣляется слѣдующими словами, произносимыми въ XVI в. архіереемъ, при возложеніи ея на священника: „Прими сіе знаменіе Божіе благодати, на іерее его изливаемые, и яко же благое иго Христово и брѣме его лѣгкое съ вьсакымъ онаствомъ носѣ, и буди день и ночь поучаеся въ законѣ Господни, и цѣлы съблюдае вьсе заповѣди его. Въ имѣ Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь“. Служебн. XVI в. нашей библ., л. 52.

³⁾ Mign. Patrol. Curs. complet., t. 155, col. 712; Пис. отц. и учит. ц., относящ. къ истолков. прав. богослуж., т. III, стр. 20—21.

⁴⁾ А. Дмитріевскій. Богослуженіе въ русской церкви въ XVI в., ч. I, стр. 77, прим. 5.

зываетъ и патріархъ константинопольскій Германъ VIII в. въ своей „*ἐκκλησιαστικὴ ἱστορία*“ 1).

Въ нашей практикѣ, при хиротоніи во священника, діаконскій орарь замѣняетъ обыкновенно священнической поясъ, но на Востокѣ, въ виду его употребленія съ иною цѣлію, поясъ составляетъ самостоятельную принадлежность священническаго облаченія въ данномъ случаѣ. Такъ какъ священство, по словамъ блаженнаго Симеона Солунскаго, возлагаетъ на принимающаго его „большее иго, и онъ обязывается служить и пещись о всемъ дѣлѣ (священства). Поэтому онъ опоясуетъ вторично, какъ призванный къ высшему дѣлу“ 2). „Поясъ, лежащій на чреслахъ, по объясненію того же экзегета, означаетъ освященіе тѣла вмѣстѣ съ душою, о чемъ свидѣлствуютъ и слова (произносимыя при опоясаніи): „*Благословенъ Богъ, препоясуяй мя силою и положи непороченъ путь мой*“ 3).

Фелонь, важнѣйшая изъ богослужебныхъ одеждъ, принадлежащихъ священнику, покрываетъ сверху до низу все его тѣло, выражая какъ бы полноту благодати и совершенства хиротонисуемаго 4). „Она, по объясненію Симеона Солунскаго, бываетъ бѣлая въ знакъ чистоты, святости и сіянія славы божественной, потому что Богъ есть свѣтъ и одѣвается *свѣтомъ, яко ризою*, и ангелы часто являлись одѣтыми въ бѣлую одежду. Фелонь не имѣетъ рукавовъ, потому что изобра-

1) Писан. отц. и учит. ц., относящ. къ истолков. правосл. богослуж. т. I, стр. 367; conf. Pitra. Spicileg. Solesmens. complet. sanct. patr., t. IV, pag. 441.

2) Mign. Patrol. Cours. complet., t. 155, col. 388; Писан. отц. и учит. ц., относящ. къ истолк. прав. богосл., т. II, стр. 235.

3) Ibid., col. 713; тамъ же, т. III, стр. 20.

4) На это значеніе фелони указываетъ и текстъ возглашенія, произносимаго, по одному памятнику, при возложеніи ея архіереемъ на священника: „Пріими сію священническую одежду, *яже есть знаменіе священническаго сѣръшенства*, и обиди олтарь Господень, и пожри въ кровь Его жрътву хваленія и всѣкликновенія, законъ Божій имѣе въ сердци своемъ, и оправданія его да не отступеть отъ тебе. Въ имѣ Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь“. Ркп. нашей библ., л. 53.

жаеть вретнице, въ которое былъ облеченъ Спаситель, когда былъ поругаемъ¹⁾. Фелонь покрываетъ все тѣло отъ главы даже до ногъ, въ знакъ всевышняго промысла Божія, содержащаго и сохраняющаго насъ. Она поднимается во время священнодѣйствія съ боковъ руками, которыя служатъ какъ бы крыльями въ семь служеній, достойномъ ангеловъ и, являясь изъ-подъ фелоня, выражаютъ дѣйствіе и силу Божію, коими іерей совершаетъ таинства“²⁾.

Возлагаемый въ наше время на перси священника крестъ долженъ служить открытымъ свидѣтельствомъ вѣры хиротонисаннаго въ Христа распятаго и знаменіемъ того, служителемъ Кого онъ является передъ народомъ. Кресты, по мысли Симеона Солунскаго, затѣмъ и вѣшаются „на груди, чтобы (свидѣтельствовать) объ исповѣданіи вѣры сердцемъ“³⁾.

Нашъ Чиновникъ упоминаетъ и о врученіи хиротонисуемому Служебника, какъ книги самой необходимой въ его пастырской практикѣ. Греческій чинъ хотя не называетъ прямо Служебника, но современная практика православнаго Востока содержитъ тотъ же обычай неуклонно⁴⁾ и при томъ, какъ мы видѣли, не только въ чинѣ хиротоніи въ пресвитера, но даже и въ чинѣ хиротоніи во діакона. Это объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что въ дѣятельности практической пастыря церкви эта книга считается необходимѣйшею; безъ нея пастырь церкви ни въ какомъ случаѣ совершать богослуженій не долженъ. Въ „Извѣстіи учительномъ“ объ этой книгѣ нынѣ даются такіа наставленія священнику: „Книга Служебникъ всяко есть потребна къ служенію, на память же молитвъ да не глаголетъ: ибо *аще іерей служити будетъ*

¹⁾ „Фелонь, по объясненію патріарха Германа, указываетъ на *багрянную одежду* (посему она бываетъ нерѣдко пурпурнаго цвѣта), которую нечестивцы, издѣваясь надъ Иисусомъ, возложили на него“. Писан. отц. и учит. церк., т. I, стр. 367.

²⁾ Mign. Patrol. Curs. complet., t. 155, col. 389; Пис. отц. и учит. ц., т. II, стр. 235.

³⁾ Ibid., col. 257; тамъ же, стр. 98.

⁴⁾ Goar. Εὐχολόγ., pag. 247, not. 21.

память, безъ книги, смертно соурьшитъ: зане многія споны, забвеніе же и занности тогда случаются, и не имать познати, что дѣеть, или глаголетъ, и во усумнѣніе людей введетъ, и явленый порокъ забывся сотворитъ“¹⁾. Тоже самое внушалось относительно настоящей книги и практикою древнѣйшаго времени. „Прими, говоритъ архіерей хиротонисуемому во священника въ одномъ Служебникѣ XVI в., сію книгу церковныхъ Божественныхъ Таинъ послѣдованіе, ихже имаша съ всякимъ вниманіемъ и страхомъ Божиимъ съвршати, на всякъ же день длѣжнъ будещи плодъ устенъ твоихъ въ жрътву благопріетну Господеву приприсити, сирѣчь полунощницу, ютрню, часы, вечерню и павечерню съвршати, къ служенію же божественные литургіе, по истезаніи опасномъ своее свѣсти, съ всякимъ благоговѣніемъ, послѣдованію еже къ божественному причещенію съ вѣсми мирѣнъ, въ чистой свѣсти да приступаеши. Во име Отца и Сына и святаго Духа. Аминь“²⁾.

„Цѣлованіе при концѣ посвященія на священную степень, по толкованію автора „о цѣрковной іерархіи“, имѣетъ священное значеніе. Всѣ, кто только изъ священнослужебнаго чина присутствуетъ (при посвященіи), и даже самъ посвящавшій архіерей лобзають посвященнаго. Ибо, когда священный умъ достигаетъ священнослужебнаго совершенія въ священнослужебномъ порядкѣ и чинѣ, по божественному избранію и по силѣ освященія, онъ дѣлается любезенъ для единочинныхъ ему и священнѣйшихъ чиновъ, возвысившись до богоподобнѣйшаго благолѣпія, пламенѣя любовію къ подобообразнымъ умамъ и отъ нихъ взаимно пользуясь священною любовію. Поэтому-то и совершается взаимное лобзаніе священнослужебныхъ лицъ, означая священное общеніе подобообразныхъ умовъ и ихъ взаимное любвеобильное сорадованіе, поддерживающее въ цѣломъ составѣ священнаго чина богоподобнѣйшую красоту“³⁾.

¹⁾ Служебникъ. М., 1887 г., л. 247 об.

²⁾ Ркп. нашей библ., л. 53.

³⁾ Пис. отц. и учит. церкви, относящ. къ истолкованію правосл. богослуж., т. I, стр. 170.

По освященіи даровъ, „архіерей, вземъ святой Хлѣбъ и отломивъ часть отъ святаго Хлѣба горнюю, яже есть Христось“, даетъ новорукоположенному священнику и говоритъ: „Прими залогъ сей и сохрани его цѣль и невредимъ до послѣдняго твоего издыханія, о немже имаша истязанъ быти во второе и страшное пришествіе великаго Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа“. Священникъ принимаетъ часть св. Агнца, цѣлуетъ руку архіерея и становится сзади св. престола, „руки положивъ на святую трапезу“, и читаетъ про себя 50 псаломъ.

Данный моментъ чина хиротоніи въ пресвитера, изложенный въ нашемъ Чиновникѣ архіерейскаго священнослуженія, несомнѣнно подъ вліяніемъ „Чина божественныхъ лектургій иже во святыхъ отецъ нашихъ Іоанна Златоустаго и Василія Великаго, извѣщеннаго писаніемъ отъ всесвятѣйшаго вселенскаго константинопольскаго бывшаго патріарха, киръ *Аванасія Пателарія*, его же сказа и предаде, егда бѣ въ царствующемъ градѣ Москвѣ въ лѣто 7161, отъ воплощенія же Бога Слова 1653, *свидѣтельствовавнаго* же въ томъ же царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ отъ всесвятѣйшихъ вселенскихъ патріарховъ киръ *Паисія*, папы и патріарха великаго града Александріи и судіи вселенныя, и киръ *Макарія* великаго града Антиохіи и всего востока, въ лѣто 7175, отъ воплощенія же Бога Слова 1667“¹⁾, представляетъ нѣкоторыя существенныя особенности по сравненіи его и съ практикою нашей древне-русской церкви²⁾, и практикою современ-

¹⁾ Дѣянія Собора 1666—1667 гг. (Н. И. Субботинъ. Матер. для исторіи раскола, т. I, ч. II, стр. 325). Здѣсь о Хлѣбѣ, вручаемомъ новорукоположенному, говорится неопредѣленно: „архіерей призываетъ хиротонисаннаго, и вземъ святой Хлѣбъ (и ломивъ отъ святаго Хлѣба малую частіцу), и даетъ ему“. Обычай давать хиротонисанному священнику часть Агнца началъ у насъ практиковаться съ XVI в., при чемъ архіерей и произносилъ при этомъ слѣдующія слова: „Въсприми, іерею, часть сію“ (Опис. рки. М. Синод. библ., отд. III, ч. I, стр. 97).

²⁾ „И егда возметься взношеніе святыхъ даровъ (ἀναφορά или τὸ χαταπέτασμα τῶν ἁγίων δώρων), и рекуть людіе: „Достойно“ (т. е. Достойно и праведно)“, читаемъ мы въ одномъ архіерейскомъ Чиновникѣ

наго православнаго Востока. На Востокѣ, кромѣ употребленія отдѣльнаго цѣлаго Агнца (τὸν ἅγιον Ἄρτον), даваемого въ руки новорукоположенному, предписывается иначе нѣсколько произносить и самыя слова: „Принми залогъ сей и сохрани его, даже до второго пришествія Господа нашего Иисуса Христа, егда отъ Него имаша истязатися о немъ“. (Δάξε τὴν παρακαταθήκην ταύτην καὶ φύλαξον αὐτὴν ἕως τῆς δευτέρας παρουσίας τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, ὅτε παρ' αὐτοῦ μέλλεις ἀπαιτεῖσθαι αὐτήν¹).

Симеонъ Солунскій въ трактатѣ: „Περὶ τῶν ἁγίων χειροτονιῶν“ описываетъ не только данный обрядъ восточной церкви, но и обстоятельно. выясняетъ его важное символическое значеніе въ ряду другихъ обрядовъ въ чинѣ хиротоніи въ пресвитера. „И, взявъ второй, совершенно освященный Хлѣбъ правою рукою, пишетъ онъ, архіерей даетъ его рукоположен-

XIV в., приметъ архіерей отъ блюда *божественный Хлѣбъ* и въдаетъ въ руцѣ поставимому, и преклонитъ надъ свитую трапезу, и положить чело его надъ Хлѣбомъ, и пребудеть преклоненъ до реченія: „Святая святымъ“, и тогда отдастъ и положить на блюдѣ *божественный Хлѣбъ*, и отъ него причастится Тѣла и Крове прѣже нѣхъ поповъ и *подастъ прочимъ*“. (Н. Одинцовъ. Порядокъ обществ. и частн. богослуж. въ древней Россіи до XVI в. Спб., 1881 г., стр. 159; слич. А. Дмитриевскій. Богослуженіе въ русской церкви въ XVI в., ч. I, стр. 364). Этотъ обычай древней нашей церкви былъ вполне согласенъ съ практикою древней византийской церкви (Goar. *Εὐχολόγ.*, pag. 244, 245; А. Дмитриевскій. *Опис. литургич. ркп.*, хранящ. въ библи. православнаго Востока, т. II. *Εὐχολόγια*, стр. 996), которая съ XIV в. уже стала допускать въ этомъ отношеніи иной, болѣе цѣлесообразный, обычай, описанный Симеономъ Солунскимъ и содержаемый церквами восточною и нашею русскою до настоящаго времени, т. е. давать новорукоположенному во священника уже освященный Агнецъ (А. Дмитриевскій. *Опис. литург. ркп.*, хранящ. въ библи. прав. Востока, т. II. *Εὐχολόγια*, стр. 298, 313, 773). Выразительно этотъ обрядъ описывается въ ркп. Аѳоно-Ватопедской библи. 1537 г., № 134 (745): „Ὁταν δὲ ἁγιασθῇ ὁ ἄρτος τῇ ἐπικλήσει τοῦ παναγίου Πνεύματος, λαμβάνει ὁ ἀρχιερεὺς ἐκ τοῦ δίσκου τὸν ἅγιον Ἄρτον, ὃν ὡς παρακαταθήκην προσεχόμεισεν ἐν τῇ προθέσει ὁ ἱερεὺς, καὶ δίδωσιν εἰς τοῦ χειροτονηθέντος τὰς χεῖρας“ (тамъ же, стр. 773).

¹) Ἀρχιερατικόν, ἐν Ἐτίησιν 1714 σελ. 53; Goar. *Εὐχολόγ.*, pag. 243.

ному, сложившему руки крестообразно, въ знаменіе божественнаго страданія и того, что Распятый пригвожденъ за насъ руками, и говоритъ: „Пріими залогъ сей и сохрани его до пришествія Господа, ибо Онъ востребуетъ его отъ тебя“. Это исполнено всякаго страха, ибо показываетъ, что (пресвитеръ) *дѣлается строителемъ Таинъ Божіихъ*¹⁾ и принимаетъ для священнодѣйствія не другое что нибудь, но живой Хлѣбъ—Иисуса и священство Его, и въ видѣ залога ввѣряется ему самъ Христосъ, и потому посвящаемый долженъ блюсти сіе, т. е. священство и себя самого, непорочнымъ, потому что его именно востребуетъ отъ него самъ Господь“²⁾. Тотъ же толкователь литургическихъ обрядовъ сообщаетъ намъ и о нѣкоторыхъ иныхъ обычаяхъ при этомъ, которые хотя и не имѣютъ мѣста въ нашей церкви, но которые и доселѣ удерживаются во многихъ мѣстахъ на православномъ Востоцѣ. Пресвитеръ, ишетъ нѣсколько ниже блаженный Симеонъ Солунскій, „поцѣловавъ руку іерарха и отошедши съ сокрушеніемъ, положивъ руки съ святымъ Хлѣбомъ поверхъ пре-

¹⁾ Въ цитованномъ нами уже неоднократно Служебникѣ XVI в. нашей библиотеки моментъ этотъ описывается весьма выразительно и сопровождается врученіемъ новорукоположенному съ приличными случаямъ наставленіями не только части св. Агнца, но и св. потира съ Кровью Господа. „Пріемлетъ святитель отъ дискаса *честь*, читаемъ мы въ Служебникѣ, и подаетъ новопоставленному, глаголетъ: „Пріими, іерею, честь сію и съблуди ю чисту и непорочну до кончины и живота твоего, и маши бо отвѣтъ о ней въздати въ день втораго пришествія Христова. *Итселъ вьждь себѣ имѣти власть божественную съврѣщати литурію и приносити въ ней безкрвную жертву о своихъ и о людскихъ съврѣшеніихъ*, и еже въ квасномъ пшеничномъ хлѣбѣ священнодѣйствовати святое прѣчистое и божественное Тѣло Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, по божественному его повелѣнію“. Посемъ святитель *пріемлетъ потиръ и подаетъ новопоставленному*, глаголетъ: „Пріими, іерею, потиръ. сѣи и отселъ *вьждь себѣ имѣти власть, еже въ винѣ отъ плода лознаго и водѣ естествоной священнодѣйствовати святую прѣчистую и божественную кровь Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, по божественному его повелѣнію*“ (л. 54).

²⁾ Mign. Patrol. Curs. complet., t. 155, col. 389—392; Писан. отц. и учит. церкви, т. II, стр. 237.

стола и имѣя голову наклоненную надъ руками, молится, поминая и себя самого, и рукоположившаго его іерарха, и всѣхъ священныхъ и мірскихъ людей, и испрашиваетъ спасенія всѣмъ, вспоминая и о живыхъ православныхъ, и объ умершихъ: ибо онъ держитъ руками самого Господа, и руки его выше священныхъ сосудовъ, а держимый Иисусъ Христосъ есть помазаніе и для него, и для рукъ, и для главы его¹⁾.

Новорукоположенный во священника „причащается первый иныхъ іереевъ“, получая чрезъ это, по объясненію Симеона Солунскаго, „предпочтеніе ради благодати и обновленія отъ Божественнаго Духа“²⁾. Въ концѣ литургіи онъ же читаетъ и заамвонную молитву, „показывая тѣмъ и свидѣтельствуя предъ вѣрными, что онъ поставленъ іереемъ и сдѣлался посредникомъ ихъ предъ Богомъ, и, какъ недавно получившій благодать сію, молится о народѣ: ибо въ этой молитвѣ окончательной испрашиваются іереямъ, царямъ и мірскимъ людямъ всѣ блага и миръ отъ Отца свѣтовъ. Но напередъ онъ принимаетъ благословеніе отъ архіерея и тогда уже выходитъ, показывая, что является отъ іерарха и имъ поставленъ. Послѣ молитвы опять принимаетъ благословеніе, исполняя обязанность послушанія и какъ бы получая награду за исполненіе своего священнаго служенія“³⁾.

Какъ мы уже говорили выше, поворукоположенный во священника въ теченіе нѣкотораго времени обучается, подъ руководствомъ опытнаго въ священнослуженіи іерея, всѣмъ пресвитерскимъ обязанностямъ, служа ежедневно въ какомъ нибудь храмѣ и исполняя очередныя требы. У насъ число такихъ дней не опредѣлено для ставленника, но въ древнихъ чинахъ русскихъ и греческихъ указывалась для сего цѣлая седмица⁴⁾, „чрезъ которую, по объясненію того же толкова-

¹⁾ Ibid., col. 392; тамъ же, стр. 238.

²⁾ Ibid.; тамъ же, стр. 239.

³⁾ Ibid., col. 393; тамъ же, стр. 240.

⁴⁾ Нынѣ на Востокѣ принято, чтобы поворукоположенный во священника совершалъ богослуженія въ теченіи сорока дней непрерывно.

теля обрядовъ, означается вся настоящая наша жизнь, дабы, ревностно совершивъ сіе дѣло въ настоящей жизни, достигнуть ему опаго безконечнаго священнослуженія и непосредственнаго общенія со Христомъ; при томъ, какъ получившій великій духовный даръ, онъ долженъ, по числу даровъ духовныхъ, въ теченіе столькихъ же дней непрестанно совершать дѣла благодати“¹⁾).

Чины хиротоній оканчиваются обыкновенно появленіемъ архіерея передъ народомъ съ дикиріемъ и трикиріемъ (на Востокѣ только съ дикиріемъ) для благословенія. Народъ привѣтствуетъ его въ этомъ случаѣ возгласеніемъ: „Εἰς πολλὰ ἔτη, δέσποτα“, выражая ему искреннюю свою радость и благодарность за всякое новое посвященіе и пріобрѣтеніе для Церкви Христовой достойнаго служителя и желая добраго здоровья на многія лѣта для пользы той же Церкви.

(Продолженіе будетъ).

Профессоръ А. Дмитриевскій.

---

¹⁾ Mign. Patrol. Curs. complet., t. 155, col. 393; Писан. отц. и учит. церкви, относящ. къ истолков. обряд. прав. богосл., т. II, стр. 241.

ИЗЪ ДНЕВНИКА СВЯЩЕННИКА.

I.

Основною цѣлью жизни и дѣятельности священника служить проведеніе въ міръ христіанскихъ идеаловъ путемъ личной нравственности и общественной дѣятельности (Мѡ. V, 13—16). Будучи всегда одною и той же по своему существу пастырская дѣятельность принимаетъ соотвѣтственно историческимъ и мѣстнымъ условіямъ особья формы.

Возвращеніе отторгающейся отъ Церкви интеллигенціи въ лоно ея, воспитаніе въ духѣ христіанской вѣры и нравственности народа, мало-по-малу приобщающагося какъ къ добрымъ, такъ и къ дурнымъ плодамъ современной культуры,—

вотъ насущный вопросъ, предъявляемый нашимъ временемъ пастырямъ Церкви. А мѣстныя условія еще частнѣе опредѣляютъ эту задачу: городской священникъ—настоятель ли то прихода, или законоучитель свѣтскаго учебнаго заведенія—дѣйствуетъ главнымъ образомъ среди интеллигенціи, сельскій—является руководителемъ нашего крестьянина.

Однородная по своей основной цѣли—пастырская дѣятельность нашего городского и сельскаго духовенства въ послѣднее время болѣе и болѣе сближается и по своимъ обнаруженіямъ въ виду сглаживающейся разницы мѣстныхъ условій ихъ дѣятельности. Въ новогоднемъ номерѣ нашего журнала, въ редакціонной статьѣ, былъ уже отмѣченъ тотъ фактъ, что границы между нашей интеллигенціей и простымъ народомъ значительно уменьшаются путемъ естественнаго прогресса послѣдняго. А еще въ давнія времена начавшееся „хождение въ народъ“ интеллигентовъ, понятно, ускорять законную встрѣчу двухъ слоевъ нашего общества... Говорить генеръ о существенной разницѣ въ дѣятельности священниковъ нельзя, и близкое одному не является чуждымъ другому, боли сердца городского пастыря вполне понятны и сельскому его собрату.

Въ переживаемое нами время, можно сказать, особенно настоятельна нужда во взаимномъ обмѣнѣ думъ и чувствъ городскихъ и сельскихъ священниковъ, чтобы работа ихъ на пастырской нивѣ, проникнутая однимъ и тѣмъ же основнымъ духомъ, отличалась по возможности однимъ и тѣмъ же болѣе цѣлесообразнымъ характеромъ и въ своемъ проявленіи.

Мы далеки отъ мысли ставить по трудности дѣятельность священника въ городѣ выше дѣятельности священника въ селѣ. Итъ. Въмѣстѣ съ обиліемъ „мясъ египетскихъ“ мы, духовные горожане, не знаемъ того труда, который несетя нашими сельскими сотрудниками, еле имѣющими къ тому же хлѣбъ насущный на днесь... Но въ одномъ пунктѣ—въ отношеніи интеллигенціи къ Церкви и къ содержимому ею ученію мы, городскіе священники, находимся въ болѣе крити-

ческих условіяхъ. Сельское духовенство не знаетъ о томъ, нескрываемомъ подчасъ, снисходительномъ отношеніи къ намъ, представителямъ религіи, которая по мысли нервѣдкихъ прогрессистовъ должна уступить свой престолъ наукѣ. Сельское духовенство не испытываетъ такъ напряженно чувства боли при встрѣчѣ съ фактами самой рѣзкой отчужденности отъ насъ прежде бывшихъ нашими... Предъ сельскимъ духовенствомъ не ставятся въ рѣзко отрицательной формѣ разные міровые вопросы... Соотвѣтственно указаннымъ фактамъ мы горожане, понятно, сильнѣе вынуждаемся на апологетическую дѣятельность среди всякаго рода отрицателей и свободомыслящихъ людей, и въ данномъ случаѣ находимся въ болѣе благоприятныхъ условіяхъ относительно распознаванія „знаменія временъ“, чуткость къ которымъ заповѣдана намъ Божественнымъ Спасителемъ, приходившимъ на землю, чтобы устроить Царство Божіе на ней (Мѡ. 16, 3)...

Послѣ изложеннаго никто, надѣмся, не почтетъ лишнимъ предпринимаемый нами отдѣлъ въ нашемъ журналѣ, въ которомъ мы, городскіе священники, думаемъ дѣлиться съ своими содѣлателями на одной и той же нивѣ Христовой мысли и чувствами пастыря, призваннаго работать среди т. н. интеллигенціи.

Да не почтетъ никто, просимъ, нашей попытки самонадѣяннымъ намѣреніемъ *руководить* сельскихъ пастырей въ борьбѣ съ раціонализмомъ и невѣріемъ. Пусть смотритъ всякій на наши мысли, какъ на одинъ изъ опытовъ подобнаго рода дѣятельности, изъ котораго, быть можетъ, хотя что-либо окажется примѣнимымъ и къ другимъ случаямъ жизни. Лица, предпринимающія веденіе дневника, непосредственно наблюдаютъ современное отношеніе интеллигенціи къ Церкви, *тяжело переживаютъ* данный фактъ, и съ точки зрѣнія его оцѣниваютъ явленія современной общественной и литературной жизни.

Нашъ дневникъ не претендуетъ на обзорѣніе всѣхъ подлежащихъ цѣли нашей фактовъ и явленій жизни: что будетъ,

входитъ въ сферу нашего ознакомленія и наблюденія, тѣмъ и будемъ дѣлиться съ читателями журнала. Онъ не будетъ поэтому строго періодическимъ, каковымъ, безъ сомнѣнія, долженъ былъ бы быть дневникъ, имѣющій своею задачей *полноту* обзорѣнія.

Поставленную выше задачу будемъ преслѣдовать главнымъ образомъ путемъ указанія замѣчаемыхъ нами отрицательныхъ и встрѣчныхъ (такъ въ области мысли и происходитъ...) имъ положительныхъ явленій жизни: хотѣлось бы изъ сопоставленія чужихъ мыслей извлечь руководство для сельскихъ и городскихъ пастырей...

Не одинъ разъ приходилось намъ бесѣдовать по различнымъ вопросамъ пастырской практики съ сельскими священниками, живущими въ самыхъ разнообразныхъ условіяхъ жизни. Минувшимъ лѣтомъ мы провели нѣсколько дней въ одной изъ великороссійскихъ епархій въ общеніи съ двумя молодыми, полными пастырской энергіи, священниками. „И мы, говорили они между прочимъ, стоимъ уже предъ трудной задачей пастырской дѣятельности среди интеллигенціи. Наши помѣщики, чиновники, учащая молодежь—все эти временные и постоянные жители деревни нерѣдко открыто идутъ къ нашимъ прихожанамъ съ своими „передовыми“ идеями, часто далекими отъ нашего христіанскаго міросозерцанія. Не говоримъ уже о томъ, что и къ намъ лично предъявляются запросы времени. Если гдѣ, то именно здѣсь городское духовенство должно придти на помощь къ намъ. Несравнимая выгода вашего положенія—совокупная жизнь многихъ священниковъ, а также близость и общедоступность всевозможныхъ книжныхъ сокровищъ, каковыя являются для однихъ вдохновителями, для другихъ выразителями ихъ credo“... Эта бесѣда тогда же навела меня на мысль, осуществляемую нынѣ. Но насколько цѣлесообразнѣе и потому плодотворнѣе были бы наши замѣтки, если бы наши читатели почтили насъ обмѣномъ своихъ мыслей по примѣру одного священника, написавшаго намъ письмо по поводу статьи нашей въ давномъ

журналъ „Законъ Божій въ школахъ“ (см. письмо его въ выдержкахъ—№ 52 Р. д. с. п. за минувшей годъ). Съ этой усердной просьбой обращаемся ко всѣмъ, кому дороги затрогиваемые нами вопросы.

Священникъ *Константинъ Алексѣевъ*.

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Д. Семинаріи, Архимандритъ Θεодосій.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 21 января 1902 г.

Цензоръ, экстра-орд. проф. Акад. прот. *І. Корольковъ*.

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. *Н. Т. Корчакъ-Новицкаго*.

ГОДЪ

XLIII.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 6.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1902 года, февраля 7-го.

Содержаніе: Каноническое управленіе въ Русской Церкви.—Современная жизнь русскаго народа и православное русское духовенство (продолженіе).—Нѣсколько словъ о совершеніи приходскими священниками въ Великій постъ таинствъ Исповѣди и Причащенія.—Наболѣвшій вопросъ.

Каноническое управленіе въ Русской Церкви.

Во главѣ управленія помѣстныхъ церквей стоитъ, какъ извѣстно, или единоличная, или коллегіальная власть. Представителями первой служатъ патріархи и самостоятельные митрополиты, представителемъ второй—Св. Синодъ.

Патріаршее управленіе имѣютъ церкви: Константинопольская, Антиохійская, Александрійская, Іерусалимская; митрополичье—Кипрская, Сербская, Черногорская, Болгарская, Молдаво-Валахская и православная церковь въ предѣлахъ Австрійской Имперіи. Синодальное управленіе существуетъ въ Греческой и Русской церквахъ.

Въ Россіи, впрочемъ, періодически смѣнились всѣ три формы церковнаго управленія: митрополичья (по 1589 й годъ), патриаршая (съ 1589-го года) и Синодальная (съ 1721-го года).

Соборное управленіе Русскою Церковью подъ именемъ „Духовнаго Коллегіума“, переименованнаго послѣ въ Св. Синодъ, учреждено въ 1721-мъ году, по мысли Петра Великаго. Причины замѣны патриаршаго управленія синодальнымъ указаны въ „Духовномъ Регламентѣ“ слѣдующія: 1) истина гораздо лучше можетъ быть разузана нѣсколькими лицами, нежели однимъ: „что единъ не постигнетъ, то постигнетъ другій.. и тако вещь сумнительная и извѣстнѣе. и скорѣе объяснится, и каковаго требуетъ опредѣленія, не трудно покажется“; 2) опредѣленія и рѣшенія соборной власти имѣють болѣе важности и твердости, и потому охотнѣе будутъ исполняться, чѣмъ рѣшенія одного лица. „Монарховъ власть есть самодержавная, которымъ повиноватися Самъ Богъ за совѣсть повелѣваетъ, обаче совѣтниковъ своихъ имѣють. не токмо ради лучшаго истины взысканія, но дабы и не клеветали непокоривые человѣцы, что се или оно, силою паче и по прихотямъ своимъ, нежели судомъ и истиною заповѣдуетъ Монархъ; то колыми паче въ церковномъ правленіи, гдѣ правительство не монаршеское есть, и правителемъ заповѣдуются, да не господствуютъ клиру; гдѣ аще единъ что уставляетъ, могутъ противницы единымъ лица его оклеветаніемъ, силу уставленію его отъяти, чего не такъ возмогутъ, гдѣ отъ соборнаго сословія опредѣленіе происходитъ“; 3) коллегіумъ состоитъ подъ властію державнаго Монарха и имъ учрежденъ. Онъ „не есть нѣкая факція, тайнымъ на интересъ свой союзамъ сложившаяся, но на добро общее, повелѣніемъ Самодержца, и его жъ съ прочими разсмотрѣніемъ собранныя лица“; 4) занятія одного лица могутъ останавливаться то неотмѣнными другими нуждами, то болѣзнію, то смертію его: соборъ же имѣеть возможность вести дѣла безостановочно; 5) въ рѣшеняхъ собора можетъ быть больше безпристрастія, чѣмъ въ опредѣленіяхъ одного лица: „како бо могутъ сложитися въ заступленіе виновной, или во

осужденіе невинной стороны, гдѣ аще и будетъ единъ отъ нихъ къ лицу судимому пристрастенъ или яростенъ, обаче другій и третій и прочіи отъ гнѣва и пристрастія того свободни? Како же и мзда одолѣти можетъ, гдѣ не по власти, но по правильнымъ и важнымъ причинамъ дѣло вершится и единъ другаго (аще благословной мнѣнія своего вины не покажетъ) зазорится, да не познанъ будетъ въ мздоимствѣ своемъ?“ 6) вліяніе сильныхъ міра не столько можетъ препятствовать правильнымъ опредѣленіямъ собора, чѣмъ рѣшеніямъ одного лица: „понеже и причины проискивать на многихъ не только удобно есть, яко на единого чловѣка“; 7) единоличную церковную власть невѣжественные люди могутъ смѣшивать съ царскою, и въ случаѣ пререканій между этими властями, иногда становятся на сторону „верховнаго пастыря... и за него поборствовать и бунтоватися дерзають, и льстятъ себѣ, что они по самомъ Богѣ поборствуютъ, и руки своя не оскверняютъ, но освящаютъ, аще бо и на кровопрлитіе устремилися. Такому же въ народѣ мнѣнію вельми рады и не простыя, но коварныя чловѣцы; ти бо на Государя своего враждующе, егда увидятъ ссору Государя съ пастыремъ, похищаютъ то за добрый случай злобѣ своей, и подъ видомъ церковной ревности, не сумнятся подносить руки на Христа Господня. И къ тому жъ беззаконію, яко къ дѣлу Божию подвизають простой народъ. Что жъ, когда еще и самъ пастырь таковымъ о себѣ надмень мнѣніемъ, спастъ не похощеть, изрещъ трудно, коликеде отсюду бѣдствіе бываетъ“¹⁾; 8) соборъ можетъ судить не только другихъ лицъ, но и своихъ членовъ, не исключая первенствующаго; тогда какъ „самовластный пастырь... не похощеть отъ подручныхъ себѣ епископовъ

¹⁾ Въ доказательство пагубныхъ послѣдствій распри между Монаршею и духовною властями Регламентъ приводитъ печальную исторію Византійской Имперіи послѣ временъ Императора Юстиніана, а также властолюбивыя стремленія папы, который „не точію Государство Римское полма пресѣче, и себѣ великую часть похити, но и инныя Государства едва не до крайняго разоренія не одиножды потрасе“.

судитися. Аще же бы къ тому и принужденъ былъ, то обаче въ народѣ простомъ правосудіа не вѣдущемъ, и слѣпо разсуждающемъ, таковой судъ былъ бы подозрительный, и поношенію подверженный. Отъ чего дѣется, что на злаго такового деиновластителя нужда есть созывать соборъ селенскій (вселенскій), что и съ великою всего отечества трудностью и съ немалымъ изживеніемъ бываетъ¹⁾, и въ нынѣшнія времена (когда восточные патріархи подъ игомъ турецкимъ живутъ и турки нашего Государства вяще, нежели прежде опасаются) отнюдь мнится быти невозможно“; 9) синодское управленіе представляетъ какъ бы нѣкую духовную школу; „ибо отъ сообщенія многихъ и различныхъ разсужденій и совѣтовъ, и доводовъ правильныхъ, яковыхъ частыя дѣла требуютъ, всякъ отъ сосѣдителей удобно можетъ поучитися духовной политикѣ, и повседневымъ искусствамъ навыкнуть, какъ бы лучше домъ Божій управити возмогъ“.

Кромѣ изложенныхъ, весьма важныхъ причинъ, Русская Церковь, по самой обширности своихъ предѣловъ, требуетъ именно синодальнаго управленія. Восточныя помѣстныя церкви, при своихъ небольшихъ границахъ, равняющихся у нѣкоторыхъ лишь нашей губерніи, легко могутъ управляться и однимъ іерархомъ; но для далеко раскинувшейся Русской Церкви единоличное управленіе было бы крайне затруднительно. Древняя Русь, управлявшаяся въ церковномъ отношеніи самостоятельными митрополитами, нѣкоторое время была раздѣлена на двѣ митрополіи, но это раздѣленіе нарушало принципъ единства въ Русской Церкви и было неудобно во многихъ отношеніяхъ. Митрополіи должны были соединиться и онѣ дѣйствительно соединились подъ одною властію. Долгое время эта власть сосредоточивалась въ лицѣ одного верховнаго іерарха (патріарха), но чѣмъ дальше раздвигались предѣлы Россійской Имперіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Русской Церкви,

¹⁾ Такъ было, наприм., по производству суда надъ патріархомъ Никономъ.

тѣмъ труднѣе было управлять послѣднею одному лицу и тѣмъ ощутительнѣе становилась необходимость замѣнить единоличное управленіе нашей Церкви коллегіальнымъ,—что и осуществилъ великій преобразователь Россіи.

Какъ въ свое время на учрежденіе въ Россіи патріаршества, такъ и на учрежденіе Синода, испрошено было согласіе восточныхъ патріарховъ.

Въ посланіи святѣйшему Константинопольскому патріарху по этому поводу Петръ Великій писалъ: „Уповаемъ, яко ваше всесвятѣйшество, яко первый Архіерей православныхъ, канолическія, восточныя Церкви, сіе наше учрежденіе духовнаго синода за благо признать изволите, и о томъ прочимъ блаженнѣйшимъ Александрійскому, Антіохійскому и Іерусалимскому патріархамъ сообщеніе учините.“ Выражая согласіе на учрежденіе въ Россіи св. Синода, патріархи утвердили за нимъ значеніе, равное патріаршей власти. „Мѣрность наша, писалъ Константинопольскій патріархъ Іеремія Св. Синоду, благодатію и властію Всесвятаго, Животворящаго, Совершенноначала Духа узаконяетъ, утверждаетъ и провозглашаетъ отъ Благочестивѣйшаго Самодержца,.. по Духу Святому намъ возлюбленнаго и превозделѣннаго, въ Россійскомъ Великомъ Царствѣ учрежденный Синодъ. Есть и нарицается онъ нашимъ во Христѣ братомъ, святымъ и священнымъ синодомъ и имѣетъ власть творити и совершати, елика четыре апостольскіе, святѣйшіи, патріаршіи престоли“. То же самое писалъ отъ себя и патріархъ Антіохійскій Аванасій.

Основаніе соборному управленію Церкви положено самими Апостолами, которые разсматривали важнѣйшіе вопросы вѣры и церковнаго благочинія въ своихъ собраніяхъ и рѣшали совокупною властію (Дѣян., главы 6 и 15). Равно и по Апостольскимъ правиламъ, высшая власть въ Церкви должна принадлежать не одному старѣйшему епископу, а собору епископовъ. „Епископамъ всякаго народа, говоритъ 34-е Апост. правило, подобаетъ знати перваго въ нихъ, и признавати его, яко главу, и ничего превышающаго ихъ власть не творити

безъ его разсужденія: творити же каждому только то, что касается до его епархіи и до мѣстъ, къ ней принадлежащихъ. Но и первый ничего да не творитъ безъ разсужденія всѣхъ. Ибо тако будетъ единомысліе“. „Дважды въ году да бываетъ соборъ епископовъ, предписывается въ 37-мъ правилѣ, и да разсуждаютъ они другъ съ другомъ о догматахъ благочестія, и да разрѣшаютъ случающіяся церковныя прекословія: въ первый разъ—въ четвертую недѣлю Пятидесятницы, а во второй—октября во вторыинадцатъ день“. Итакъ 37-е Апост. правило устанавливаетъ въ каждой области или помѣстной церкви ежегодные соборы для разсужденія о состояніи и потребностяхъ мѣстной церкви,—именно соборы въ весеннее и осеннее время. Впослѣдствіи правило о ежегодныхъ соборахъ постоянно подтверждалось; только они назначались въ другое время года, а VI-й и VII-й всел. соборы, принявъ во вниманіе затруднительность предстоятелямъ церквей „по разнымъ препятствіямъ составлять соборы дважды въ году“, положили вмѣсто двухъ быть ежегодно въ каждой области только одному собранію епископовъ (1 Всел. 5; IV Всел. 19; Антиох. 20; VI Всел. 8; VII Всел. 6; Каро. 27). Наконецъ, когда установились постоянные соборы, или сѣноды епископовъ при кафедрахъ первенствующихъ іерарховъ, съ значеніемъ высшихъ дух. учрежденій (какъ въ церквахъ Греческой и Русской), тогда ежегодные общіе соборы помѣстныхъ церквей сами собою прекратились.

Эту замѣну періодическихъ церковныхъ соборовъ постоянными отнюдь нельзя считать антиканоническою, противною духу церковнаго законодательства. Надобно замѣтить, что даже тѣ постановленія, которыя изложены въ свящ. Писаніи, не всѣ имѣютъ одинаковую важность. Правила, заключающія въ себѣ существенныя истины вѣры, благочестія и церковнаго благоустройства, конечно, имѣютъ для Церкви значеніе неизмѣннаго Божественнаго права и составляютъ безусловно обязательныя для нея законы. Таково, напр., новозавѣтное ученіе о совершеніи крещенія во имя Отца и Сына и Свя-

таго Духа (Мѡ. 28; 19, 20), о совершеніи евхаристіи (Лук. 22; 19, 20), объ іерархической власти вязать и рѣшить грѣхи (Іоан. 20; 22, 23). Но другія правила, которыя, касаясь внѣшняго устройства церковной жизни, вызваны были историческими обстоятельствами и потому имѣли только *временное* значеніе, не обязательны для Церкви на вѣчныя времена, и она можетъ или совсѣмъ оставлять ихъ, или замѣнять новыми, сообразно съ современными нуждами церковно-общественной жизни. Такъ, напр., правило, въ силу котораго на высшія іерархическія мѣста допускались и лица женатыя (1 Тим. 3, 2), впоследствии, для пользы паствы, замѣнено было предписаніемъ обязательнаго безбрачія для епископовъ (Трул. 12, 48). Тѣмъ болѣе могли измѣняться, дополняться или отмѣняться соборныя и святоотеческія правила, которыя касаются не главныхъ истинъ христіанскаго вѣро-и правоученія и не основаній церковнаго канона, а лишь внѣшняго порядка, внѣшняго устройства въ жизни, дисциплинѣ и управленіи христіанскихъ церквей. Такъ измѣнился древній порядокъ принятія покаянія (публичная исповѣдь), съ отмѣненіемъ и самыхъ степеней его въ томъ видѣ, въ какомъ эти степени представляются у св. Григорія Неокесарійскаго (прав. 12-е); отмѣнено (16-мъ правиломъ VI всел. собора) опредѣленіе собора Неокесарійскаго о томъ, чтобы въ каждомъ городѣ, какъ бы великъ онъ ни былъ, было лишь 7 діаконовъ, по примѣру вѣка Апостольскаго. Такъ могли измѣняться и правила древней Церкви относительно ежегодныхъ соборовъ. По церковнымъ правиламъ, на соборы должны были являться *все* епископы мѣстной области, но это требованіе не строго соблюдалось: нѣкоторые епископы, по разнымъ причинамъ, не являлись на соборы, такъ что VI-й всел. соборъ (прав. 19) призналъ за лучшее установить, какъ мы видѣли, вмѣсто двухъ одинъ ежегодный соборъ въ каждой области, предлагая при семъ „братолюбно сказать слово прощенія епископамъ, которые не придутъ на соборъ, хотя находятся въ своихъ градахъ и пребываютъ въ здравіи и свободны отъ всякаго необходимаго

и неотложнаго занятія“. Но видно и соборное „прещеніе“ не достигло цѣли, потому что VII-й всел. соборъ (прав. 6-е) снова и съ особенною настойчивостью повторяетъ правило о томъ, чтобы епископы исправно являлись на ежегодные соборы.

Если въ сравнительно небольшихъ областяхъ Восточной Церкви епископы затруднялись являться на соборы, то что сказать о Русской Церкви, когда бы всѣ епископы ея обязаны были не только два раза, но хотя бы однажды въ годъ составлять изъ себя окружные соборы въ важнѣйшихъ городахъ Имперіи (напр., Москвѣ, Кіевѣ, С.-Петербургѣ, Казани, Тобольскѣ, Иркутскѣ). Для однихъ это было бы крайне затруднительно, для другихъ, напр., Сибирскихъ епископовъ, по чрезвычайной дальности разстоянія епархіальныхъ кафедръ, почти невозможно¹⁾. Да и какъ трудно было бы нашимъ соборамъ разбираться въ громадной массѣ вопросовъ, какая стала бы накапливаться по окружнымъ епархіямъ за время отъ одного собора до другого?

Замѣтимъ при этомъ, что по буквальному смыслу церковныхъ правилъ, въ каждой помѣстной церкви должны составляться собственно общіе соборы всѣхъ епископовъ въ одномъ опредѣленномъ мѣстѣ, по назначенію первенствующаго іерарха „Установленное отцами нашими желая во всемъ хранить, говорить VI-й всел. соборъ (прав. 8-е), возобновляемъ также и правило, повелѣвающее быть ежегодно соборамъ епископовъ каждой области (каждой помѣстной Церкви) тамъ, гдѣ епископъ митрополіи усмотритъ за лучшее“. Такой же смыслъ имѣютъ правила 5-е I-го всел. соб., 19-е IV-го всел. соб., 20-е Антиох., 27-е Карѳаг., 6-е VII-го всел. Но выполненіе въ этомъ смыслѣ постановленія о соборахъ въ Русской Церкви уже совсѣмъ не мыслимо. Поэтому на нашъ постоянный соборъ избранныхъ іерарховъ, подъ именемъ Св. Синода,

¹⁾ Не говоримъ о чрезвычайныхъ расходахъ, какихъ потребовали бы такіе соборы.

надобно смотрѣть, какъ на учрежденіе, вызванное мѣстными условіями Россійской Церкви, взаимнѣ невозможныхъ для нея ежегодныхъ епископскихъ соборовъ, требуемыхъ церковными правилами. Такого взгляда на данный предметъ держатся и наши канонисты, напр., преосвящ. Іоаннъ (Смоленскій), который, объясняя правило VI-го всел. собора о ежегодныхъ соборахъ, замѣчаетъ: „впослѣдствіи времени такіе соборы замѣнены, и конечно еще съ большею пользою для Церкви, постоянными сѣнодами епископскими при кафедрахъ главноначальствующихъ іерарховъ“¹⁾.

Русскій Св. Сѣнодъ, по своей организаціи и компетентности, имѣетъ всѣ признаки строго-каноническаго учрежденія. Соотвѣтственно съ церковными правилами о соборахъ, въ составъ его членовъ и присутствующихъ входитъ исключительно лица епископскаго сана. Во главѣ Св. Сѣнода стоитъ первенствующій іерархъ, но согласно съ 34-мъ Апостольскимъ правиломъ, онъ есть лишь первый между равными по власти, раздѣляемой имъ съ прочими членами Сѣнода. Какъ членъ Св. Сѣнода, хотя и первенствующій, онъ, по выраженію процитованнаго правила, ничего „не творитъ безъ разсужденія всѣхъ“.

Соборы должны были составляться изъ всѣхъ епископовъ мѣстной Церкви: нашъ Св. Сѣнодъ, по невозможности быть въ немъ всѣмъ епископамъ Русской Церкви, состоитъ лишь изъ избранныхъ іерарховъ, но такими іерархами являются преимущественно лица, или занимающія важныя іерархическія кафедры (каковы митрополиты и экзархъ Грузіи), или же свободныя отъ управленія епархіями (прочіе члены Сѣнода). Что касается епархіальныхъ епископовъ, назначеніе ихъ для *постояннаго* присутствованія въ Св. Сѣнодѣ необходимо сопровождалось бы опущеніями и затрудненіями въ ходѣ епархіальныхъ дѣлъ; поэтому изъ нихъ вызываются въ Св. Сѣнодъ, съ званіемъ „присутствующихъ“ лишь по два

¹⁾ Оп. курс. церк. законов., т. II, стр. 524-я.

епископа и то на извѣстное время (бол. част. на годъ). Члены Св. Синода, какъ и присутствующіе назначаются по непосредственному Высочайшему повелѣнію, но и въ Восточной Церкви на соборы епископы вызывались императорскими указами¹⁾.

Св. Синодъ есть высшее церковное правительство въ Россіи. Дѣйствуя на основаніи „Закона Божія, въ Свящ. Писаніи предложеннаго, а также каноновъ, или правилъ соборныхъ, святыхъ отецъ и уставовъ гражданскихъ, слову Божию согласныхъ“ (Дух. Регл.), онъ имѣетъ право издавать опредѣленія и узаконенія по дѣламъ вѣры и Церкви и дополнять ими Духовный Регламентъ, представляя свои опредѣленія, въ потребныхъ случаяхъ, на Высочайшее утвержденіе непосредственно. Въ предѣлахъ Русской православной Церкви постановленія и распоряженія Синода обязательны какъ для пастырей, такъ и для пасомыхъ. Въ общей же системѣ государственнаго управленія Св. Синодъ уравниенъ съ Правительствующимъ Сенатомъ. Какъ сенатъ служитъ органомъ, чрезъ который дѣйствуетъ въ нашемъ Государствѣ Верховная Власть, такъ и Св. Синодъ есть органъ, чрезъ который ведется управленіе Русскою Церковію.

Вселенскіе и помѣстные соборы, занимаясь главнымъ образомъ разъясненіемъ и опредѣленіемъ догматическихъ истинъ, по поводу ересей и расколовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ давали правила, направленныя къ утвержденію и развитію христіанскаго просвѣщенія и благочестія, къ искорененію суевѣрій и предразсудковъ; правила, касающіяся благоустройства, благочинія и богослуженія церковнаго; постановленія относительно брачныхъ союзовъ; правила о порядкѣ суда надъ лицами духовными и по извѣстнымъ дѣламъ—свѣтскими. Подобно сему, компетенція нашего Св. Синода обнимаетъ, по Духовному Регламенту, „всякія духовныя дѣла во Всероссійской Церкви“. Онъ долженъ смотрѣть, „аще все правильно по закону христіанскому дѣется, и аще что оному противно обрѣтается, и

¹⁾ Дѣян. всел. собор. Казань, 1859 г., т. I, стр. 18, 219, 299 и пр.

нѣсть ли коея скудости въ наставленіи христіанину всякому подобающемъ“. Въ частности, вѣдѣнію Св. Синода подлежатъ:

- 1) дѣла и предметы, касающіеся догматовъ православной вѣры и Церкви, въ тѣхъ границахъ, въ коихъ вѣдѣть оныя указано церковными постановленіями помѣстнымъ соборамъ;
- 2) дѣла и предметы, относящіеся къ церковному благочинію и управленію;
- 3) дѣла по утвержденію и распространенію духовнаго просвѣщенія и
- 4) высшій церковный судъ.

Во исполненіе своихъ непосредственныхъ обязанностей по всѣмъ означеннымъ дѣламъ, Св. Синодъ наблюдаетъ:

- а) всѣхъ духовнаго чина лицъ, равно и мірскихъ особъ, чтобы первые, какъ должно, проходили свое званіе, послѣдніе—соблюдали уставы и законоположенія православной Церкви;
- б) рассматриваетъ и одобряетъ къ изданію для церковнаго или домашняго употребленія вновь составленныя службы святымъ, также рассказы изъ житій святыхъ; равно сочиненія, касающіяся догматовъ православной Церкви, правилъ христіанской нравственности, или имѣющія своимъ предметомъ изъясненіе цѣлыхъ книгъ Свящ. Писанія;
- в) изслѣдываетъ показанія о св. мощахъ, о чудотворныхъ и явленныхъ иконахъ;
- г) заботится объ искорененіи въ народѣ разныхъ суевѣрныхъ обычаевъ, обрядовъ и вѣрованій;
- д) наблюдаетъ за церковнымъ управленіемъ въ епархіяхъ, за соблюденіемъ церк. правилъ, церковнаго благочинія, при этомъ разрѣшаетъ возникающіе вопросы и предлагаетъ руководственныя правила въ недоумѣнныхъ случаяхъ;
- е) избираетъ и испытываетъ кандидатовъ на мѣста епископовъ и представляетъ ихъ на утвержденіе Государя Императора;
- ж) печется о благоустройствѣ церквей, монастырей, духовно-учебныхъ заведеній, церковныхъ школъ и пр.;
- з) имѣетъ высшій надзоръ за всѣмъ церковнымъ хозяйствомъ и попеченіе о средствахъ къ содержанію православнаго духовенства въ Россійской Имперіи;
- и) окончательно рѣшаетъ дѣла о бракахъ; * і) производитъ судъ надъ духовными лицами по всѣмъ дѣламъ, кромѣ тяжбныхъ, а надъ мірянами—по преступленіямъ противъ вѣры и Церкви; между

прочимъ участвуетъ вмѣстѣ съ Правит. Сенатомъ назначеніемъ эпитиміи и вообще опредѣленіемъ тяжести грѣха въ случаяхъ кровосмѣшенія и другихъ видовъ насилія и прелюбодѣянія.

Такимъ образомъ, нашъ Св. Синодъ, и по своему составу, и по своей власти, и по предметамъ своего управленія является тѣмъ же, чѣмъ были соборы въ Греко-Восточной Церкви. Все различіе между первымъ и послѣдними состоитъ въ томъ, что соборы созывались ежегодно лишь на извѣстное время, какое требовалось для разсмотрѣнія подлежащихъ имъ вопросовъ и состояли или, по крайней мѣрѣ, должны были состоять изъ всѣхъ епископовъ мѣстной области, а Св. Синодъ есть соборъ постоянный и состоитъ изъ избранныхъ іерарховъ. Но это различіе не существенное, формальное, объясняемое особенными условіями Русской Церкви. При существованіи Св. Синода, какъ постояннаго собора, состоящаго изъ избранныхъ іерарховъ, уже нѣтъ нужды въ установленіи еще ежегодныхъ періодическихъ соборовъ изъ всѣхъ прочихъ епископовъ. Впрочемъ, какъ въ древнія времена, при ежегодныхъ соборахъ бывали и особенные, чрезвычайные—по важнымъ и неотложнымъ вопросамъ Церкви, такъ и въ нашей Церкви, при наличности Св. Синода, обстоятельства могутъ вызывать по временамъ необходимость нарочитаго собранія епископовъ той или другой мѣстности. Таковыя собранія у насъ дѣйствительно и бывають (разумѣемъ собранія епископовъ въ Кіевѣ, Казани, Иркутскѣ), но ихъ постановленія получаютъ обязательную силу для членовъ Русской Церкви не прежде, какъ по разсмотрѣніи и утвержденіи ихъ Св. Синодомъ, такъ что и въ этомъ случаѣ принципъ единства іерархической власти въ нашей Церкви удерживается со всею строгостью.

Вслѣдъ за учрежденіемъ Св. Синода, именно въ 1722 году 11 мая состоялось Высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы въ Св. Синодъ „выбрать изъ офицеровъ добраго человѣка, кто бѣ имѣлъ смѣлость и могъ управленіе синодскаго дѣла знать, и быть ему *Оберъ-Прокуроромъ*, и дать ему инструкцію,

примѣняясь къ инструкціи генераль-прокурора“ (при Сенатѣ). Въ этой инструкціи, которая составлена была и Высочайше утверждена въ томъ же 1722-мъ году, Оберъ-Прокуроръ названъ „окомъ“ Государя и „стряпчимъ“ по дѣламъ государственнымъ. Ему повелѣно: 1) наблюдать за правильнымъ, своевременнымъ и законнымъ теченіемъ и рѣшеніемъ дѣлъ въ Св. Синодѣ, „накрѣпко смотрѣть, дабы Синодъ свою должность хранилъ и во всѣхъ дѣлахъ, которыя къ синодскому разсмотрѣнію и рѣшенію подлежатъ, истинно, ревностно и порядочно, безъ потерянія времени, по регламентамъ и указамъ отправлялъ“; также смотрѣть, „чтобы въ Синодѣ не на столѣ только дѣла вершились, но самымъ дѣйствомъ по указамъ исполнялись“; 2) при разсмотрѣніи дѣлъ въ Синодѣ разъяснять относящіяся къ нимъ законы, и въ случаѣ рѣшеній Синода, не согласныхъ съ государственными законами и интересами, „предлагать членамъ Синода, въ чемъ они или нѣкоторые изъ нихъ не такъ дѣлаютъ, какъ надлежитъ, дабы поправили“. При безуспѣшности этой мѣры, Оберъ-Прокурору предоставлено право заявлять въ Синодѣ же протестъ, и, остановивъ дѣло, немедленно доносить о томъ Государю.

Оберъ-Прокуроръ является отвѣтственнымъ предъ однимъ Государемъ: „ничьему суду не подлежитъ, кромѣ Нашего“, говорится въ инструкціи (п. 9-й) отъ лица Государя. Въ 1824 году Оберъ-Прокурору предоставлены министерскія права въ сношеніяхъ по дѣламъ Греко-Россійскаго исповѣданія, а съ 1835-го года онъ приглашается въ Государственный Совѣтъ и Комитетъ министровъ для объясненій по дѣламъ вѣдомства Св. Синода (Св. Зак., изд. 1892 г., т. I, Учр. Ком. Мин., ст. 17). По установившейся практикѣ синодальнаго дѣлопроизводства, Оберъ-Прокуроръ Св. Синода а) просматриваетъ всѣ протоколы опредѣленій Св. Синода, б) представляетъ Государю отъ имени Синода доклады и объявляетъ Синоду Высочайшія повелѣнія, касающіяся духовнаго вѣдомства; в) сносятся по дѣламъ этого вѣдомства со всѣми центральными Государственными учрежденіями (кромѣ Сената) и

представителями этихъ учреждений; г) ежегодно составляетъ и представляетъ Государю отчеты по духовному вѣдомству; д) завѣдуетъ всѣми вспомогательными Св. Синоду учрежденіями, каковы: Канцелярія Св. Синода, Хозяйственное Управленіе, Контроль, Синодальныя Конторы, Учебный Комитетъ и Синодальныя типографіи; е) распоряжается назначеніемъ пенсій и наградъ по духовно-учебному вѣдомству и имѣетъ свою собственную канцелярію.

Учрежденіе должности синодальнаго Оберъ-Прокурора имѣетъ свое основаніе въ организаціи тѣхъ же церковныхъ соборовъ, которые замѣняетъ собою нашъ Св. Синодъ. Изъ церковной Исторіи извѣстно, что Византійскіе Императоры, по обращеніи въ христіанство, стали принимать живое и дѣятельное участіе въ дѣлахъ Церкви. Они издавали законы (извѣстные подъ именемъ церковно-гражданскихъ), съ цѣлію опредѣлить вышнее положеніе Церкви въ государствѣ и содѣйствовать благоустройству ея учреждений. Съ другой стороны, охраняя неприкосновенность церковнаго канона, Государственная власть стала придавать постановленіямъ церковной власти значеніе государственныхъ законовъ¹⁾. По законодательству Юстиніана, что запрещалось первыми, то не дозволялось и послѣдними; преступленія противъ Церкви не оставались безнаказанными и по законамъ государства. Лучшимъ выраженіемъ отношеній государственной власти къ церковному порядку можетъ служить слѣдующее мѣсто изъ новелль (6-я нов.) Юстиніана: „Когда и Церковь во всѣхъ своихъ частяхъ благоустроена и государственное управленіе держится твердо и путемъ законовъ направляетъ жизнь народа къ истинному благу, то возникаетъ добрый и благотворный союзъ Церкви и государства, столь благодѣтельный для человѣчества. Мы надѣемся достигнуть этого, если будетъ

¹⁾ Въ одной изъ новелль (131-ой, гл. 1) Императора Юстиніана говорится: „Догматическія опредѣленія всел. соборовъ мы признаемъ, какъ Свщ. Писаніе, а правила ихъ соблюдаемъ, какъ законы государственные“

охраняемо соблюденіе священныхъ правилъ, переданныхъ Апостолами, сохранныхъ и изъясненныхъ отцами (Церкви)“. Съ этою цѣлью верховная власть и явилась охранительницею церковнаго законодательства, такъ что постановленія нѣкоторыхъ соборовъ разсылались при указахъ Императоровъ, подобно законамъ государственнымъ. Въ виду такого значенія церковныхъ правилъ, на соборы, которыми онѣ составлялись, Императоры или являлись лично, или посылали своихъ уполномоченныхъ ¹⁾. Тѣ и другіе не вступали въ самыя сужденія о дѣлахъ, подлежавшихъ соборному разсмотрѣнію, но принимали на себя заботы охранять соборы и содѣйствовать уснѣшнѣйшему достиженію ими своихъ цѣлей ²⁾. Такъ, Императоръ Константинъ Великій, присутствуя на I-мъ, созванномъ имъ же, вселенскомъ соборѣ, говорилъ двѣ рѣчи, въ которыхъ, указавъ на крайне печалившее его разногласіе въ нѣдрахъ Церкви,—произведенное ересью Арія, и замѣтивъ, что по его мнѣнію, „внутреннее смятеніе въ Церкви страшнѣе и тягостнѣе всякой войны и битвы“, просилъ соборъ не медлить разсмотрѣніемъ причинъ такого разногласія и разрѣшить всѣ спорные вопросы мирными постановленіями. „Ибо то и для Бога пріятно, говорилъ Императоръ, и съ вѣрою католической Церкви сообразно, и для общественныхъ дѣлъ полезно, чтобы за свыше ниспосланный намъ драгоцѣннѣйшій миръ мы совокупно всѣ воздавали достойную благодарность Его щедрой милости“ ³⁾. По окончаніи соборныхъ засѣданій, Императоръ въ присутствіи всѣхъ отцовъ собора снова сказалъ увѣщательную рѣчь, въ которой внушалъ стараться о сохраненіи мира другъ съ другомъ, избѣгать упорства во мнѣніяхъ и вредныхъ споровъ, и въ заключеніе просилъ ихъ прилежно

¹⁾ На 3-мъ всел. соборѣ присутствовалъ сановникъ Кандидіанъ съ порученіями имп. Θεодосія (Младшаго); на 1-мъ, VI-мъ и др. соборахъ были сами императоры. Дѣян. всел. соб., т. I, стр. 88, 301; т. VI, стр. 14 и пр.

²⁾ Дѣян. всел. собор., т. I, стр. 301.

³⁾ Тамъ же, стр. 88—89 и 99.

молиться о немъ Богу¹⁾. Затѣмъ онъ написалъ посланія 1) къ Александрійской церкви, 2) къ епископамъ, не бывшимъ на соборѣ и 3) ко всѣмъ епископамъ и народамъ. Въ этихъ посланіяхъ, извѣщая о томъ, что опредѣлено на соборѣ и какъ изложено Арій съ своими единомышленниками, Императоръ предлагалъ всѣмъ принять вѣроученіе, изложенное соборомъ и привести въ дѣйствіе его постановленія. Всѣ же аріанскія сочиненія повелѣвалось предать огню, подъ угрозою за утаеніе ихъ смертной казни²⁾. Императоръ Константинъ Погонатъ, созвавшій VI-й всел. соборъ (въ 682-мъ году), по поводу ереси монофелитовъ, также самъ, вмѣстѣ съ своимъ „тайнымъ совѣтникомъ и секретаремъ“³⁾, присутствовалъ на этомъ соборѣ. Здѣсь онъ дѣлалъ распоряженія объ открытіи и закрытіи засѣданій, о прочтеніи тѣхъ сочиненій и другихъ документовъ (напр. актовъ прежнихъ соборовъ, посланія къ собору Римскаго папы, книгъ еретиковъ и пр.), какіе представлялись членами собора, онъ же предлагалъ членамъ вы-

¹⁾ Дѣян. всел. соб., т. I, стр. 28—29.

²⁾ Тамъ же, стр. 176—185. Церковный историкъ Θεодоритъ рассказываетъ еще объ одномъ дѣйствіи Императора Константина Великаго, не относящемся къ соборнымъ постановленіямъ, но показывающемъ замѣчательную ревность св. Царя о чести и авторитетѣ епископовъ и вообще духовенства. Когда епископы ообрались въ Никею, немирлолюбивые люди явились съ обвиненіями на нѣкоторыхъ епископовъ и подали письменные доносы самому Императору. Императоръ, пока еще не было восстановлено согласіе мнѣній на самомъ соборѣ, принималъ жалобы и, сложивъ все вмѣстѣ, запечаталъ своимъ перстнемъ и приказалъ хранить; но потомъ, когда было утверждено единогласіе на соборѣ и восстановленъ миръ Церкви, Императоръ принесъ поданные ему доносы въ присутствіи епископовъ и предъ ними сжегъ, утверждая клятвенно, что не читалъ ничего, написаннаго въ доносахъ: „ненадобно, говорилъ онъ, проступки священныхъ лицъ дѣлать общезвѣстными, чтобы народъ, получивъ отсюда поводъ къ пререканіямъ противу нихъ, не сталъ грѣшить безъ страха“. Дѣян. всел. собор., т. I, стр. 27.

³⁾ На обязанности императорскаго секретаря лежало представлять справки, относящіяся къ дѣяніямъ собора (напр. о томъ, что на одномъ засѣданіи отложено до слѣдующаго), читать представленные на соборъ документы и т. под. (Дѣян. всел. собор., т. VI, стр. 152, 157, 163—212 и др.).

сказывать свои мнѣнія по разсматриваемымъ вопросамъ. На послѣднемъ засѣданіи отцы, скрѣпивъ своими подписями составленную ими формулу православной вѣры, прочитали ее предъ Императоромъ. Государь принесъ благодарность отцамъ, которые въ свою очередь благодарили Царя, при общей молитвѣ о благосостояніи и успѣхѣ во всѣхъ предпріятіяхъ столь благочестиваго и благовѣрнаго Государя. Затѣмъ Императоръ обнародовалъ эдиктъ, гдѣ въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ повелѣвалъ всѣмъ—благочестиво и во всей чистотѣ признавать святой шестой соборъ, а противящимся опредѣлить наказаніе ¹⁾).

Все это приводитъ къ заключенію, что съ того времени, какъ христіанская религія сдѣлалась господствующею, Церковь вступила въ самый тѣсный союзъ съ Государствомъ и Верховная власть приняла ее подъ свою ближайшую защиту и покровительство. Точно также и въ Россіи издревле поддерживается полное взаимодѣйствіе между Церковію и Государствомъ. Своимъ нравственнымъ вліяніемъ Русская Церковь постоянно заботится о поддержаніи въ обществѣ должнаго уваженія и повиновенія законной власти и ея установленіямъ; государственная же власть, съ своей стороны, охраняетъ святость православной вѣры, церковныхъ обрядовъ, обычаевъ и правилъ; заботится о религіозномъ просвѣщеніи народа, охраняетъ неприкосновенность церковной собственности и имѣетъ попеченіе о матеріальномъ обезпеченіи православныхъ храмовъ и духовенства.

По такой тѣсной связи Церкви и Государства положительнѣе необходимымъ становится посредникъ между властями церковною и гражданскою,—который наблюдалъ бы, чтобы дѣйствія и распоряженія церковной власти были согласны съ законами и интересами Государства, а съ другой стороны—своимъ представительствомъ въ свѣтскихъ Государственныхъ учрежденіяхъ и предъ самою Верховною Властію содѣйство-

¹⁾ Дѣян. всел. собор., т. VI, стр. 16.

валь къ тому, чтобы Церковь обладала всѣми благопріятными условіями для достиженія своихъ религіозно-правственныхъ цѣлей. Таковымъ посредникомъ и является Оберъ-Прокуроръ Св. Синода.

Синодальная форма церковнаго управленія установлена, кромѣ Россіи, еще въ Греческомъ Королевствѣ. Но и Эладскій синодъ, по своему значенію, кругу дѣятельности и личному составу, подобенъ нашему Св. Синоду. Какъ высшему церковному правительству, ему предоставлена власть законодательная, административная и судебная. Въ своихъ дѣйствіяхъ синодъ руководится особымъ регламентомъ, рассмотрѣннымъ въ парламентѣ и утвержденнымъ Королемъ. Въ составъ его входятъ 5 членовъ,—изъ которыхъ одинъ (обыкновенно Аѳинскій митрополитъ) называется „предсѣдателемъ“, прочіе „совѣтниками“,—и епархіальные Архіереи, вызываемые для присутствія въ Синодѣ по-очереди. При Синодѣ состоитъ прокуроръ, назначаемый Королемъ.

Н. Смирновъ.

Современная жизнь русскаго народа и православное русское духовенство ¹⁾.

Духовныя учебныя заведенія, какъ и свѣтскія, раздѣляются на низшія, среднія и высшія. Для нашихъ цѣлей преимущественное значеніе имѣютъ первые два разряда, такъ какъ они даютъ главный контингентъ священно-служителей.

Духовныя училища готовятъ дѣтей для семинарій, но при этомъ сохраняютъ въ достаточной степени свою самостоятельность. Они даютъ знанія хотя и въ элементарной формѣ, но законченныя, такъ что выходящій изъ нихъ пріобрѣтаетъ основныя понятія по всѣмъ отраслямъ человѣческаго вѣдѣнія—главнымъ, конечно. Среди предметовъ училищнаго курса первое мѣсто занимаетъ Законъ Вожій (исторія Ветхаго и Новаго завѣтовъ и катихизисъ). Преподаваніе устава церковнаго и церковнаго пѣнія, на которое въ по-

¹⁾ См. № 4 за 1902 годъ.

слѣднее время обращено самое серьезное вниманіе, въ извѣстной степени дополняютъ собою свѣдѣнія по Закону Божию. Нужно, конечно, сожалѣть, что на ознакомленіе съ церковнымъ уставомъ отведено сравнительно мало недѣльныхъ уроковъ, вслѣдствіе чего не всегда возможно бываетъ основательное ознакомленіе учениковъ съ богослужебными книгами, съ ихъ языкомъ, со смысломъ многихъ пѣснопѣній. Равнымъ образомъ, малое количество уроковъ по этому предмету весьма вредно отзывается на практическомъ обученіи церковному чтенію. Плохое чтеніе въ церкви и теперь еще очень и очень часто слышится не только въ селахъ, но и въ городахъ, что по всей справедливости, должно быть отнесено къ существеннѣйшимъ недостаткамъ современнаго положенія богослуженія у насъ. Съ этимъ недостаткомъ необходимо бороться всѣми силами, и къ числу средствъ для борьбы съ нимъ нужно отнести увеличеніе числа уроковъ въ училищахъ по уставу церковному или по церковно-славянскому языку.

Всѣ другіе предметы училищнаго курса преслѣдуютъ цѣли общаго развитія. Изъ этихъ предметовъ важнѣйшее значеніе имѣютъ, конечно, русскій языкъ съ церковно-славянскимъ, ариметика и географія. Первый заслуживаетъ особеннаго вниманія, съ точки зрѣнія пастырской дѣятельности, потому, что умѣнье хорошо владѣть роднымъ языкомъ и знаніе языка церковно-славянскаго составляютъ необходимѣйшія качества хорошаго пастыря Церкви. Между тѣмъ, не говоря уже о низшихъ членахъ клира, не многіе изъ священниковъ умѣютъ хорошо читать, правильно и въ особенности *охотно* писать: для иныхъ написать проповѣдь составляетъ трудъ самый тяжелый—и не столько потому, что нѣтъ подходящихъ къ случаю мыслей, а часто потому, что нѣтъ для этихъ мыслей подходящихъ словъ, оборотовъ рѣчи и *желанья*. Этотъ серьезный недостатокъ объясняется не совсѣмъ цѣлесообразною постановкою преподаванія отечественнаго языка въ училищахъ, а потомъ и въ семинаріяхъ. Нѣкоторые предлагаютъ для уничтоженія этого недостатка, замѣчаемаго не только у

лицъ съ среднимъ образованіемъ, но и съ высшимъ, учредить при академіяхъ особыя кафедры для обученія русскому языку и чтенію. Но, по нашему мнѣнію, было бы несравненно цѣлесообразнѣе, если бы борются съ нимъ начинали съ училищъ и продолжали эту борьбу еще настойчивѣе въ семинаріяхъ.— Мы всѣмъ этимъ не хотимъ сказать, будто преподаваніе русскаго языка въ духовныхъ училищахъ поставлено хуже, чѣмъ въ гимназіяхъ и другихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Тамъ, намъ кажется, оно стоитъ еще хуже. Духовныя училища имѣютъ въ этомъ отношеніи то уже преимущество, что въ нихъ вмѣстѣ съ русскимъ языкомъ изучается довольно обстоятельно и практически—по богослужебнымъ книгамъ—и языкъ церковно-славянскій, которые находятся между собою въ столь тѣсной родственной связи.—Усиленіе преподаванія родного языка и другихъ предметовъ (напр., устава церковнаго, географіи и др.) могло бы произойти на счетъ классическихъ языковъ. Греческій и латинскій языки, какъ извѣстно, занимаютъ въ ряду предметовъ училищнаго и семинарскаго курсовъ весьма замѣтное мѣсто, а въ недавнее время, по примѣру дореформенныхъ гимназій, они занимали чуть ли не первое. Существованіе греческаго и латинскаго языковъ въ курсѣ училищъ и семинарій съ тѣмъ ихъ значеніемъ, какимъ они пользуются, можетъ быть объяснено только традиціей: духовныя школы, получившія свое начало подъ влияніемъ западныхъ католическихъ школъ и отчасти греческихъ, долгое время пользовались языкомъ этихъ послѣднихъ. Въ настоящее время увѣренность въ цѣлесообразности изученія мертвыхъ языковъ значительно поколеблена; совершившіяся нѣкоторыя реформы въ сторону облегченія занятій этими языками, нужно думать, служатъ только началомъ дальнѣйшихъ реформъ въ этомъ же направленіи.

Духовныя училища, рассматриваемыя, какъ подготовительная ступень къ семинарскому образованію, являются удовлетворяющими этому своему назначенію. Онѣ даютъ семинаріямъ учениковъ, достаточно подготовленныхъ для прохожде-

нія курса ученія въ этихъ послѣднихъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ они должны быть признаны достаточными и для приготовленія низшихъ членовъ клира, напр.—пономарей. Было бы даже весьма желательно, если бы окончившіе курсъ въ училищѣ и почему-либо не поступившіе въ семинарію или оказавшіеся въ послѣдней малоспособными, назначались въ пономари; особенно это желательно для городовъ, гдѣ часто исполняютъ обязанности пономарей лица, совершенно необразованныя и мало достойныя.

Семинарскій курсъ ученія, рассматриваемый съ тѣхъ же точекъ зрѣнія, т. е. по сравненію съ гимназическимъ и въ смыслѣ удовлетворительности его для цѣлей пастырскаго служенія, долженъ быть признанъ весьма цѣлесообразнымъ и сравнительно очень высокимъ. Въ немъ первое мѣсто занимаютъ спеціальныя богословскія науки. Библейская и церковная исторіи, догматическое и нравственное богословіе, литургика, гомилетика, каноническое право, Священное Писаніе, проходящее черезъ всѣ классы,—всѣ эти предметы даютъ такую сумму знаній, непосредственно относящихся къ пастырскому служенію, что ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть вопроса о недостаточности ихъ для пастырей Церкви. Могутъ быть выражены по поводу постановки этихъ предметовъ въ семинаріяхъ только нѣкоторыя пожеланія. Напр., желательно было бы болѣе подробное ознакомленіе учащихся съ текстомъ книгъ Св. Писанія; для цѣлей проповѣди и борьбы съ иновѣрцами, раскольниками и сектантами, необходимо пастырю Церкви весьма основательно знать Св. Писаніе—и при томъ по преимуществу текстъ и экзегетику его. Еще болѣе желательно было бы увеличеніе количества уроковъ по гомилетикѣ. Этотъ предметъ долженъ быть рассматриваемъ съ двухъ сторонъ: а) какъ искусство составлять и произносить проповѣди и б) какъ исторія проповѣдничества. Само собою понятно, что рассматриваемая съ этихъ сторонъ гомилетика приобрѣтаетъ въ высшей степени важное значеніе для пастыря Церкви, особенно современнаго. Выше уже мы ска-

зали, что православное духовенство страдает недостаткомъ искусства хорошо читать и говорить. Здѣсь нужно добавить, что оно не отличается и широкою проповѣдническою дѣятельностью. Последняя и въ количественномъ и въ качественномъ отношеніяхъ заставляетъ желать очень многого. Всѣ требованія высшей духовной власти относительно усиленія проповѣди приводятъ только къ тому, что усиливается спросъ на проповѣди печатныя. Потомъ, и самое содержаніе проповѣдей продолжаетъ носить отпечатокъ давно отжившей схоластичности и безжизненности. Въ данномъ случаѣ, конечно, сказывается отчасти прежній взглядъ на проповѣдь, какъ на излишнюю роскошь. Но нельзя все-таки не признать и того, что въ этомъ виновата и современная постановка преподаванія гомилетики въ семинаріяхъ. Искусство говорить, тѣмъ болѣе составлять проповѣди, пріобрѣтается не такъ легко,—научиться ему можно только при условіи долговременнаго и серьезнаго упражненія и основательнаго знакомства съ образцами проповѣди, съ исторіей проповѣдничества. Между тѣмъ количество уроковъ, отведенное гомилетикѣ въ ряду другихъ предметовъ, слишкомъ ничтожно, такъ что даже самые опытные преподаватели этого предмета не достигаютъ своихъ цѣлей, и проповѣдничество православнаго духовенства попрежнему стоитъ не на должной высотѣ.

Изъ другихъ предметовъ семинарскаго курса, имѣющихъ спеціальнѣйшій характеръ, обращаютъ на себя вниманіе исторія и обличеніе раскола и сектантства, а равно и инославныхъ исповѣданій. Совмѣщеніе преподаванія этихъ предметовъ въ лицѣ одного преподавателя имѣетъ то весьма важное преимущество, что послѣднему представляется полная возможность указывать какъ на генетическую связь между нѣкоторыми нашими сектами и инославными исповѣданіями, такъ и тѣ вѣроятныя послѣдствія, къ которымъ наши сектанты, находящіеся въ связи съ иновѣрцами, по примѣру этихъ послѣднихъ, придутъ въ концѣ концовъ. Преподаваніе этихъ предметовъ имѣетъ, конечно, весьма важное значеніе для пастыр-

скаго служенія—и не только тамъ, гдѣ есть иновѣрцы и раскольники съ сектантами, но и тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ: ознакомленіе съ разностями западныхъ вѣроисповѣданій и обличеніе ихъ, а также обличеніе раскола и нашихъ раціоналистическихъ сектъ, съ одной стороны, будетъ способствовать болѣе рельефному усвоенію знаній православной догматики и обрядовъ, а съ другой—предохранить будущаго пастыря отъ пагубнаго невѣдѣнія, если бы въ томъ или другомъ приходѣ появились сектанты. Практикующіеся въ нѣкоторыхъ епархіяхъ собесѣдованія съ раскольниками и сектантами приносятъ будущимъ пастырямъ Церкви ту несомнѣнную пользу, что практически знакомятъ какъ съ міровоззрѣніемъ заблуждающихся, такъ и съ ихъ пріемами самозащиты и пропаганды своихъ лжеученій. Это важно не потому только, что никакая теорія не даетъ такъ много матеріала и споровки, какъ практика, но и потому, что нерѣдко отвлеченное систематическое изложеніе вѣроученія раскольниковъ и сектантовъ въ учебникахъ весьма серьезно разнится отъ ученія самихъ сектантовъ. Эта разность наиболѣе сказывается въ излишней систематизаціи ученія сектантовъ; послѣдняя иной разъ доходитъ до того, что сектанты, еще только блуждающіе и не имѣющіе яснаго представленія о томъ, чему они учатъ и что исповѣдуютъ, узнаютъ свое ученіе изъ книгъ своихъ же обличителей (такъ было, напр., съ шугиристами).

Всѣ остальные предметы семинарскаго курса имѣютъ общеобразовательный характеръ. Между ними есть не мало такихъ, которые даютъ значительное преимущество семинарскому образованію предъ среднимъ свѣтскимъ. Сюда должны быть отнесены всѣ предметы философскаго характера: логика, психологія, начальныя основанія и краткая исторія философіи; сюда же нужно отнести основное богословіе, по характеру своему весьма близко подходящее къ курсу философіи; къ этому же разряду нужно отнести и прежде существовавшій предметъ—педагогику, теперь ограниченную только одною своею частію—дидактикою. Указанныхъ предметовъ нѣтъ въ

гимназическомъ курсѣ: между тѣмъ, они, для развитія силы мышленія воспитанниковъ, а равно и въ смыслѣ обогащенія ихъ знаніями, имѣють несомнѣнно громадное значеніе, такъ что семинаристы, постунавшія въ прежнія времена въ высшія свѣтскія учебныя заведенія, обыкновенно оказывались выше гимназистовъ, даже окончившихъ курсъ гимназіи съ медалями; съ самой лучшей стороны питомцы семинаріи зарекомендовали себя и на различныхъ поприщахъ общественно-государственной дѣятельности. Изгнаніе педагогики изъ семинарскаго курса должно быть отнесено къ недоразумѣнію, или же оно вызвано недостаточностью времени. Въ виду этого пробѣла въ семинарскомъ курсѣ, пастырямъ Церкви необходимо пополнять его собственными уже силами. Дидактиза, преслѣдующая цѣли, сравнительно съ педагогикой, узкія и болѣе практическія, конечно, не въ состояніи замѣнить педагогическихъ знаній, хотя и имѣеть для пастыря Церкви,—особенно въ виду того, что теперь учебно-народное дѣло въ значительной степени возложено на духовенство,—несомнѣнно важное значеніе.

Желательно было бы также усиленіе преподаванія словесности и исторіи литературы въ тѣхъ же видахъ, какіе были высказаны выше о русскомъ языкѣ и гомилетикѣ. Въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ введены еще медицина, музыка и живопись (собственно иконопись). Теперь все больше и больше выясняется нужда въ медицинскихъ, хотя бы самыхъ элементарныхъ, познаніяхъ сельскихъ священниковъ: послѣдніе могли бы не только помогать своимъ прихожанамъ въ начальныхъ періодахъ тѣхъ или другихъ заболѣваній, но и способствовали бы водворенію въ сельской жизни болѣе здоровыхъ гигиеническихъ понятій и приучали бы народъ къ врачамъ, которыхъ онъ такъ боится. Многіе органы печати предлагаютъ, поэтому, обязательное введеніе медицины во всѣ семинаріи за счетъ уроковъ по древнимъ языкамъ и еврейскому, нужда въ которыхъ для цѣлей пастырскаго служенія подлежитъ большому сомнѣнію, по крайней мѣрѣ, при совре-

менной постановкѣ преподаванія ихъ.—Относительно музыки нужно замѣтить, что она облагораживаетъ душу, пріучаетъ къ пользованію высокими, благородными удовольствіями, при томъ, церковное пѣніе, какъ и всякое другое, не мыслимо безъ болѣе или менѣе развитого музыкальнаго слуха и чутья. Обученіе иконописанію, по нашему мнѣнію, еще важнѣе. Стоитъ только вспомнить, какая живопись встрѣчается у насъ въ храмахъ, какія существуютъ иконописныя изображенія даже ликовъ Спасителя, Богоматери и нѣкоторыхъ наиболѣе чтимыхъ угодниковъ Божіихъ, а равно посмотрѣть, какія иконы покупаются крестьянами у разныхъ торговцевъ, чтобы понять, насколько нуженъ серьезный контроль надъ всѣмъ этимъ—и при томъ контроль мѣстный, непосредственный со стороны священниковъ приходскихъ. Кромѣ того, иконописаніе можетъ дать сельскому священнику и скромный доходъ,— а въ усиленіи средствъ жизни никто такъ не нуждается, какъ именно сельскіе священники.

Чтобы яснѣе представить всю сумму образовательныхъ средствъ, даваемыхъ семинаріей будущимъ пастырямъ Церкви, необходимо указать еще на одну черту, выгодно отличающую ее отъ свѣтскихъ средне-учебныхъ заведеній: это—обиліе письменныхъ упражненій. Такъ называемыя *сочиненія*, въ составленіи которыхъ упражняются ученики по тѣмъ или другимъ предметамъ, способствуютъ развитію мыслительныхъ способностей, укрѣпляютъ и дѣлаютъ болѣе подвижными усвоенныя знанія, пріучаютъ къ сознательному пользованію этими знаніями. Нужно только при этомъ постоянно помнить, что *чрезмѣрное уже обиліе* сочиненій можетъ принести, пожалуй, только одинъ вредъ: краткій срокъ для подготовленія сочиненій можетъ легко пріучить учениковъ къ чисто формальному отношенію къ нимъ, къ легкомысленному, а то и не совсѣмъ честному пользованію чужими трудами.

(Продолженіе слѣдуетъ).

М. Гн.

Нѣсколько словъ о совершеніи приходскими священниками въ Великій постъ св. таинствъ Исповѣди и Причащенія.

Великій постъ есть самое тяжелое въ году время для приходскаго священника—и вмѣстѣ съ тѣмъ—самое отвѣтственное предъ Богомъ за дѣтей его духовныхъ. Обязанный каждодневною службою, онъ въ пятницу и въ субботу чуть не по цѣлымъ днямъ вынужденъ бываетъ выстаивать на ногахъ въ церкви, исповѣдуя и причащая говѣющихъ. По долгу и совѣсти, священникъ долженъ съ особеннымъ вниманіемъ относиться къ совершенію Таинствъ Исповѣди и Причащенія, потому что ни при какомъ другомъ случаѣ онъ не можетъ такъ обстоятельно ознакомиться съ духовнымъ состояніемъ и нравственнымъ направлениемъ прихожанъ, узнать слабости и немощи ихъ и принять соотвѣтствующія мѣры къ ихъ исправленію, какъ при исповѣди. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ и дѣтямъ своимъ духовнымъ долженъ всесторонне выяснитъ всю важность и спасительность для нихъ этихъ таинствъ, такъ какъ, должно сознаться, очень многіе приступаютъ къ нимъ только по общепринятому обычаю, безъ должнаго благоговѣнія. Указывая въ настоящей своей замѣткѣ мѣры, какія я лично принималъ къ тому, чтобы таинства покаянія и причащенія слить въ единое и нераздѣльное дѣло, которое бы совершаемо было прихожанами вполне сознательно, съ неослабѣвающимъ благоговѣніемъ, съ подобающимъ страхомъ и трепетомъ. Я имѣю, главнымъ образомъ, въ виду вызвать на обмѣнъ мыслей по этому вопросу приходскихъ священниковъ, ревнующихъ о спасеніи своихъ духовныхъ чадъ и принимавшихъ тѣ или иныя мѣры къ облегченію тяжести служенія своего въ этомъ случаѣ.

1. Въ первый же годъ служенія моего въ сельскомъ приходѣ меня слишкомъ смущала плата за исповѣдь, за запись, за правила и теплоту. Въ небольшомъ приходскомъ храмѣ стоялъ непрерывный шумъ и звонъ отъ размѣна денегъ, и я положилъ замѣнить такой способъ воз-

награжденія другимъ. Въ слѣдующемъ году, въ пятницу 1-й недѣли Великаго поста, я послѣ литургіи преждеосвященныхъ Даровъ вышелъ на амвонъ и сказалъ прихожанамъ приблизительно такую рѣчь: „Таинства покаянія и причащенія, къ которымъ вы приступаете, суть таинства великія и важныя. Отъ нихъ зависитъ наше вѣчное спасеніе: *еще не покается*, сказалъ Господь, *все погибнетъ* (Лук. 13, 3); *еще не съѣсте плоти Сына Человѣческаго, ни пїете крове Его, живота не имаете въ себѣ* (Іоан. 6, 53). Поэтому, и приступать къ этимъ таинствамъ и исполнять ихъ мы должны съ полнымъ вниманіемъ и благоговѣніемъ, ничѣмъ не отвлекаясь, ни о чемъ стороннемъ не заботясь и не помышляя. Но всему этому много мѣшаетъ существующій у васъ порядокъ вознагражденія насъ за труды наши. Иной исповѣдуетъ грѣхи свои—и въ то же время отыскиваетъ въ карманѣ монету, какую предположилъ дать за исповѣдь отцу духовному. Какая же это исповѣдь?—Послѣ исповѣди вы записываетесь—и за это платите. Въ охраненіе ваше на почное время отъ искушеній діавольскихъ и вождельній грѣховныхъ плоти, св. Церковь ограждаетъ васъ молитвами,—и за нихъ вы платите; утромъ вы выслушиваете уставное послѣдованіе ко св. причащенію—и за это платите; по причащеніи вкушаете просфору и запиваете теплотою—и за это платите; послѣ литургіи выслушиваете благодарственныя молитвы—и за нихъ, подходя ко кресту, платите Конечно, хорошо было бы для насъ отказаться отъ всѣхъ этихъ вашихъ даяній. Но вы сами же сознаете и говорите, что мы тѣмъ только и живемъ. И вѣрно; поэтому, какъ ни прискорбно, а мы не можемъ отказаться отъ копеечныхъ вашихъ даяній. Только нельзя ли вамъ всѣ тѣ копейки, какія вы платите въ разное время, отдать предварительно въ разъ псаломщику въ сторожку предъ исповѣдію и, получивъ отъ него билетикъ, являться съ этимъ послѣднимъ ко мнѣ? Польза будетъ та, что вы въ одинъ разъ избавитесь отъ заботы, кому что и когда дать, и, слѣдовательно, больше будете имѣть возможности сосредоточиться на томъ спаситель-

номъ дѣлѣ, къ которому приступаєте; а затѣмъ не будетъ у насъ болѣе въ храмѣ шума и звона денегъ, весьма непріятнаго и оскорбляющаго святость дома Божія“. Прихожане, къ великому утѣшенію моему, тотчасъ же согласились на эту перемѣну¹⁾.

2. Такъ какъ многіе изъ прихожанъ въ пятницу послѣ литургіи преждеосвященныхъ Даровъ разтѣзались по домамъ и являлись уже только утромъ въ субботу къ утренѣ, а иные прямо къ обѣднѣ и, слѣдовательно, приступали къ исповѣди, не выслушавъ предварительно положенныхъ молитвъ предъ исповѣдію, утренняго богослуженія и поученій священника, то въ устраненіе этого, я сдѣлалъ такъ. Въ пятницу, послѣ литургіи преждеосвященныхъ Даровъ, которая всегда начиналась въ 8 час., и за которою присутствовали всѣ говѣющіе, я выходилъ и говорилъ краткое поученіе о необходимости предварять исповѣдь молитвою, приглашая при этомъ исповѣдниковъ помолиться Отцу Небесному. Читались молитвы. А чтобы не читать каждому исповѣднику первой молитвы по исповѣди: *Господи Боже спасенія рабовъ Твоихъ, Милостиве и Щедре...*, я читалъ ее во всеуслышаніе тотчасъ же вслѣдъ за молитвами предъ исповѣдію. Затѣмъ говорилъ краткое поученіе о таинствѣ покаянія. Послѣ поученія приглашалъ всѣхъ стать со мною на колѣни и съ сокрушеніемъ сердечнымъ принести общее исповѣданіе, помѣщенное въ *Молитвословъ іерейскомъ* подъ именемъ *исповѣданія повседневнога*, въ концѣ молитвъ на сонъ грядущимъ. Это, впрочемъ, я началъ дѣлать уже въ послѣдніе годы своего служенія, когда силы меня оставили; какъ равно по той же причинѣ молитву: *Господи Боже спасенія...* прочитывалъ для всѣхъ. Нашъ народъ, вслѣдствіе своей неразвитости, не

¹⁾ Положивъ, по взаимному соглашенію съ прихожанами, платить за все отъ 10 до 15 коп., я предотвратилъ этимъ и споръ между членами причта, кому, чѣмъ и за что пользоваться, нерѣдко возникавшій между ними послѣ указа Св. Синода объ опущеніи исповѣдниками добровольнаго вознагражденія за исповѣдь въ кружку.

знаеть, какъ и въ чемъ должно каяться, и безъ помощи отца духовнаго не принесеть должнаго исповѣданія, а спрашивать каждаго и о каждомъ грѣхѣ—не достанеть времени и силъ; въ устраненіе и восполненіе этого, я и считаль необходимымъ принести отъ нихъ и за нихъ предварительное исповѣданіе повседневное, а потомъ уже обращался къ прихожанамъ и внушалъ имъ, чтобы они до исповѣди вдумались въ свою жизнь, припомнили свои грѣхи—особенно тяжкіе, а также тѣ, въ которыхъ они, по невѣдѣнію, забывчивости, невниманію или стыда ради, раньше не калялись. Боюсь показаться самохваломъ, но подобный образъ дѣйствій съ моей стороны при совершеніи исповѣди приносили явную пользу. Безъ напоминанія многіе потомъ калялись на исповѣди въ такихъ грѣхахъ, о которыхъ даже приходилось докладывать и преосвященному, и на вопросъ: почему же они прежде не калялись, прямо указывали на незнаніе того, что каяться нужно во всѣхъ грѣхахъ. Многіе же грамотные, внявъ внушенію, не надѣясь на свою память и желая покаяться во всѣхъ грѣхахъ, припоминали ихъ на свободѣ и, записавъ, приносили въ нихъ покаяніе.

3. По окончаніи исповѣди и совершеніи вечерни, я предлагалъ поученіе предъ молитвами на сонъ грядущимъ, говорилъ поученіе утромъ предъ послѣдованіемъ ко св. причащенію, затѣмъ—предъ причащеніемъ и, наконецъ,—по выслушаніи благодарственныхъ молитвъ. Всѣмъ этимъ я имѣлъ въ виду возбудить должное вниманіе у исповѣдниковъ къ таинствамъ исповѣди и причащенія, вселить въ нихъ твердое сознаніе важности и спасительности этихъ таинствъ, разумѣніе, почему и для чего св. Церковь установила извѣстныя молитвословія предъ этими таинствами и по нихъ,—и поддержать благоговѣйное настроеніе отъ исповѣди до причащенія. Въ общемъ получалось, такимъ образомъ, изъ двухъ таинствъ какъ бы единое, нераздѣльное благодатное спасительное дѣйствіе, что правилось и прихожанамъ и всѣмъ стороннимъ, которымъ случайно приходилось бывать въ нашей церкви. Въ

послѣдніе годы, когда немощь моя усилилась, и я съ великимъ трудомъ совершалъ исповѣдь и причащеніе, разрѣшительную молитву я читалъ не каждому исповѣднику въ отдѣльности, а всѣмъ вмѣстѣ въ субботу на литургіи, послѣ возгласа: *Со страхомъ Божиимъ и вѣрою приступите* и поученія предъ причащеніемъ. Для сокращенія времени, и для себя и для причастниковъ, я, послѣ утрени, когда псаломщикъ или діаконъ читали *послѣдованіе ко святому причащенію*, совершалъ проскомидію и вынималъ частицы, прочитывая поминанія ¹⁾).

Заштатный священникъ П. *Малининъ*.

---

¹⁾ Такой порядокъ совершенія таинствъ былъ у меня заведенъ въ каждую недѣлю Великаго поста. Этотъ порядокъ практиченъ и въ томъ отношеніи, что давалъ поводъ и возможность прихожанамъ къ сужденію между собою о томъ, что они слышали, причемъ, непонятое или забытое однимъ, припоминалось другимъ, чрезъ что наставленія мои все болѣе и болѣе входили въ ихъ сознаніе.

Наболѣвшій вопросъ.

Тяжело бываетъ на душѣ пастыря, когда онъ провожаетъ въ могилу преждевременно прекратившуюся жизнь, такую жизнь, которая была бы еще долго нужна для блага ея „присныхъ“. Воцли сиротъ надрываютъ душу провожающихъ покойника, который былъ кормителемъ многочисленной семьи.

Но еще тяжелѣе бываетъ на сердцѣ у пастыря—совершителя обряда погребенія, когда за исполненіе этого печальнаго священнодѣйствія онъ долженъ получить „мзду“, быть можетъ послѣдній грошъ, который послужилъ бы лишній день для пропитанія вдовы и сиротъ; взять для того, чтобы потомъ заслужить горькій и обидный эпитетъ: „дереть и съ живаго и съ мертваго?“

Могутъ сказать: „зачѣмъ-же было брать? Неужели нельзя было похоронить бѣдняка даромъ?“ Но отказаться отъ платы—значить нанести кровную обиду предлагающему её. „Что-ты кормилецъ?“ завопитъ вдова, „развѣ мы не такіе христіане, какъ другіе,—какъ не взять, нужно взять!“ И, скрѣпя сердце, приходится брать послѣдній грошъ, отнимать послѣдній кусокъ у неимущаго...

Тяжелое положеніе и нѣтъ выхода изъ него! Нѣтъ, и не будетъ до тѣхъ поръ, пока пастырь будетъ кормиться подаяніями отъ самихъ пасомыхъ. До тѣхъ поръ, пока не улучшится быть приходскаго священника; пока онъ не будетъ обезпеченъ опредѣленнымъ матеріальнымъ содержаніемъ отъ казны или отъ приходскихъ общинъ, до тѣхъ поръ онъ будетъ и матеріально бѣдствовать и нравственно унижаться. Пока пастырь будетъ заглядывать въ руки своихъ прихожанъ, до тѣхъ поръ онъ въ силу необходимости будетъ „наемникомъ“ и „гласа его не будутъ слушать овцы“, такъ какъ онъ не можетъ поднять его до той высоты, съ которой онъ долженъ раздаваться. Трудная и многосложная миссія приходскаго священника потому-то и не имѣетъ надлежащаго усилія, что онъ поставленъ не въ надлежащія отношенія къ своимъ прихожанамъ. Какъ пастырь можетъ поднять голосъ противъ пороковъ и недостатковъ своей паствы, если онъ въ полной матеріальной зависимости отъ нея?

Одно съ другимъ никакъ не вяжется и пора, давно пора измѣнить быть и содержаніе нашего приходскаго духовенства. Было время, когда и пастыри не тяготились своимъ матеріальнымъ положеніемъ, да и пасомые иначе смотрѣли на нихъ. Если бы побольше было такихъ вдовъ, которыя подобно евангельской вдовѣ, отдала послѣднія двѣ лепты на храмъ отъ усердія своего, если бы и „сильные“ міра сего, также относились къ своимъ отцамъ духовнымъ, какъ и указанная нами вдова, предлагавшая „мзду“ священнику за похороны своего мужа, то еще положеніе нашихъ пастырей было-бы „пополамъ съ бѣдой“. Но горе въ томъ, что состоя-

тельные прихожане совсѣмъ иначе относятся къ священнику, чѣмъ бѣдные. У первыхъ не только нѣтъ никакого душевнаго расположенія къ вознагражденію своего священника за пастырскій трудъ, а напротивъ—отъ нихъ-то и происходитъ все зло, вся горечь положенія священника въ приходѣ. И если у него болитъ сердце, принимая „мзду“ за требы отъ бѣдной вдовы, то еще болѣе тяготится онъ, принимая благодарность отъ „сильныхъ міра сего“, зная съ какою нерасположенностью удовлетворяютъ они приходскихъ священниковъ за исполненіе ими требъ.

Вотъ почему необходимо измѣнить средства содержанія приходскаго духовенства уничтоженіемъ поручной платы за требоисправленія, и чѣмъ скорѣе это будетъ приведено въ исполненіе, тѣмъ дѣло пастырскаго служенія болѣе выиграетъ въ своемъ поступательномъ развитіи. Даль-бы Богъ, чтобы наши слова не остались „гласомъ вошющаго въ пустыни!“

Свящ. С. Брояковскій.

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Θεодосій.

Огъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 27 января 1902 г.

Цензоръ, экстра-орд. проф. Акад. прот. *І. Корольковъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLIII.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 7.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1902 года, февраля 14-го.

Содержаніе: Чинопослѣдованія хиротоній и хиротесій съ объясненіями ихъ особенностей (продолженіе). — Современная жизнь русскаго народа и православное русское духовенство (окончаніе). — Катихизическія домашнія бесѣды священника съ дѣтьми. — О просфорахъ на литургіи (окончаніе).

Чинопослѣдованія хиротоній и хиротесій съ объясненіями ихъ особенностей¹⁾.

(Руководственныя указанія ставленникамъ).

IV. Чинъ послѣдованія, во еже сотворити протопресвитера (протоіерея).

§ 16. Порядокъ чинопослѣдованія и его происхожденіе.

Возводимый въ протопресвитера или протоіерея²⁾ участвуетъ въ совершеніи литургіи до малаго входа, по принятому для архіерейскаго служенія обычаю. На маломъ же выходѣ, когда всѣ священнослужители займутъ подобающія имъ мѣ-

¹⁾ См. № 5 за 1902 г.

²⁾ Въ протоіереи возводятся нынѣ заслуженные пресвитеры, при назначеніи ихъ на должности настоятелей при соборахъ и за выслугу лѣтъ, по награжденіи этимъ званіемъ отъ Св. Синода.

ста передъ каедрою архіерея, протодіаконъ¹⁾, передавъ Евангеліе на руки старшаго діакона, а старшій иподіаконъ, вручивъ трикирій второму иподіакону, подходятъ къ производимому въ протоіереи, и, имѣя его въ срединѣ, идутъ къ каедрѣ, кланяются архіерею и отходятъ къ солеѣ²⁾. Здѣсь, совершивши два поклона поясныхъ и третій земной къ царскимъ дверямъ, возводимый въ протоіерея оборачивается на западъ, кланяется архіерею и направляется къ его каедрѣ. На срединѣ церкви онъ пріостанавливается и кланяется архіерею вторично. Подойдя къ каедрѣ, кланяется архіерею земно³⁾ и, наклонивши голову, становится противъ архіерея, который, „сѣдя знаменуетъ крестовидно рукою по главѣ его трици и, воставъ, полагаетъ на главу его руку“. По возглашеніи протодіакономъ: „Господу помолимся“, архіерей читаетъ молитву: „Владыко Господи Іисусе Христе Боже нашъ, священство даровавый роду нашему“. По прочтеніи этой молитвы, архіерей снова благословляетъ голову его крестнымъ знаменіемъ и произноситъ формулу: „Благословенъ Господь, се бысть рабъ Божій, имярекъ, протопресвитеръ святѣйшія Божія церкви, имярекъ, во имя Отца и Сына и Святаго Духа“. Затѣмъ, возложивъ руку на главу производимаго во протоіерея, архіерей возглашаетъ: „Аксіосъ“. Священнослужители и пѣвчіе повторяютъ тоже по трижды. Возведенный въ протоіерея кланяется архіерею земно и, поднявшись, цѣ-

¹⁾ Въ Чиновникѣ говорится: „Имѣяй произвестися протопресвитеръ, приводимъ бываетъ протодіакономъ или двѣма діаконъ“. л. 141.

²⁾ Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ возводимый въ протоіерея входитъ въ алтарь и прикладывается къ престолу. О. Соколовъ. Руководство для участвующихъ въ служеніи съ архіереемъ литургіи и для готовящихся къ посвященію стр. 62, прим.; прот. К. Т. Никольскій. Пособіе къ изученію Устава богослуженія, изд. 6, Сиб., 1900 г., стр. 722.

³⁾ Въ Чиновникѣ архіерейскаго священнослуженія въ чинахъ возведеній въ протоіерей, игумена и архимандрита о земныхъ поклонахъ архіерею нигдѣ не говорится. Приводимый, по этому Чиновнику, „поклоняется архіерею до пояса трици“ (лл. 141, 142 об., 144 об.) и только.

луеть архіерея, привѣтствующаго его словами: „Христось посредѣ насъ“, въ оба плеча и руку, отвѣчая на привѣтствіе его: „И есть и будетъ“, кланяется архіерею вторично и становится среди священниковъ на подобающее ему мѣсто. Протодіаконъ принимаетъ св. Евангеліе отъ діакона, и малый входъ совершается по обычаю.

Чинъ возведенія въ протопресвитера или протоіерея во всѣхъ своихъ подробностяхъ находитъ для себя прототипъ въ литургическихъ памятникахъ византійской церкви¹⁾. Чины рукоположеній „протопресвитеровъ, архидіаконовъ, настоятелей и прочихъ, (находящихся) въ различныхъ служеніяхъ, называемыхъ чинами“ (*ὀφφίχιον*), по словамъ Симеона Солунскаго, „различны“²⁾. „Всѣ они, по замѣчанію этого экзегета, дѣйствуютъ не просто и какъ случилось, но получая благодать Духа, дабы чрезъ благодать имѣть и благословеніе іераршеское, и освященіе, и дарованіе, и силу для дѣйствованія, потому что и это—отъ апостоловъ, какъ написано о Варнавѣ и Павлѣ, что апостолы, помолвившись, возложили на нихъ руки и послали на дѣло“ (Дѣян. XIII, 3). Совершаются эти „рукоположенія не въ алтарѣ, а внѣ его, такъ какъ (онѣ суть рукоположенія) въ различныя *вѣтви служенія*“³⁾ Содержаніе молитвъ, читаемыхъ при этихъ возведеніяхъ, исполнѣ подтверждаетъ воззрѣнія блаженнаго Симеона Солунскаго. Такъ, въ молитвѣ чинопослѣдованія, „во еже сотворити протопресвитера“, архіерей проситъ у Господа Іисуса Христа, учредившаго священство и поставившаго его „священнически правити и иныя нижшыя служители таинства твоего“, „одѣтъ благодатию“ возводимаго въ данное званіе, украсить честію „въ началѣ стояти пресвитеровъ люда твоего“, и удостоить „добръ образъ сущымъ съ нимъ быти“ и да-

¹⁾ А. Дмитріевскій. Описан. литургич. рукоп., хранящихся въ библиотекѣ православнаго Востока, ч. II. *Εὐχολόγια*, стр. 348.

²⁾ Mign. Patrol. Curs. complet., t. 155, col. 461; Писан. отц. и учит. церкв., т. II, стр. 307.

³⁾ *ibid.*, col. 464; тамъ же, стр. 309.

ровать „съ благоговѣніемъ и честностію въ старости добръй совершити житіе“. Смысль и значеніе всѣхъ обрядовъ, входящихъ въ чины возведеній въ это и другія званія, нами достаточно выяснены выше, при разсмотрѣніи другихъ чиновъ хиротоній и хиротесій.

§ 17. *Чинъ награжденія протоіереевъ и священниковъ „знаками отличій“, его происхожденіе и порядокъ.*

Въ основѣ учрежденія въ Церкви православной чиновъ возведеній заслуженныхъ клириковъ—въ протопресвитера или протоіерея и протодіакона, а иноковъ—въ архимандрита, игумена и архидіакона, и награжденія ихъ „знаками отличій“ лежитъ апостольское наставленіе. „*Прилежащии добръ пресвитеры, по ученію апостола Павла, суубыя чести да сподобляются: паче же труждающіися въ словъ и ученіи*“ (1 Тимоѳ. V, 17). И въ церкви восточной, греческой и у насъ въ Россіи поэтому пресвитеровъ, съ честію для себя и пользою для блага Церкви Христовой проходящихъ своѣ высокое и трудное служеніе, не только возводятъ въ указанныя званія, но и награждаютъ еще нѣкоторыми другими отличіями, которыя употребляются ими и при богослуженіяхъ и даже внѣ храма, какъ напр., епигонатіемъ или палицею и наперсными крестами. Въ частности, въ нашей русской Церкви количество наградъ для духовныхъ лицъ значительно больше, чѣмъ на православномъ Востокѣ. Въ числѣ отличій, употребляемыхъ при богослуженіи, кромѣ палицы или епигонатія, заслуженные іереи и протоіереи надѣваются у насъ набедренники и митры, а изъ наградъ, употребляемыхъ и во внѣбогослужебное время, въ житейскомъ быту, они пользуются фіолетовыми скуфьею и камилавкою и наперснымъ крестомъ¹⁾.

¹⁾ Объ орденахъ, жалуемыхъ у насъ съ 1797 года духовенству, мы не говоримъ, потому что они возлагаются по Высочайшимъ рескриптамъ и грамотамъ, внѣ храма, безъ всякихъ религіозныхъ церемоній.

Всѣ эти отличія усвоены были нашему бѣлому духовенству въ сравнительно недавнее время, а именно указомъ отъ 18 Декабря 1797 года императора Павла I, который, „желая, чтобъ бѣлое священство имѣло образъ и состояніе важности сана своего соотвѣтственныя“, между другими мѣрами за отличныя заслуги опредѣлилъ удостоивать и особливыхъ почестей, во-первыхъ, „полученія креста для ношенія на цѣпи на шеѣ, во-вторыхъ, употребленія фіолетовой бархатной камилавки или скуфьи, и, наконецъ, третіе, для знатнѣйшихъ изъ нихъ *митры, каковую употребляютъ архимандриты съ тѣмъ* однакожъ, что сіи отличныя почести не иначе, какъ по волѣ или по утвержденію нашему даваемы или дозволяемы будутъ“¹⁾.

Новые „знаки отличій“, дарованные милостію монарха бѣлому духовенству, побудили Св. Синодъ установить порядокъ награжденія ими духовныхъ особъ, способъ ношенія ихъ и мѣсто и время, когда эти отличія должны возлагаться на священнослужителей. Въ 1798 году 30 декабря, т. е. ровно черезъ годъ послѣ указа императора, Св. Синодъ разослалъ епархіальнымъ архіереямъ новый указъ, которымъ предписывалъ, чтобы препровождаемая при ономъ „почести, устроенныя при св. Синодѣ, возложить на удостоенныхъ знаковъ отличій въ московской епархіи, „въ присутствіи Конторы“ (синодальной), а „преосвященнымъ епархіальнымъ архіереямъ *чинить тоже при священнослуженіи*“²⁾.

Данное распоряженіе Св. Синода обязывало нашихъ архіереевъ, такимъ образомъ, выработать для возложенія на удостоенныхъ этихъ „знаковъ отличій“ и особый *церковный чинъ*³⁾, котораго не было въ богослужебныхъ книгахъ нашей

¹⁾ П. С. З., т. XXIV, № 18, 273, стр. 822.

²⁾ П. С. З., т. XXV, № 18, 801, стр. 504.

³⁾ Необходимость эта вытекала у духовной высшей власти естественно, въ противовѣсъ намѣреніямъ представителей свѣтской власти желавшей, чтобы новые „знаки отличій“ вручались бѣлому духовенству *самимъ Государемъ*. Св. Синодъ категорически высказался противъ та-

Церкви. На вопросъ викарія московской епархіи Иннокентія относительно чина возложенія, напр., на священниковъ наперсныхъ крестовъ, знаменитый іерархъ русской церкви митрополитъ московскій Филаретъ, называвшій все эти „знаки отличій“—„знаками тщеславія“¹⁾, отвѣчалъ категорически: „на возложеніе крестовъ наперсныхъ, жалуемыхъ священникамъ, чина нѣтъ. *И какъ быть чину на то, что есть отступленіе отъ древняго чина?*“²⁾ Но потомъ ниже въ томъ же письмѣ даетъ указаніе на то, какъ и когда онъ лично возлагалъ эти отличія на достойныхъ іереевъ, указаніе, которое ясно говоритъ о взглядѣ митрополита на эти награды и на то, что московская практика въ этомъ отношеніи едва ли могла служить примѣромъ подражанія для другихъ. „На людей *особеннаго достоинства* возлагаю я, писалъ митрополитъ Филаретъ своему викарію, епископу Иннокентію, *на маломъ выходѣ*, а на прочихъ въ *домовой церкви въ алтарь, иногда и не во время*

кихъ намѣреній и сдѣлалъ на первыхъ порахъ одну лишь уступку, а именно, что лица блага духовенства изъ столицы, награжденные знаками отличій и получившія ихъ при *священнослуженіяхъ*, потомъ были представлены митрополитомъ Государю. Сиб. Духовн. Вѣсти. 1897 г. № 51—52, стр. 1015—1016.

¹⁾ Твор. Св. Отецъ, 1871 г., кн. II, стр. 444.

²⁾ Справедливость требуетъ однако же замѣтить, что въ этомъ отвѣтѣ московскій владыка не былъ совершенно правъ. Чина на возложеніе наперсныхъ крестовъ у насъ въ богослужебныхъ книгахъ никогда не было и нѣтъ его доселѣ, но въ нашей церковной *практикѣ* подобный чинъ уже былъ извѣстенъ съ 1701 года, хотя онъ и имѣлъ мѣсто, при возложеніи наперсныхъ крестовъ *на архимандритовъ*, а не на священниковъ и протоіереевъ изъ блага духовенства. Въ 1701 году, въ присутствіи государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича, „по Его царскаго пресвѣтлаго величества благоусмотрительному указу, въ презрѣдную лѣпоту“ на архимандрита Троице-Сергіевскаго монастыря Иларіона „въ священнослуженіи божественныя литургіи на первомъ входѣ святыи крестъ на фелонъ возложи преосвященный господинъ Стефанъ, митрополитъ рязанскій и муромскій, и по литургіи, съ нашеніемъ святыхъ иконъ прендобныхъ отецъ Сергія и Никона на скрижалѣхъ мантию“. Арх. Амвросій. Исторія російской іерархіи. М. 1810 г., ч. II, стр. 137.

службы, полагая крестъ на св. престолъ, заставляя удостоеннаго положить три поклона и произнося, при возложеніи что-либо изъ Слова Божія по предмету, напимѣръ: „Мнѣ же да не будетъ хвалитися, токмо о крестѣ Господа нашего Іисуса Христа, имѣ же мнѣ мѣръ распяся и азъ міру“. Прибавляю что нибудь и для человѣка, напр., что хвалитися здѣсь не значить величаться или тщеславиться“ и проч.¹⁾ Въ другихъ епархіяхъ поэтому выработалась практика возлагать знаки отличій, согласно указу Св. Синода, „при священнослуженіи“, и въ частности, за литургією „на маломъ выходѣ“, по примѣру чинцпослѣдованія, „еже сотворити протопресвитера“. Въ этомъ случаѣ имѣлось въ виду со стороны высшей духовной власти сдѣлать лицъ, награждаемыхъ „знаками отличій“, видимыми всѣмъ народомъ, который вмѣстѣ съ клиромъ церкви единодушно и сознательно могъ бы возгласить награждаемому: „Аксіось“.

Награждаемый „знакомъ отличія“ подводится нынѣ къ архіерею на маломъ выходѣ протодіакономъ и иподіакономъ также, какъ и возводимый въ санъ протоіерея (см. § 16). Когда возводимый станетъ предъ каедрою и наклонитъ голову, ключарь собора подноситъ архіерею на блюдѣ жалуемый „знакъ отличія“. Архіерей, совершивъ крестное знаменіе, беретъ въ руки „знакъ“ и подаетъ его награждаемому, который, поцѣловавъ руку владыки и жалуемое отличіе, надѣваетъ его на себя по установленію. Если награждается пресвитеръ набедренникомъ, то иподіаконы, снявшіе съ него предварительно фелонь, надѣваютъ на него жалуемый набедренникъ и затѣмъ облачаютъ его въ фелонь, а если награждается палицею, то тѣже иподіаконы, снявъ фелонь и перенеся набедренникъ на лѣвую сторону, привѣшиваютъ палицу съ правой стороны къ поясу. Во время возложенія жалуемыхъ „знаковъ отличій“, на возгласъ архіерея „Аксіось“, клиръ поетъ троекратно тоже самое. По возложеніи знака, награжденный подхо-

¹⁾ Твор. Св. Отець, 1871 г., кн. II, стр. 435.

дитъ къ архіерею, цѣлуеть у него плечи и руку, произнося: „И есть и будетъ“ въ отвѣтъ на привѣтствіе архіерея: „Христосъ посредѣ насъ“, кланяется ему земно, идетъ къ пресвитерамъ и занимаетъ среди нихъ подобающее ему мѣсто. Протодіаконъ принимаетъ изъ рукъ діакона Евангеліе, и совершается малый входъ по обычаю.

(Продолженіе будетъ).

Профессоръ *А. Дмитріевскій*.

Современная жизнь русскаго народа и православное русское духовенство ¹⁾).

Указаніе наше на образовательныя средства, которыми располагають духовныя училища и семинаріи для подготовленія пастырей Церкви, было бы односторонне, если бы мы прошли молчаніемъ другой вопросъ, не менѣе важный въ разсматриваемомъ нами отношеніи. Такая или иная организація учебнаго дѣла сама собою предполагаетъ соотвѣтствующую организацію воспитанія въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ. Последнее въ значительной степени обусловливаетъ успѣшность перваго, обезпечиваетъ благіе результаты его.

Черезъ всю духовную школу проходитъ церковность. Съ первыхъ минутъ школьнаго обученія будущій пастырь постоянно стоитъ какъ бы предъ Церковію, предъ храмомъ Божіимъ: не только въ праздничные и воскресные дни присутствуетъ онъ при богослуженіи, но и каждый вообще день начинается и оканчивается общею молитвою въ церкви; вся обстановка школы и занятій въ ней направлена къ тому, чтобы воспитывать, развивать религіозность учащихся въ ней. Но на этомъ дѣло и останавливается. А между тѣмъ недостаточно, чтобы тѣ или другіе принципы вложены были въ организацію, въ си-

¹⁾ См. № 6 за 1902 г.

стему воспитанія. Необходимо, чтобы была и возможность провести эти принципы въ сознаніе воспитывающихся, сдѣлать ихъ волю послушною велѣніямъ этихъ принциповъ. Устроить это, конечно, въ высшей степени трудно. Воспитатель, при выполненіи этой задачи, долженъ всячески стараться избѣгать крайностей, приводящихъ то къ іезуитизму въ воспитаніи, то къ мнимому либерализму. Кромѣ того, необходимы сравнительно большія силы для непрерывнаго и однообразнаго съ принципиальной точки зрѣнія воздѣйствія на обучающихся. Потомъ, также необходима полнѣйшая солидарность между школьнымъ воспитаніемъ и семейнымъ. Только при всѣхъ этихъ условіяхъ можно надѣяться, что извѣстные воспитательные принципы войдутъ въ плоть и кровь воспитываемыхъ или, по крайней мѣрѣ, большинства изъ нихъ; только при всѣхъ этихъ условіяхъ можно умѣрить до послѣдней степени вліяніе окружающей среды и всѣхъ ея тревоженій.

У насъ духовныя школы, какъ впрочемъ и всѣ другія, далеко не могутъ похвалиться наличностью указанныхъ условій. Прежде всего, у насъ замѣчается крайній недостатокъ въ воспитательномъ персоналѣ: извѣстно, что въ училищахъ онъ ограничивается помощникомъ смотрителя и надзирателями, а въ семинаріи—инспекторомъ и его помощниками. Конечно, и смотритель училища и ректоръ семинаріи должны бы быть причислены къ воспитывающему персоналу по преимуществу; но кто не знаетъ, какая масса дѣлъ и заботъ совершенно иного порядка лежитъ на нихъ? Равнымъ образомъ, инспекторъ семинаріи съ своими помощниками и помощникъ смотрителя съ надзирателями далеко не все время могутъ посвящать воспитательнымъ своимъ занятіямъ: и на нихъ лежитъ очень много другихъ занятій, вслѣдствіе чего все ихъ воспитательное воздѣйствіе, по необходимости, должно ограничиваться наблюденіемъ только за внѣшнимъ благочевеніемъ воспитанниковъ, да и это послѣднее не всегда достигается—опять-таки вслѣдствіе недостаточности наличнаго состава инспекціи.

Это послѣднее обстоятельство станетъ еще понятнѣе, если мы возьмемъ во вниманіе то, что очень многіе воспитанники живутъ на частныхъ квартирахъ, предоставленные почти всецѣло вліянію окружающей среды, иногда крайне неблагонадежной. Не менѣе общеизвѣстенъ и тотъ фактъ, что между школьнымъ воспитаніемъ и семейнымъ у насъ какъ въ свѣтскихъ, такъ и въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ нѣтъ никакой солидарности. Подъ вліяніемъ разнаго рода либеральныхъ вѣяній, проникшихъ и въ среду духовенства, родители довольно безтактно позволяютъ себѣ въ присутствіи дѣтей обсуждать и *осуждать* школьные порядки и тѣмъ роняютъ въ глазахъ учащихся авторитетъ школы. Можно было бы отчасти еще примириться съ этимъ зломъ, если бы хулители школы руководились опредѣленными взглядами на дѣло воспитанія, если бы они смотрѣли на это послѣднее съ точки зрѣнія цѣлесообразности установленнаго въ школѣ воспитательнаго режима въ отношеніи пастырскаго служенія или еще общѣе—религіозно-нравственнаго воспитанія. Къ сожалѣнію, это бываетъ крайне рѣдко; обыкновенно же нападки на школу обусловливаются разными минутными, единичными и чисто личными побужденіями, въ большинствѣ случаевъ совершенно неправыми, а иногда и довольно низменными. Между тѣмъ, существующая дисгармонія между семьей и школой приноситъ свои горькіе плоды, и когда она прекратится, одному Богу извѣстно.

Указанные недостатки организаціи воспитательнаго дѣла въ духовныхъ школахъ, какъ то: малочисленность воспитательнаго персонала, жизнь воспитанниковъ на частныхъ квартирахъ и т. п. неизбѣжно отражаются на будущей жизни и дѣятельности пастырей Церкви и значительно понижаютъ тѣ благопріятные результаты, какихъ можно было бы ожидать отъ существующей въ духовныхъ школахъ системы образованія. Въ виду этого, необходимымъ, прежде всего, представляется повсемѣстное учрежденіе общежитій какъ для воспитанниковъ семинаріи, такъ и для воспитанниковъ духовныхъ

училищъ, а равно и увеличеніе воспитательнаго персонала. Вопросъ объ общежитіяхъ въ нѣкоторыхъ епархіяхъ разрѣшенъ уже въ утвердительномъ смыслѣ. Общежитія, къ тому же, выгодны для духовенства и въ матеріальномъ отношеніи: содержаніе дѣтей на квартирахъ обходится много дороже, чѣмъ въ общежитіи. При увеличеніи воспитательнаго персонала нужно имѣть въ виду не только цѣли надзора за внѣшнимъ благочиніемъ, но что несравненно важнѣе и дѣйствительный подъемъ воспитательнаго дѣла, вслѣдствіе чего, при выборѣ и назначеніи воспитателей, должно руководиться не какими-либо сторонними соображеніями, а исключительно способностью ихъ къ дѣлу, на которое они призываются. Понятно само собою, что здѣсь могутъ встрѣтиться финансовыя затрудненія, о которыя у насъ такъ часто разбиваются многія благія начинанія и пожеланія: но мы думаемъ, что духовенство, получивши нѣкоторыя выгоды отъ перемѣщенія своихъ дѣтей съ частныхъ квартиръ въ общежитіе, могло бы обратить значительную часть ихъ на усиленіе и улучшеніе воспитывающаго персонала въ общежитіяхъ. Найти соотвѣствующихъ воспитателей въ настоящее время не такъ уже трудно: многіе изъ оканчивающихъ курсъ въ академіяхъ, не получившіе за недостаткомъ вакансій преподавательскихъ мѣстъ, съ охотою пошли бы на эти новыя должности, лишь бы онѣ признаны были государственною службою и болѣе или менѣе хорошо оплачивались. Что же касается существующей дисгармоніи между школою и семьей, то здѣсь остается надѣяться только на развитіе въ семейной жизни духовенства здравыхъ педагогическихъ началъ и серьезности взглядовъ на дѣло школы и своей дѣятельности

Все сказанное о воспитаніи и образованіи, получаемомъ настырями Церкви въ духовныхъ школахъ, ясно показываетъ, что наше духовенство выходитъ на свое поприще достаточно подготовленнымъ. Если и замѣчаются какіе-либо недостатки въ системѣ образованія и воспитанія, то они, во-первыхъ, присущи почти всѣмъ школамъ, а во-вторыхъ, при извѣст-

ныхъ условіяхъ, легко устранимы. Но чтобы выполнить, какъ слѣдуетъ, всѣ свои обязанности и всѣ предъявляемыя современностью требованія, духовенству необходимо устранить еще нѣсколько препятствій, тормозящихъ дѣло пастырскаго служенія.

Въ такомъ дѣлѣ, какъ пастырское служеніе, особенно необходимо постоянное расширеніе знаній, укрѣпленіе воли въ дѣланіи добра и возгрѣваніе въ себѣ вѣры въ свое призваніе. Мы говорили уже, что сельское приходское духовенство наше находится въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ въ отношеніи самообразованія. Къ тому же, нѣтъ въ его средѣ, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, и взаимнаго тѣснаго единенія, постояннаго обмѣна взглядовъ. На это обстоятельство мы указывали, какъ на одно изъ особенно сильно препятствующихъ успѣшности пастырской дѣятельности, и оно такъ или иначе непременно должно быть устранено. Главнѣйшимъ средствомъ къ устраненію его, при скудной матеріальной обезнеченности духовенства, является повсемѣстное учрежденіе благотворительныхъ библіотекъ, которыми въ настоящее время могутъ похвалиться только лишь очень немногія епархіи. Было бы весьма желательно при этомъ, если бы установился такой обычай, чтобы частныя лица, а тѣмъ болѣе учрежденія, если и не бесплатно, то, по крайней мѣрѣ, съ болѣе или менѣе значительной уступкой высылали въ благотворительскія библіотеки всѣ свои изданія, имѣющія отношенія къ пастырской дѣятельности, могли бы это сдѣлать библіотеки при семинаріяхъ и академіяхъ, въ которыхъ имѣются дубликаты (а иногда и болѣе) подобныхъ же сочиненій, въ особенности тѣхъ изъ нихъ, къ которымъ не такъ-то часто приходится обращаться преподавателямъ и профессорамъ.

Не менѣе желательно было бы также, чтобы каждый причтъ выписывалъ хотя одинъ духовный журналъ, преимущественно такой, который имѣетъ непосредственное отношеніе къ пастырской дѣятельности. Подобнаго рода журналы имѣютъ уже то достоинство и могутъ принести ту пользу,

что, служа выраженіемъ взглядовъ большинства духовенства и дѣйствующаго церковнаго права, они способствуютъ поддержанію внутренняго духовнаго единенія всѣхъ пастырей. Со стороны такихъ журналовъ, при значительной ихъ распространенности, можно было бы ожидать уменьшенія подписной цѣны и большаго разнообразія въ программахъ. Посвящая, главнымъ образомъ, свои страницы вопросамъ церковнаго права, проповѣди и условій пастырской дѣятельности, эти журналы могли бы удѣлять вниманіе и вопросамъ общаго характера, касающимся движенія современной научной и просто литературной мысли, разныхъ общественныхъ явленій. Нѣкоторые духовные журналы уже идутъ навстрѣчу этой потребности своихъ читателей—быть въ курсѣ современности, по крайней мѣрѣ, относительно главныхъ явленій ея. Раньше мы указывали уже, почему пастырямъ Церкви необходимо знакомство со всѣми этими вопросами и явленіями. Вотъ этой-то потребности и могутъ удовлетворять журналы, то просто знакомя съ совершающимся въ общественной жизни и отмѣчая все замѣчательное въ наукѣ и литературѣ, то критически относясь къ этимъ явленіямъ.—Духовные журналы, кромѣ того, имѣютъ еще и другое, едва ли не болѣе важное значеніе. Городскіе священники—лица, по большей части, съ высшимъ богословскимъ образованіемъ—ближе всего стоятъ къ современнымъ теченіямъ въ области науки и литературы; они же по преимуществу ведутъ и борьбу съ разнаго рода крайностями въ той и другой. Весьма серьезными помощниками, соратниками ихъ и, слѣдовательно, всего православнаго духовенства являются преподаватели семинаріи и профессора академій, состоящіе тоже въ духовномъ вѣдомствѣ. И эти послѣдніе словомъ и дѣломъ, проповѣдью и литературною дѣятельностью защищаютъ Церковь, ея ученіе и пастырское служеніе. Они, такимъ образомъ, не будучи иногда въ священномъ санѣ и не неся непосредственно на себѣ пастырскихъ обязанностей, являются выдающимися дѣятелями на пастырскомъ поприщѣ, помѣщая статьи свои на страницахъ

духовныхъ журналовъ, такъ что послѣдніе служатъ выраженіемъ ихъ взглядовъ и убѣжденій. Такимъ образомъ, благодаря журналамъ, можетъ быть осуществлено единство пастырской дѣятельности православнаго приходскаго духовенства, единство въ сферѣ взглядовъ, убѣжденій и практическихъ приѣмовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ чрезъ нихъ возможно постоянное обновленіе, расширеніе знаній, выносимыхъ приходскими священниками изъ школы. Конечно, единство взглядовъ и убѣжденій вносится въ среду православнаго духовенства школою, всюду единою по системѣ образованія и воспитанія; но, въ виду разбросанности духовенства по приходамъ, это единство можетъ быть очень часто нарушаемо, а главное—оно можетъ быть низводимо окружающею средою въ практическомъ отношеніи до самаго ничтожнаго значенія. Между тѣмъ, съ усиленіемъ, посредствомъ тѣхъ или другихъ органовъ печати, этого единства именно въ практическомъ отношеніи, духовенство явится весьма могучею силою, способною настойчиво домогаться своихъ просвѣтительныхъ религіозно-нравственныхъ цѣлей, и дѣятельность его при этомъ условіи ни въ какомъ случаѣ не можетъ уже быть безрезультатною. Въ настоящее же время большинство сельскихъ пастырей предоставлено исключительно своимъ силамъ: поэтому, нисколько не удивительно, если и не замѣчается въ православномъ духовенствѣ особенной энергіи въ проведеніи высшихъ религіозно-нравственныхъ идеаловъ, а вмѣстѣ съ этимъ мало замѣчается и успѣховъ въ томъ же отношеніи. Одними предписаніями высшаго начальства и благими пожеланіями и совѣтами нельзя ни создать энергіи, ни достигнуть болѣе или менѣе значительныхъ результатовъ; необходимы нравственныя побужденія, возникающія въ душѣ каждаго отдѣльнаго дѣятеля.

Въ заключеніе не можемъ не указать еще одного недостатка въ дѣятельности православнаго духовенства. Многіе упрекаютъ наше приходское духовенство въ томъ, что отъ дѣятельности его, иногда довольно ревностной, почти не видно никакихъ плодовъ. И это отчасти справедливо. Причину та-

кого печальнаго явленія, полагаемъ, нужно видѣть въ пассивности приходскаго духовенства, въ какой-то робости, неувѣренности его въ своихъ силахъ. Къ этому нужно еще присоединить и громадность самого дѣла, возложеннаго на плечи духовенства. Всѣмъ извѣстно, что приходское духовенство наше, по старой привычкѣ, унаслѣдованной отъ недавнихъ безправныхъ временъ, не только страшится инициативы въ какомъ-либо новомъ, хотя бы то и законномъ и полезномъ дѣлѣ, но съ не малою опаскою приступаетъ даже къ исполненію точнаго и настойчиваго желанія и предписанія своего начальства: боится выдвинуться изъ ряда другихъ! Какъ начать неустанно проповѣдывать, какъ устраивать въѣбогослужебныя чтенія, общества трезвости и т. д., когда этого не дѣлали дѣды и отцы, не дѣлаетъ и большинство окружающихъ! Да и какъ посмотреть на всѣ эти новшества непосредственная свѣтская власть, а то и сосѣдній помѣщикъ-дворянинъ? Эти и подобныя имъ страхи нерѣдко останавливаютъ въ самомъ зародышѣ благія начинанія духовенства или заставляютъ выполнять ихъ съ крайнею осторожностью и неувѣренностью. А если къ этому прибавляется страхъ предъ всеобщимъ невѣжествомъ народа, предъ громадностью зла, которое должно быть искореняемо, то у всѣхъ, не имѣющихъ энергій, не поддерживаемыхъ никѣмъ со стороны, священниковъ сами собою опускаются руки, и они погружаются съ головою въ рутину. Подобныхъ страховъ много въ селѣ; но ихъ еще больше въ городѣ. Отсюда понятно само собою, что нельзя ожидать особенныхъ успѣховъ отъ дѣятельности приходскихъ священниковъ, не увѣренныхъ въ себѣ и привыкшихъ къ страху предъ всякимъ начальствомъ, которое, по стародавнимъ завѣтамъ, одно будто бы только и можетъ имѣть инициативу. Страхнуть съ себя всѣ эти страхи, эту пагубную неувѣренность и приобрести необходимую для дѣла энергію можно только путемъ постояннаго самообразованія, постояннаго духовнаго единенія всѣхъ, трудящихся на нивѣ Господней. Нужно поставить себя на требуемую современностью вы-

соту нравственнаго самосознанія; а для этого необходимо любить свое высокое званіе, продолжать серьезно самообразованіе и дружно работать. Зло, какъ бы оно ни было велико, всегда уступало и уступить мѣсто добру предъ дружной энергичной работой на пользу послѣдняго.

Дай Богъ силы и разумъ нашему много уже трудившемуся въ прошломъ православному духовенству потрудиться еще больше и въ наши столь критическія времена!

М. Гн.

Катихизическія домашнія бесѣды священника съ дѣтьми¹⁾.

(о ч е р к и).

II. Молитва Господня.

Второй отдѣлъ—о надеждѣ христіанской—слѣдуетъ начать чтеніемъ изъ 6 главы Евангелія Матѳея о томъ, когда и по какому случаю Господь научилъ молиться Своихъ учениковъ; а затѣмъ кратко разъяснить, какъ слѣдуетъ молиться,—т. е. сказать тоже самое, о чемъ говоритъ святитель Филаретъ въ отдѣлѣ „О молитвѣ“ и „О молитвѣ Господней“.

Основная мысль, которую нужно запечатлѣть въ дѣтскомъ сознаніи при объясненіи молитвы Господней та, что не только устами слѣдуетъ произносить эту молитву, но и такъ жить, чтобы молитва Господня какъ бы отпечатлѣвалась во всей нашей жизни.

При изъясненіи „призыванія“ достаточно, когда дѣтямъ разсказаны будутъ случаи проявленія Отеческой любви Бога Отца къ намъ—дѣтямъ. Для этого довольно разсказать почти тоже, что раньше говорилось о Божественномъ Промыслѣ, только покороче. Прошеніе: „да святится имя Твое“ слѣдуетъ пояснить примѣромъ жизни св. равноапост. князя Владиміра

¹⁾ См. № 3 за 1902 г.

и св. к. Ольги: какъ они были жестоки до обращенія ко Христу, какъ любвеобильны стали послѣ крещенія, и какъ черезъ нихъ стало святиться имя Божіе въ великой русской землѣ.—Выводъ же отсюда—наставленіе дѣтямъ стараться въ своей жизни прославлять имя Божіе. Жизнь св. муч. Кирика, св. прав. Артемія Веркольскаго и др. святыхъ дѣтей—примѣръ для подражанія.

Слѣдующее прошеніе: „да прійдетъ царствіе Твое“—требуешь объясненія въ духѣ патріотизма. Показавъ на примѣрахъ, что Русь по преимуществу—Царствіе Божіе на землѣ, слѣдуетъ вселить въ сознаніе дѣтей необходимость молитвъ о томъ, чтобы Господь еще болѣе возлюбилъ наше отечество и сдѣлалъ насъ достойными этого жребія, и чтобы концомъ этому было—наступленіе царства вѣчнаго, благодатнаго, имѣющаго наступить послѣ второго пришествія Господа. Частнѣе эту религиозно-патріотическую идею прекрасно изложили А. Н. Майковъ въ слѣдующихъ чудныхъ стихахъ:

Снилось мнѣ: по всей Россіи
Свѣтлый праздникъ—древній храмъ,
Звонъ, служенье литургіи,
Блескъ свѣчей и ѳиміамъ,—
На амвонѣ-жъ въ ѳиміамѣ,
Точно въ облакѣ, стоитъ
Старцевъ сонмъ, и намъ во храмѣ
Преклоненнымъ говорить:
„Труденъ въ мірѣ, Русь родная,
Быль твой путь, но дни пришли—
И, въ свой новый вѣкъ вступая,
Ты у Господа моли,
Чтобъ въ сынахъ твоихъ свободныхъ.
Коренилось и росло
То, что въ годы бѣдъ народныхъ,
Осѣнивъ тебя, спасло;
Чтобы ты была готова,—

Сердце чисто, духъ великъ,—
 Стать на судище Христово
 Всѣмъ народомъ каждый мигъ;
 Чтобъ, въ вождяхъ своихъ сіяя
 Силъ духовныхъ полнотою,
 Богоносица святая,
 Міръ вела ты за собой
 Въ свѣтъ,—къ свободѣ безконечной
 Изъ-подъ рабства суеты,—
 На исканье правды вѣчной
 И душевной красоты.

„Да будетъ воля Твоя“.—Чтобы объяснить дѣткамъ эту истину, слѣдуетъ прочесть имъ книгу Іова—конечно, опустивъ рѣчи Іова и его друзей. А въ качествѣ выводовъ изъ этой величественной библейской повѣсти нужно будетъ просто побесѣдовать о томъ, что сказано въ катихизисѣ митр. Филарета.

Бесѣду о *хлѣбѣ насущномъ* составляютъ евангельскія чтенія о чудесномъ насыщеніи пятью хлѣбами многихъ тысячъ людей Іисусомъ Христомъ и притчи о богачѣ безумномъ. Отъ хлѣба для поддержанія плоти слѣдуетъ перейти къ рѣчи о хлѣбѣ для души. Чтеніе евангельскаго разсказа о тайной нищѣ будетъ началомъ бесѣды; конецъ ея—наставленія, какъ нужно приступать къ приобщенію и примѣры наказанія за недостойное принятіе св. Таинъ и прославленія достойно приступающихъ къ св. причащенію. Примѣромъ послѣдняго можетъ послужить жизнь преп. Сергія Радонежскаго. Въ житіи этого избранника Божія есть чудное сказаніе: когда препод. Сергій приобщался св. Таинъ, то ученикъ его видѣлъ, что св. старецъ приобщается огня. Здѣсь же вполне умѣстно выленить и священное значеніе просфоръ, антидора и благословенныхъ хлѣбовъ. Въ житіи пр. Зосима и Савватія Соловецкихъ есть разсказъ о томъ, что пещь хотѣлъ пожрать оброненную богомольцами просфору; но изъ нея исходилъ огонь

и прогонялъ животное. Передать этотъ разсказъ здѣсь вполне умѣстно.

Рѣчь о прощеніи Богомъ грѣховъ и обидъ нашимъ ближнимъ лучше всего начать чтеніемъ евангельской притчи о жестокомъ должникѣ, въ концѣ бесѣды умѣстно прочесть житіе пр. Тита печерскаго и нѣкоторыхъ другихъ святыхъ— по „Училищу благочестія“. Въ примѣръ же искушенія надо прочесть евангельское повѣствованіе объ искушеніи Господа въ пустынѣ.

Заключительное прошеніе объ избавленіи отъ лукаваго будетъ очень назидательно дѣтямъ, если прочесть изъ Евангелія о страданіяхъ бѣсноватыхъ или изъ книги Товита о смерти жениховъ Сарры, дочери Рагуила. Въ этой бесѣдѣ самое удобное — коснуться и народныхъ суевѣрій. Въ бесѣдахъ о лѣшихъ, водяныхъ и т. д. надо щадить народную душу. Не надо глумиться надъ суевѣріями простолюдина, называя „нелѣпностью“ все его міровоззрѣніе. Въдѣ въ лѣшихъ и водяныхъ русской человѣкъ видитъ *духовъ злобы поднебесной*. И взглядъ этотъ не противенъ христіанскому ученію; въдѣ духи злобы дѣйствовали и дѣйствуютъ чрезъ силы природы. Народъ только, такъ сказать, „специализируетъ“ злыхъ духовъ. Поэтому, въ бесѣдахъ нужно говорить лишь о нецѣлесообразности тѣхъ средствъ, какими крестьяне думаютъ избавиться отъ лукаваго: наговоровъ, заговоровъ, и т. п. и—указать вѣрные пути къ борьбѣ съ духами злобы: молитву, крестное знаменіе, призываніе имени „Иисусъ“, чтеніе молитвы: „да воскреснетъ Богъ...“ и т. д.

О славословіи довольно сказать то, что есть въ катихизисѣ.

Въ заключеніе же умѣстно съ благоговѣніемъ прочитать всю молитву Господню вмѣстѣ съ дѣтьми.

III. Заповѣди о блаженствахъ.

Ученіе Господа нашего Иисуса Христа о блаженствахъ (Матѣ. 5, 3—12)—особенно полезно изъяснить дѣтямъ. Начать этотъ отдѣлъ бесѣдъ слѣдуетъ чтеніемъ самаго Евангельскаго повѣствованія. Временемъ для этихъ бесѣдъ лучше всего избрать или весенній, или осенній теплый вечеръ, когда смолкаетъ шумъ дневной суеты.

Подлѣ сельской церкви, подлѣ сѣбноу деревца, пусть сядетъ батюшка съ дѣтьми своими и крестьянскими и прочтетъ имъ величественную въ своей простотѣ евангельскую рѣчь по славянски. Тишина въ природѣ, близость св. храма, величественная плавность славянской рѣчи, медленность самаго чтенія—все это произведетъ глубокое впечатлѣніе на дѣтей и глубоко заляжетъ въ ихъ сердца. По прочтеніи Евангелія, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ и немного помолчавъ, пусть начнетъ затѣмъ священникъ свою бесѣду—о первой заповѣди: о нищетѣ духовной, причемъ въ примѣръ смиренія пусть укажетъ на смиреніе Господа нашего Иисуса Христа. Смиреніе, униженіе Господа величественно изображено у св. пр. Исаи, въ 52 гл. Поэтому, тутъ же вполне умѣстно прочесть и ту паремію изъ тріоди постной (вел. пятокъ утро, часъ 6), гдѣ содержится указанное мѣсто изъ пророка Исаи. Послѣ того пусть поведетъ рѣчь о смиренномудріи и св. людей. Примѣровъ много. Ближе всего указать на преп. Сергія Радонежскаго, какъ онъ отрекся св. Алексію отъ сана московскаго митрополита. Въ заключеніе пастырь пусть объяснитъ дѣтямъ, какъ они сами могутъ быть нищими духомъ. Здѣсь весьма важно выяснитъ имъ, что смиренномудріе въ нашей жизни должно выражаться въ довольствѣ своею долею. Истину эту хорошо подкрѣпить примѣромъ изъ современной сельской жизни. Въ крайнемъ случаѣ для этого довольно прочесть стихотвореніе Никитина: „Дѣдушка“, которое помѣщается почти что во всѣхъ дѣтскихъ христоматіяхъ.

Вторая бесѣда будетъ имѣть предметомъ добровольное отреченіе отъ богатства и о подвигѣ юродства. Началомъ этой бесѣды можетъ послужить евангельскій рассказъ о богатомъ юношѣ (Матѣ. 19 гл.). Далѣе можно взять примѣры изъ жизни св. угодниковъ Божіихъ—изъ Четей-Миней, напр., изъ жизни преп. Варлаама Печерскаго. Въ заключеніе же необходимо выяснитъ дѣтямъ, что счастье жизни состоитъ не въ погонѣ за богатствомъ, а въ довольствіи своею долею и въ угожденіи Богу.—Подвигъ юродства нужно выяснитъ, какъ высшую степень смиренія. Для примѣра умѣстно прочесть житіе св. Алексія челоуѣка Божія (17 марта). Въ настоящее время есть дешевое изданіе стихотворнаго изложенія этого житія (г. Алмазова), сдѣланное Постоянною Коммиссіею по устройству народныхъ чтеній. Приобрѣсть эту брошюрку и прочесть ее хорошо: дѣти любятъ стихи. А отвлеченныя понятія и истины, изложенныя въ катихизисѣ митр. Филарета, слѣдуетъ выяснитъ попутно, среди рассказовъ о святыхъ.

Вторая евангельская заповѣдь—о плачѣ о грѣхахъ—будетъ достаточна для *третьей* бесѣды. Жизнь св. Маріи Египетской (пам. 1 апр.)—великій примѣръ покаянія, и чтеніе этого житія по Четьямъ-Минеймъ Св. Димитрія Ростовскаго, съ нѣкоторыми пропусками, лучше многихъ разсужденій откроетъ дѣтскому уму евангельское ученіе о покаяніи. А чтобы дѣти составили себѣ понятіе о благодатномъ утѣшеніи плачущихъ, слѣдуетъ напомнитъ имъ о томъ радостномъ состояніи духа, которое они испытывали сами по принятіи св. Таинъ.

Третья евангельская заповѣдь учить кротости.—Господь Иисусъ Христосъ явилъ высочайшій примѣръ кротости въ самыя тяжелыя минуты Своихъ крестныхъ страданій. Начавъ рѣчь о кротости, весьма благовременно будетъ прочесть дѣтямъ сказанія св. Евангелистовъ о повелѣніи Господа ап. Петру вложить мечъ, о поруганіи Господа воинами.—Изъ евангельскаго сказанія, сдѣлавъ поясненія понятія кротости и ея частныхъ проявленійхъ,—какъ объ этомъ учить митр.

Филаретъ,—въ заключеніе священникъ пусть прочтетъ житіе св. муч. Екатерины или Варвары. По прочтеніи житія нужно разъяснить и мысль о „наслѣдованіи“ кроткими „земли“.

Четвертая заповѣдь—объ алканіи и жажданіи правды—для дѣтскаго ума еще не вполне доступна. Чтобы уяснить ее дѣтямъ, надобно показать пагубность гордости, какъ отрицанія нужды въ Божественномъ прощеніи грѣховъ, и на примѣрѣ изъ жизни святыхъ уяснить, какъ надо искать оправданія. Для первой цѣли умѣстно прочесть паремію, положенную на молебнѣ въ день Рождества Христова, и рассказать судьбу Навуходоносора, который за свою гордость былъ наказанъ лишеніемъ разума. Примѣры же наказанія легко всякому священнику подыскать изъ Четей-Миней, наприм.—можно взять для этого житіе преп. Никиты столпника, Переяславльскаго.

Особенно же близка къ пониманію дѣтей *пятая* евангельская заповѣдь—о милосердіи. И на этой заповѣди слѣдуетъ въ бесѣдахъ остановиться подольше. Русскій человекъ по природѣ своей жалостливъ, и эта евангельская заповѣдь особенно близка юному русскому сердцу. Этой заповѣди слѣдуетъ посвятить не менѣе *четыре*хъ бесѣдъ: *первая*—о дѣлахъ милости тѣлесной, *вторая*—о милосердіи къ животнымъ, *третья*—о дѣлахъ милости душевной, а въ *четвертой*—указать, какъ дѣтямъ ближе всего исполнять эту заповѣдь. Въ *первой* изъ бесѣдъ о милосердіи слѣдуетъ прочитать житія св. Самсона Страннопримца и Іоанна Милостиваго, по Четьямъ-Минеймъ, съ нѣкоторыми сокращеніями, а въ заключеніе—книгу Товита. Во *второй* бесѣдѣ слѣдуетъ выяснить необходимость милосердія и къ животнымъ. Дѣти часто бываютъ жестоки съ животными, мучаютъ ихъ и не берегутъ; поэтому, настоятельно—необходимо выяснить имъ всю преступность подобныхъ явленій. Житія св. Герасима Іорданскаго, преп. Трифона Печенескаго, преп. Сергія Радонежскаго, бл. Серафима Саровскаго и др. дадутъ не мало примѣровъ, учащихъ тому, какъ надобно обращаться съ животными. Въ

третьей бесѣдѣ священникъ будетъ вести рѣчь о дѣлахъ милости душевной и прочтетъ житіе св. Николая, архіеп. Мирликійскаго Чудотворца. Наконецъ, въ *четвертой*, при выясненіи того, какъ, когда и гдѣ каждый изъ насъ можетъ проявлять милосердіе, хорошо прочесть рассказъ Д. В. Григоровича: „Прохожій“. Рассказъ этотъ есть въ дешевомъ отдѣльномъ изданіи.

Шестая заповѣдь блаженства опять менѣе доступна дѣтскому пониманію. Самое близкое къ дѣтскому развитію объясненіе можетъ быть сдѣлано лишь сравнительное. Богъ—нашъ Отецъ Небесный. И какъ хорошее дитя всегда исполнено любовію къ своему родителю и ничего не дѣлаетъ тайно отъ него, такъ и всякій человѣкъ если онъ исполняетъ волю нашего Небеснаго Отца, есть любящее Его и любимое Имъ дитя. Сердце такого человѣка чисто—въ немъ нѣтъ ничего дурного, что бы могло огорчить Господа. А чтобы пояснить, какъ человѣкъ можетъ „узрѣть Бога“, хорошо прочитать, видѣнія пророковъ Исаи и Іезекіиля.

Седьмая заповѣдь—о миротворцахъ—близка къ пониманію и дѣтей. Въ „Училищѣ благочестія“ есть много примѣровъ, на эту заповѣдь прочитать одинъ—два рассказа и затѣмъ объяснить дѣтямъ, какъ они могутъ исполнять эту заповѣдь—вотъ и все, что нужно для этой бесѣды съ дѣтьми. Вполнѣ умѣстно здѣсь рассказать о Царѣ Миротворцѣ Александрѣ III.

Восьмую и *девятую* заповѣди въ бесѣдѣ съ дѣтьми лучше соединить вмѣстѣ, такъ какъ рѣчь о мученикахъ была ведена ранѣе, то здѣсь нужно выяснитъ только то, какъ дѣти въ своемъ быту могутъ исполнить эту заповѣдь.

Въ заключеніе всѣхъ этихъ бесѣдъ можно повести рѣчь о царствіи небесномъ. Дѣтскому уму трудно уловить частности въ обѣтованіяхъ за труды во имя Господне. Поэтому, не надо во время бесѣдъ особенно останавливаться на выясненіи, за что и какая награда обѣщается, и чѣмъ она отличается отъ предшествующихъ и послѣдующихъ; зато въ концѣ бе-

сѣдъ на евангельскія блаженства слѣдуетъ подробнѣе поговорить о царствіи небесномъ. Дѣти впечатлительны. Ихъ воображеніе работаетъ быстро. Въ „Душеполезномъ чтеніи“ за 1900 годъ напечатанъ разсказъ: „Старець Алфей“. Начиная рѣчь о царствіи небесномъ, весьма хорошо было бы прочесть этотъ разсказъ. Содержаніе его таково. Старець Алфей усумнился въ вѣчности райскаго блаженства. И вотъ Господь удостоилъ Алфея еще въ жизни этой испытать его, чтобы увѣрить въ непреложности своихъ словъ. Старець такъ былъ восторженъ этимъ блаженствомъ, что ему тысяча лѣтъ показалось однимъ мгновеніемъ... Возлюбленный ученикъ Господа, тайнозритель Іоаннъ представилъ намъ въ Апокалипсисѣ величественное изображеніе небснаго царствія. Поэтому, въ заключеніе бесѣдъ и слѣдуетъ по славянски прочесть изъ Апокалипсиса соотвѣтственныя мѣста.

Цѣль этихъ бесѣдъ—изложить ученіе евангельское въ *положительныхъ* образахъ. Тоже ученіе въ *отрицательныхъ* образахъ будетъ изложено при бесѣдахъ о заповѣдяхъ десяти-словія. Подобныя бесѣды глубоко залягутъ въ дѣтскія сердца, и не одно дитя полюбитъ жизнь во имя Божіе для ближнихъ. Величавые образы св. мужей не разъ предстанутъ въ дѣтскомъ восбраженіи въ неземной красотѣ, и дитя пойметъ, что

Счастливы тотъ, кто жизнь проводитъ
 Въ трудахъ, заботахъ о другихъ
 И въ этомъ счастье находитъ,
 И не желаетъ благъ иныхъ;
 Кто не извѣдалъ жизни празднось,
 Безцѣльной жизни безотрадность,
 Не для того лишь жилъ, чтобъ жить.
 Кто вѣрилъ, кто умѣлъ любить,
 Кто смѣло можетъ, покидая
 Для жизни новой міръ тревогъ—
 „Я сдѣлалъ все, что только могъ“,—
 Сказать, на прошлое взирая.

(„Р. Пал.“, 1893 г. № 25, 394 стр.).

IV. Десятословіе.

Евангельскія заповѣди о блаженствахъ въ положительномъ своемъ изложеніи даютъ вѣрующему возвышенный идеаль чловѣка—христіанина; заповѣди же десятословія отрицательнымъ образомъ приводятъ къ той же цѣли. Первые учатъ, какъ надо дѣлать, чтобы спастись; вторыя показываютъ, чего не надобно дѣлать, чтобы получить спасеніе. Такой отличительный характеръ заповѣдей, данныхъ богоизбранному народу чрезъ Моисея, слѣдуетъ сохранить и священнику въ своихъ бесѣдахъ съ дѣтьми. И примѣры изъ житій святыхъ слѣдуетъ уже приводить отрицательные.

Началомъ этого отдѣла бесѣдъ слѣдуетъ положить рѣчь о совѣсти и ея недостаточности для правильнаго разумѣнія воли Божіей. Въ заключеніе же умѣстно прочесть изъ книги „Исходъ“ 19 и 24 гл.—повѣствованіе о дарованіи заповѣдей десятословія и объяснить, почему эти заповѣди обязаны исполнять и мы.

Изложеніе положительныхъ обязанностей, вытекающихъ изъ *первой* заповѣди и подробно перечисленныхъ въ катихизисѣ, должно быть краткое; къ тому же, объ этомъ говорилось и ранѣе. Подробнѣе нужно остановиться на *грѣхахъ* противъ первой заповѣди. Въ примѣръ безбожія и невѣрія, доступный дѣтскому пониманію, можно привести царя Вавилонскаго, пившаго изъ сосудовъ храма Іерусалимскаго и глумившагося надъ истиннымъ Богомъ. Въ доказательство тяжести грѣха ереси и раскола умѣстно указать на тѣ жестокія наказанія, какими Господь поражалъ еретиковъ: Арія, Несторія и др. Въ примѣръ же богоотступничества весьма умѣстно привести Юліана Отступника. Іуда—примѣръ отчаянія; Саулъ—прибѣгающаго къ волшебству—суевѣрнаго чловѣка. Особенно много примѣровъ суевѣрія можно найти въ жизни людей нашей деревушки. О суевѣріи, чловѣкоугодіи и чловѣконадѣянніи для бесѣдъ не мало матеріала можно найти всякому изъ окружающей жизни. О многобожіи мѣсто

бесѣдовать въ разъясненіи второй заповѣди. Какъ произошло идолопоклонство—вопросъ серьезный и допускаетъ много рѣшеній. Для священника же во время бесѣды съ дѣтьми вполне достаточно о происхожденіи идолопоклонства сказать то, что говорится объ этомъ въ св. Писаніи и во всѣхъ учебникахъ по св. Исторіи. Самое же главное вниманіе здѣсь нужно обратить на почитаніе иконъ. Рѣчь объ иконопочитаніи располагается по такому плану: откуда появились св. иконы, законно ли ихъ почитать и какъ должно почитать ихъ. На *первый* вопросъ отвѣтить надобно исторически:—передать дѣтямъ сказаніе о нерукотворенномъ образѣ Спасителя, объ иконахъ пресв. Богородицы, писанныхъ св. еванг. Лукою, о сохраненіи главы Предтечи,—и дѣти прекрасно поймутъ основную мысль, что св. иконы существуютъ въ Церкви Христовой еще со времени земной жизни Самого Господа. На *второй* вопросъ можно найти отвѣтъ въ исторіи иконоборства и VII вселенскаго собора. Объ этомъ и надо рассказать. Тутъ же уместно сдѣлать ссылку и на существованіе въ ветхозавѣтномъ храмѣ священныхъ изображеній. При выясненіи того, какъ слѣдуетъ почитать иконы, хорошо рассказать случай о наказаніяхъ, постигавшихъ непочитающихъ св. иконъ. Въ исторіяхъ явленія чудотворныхъ иконъ Божіей Матери для этого можно найти не мало примѣровъ. О видахъ тонкаго идолопоклонства также слѣдуетъ поговорить. Въ доказательство, что гордость заслуживаетъ Божія наказанія, лучшей примѣръ—жизнь Навуходносора и его болѣзнь (Дан. 4 гл.) Притча о мытарѣ и фарисеѣ—лучшее обличеніе лицемерія. А какъ губительно любостыжаніе, можно поучиться изъ житія св. Спиридона Тримифунтскаго. Не слѣдуетъ обходить молчаніемъ и чревоугодіе. Въ примѣръ чревоугодника хорошо взять Ирода и рассказать о его постыдной кончинѣ.

При разъясненіи *третьей* заповѣди главное вниманіе должно быть обращено на божбу и ея вредъ, равно и на клятвопреступленіе. Примѣровъ наказанія за нарушенія *третьей* заповѣди много указано въ „Училищѣ Благочестія“.

Бесѣдуя о *четвертой* заповѣди, священникъ можетъ или кратко поговорить о праздничномъ времяпровожденіи, или пусть подробно расскажетъ исторію всѣхъ великихъ праздниковъ: это опредѣляется уже нуждами и условіями даннаго времени и составомъ слушателей.

Особенное вниманіе необходимо удѣлить объясненію *пятой* заповѣди. *Пятая* заповѣдь—одинъ изъ краеугольныхъ камней нашей сельской жизни. Здѣсь возможно выяснитъ необходимость почтенія къ родителямъ. Чтеніе изъ кн. Бытія о Ноѣ и Хамѣ—вотъ основа для этой бесѣды. Послушаніе волѣ родителей можно пояснить примѣрами изъ жизни св. угодниковъ. А какъ надобно любить и беречь родителей, тому учить Самъ Господь, когда со креста поручалъ Свою Матерь возлюбленному ученику. Когда пойдетъ рѣчь о почтеніи родителей послѣ ихъ смерти, нужно выяснитъ дѣтямъ необходимость поминовенія родителей, внимательнаго ухода за ихъ могилами, исполненія ихъ предсмертной воли. Въ рѣчи о почитаніи государя вполне умѣстно выяснитъ, что истинное почитаніе его и повиновеніе ему должны быть проявляемы каждымъ въ усердномъ исполненіи распоряженій слугъ государя—нашихъ начальниковъ. Почитаніе священника, какъ носителя благодати Божіей, также надо выяснитъ; равно надо поговорить о почтеніи къ старымъ людямъ. Изъ „Добротолубія“ же и др. имѣющихся у священника подъ руками книгъ примѣры слѣдуетъ выбирать преимущественно отрицательные: какъ сурово Господь караетъ нарушителей *пятой* заповѣди. Въ заключеніе же бесѣды о *пятой* заповѣди вполне умѣстно выяснитъ вредъ для отечества, истекающій отъ неусерднаго исполненія каждымъ изъ насъ общественныхъ обязанностей.

И слѣдующія заповѣди надо разсматривать, какъ показатели къ достойному исполненію каждымъ изъ насъ своихъ обязанностей по отношенію къ ближнимъ.

При объясненіи *шестой* заповѣди—объ убійствѣ—прежде всего умѣстно прочитатъ изъ книги Бытія объ убійствѣ

Канномъ Авеля и о страшномъ наказаніи Господомъ братоубійцы. Затѣмъ особенное вниманіе слѣдуетъ удѣлить тому, чтобы дѣти поняли возможность медленнаго убійства—путемъ изнуренія человѣка работами и т. п. Здѣсь, въ частности, надобно уяснить и то, что если родители наши умрутъ вслѣдствіе нашей дурной жизни, убійцами ихъ будемъ мы.—О грѣхѣ самоубійства и великой за него отвѣтственности также надобно сказать дѣтямъ.

Седьмая заповѣдь требуетъ особенно тщательнаго и осторожно-умѣлаго объясненія дѣтямъ. Конечно, если дѣти—слушатели еще не знаютъ ничего касательно тѣлеснаго общенія между мужчиною и женщиною, не знаютъ и грубой ругани на почвѣ половыхъ отношеній, то о *седьмой* заповѣди можно ограничиться только самымъ краткимъ замѣчаніемъ. Но въдъ это—сравнительная рѣдкость; гораздо чаще случается противное: уже маленькія крестьянскія дѣти знаютъ смыслъ ругательныхъ названій частей человѣческаго тѣла, бываютъ свидѣтелями нецѣломудреннаго обращенія старшихъ между собою. Въ этихъ случаяхъ настырь долженъ отложить ложный стыдъ въ сторону и говорить болѣе или менѣе прямо и неприкровенно. Бесѣду можно вести приблизительно такъ. Прочитавши 7-ю заповѣдь, нужно спросить мальчиковъ, давно ли они научились браниться скверными словами и при какихъ обстоятельствахъ. Самый обычный отвѣтъ будетъ: „давно; слышимъ кругомъ“. И вотъ тутъ-то и благовременно выяснить дѣтямъ пагубную грѣховность сквернословія. Прежде всего надо указать, что, кромѣ „похабныхъ“ словъ, какъ названій частей тѣла, есть и хорошія для этого названія, произношеніе которыхъ допускается даже и въ церкви. Такъ, въ богослужебныхъ книгахъ встрѣчаются слова (названія): „нагота“, „чрево“, „лоно“, „ложесна“, „плоть крайняя“. Затѣмъ, сообщивши дѣтямъ эти библейскія названія, нужно внушить имъ никогда не произносить дурныхъ словъ.

Далѣе самое распространенное нецѣломудренное проявленіе въ народѣ половыхъ отношеній есть объятія и т. п.

Стыдиться говорить объ этомъ нечего. Надо дѣтямъ указать все неприличіе этого и разъяснить, что руки созданы главнымъ образомъ для труда, а грудь для дыханія, у женщины же и для кормленія дѣтей, а уста для рѣчи и вкушенія пищи, ноги для ходьбы и т. д. Вообще смотря по условіямъ, нужно объяснить, что организмъ человѣка созданъ какъ для жизни, такъ и для поддержанія и продолженія рода. Наиболѣе распространенное сквернословіе—это глумленіе словами надъ половыми органами человѣческаго организма. И дѣтямъ нужно строго внушить, чтобы они этого не дѣлали. Убѣдить ихъ въ этой истинѣ можно многимъ. Дѣти перестанутъ сквернословить, когда уразумѣютъ, 1) что Самъ Господь создалъ насъ такъ; 2) часто утроба матери, послуживъ ложемъ для дитяти, становится причиною ея смерти въ родахъ; 3) Самъ Господь *не возмущался двическаго чрева* и 4) если у Господа во время распятія на крестѣ было препоясаніе на чреслахъ то и намъ надъ прекровеннымъ въ человѣческомъ тѣлѣ грѣшно глумиться и открыто издѣваться. Въ примѣръ слѣдуетъ указать на Хама, котораго за это проклялъ Ной, а также обратить вниманіе дѣтей на то, что святые люди избѣгали всякой вообще брани.—Такое объясненіе *седьмой* заповѣди не принесетъ дѣтямъ вреда,—оно напротивъ, лишитъ для нихъ потомъ всей прелести распутныя и нескромныя рѣчи. Узнаютъ дѣти истину, а истина не погубитъ ихъ. Чѣмъ ранѣе узнаютъ это дѣти, тѣмъ лучше: въ нихъ еще не развито половое стремленіе, и потому на нихъ рѣчь настыря о подобныхъ предметахъ не можетъ повліять возбуждающимъ образомъ. Скрывать же все это отъ дѣтей долго—вредно. Узнаютъ они это на улицѣ въ грязномъ изложеніи и на постыдныхъ примѣрахъ.

Послѣ такой бесѣды умѣстно прочитать нѣсколько рассказовъ о высокомъ цѣломудріи свв. мученицъ и преподобныхъ.

О воровствѣ (*8-я заповѣдь*) также нужно поговорить побольше. Въ примѣръ хищенія предметовъ священныхъ и гибельности этого рода проступковъ хорошо рассказать о взя-

гѣи ковчега завѣта филистимлянами, которыхъ постигло за это страшное наказаніе (1. Царств. I—VII гл.). Самое же главное—это нужно объяснить вредъ и отвѣтственность за мелкое воровство.

Бесѣды на *девятую* и *десятую* заповѣди хорошо соединить въ одну. При объясненіи первой изъ нихъ главное вниманіе нужно обратить на вредъ и гнустность лжи, а при объясненіи второй—о грѣховности зависти, какъ главнаго недуга нашей жизни. Примѣровъ много можно найти въ житіяхъ святыхъ.

Такое объясненіе десятословія будетъ вполне доступно для дѣтскаго разумѣнія. Объясненіемъ его и закончится кругъ катихизическихъ бесѣдъ съ дѣтьми.

Пособіями священнику въ этихъ бесѣдахъ должны и могутъ служить: Библія и богослужебныя книги, св. исторія Ветхаго и Новаго Завѣтовъ, „Училище благочестіе“, „Свыше наказанные нарушители 10 заповѣдей“, „Уроки и примѣры христіанской вѣры, надежды и любви“, „Троицкіе листки“, „Житія святыхъ“ и т. п. сочиненія. Когда и гдѣ не можетъ вести такихъ бесѣдъ самъ священникъ, можетъ это дѣлать псаломщикъ, учитель, съ дѣвочками же—матушка или учительница. Еще лучше, если веденіе такихъ бесѣдъ для дѣтей будетъ дѣломъ всѣхъ указанныхъ лицъ вмѣстѣ. Особенно эти бесѣды будутъ полезны для учащихся уже дѣтей духовенства въ цѣляхъ подготовленія ихъ къ будущему служенію. Конечно, онѣ потребуютъ не мало труда, подготовки: но страшиться этого не надо въ виду въ высшей степени важнаго значенія ихъ для юнаго поколѣнія.

Архимандритъ *Никодимъ*..

О просфорахъ на литургіи ¹⁾.

(окончаніе).

Нельзя съ точностью опредѣлить времени, когда въ церковную практику вошелъ обычай приносить на проскомидіи вмѣстѣ съ агничною просфорою и другіе поминальные просфоры. Хотя ученые указываютъ или VIII вѣкъ (Е. Е. Голубинскій) или X—XII вѣка (С. Д. Муретовъ) какъ время появленія первыхъ поминальныхъ просфоръ, но ни то, ни другое предположеніе не имѣетъ за собою прочныхъ и надежныхъ основаній, по которымъ можно было бы безповоротно рѣшить вопросъ. Во всякомъ случаѣ, принявъ во вниманіе самыя древніе памятники проскомидійныхъ просфоръ, мы должны сказать, что послѣднія явились въ церковномъ употребленіи не позже XI вѣка.—Древніе памятники (XI и XII вв.) даютъ право сдѣлать еще то заключеніе, что когда просфоры вошли въ церковную практику, онѣ стали возноситься на проскомидіяхъ не въ одинаковомъ количествѣ. Количество просфоръ колебалось въ зависимости отъ числа поминовеній на извѣстной проскомидіи, такъ что даже въ одномъ и томъ же храмѣ оно бывало различно смотря по тому, сколько поминовеній было положено тамъ на извѣстной литургіи ²⁾. Но въ нѣкоторыхъ храмахъ ³⁾ было установлено *опредѣленное* количество поминовеній на каждый день недѣли, и, соотвѣтственно этому, тамъ ежедневно приносилось болѣе или менѣе опредѣленное число просфоръ, которое, разумѣется, было обязательно только для этихъ, нѣкоторыхъ храмовъ и совершенно необязательно для другихъ.—На первыхъ же порахъ, между проскомидійными просфорами устанавливается строгое различіе, по которому однѣ изъ нихъ возносились въ честь святыхъ, а другія при-

¹⁾ См. № 5 за 1902 г.

²⁾ Припомнимъ отвѣты хартофилакса Петра. св. Нифонта, Димитрія Хоматіана.

³⁾ Каковы храмы въ обителяхъ: Алексіевской. Пандократорской. Ирвинской.

посились за здравіе и за упокой несовершенныхъ христіанъ. Ясное указаніе на существованіе въ древней церкви пяти разрядовъ или категорій проскомидійныхъ просфоръ представляютъ каноническія правила константинопольскаго патріарха Николая, управлявшаго патріархіею съ 1084 по 1111 годъ. Однако, въ ту пору еще не утвердился обычай приносить на проскомидіи именно пять просфоръ, какъ это дѣлается нынѣ въ церкви, — этотъ обычай возникъ позднѣе приблизительно съ XIII вѣка, когда этимъ пяти просфорамъ было дано такъ сказать официальное значеніе, благодаря чему онѣ мало по малу вошли въ общецерковное употребленіе. Правила патріарха Николая доказываютъ только ту истину, что всѣ виды проскомидійныхъ просфоръ, какія существуютъ въ церкви теперь, были извѣстны и въ древней церкви. Мы не можемъ съ опредѣленностью сказать, въ какомъ вообще количествѣ брались прежде просфоры въ честь святыхъ на *каждой* проскомидіи, но имѣемъ свѣдѣнія, что по древней практикѣ празднованіе въ честь дневнаго святаго и совершеніе великаго праздника церковнаго не обходилось безъ возношенія особой, кромѣ агничной, просфоры ¹⁾. — Вмѣстѣ съ просфорой въ честь дневнаго святаго древнѣйшіе памятники, указываютъ большею частію, и просфору въ честь Божіей Матери ²⁾. Ближе всѣхъ стоящая къ Богу, Пресвятая Дѣва Марія всегда окружалась особеннымъ почитаніемъ у древнихъ христіанъ и къ ней они обращались съ мольбами на каждой церковной службѣ. Естественно, что и просфору въ честь ея они стали возносить не только въ дни, нарочито посвященные ей, но и въ другіе, когда вообще совершалось на проскомидіи возношеніе просфоръ. Сначала, можетъ быть, такое соединеніе просфоръ случалось не всякій разъ, а затѣмъ, и очень скоро, сдѣлалось уже обычнымъ и настолько привилось въ церковной практикѣ, что если мы возьмемъ какой либо одинъ изъ древнихъ памят-

¹⁾ Отвѣты хартофилакса Петра и архіеп. Димитрія Хоматіана.

²⁾ См., напр., уставы обителей Ирининской и Пандократорской.

никовъ, свидѣтельствующихъ о многопросфоріи, то непременно найдемъ въ немъ указаніе и на богородичную просфору. Въ знакъ особеннаго благоговѣйнаго почитанія пресвятой Дѣвы Маріи, просфора въ честь Ея приготовлялась большихъ размѣровъ сравнительно съ просфорами за прочихъ святыхъ и равнялась по своей величинѣ агничной просфорѣ¹⁾; изъ нея даже и частица бралась ббольшая, чѣмъ изъ другихъ просфоръ²⁾. Въ древности, по крайней мѣрѣ иногда, съ увеличеніемъ числа поминовеній святыхъ на проскомидіи увеличивалось и число просфоръ въ честь ихъ. Но въ настоящее время удержана въ церкви на этотъ счетъ та лишь, то же древняя практика, по которой въ честь всѣхъ святыхъ, кромѣ Богородицы, возносилась одна просфора съ изытіемъ изъ нея нѣсколькихъ, а именно девяти частицъ. Поминовеніе святыхъ на проскомидіи особенно умножается, судя по памятникамъ съ XIII вѣка, при чемъ, для удобства поминовенія, святые раздѣляются на лики: праотцевъ, отцевъ, патріарховъ, пророковъ, апостоловъ, евангелистовъ, мучениковъ, исповѣдниковъ и др. Изъ отдѣльныхъ святыхъ поминаются только особо чтимые церковью³⁾.—Въ нѣкоторыхъ древнихъ памятникахъ встрѣчается поминовеніе безплотныхъ силъ небесныхъ⁴⁾, но поминовеніе безплотныхъ силъ небесныхъ не было распространено въ церкви повсемѣстно.

Число просфоръ за несовершенныхъ христіанъ—живыхъ и умершихъ—на каждой проскомидіи соотвѣтствовало числу поминовеній: ихъ, слѣдовательно, бывало тѣмъ больше, чѣмъ

¹⁾ См. Уставъ Пандократорской обители.

²⁾ Въ Діатаксисѣ патріарха Филоея, по ркп. № 425 Святогробской библ., читаемъ: „и *извлекая* (изъ богородичной просфоры) *большую частицу* (*μερίδα μεγίλητη*) *полагаетъ*“... и т. д. См. Описаніе литургическихъ рукописей, хранящихся въ бібліотекахъ православнаго востока, т. II, стр. 820.

³⁾ См., напр., Илтарій Есфигменовской библ. въ Описаніи литургическихъ рукописей, т. II, стр. 263—265.

⁴⁾ Напр. въ Наставленіи патріарха константинопольскаго Николая, изданномъ проф. Павловымъ.

больше бывало поминовеній, и наоборотъ. Истѣйшее свидѣтельство объ этомъ представляютъ порядки въ церквахъ Пандократорской обители: всеильной—премудрости Божіей, Богоматери Милосердой и Архангела Михаила.—Извѣстно, далѣе, что въ древности безъ особой просфоры не служилась заупокойная литургія ¹⁾, а также вѣроятно, и заздравная ²⁾. Просфоры за упокой и за здравіе присоединялись или къ одной агничной просфорѣ ³⁾, или къ другимъ просфорамъ въ честь святыхъ ⁴⁾. Каждая заздравная, или заупокойная, просфора возносилась, вообще говоря, за одно лицо, но бывали случаи, что она возносилась и за нѣсколькихъ лицъ ⁵⁾—Составъ просфоръ за несовершенныхъ христіанъ могъ измѣняться и каждою новою литургіею, потому что на каждой новой литургіи могли быть возносимы всякій разъ новыя и новыя поминовенія. Очевидно, въ прежнее время эти просфоры были тѣмъ же, чѣмъ въ нынѣшнее время являются просфоры приносныя, или такъ называемыя „частичныя“, число которыхъ нынѣ всецѣло зависитъ отъ воли и усердія приносящихъ. Вотъ почему нѣкоторые памятники говорятъ намъ только объ однихъ просфорахъ въ честь святыхъ; очевидно, просфоры въ честь святыхъ были обязательны на каждой проскомидіи и извѣстны священнику—совершителю проскомидіи, а просфоры за людей—были случайными,—ихъ могло быть и много, но могло и совсѣмъ не быть, если никто не обращался къ священнику съ просьбой о поминовеніи. Только съ XIII—XIV в. окончательно устанавливаются двѣ обязательныя прос-

¹⁾ Отвѣты хартофилакса Петра.

²⁾ Такъ можно думать на основаніи, напр., отвѣты арх. Димитрія Хоматіона: „когда какой нибудь человекъ при послѣднемъ издыханіи потребуетъ святыни“, то для литургіи нужна вторая просфора, говоритъ арх. Димитрій. Очевидно эта вторая просфора возносилась о здравіи тяжело болящаго человека.

³⁾ Какъ это было, напр., въ храмахъ Богоматери Милосердой и Архангела Михаила.

⁴⁾ См. „Наставленіе“ патріарха Николая.

⁵⁾ Уставы Иринискаго и Пандократорскаго монастырей.

форы: одна за живыхъ, а другая за умершихъ, надъ которыми всякій разъ читался приблизительно одинъ и тотъ же помяникъ. Съ этого времени полагается окончательное различіе между постоянными просфорами, уготовленными церковью въ числѣ *пяти*, и просфорами случайными, приносимыми вѣрующими въ неопредѣленномъ количествѣ. Въ соединеніи пяти проскомидійныхъ просфоръ получаетъ наглядное выраженіе идея единства Церкви небесной и земной, возглавляемой Господомъ Иисусомъ Христомъ.—Въ XV и XVI вѣкахъ на Аѳонѣ и въ Россіи,—въ послѣдней даже до половины XVII вѣка,—замѣчается стремленіе измѣнить установившійся въ церкви пятиричный составъ просфоръ и ввести въ разрядъ официальныхъ и постоянныхъ просфоръ просфоры за отдѣльныхъ лицъ. Такъ, на Аѳонѣ и на югѣ и западѣ Россіи поименованіе властей—духовной и свѣтской отдѣляется отъ поименованія простыхъ мірянъ и выдѣляется въ особія номинальныя просфоры, равно какъ и поименованіе царя съ игуменомъ—а позднѣе патріархомъ въ московской Россіи и даже—священника совершителя проскомидіи—на Аѳонѣ, югѣ и западѣ Россіи. Но попытка ввести въ разрядъ постоянныхъ и официальныхъ просфоръ еще двѣ за частныхъ лицъ не увѣнчалась успѣхомъ: церковная практика возвратилась къ прежнему болѣе древнему пятиричному числу постоянныхъ просфоръ и соединила поименованіе всѣхъ живыхъ христіанъ на одной просфорѣ, а всѣхъ умершихъ,—на другой. Или русская Церковь молится за духовную и свѣтскую власть на одной и той же четвертой просфорѣ, на которой поминаются и всѣ православные христіане, какъ бы выражая тѣмъ мысль о необходимости тѣсной связи духовнаго и свѣтскаго правительства съ тѣмъ народомъ, попеченіе о духовныхъ и матеріальныхъ нуждахъ котораго ввѣрено ему Господомъ Богомъ.

И. Пальмовъ.

О ПРОДОЛЖЕНИИ ИЗДАНИЯ ПРИ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ

ЖУРНАЛА

„РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ“

въ 1902 году.

Въ 1902 подписномъ году и 43 году своего существованія Редакція журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“ продолжаетъ, при помощи Божіей и сочувствіи приходскаго духовенства, свое дѣло—служить, по мѣрѣ силъ, интересамъ русскихъ пастырей и содѣйствовать имъ въ ихъ святомъ служеніи.

Въ этихъ видахъ въ журналѣ печатаются не только статьи литургическаго, гомилетическаго и историческаго характера, но и разрѣшаются вопросы, вызываемые теченіями современной жизни, уясняется отношеніе къ этимъ теченіямъ духовенства и указываются способы и мѣропріятія борьбы съ религіозными заблужденіями и противохристіанскимъ направленіемъ жизни, а также даются посильные отвѣты на разные недоумѣнные вопросы и случаи, возникающіе въ пастырской практикѣ. Для лучшаго осуществленія этой задачи Редакція обращается ко всемъ русскимъ пастырямъ съ просьбой дѣлать сообщенія обо всѣхъ выдающихся явленіяхъ и движеніяхъ въ духовно-религіозной жизни ихъ паствы.

Кромѣ того, въ журналѣ помѣщаются очерки, посвященные памяти выдающихся дѣятелей на нивѣ Христовой, и художественно обработанные рассказы изъ жизни духовенства или изъ религіозной жизни общества.

Въ ежемѣсячныхъ сборникахъ „Проповѣдей“, рассылаемыхъ подписчикамъ заблаговременно, помѣщаются общедоступныя поученія на всѣ воскресные, праздничные и высокочоржественные дни, вѣбогослужебныя чтенія и бесѣды, катихизическія поученія для систематическаго проповѣдыванія, а также проповѣди въ обличеніе сектантскихъ заблужденій.

Въ „Богословскомъ Библиографическомъ Листкѣ“ наши читатели найдутъ краткіе отзывы или только простыя оповѣщенія обо всѣхъ выдающихся явленіяхъ и новостяхъ въ русской богословской литературѣ и духовной журналистикѣ.

Наконецъ, и въ наступившемъ 1902 подписномъ году Редакція „Рук. д. с. паст.“ дастъ своимъ подписчикамъ, въ качествѣ безплатнаго приложенія, сборникъ духовно-музыкальныхъ произведеній для хороваго исполненія.

Журналъ „Руководство для сельскихъ пастырей“ рекомендованъ Святейшимъ Синодомъ духовенству и начальствующимъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ для пріобрѣтенія въ церковныя и семинарскія библіотеки (Синод. опредѣленіе отъ 4 февраля—14 марта 1888 г. за № 280).

Подписная цѣна журнала съ означенными приложеніями **ШЕСТЬ** рублей съ пересылкою во всѣ мѣста Россійской Имперіи. Плата за журналъ по официальнымъ требованіямъ, какъ то: отъ консисторій, правленій духовныхъ семинарій и благочинныхъ, можетъ быть отсрочена до сентября 1902 года.

Съ требованіями обращаться по слѣдующему адресу: *Кіевъ, въ Редакцію журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“.*

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Д. Семинаріи, Архимандритъ Ѳеодосій.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 4 февраля 1902 г.

Цензоръ, экстра-орд. проф. Акад. прот. *І. Корольковъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLIII.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 8.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1902 года, февраля 21-го.

Содержаніе: Историко-археологическія свѣдѣнія о знакахъ отличій, жалуемыхъ священнымъ лицамъ чернаго и бѣлаго духовенства.—Писатель-христіанинъ. (Къ пятидесятилѣтію со дня смерти Н. В. Гоголя).—О „поминаніяхъ“ и средствахъ къ правильному ихъ веденію.

ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ

О ЗНАКАХЪ ОТЛИЧІЙ,

жалуемыхъ священнымъ лицамъ чернаго и бѣлаго духовенства.

Древнѣйшимъ „знакомъ отличія“ для заслуженнѣйшихъ изъ іереевъ или протоіереевъ въ греческой церкви служилъ, такъ называемый, *епитонатій* (ἐπιτονατίον) или *паллица*—ромбическій платокъ, привѣшиваемый къ поясу священника за

¹⁾ См. № 7 за 1902 г.

одинъ изъ угловъ. „Отличіе“ это, составляющее принадлежность епископскаго сана, давалось по заслугамъ почетнымъ пресвитерамъ, по волѣ епископа. „Нѣкоторые изъ старѣйшихъ (вѣрнѣе первыхъ іереевъ)—т. е. ставрофоры (т. е. архонты Великой церкви, какъ напр., великій экономъ, сакеллій, скевофилаксъ, хартофилаксъ и др.) и нѣкоторые изъ архимандритовъ, по словамъ Симеона Солунскаго, имѣютъ и епигонатій (налицу): это уже по дару архіерейскому такъ же, какъ и крестъ, такъ какъ никто, кромѣ архіерея, не можетъ носить крестовъ на фелони и на главѣ (ἐν τῷ φαυρολίῳ καὶ ἐπὶ κεφαλῆς) и (возлагать) епигонатій. Этимъ однако же лицамъ, ради рукоположенія ихъ на званіе первыхъ среди другихъ, дается (право) носить крестъ только на головѣ и возлагать епигонатій при священнодѣйствіи. Поелику вмѣстѣ съ священствомъ одни получаютъ хиротонію судіи—нѣкое важнѣйшее церковное служеніе, другіе поставляются пастырями душъ и экономами, почему и носятъ нѣкоторыя отличія перваго пастыря, которому обязаны и подражать“¹⁾. Въ практикѣ современной греческой церкви епигонатій получаетъ и всякій іерей, имѣющій достоинство или отличіе предъ остальными рядовыми пресвитерами²⁾.

У насъ въ русской церкви епигонатій считался всегда также богослужебною принадлежностію архіерейскаго сана. Но подъ вліяніемъ практики православнаго Востока, сначала на югѣ Россіи въ Кіевѣ митрополиты кіевскіе, какъ экзархи трона патріаршаго константинопольскаго, стали награждать этимъ отличіемъ подчиненныхъ имъ архимандритовъ и, прежде всего, Кіево-Печерскаго³⁾, а потомъ въ XVI столѣтіи этотъ обычай проникъ и въ сѣверную московскую Русь. Въ 1561 г.

¹⁾ Mign. Patrol. Cours. complet., t. 155, col. 261; Писан. отц. и учит. ц., относящ. къ истолков. прав. богосл., т. II, стр. 104.

²⁾ Ἱερατικόν, изд. 1875 г. Констант., σελ. 43; Ἱεροτελετικὸν τεύχος, изд. Патрское 1881 г., σελ. 75, 129.

³⁾ Полн. собр. постанов. и распоряж. по вѣд. прав. исп., т. VII, стр. 254; т. V, стр. 556.

получилъ отъ митрополита московскаго Макарія „вся священно-иноческа и архимандрическая дѣйствовать въ шапкѣ съ *полицею*¹⁾ и двумя рипидами и во всемъ священно-иноческомъ и архимандрическомъ сану не возбранно архимандритъ Троице-Сергіевой лавры Елевѣрій“²⁾. Награда эта давалась въ XVI и въ XVII столѣтіяхъ³⁾ и другимъ нѣкоторымъ архимандритамъ знатнѣйшихъ русскихъ монастырей. Большинство архимандритовъ русскихъ монастырей, игумены и протоіерей или протопопы награждались не палицею, а *набедренникомъ*⁴⁾.

Набедренникъ, называвшійся у насъ въ прежнее время „подполкомъ“⁵⁾, замѣнилъ палицу или епигонатій и сдѣлался богослужебнымъ отличіемъ архимандритовъ, игуменовъ и протоіереевъ съ конца XVI столѣтія⁶⁾. Причина появленія у насъ этого богослужебнаго отличія кроется въ желаніи, съ одной

¹⁾ Название: „палица“ или „полиця“ происходитъ отъ русскаго слова—пола и означаетъ, по объясненію проф. Е. Е. Годубинскаго, малую полу (приполкъ). (Исторія русской церкви, т. I, полов. II, стр. 327. прим. 4).

²⁾ Тамъ же, ч. II, стр. 425, 607 и др. Полн. собр. постановл. и распор. по вѣдомству правосл. исповѣд. россійской имперіи, Сиб. 1890 г., т. VII, стр. 353, прим. 4. Слѣдуетъ замѣтить, что въ концѣ XVI в. на югѣ Россіи *палица* дѣлается уже принадлежностію сана архимандрита. Въ „чинѣ на поставленіе архимандрита“ ркн. № 377 (310) Моск. Синод. библ. читаемъ: „Тамъ святитель благословляетъ его и *дасть ему полицю*“ (Опис. ркн. Моск. Синод. библ., отд. III, ч. I, стр. 221).

³⁾ Арх. Амвросій. Исторія россійской іерархіи. М., 1810 г., ч. II, стр. 108.

⁴⁾ Тамъ же, ч. I, М., 1807 г., стр. 320; Сн. „Указъ на поставленіе архимандрита“ 1665 года въ архіерейскомъ служебникѣ Моск. Синод. библ. № 370 (271). (Описан. рук. Моск. Синод. библ., отд. III, ч. I, стр. 126).

⁵⁾ Въ описи Хутынскаго монастыря 1642 года имѣется „*подполкъ* отласъ червчатъ“. Въ Антоніевомъ монастырѣ набедренникъ 1654 года „шитъ по рудожелтому бархату золотомъ, украшенъ жемчугомъ и камнями“. Арх. Макарій. Археологическое описаніе церковныхъ древностей въ Новгородѣ и его окрестностяхъ. М., 1860 г., ч. II, стр. 339—340.

⁶⁾ Арх. Амвросій. Исторія россійской іерархіи, ч. I, стр. 320. О рукоположеніи древнемъ со временъ россійскихъ патріарховъ.

стороны, удержать за епигонатіемъ, какъ исключительно архіерейскою богослужебною принадлежностію, то важное значеніе, какое придавала ему церковь греко-восточная, а, съ другой, создать для почетнѣйшихъ лицъ изъ бѣлаго и чернаго духовенства знакъ отличія, при отправленіи ими богослуженія, который бы имѣлъ и нѣкоторыя особенности сравнительно съ греческимъ епигонатіемъ. За то же отождествленіе набедренника съ епигонатіемъ говорятъ наименованія ихъ въ нашихъ богослужебныхъ книгахъ: *наколѣнникъ* (въ Чиновникѣ архіерейскаго священнослуженія) и *набедренникъ* (въ Служебникѣ), ихъ форма ¹⁾ (палица—четыреугольникъ, повѣшенный за уголь, а набедренникъ—квадратъ, повѣшенный за два угла), совершенно одинаковыя слова, положенныя для чтенія, при ихъ надѣваніи: „препояши мечъ твой по бедрѣ твоей сильне“ (въ чиновникѣ: „Препоясуйся оружіемъ твоимъ по бедрѣ твоимъ сильне“), указывающія на ихъ одинаковое символическое значеніе. „Епигонатій (тожъ набедренникъ), по словамъ Симеона Солунскаго, знаменуетъ побѣду надъ смертію и воскресеніе Спасителя и имѣетъ какъ бы образъ меча, на что указываетъ и молитва: „препояши мечъ твой по бедрѣ твоей сильне“, откуда (епигонатій) получаетъ значеніе и силы и побѣды, и востанія Христова, по силѣ всесовершенной чистоты и безгрѣшности. По этому-то онъ привѣшивается при бедрѣ и (об-

¹⁾ Нужно полагать, что наши палица и набедренникъ имѣютъ своимъ прототипомъ *енхирій* (ἐγχίριον), т. е. ручной платокъ, который въ древнее время (и въ нѣкоторыхъ, напр., московскихъ монастыряхъ и доселѣ) употребляли священникъ и діаконъ, при отправленіи богослуженія, для отиранія пота на лицѣ и другихъ потребностей (Писан. отц. и учит. церкви, относящ. къ истолкованію прав. богослуж., т. I, стр. 273), имѣя его привѣшеннымъ къ поясу. *Енхиріи* знаменуютъ лентіонъ, которымъ Христосъ былъ препоясанъ на тайной вечери, при омовеніи ногъ ученикамъ, и судари плоти апостоловъ (тамъ же). То же самое значеніе дается отцами московскаго собора 1674 года и „колѣвъ одеждѣ, зовемой *епигонатіемъ*“ (арх. Амвросій, Исторія російской іерархіи, ч. I, стр. 327). Выродившись изъ обычной формы платка, и палица и набедренникъ имѣютъ весьма много сходства съ нимъ по своему устройству, но различаются величиною и способомъ ношенія.

лачаемый говорить: „красотою твоею и добротою твоею: и налицы, и успьвай, и царствуй, истины ради, и кротости, и правды“. Истины, такъ какъ Онъ самъ есть истина и милость, и истина предъ лицомъ Божіимъ; кротости, такъ какъ претерпѣлъ страданія; и правды, потому, что Онъ умеръ, будучи неповиненъ и упразднилъ смерть“¹⁾).

Въ настоящее время у насъ архимандриты, всѣ безъ исключенія, носятъ при богослуженіи налицы вмѣстѣ съ набедренникомъ, возлагая первую на правую сторону, а второй на лѣвую. Также поступаютъ и тѣ изъ игуменовъ и почетныхъ протоіереевъ, которые удостоиваются чести возлагать при богослуженіи налицу. Обычай этотъ, неизвѣстный совершенно въ практикѣ греческой церкви, вошелъ въ практику нашей церкви сравнительно въ недавнее время. Правда, архимандритъ Амвросій, авторъ „исторіи російской іерархіи“ начало его относить къ XVI столѣтію и указываетъ на архимандрита Троице-Сергіева монастыря Елевверія и на соловецкаго монастыря архимандрита Илію, якобы получившихъ право употреблять при богослуженіи налицу вмѣстѣ съ набедренникомъ первый въ 1561 году²⁾, а второй въ 1651 году³⁾, но оба эти указанія не отличаются точностію и опредѣленностію. Дѣло въ томъ, что въ подлинной грамотѣ архимандриту Елевверію, данной митрополитомъ Макаріемъ, по совѣту царя Ивана Васильевича, и напечатанной арх. Амвросіемъ, въ его же „исторіи російской іерархіи“⁴⁾ ничего не говорится о набедренникѣ, и рѣчь идетъ объ одной „налицѣ“. Что же касается архимандрита соловецкой обители Иліи, то подлинная грамота о привилегіяхъ, данныхъ ему, автору „исторіи церковной іерархіи“ осталась неизвѣстна, и эти при-

¹⁾ Mign. Patrol. Curs. complet., t. 155, col. 560, 713; Писан. отц. и учит. ц., т. II, стр. 100; т. III, стр. 21.

²⁾ Арх. Амвросій. Исторія російской іерархіи, ч. I, стр. 357; ч. II, стр. LIX.

³⁾ Тамъ же, ч. I, стр. 365; ч. II, стр. 425, 428.

⁴⁾ Тамъ же, ч. II, стр. 100—115.

виллегіи соловецкой архимандріи со включеніемъ и „бедренника“ онъ извлекъ уже изъ позднѣйшей грамматы Петра I-го 1705 года ¹⁾, едва ли, однако, заслуживающей полнаго къ себѣ довѣрія. По крайней мѣрѣ факты историческіе позднѣйшаго времени говорятъ намъ нѣчто иное.

Въ „чиноположеніи древнемъ со временъ російскихъ патриарховъ“ не говорится объ употребленіи совмѣстномъ палицы и набедренника. Въ соборномъ дѣяніи 1674 года ²⁾ „о преимуществахъ облаченій“ архимандритамъ трехъ главнѣйшихъ російскихъ монастырей (т. е. Сергіева Радонежскаго, Владиміра града Рожественскаго и на Москвѣ архистратига Михаила Чудова монастыря) усвоется одинъ *епимонатій* безъ набедренника, а „прочихъ всѣхъ обителей великихъ и малыхъ“ архимандритамъ и игуменамъ вмѣняется „довлѣтися“ одеждами обычными священническими, „*епимонатій* же и шапку среброкованную имѣти“, „имже собственно опредѣлися и во настольныхъ ихъ граматахъ писася“. При этомъ вмѣнялось въ обязанность „архіереемъ вящше сего не дерзати попускати во епархіяхъ своихъ кому дѣяти что, или *самоу что даяти архимандритомъ, или игуменомъ, или епимонатій, или шапку сребро-кованную* носить, или дѣяти *свѣще-остъненіе*, или ино что, о нихъ же выше предречеса до нынѣ, отъ благочестивѣйшаго царя не данное и отъ святѣйшаго патриарха небла-

¹⁾ Тамъ же, стр. 426—433. Къ числу такихъ сомнительныхъ грамматъ мы относимъ и граммату вятскаго епископа Алексавдра 1662 года архимандриту Пыскорскаго монастыря Пафнутію, которою свидѣтельствуется, что архимандриты этого монастыря со времени патриарха Никона совершали службу священную съ полицею и набедренникомъ. Тамъ же, ч. II, стр. 608.

²⁾ Дѣянія этого собора, напечатанныя сначала въ Чиновникѣ архіерейскаго священнослуженія, М., 1677 г., и перепечатанныя потомъ арх. Амвросіемъ въ его „Исторіи церковной іерархіи“ (ч. I, стр. 321—350) датированы были послѣднимъ неправильно 1675 годомъ (тамъ же, стр. 321). К. Певоструевъ совершенно резонно исправляетъ эту дату на 1674 годъ (Душен. Чтен., 1868 г., кн. III, стр. 141, прим. е).

гословенное, да не будетъ дѣло самочинія“¹⁾. Совмѣстное употребленіе архимандритами палицы и набедренника входитъ въ русскую церковную практику, по нашему мнѣнію, не раньше начала XVIII в. Въ 1705 году патріаршій мѣстоблюститель Стефанъ Яворскій дозволяетъ служить „съ палицею и бедренникомъ“ архимандриту соловецкаго монастыря Фирсу²⁾; въ 1719 году епископъ ростовскій Георгій и архіепископъ ростовскій Іоакимъ даютъ такое же право архимандритамъ ростовскаго Борисоглѣбскаго монастыря³⁾ и т. д. Но и въ это время еще продолжалъ держаться прежній обычай—давать архимандритамъ только *набедренникъ*. Архимандритъ Новгородскаго Иверскаго монастыря Филаретъ назначенный настоятелемъ этого монастыря 21 декабря 1730 года, въ настоятельной архимандрической грамматѣ Теофана, архіепископа великоновгородскаго, отъ 10 марта 1731 года, получилъ право „имѣть ему архимандричью, при прочей одеждѣ токмо *обычайную* шапку и *набедренникъ*“⁴⁾. Палицу и другія отличія въ служеніи этомъ архимандритъ получилъ лишь по особому ходатайству въ томъ же 1731 году 15 апрѣля⁵⁾.

Палицу бѣлое духовенство получило, по указу императора Павла I⁶⁾ въ 1797 году, а время учрежденія у насъ набедренника, какъ награды для священниковъ изъ бѣлаго духовенства, съ точностію не извѣстно. По отношенію къ набедреннику у насъ соблюдается правило, установленное Св. Синодомъ въ 1884 году⁷⁾, чтобы енархіальные архіереи не представляли лицъ бѣлаго духовенства, не имѣющихъ набедрен-

¹⁾ Арх. Амвросій. Исторія російской іерархіи, ч. I, стр. 338, 341—342.

²⁾ Тамъ же, ч. II, стр. 427.

³⁾ Тамъ же, ч. I, стр. 382.

⁴⁾ Полн. собр. постан. и распоряж. по вѣдомству прав. исповѣд. російской имперіи, т. VII, стр. 353, 354.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 354.

⁶⁾ П. С. З., т. XXIV, № 18, 273, стр. 822.

⁷⁾ Церкви. Вѣстн., 1884 г., № 13—14, стр. 62, 63 (оффич. отдѣл.).

никовъ къ другимъ высшимъ наградамъ, или знакамъ отличій, выдаваемымъ отъ Св. Синода. Лица, назначаемыя на должности настоятелей соборовъ и въ ректора духовныхъ семинарій, и возводимыя въ протоіереи получаютъ набедренникъ при самомъ возведеніи въ санъ протоіерея.

Изъ вышецитованныхъ словъ блаженнаго Симеона Солунскаго объ епигонатіи мы уже знаемъ, что церковь византійская заслуженнѣйшимъ и почетнѣйшимъ изъ представителей духовенства давала, въ видѣ отличія, право ношенія креста на персяхъ, во время богослуженія на фелоняхъ—ἐν τῷ φαυλίῳ и въ обычное время на головахъ—ἐπὶ κεφαλῆς. Лицъ, почтенныхъ такими знаками отличій, она именovala *ставрофорами* (крестоносцами) или архонтами Великой церкви. Для возводимыхъ въ это званіе въ практикѣ византійской церкви существовалъ и особый „Τάξις ἐπὶ χειροτονία σταυροφόρου“¹⁾, описанный подробно и Симеономъ Солунскимъ²⁾. При посвященіяхъ этихъ лицъ, на голову ихъ возлагалось особое покрываніе—περὶ πτάριον, имѣющее на себѣ изображеніе креста³⁾.

Въ нашей русской церкви право ношенія креста на персяхъ, при богослуженіяхъ на фелони и внѣ храма на рясахъ, по примѣру греческой церкви, получали архимандриты почетнѣйшихъ русскихъ монастырей и, прежде всего, въ предѣлахъ кievской митрополіи⁴⁾. Отсюда этотъ обычай мало по малу начинаетъ проникать и въ московскую Русь къ началу XVIII столѣтія. Въ 1701 году Иларіону, архимандриту Троице-Сергіева монастыря, по волѣ государя Петра 1-го, дано право на „рясѣ“ и „на фелоніи въ служеніи всякаго церковнаго чина по обычаю (sic) крестъ святой налагати“, а самый крестъ

¹⁾ А. Дмитриевскій. Описаніе литургич. рки., хранящ. на право-славномъ Востока, т. II, Εὐχολόγια, стр. 319

²⁾ Mign. Patrol. Cours. complet., t. 155, col. 464—465; Писан. отц. и учит. церкви, относящ. къ истока. богослуж., т. II, стр. 309—311.

³⁾ А. Дмитриевскій, т. II, Εὐχολόγια, стр. 319.

⁴⁾ Арх. Амвросій. Исторія росейской іерархіи, ч. I, стр. 355, 391, 396.

„во священнослуженіи божественной литургіи на первомъ входѣ“ „на фелонь возложи преосвященный господинъ Стефанъ, митрополитъ рязанскій и муромскій“ ¹⁾. Это отличіе усвоилось и „по немъ будущимъ архимандритамъ“ ²⁾ и подтверждено грамотами 1723 года ³⁾ и 1726 ⁴⁾. По указанное отличіе можно считать исключеніемъ на сѣверѣ Россіи, которое объясняется не личными заслугами пастытелей этой знаменитой лавры, а ея важностію въ ряду другихъ сѣверорусскихъ монастырей.

Вскорѣ однако же дѣлаются попытки великимъ преобразователемъ Россіи императоромъ Петромъ распространить право ношенія наперснаго креста и на другихъ архимандритовъ. Въ 1722 году указомъ Государя повелѣно „синодальнымъ совѣтникомъ, какъ предъ синодальными ассесорами, такъ и прочихъ монастырей предъ архимандриты, учинить отиѣну такую: дабы имъ носить при себѣ кресты подобно архіереемъ“. Но указъ приведенный въ исполненіе, не былъ записанъ, а потому и „дѣйствителенъ“ до 1725 г. 26 декабря. Въ это время, при назначеніи въ совѣтники Св. Синода архимандрита Аѳанасія, „крестъ наложили“ и указы разослали въ подлежащія мѣста ⁵⁾. Но по какимъ-то, непонятнымъ для насъ, причинамъ и послѣ этого указъ 1722 года оставался безъ исполненія ⁶⁾. Въ 1741 году въ докладѣ Синода Государынѣ говорилось, что „предъ нынѣшнимъ временемъ бывшіе въ присутствіи въ Синодѣ архимандриты, чего ради крестовъ не носили, о томъ Синоду неизвѣстно, а запрещенія о неносеніи ими на себѣ крестовъ, по справкамъ, не имѣется“ и испра-

¹⁾ Тамъ же, ч. II, стр. 136, 137.

²⁾ Тамъ же, стр. 139.

³⁾ Тамъ же, стр. 141.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 147—150; Полн. собран. пост. и распор. по вѣд. прав испов., т. V, стр. 555—557.

⁵⁾ Полн. собран. постан. и распоряж. по вѣдом. правосл. испов. т. V, стр. 260.

⁶⁾ П. С. З., т. XI, № 8403, стр. 444.

шивалось у Государыни, чтобы „нынѣ присутствующимъ и впредь будущимъ въ Синодѣ членами архимандритамъ, *въ отъѣздъ отъ прочихъ архимандритовъ*, за честь главнаго духовнаго правительства, кресты на себѣ носить всемилостивѣйше повелѣно было“. Желаніе Св. Синода было удовлетворено, но съ ограниченіемъ, что „онимъ архимандритамъ по прежнему указу кресты носить позволяется, *только по тѣхъ мѣстѣ, пока они въ Синодѣ членами будутъ*“. Въ слѣдующемъ 1742 году 1 октября императрица Елизавета Петровна, по примѣру архимандритовъ малороссійскихъ монастырей, которые почти все носили панерсные кресты, *изустнымъ указомъ* черезъ Амвросія, архіепископа Новгородскаго, повелѣтъ изволила: „*Въ великой Россіи имѣющимся архимандритамъ для отъѣзда отъ мѣменовъ и іеромонаховъ носить кресты*“ ¹⁾.

Къ этому времени приблизительно относится появленіе у насъ обычая—награждать заслуженныхъ архимандритовъ не только крестами, но даже панагіею. Такъ въ 1732 году 20 апрѣля крестъ и мантию съ скрижалями получилъ, по указу императрицы Анны Иоанновны, архимандритъ донскаго монастыря Кирилль ²⁾; въ 1731 году архимандритъ того же монастыря Иларіонъ награжденъ *панагіею* ³⁾, такая же награда въ 1744 году пожалована архимандриту и ректору харьковскаго училищнаго Покровскаго монастыря ⁴⁾, а въ 1755 году та же награда—архимандриту Пыскорскаго монастыря Іусту ⁵⁾ и др. Награжденіе панагіею нѣкоторыхъ заслуженныхъ архимандритовъ сохраняетъ у насъ свою силу и до настоящаго времени.

¹⁾ Сиб. духовн. вѣстн., 1897 г., № 50, стр. 996.

²⁾ Полн. собран. постановл. и распоряж. по вѣдомству прав. испов., т. VII, стр. 470.

³⁾ Арх. Амвросій. Исторія россійской іерархіи, ч. I, стр. 364, ч. II, стр. 376.

⁴⁾ Тамъ же, ч. I, стр. 398.

⁵⁾ Тамъ же, ч. II, стр. 617.

По примѣру архимандритовъ, награждали въ нѣкоторыхъ случаяхъ наперсными крестами и почетныхъ и заслуженныхъ протоіереевъ. Такъ, напр., протоіерей А. А. Самборскій въ 1781 году былъ награжденъ брилліантовымъ наперснымъ крестомъ на голубой лентѣ; въ 1796 году ту же награду получилъ духовникъ государя Исидоръ Петровичъ¹⁾; а указомъ 1797 въ октябрѣ мѣсяцѣ повелѣно было награждать „крестомъ для ношенія на цѣпи на шеѣ“ и всѣхъ заслуженныхъ священниковъ бѣлаго духовенства²⁾.

Св. Синодъ, въ силу указа государя 1797 года, выработалъ форму креста и въ слѣдующемъ году предложилъ ее на усмотрѣніе государя, присоединивъ къ ней и проектъ надписей. Крестъ получилъ настоящую свою форму, но имѣлъ рельефное на себѣ изображеніе распятія, а не начертательное, какъ нынѣ. Государь одобрилъ рисунокъ, а надписи представилъ установить Св. Синоду³⁾.

Въ царствованіе Александра I стали жаловать духовенству наперсные кресты съ драгоценными украшеніями изъ кабинета Его Величества.

24 февраля 1820 г. Св. Синодъ рѣшилъ „опредѣляемымъ къ миссіямъ нашимъ въ иностранныхъ государствахъ священнослужителямъ изъ монашествующаго и бѣлаго духовен-

¹⁾ Спб. духовн. вѣстникъ, 1897 г., № 50, стр. 997. А, Львовъ указываетъ въ своей статьѣ и нѣкоторые другіе случаи награжденія и полковыхъ и флотскихъ священниковъ крестами на лентѣ военнаго ордена.

²⁾ П. С. З., т. XXIV, № 18, 273, стр. 822.

³⁾ Для надписей Св. Синодъ представилъ четыре слѣдующія редакціи: вверху: „Павель I“. Подъ этимъ: 1) „Пресвитеру, труждающемуся въ словѣ и ученіи“; 2) „Прилежащему добрѣ пресвитеру, наче же труждающемуся въ словѣ и ученіи. 1797“; 3) „Пресвитеру, дающему образъ вѣрнымъ словомъ и житіемъ“ и 4) „Устроенъ въ благочестивое царствованіе великаго государя императора Павла I и за отличіе пожалованъ“ (Спб. духовн. вѣстн., 1897 г., № 51--52, стр. 1016). Приняты Св. Синодомъ третья редакція и отчасти четвертая, но съ нѣкоторыми отличіями: „Установлено“, вмѣсто „устроенъ“ и опущены: „за отличіе пожалованъ“, вмѣсто коихъ стоятъ: 1727, декабра 18.

ства“ дозволять, „но введенному издавна обыкновенію ¹⁾, на время пребыванія ихъ въ семь служеніи, носить наружный наперсный крестъ для приличія по ихъ сану и для отличія въ одѣяніи отъ жидовъ тамъ, гдѣ оныя въ большомъ числѣ живутъ“. Кресты были золотые и выдавались изъ кабинета Его Величества, но подѣ условіемъ, чтобы получавшій такой крестъ прослужилъ за границу семь лѣтъ, въ противномъ случаѣ онъ отбирался у награжденнаго и передавался его преемнику, а по истеченіи семи лѣтъ „за усердную и безпорочную службу означенный крестъ обращается ему въ награжденіе и оставляется у него навсегда и по возвращеніи его въ Россію“ ²⁾. Съ 1881 года наперсными крестами награждаетъ Св. Синодъ и уже не золотыми, а лишь вызолоченными. Съ 1896 года наперсные серебряные кресты сдѣлались принадлежностію всякаго священника и возлагаются при рукоположеніяхъ.

(Продолженіе будетъ).

Профессоръ А. Дмитріевскій.

¹⁾ Первый разъ наперсный крестъ получилъ іеромонахъ Невскаго монастыря Іоасафъ Шестаковскій въ 1757 году, при назначеніи своемъ въ Парижъ. Съ этого времени всѣ преемники о. Іоасафа удостоивались того же отличія. Сиб. духовн. вѣстн., 1897 г., № 51—52, стр. 1017, прим. 1.

²⁾ Сиб. духовн. вѣстн., 1897 г., № 51—52, стр. 1016—1017.

ПИСАТЕЛЬ-ХРИСТИАНИНЪ.

(Къ пятидесятилѣтію со дня смерти Н. В. Гоголя).

Наступаетъ годовщина со дня оффиціально заявленія Св. Синодомъ неправомыслія „великаго писателя земли Русской“ гр. Л. Н. Толстого.

Тяжело переживается данный фактъ всѣми, безъ различія, сынами Православной Церкви: еще одинъ сынъ ушелъ изъ отчого двора „на страну далече“, и сынъ наиболѣе одаренный талантами... Надъ нашими писателями, говорилъ нѣкогда знаменитый покойный Херсонскій архипастырь-вигія Никаноръ, какъ будто рокъ какой тяготѣетъ: рѣдко кто изъ нихъ, хотя бы на короткое время, не послужилъ литературными дарами невѣрію и вольномыслію. Но, припомнимъ въ утѣшеніе себѣ, почти всѣ они въ концѣ концовъ послѣдовали примѣру евангельскаго блуднаго сына и въ раскаяніи...

Съ какою же отрадою въ наши дни мысль останавливается также на великомъ писателѣ земли русской, „безпримѣрномъ гени“ Николаѣ Васильевичѣ Гоголѣ, пятидесятилѣтняя годовщина со дня смерти котораго воспоминается нынѣ всей грамотной Россіей! Поучительное совпаденіе. Съ одной стороны писатель „съ ревностью фанатика проповѣдующій ниспроверженіе всѣхъ догматовъ православной Церкви и самой сущности вѣры христіанской“, съ другой—отдавшій всего себя служенію религіозной идеѣ, христіанскій подвижникъ, который „писалъ, по собственному признанію, ради спасенія своей души, какъ нѣкогда святые совершали подвижничество“.

Всякій человѣкъ оцѣнивается съ той стороны, насколько онъ посвящаетъ свои силы служенію тому или другому добродѣлу: для однихъ людей ихъ личное благополучіе начало и конецъ стремленій и заботъ; все остальное лишь средство

для него; для другихъ—личная жизнь средство для осуществленія нравственной задачи. Христіанское настроеніе и выражается въ постоянномъ перенесеніи центра стремленій съ своего я на другое: послѣдователь Христа долженъ отвергнуться себя и, взявши крестъ свой, слѣдовать за Нимъ. Но и среди христіанъ возможны и постоянно бывають различныя степени въ осуществленіи идеала: одни стремятся совмѣстить и личную жизнь и служеніе добру, другіе берутъ на себя подвигъ полнаго самоотреченія, который заповѣданъ Спасителемъ особенно избраннымъ натурамъ. Гоголь принадлежалъ къ послѣднимъ: у него личной жизни не было,—всего себя безраздѣльно онъ отдалъ на благо людямъ, въ служеніи которымъ, по его убѣжденію, состоитъ Богомъ данное назначеніе человѣка на землѣ. Принести пользу человѣчеству и тѣмъ самымъ подготовить себя къ будущей жизни со Христомъ—вотъ то безцѣнное сокровище, на приобрѣтеніе котораго нашъ великій меланхоликъ отдалъ всю свою жизнь съ ея гениальными силами.

„Даже при самомъ поверхностномъ отношеніи къ великому человѣку, по словамъ одного мыслителя, мы все таки кое-что выигрываемъ отъ соприкосновенія съ нимъ. Онъ—источникъ жизненнаго свѣта, близость котораго всегда дѣйствуетъ на человѣка благотельно“. Понятно послѣ сказаннаго, въ какой мѣрѣ слова эти справедливы въ примѣненіи къ личности Гоголя. Краткая даже рѣчь о его душевномъ мірѣ, столь богатомъ христіанскимъ настроеніемъ, думаемъ, не будетъ лишней для читателей нашихъ.

I.

Во вторую половину своей жизни Гоголь вдохновенными строками призывалъ всѣхъ забирать „изъ мягкихъ юношескихъ лѣтъ въ суровое ожесточающее мужество всѣ человѣческія движенія“. „Счастливы тотъ, кто найдетъ цѣну воспоминанію о дняхъ минувшихъ, о дняхъ счастливаго дѣт-

ства“¹⁾—писаль онъ еще раньше. Такими словами благодарно вспоминаетъ поэтъ свои дѣтскіе годы въ родной семьѣ, которые положили задатки его религіозно-нравственнаго настроенія, давшіе въ послѣдствіи такіе богатые плоды. Воспитателемъ его въ данный періодъ была его мать Марія Ивановна Гоголь—эта рѣдкая по своимъ душевнымъ качествамъ женщина. Глубокорелигіозная сама, съ поэтическимъ складомъ души, какъ о ней отзывается лично знавшій ее С. Т. Аксаковъ, она въ религіозномъ духѣ воспитала своего гениальнаго сына. „Я очень помню, писалъ онъ къ ней на 24 г. своей жизни, какъ меня воспитывали. Дѣтство мое донынѣ представляется мнѣ“. И съ особенно любовной благодарностью останавливается онъ на томъ моментѣ, когда его мать трогательнымъ рассказомъ о страшномъ судѣ „потрясла и разбудила въ немъ всю чувствительность и произвела въ послѣдствіи самыя высокія мысли“²⁾. М. И. Гоголь, какъ извѣстно, еще въ ожиданіи дитяти дала обѣтъ Богу построить послѣ благополучнаго разрѣшенія родовъ въ своей деревнѣ Васильевкѣ храмъ. Послѣ рожденія сына Николая она при живомъ сочувствіи и помощи своего мужа исполнила обѣтъ: деревня Васильевка сдѣлалась селомъ, сама Марія Ивановна посвятила всю свою жизнь на благоуукрашеніе ею созданнаго дома Божьяго. Воспитанный такою матерью, одаренный особенной восприимчивостью и чуткостью ко всему окружающему, Гоголь поступаетъ въ 1821 году въ Нѣжинскую гимназію высшихъ наукъ, въ которой остается до 1828 года. Годы юности—для хорошихъ натуръ—пора благородныхъ мечтаній, и, быть можетъ, никогда съ такой опредѣленностью не сказывается нравственная природа наша, какъ въ этотъ „золотой періодъ“ жизни... Гоголь является предъ нами юношей съ высокимъ религіозно-нравственнымъ настроеніемъ. На четвертомъ году его Нѣжинской жизни умираетъ горячо любимый

¹⁾ Соч. Н. В. Гоголя, изд. X, томъ III, стр. 125, VI, 454.

²⁾ Письма Н. В. Гоголя, изд. А. Ф. Маркса, т. I, стр. 259.

всей семьей отецъ Гоголя. Последнему было въ это время 16 лѣтъ. Поэту впервые пришлось встрѣтиться съ горемъ личной жизни, и здѣсь впервые со всей силой обнаружилась религіозность его. То чувство преданности волѣ Божіей и покорности провидѣнію, которыми отличалась сама Марія Ивановна, въ полной мѣрѣ унаслѣдовалъ ея сынъ. „Не безпокойтесь, писалъ онъ по полученіи извѣстія о смерти отца ¹⁾, дражайшая маменька! Я сей ударъ перенесъ съ твердостью истиннаго христіанина... Благословляю тебя, священная вѣра! Въ тебѣ только я нахожу источникъ утѣшенія и утоленія своей горести“. Сознаніе и чувство зависимости отъ Бога, Который „имѣеть о насъ свое особое попеченіе“, никогда не покидало юношу Гоголя ²⁾.

Къ внутреннимъ непостижимымъ особенностямъ гениальной природы принадлежитъ, по мнѣнію эстетиковъ, раннее сознаніе своихъ силъ хотя бы наперекоръ прозаической дѣйствительности. Только этимъ можно объяснить ту широту благородныхъ мечтаній, которую мы видимъ въ юношѣ Гоголѣ, выдающемся ученикѣ Нѣжинской гимназіи. Мысль погибнуть въ безвѣстности ледѣнила сердце Гоголя, и въ его душѣ рано начинаютъ роиться планы будущей дѣятельности. И не слава и богатство манить поэта, а стремленіе и жажда принести возможно больше пользы человѣчеству, „сдѣлать жизнь свою нужною для блага государства и для человѣчества“. „Что касается до меня, пишетъ шестнадцатилѣтній сынъ своей матери, то я совершу свой путь въ семь мѣрѣ, и если не такъ, какъ предназначено великому человѣку, по крайней мѣрѣ буду стараться сколь возможно быть таковымъ“. „Мысль объ отцѣ, пишетъ 18-лѣтній юноша, одушевляетъ меня часто въ моемъ трудномъ жизненномъ пути. Я заглядываю въ его образъ, и тогда испытую свои силы для поднятія труда важнаго, благороднаго на пользу отечества, для счастья гражданъ, для бла-

¹⁾ Письма, I, 162.

²⁾ Ibid., I, 171 и др.

га жизни подобныхъ“. Благу міра, говорить поэтъ не разъ, посвящена жизнь моя, которую я хочу означить однимъ „благодѣяніемъ, одною пользою отечества“¹⁾. Къ разсматриваемому періоду относится, какъ извѣстно, раннее произведеніе Гоголя—идиллія „Ганць Кюхельгартенъ“. Въ этомъ слабомъ въ общемъ, но, по выраженію авторитетныхъ цѣнителей, не лишенномъ „живыхъ стиховъ и въ подробностяхъ настоящей поэзіи“, въ поэтической формѣ изображены вышеприведенныя мысли писемъ: та же рѣчь о желаніи блага и добра...

Какъ и для большинства людей того времени, Гоголю сѣверная столица казалась мѣстомъ наиболѣе благопріятнымъ для осуществленія его юношескихъ мечтаній: въ 1828 году онъ переѣзжаетъ въ Петербургъ.

Трудно представить большее разочарованіе, чѣмъ какое постигло Гоголя на первыхъ шагахъ Петербургской жизни. Несознававшій въ себѣ *литературнаго* дарованія, Гоголь ищетъ себѣ службы въ департаментахъ и канцеляріяхъ. Матеріальная необезпеченность, неудовлетворенность служебными интересами, которые, по его выраженію, вытравливали душу—вотъ чѣмъ встрѣтилъ Петербургъ благороднаго мечтателя, сына благодатной Украины... Тѣмъ больше вызываетъ къ себѣ уваженіе нравственная личность Гоголя: выступивши на свою истинную дорогу художественнаго творчества послѣ такихъ разочарованій, онъ не измѣняетъ своимъ юношескимъ взглядамъ. Наоборотъ. Теперь найденъ тотъ многоплодный путь, которымъ нужно итти въ осуществленіи назначенія челоуѣка—*путь служенія людямъ гениальнымъ литературнымъ даромъ.*

II.

Цѣль высшаго рода искусства—художественнаго творчества состоитъ въ томъ, чтобы, по выраженію поэта, пробуждать въ людяхъ добрыя чувства и тѣмъ самымъ вести ихъ на путь добра и правды. Образцовыя произведенія поэтовъ,

¹⁾ Письма, I, 88; I, 68 и др.

способны доставлять намъ самыя чистыя удовольствія, возвышаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ мысль, располагаютъ волю къ добру, отрѣшая отъ обыденной суеты, которая такъ сильно вѣдается въ нашу жизнь. Каждый писатель выполняетъ данную задачу соответственно спеціальнымъ качествамъ своего художественнаго дарованія, тѣмъ качествамъ, которыя при общихъ чертахъ всякой гениальной натуры (наблюдательность, память, воображеніе) составляютъ его индивидуальность.

Въ русской, а по словамъ людей знающихъ, и во всемирной литературѣ, нѣтъ такого писателя, который бы такъ высоко смотрѣлъ на искусство, какъ Гоголь. И именно своимъ религіознымъ отношеніемъ къ данному ему дарованію нашъ поэтъ видѣляется на совершенно одинокую высоту. Не такъ давно слышались частыя рѣчи о происшедшемъ будто-бы переломѣ въ душевномъ настроеніи Гоголя, послѣ котораго онъ изъ писателя-художника сдѣлался религіознымъ аскетомъ мистикомъ, а услужливая медицина сводила и сводитъ все дѣло на того или другого вида психическую болѣзнь. Теперь никто, хотя поверхностно ознакомившійся съ произведеніями Гоголя въ связи съ его многочисленными письмами, не станетъ серьезно утверждать о душевномъ кризисѣ, раздѣлившемъ жизнь его на два отличные періода. Теперь, наоборотъ, утверждаютъ, что въ развитіи его міросозерцанія и настроенія видна строгая послѣдовательность¹⁾. Въ личности Гоголя поэтъ и челоуѣкъ составляли одно неразрывное цѣлое во всѣ періоды его жизни, и точно также во всѣ періоды жизни самую существенную черту его душевнаго міра составляла религіозность. По словамъ перваго біографа Гоголя (Кулиша), „его не могло удовлетворить развитіе въ себѣ одного худо-

---

¹⁾ См. „Матеріалы для біографіи Гоголя“ В. И. Шенрока, М., 1892 г., т. I, 1 и 2 главы; III, 53; IV, 13 и сл. „Исторія Русской литературы“ А. Н. Пыпина. Спб., 1899 г., т. IV, стр. 486 и сл. „Этюды и характеристика“ Алексѣя Веселовскаго. М., 1894 г., гл. „о Мертвыхъ душахъ“, и другія сочиненія.

жественнаго таланта, что для многихъ гениевъ служить конечной цѣлью ихъ всѣхъ стремленій. Въ его натурѣ заключена была особенная тоска по иной жизни, никогда не дававшая ему успокоиться надолго. Эту тоску онъ чувствовалъ, не зная ея имени, уже въ четырехлѣтнемъ возрастѣ, и она же томила его потомъ въ минуты величайшихъ художественныхъ созерцаній. Изъ этихъ двухъ началъ—ясновидѣнія земной жизни и стремленія къ жизни лучшей—развивается вся исторія существованія Гоголя¹⁾, развивается въ силу указанной выше неразрывности его личности, вся исторія его поэзіи. „Поэзія есть чистая исповѣдь души, поэзія есть правда ея“, писалъ въ своей перепискѣ съ друзьями Гоголь¹⁾, и своею личностью особенно подтвердилъ справедливость этихъ словъ.

У Гоголя немало спеціальныхъ разсужденій по основному вопросу эстетики—о значеніи искусства, начиная съ его ученической работы „О томъ, что требуется отъ критики“ и кончая цѣлыми трактатами въ его „Перепискѣ съ друзьями“, не говоря уже объ удивительной повѣсти его „Портретъ“²⁾. Склонные ограничивать компетентность художника областью его творчества, мы нерѣдко готовы уличать нашихъ писателей въ слабости теоретическаго мышленія. Гоголю въ этомъ отношеніи наиболѣе посчастливилось... А между тѣмъ сколько цѣнныхъ и глубокихъ и для нашего времени мыслей находимъ мы у него въ указанныхъ работахъ! „Человѣкъ, встрѣчая красоту на землѣ, вспоминаетъ объ истинной красотѣ, окрыляется и горитъ желаніемъ летѣть къ ней,—но, въ своемъ безсиліи онъ поднимаетъ глаза къ небу“. Эти слова древняго мудреца Платона повторяются въ трактатахъ объ искусствѣ. А у Гоголя эта мысль, просвѣтленная въ своей туманности свѣтомъ Христовой вѣры, составляетъ основу его взглядовъ. Искусство

¹⁾ Соч. IV, 236.

²⁾ Соч., т. IV-й, гл.: О томъ, что такое слово, Объ Одиссеѣ, перевод. Жуковскимъ, О лиризмѣ нашихъ поэтовъ, Предметы для лирическаго поэта въ нынѣшнее время, четыре письма по поводу „Мертвыхъ душъ“ и др.

это путь, которымъ художникъ ведетъ людей къ Богу, въ вѣчную обитель красоты, добра и правды. „Намекъ о божественномъ, небесномъ раѣ заключенъ для человѣка въ искусствѣ, и потому одному оно уже выше всего. И во сколько разъ торжественный покой выше всякаго волненія мірскаго; во сколько разъ твореніе выше разрушенія; во сколько разъ ангель одной только чистой невинностью свѣтлой души своей выше всѣхъ несмѣтныхъ силъ и гордыхъ страстей сатаны, во столько разъ выше всего, что ни есть на свѣтѣ, высокое созданье искусства“ ¹⁾. Благодаря такому значенію искусства— „оно есть примиреніе съ жизнью. Во время чтенія (худож. произв.) душа исполняется стройнаго согласія, а по прочтеніи удовлетворена: ничего не хочется, ничего не желается, не подымается въ сердцѣ негодованья противу брата, но скорѣй въ немъ струится елей всепрощающей любви къ брату“ ²⁾... Въ такія торжественныя минуты человѣкъ видитъ во всемъ зародыши вѣчной жизни, вѣчно лучшаго будущаго, которое готовитъ міру его вѣчный Творецъ ³⁾. Если таково значеніе искусства, то оно есть и „поученіе“ ⁴⁾, а долгъ писателя улучшать душу людей ⁵⁾.

Основная цѣль искусства достигается, говорили мы, всякимъ художникомъ соотвѣтственно особеннымъ чертамъ его дарованія. Такими качествами дарованія Гоголя были—лиризмъ и юморъ, въ которыхъ нашли свое выраженіе два начала его душевнаго міра—„ясновидѣніе земной жизни и стремленіе къ жизни лучшей“. При исключительной чуткости своей нравственной природы Гоголь видѣлъ пошлость окружающей его жизни—какъ общественной, такъ и частной—даже и тамъ, гдѣ обычные люди не замѣчали ея, и во имя жившаго въ его душѣ идеала добра энергично выступилъ на борь-

¹⁾ „Портретъ“, II, 83.

²⁾ „Переписка“, IV, 283 (письмо къ В. А. Жуковскому).

³⁾ „Римъ“, II, 155.

⁴⁾ IV, 182.

⁵⁾ Завѣщаніе, IV, 8.

бу съ нею силою своего гениальнаго смѣха. „Сатирическіе наши писатели, писалъ Гоголь, нося въ душѣ своей, хотя еще и неясно, идеаль уже лучшаго русскаго человѣка, видѣли ясиѣе все дурное и низкое дѣйствительно—русскаго человѣка. Сила негодованія благороднаго давала имъ силу выставять ярче ту же вещь, нежели какъ ее можетъ увидѣть обыкновенный человѣкъ“¹⁾. Слова эти наиболѣе примѣнимы къ нашему великому сатирику. „Безъ глубокой сердечной исповѣди, безъ христіанскаго сознанія грѣховъ своихъ, безъ преувеличенія ихъ въ собственныхъ нашихъ глазахъ, не въ силахъ мы возвыситься надъ ними“ говоритъ Гоголь устами Николая Николаевича „Развязки ревизора“. Отсюда—„если выставить всю дрянь, какая ни есть въ человѣкѣ, и выставить ее такимъ образомъ, что всякій изъ зрителей получить къ ней полное отвращеніе—развѣ это не похвала всему хорошему, развѣ это не похвала добру?“²⁾—На борьбу съ вошлостью и зломъ выступилъ Гоголь силою сатиры. Но не проходила безслѣдно эта борьба для душевнаго настроенія самого поэта: зло болѣзненно поражало его „чуткій какъ струна организмъ“³⁾. Великій ратоборець добра болѣлъ душею при встрѣчѣ со зломъ. Вотъ источникъ „видимаго смѣха сквозь незримыя міру слезы“.

„Что польза поразить позорнаго и порочнаго, выстави его на видъ всѣмъ, если не ясенъ въ тебѣ самомъ идеаль ему противоположнаго прекраснаго человѣка? Какъ выставять недостатки и недостойнство человѣческое, если не задалъ самому себѣ запроса: въ чемъ же достоинство человѣка? и не далъ на это себѣ сколько-нибудь удовлетворительнаго отвѣта... Какъ осмѣивать исключеніе, если еще не узналъ хорошо тѣ правила, изъ которыхъ выставляешь на видъ исклю-

¹⁾ IV, 206.

²⁾ II, 341, 346, 347 и др. Къ этимъ мыслямъ Гоголь возвращается очень часто. См. III, 130—132, 224, 287; II, 496 и мн. др.

³⁾ Выраж. проф. А. Веселовскаго, см. „На могилѣ Гоголя“ въ цит. соч.

ченья? Это будетъ значить разрушить старый домъ прежде, чѣмъ имѣешь возможность выстроить на мѣсто его новый. Но искусство не разрушеніе. Въ искусствѣ таятся сѣмена созданія. Подъ звуки Орфеевой лиры строились города“. Такъ ставитъ Гоголь вторую задачу сатирическому писателю ¹⁾. И въ выполненіи этой задачи, по словамъ его самого, долженъ послужить всякому писателю лиризмъ. Поэтъ силою своего лирическаго воодушевленія долженъ такъ представить намъ „высокаго человѣка“, чтобы созерцаніемъ „насквозь просвѣтлится зритель“. „Воззови, говоритъ Гоголь поэту лирику, въ видѣ лирическаго сильнаго воззванія, къ прекрасному, но дремлющему человѣку. Брось ему съ берега доску и закричи во весь голосъ, чтобы спасалъ свою бѣдную душу... Возвеличь въ торжественномъ гимнѣ высокую душу такъ, чтобы высота ея какъ святныя засіяла у всѣхъ въ глазахъ, и каждому захотѣлось бы быть таковымъ.—Само собою понятно, что въ этой лирической работѣ поэтъ приходитъ въ соприкосновеніе съ источникомъ всего высокаго—Богомъ. „Лиризмъ уже ни къ чему не можетъ возноситься, какъ только къ одному верховному источнику своему—Богу. Онъ суровъ, онъ пугливъ; ему приторно все, что ни есть на землѣ, если только онъ не видитъ на немъ напечатлѣнія Божьяго“.

Безсмертныя произведенія Гоголя „Ревизоръ“, „Мертвыя души“ и др.—художественное осуществленіе его теоретическихъ взглядовъ на значеніе сатиры. А его необычайный лиризмъ нашелъ свое выраженіе въ его повѣстяхъ „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“, „Миргородъ“ и др., изъ которыхъ нѣкоторыя (Страшная месть, Тарасъ Бульба), по выраженію Бѣлинскаго, могутъ „служить показаніемъ, до какой силы способенъ достигнуть талантъ человѣка“. Нечего говорить о томъ, въ какой степени справедливы слова Гоголя о высокомъ значеніи искусства въ примѣненіи къ указаннымъ сочиненіямъ!...

¹⁾ IV томъ. См. „Предметы для лирическаго поэта въ нынѣшнее время“. См. также „Авторскую исповѣдь“.

Но положительной задачи, какую ставилъ Гоголь сатирику, и въ которой долженъ проявиться со всею силою поэтической лиризмъ, не пришлось выполнить нашему поэту съ такою полнотою, съ какою хотѣлось ему: 2-й томъ „Мертвыхъ душъ“ погибъ въ каминѣ. Здѣсь подходимъ мы къ высокому трагизму въ душевной судьбѣ Гоголя, который вѣнчаетъ главу его ореоломъ мученика, христіанскаго подвижника, равнаго которому нѣтъ во всемірной литературѣ...

III.

Однимъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ въ нравственной жизни человѣка служить вопросъ объ отношеніи задачи личнаго нравственнаго совершенствованія къ общему благу. Въ области человѣческой мысли онъ отразился двумя противоположными ученіями: по однимъ исключительная забота о своемъ совершенствѣ—виѣ отношенія къ благу другихъ людей—цѣль человѣческой жизни; по другимъ—забота о пользѣ для нашихъ ближнихъ виѣ отношенія къ личному совершенствованію должна занимать человѣка. Тотъ же вопросъ, примѣненный къ условіямъ общественной жизни и тѣмъ самымъ нѣсколько суженный, формулируется такъ: чему должно быть отдано предпочтеніе въ дѣлѣ общественнаго нравственнаго прогресса—душевному ли настроенію отдѣльныхъ людей или учрежденіямъ, изъ которыхъ образуется, то, что мы называемъ укладомъ жизни. Одни говорятъ въ соотвѣтствіи съ рѣшеніемъ предыдущаго вопроса: все дѣло въ личныхъ душевныхъ качествахъ, потому что каковы бы ни были учрежденія, они не принесутъ добра при дурныхъ людяхъ, въ дѣятельности которыхъ воплощается жизнь учреждений. Другіе говорятъ: весь прогрессъ общества зависитъ отъ качества учреждений, которыми гарантируются права личности, создаются благоприятныя условія для дѣятельности отдѣльныхъ людей. Христіанская религія указываетъ истину въ синтезѣ началъ личнаго совершенства и общаго блага. Христіанство учитъ: задача че-

ловѣческой жизни состоитъ въ постоянномъ нравственномъ улучшеніи по Высочайшему Образцу, но такое не только достигается, но и находитъ свое выраженіе въ любви къ ближнимъ до готовности пожертвовать собою. Значить, съ христіанской точки зрѣнія личное совершенствованіе, отрицающее заботу о ближнемъ,—не истинное совершенствованіе, но въ то же время служеніе людямъ, не соединенное съ стремленіемъ быть лучшимъ, не дастъ благихъ результатовъ. Въ соотвѣтствіи съ такимъ рѣшеніемъ поставленнаго вопроса рѣшается и споръ о значеніи въ общественной жизни учреждений. Безъ хорошихъ людей никакія учрежденія не создадутъ рая. Но при всемъ томъ, укладомъ жизни создается благоприятная атмосфера для исканія единого на потребу—Царства Божія, а этимъ, очевидно, игнорировать нельзя, если дороги успѣхи добра на землѣ...

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній возвращаемся къ характеристикѣ религіозно-нравственнаго міросозерцанія и настроенія Гоголя.

Недовольство земною жизнью и стремленіе къ жизни лучшей, нашедшія свое основаніе въ ученіи о Богѣ Судьѣ и Мздовоздаятелѣ,—вотъ что составляло отъ дней дѣтства существенное содержаніе душевной жизни Гоголя. Вполнѣ понятнымъ послѣ этого становится постоянное и неизмѣнное стремленіе Гоголя къ личному нравственному совершенству, а также склонность къ аскетизму. Идея нравственнаго возрожденія—личное дѣло Гоголя—съ самаго начала литературной дѣятельности его сдѣлалась главною мыслью его произведеній. Переживая вмѣстѣ съ Гоголемъ переходы его душевнаго состоянія, означенная идея ярко отразилась въ постоянной обработкѣ его типовъ, что было не разъ замѣчено его біографами и критиками.

Необходимымъ воплощеніемъ христіанской идеи личнаго совершенства была для Гоголя его литературная дѣятельность—обличеніе пороковъ и пошлости людской. Мы не видимъ никакого основанія разграничивать до взаимнаго отрицанія въ душевномъ настроеніи Гоголя періода „Ревизора“ и „Мерт-

выхъ душъ“ подвигъ личнаго совершенствованія, съ одной стороны,—и „безкорыстную борьбу за добро“ путемъ осмѣянія зла во всѣхъ его проявленіяхъ, съ другой¹⁾. Нѣтъ. Гоголь стремился осуществить данное ему Богомъ назначеніе на землѣ—служить добру—въ личной своей жизни, и въ выполненіи этого назначенія пришелъ къ служенію людямъ путемъ своего литературнаго дара: одно было неразрывно съ другимъ.

Если въ жизни Гоголя нельзя видѣть какіе-либо рѣзко обособленные періоды, то нельзя отрицать въ то же время особое значеніе нѣкоторыхъ событій, наклонявшихъ его душевный міръ въ одну сторону. И среди такихъ событій исключительное, думаемъ, имѣетъ значеніе пріемъ публикой его „Ревизора“. Гоголь встрѣтилъ со стороны близорукой толпы, раздраженной постановкой зеркала для ея „кривой рожи“, обычную плату—неблагодарность. Въ письмахъ къ Щепкину и Пушкину мы слышимъ искренній крикъ сердечной боли художника. Но эти обычные для геніевъ челоувѣчества терніи еще не такъ тяжелы для нихъ. Въ отношеніи къ душевному настроенію Гоголя дѣло обстояло иначе. Оцѣнивая свою литературную дѣятельность съ исключительно этической точки зрѣнія,—насколько она полезна для ближнихъ,—Гоголь, послѣ ожесточеннаго пріема его безсмертной комедіи, впалъ въ самое тяжелое раздумье, точно ли онъ стоитъ на правильной дорогѣ, не создаетъ ли онъ смѣхомъ какъ разъ противоположныя своимъ намѣреніямъ дѣйствія. Въ результатѣ этого душевнаго процесса является твердое намѣреніе, въ дополненіе къ осмѣянію зла, указать въ столь же художественной формѣ читателямъ на тѣ идеалы добра, къ которымъ должны стремиться люди,—зарождаются мечты о 2 и 3 томахъ Мертвыхъ душъ, гдѣ лиризмъ поэта, казалось, найдетъ свое полное примѣненіе въ созданіи положительныхъ типовъ. Гоголь

¹⁾ Какъ то дѣлаетъ А. Н. Пыпинъ вслѣдъ за Г. Анненковымъ. См. „Исторія русской литературы“, гл. XLIV.

послѣ „Ревизора“ писалъ I томъ своей знаменитой поэмы, но анализъ душевный въ сказанномъ направленіи уже сопровождалъ его творчество и нашель свое выраженіе въ извѣстныхъ т. н. лирическихъ отступленіяхъ.

Общимъ мѣстомъ въ литературной критикѣ сдѣлалось то положеніе, что въ Гоголѣ послѣ I т. „М. д.“ замѣчается постепенное паденіе таланта. При всемъ томъ положеніе нуждается въ нѣкоторой поправкѣ. Роковой ошибкой Гоголя послѣдняго періода его жизни было то, что онъ, при спеціальныхъ дарованіяхъ своихъ, въ которыхъ главенствующее значеніе имѣлъ смѣхъ, принялся за выполненіе задачи, которая не соотвѣтствовала имъ. „Писатель потерялъ дорогу. Если отъ простаго изображенія жизни, которое было диктовано ему внушеніями его дарованія и чувства, онъ переходилъ въ возвышенную область религіознаго созерцанія, странно было вообще усиливаться внести это созерцаніе въ комическое произведеніе, задуманное совсѣмъ въ иныхъ условіяхъ; призывать „вѣдателя дѣйствій человѣческихъ и всѣхъ малѣйшихъ нашихъ душевныхъ тайнъ“, для того, чтобы изобразить мошенника, какъ Чичиковъ, могло быть, наконецъ, профанаціей высокаго чувства“¹⁾. Ставши въ дѣлѣ художественнаго творчества на ложную дорогу, Гоголь не сознавалъ своей ошибки: положительные типы высокой добродѣтели не рождались въ его душѣ, и эту бесплодность онъ объяснить себѣ не могъ. А мысль о томъ, что отрицательная работа уже сдѣлана имъ и ждетъ своего непремѣннаго восполненія и примѣненія, тяжелымъ кошмаромъ давила душу. Если припомнимъ при этомъ, что вся природа Гоголя была чрезвычайно нервная и болѣзненно-чуткая, если припомнимъ, далѣе, его особенно высокій взглядъ на свое литературное призваніе, то можно хотя немного открыть завѣсу надъ той душевной трагедіей, какую переживалъ въ это время великій писатель праведникъ... Съ какимъ безпокойствомъ относился Гоголь въ

¹⁾ А. Н. Пыпинъ, стр. 496.

это время къ своему здоровью! Съ ужасомъ смотрѣлъ онъ на бесплодно уходившіе годы, сознавая что силы его слабѣютъ, и что не доживетъ онъ до блаженной минуты, когда все зданіе поэмы предстанетъ въ его таинственной красѣ. „Безпечно бросился онъ когда-то въ волны необъятно разливагося потока. Наконецъ, берегъ показался на горизонтѣ. Боже! только бы доплыть! Но усталыя руки нѣмѣютъ, дыханіе спирается, безпредѣльность усилій наводитъ ужасъ, а та же узкая полоска берега по прежнему неопредѣленно сѣрѣетъ вдали“¹⁾.

Въ такой душевной борьбѣ Гоголь приходитъ къ мысли, что вся причина его безуспѣшной работы лежитъ въ несовершенствѣ его собственной природы. Чтобы вѣщать міру глаголы вѣчной любви и добра, нужно, думалъ Гоголь, прежде всего вмѣстить то и другое въ своей душѣ. Всегда жившая, какъ мы видѣли, въ его природѣ задача личнаго совершенствованія здѣсь нашла свое особенное примѣненіе. Гоголь оставляетъ на время художественное творчество и дѣлается религіознымъ подвижникомъ, всецѣло занятымъ борьбою съ недостатками своей внутренней природы.

Такъ совершался въ душѣ Гоголя нравственный процессъ, завершившійся временнымъ удаленіемъ его съ литературнаго поприща. Полное подтвержденіе даннаго воспроизведенія душевнаго развитія Гоголя находимъ въ „Авторской исповѣди“ его, на которую смотримъ, какъ на изображеніе въ дѣйствительности бывшаго, а не какъ на позднѣйшее освѣщеніе равныхъ событій. „Съ тѣхъ поръ, какъ мыѣ начали говорить, пишетъ Гоголь, что я смѣюсь не только надъ недостаткомъ, но даже цѣликомъ и надъ самымъ человѣкомъ, въ которомъ заключенъ недостатокъ, и не только надъ всѣмъ человѣкомъ, но и надъ мѣстомъ, надъ самою должностію, которую онъ занимаетъ, и увидѣлъ, что нужно со смѣхомъ быть очень осторожнымъ, тѣмъ болѣе, что онъ заразителенъ... Словомъ, я видѣлъ ясно,

¹⁾ „Этюды и характеристики“ Ал. Веселовскаго, стр. 593.

какъ дважды два четыре, что прежде, покамѣсть не опредѣлю себѣ самому опредѣлительно, ясно, высокое и низкое русской природы нашей, достоинства и недостатки наши, мнѣ нельзя приступить (къ дѣлу)¹⁾; а чтобы опредѣлить себѣ русскую природу, слѣдуетъ узнать получше природу человѣка, вообще, и душу человѣка, вообще: безъ этого не станешь на ту точку зрѣнія, съ которой видятся ясно недостатки и достоинства всякаго народа. Съ этихъ поръ человѣкъ и душа сдѣлались больше, чѣмъ когда-либо, предметомъ наблюденій. Я оставилъ на время все современное; я обратилъ вниманіе на знаніе тѣхъ вѣчныхъ законовъ, которыми движется человѣкъ и человечество вообще. Все, гдѣ только выражалось познаніе людей и души человѣка отъ исповѣди свѣтскаго человѣка до исповѣди анахорета и пустынника меня занимало, и на этой дорогѣ нечувствительно, почти самъ не вѣдая какъ, я пришелъ ко Христу, увидѣвши, что въ Немъ ключъ къ душѣ человѣка, что еще никто изъ душезнателей не восходилъ на ту высоту познанія душевнаго, на которой стоялъ Онъ. Повѣркой разума повѣрилъ я то, что другіе понимаютъ ясною вѣрой, и чѣму я вѣрилъ дотолѣ какъ-то темно и неясно. Къ этому привелъ меня и анализъ надъ моею собственной душой: я увидѣлъ тоже математически ясно, что говорить и писать о высшихъ чувствахъ и желаніяхъ человѣка нельзя по воображенію: нужно заключить въ себѣ самомъ хотя небольшую крупицу этого, словомъ—нужно сдѣлаться лучшимъ“.

И раньше и послѣ Гоголь не разъ говоритъ о томъ же душевномъ процессѣ, который только что описанъ его словами изъ „Авторской исповѣди“.

Указанная религіозно аскетическая, въ собственномъ смыслѣ слова, работа Гоголя надъ самимъ собою началась по окончаніи „Ревизора“, прогрессивно развивалась во все послѣдующее время, всецѣло заняла поэта по напечатаніи I тома „М. д.“, свое внѣшнее выраженіе нашла въ извѣстной

¹⁾ IV, 252. См. примѣч. редактора, стр. 555.

его перепискѣ съ друзьями („Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями“).

Едва ли какое сочиненіе въ русской литературѣ вызывало столько самыхъ разнообразныхъ толковъ и сужденій, какъ книга Гоголя—его переписка съ друзьями. Съ одной стороны, ее считаютъ перломъ среди всѣхъ бывшихъ твореній автора, съ другой, не находятъ словъ для возможно-унизительной характеристики ея¹⁾. Такое различіе—до противоположности—миѣній продолжается и понынѣ.

„Перечель я книгу въ третій разъ—не такъ давно писалъ гр. Л. Н. Толстой. Всякій разъ, когда я ее читалъ, она производила на меня сильное впечатлѣніе. Гоголь много сказалъ въ своихъ письмахъ, но пошлость, имъ обличенная, закричала: „онъ сумасшедшій!“, и Гоголь, нашъ Паскаль, лежитъ подъ спудомъ“. А рядомъ съ этимъ—взгляды на книгу, по которымъ она—выраженіе самаго узкаго консерватизма, отрицающаго какой-либо прогрессъ, оправдывающаго поправленіе личности и т. п., не говоря уже о множествѣ легкомысленныхъ отзывовъ...

Самое существенное содержаніе трактующей книги мы уже выше изложили. Теперь лишь кратко суммируемъ его.

Въ своихъ теоретическихъ взглядахъ авторъ „Переписки съ друзьями“ является предъ нами искреннимъ христіаниномъ православнаго исповѣданія. Его мысли о Богѣ, о Церкви, о значеніи духовенства—это мысли преданнаго сына Правосл. Церкви. Слово мистикъ въ устахъ нѣкоторыхъ людей едва не является порицаніемъ. А мы скажемъ, что Гоголь со стороны своего религіозно-нравственнаго настроенія является мистикомъ въ самомъ высокомъ смыслѣ слова. Постоянное сознаніе своей зависимости отъ Бога, предназначенія къ загробной жизни и соотвѣтственный тому взглядъ на здѣшнюю жизнь—обусловливали въ авторѣ возвышенное настроеніе, явившееся

¹⁾ Во главѣ послѣднихъ стоялъ Бѣлинскій съ своимъ извѣстнымъ письмомъ Г. отъ 15 іюля 1847 года.

иногда чуждымъ мелочамъ современной ему жизни. А это неправильно толковали, какъ высокомеріе и ханжество писателя, сбившагося съ пути...

Въ своихъ практическихъ взглядахъ Гоголь, авторъ „Переписки“, является проповѣдникомъ необходимости личнаго усовершенствованія, полагая, что только въ немъ лежитъ основа и частнаго и общественнаго прогресса. „Многіе, видя, что общество идетъ дурной дорогой, думаютъ, что преобразованіями и реформами можно поправить міръ... Мечты!... Общество образуется само собою, слагается изъ единицъ. Надобно, чтобы каждая единица исполнила должность свою... Пускай вспомнить человѣкъ, что онъ вовсе не матеріальная скотина, а высокій гражданинъ высокаго небеснаго гражданства, и до тѣхъ поръ, покуда каждый сколько-нибудь не будетъ жить жизнью небеснаго гражданства, до тѣхъ поръ не придетъ въ порядокъ и земное гражданство“—въ такихъ словахъ въ своемъ отвѣтѣ Бѣлинскому выразилъ Гоголь¹⁾ сущность практическаго міросозерцанія своей „Переписки съ друзьями“.

Отдавая должную дань разбираемой книгѣ Гоголя, мы не были бы вполне справедливыми, если бы всецѣло подписались подъ нею. Безусловно справедливый въ своихъ теоретическихъ взглядахъ, стоящій (въ основномъ пунктѣ) на правильномъ пути и въ практическомъ своемъ міросозерцаніи, авторъ „Переписки“ въ увлеченіи нравственнымъ индивидуализмомъ дошелъ до того, что не придавалъ должнаго значенія формамъ общественной жизни. А ими, какъ говорили мы выше, гарантируется право личности, создается благоприятная для того же нравственнаго совершенствованія атмосфера. Формы общественной жизни помимо того дѣйствуютъ воспитательнымъ образомъ и на улучшение отдѣльныхъ лицъ.

Ожесточенное отношеніе къ „Перепискѣ съ друзьями“, превзошедшее съ этой стороны отношеніе къ „Ревизору“, гу-

¹⁾ „Жизнь и труды М. П. Погодина“, Н. Барсукова. Спб., 1884 г., стр. 615.

бительнымъ образомъ дѣйствовало на болѣзненный отъ природы физическій организмъ Гоголя и болѣе и болѣе отдавало его отъ текущихъ событій современной ему жизни... Великій писатель всецѣло погрузился въ свой душевный мѣръ, всецѣло отдался „душевному строенію“, надѣясь при всемъ томъ снова выступить на литературное поприще съ возвышенными типами,—съ старымъ знакомцемъ Плюшкинымъ, но который долженъ будетъ говорить міру неслыханныя рѣчи¹⁾.. А физическій организмъ между тѣмъ постепенно разрушался, и люди близкіе видѣли уже „начало конца“.

То мнѣніе, по которому Гоголь, занявшись своимъ душевнымъ міромъ, навсегда оставилъ мысль о литературной дѣятельности, безусловно несправедливо. Высокая задача, при выполненіи которой русскіе люди должны почувать „въ смущенномъ трепетѣ величавый громъ другихъ рѣчей“²⁾, въ данный періодъ, быть можетъ, наиболѣе сознавалась Гоголемъ. Въ многочисленныхъ письмахъ этого періода очень часто повторяется та мысль, что только тогда Гоголь получитъ хотя небольшое удовлетвореніе отъ исполненія возложенной на него свыше задачи, когда его поэма завершится образами, созданными „инымъ ключомъ вдохновенія“... Для выполненія этой цѣли и удалился авторъ въ тѣсную келію аскета подвижника, работа котораго безусловно, по мысли Гоголя, должна предшествовать творческому созданію. Въ связи съ этимъ стоитъ и его путешествіе въ Палестину. При своемъ возвышенномъ мистицизмѣ Гоголь значительно раньше конца сороковыхъ годовъ пришелъ къ намѣренію посѣтить „Святую землю“, чтобы на мѣстѣ жизни Богочеловѣка ощутительнѣе войти въ общеніе съ Нимъ. Осуществленіе этого намѣренія ставится теперь необходимымъ условіемъ выполненія художественныхъ замысловъ. „Одною изъ главныхъ причинъ моего путешествія къ Святымъ мѣстамъ было желаніе искренно помолиться и испросить благословеній на честное исполненіе

¹⁾ IV, 73.

²⁾ III, 132.

должности, на вступленіе въ жизнь, у Самого Того, Кто открылъ намъ тайну жизни, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда проходили стопы Его, поблагодарить за все, что ни случилось въ моей жизни, испросить дѣятельности и напутственнаго освѣженія на дѣло, для котораго я себя воспитывалъ и къ которому приготавливалъ себя“ — писалъ Гоголь въ своей Исповѣди¹⁾. Свое письмо къ Жуковскому объ искусствѣ онъ заканчиваетъ такъ: „итакъ, благословясь и помолясь, обратимся же сильнѣе, чѣмъ когда-либо прежде, къ нашему милому искусству. Что касается до меня, то, отложивши все прочее на будущее время (когда Богъ удостоитъ быть достойнымъ сколько-нибудь того), хочу заняться крѣпко „Мертвыми душами“. Съѣзжу въ Іерусалимъ (что стало даже и совѣстно не сдѣлать); поблагодарю, какъ сумѣю, за все бывшее; помолюсь, да укрѣпится душа и соберутся силы, и съ Богомъ за дѣло...“²⁾ Въ первой половинѣ 1848 года, наконецъ, состоялась давно желанная поѣздка въ Іерусалимъ, а во второй половинѣ апрѣля того же года Гоголь прибылъ уже обратно въ Одессу³⁾...

И тяжело и радостно останавливаться на послѣднихъ годахъ жизни Гоголя: тяжело по человѣческому сужденію присутствовать при послѣднихъ дняхъ видимо умирающаго дорогаго писателя; и при всемъ томъ смерть Гоголя—высокое торжество христіанскаго идеализма, которое дѣлаетъ его, по выраженію С. Т. Аксакова, „мученикомъ высокой мысли, мученикомъ нашего времени и въ то же время мученикомъ христіанства“⁴⁾. Не помню гдѣ, тотъ же писатель, способный по своему настроенію понять Гоголя, прекрасно выразился, что въ послѣдніе годы душевная жизнь Гоголя достигла такой высоты, что тѣлесная оболочка не могла уже существовать для него. Дѣйствительно, въ послѣдніе годы Гоголь до такой степени переселился въ „иной міръ“, что нѣкоторымъ его зна-

¹⁾ IV, 274.

²⁾ IV, 283—284.

³⁾ См. 4-й томъ „Матеріаловъ для біографіи Гоголя“ В. И. Шенрока.

⁴⁾ „Исторія моего знакомства съ Гоголемъ“. М., 1890 г., стр. 200

комымъ страшно было видѣть его среди живыхъ и „по живому“ настроенныхъ людей...

Художественные планы Гоголя не сбылись: 2-й томъ его „Мертвыхъ душъ“ не лишенный конечно многихъ, достойныхъ автора 1 тома „М. д.“, страницъ, въ общемъ оказался вымученнымъ произведеніемъ, въ которомъ мысль покорила образъ. И прежде всего, данное произведеніе не удовлетворило самого Гоголя,—не удовлетворило его и какъ художника и какъ идеалиста. „Никто изъ русскихъ писателей не ставилъ такъ высоко для себя идеала, не былъ преданъ ему такъ страстно, не выносилъ для него такой мучительной бѣорьбы, какъ Гоголь“¹⁾. Отсюда понятна та трагедія, которая произошла въ домѣ гр. Ал. П. Толстого, послѣдней квартирѣ Гоголя, на первой недѣлѣ Великаго поста 1852 года. „На этой недѣлѣ ночью онъ велѣлъ своему мальчику раскрыть печную трубу и затопить печку; положилъ въ нее большую кипу своихъ сочиненій и сжегъ ихъ. Мальчикъ возражалъ ему: „Зачѣмъ вы это дѣлаете? можетъ, они пригодятся еще“; но Гоголь его не слушалъ; а когда почти все сгорѣло, онъ долго сидѣлъ задумавшись, потомъ заплакалъ“...

Мысль о собственной смерти глубоко запала въ душу Гоголя въ это время. На масляницѣ 1852 года онъ исповѣдался и причастился Св. Таинъ. Всю недѣлю ходилъ въ церковь, молился весьма много и необыкновенно тепло, отъ пищи воздерживался до чрезмѣрности... Первую недѣлю поста Гоголь провелъ въ напряженномъ молитвенномъ ожиданіи смерти. „Надобно же умирать, и я уже готовъ и умру“, говорилъ онъ въ это время другу своему Хомякову. Когда окружающіе его для разсѣянности начинали съ нимъ говорить о предметахъ весьма близкихъ, которые не могли не занимать его прежде, онъ возражалъ съ благоговѣйнымъ изумленіемъ: „что это вы говорите? можно ли разсуждать объ этихъ вещахъ, когда я готовлюсь къ такой страшной минутѣ?...“

¹⁾ А. Н. Пыпинъ, цит. соч., 501 стр.

Въ 8 часовъ утра въ четвергъ на первой седмицѣ Великаго поста 21 февраля 1852 года Гоголя не стало. Лицо умершаго выражало не страданіе и не спокойствіе, а ясную мысль, унесенную съ собою за гробъ...

Похороны Гоголя происходили 24 февраля. Былъ ясный, солнечный, но морозный день. Послѣ отпѣванія въ университетской церкви гробъ былънесенъ профессорами, а затѣмъ до самаго кладбища Даниловскаго монастыря несли его студенты. Проводить Гоголя стеклась многотысячная толпа. Но никто изъ родныхъ не успѣлъ прибыть къ этому дню изъ далекой Малороссіи. Одинъ юноша, писатель, горячій поклонникъ Гоголя, почти не знавшій его лично, но присутствовавшій на похоронахъ, явился первымъ вѣстникомъ въ родной семьѣ почившаго писателя обо всемъ, пріиспешемъ въ этотъ памятный день. Юноша съ восторженнымъ одушевленіемъ рассказывалъ облекшимся въ глубокій трауръ матери и сестрамъ Гоголя, что ихъ незабвенный любимецъ лежалъ въ гробу съ прекраснымъ, спокойнымъ выраженіемъ лица, какъ будто украшенный ореоломъ высокаго идеализма, напоминала собою Шиллера¹⁾.

На могилѣ Гоголя вырѣзаны прекрасныя слова пророка Іереміа: „Горькимъ словомъ моимъ посмѣюся“.

При своей жизни Гоголь болѣе всего придавалъ значеніе молитвѣ. Молитвѣ о себѣ просилъ онъ у своихъ родныхъ, съ просьбами о нихъ обращался и обращается ко всѣмъ, такъ или иначе знающимъ его. Всегда, а въ настоящіе дни особенно, молитва о упокоеніи души раба Божія Николая да послужить и благодарностью и средствомъ духовнаго общенія съ великимъ гениемъ человѣчества!

Священникъ *Константинъ Агеевъ*.

¹⁾ См. о посл. дняхъ у В. И. Шенрока, 4-й томъ, стр. 850 и сл.

О „поминаніяхъ“ и средствахъ къ правильному ихъ веденію.

Во исполненіе заповѣди Спасителя о молитвѣ вообще и на основаніи ученія апостольскаго о молитвѣ другъ за друга, вѣрующіе, съ самыхъ первыхъ временъ христіанства, считали своею обязанностію молиться не только за живыхъ, но и за отшедшихъ изъ міра собратій. Отсюда произошли диптихи, синодики и наши поминанія. Святой обычай православныхъ христіанъ имѣтъ поминанья и по нимъ поминать въ храмѣ и въ домахъ своихъ присныхъ и знаемыхъ, имѣетъ весьма важное значеніе въ дѣлѣ поддержанія религіознаго благочестія, а потому пастыри Церкви должны всеми средствами поддерживать въ народѣ этотъ обычай, переносящій мысль человѣка къ загробной жизни и ожидающей его тамъ участи, возбуждающій чрезъ это благочестивое настроеніе духа и дающій доброе направленіе чувствамъ.

Но кому приходилось читать приносимыя народомъ въ храмъ поминанія, тотъ хорошо знаетъ, въ какомъ крайне печальномъ состояніи находятся они. Пишутся они большею частію полуграмотными людьми, а потому нерѣдко случается, что по нимъ нѣтъ никакой возможности совершать поминовеніе, а употреблять ихъ при богослуженіи и совсѣмъ неудобно. Написанныя, вообще, неразборчиво, съ пропусками буквъ, такія поминанія представляютъ для священнослужителей большія затрудненія тѣмъ, что въ нихъ имена пишутся часто по народному произношенію, встрѣчаются уменьшительныя и ласкательныя имена, а нѣкоторыя имена возмутительно искажаются. Такія искаженія—грѣхъ, такъ какъ имена эти суть имена, которыя принадлежатъ святымъ, впервые ихъ посившимъ, благодаря имъ, священнослужителямъ иногда трудно догадаться, кого собственно нужно помянуть. Всѣ эти затрудненія бываютъ особенно чувствительны для священнослужителей, не знакомыхъ съ мѣстнымъ нарѣ-

чіемъ и говоромъ своихъ пасомыхъ; для уроженцевъ, напр., великорусскихъ губерній, когда имъ приходится служить въ малорусскихъ и бѣлорусскихъ епархіяхъ и, наоборотъ, когда уроженцы послѣднихъ попадаютъ въ приходы съ населеніемъ великорусскимъ.

И по своему первоначальному происхожденію, и по внѣшнему виду, и по современному употребленію, поминанія могутъ быть названы въ нѣкоторомъ смыслѣ богослужебными книжками. Они возникли изъ древнихъ диптиховъ и синодиковъ, которые прочитывались за литургією, часто имѣютъ на себѣ изображеніе креста, храма или мѣстно чтимыхъ иконъ, внутри также украшаются различными священными изображеніями. Поминанія вносятся во св. алтарь, читаются во время Божественной литургіи предъ святымъ престоломъ и во многихъ приходсахъ почти все время хранятся въ храмахъ. Все это дѣлаетъ поминанія книжкою дорогою для православнаго христіанина и заставляеть смотрѣть на нихъ съ уваженіемъ. Поэтому, если нежелательна небрежность писанія поминаній по тому неудобству, какое происходитъ отъ этого при употребленіи ихъ во время богослуженія, то тѣмъ болѣе нежелательна такая небрежность по тому важному значенію поминаній, какое имѣютъ они для православнаго русскаго народа.

Еще въ недалекомъ прошломъ трудно было помочь такому горю и развѣ одни священнослужители могли прійти на помощь простому народу, взявши на себя трудъ записыванія именъ въ поминанія. Но теперь, при широкомъ распространеніи церковно-приходскихъ школъ, завѣдываніе которыми принадлежитъ настоятелямъ приходовъ, трудъ писанія поминаній для народа всего удобнѣе могутъ взять на себя школы. Дѣло, такъ близко касающееся церкви и прихода, всего приличнѣе именно церковно-приходскимъ школамъ, которыя и по задачѣ своей обязаны способствовать лучшему религіозному состоянію и просвѣщенію народа Православной Церкви, которыя и по программѣ своей обязаны *практически озна-*

комлятъ учениковъ съ церковнымъ мѣсяцесловомъ. А исправленіе поминаній и переписка ихъ, именно, дадутъ возможность практически ознакомить учениковъ съ церковнымъ мѣсяцесловомъ.

Поминанія, по желанію владѣльцевъ и завѣдующихъ школами, могутъ переписываться скорописью и полууставомъ. Самое исполненіе письма можетъ производиться подъ руководствомъ учителей. Что касается наблюденія за правильностью писанія именъ, то это дѣло можетъ взять на себя законоучитель или его помощникъ.

Подобныя занятія могутъ имѣть весьма важное значеніе и для питомцевъ церковно-приходскихъ школъ: 1) они дадутъ возможность приучить учениковъ къ правильности произношенія и писанія именъ; 2) заставятъ учениковъ съ бѣльшимъ вниманіемъ относиться къ полууставному письму, совсѣмъ забытому въ послѣднее время; 3) дадутъ удобный поводъ законоучителямъ для ознакомленія учениковъ съ житіями болѣе извѣстныхъ святыхъ и особенно съ житіями соименныхъ дѣтямъ угодниковъ; 4) а бѣдному люду эти занятія школы дадутъ возможность имѣть правильно записанныя и свои собственные имена, и имена своихъ предковъ и, такимъ образомъ, будутъ ограждать его отъ невольнаго грѣха—кощунственнаго искаженія именъ святыхъ; 5) наконецъ, удовлетвореніе просьбъ со стороны простого народа, обращенныхъ къ школѣ, дастъ ей возможность, по мѣрѣ своихъ силъ, совершать доброе дѣло—служить Богу и ближнимъ, будетъ поддерживать близкую связь школы съ народомъ, который, видя пользу, приносимую церковно-приходскою школою въ удовлетвореніи столь насущной потребности его въ дѣлѣ спасенія души, несомнѣнно сумѣетъ оцѣнить школу и отблагодарить ей любовью и матеріальной поддержкой.

О ПРОДОЛЖЕНИИ ИЗДАНИЯ ПРИ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ

ЖУРНАЛА

„РУКОВОДСТВО для СЕЛЬСКИХ Пастырей“

въ 1902 году.

Въ 1902 подлинномъ году и 43 году своего существованія Редакція журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“ продолжаетъ, при помощи Божіей и сочувствіи приходскаго духовенства, свое дѣло—служить, по мѣрѣ силъ, интересамъ русскихъ пастырей и содѣйствовать имъ въ ихъ святомъ служеніи.

Въ этихъ видахъ въ журналѣ печатаются не только статьи литургическаго, гомилетическаго и историческаго характера, но и разрѣшаются вопросы, вызываемые теченіями современной жизни, выясняется отношеніе къ этимъ теченіямъ духовенства и указываются способы и мѣропріятія борьбы съ религіозными заблужденіями и противохристіанскимъ направленіемъ жизни, а также даются посильные отвѣты на разные недоумѣнные вопросы и случаи, возникающіе въ пастырской практикѣ. Для лучшаго осуществленія этой задачи Редакція обращается ко всемъ русскимъ пастырямъ съ просьбой дѣлать сообщенія обо всѣхъ выдающихся явленіяхъ и движеніяхъ въ духовно-религіозной жизни ихъ паствъ.

Кромѣ того, въ журналѣ помѣщаются очерки, посвященные памяти выдающихся дѣятелей на нивѣ Христовой, и художественно обработанные рассказы изъ жизни духовенства или изъ религіозной жизни общества.

Въ ежемѣсячныхъ сборникахъ „Проповѣдей“, рассылаемыхъ подписчикамъ заблаговременно, помѣщаются общедоступныя поученія на всѣ воскресные, праздничные и высокотожественные дни, внѣбogosлужебныя чтенія и бесѣды, катихизическія поученія для систематическаго проповѣдыванія, а также проповѣди въ обличеніе сектантскихъ заблужденій.

Въ „Богословскомъ Библиографическомъ Листкѣ“ наши читатели найдутъ краткіе отзывы или только простыя оновѣщенія обо всѣхъ выдающихся явленіяхъ и новостяхъ въ русской богословской литературѣ и духовной журналистикѣ.

Наконецъ, и въ наступившемъ 1902 подлинномъ году Редакція „Рук. д. с. наст.“ дастъ своимъ подписчикамъ, въ качествѣ бесплатнаго приложенія, сборникъ духовно-музыкальныхъ произведеній для хороваго исполненія.

Журналъ „Руководство для сельскихъ пастырей“ рекомендованъ Святымъ-шимъ Синодомъ духовенству и начальствующимъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ для приобритенія въ церковныя и семинарскія библіотеки (Синод. опредѣленіе отъ 4 февраля—14 марта 1888 г. за № 280).

Подписалъ цѣна журнала съ означенными приложеніями **ШЕСТЬ рублей** съ пересылкою во всѣ мѣста Россійской Имперіи. Плата за журналъ по официальнымъ требованіямъ, какъ то: отъ консисторій, правленій духовныхъ семинарій и благочинныхъ, можетъ быть отсрочена до сентября 1902 года.

Съ требованіями обращаться по слѣдующему адресу: *Кіевъ, въ Редакцію журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“.*

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Д. Семинаріи, Архимандритъ Θεодосій

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 14 февраля 1902 г.

Цензоръ, экстра-орд. проф. Акад. прот. *І. Корольковъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLIII.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 9.

Подписка принимается въ редак-
ци сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1902 года, февраля 28-го.

Содержаніе: Историко-археологическія свѣдѣнія о знакахъ отличій, жалуемыхъ священнымъ лицамъ чернаго и бѣлаго духовенства.—Какія средства можетъ употреблять сельскій пастырь къ тому, чтобы научить прихожанъ молитвамъ?—Изъ жизни деревни.—Изъ дневника священника.

ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ

О ЗНАКАХЪ ОТЛИЧІЙ,

жалуемыхъ священнымъ лицамъ чернаго и бѣлаго духовенства ¹⁾).

Скуфья ²⁾ и *камилавка* ³⁾ изъ бархата фіолетоваго цвѣта, отнесенныя нынѣ у насъ къ „знакамъ отличій“ для бѣлаго

¹⁾ См. № 8 за 1902 г.

²⁾ Это слово болѣе правильно производить, слѣдуи Дюканжу (Glossarium ad script. mediae et infimae Graecitatis. Vratis. I. 1891, col. 140.), отъ σκῦφος—родъ деревянной чаши, на которую данное головное украшеніе болѣе похоже по своей формѣ. Въ современномъ разговорномъ греческомъ языкѣ слова: σκούφια, σκούφια, σκούφια прямо означаютъ шапку, головной уборъ—мужской или женскій. Христ. Чтен., 1892 г., № 5—6, стр. 479—480; Du Cange. Glossarium. col. 1400.

³⁾ Слово: κάμηλον составлено изъ двухъ словъ: κάμηλος—верблюдъ и αὐχῆν—шея и означаетъ головной покровъ, приготовленный

духовенства, въ греческой церкви съ древнѣйшаго времени до нашихъ дней (по крайней мѣрѣ, камилавка) составляютъ неотъемлемую принадлежность священнаго сана и даются священно-служителямъ при хиротоніи. Раса и камилавка (τὰ σκιάδια), по словамъ Симеона Солунскаго, „царскій даръ“ (ἐκ βασιλικῆς δωρεᾶς), данный „изъ почтенія къ священству“, и ихъ „носятъ и правительственныя лица и сами цари“¹⁾. О скуфьѣ ((s)cuphias), какъ шапочкѣ на головѣ, надѣваемой греческими священниками во время богослуженія, упоминаетъ Алкуинъ, современникъ Карла великаго, въ сочиненіи „De divinis officiis“²⁾. Но если это свидѣтельство и отнесемъ къ числу сомнительныхъ, то мы все же можемъ съ положительностію утверждать, что въ XII—XIII вѣкѣ скуфья (σκούφια) у грековъ исполняла это именно назначеніе. Як. Гоаръ въ своемъ *Εὐχολογιῶν* даетъ изображеніе патріарха Іоанна Векка (1275 г.) и при немъ мірскаго священника, голова котораго покрыта именно скуфьею³⁾. Тотъ же ученый называетъ священниковъ, совершающихъ первую часть литургіи, — „ἐσκούφιασμένους“⁴⁾. Что же касается *камилавки*, то она у грековъ стала употребляться, какъ богослужебная одежда священнослужителей, съ XV вѣка и получила здѣсь наименованіе „τὰ σκιάδια“, которое, какъ доказываетъ К. Невоструевъ цѣлымъ рядомъ выписокъ изъ памятниковъ греческой письменности съ XV—XVII вѣкѣ, отождествлялось съ употребительнымъ у насъ названіемъ „κρηλαχίον“⁵⁾.

или сдѣланный изъ шерсти верблюда, собираемой по преимуществу на шеѣ его, которая, какъ необремененная большими тяжестями, покрыта шерстью, пригодною для выдѣлки камлота (camlot), употребляемаго на камилавки (тамъ же, стр. 482—483). Такое представленіе о греческой камилавкѣ имѣютъ ученые Дюканжъ, Левъ Алліцій и Гоаръ (*Du Cange. Glossarium mediae et infimae latinitatis. Paris. 1731 col. 697—699 v. Camelaucum; ego же Glossarium ad scriptores... Graecitatis col. 562*).

¹⁾ Mign. Patrol. Curs. complet., t. 155, col. 396; Писан. отц. и учит. ц., т. II, стр. 242.

²⁾ *Εὐχολογιῶν*, Goar. pag. 134.

³⁾ *Ibid.*, pag. 153.

⁴⁾ *Ibid.*, pag. 259.

⁵⁾ Мы имѣемъ въ виду прекрасную статью этого ученаго: „О скуфьѣ

Скуфья, по примѣру греческой церкви, была принята и нашимъ духовенствомъ, какъ головное украшеніе въ храмахъ при богослуженіи и внѣ храма въ обычное время, и притомъ не только священниковъ, но и діаконовъ. Скуфьями обыкновенно прикрывали гуменцо, выстригаемое при посвященіяхъ. Свидѣтельства объ употребленіи скуфьи русскимъ духовенствомъ, начиная съ XVI столѣтія, собраны весьма тщательно К. Невоструевымъ въ его статьяхъ „о скуфьѣ и камилавкѣ“¹⁾. Большой московскій соборъ 1667 года на вопросъ: „подобаетъ ли священникомъ и діакономъ, по нашему древнему обычаю, носить скуфьи, или ни“? далъ такой категорическій отвѣтъ: „Ей подобаетъ: зане священническая и діаконская главы есть освящена отъ святыхъ трапезы и чрезъ архіерейскія руки во хиротоніи. И сего ради подобаетъ всегда покровеннѣй главѣ быти чести ради священства, кромѣ церковнаго священнослуженія. Понеже въ нашихъ странахъ священники и діаконы носятъ *различныя священническія шапки* и никогда ея съ главы не снимаютъ, кромѣ егда служатъ сами священную литургію. И аще здѣшнія поповскія и діакоискія скуфьи не согласуются съ шапками священниковъ и діаконовъ нашей страны, обаче же есть нѣкоторое знаменіе священническое, и того ради подобаетъ священникомъ и діакономъ *посѣти тую же скуфью по древнему обычаю здѣшнія страны, да имутъ на главѣ нѣкоторое священническое знаменіе и различіе отъ прочихъ людей... Сіи скуфьи подаются отъ архіерея священникомъ и діакономъ по хиротоніи и по совершеніи божественныя литургіи въ церкви, благословившу прежде архіерею; и цѣловавъ руку архіерееву, священникъ или діаконовъ пріемлетъ и положитъ на главѣ своей,*

и камилавкѣ, употребляемыхъ священнослужителями въ древней греческой и русской церкви“, написанную имъ, по порученію покойнаго м. Филарета (Душен. Чтен., 1867 г., № 12, стр. 278—280), не потерявшюю научной цѣнности и до настоящаго времени. Ссылки на эту статью мы будемъ дѣлать часто. Переводъ: τὰ σκιάδια—*шляпы*—неудачный. (Писан. отц. и учит. церкв., относящ. къ истолк. прав. богослуж., т. II, стр. 242).

¹⁾ Душен. Чтен., 1867 г., № 12, стр. 280—287; 1868 г., № 3, стр. 137—142.

и носить, якоже выше писано. Аще же кто отъ священниковъ и діаконовъ восхоцетъ носить шапки, якоже носятъ нашея страны священники и діаконы, не возбраняемъ, но и соизволяемъ и благословляемъ“¹⁾. Соборъ 1674 года подтвердилъ постановленіе большого московскаго собора: „Протопрезвитеры и протодіакони, іереи же мірстіи и діаконы должны ходити въ скуфіяхъ, во знаменіе священнаго духовнаго ихъ чина и рукоположенія архіерейскаго, на главахъ же имѣти прострижено зовемое *уменцо* немало“²⁾. Указомъ Петра Великаго 1703 года отъ 16 февраля, по приказу Стефана, митрополита рязанскаго и муромскаго, вмѣнялось въ обязанность „цпономъ и діакономъ“, „чтобъ они ходили въ одеждахъ іерейскихъ длинныхъ и на главахъ носили скуфіи“³⁾.

Но со второй половины XVII столѣтія, подъ вліяніемъ практики греческой церкви, у насъ начали нѣкоторые изъ духовныхъ лицъ носить вмѣсто скуфьи и камилавки. Защитники старины, вооружаясь противъ всякихъ новшествъ, возставали и противъ обычая—носить при богослуженіи камилавки. „И черныя власти, и весь священническій чинъ одеждами раздѣлился, писалъ въ обличеніе новаторовъ Никита, бывшій суздальскій попъ, въ челобитной царю Алексѣю Михайловичу, ови священники и діаконы ходятъ по отцы—преданному словенскому извычаю, якоже издревле отъ святителей Христовыхъ при яша, въ однорядкахъ и скуфьяхъ, инии жъ развратившеса отъ Никоницкаго нововводнаго ученія, ходятъ поиноземски въ ляцкихъ рясахъ и въ римскихъ калташныхъ камилавкахъ“⁴⁾. Можно предполагать, что подобные нападки приверженцевъ старины на камилавку служили причиною того обстоятельства, что камилавка, какъ головное украшеніе пресвитеровъ, и діаконовъ, не пользовалась популярностію въ средѣ русскаго духовенства, и вели-

¹⁾ Проф. Н. И. Субботинъ. Матеріалы для исторіи раскола, т. I, ч. II, 341—342.

²⁾ Арх. Амвросій. Исторія російской іерархіи, ч. I, стр. 344.

³⁾ Душен. Чтен., 1867 г., № 12, стр. 286.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 284.

кому преобразователю Россіи чрезъ своего ревностнаго сотрудника митрополита Стефана Яворскаго приходилось напоминать русскому духовенству какъ о головномъ украшеніи, о древней „словенской“ скуфьѣ, а не о „иноземной“ камилавкѣ, ненавистной любителямъ старины. Борьбою двухъ теченій—новаго и стараго—мы объясняемъ и тотъ фактъ, что къ концу XVIII столѣтія выходитъ изъ практики нашей церкви совершенно обычай діаконамъ и священникамъ возлагать при богослуженіяхъ какое либо головное украшеніе—скуфью или камилавку.

Указъ императора Павла I-го, данный Св. Синоду въ 1798 году 18 декабря и позволявшій „въ пользу блага священства“ между другими „особливыми почестями“ „за отличныя заслуги“—и „употребленіе фіолетовой¹⁾ бархатной камилавки или скуфьи“²⁾, возложилъ на Св. Синодъ обязанность установить время и порядокъ награжденія этими „знаками отличій“, въ числѣ коихъ значатся и скуфья и камилавка, при богослуженіи и способъ ношенія этихъ послѣднихъ протоіереями и священниками. „Что же касается до употребленія въ церковномъ служеніи изъ бныхъ почестей камилавокъ и скуфей, говорится въ указѣ Св. Синода отъ 30 декабря 1798 года, то оныя употреблять, какъ въ служеніи, такъ и кромѣ онаго, по примѣру шуменовъ“. Всѣ „знаки отличій“ вѣдно возложить при священнослуженіи³⁾. Очевидно, постановленіе собора 1667 года въ это время было забыто, и о немъ не только не вспомнили высокообразованные іерархи русской церкви, какъ напр., митрополитъ московскій Филаретъ, но, будучи недовольны указомъ государя, самые знаки отличій—скуфью и камилавку называли „знаками тщеславія“⁴⁾.

¹⁾ Указъ, хотя и устанавливаетъ скуфьи и камилавки фіолетоваго цвѣта, но въ нѣкоторыхъ епархіяхъ были учреждены скуфьи двухъ степеней: первой степени фіолетовая и второй—зеленаго цвѣта.

²⁾ П. С. З., т. XXIV, № 18,273, стр. 822.

³⁾ П. С. З., т. XXV, № 18,801, стр. 504.

⁴⁾ Твор. св. отецъ, 1871 г., кн. II, стр. 444.

Съ 1881 года право награжденія скуфьею и камилавкою принадлежитъ Св. Синоду, а указомъ Св. Синода отъ 13-го марта 1890 награжденіе священниковъ *скуфьею* предоставлено епархіальному архіерею. Съ 1871 года „знаки отличій“ рассылаются по почтѣ и, слѣдовательно, возлагаются на удостоенныхъ не архіереемъ *при священнослуженіи*, что потребовало бы вызова награжденныхъ въ епархіальный городъ, находящійся иногда далеко отъ мѣста жительства награжденного, а самими награжденными лично. Съ 1877 года скуфья и камилавка готовятся награжденными даже на свой счетъ. При священнослуженіи получаютъ нынѣ эти награды только священники городскіе и ближайшіе по мѣсту жительства къ епархіальному городу.

Митра, называемая на Востокъ *короною* 1), составляетъ исключительную принадлежность архіерейскаго сана. На православномъ Востокѣ этого головного украшенія не надѣваютъ не только протоіереи и архимандриты, но даже епископы, въ присутствіи архіепископа или митрополита, а митрополиты и архіепископы, въ предстоительствѣ патріарха. У насъ въ Россіи митра сдѣлалась отличіемъ для заслуженныхъ архимандритовъ не раньше XVI столѣтія 2) и давалась имъ лишь по особымъ царскимъ и патріаршимъ грамотамъ. Въ 1561 году митрополитъ московскій, по совѣту царя Ивана Васильевича и съ согласія всего освященнаго собора, игумену Троице-Сергіева монастыря *Елмвѣрію*, возведенному въ архимандриты, повелѣлъ „*во святѣй шапкѣ съ Деисусомъ и съ херувимы*

1) О происхожденіи этого головного украшенія мы скажемъ подробно ниже, когда будемъ вести рѣчь о хиротоніи въ епископа.

2) Арх. Савва (архіен. тверской) указываетъ и болѣе ранній примѣръ возложенія митры на архимандрита. Въ рукописномъ житіи пр. Евѣммія († 1404 г.), перваго архимандрита Спасо-Евѣмміевскаго Суздальскаго монастыря, говорится, что Іоаннъ II, епископъ суздальскій, поставилъ преподобнаго Евѣммія въ архимандрита и повелѣлъ ему „священная дѣйствовать и съ полицею *въ митрѣ, сирѣчь въ шапкѣ*, и съ рипидою, еже бысть въ той обители и доднесь“ (Указатель для обозрѣнія патріаршей бібліотеки. Пояснительный словарь, стр. 20, прим.). Но это свидѣтельство единичное и подлежитъ сомнѣнію въ своей достовѣрности.

и съ двумя репидами вся священноиноческая и архимандрическая дѣйствовать“¹⁾. Въ теченіи XVII столѣтія довольно часто жаловались архимандриты извѣстныхъ русскихъ монастырей митрами. Такъ, напр., въ 1601 году Пыскорскому архимандриту было позволено служить *въ бѣлой властелинской шапкѣ*; въ 1608 году Хутыньскому архимандриту—*въ епископской шапкѣ*; въ 1649 году Кирилло-Бѣлозерскому архимандриту—*въ бѣлой шапкѣ*, Иверскому—*въ серебро-и-златокочанной*; Воскресенскому—*въ сереброкочанной или позлащенной*; Чудовскому—*въ жемчужной*²⁾. Вообще, ко второй половинѣ XVII столѣтія данный обычай на столько прочно утвердился въ практикѣ русской церкви, что потребовалась его санкція со стороны восточныхъ патріарховъ на большомъ московскомъ соборѣ. Не запрещая „архимандритамъ архіерейская дѣйствовать“ соборъ 1667 года не возбранялъ употреблять имъ „и серебряныя злащенныя шапки, подобны митрамъ, ради прошенія благочестивѣйшаго и самодержавнѣйшаго государя нашего царя и великаго князя Алексіа Михайловича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца“³⁾. Московскій соборъ 1674 года точиѣе опредѣлилъ кому изъ архимандритовъ пользоваться этимъ высокимъ отличіемъ. „Во священнослуженіи всѣмъ симъ тріемъ архимандритомъ (т. е. Сергіева монастыря Радонежскаго, Владиміра града Рождественскаго монастыря, и на Москвѣ архистратига Михаила Чудова монастыря), говорится въ постановленіяхъ этого собора, егда коему ихъ случится гдѣ литургисати безъ архіерея; предъ литургіею облачатися во священная одѣянія во олтари: въ стихарій, епитрахилій, поясъ, нарукавницы, епигонатій и фелонъ *со шапкою златокочанною*“... „Прочихъ же всѣхъ обителей великихъ и малыхъ, всѣхъ архіереевъ во епархіяхъ, архимандритомъ и игуменомъ... одежды священнослуженія

¹⁾ Арх. Амвросій. Исторія російской іерархіи, II, стр. 101.

²⁾ Тамъ же. Введеніе, стр. LX сн., ч. I, стр. 320.

³⁾ Н. И. Субботинъ. Матеріалы для исторіи раскола, т. I, ч. II стр. 230.

имѣти: стихарь, епитрахиль, поясъ, нарукавницы и фелонь, и *тѣмъ доволтъмися*; епигонатіи же и *шапку среброкованную* имѣти, и *миръ вѣзмъ* во своихъ обителѣхъ подавати онымъ, *имже собственно опредѣлится, и во настольныхъ ихъ грамматахъ писася*" ¹⁾. При этомъ соборъ строго внушалъ: „архіе-емъ же вѣдше сего не дерзати поущати во епархіяхъ своихъ кому дѣяти что, *или самому* что даяти архимандритомъ или игуменомъ, или епигонатій, или *шапку среброкованную* носить, или дѣяти свѣще—осѣненіе, или ино что, о нихже выше предречеса, до нынѣ отъ благочестивѣйшаго царя неданное и отъ святѣйшаго патріарха неблагословенное, да не будетъ дѣло самочинія“ ²⁾. Послѣднее распоряженіе собора 1674 года было принято и въ Чинovníкъ архіерейскаго священнослуженія, напечатанный въ Москвѣ въ 1677 году, и съ тѣхъ поръ удерживается неизмѣнно и до настоящаго времени, хотя нынѣ митра и сдѣлалась уже неотъемлемою принадлежностію архимандритскаго сана. „И *еще по повелѣнію благочестивѣйшаго самодержавнѣйшаго великаго государя нашего Императора Николая Александровича* *всѣя Россіи, и по благословенію Святѣйшаго правительствующаго Синода, дается шапка архимандриту*, читаемъ мы въ нынѣшнемъ чинѣ „на произведеніе архимандрита“, тогда по изшествіи изъ олтаря со евангеліемъ на божественнѣй литургіи, приводимъ бываетъ архимандритъ ко архіерею. Архіерей же молитвъ не глаголетъ, токмо благословитъ того архимандрита рукою. Онъ же цѣлуетъ архіереову руку и шапку; и возлагаютъ на архимандрита шапку“ ³⁾. Но вышеприведенное постановленіе собора 1674 года давало русскому государю большую свободу въ отношеніи награжденія архимандритовъ этимъ высокимъ отличіемъ, каковою и воспользовался великій преобразователь Россіи Петръ I, задумавшій уничтожить патріар-

¹⁾ Арх. Амвросій. Исторія російской іерархіи, ч. I, стр. 338—339, 340—341.

²⁾ Тамъ же, стр. 342.

³⁾ Чинovníкъ, М., 1897 г., л. 145.

шество и привилегіи этого сана съ необыкновенною щедростію раздѣлившей между архіереями и даже архимандритами ¹⁾. Этому императору приписывается изданіе и особаго указа, которымъ митра была навсегда признана принадлежностію сана архимандрита ²⁾.

Въ 1786 году въ первый разъ этого отличія удостоилось и лице, принадлежащее къ бѣлому духовенству. Императрица Екатерина II наградила митрою своего духовника протоіерея Іоанна Памфилова ³⁾, который пользовался ея особымъ благоволеніемъ и, въ качествѣ члена Св. Синода, имѣлъ большое вліяніе на дѣла Церкви. Эта небывалая награда для протоіерея оказалась предвѣстникомъ указа императора Павла I отъ 18 декабря 1797 года, по которому въ числѣ отличій для бѣлаго духовенства, „для знатнѣйшихъ изъ нихъ“, значилась и „*митра*, каковую употребляютъ архимандриты“ ⁴⁾. Указъ о знакахъ отличій для бѣлаго духовенства вообще и о награжденіи протоіереевъ митрами въ частности былъ встрѣченъ со стороны высшихъ и просвѣщенныхъ іерарховъ русской церкви крайне несочувственно. Мы видѣли выше, какой отвѣтъ своему викарію Иннокентію далъ о наперсныхъ крестахъ митрополитъ московскій Филаретъ. Гораздо сильнѣе протестовалъ по поводу награжденія протоіереевъ митрами другой знаменитый московскій первосвятитель Платонъ (Левшинъ). „О, если бы, при помощи Божіей, вы сдѣлали то, писалъ этотъ митрополитъ 6 октября 1798 года петербургскому митрополиту Амвросію, чтобы *ни одному протопопу не давали носить митру*. Эта новость, если введена будетъ въ церковную іерархію, будетъ соблазномъ для однихъ, въ другихъ возбудитъ че-

¹⁾ Арх. Амвросій. Исторія російской іерархіи, ч. II, стр. 137, 372, 428 и др.

²⁾ Тамъ же, стр. LXIII. Архимандритъ Савва датируетъ указъ императора Петра I 1705 годомъ. (Указатель для обозрѣнія московской патріаршей библ. Пояснительный словарь, стр. 20).

³⁾ Арх. Амвросій. Исторія російской іерархіи, т. I, стр. 397; Сиб. Дух. Вѣстн., 1897 г., № 50, стр. 996.

⁴⁾ П. С. З., т. XXIV, № 18,273, стр. 822.

столюбіе и много другого, что *ниспровернетъ благоучрежденный порядокъ* (sic!). Да внушить вамъ Богъ эту мысль, и я молю Его промышленіе, чтобы вы успѣли ее исполнить“¹⁾. Но указъ императора былъ на лицо, и отступленій отъ него сдѣлать было невозможно. Новый указъ Св. Синода отъ 30 декабря 1798 года о порядкѣ награжденія лицъ бѣлаго духовенства знаками отличій вмѣстѣ съ митрою, свидѣтельствуесть о томъ, что протестъ московскаго владыки силы не имѣлъ.

Въ 1859 году 6 марта состоялось Высочайшее повелѣніе, коимъ не допускалось представленія лицъ бѣлаго духовенства къ награжденію митрою, такъ какъ пожалованіе ею зависело отъ непосредственнаго Его Императорскаго Величества благоусмотрѣнія. Св. Синоду предоставлено было право ходатайствовать о пожалованіи митрою лишь заслуживающихъ того настоятелей петербургскаго Исаакіевскаго собора. Указомъ Св. Синода отъ 20—29 марта 1884 года Высочайшее повелѣніе 1859 года относительно награжденія митрою лицъ изъ бѣлаго духовенства было подтверждено вновь²⁾.

Профессоръ *А. Дмитріевскій.*

¹⁾ Сиб. духовн. вѣстн., 1897 г., № 51—52, стр. 1020.

²⁾ Церк. Вѣстн., 1884 г., № 13—14, стр. 62—63 (оффиц. часть).

Какія средства можетъ употреблять сельскій пастырь къ тому, чтобы научить прихожанъ молитвамъ?

Кто бывалъ часто въ деревенскомъ храмѣ, особенно кто провелъ счастливую невозвратную пору дѣтства въ деревнѣ, тотъ несомнѣнно испыталъ то особое душевное настроеніе, настроеніе искренняго воодушевленія, сердечнаго умиленія, какое охватываетъ сердце каждаго въ деревенскомъ храмѣ.

Въ городскихъ храмахъ и обстановка благолѣпнѣе, и украшеніе богатое и хоръ поетъ хорошо; однако здѣсь какъ будто настроеніе нѣсколько иное, чего-то какъ будто нѣтъ, чего-то недостаетъ. Настроеніе въ деревенскомъ храмѣ объясняется настроеніемъ молящейся толпы: искренность и воодушевленіе деревенскаго люда во время молитвы, горячность его молитвы, невольно и незримо передается и постороннему человѣку, посѣтившему деревенскій храмъ; хочется слиться съ этой толпою, и одними устами, однимъ сердцемъ славить съ ней Бога. Но если простой человѣкъ молится горячо и искренно, то не всегда можно сказать, что онъ молится правильно и сознательно. Во многихъ селеніяхъ существуетъ обычай, сохранившійся отъ древнихъ временъ, по которому прихожане, въ торжественнѣйшіе моменты, во время Херувимской, „Отче нашъ“, шопотомъ читаютъ молитвы, какія они знаютъ; прислушайтесь и вы узнаете, что запасъ молитвъ у нихъ часто самый скудный, да и въ тѣхъ молитвахъ, какія они знаютъ, много неточностей, ошибокъ, часто совершенно искажающихъ смыслъ молитвы. Молитвамъ наши въ большинствѣ неграмотные крестьяне учатся отъ такихъ же неграмотныхъ родителей; въ нихъ вкрадываются ошибки, которыя въ силу привычки, совсѣмъ не замѣчаются. Провѣрить, правильно-ли они знаютъ молитвы, у многихъ не явится и мысли, а въ церкви, гдѣ часто служитъ старичокъ священникъ и такой же псаломщикъ, это сдѣлать трудно. Дѣло обученія молитвамъ значительно облегчается школою, гдѣ дѣти съ малыхъ лѣтъ знаютъ ихъ, однако помощь школы до сихъ поръ очень не велика, такъ какъ и до сихъ поръ значительный процентъ дѣтей школьнаго возраста остается за дверями школы. Нравственный долгъ, долгъ пастырства долженъ побуждать священника учить приходъ свой молитвамъ. Неправомыслящіе скажутъ, что молитва вовсе не нужна для христіанина, что отъ него требуется добрая жизнь, соединенная съ добрыми дѣлами, а не знаніе молитвъ. Толстой, какъ извѣстно, нѣсколько лѣтъ тому назадъ написалъ сказку, въ которой изо-

ображены три святыхъ старца: изъ молитвъ они только и знали одну: „Трое васъ, трое насъ—помилуй насъ“, и этою одною молитвою спаслись. Нужно-ли опровергать эту неправославную мысль? Господь Спаситель не только указалъ духъ и характеръ истинно-христіанской молитвы, но вмѣстѣ съ тѣмъ указалъ и образецъ ея въ молитвѣ Господней: „Отче нашъ“... Святые угодники, мученики, пастыри и учителя Церкви, руководствуя вѣрующихъ въ дѣлѣ спасенія, оставили намъ молитвы, безъ сомнѣнія съ тою цѣлію, чтобы мы изучали ихъ, по нимъ молились. Имѣя предъ собою столь высокіе образцы не станеть ли пастырь радѣть о томъ, чтобы и паству свою научить молитвѣ?

Главное мѣсто, гдѣ православный русскій человекъ въ теченіе многихъ вѣковъ учился молитвѣ есть храмъ Божій съ его Богослуженіемъ; здѣсь и должно сосредоточиваться учительство священника; здѣсь, главнымъ образомъ, долженъ научить онъ свой приходъ молитвамъ, и храмъ съ его Богослуженіемъ предлагаетъ не мало средствъ къ этому. Первое средство—это само Богослуженіе, на которомъ исполняется значительное число молитвословій, частію прочитываемыхъ, частію исполняемыхъ хоромъ. Чѣмъ истовѣе, выразительнѣе будетъ исполняемо и то и другое, тѣмъ больше дадутъ они слушателямъ, тѣмъ больше добрыхъ сѣмянъ упадетъ въ душу прихожанъ. Особеннаго вниманія пастыря заслуживаетъ церковное пѣніе: образованіе хора, наилучшая его постановка заслуживаютъ особенной съ его стороны заботливости, такъ какъ это дѣло очень трудное и стоитъ оно во многихъ приходахъ не на совѣмъ правильной дорогѣ: часто приходится видѣть, что его начинаютъ съ конца; едва успѣетъ народиться въ какой нибудь деревнѣ хоръ, какъ сейчасъ же начинается регентъ разучивать трудныя партесныя вещи; не говоримъ уже о томъ, сколько приходится тратить времени и труда на то, чтобы полуграмотныхъ пѣвчихъ обучить такому пѣнію; отъ исполнителей оно требуетъ вкуса и значительной предварительной школы; отъ слушателей привычки къ нему;

но это не главное неудобство партеснаго пѣнія; пѣніе содѣйствуетъ заучиванію церковныхъ молитвъ и пѣснопѣній, между тѣмъ при партесномъ пѣніи, гдѣ одни слова повторяются нѣсколько разъ, другія, исполняемыя однимъ голосомъ, проходятъ едва замѣтными, эта сторона значительно страдаетъ: при партесномъ пѣніи и привыкшее къ нему ухо часто не различаетъ словъ; что же сказать о слушателяхъ простыхъ? Партесное пѣніе отвлекаетъ слушателей отъ молитвы: намъ приходилось наблюдать въ деревнѣ, что крестьяне во время херувимской благоговѣнно преклоняютъ колѣна и усердно шепчутъ молитву. Когда-же на клиросѣ исполняютъ какую нибудь новую витіеватую херувимскую, большинство молящихся поворачиваютъ головы къ клиросу, подталкиваютъ другъ друга локтями,—дѣлятся впечатлѣніями. Всего желательнѣе, чтобы въ деревенскомъ храмѣ было простое, но стройное и четкое пѣніе: оно и душу настраиваетъ на высокій молитвенный ладъ и всѣмъ молящимся даетъ возможность усвоить слова исполняемаго пѣснопѣнія.

Если обыкновенное пѣніе оказываетъ большую помощь въ изученіи молитвъ и пѣснопѣній, то тѣмъ болѣе это нужно сказать о пѣніи общенародномъ. Пѣніе это существовало у насъ на Руси давно: о немъ сохранились свидѣтельства еще отъ до-монгольскаго періода: пѣли хвалу Богу полки Изяславовы; пѣлъ весь народъ при перенесеніи мощей свв. мучениковъ Бориса и Глѣба, но до послѣдняго времени на него у насъ какъ то мало обращали вниманія; теперь, слава Богу, оно все больше и болѣе прививается въ нашихъ храмахъ, что въ высшей степени желательно. Пѣніе общенародное даетъ возможность молящимся активно участвовать въ богослуженіи, быть посильными помощниками клиру; пѣніе это отвлекаетъ православныхъ отъ религіозныхъ собраній сектантовъ, куда часто привлекаетъ простыхъ людей желаніе послушать ихъ пѣніе, самимъ принять участіе въ немъ. Общее пѣніе окажетъ большую пользу и въ рассматриваемомъ нами вопросѣ, въ дѣлѣ обученія прихода молитвамъ: участвовать въ

пѣніи захочетъ каждый или большинство, но для того, чтобы пѣть, надо знать, что пѣть; каждый, желающій участвовать въ пѣніи, постарается заучить то или другое пѣснопѣніе, будетъ усердиѣе прислушиваться къ нему. При общемъ пѣніи, пѣснопѣніе будетъ заучиваться даже безъ особыхъ усилій и напряженія со стороны участвующихъ; сначала нѣкоторые будутъ только—подтягивать даже можетъ быть въ немногихъ мѣстахъ; со временемъ пѣснопѣніе будетъ становиться все болѣе знакомымъ, усвоится вполне въ теченіе нѣсколькихъ богослуженій. Знаніе молитвъ среди простыхъ деревенскихъ слушателей ограничивается только важнѣйшими; общее пѣніе въ церкви значительно увеличитъ запасъ ихъ: кто узнаетъ въ церкви новое пѣснопѣніе, тотъ пожелаетъ и во время домашней молитвы повторить его, можетъ быть даже споетъ еѹ.

Какъ устроить общее пѣніе, это зависитъ отъ того, кто будетъ руководить имъ—дѣло это долженъ взять на себя псаломщикъ, регентъ, если таковой есть, священникъ, если знаетъ пѣніе. Во всякомъ случаѣ священнику въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ высшее руководство другими: онъ долженъ вдохновлять остальныхъ. Можно указать только нѣкоторые главнѣйшія правила какъ вести это дѣло. Дѣло это трудное и начинать его нужно съ простѣйшаго. Спѣвки, какія нужно будетъ дѣлать, всего удобнѣе производить въ праздники, ибо въ рабочіе дни мало кто пойдетъ на нихъ. Участіе въ общемъ пѣніи должно быть совершенно свободнымъ, чуждымъ какого либо давленія или принужденія: принужденіе можетъ породить нерасположеніе къ доброму дѣлу.

Не меньше чѣмъ церковное пѣніе долженъ священникъ обратить вниманіе и на чтеніе: оно должно быть яснымъ, четкимъ не спѣшнымъ. Помочь въ этомъ случаѣ причетнику могутъ грамотные изъ крестьянъ, особенно школьники; крестьяне грамотные любятъ участвовать въ чтеніи, но они часто бываютъ робки и застѣнчивы: узнать, кто изъ прихожанъ болѣе подготовленъ къ чтенію на клиросѣ, пріохотить ихъ къ нему дѣло совсѣмъ не трудное.

Мы указали только не прямыя, косвенныя средства, при помощи которыхъ священникъ можетъ учить прихожанъ молитвѣ; главное же средство—это проповѣдь, катихизическія бесѣды.

Молитва легко усваивается тогда, когда каждое слово ея понятно, когда въ ней не остается ничего не объясненнаго и не истолкованнаго. Катихизическія бесѣды можно вести приблизительно по такому плану: прежде чѣмъ изъяснить молитву слѣдуетъ прочитать ее внятно и указать ея главное содержаніе; затѣмъ слѣдуетъ молитву раздѣлить на части, но такъ, чтобы дѣленіе было вполне естественнымъ, соотвѣтствовало самому содержанію молитвы; предъ каждымъ отдѣломъ, прежде чѣмъ изъяснить его, нужно прочитать соотвѣтственный отдѣлъ молитвы; вести собственно *обученіе* молитвамъ во время литургіи не совсѣмъ удобно; напротивъ, послѣ Богослуженія, между утреней и литургіей, на внѣбогослужебныхъ собесѣдованіяхъ можно вести обученіе въ собственномъ смыслѣ. Особенно это удобно устроить тамъ, гдѣ не одинъ, а два или три священника; между утреней и литургіей въ деревняхъ обыкновенно бываетъ довольно длинный промежутокъ времени, когда священникъ для тѣхъ или иныхъ требъ отлучается изъ храма. Этимъ временемъ и можетъ воспользоваться свободный отъ служенія священникъ; въ то время, когда нѣтъ Богослуженія, дѣло обученія, молитвамъ можно вести нѣсколько свободнѣе: можно останавливаться на болѣе трудныхъ мѣстахъ, повторять ихъ, предлагать вопросы слушателямъ, просить того или другого прихожанина прочитать разсматриваемую молитву; впрочемъ, съ послѣднимъ средствомъ нужно обращаться съ осторожностію, такъ какъ можно иногда человека пожилого, почтеннаго, но не знающаго молитвъ, заставить покраснѣть передъ молодежью, и тѣмъ ослабить и даже совсѣмъ уничтожить у него желаніе участвовать въ бесѣдахъ; всего удобнѣе приглашать повторять молитвы лицъ желающихъ. Такъ какъ деревенскіе жители, особенно старики, говѣютъ нѣсколько разъ въ году, то этимъ временемъ и можно воспользоваться для обученія ихъ молитвамъ.

Узнать о томъ, какія наши прихожане знаютъ молитвы, священникъ можетъ на исповѣди; здѣсь, когда священникъ остается съ кающимся предъ лицомъ всевѣдущаго Господа, когда кающійся вручаетъ свою совѣсть пастырю, здѣсь прихожанинъ не станетъ, изъ ложнаго стыда, скрывать своего незнанія молитвъ; здѣсь всего лучше можно узнать, какіе пробѣлы у него въ знаніи молитвъ и внушить ему восполнить эти пробѣлы.

Второе мѣсто, гдѣ каждый православный человекъ можетъ учиться молитвамъ, есть школа, особенно церковно-приходская, главная цѣль которой религіозно-нравственное воспитаніе народа. Въ программу Закона Божія входитъ обученіе молитвамъ, священная исторія Ветхаго и Новаго Завета и начатки катихизиса. Думаемъ, что главное, на что нужно обратить вниманіе это изученіе молитвъ. „Дѣти, такъ любимые Господомъ, писаль намъ приснопамятный владыка Филаретъ, изучаютъ Законъ Божій, молятся Господу горячо и со смысломъ. Не радость-ли это для сердца, у кого сердце на мѣстѣ?“ Забудутъ дѣти многіе факты изъ Священной Исторіи,—тексты изъ катихизиса, ибо не каждый день, по выходѣ изъ школы, придется школьнику имѣть съ ними дѣло; молитва же есть дѣло настоятельной необходимости; съ нею человекъ каждый день будетъ обращаться къ Господу. Не мѣсто здѣсь говорить о томъ, какіе приемы и методы можетъ употреблять священникъ при обученіи дѣтей молитвамъ; личный опытъ, методика по закону Божию укажутъ эти приемы. Обученіе въ народныхъ школахъ молитвамъ поставлено довольно твердо: дѣти не только изучаютъ молитвы, читаютъ ихъ по очереди въ классѣ, но принимаютъ посильное участіе въ Богослуженіи. Заботливость пастыря должна простираться и дальше. Многіе дѣти остаются внѣ школы; пусть же дѣти грамотные будутъ помощниками священника: пусть учатъ своихъ неграмотныхъ братьевъ и сестеръ молитвамъ; за это дѣло дѣти охотно возьмутся, будутъ рады ему и сами въ школѣ будутъ трудиться усерднѣе, чтобы быть достойными такого довѣрія со стороны священника.

Разсѣянность, лѣнь свойственны дѣтскому возрасту: поэтому мало обучить дѣтей молитвамъ въ школь; нужно и послѣ наблюдать за тѣмъ, чтобы они усердно молились. Служебныя обязанности даютъ священнику множество случаевъ встрѣчаться со своими бывшими учениками; здѣсь онъ и можетъ слѣдить за тѣмъ, помнятъ-ли его ученики молитвы, часто-ли молятся? Если явится усердіе у священника, то онъ можетъ устраивать для своихъ бывшихъ учениковъ повторительные курсы, во время которыхъ онъ могъ-бы повторить съ ними кратко все, что пройдено было въ школь.

Семья есть домашній храмъ христіанина; отецъ въ семьѣ или старѣйшій членъ, есть какъ-бы предстоятель, пастырь этого храма. Бракъ имѣетъ своею цѣлю „благословенное рожденіе и христіанское воспитаніе дѣтей“. Молодые люди, желающіе вступить въ бракъ, должны предварительно доказать священнику, что они сами знаютъ важнѣйшія молитвы и истины христіанскаго ученія; для этого они во время оглашенія, могутъ ходить къ священнику для обученія молитвамъ на домъ. Людямъ уже пожилымъ, имѣющимъ дѣтей, слѣдуетъ внушать, чтобы они располагали дѣтей къ молитвѣ, учили-бы ихъ. Обученіе молитвамъ, сначала только самымъ простымъ, необходимо начинать съ раннихъ лѣтъ, когда ребенокъ начинаетъ говорить; привычки, пріобрѣтенныя въ дѣтствѣ—самыя сильныя; кто въ раннемъ дѣтствѣ привыкъ къ молитвѣ, тотъ никогда не перестанетъ молиться. Особенно желательна въ семьѣ общая молитва, когда всѣ члены семьи, собравшись во едино, едиными устами и единымъ сердцемъ славятъ Бога. Тамъ, гдѣ въ семьѣ нѣтъ грамотныхъ, общую молитву можетъ читать старшій въ домѣ; если есть грамотный, школьникъ напримѣръ, то это можетъ дѣлать онъ: для этого каждый грамотный мальчикъ долженъ имѣть свой молитвенникъ, за этимъ долженъ наблюдать священникъ. Симпатичный обычай общей молитвы, особенно въ торжественныхъ случаяхъ, напримѣръ въ сочельникъ Рождества Христова и Крещенія, во время говѣнія, намъ приходилось наблюдать въ нѣкоторыхъ украин-

скихъ селеніяхъ, но этотъ обычай все же не на столько распространень, какъ было-бы желательно. Обычай общей молитвы имѣеть то болѣе значеніе, что онъ незамѣтно сглаживаетъ и уничтожаетъ тѣ ошибки, иногда очень важныя, искажающія смыслъ молитвы, которыя нерѣдко вкрадываются въ нее. Молитва, часто повторяемая, незамѣтно усвоится и именно въ той формѣ, въ какой ее читають.

В. Пестряковъ.

ИЗЪ ЖИЗНИ ДЕРЕВНИ.

Много еще темныхъ сторонъ въ жизни нашего простаго народа, и темноты этой никакъ не могутъ прогнать ни школа, несущая свѣтъ въ крестьянскую среду, ни церковная проповѣдь. Много еще всякихъ суевѣрій, невѣжества и нравственныхъ безобразій среди нашихъ крестьянъ. Между прочимъ, большимъ зломъ являются такъ называемыя „посидѣлки“, на которыя собирается молодежь—дѣвушки и парни—иногда изъ нѣсколькихъ деревень. Чего только не творится тутъ? Непристойныя пѣсни и шутки, соблазнительныя игры, безнравственные разговоры, всякое безчиніе и безобразіе,—вотъ въ чемъ проводится обыкновенно время на „посидѣлкахъ“. Особенно много бываетъ безобразій на „посидѣлкахъ“ во время *святокъ*, когда участники ихъ ходятъ „ряжеными“. При этомъ рѣдко обходится безъ кощунства. Нѣкоторые изъ парней наряжаются покойниками, для чего закрываются саваномъ или кускомъ бѣлаго полотна, чтобы напугать болѣе трусливыхъ своихъ товарищей и дѣвушекъ.

Извѣстно, что нашъ простолюдинъ ничего на свѣтѣ такъ сильно не боится, какъ покойниковъ, хотя бы то были самыя близкіе и дорогіе ему люди. Пройти мимо кладбища въ темную ночь считается геройствомъ, и на это рѣшаются рѣдкіе смѣльчаки. Страхъ этотъ внушается дѣтямъ съ самыхъ пеле-

нокъ, такъ какъ матери и няньки въ деревняхъ обыкновенно пугаютъ дѣтей покойниками, рассказывая всевозможныя небывлицы о страшныхъ ихъ явленіяхъ.

Многіе не могутъ потомъ во всю жизнь освободиться отъ этого страха и горько платятся за неразуміе тѣхъ, кто поселилъ его въ свое время въ нихъ, какъ это было, напр., въ одномъ изъ селъ Ч—го уѣзда, Новгородской губерніи, въ прошломъ 1901 г., въ Рождественскій мясоѣдъ.

Молодой парень Николай Б—ъ, 17 лѣтъ, въ первый разъ въ жизни пошелъ на „посидѣлки“ въ сосѣдную деревню со своимъ товарищемъ. Было уже за полночь, когда молодежь стала расходиться по домамъ. Николай не замѣтилъ, куда ушелъ его товарищъ, такъ что ему пришлось возвращаться одному. Жутко было ему идти черезъ большое поле, раздѣлявшее деревни одну отъ другой, тѣмъ болѣе, что Николай, отличался крайнею боязливостью и нервною. Возбужденное воображеніе его работало усиленно, и на него началъ сильный безотчетный страхъ. Николай ускорилъ шаги. Вдругъ онъ видитъ предъ собою покойника въ бѣломъ саванѣ. Собравъ послѣднія силы, Николай пустился бѣжать, а страшное привидѣніе неотступно гонится за нимъ; Николай слышитъ его шаги за собою, и вотъ оно готово уже схватить его своими холодными руками!... Едва добѣжалъ Николай до своего дома. Его трясло, какъ въ лихорадкѣ... Не сказавъ ни слова о своемъ испугѣ родителямъ, Николай улегся спать. На утро мать первая замѣтила въ немъ ненормальное, болѣзненное состояніе и необычайную блѣдность; но Николай успокаивалъ ее говоря, что совершенно здоровъ. Родители были въ недоумѣніи и не знали причины внезапной перемѣны въ сынѣ.

Прошло нѣсколько недѣль послѣ этого злополучнаго дня, а между тѣмъ Николай не поправлялся и становился все задумчивѣе и молчаливѣе. Для всѣхъ было очевидно, что съ нимъ творится что то неладное: то отвѣтить не на вопросъ, то скажетъ не то, что слѣдуетъ; отъ людей удаляется и какъ будто всего боится. Мать горевала и плакала, глядя на сво-

его несчастнаго сына. Не легко было и отцу, который такъ недавно еще радовался, что у него есть, наконецъ, сынъ-работникъ. Добрые люди посовѣтовали ему свезти сына въ уѣздный городъ Ч. и показать врачамъ. Отецъ отправился въ г. Ч—ь. Каково же было изумленіе бѣднаго крестьянина, когда врачи признали Николая психически-большимъ отъ сильнаго душевнаго потрясенія или отъ испуга и на казенный счетъ отправили его въ губернскую земскую больницу для душевно-больныхъ!... Горько плакала мать, когда мужъ ея вернулся домой одинъ, и она узнала, что сынъ ея—душевно-больной. Долго не могли доискаться, какая причина вызвала въ Николаѣ тихое помѣшательство. Затѣмъ мало-по-малу выяснилось, что его испугалъ товарищъ, съ которымъ въ первый разъ въ жизни пошелъ онъ на посидѣлки,—испугалъ, нарядившись покойникомъ и погнавшись за нимъ, когда Николай одинъ возвращался домой. Такъ печально закончилась неразумная шутка!..

Въ началѣ была надежда на излѣченіе, и главный врачъ прислалъ родителямъ Николая нѣсколько писемъ, въ которыхъ сообщалъ, что больной сынъ ихъ поправляется и скоро можетъ вернуться домой. Но вдругъ положеніе больного сильно ухудшилось, и въ ноябрѣ мѣсяцѣ тотъ же врачъ сообщилъ уже, что на выздоровленіе Николая надежды нѣтъ никакой. Бѣдная мать, собравъ послѣдніе гроши, отправилась навѣстить его и проститься съ нимъ. Николая почти совсѣмъ нельзя было узнать, до того онъ исхудалъ и измѣнился. Къ душевной болѣзни присоединились и болѣзнь физическая. Онъ не принималъ никакой твердой пищи. Матери своей онъ не узналъ. Не смотря однако на полное физическое истощеніе, онъ живъ еще пока; но конецъ его уже близокъ: по заявленію врачей, не бывало примѣровъ выздоровленія подобныхъ больныхъ.

На грустные мысли наводитъ этотъ фактъ. Онъ краснорѣчивѣе всякихъ словъ говоритъ о томъ, какъ невѣжественъ и легкомысленъ нашъ крестьянинъ, и въ какихъ подчасъ дикихъ фор-

махъ выражается это его невѣжество. Онъ не задумывается о томъ, что можетъ произойти, какими послѣдствіями будетъ сопровождаться его поступокъ или шутка. Сколько преступлений и нарушеній законовъ гражданскихъ и церковныхъ совершается имъ по причинѣ его темноты!

Свѣта и свѣта требуетъ нашъ простой народъ,—но, конечно, не такого, какимъ хотятъ просвѣтить нѣкоторые рабѣтели народнаго просвѣщенія, устраивая для народа далеко не подходящія театральныя представленія, а также распространяя среди народныхъ массъ книги и брошюры, двусмысленнаго, подчасъ же даже прямо вреднаго, безнравственнаго содержанія. Нуженъ для нашего народа свѣтъ, который шелъ бы отъ Церкви Божіей. Что толку въ томъ просвѣщеніи, которое не приводитъ человѣка къ Богу а лишь разрушаетъ, уничтожаетъ—правда, дѣтски-наивную, но все-же горячую—вѣру простыхъ людей и поселяетъ въ нихъ одни сомнѣнія, отрицанія, одинъ душевный разладъ? Такое просвѣщеніе, вырывая плевелы невѣжества, вырываетъ вмѣстѣ съ ними и ту пшеницу, которая должна питать душу народную. Между тѣмъ, въ послѣднее время явилось такъ много непризванныхъ „просвѣтителей“ простого народа, старающихся „освободить народъ отъ предрассудковъ“, подъ которыми они разумѣютъ и вѣру въ безсмертіе и будущее мздовозданіе, и посты, и религіозные обряды, и даже св. таинства... Не легка борьба съ такимъ духомъ и направленіемъ „образованнаго общества“, но святой и прямой долгъ пастырей Церкви—дружно выступить на эту борьбу и спасти народъ отъ зараженія растлѣвающимъ духомъ религіознаго сомнѣнія, невѣрія, отрицанія и покранія всего святаго, что дорого каждому истинному сыну Церкви православной и вѣрному подданному дорогого отечества нашего.

Свящ. *Александръ Ваучскій.*

ИЗЪ ДНЕВНИКА СВЯЩЕННИКА.

Въ настоящую минуту я нахожусь подъ неостывшимъ еще впечатлѣніемъ очень оживленной и содержательной бесѣды, происходившей недѣлю тому назадъ въ домѣ моего добраго знакомаго, городского священника о. Павла. Въ небольшомъ кабинетѣ радушнаго хозяина насъ собралось пять человѣкъ,—все люди образованные и живо заинтересованные церковно-общественными вопросами. Кромѣ двухъ священниковъ—о. Павла и меня, здѣсь были: родственникъ хозяина—молодой увлекающійся врачъ, нашъ общій знакомый—полковникъ, большой пріятель о. Павла, человѣкъ лѣтъ сорока, съ высшимъ военнымъ образованіемъ, и оставной педагогъ, больше двадцати пяти лѣтъ прослужившій въ западномъ краѣ, самый старшій изъ собесѣдниковъ.

Не успѣли собраться, какъ уже завязался оживленный разговоръ по большому вопросу—объ отношеніи современнаго образованнаго общества къ Церкви, объ отлученіи Толстого, о „свободѣ совѣсти“ и т. д. Душею разговора оказались врачъ и полковникъ; сказали свое слово и педагогъ. При этомъ было высказано столько умныхъ и искреннихъ сужденій, что я рѣшаюсь подѣлиться ими съ читателемъ „Руководства для сельскихъ пастырей“, тѣмъ болѣе, что ближайшимъ поводомъ къ разговору послужила статья, помѣщенная въ № 1 журнала за текущій годъ: „На рубежѣ двухъ годовъ“ (номеръ лежалъ на письменномъ столѣ).

— Съ какой это стати у васъ „Руководство для сельскихъ пастырей“?—спросилъ полковникъ у своего давняго пріятеля о. Павла:—не думаете ли въ село перебираться?—Развѣ ужъ такая разница въ положеніи городского и сельскаго священника,—отвѣтилъ хозяинъ,—что нашему брату въ „Руководствѣ для сельскихъ пастырей“ и искать нечего? Нѣтъ, этого не говорите. Возьмите хоть эту статейку—„На рубежѣ двухъ годовъ“: тутъ ставятся такія задачи, надъ которыми

и намъ, городскимъ священникамъ, не мѣшаетъ призадуматься, да не только намъ, но отчасти и вамъ, свѣтскимъ людямъ, если вы еще не махнули рукой на нашего брата, на приходъ, на Церковь...

Пока подходили другіе гости, полковникъ пробѣжалъ статейку. Впечатлѣніе получилось хорошее.—Думается мнѣ, обратился онъ къ хозяину, каждый пастырь, понимающій свое призваніе, не можетъ не откликнуться всѣмъ сердцемъ на горячіе призывы автора. Но онъ не все сказалъ. Конечно, общеніе и единеніе пастырей, развитіе приходской жизни—все это важно и очень важно, и хорошо, что авторъ пишетъ на это; но еще важнѣе, если хотите, высота пастырской личности. Повѣрьте, что безъ личнаго подвига, безъ борьбы съ собою, съ своими страстями и пороками можетъ оказаться бесплодной самая неутомимая—въ общественномъ смыслѣ—дѣятельность. Помните Калиновича у Посемскаго въ „Тысяча душъ“? Ужъ на что, кажется, неутомимый былъ дѣятель, а много ли выпло изъ его дѣятельности? Не даромъ сказалъ поэтъ:

Чтобъ міръ призналъ твои права,
Ты долженъ самъ стоять высоко:
Стрѣла тогда лишь бьетъ далеко,
Когда здорова тетива...

Если для гражданскаго чиновника имѣетъ значеніе личная нравственная высота, то про священника и говорить нечего: можно ли говорить о добромъ нравственномъ вліяніи такого священника, который въ нравственномъ отношеніи не выше своей паствы? Едва ли... Я до нѣкоторой степени знаю нашу интеллигенцію,—я даже изъ ея представителей,—и знаете? она жаждетъ видѣть въ представителѣ Церкви не только просвѣщеннаго и энергичнаго дѣятеля (хотя цѣнить и это), но и носителя духа Христова, христіанскаго подвижника. Мнѣ думается, не мѣшало бы вашему автору отмѣтить и даже подчеркнуть эту сторону дѣла...

Слушали мы, священники, свѣтскаго человѣка,—и невольное раздумье закрадывалось въ душу: сколько условій требуется для того, чтобы наша пастырская дѣятельность имѣла хоть какой-нибудь успѣхъ?!... Но вспоминались слова апостола о томъ, что *сила Божія въ немощи совершается*,—и на душѣ становилось легче.

Между тѣмъ разговоръ шелъ уже о „свободѣ совѣсти“, точнѣе—о свободѣ исповѣданія вѣры. Поводомъ послужила рѣчь о свободѣ не только исповѣданія, но и пропаганды вѣры, произнесенная г. Стаховичемъ на Орловскомъ мисіонерскомъ съѣздѣ. Врачъ, человѣкъ искренне вѣрующій и преданный Церкви, соглашался съ основною мыслью рѣчи г. Стаховича: за каждымъ человѣкомъ должна быть признана свобода исповѣданія той вѣры, которую онъ считаетъ истинною. Онъ видѣлъ въ правѣ каждаго исповѣдывать любую вѣру необходимое—логическое, юридическое и нравственное—дополненіе права религіозной общины выключать изъ своей среды тѣхъ членовъ, которые измѣняютъ основнымъ началамъ и уставамъ, опредѣляющимъ жизнь общины: „Разъ вы признаете,—говорить онъ,—за общиной право выключить изъ своей среды того и другого члена, вы должны признать и за послѣднимъ право покинуть общину, если то требуется его убѣжденіемъ, это право обоюдное. Странно держать насильно въ общинѣ того, кто уже внутренне давно не принадлежитъ ей“... Раскрывая свои мысли, врачъ страшно возмущался при этомъ выходкою одной газеты, которая, разсуждая о значеніи Церкви для государства, высказала такую мысль, что-де не бѣда, если Церковь при этомъ и пострадаетъ: пусть-де Церковь страдаетъ, за то государство, за то народъ выигрываетъ.— „Что эти мысли появились на страницахъ свѣтской газеты, которая издавна привыкла цѣнить православную вѣру не по ея существу, этому я не удивляюсь,—горячился врачъ:—грустно то, что эти рѣчи берутся подъ защиту представителями Церкви“...

Но тутъ хозяинъ остановилъ своего гостя.—Позвольте, докторъ,—сказалъ онъ:—можно, конечно, встрѣтить и между настырями такихъ лицъ, которыя становятся на точку зрѣнія этой газеты: пусть-де Церковь страдаетъ! Но, повѣрьте, что это—лишь по привычкѣ видѣть въ этой газетѣ своего союзника...

— Но согласитесь,—воскликнулъ врачъ,—что это ненадежный союзникъ.

— Согласны, согласны! не горячитесь...

— Положимъ, вы согласны со мною; но много ли у васъ единомышленниковъ между вашими соработниками?

— Много-ли, не знаю, но что они есть, это несомнѣнно. Но что особенно для меня дорого, такъ это то, что я могу противопоставить неосторожному заявленію свѣтской газеты авторитетное слово православно-русскаго архипастыря. Читали ли вы рѣчь епископа Ямбургскаго Сергія о томъ, зачѣмъ дана св. Руси вѣра православная?

— Нѣтъ, не читалъ: я проповѣдей не читаю.

— Жаль! вотъ если бы вы прочли рѣчь преосвящ. Сергія, вы бы узнали, что наши архипастыри далеко не солидарны съ вашей газетой...

— Не съ моей, а съ вашей,—горячился докторъ...

— Не горячитесь... Прочтемъ лучше рѣчь преосв. Сергія.

О. Павель читалъ: „Незамѣтно для себя мы и вѣрой нашей стали дорожить лишь потому, что на ней покоится наша государственная мощь, благоустройство нашей общественной жизни, наше существованіе, какъ самостоятельнаго народа...; разумѣвъ истинную вѣру, мы не оцѣнили ее, какъ должно, но, осуетившись, вздумали воспользоваться ею для своихъ земныхъ надобностей“... Но такъ не должно быть: „если мы знаемъ, что Христово ученіе въ его неподдѣльной чистотѣ хранится въ Церкви Православной, если—слѣдовательно—въ ней источникъ истинной жизни и вѣчнаго спасенія, то мы должны съ своей стороны сдѣлать все, чтобы только къ этой Церкви принадлежать, и—въ случаѣ надобности—должны

всѣмъ пожертвовать, чтобы только этой принадлежности какъ-нибудь не потерять. Наше личное земное счастье, забота о родныхъ, польза общественная или государственная,—все это занимаетъ мѣсто послѣ вѣры и не оправдываетъ небреженія ею“...

О. Павелъ читалъ съ большимъ чувствомъ: видно, онъ всѣмъ своимъ существомъ переживалъ эти драгоцѣнныя мысли. Всѣ слушали съ затаеннымъ дыханіемъ. Когда чтеніе кончилось, экспансивный докторъ прежде другихъ нарушилъ молчаніе:

— Ну, виновать! не зналъ, что бываютъ такія проповѣди... Вотъ это проповѣдь—такъ проповѣдь! Спасибо владыкѣ—онъ сказалъ то, чего мы такъ ждали отъ православно-русскихъ архипастырей: мы должны цѣнить православную вѣру самое по себѣ—вещь простая, а вѣдь такъ ее затуманили, что мысли преосв. Сергія—чуть не открытіе для нашего общества...

Говоря это, докторъ нервно ходилъ изъ угла въ уголъ по небольшой комнатѣ; голосъ у него дрожалъ; глаза горѣли... Сколько негодованія противъ неприванныхъ радѣтелей православной вѣры и вмѣстѣ съ тѣмъ—сколько искренней любви къ ней, Православной Церкви свѣтилось въ молодыхъ глазахъ его!... Рѣдко мнѣ приходилось встрѣчать въ свѣтскихъ лицахъ такую любовь къ Церкви!...

Когда докторъ нѣсколько поуспокоился, слово перешло къ болѣе сдержанному и уровновѣшенному полковнику. По существу онъ соглашался съ докторомъ:

— Дѣйствительно,—говорилъ онъ,—когда по поводу рѣчи Стаховича посыпались статьи какъ-бы изъ рога изобилія, то становилось иногда досадно и хотѣлось сказать: избави насъ, Богъ, отъ такихъ друзей... Однако, господа, я не могу согласиться и съ тѣмъ, чтобы правда была на сторонѣ Стаховича. Если хотите, виѣшняя, юридическая или даже логическая правда—на его сторонѣ: трудно оспаривать мысль, что каждому изъ насъ принадлежитъ право исповѣдывать ту вѣру, въ истинности которой онъ

убѣжденъ. Но, господа, кромѣ правды внѣшней, юридической, логической, есть правда внутренняя, нравственная, психологическая, и, по моему искреннему убѣжденію, Стаховичъ погрѣшилъ противъ этой послѣдней правды,—противъ той правды, которая должна быть въ сердцѣ православнаго человѣка, не на словахъ только, а и на дѣлѣ любящаго свою дорогую мать—Церковь. Мнѣ думается, любящій сынъ Православно-Русской Церкви такъ бы не сдѣлалъ, какъ сдѣлалъ Стаховичъ,—не захотѣлъ бы срывать съѣзда своею блестящею, эффектною рѣчью, которую сейчасъ же и тиснулъ въ газетномъ листкѣ. Вѣдь съѣздъ дѣлалъ доброе дѣло,—зачѣмъ же было такъ глумиться надъ его дѣянiями? Зачѣмъ выставять его на позоръ нашей интеллигенціи, про которую вѣдь онъ зналъ же, что она—не изъ друзей Церкви? Я, господа, вполне понимаю Шаралова (публициста славянофильскаго лагера, — знаете?), который, прочитавъ рѣчь Стаховича въ „Спб. Вѣдомостяхъ“, собрался было послать оратору привѣтственную телеграмму, да не послалъ: меня,—говорить,—смутилъ общій тонъ рѣчи, страстный вызывающій по отношенію къ представителямъ Церкви... Нѣтъ, господа, я не могу сочувствовать поступку Стаховича: въ немъ мало любви къ Церкви. Не даромъ его рѣчи такъ обрадовались всѣ наши гг. либералы, инородцы, иновѣрцы и атеисты...

— Пусть такъ, полковникъ,—возразилъ врачъ,—однако вы по существу-то ничего не сказали противъ основныхъ положеній Стаховича.

— Да, не сказалъ: я говорилъ о томъ, что я передумалъ, перечувствовалъ... Вы хотите отъ меня принципиальной оцѣнки орловской рѣчи, но я за это не беруъ по той простой причинѣ, что еще не успѣлъ разобраться въ ея основныхъ положеніяхъ: вѣдь это дѣло не легкое. Конечно, „свобода совѣсти“ — хорошая, красивая формула; но вѣдь жизнь-то, докторъ, шире всякихъ формулъ. Вотъ почему для меня

остаётся ещё вопросом—можно ли прилагать эту формулу къ жизни безъ всякихъ ограниченій?

— Мнѣ кажется, господа, что нельзя,—вступилъ въ разговоръ молчавшій до тѣхъ поръ старикъ—педагогъ:—есть совѣсть и совѣсть,—есть совѣсть здоровая, добрая, а есть совѣсть болъная и даже злая. Неужели и такая совѣсть не подлежитъ виѣшнимъ ограниченіямъ? Въ такомъ случаѣ придется предоставить свободу скопцамъ, самосожигателямъ или бѣгунамъ въ родѣ тираспольскихъ... Это разъ. А второе дѣло нельзя же, господа, забывать, что у насъ, на Руси, союзъ Церкви и государства переплетенъ такими сложными нитями, которыхъ теперь и не распутать: Церковь живетъ въ государствѣ, и государство—въ Церкви. Мнѣ думается, православное правительство не можетъ относиться къ Православной Церкви такъ же, какъ и ко всякому другому исповѣданію,—тѣмъ менѣе оно можетъ относиться къ ней безразлично. А если такъ, неужели оно не въ правѣ положить предѣлъ иновѣрной или сектанской пропагандѣ? Не волнуйтесь, докторъ: я говорю сейчасъ не противъ свободы исповѣданія, а противъ свободы пропаганды. Вы не знаете западнаго края а я тамъ прожилъ чуть не тридцать лѣтъ и успѣлъ наглядѣться, какъ тамъ дѣйствуетъ латинская миссія: вздумается какому-либо уніату переступить порогъ православнаго храма, ксендзъ тутъ-какъ тутъ, и начнетъ пугать темнаго мужика *некломъ*, а на нашу Церковь взводитъ такія небылицы, что просто волосъ дыбомъ становится; есть такіе ксендзы, которые внушаютъ бабамъ, что-де русскіе почитаютъ не Христа роспятаго, а разбойника... А знаете, какъ ксендзы отговариваютъ уніатокъ отъ вступленія въ бракъ съ православными? Лучше, говорятъ, распутничать съ уніатами или католиками, чѣмъ вступать въ бракъ съ православными: за такое распутничанье можно получить прощеніе, а вступишь въ бракъ съ православнымъ—непремѣнно угодишь въ *некло*... Я, разумѣется, не рѣшусь утверждать, что всѣ ксендзы—такіе, но за достовѣрность переданныхъ фактовъ ручаюсь... Что-жь?!

неужели православное правительство должно спокойно смотреть на это ужасное *насиліе* надъ совѣстью и душою народною? неужели оно не въ правѣ выдвинуть свою силу противъ такого насилія?... Да не волнуйтесь же, докторъ: вѣдь я желаю ограниченія насилія, даже нахальства враговъ церкви. Я хочу, далѣе, чтобы служители Православной Церкви были поставлены государствомъ въ условія, благопріятныя для борьбы со врагами; чтобы они получали образованіе въ хорошихъ, благоустроенныхъ школахъ; чтобы были обезпечены не менѣе инославнаго духовенства; чтобы жизнь прихода— не только какъ церковной, но и какъ гражданской единицы— была правильно организована и т. д. Вотъ, господа, мои *ria desideria!*...

Докторъ хотѣлъ было кое-что возразить почтенному педагогу, но старые часы своимъ хриплымъ боемъ напомнили намъ, что пора расходиться: было уже два часа ночи...

Свящ. Вас. Г—р—скій.

О ПРОДОЛЖЕНИИ ИЗДАНИЯ ПРИ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ
 ЖУРНАЛА
„РУКОВОДСТВО для СЕЛЬСКИХ Пастырей“
 въ 1902 году.

Въ 1902 подписномъ году и 43 году своего существованіи Редакція журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“ продолжаетъ, при помощи Божіей и сочувствіи приходскаго духовенства, свое дѣло—служить, по мѣрѣ силъ, интересамъ русскихъ пастырей и содѣйствовать имъ въ ихъ святомъ служеніи.

Въ этихъ видахъ въ журналѣ печатаются не только статьи литургическаго, гомилетическаго и историческаго характера, но и разрѣшаются вопросы, вызываемые теченіями современной жизни, выясняется отношеніе къ этимъ теченіямъ духовенства и указываются способы и мѣропріятія борьбы съ религіозными заблужденіями и противохристіанскимъ направленіемъ жизни, а также даются посильные отвѣты на разные недоумѣяные вопросы и случаи, возникающіе въ пастырской практикѣ. Для лучшаго осуществленія этой задачи Редакція обращается ко всѣмъ русскимъ пастырямъ съ просьбой дѣлать сообщенія обо всѣхъ выдающихся явленіяхъ и движеніяхъ въ духовно-религіозной жизни ихъ паствъ.

Кромѣ того, въ журналѣ помѣщаются очерки, посвященные памяти выдающихся дѣятелей на нивѣ Христовой, и художественно

обработанные рассказы изъ жизни духовенства или изъ религіозной жизни общества.

Въ ежемѣсячныхъ сборникахъ „Проповѣдей“, рассылаемыхъ подписчикамъ заблаговременно, помѣщаются общедоступныя поученія на всѣ воскресныя, праздничныя и высокаторжественныя дни, внѣбогослужебныя чтенія и бесѣды, катихизическія поученія для систематическаго проповѣдыванія, а также проповѣди въ обличеніе сектантскихъ заблужденій.

Въ „Богословскомъ Библиографическомъ Листкѣ“ наши читатели найдутъ краткіе отзывы или только простыя оповѣщенія обо всѣхъ выдающихся явленіяхъ и новостяхъ въ русской богословской литературѣ и духовной журналистикѣ.

Наконецъ, и въ наступающемъ 1902 подписномъ году Редакція „Рук. д. с. наст.“ дастъ своимъ подписчикамъ, въ качествѣ бесплатнаго приложенія, сборникъ духовно-музыкальныхъ произведеній для хороваго исполненія.

Журналъ „Руководство для сельскихъ пастырей“ рекомендованъ Святейшимъ Синодомъ духовенству и начальствующимъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ для приобрѣтенія въ церковныя и семинарскія библіотеки (Синод. опредѣленіе отъ 4 февраля—14 марта 1888 г. за № 280).

Подписная цѣна журнала съ означенными приложеніями **ШЕСТЬ** рублей съ пересылкою во всѣ мѣста Россійской Имперіи. Плата за журналъ по официальнымъ требованіямъ, какъ то: отъ консисторій, правленій духовныхъ семинарій и благочинныхъ, можетъ быть отсрочена до сентября 1902 года.

Съ требованіями обращаться по слѣдующему адресу: *Кіевъ, въ Редакцію журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“.*

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Д. Семинаріи, Архимандритъ Θεодосій.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 22 февраля 1902 г.

Цензоръ, экстра-орд. проф. Акад. прот. *Г. Корольковъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLIII.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 10.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1902 года, марта 7-го.

Содержаніе: Пастырь Церкви предъ богослуженіемъ и во время богослуженія.—Книга „Требникъ“ и ея значеніе въ жизни православнаго христіанина. (По поводу новѣйшихъ воззрѣній на эту книгу).—Интересная переписка о соблюденіи поста.—Изъ душевной исторіи Н. В. Гоголя.

Пастырь Церкви предъ богослуженіемъ и во время богослуженія.

*(Речь Преосвященнаго Сергія, Епископа Уманскаго, въ собраніи
Кіевского Просвѣтительнаго Общества).*

„Вы есте свѣтъ міра. Тако да просвѣтитесь свѣтъ вашъ предъ челоуѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла и прославятъ Отца вашего, иже на небесѣхъ (Мѡ. V, 14, 16)“.

„Вы слышали, возлюбленные братіе и сестры, что извѣстный, отторгнувшійся отъ православной Церкви русскій писатель говорить: „стоитъ только почитать требникъ, прослѣдить за тѣми обрядами, которые, не переставая, совершаются духовенствомъ и считаются христіанскимъ богослуженіемъ, чтобы

увидѣть, что всѣ эти обряды ничто иное, какъ различныя приемы колдовства, приспособленные ко всѣмъ возможнымъ случаямъ жизни* (Мисс. Обзор. июнь 1901 г. 808 стр.) „Я дѣйствительно отрекся отъ Церкви и написалъ въ завѣщаніи своимъ близкимъ, чтобы они, когда я буду умирать, не допускали ко мнѣ „церковныхъ служителей“ (?) и мертвое мое тѣло убрали бы поскорѣе безъ всякихъ надъ нимъ заклинаній и молитвъ, какъ убираютъ всякую противную и ненужную вещь, чтобы она не мѣшала живымъ“. (тамъ-же 809).

Одно и то-же слово не можетъ быть примѣняемо къ разнороднымъ понятіямъ. Если по отношенію къ священнодѣйствіямъ православной Церкви употреблено отступившимъ отъ Церкви слово „колдовство“, то подъ этимъ словомъ и нужно разумѣть именно то, что оно означаетъ. А оно означаетъ отнюдь не безразличное дѣйствіе, а дѣйствіе темной силы врага рода человѣческаго—дѣвола. Но сего да не будетъ!—Священнодѣйствія православной Церкви—суть дѣйствія не темныя, а свѣтлыя, дѣйствія таинственныя и освященныя силой всемогущей благодати Божіей. Сила дѣвола—по ту сторону Церкви, гдѣ нѣтъ вѣры въ Бога-Отца, сотворившаго міръ, гдѣ нѣтъ вѣры въ Бога-Сына, спасающаго міръ, гдѣ нѣтъ вѣры въ Бога-Духа Святаго, освящающаго міръ.

И какъ странно слышать слово—„колдовство“ отъ того, кто не вѣруетъ въ Христа, какъ Бога „во плоти пришедша“ (1 Іоан. IV, 3), и въ значеніе Церкви Христовой!... Для кого нѣтъ Христа-Бога, для того, повидимому, не должно-бы быть и дѣвола. Но оправдывается слово нѣкоего философа: „чѣмъ меньше люди вѣруютъ въ Бога, тѣмъ болѣе боятся бѣсовъ“.

Но если священнодѣйствія православной Церкви наивысшаго являются „колдовствомъ“, то, слѣдовательно, совершители этихъ дѣйствій—священнослужители православной Церкви,—ничто иное, какъ колдуны, которыхъ такъ боится ощутить при своемъ гробѣ отторгшійся отъ Церкви.

Уже не разъ съ этой проповѣднической кафедрой мы объясняли, что,—какъ человѣкъ по своей природѣ—существо, съ

одной стороны, духовное, а съ другой,—тѣлесное,—такъ и Церковь—предметъ невидимый и видимый. Поскольку къ Церкви принадлежатъ ангелы и святые человѣки, а глава ея есть восшедшій превыше небесъ Христосъ Спаситель, и освящающая сила—благодать принадлежитъ Духу Святому, постольку и Церковь есть предметъ невидимый, предметъ вѣры. Въ то же самое время Церковь есть предметъ видимый, поскольку къ ней принадлежатъ живущіе на землѣ люди, чрезъ посредство совершаемыхъ священнослужителями видимыхъ таинствъ и обрядовъ освящаемые невидимою благодатию Божіею. Главный камень претканиа и соблазна и заключается въ этихъ видимыхъ лицахъ іерархіи и видимыхъ священнодѣйствіяхъ, которыя, будто-бы, какъ видимые, не должны имѣть мѣста въ „царствѣ не отъ міра сего“—Церкви Христовой. Но доколѣ будемъ хромать на оба колѣна! Доколѣ будемъ провозглашать, что вѣруемъ въ Евангеліе и не будемъ принимать изъ него того, что говорится въ немъ объ устроеніи царствія Божія на землѣ!..

Если ты вѣруешь, что Христосъ есть Богъ, то долженъ вѣровать, что Онъ и Богочеловѣкъ. Если всемогущій Богъ благоволилъ спасти родъ человѣческой не инымъ образомъ, какъ пославши въ міръ Сына Своего Единороднаго, то, слѣдовательно, мы должны вѣровать, что вочеловѣченіе Бога было необходимо въ дѣлѣ Божія о мірѣ промышленности, что безъ Боговоплощенія невозможно домостроительство нашего спасенія. Если ты говоришь, что вѣруешь во Христа, вѣруешь въ Евангеліе, то, по слову Самого Спасителя, „испытай Писаніе“ (Іоан. V, 39), и въ немъ ты увидишь Его—Христа-Спасителя нашего и „рождаемымъ, и пеленами повиваемымъ, и въ ясляхъ полагаемымъ, млеко́мъ питаемымъ, обрѣзаніе прие́млющимъ и Симеономъ носимымъ, и все это—не мнѣнія, не привидѣнія, а Сама Истина, явившаяся міру“. (Стих. Срѣт. Госп.). Или вѣруй во Христа-Бога, явившагося во плоти, или не лги, что вѣруешь въ Евангеліе.

Но если для спасенія рода человѣческаго потребовалось

видимое воплощеніе Сына Божія, то, по вознесеніи Его на небо, необходимы и видимыя дѣйствія спасающей благодати Божіей и видимыя священнослужители основанной Имъ на земли Церкви. Эти видимыя дѣйствія—таинства и обряды Церкви, а совершители ихъ—архипастыри и пастыри Церкви, имѣющіе преемственное рукоположеніе отъ святыхъ апостоловъ. Какъ все это просто и ясно для вѣрующаго! А для невѣрующаго—все тьма! „Вѣруй въ Мя“, говоритъ Христосъ-Господь, „во тмѣ не пребудеть“ (Іоан. XII, 46); но „возлюбиха человеѣцы паче тьму, неже свѣтъ“ (Іоан. III, 19).

При свѣтѣ вѣры въ Бога и любви къ людямъ остановимъ наше вниманіе на священнослужителяхъ православной Церкви, при совершеніи ими святѣйшаго священнодѣйствія—Божественной литургіи, безусловно установленнаго Самимъ Христомъ-Спасителемъ и завѣщаннаго Имъ совершать оное, въ Его воспоминаніе, до скончанія міра.

Прежде, чѣмъ совершить это таинство, священнослужащій долженъ выслушать—съ вечера: 9-й часъ, малое повечеріе, на немъ правило; всенощное бдѣніе, состоящее изъ вечерни, утрени и 1-го часа; а на утро—прочеть канонъ и молитвы ко св. Причащенію, выслушать 3-й и 6-й часы, и тогда только приступить къ совершенію божественной литургіи. Одинъ этотъ перечень послѣдованій службъ церковныхъ уже свидѣтельствуетъ о не маломъ молитвенномъ подвигѣ священнослужителя. Но если мы вникнемъ въ то, съ какимъ вниманіемъ онъ долженъ пройти въ своемъ умѣ и сердцѣ всѣ эти послѣдованія, то поймемъ, что это есть подвигъ величайшій, требующій великой помощи благодати Божіей.

Придя въ храмъ и внимая чтенію 9-го часа, священнослужитель долженъ вспомнить, что въ это время „солнце померче, земля потрясется, каменіе распадется, завѣса церковная раздрася на двое съ вышняго края до нижняго“, ибо прешла сѣнь закона ветхаго, открылся новый завѣтъ Бога съ человеѣкомъ, такъ какъ „совершишася“ рекъ Христосъ со креста, и „преклонь главу, предаде духъ“. Предъ Нимъ, оста-

вленнымъ всѣми во время страданій за весь міръ, припадаетъ священнослужитель своимъ умомъ и сердцемъ и молить Его, „вся претерпѣвшаго за спасеніе міра“, чтобы Онъ укрѣпилъ его на предстоящее великое служеніе, въ которомъ всеильнымъ дѣйствіемъ благодати Божіей онъ—убогій рабъ—становится самъ совершителемъ божественной тайны—закланія Божественнаго Агнца.

На маломъ повечеріи должно вспомнить священнослужителю, что въ это время Онъ—Спаситель міра—„во гробѣ плотски, во адѣ же съ душею, яко Богъ, въ рай-же съ разбойникомъ и на престолѣ со Отцемъ и Духомъ, вся исполняй неописанный“. И, вспоминая это, священнослужитель многократно взываетъ: „Иисусе Сладчайшій, спаси насъ грѣшныхъ“ (канонъ Иисусу Сладчайшему), и читаетъ правило или каноны, чтобы такъ направить свою душу, дабы она вся была преисполнена любви къ Спасителю міра, чтобы Онъ былъ сладостію для его души, и чтобы самое тѣло, согрѣтое внѣшними дѣйствіями молитвы, алкало вкусить Его въ таинствѣ св. Причащенія, въ упованіи жизни вѣчной, дабы тамъ „истѣе причаститися Его въ невечернемъ дни Его царствія“.

Затѣмъ священнослужитель, многократно повторяя: „Пресвятая Богородице, спаси насъ“ (канонъ Божіей Матери), обращается съ молитвами къ Дѣвѣ Пренепорочной—Матери Христа Бога, пресвятую душу Которой прошло оружіе острое, когда Она видѣла распинаемымъ Сына Своего и Бога,—чтобы Она—Преблагословенная, не переставала молить о прощеніи нашихъ согрѣшеній предъ Сыномъ Своимъ и Богомъ, и, какъ „неугасимая лампада и заря присносіятельная“, молитвами Своими „просвѣщала насъ, обуреваемыхъ ноцію скорбей“. Наконецъ, священнослужитель обращается съ молитвою къ Ангелу Господню—Хранителю своему (канонъ Ангелу-Хранителю), коему онъ врученъ отъ рожденія, и который „выну видитъ лице Отца Небеснаго“ и умоляетъ его, чтобы онъ не отвратилъ Своего лица отъ своего раба, готовящагося стать совершителемъ великаго таинства, и покрылъ-бы его крылами своей благодати отъ всякаго навѣта вражія.

Въ священнодѣйствіяхъ вечерни и утрени предъ умственнымъ взоромъ священнослужителя Церкви проходитъ вся исторія Завѣта Вѣтхаго: первозданный рай, паденіе Адамово, изгнаніе изъ рая, скорби и печали перваго человѣка и первые проблески надежды на спасеніе; патріархи, цари, пророки, и все большіе и большіе проблески и, наконецъ, заря грядущаго Свѣта, Свѣта тихаго „святыхъ славы Отца небеснаго“, грядущаго въ міръ Христа-Свѣта, просвѣщающаго и освящающаго всякаго человѣка во всѣ времена.

Во время предначинательнаго псалма „Благослови душе моя Господа“ на вечернѣ священнослужитель читаетъ 7 тайныхъ молитвъ, а во время шестопсалмія—12, вознося въ этихъ молитвахъ усердныя прошенія не только о всѣхъ, молящихся съ нимъ, но и о „всей братіи, яже на земли, на мори, и на всякомъ мѣстѣ владычества Божія“, и, вспоминая покаяніе Давидово, умоляетъ Господа не отринуть священнодѣйствующихъ отъ Его лица, и даровать, даже до послѣдняго издыханія, приносить жертву правды и возношенія во святыхъ жертвенникахъ.

Но историческое послѣдованіе вечерни и утрени всегда слагается въ чинѣ церковномъ или съ воспоминаніями событій изъ жизни Христа-Спасителя и Его Пречистой Матери, или съ воспоминаніями о пророкахъ, апостолахъ, мученикахъ, отцахъ и учителяхъ Церкви и преподобныхъ. И вотъ эти-то образы подобострастныхъ намъ людей, съ одной стороны, окрыляютъ наши души, ободряя насъ своими примѣрами, а, съ другой,—они, какъ свидѣтели возможности истинно-христіанской жизни на землѣ и спасенія на небѣ, ведутъ къ самоиспытанію самоосужденію, и къ глубокому смиренію, и заставляютъ насъ падать ницъ умомъ и сердцемъ въ своемъ ничтожествѣ предъ величіемъ Божиимъ, и молятъ Спасителя міра, чтобы онъ согрѣлъ наши сердца любовію къ Нему и распалилъ ихъ къ познанію Его, какъ нѣкогда сердца Клеопы и Луки, спутешествуя имъ, „сердца которыхъ къ познанію Его распаластся“ (5 Еванг. стих.).

Вотъ уже воспѣта ангельская пѣснь: „слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ“, „слава Тебѣ, показавшему намъ свѣтъ!..“ Но сей Свѣтъ небесный сокрывается сначала въ убогомъ вертепѣ, потомъ въ далекомъ Египтѣ, далѣе въ безславномъ Назаретѣ, изъ котораго „можетъ-ли что добро быти“ (Іоан. I, 46), пока не возгласитъ Предтеча, свидѣтельствующій истину древняго пророчества: „се Агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра“ (Іоан. I, 29, Исаин 53, 7)... Царскія врата закрыты, свѣтильники угашены, и тихое чтеніе 1-го часа, при свѣтѣ лишь немногихъ лампадъ, напоминаетъ священнослужителю, какъ бодрствуетъ теперь „Иродъ, ищущій убити Отрочате“: какъ бодрствуетъ предатель въ этотъ часъ, за сребреники продавшій Безцѣннаго, когда Онъ—Свѣтъ истинный въ тишинѣ ночи молится въ саду Геосиманскомъ, „падъ на лицѣ своемъ и глаголя: „Отче мой, аще возможно есть, да мимо идетъ отъ Мене чаша сія: обаче не яко-же азъ хочу, но яко-же Ты“ (Матѣ. XXVI, 39). А очи любимыхъ учениковъ сномъ отягчены. Усталые отъ бодрствованія на вечери тайной, въ бесѣдѣ со Христомъ на пути въ садъ Геосиманскій, они уснули. Но вотъ приблизился часъ, въ который Сынъ Человѣческій долженъ быть преданъ въ руки грѣшниковъ. „Востаните, идемъ: се приближиси предавая мя“ (Матѣ. 26, 45, 46), говоритъ Господь спящимъ ученикамъ. И ведутъ Его „ко Аннѣ первѣе“ (Іоан. 18, 13), потомъ въ Каіаѳѣ, и отъ Каіаѳы въ преторъ—на судъ Пилатовъ. Было уже утро!...

Вотъ тѣ священныя воспоминанія, которыя отъ ранняго вечера до разсвѣта должны предноситься уму и сердцу священнослужителя Церкви, укрѣпляемаго въ подвигѣ своего служенія примѣромъ святыхъ Божіихъ человѣковъ.

„Умолчавъ“ до утра, священнослужитель, вставъ отъ сна, снова припадаетъ ко всеблагому Богу, и въ усердной молитвѣ многократно взываетъ: „Сердце чисто созижди во мнѣ, Бже, и духъ правъ обнови во утробѣ моей. Не отвержи мене отъ лица Твоего, и Духа Твоего Святаго не отними отъ мене“. „Пресвятая Богородице, спаси насъ“. Къ симъ сти-

хамъ присовокупляетъ онъ тропари канона ко св. Причащенію и наставляетъ себя въ томъ, что человѣкъ, желающій вкусить Владычнаго Тѣла, долженъ со страхомъ приступить, и желающій вкусить Христовой Крови долженъ примириться со всѣми, и тогда уже дерзнуть вкусить Таинственной Пищи. Но прежде причастія страшныя жертвы онъ начинаетъ съ трепетомъ молиться и читаетъ 12 умиленныхъ молитвъ, вои́я, наконецъ, предъ Богомъ: „Предъ дверьми храма Твоего предстою, и лютыхъ помышленій не отступаю: но Ты, Христе Боже... отверзи ми утробы человѣколюбія Твоего, просвѣти моя душевныя чувства, попялая моя грѣховныя вины“. Во свѣтлостѣхъ Твоихъ, како ввиду недостойный; аще бо дерзну совнिति въ чертогъ, одежда мя облачаетъ, яко нѣсть брачна, и связанъ изверженъ буду отъ ангеловъ: очисти, Господи, скверну души моя, и спаси мя, яко человѣколюбецъ“.

Окончивъ это молитвенное дѣйствіе, священнослужитель идетъ въ домъ Божій; со страхомъ поклоняется храму святому, и возлагаетъ на себя священныя одежды, изъ которыхъ каждая имѣетъ глубокой и назидательный смыслъ. Бѣлый подризникъ знаменуетъ ризу спасенія и одежду веселія, и украшаетъ священнослужителя, какъ невѣсту Христову. Епитрахиль напоминаетъ о преизобильно излитой на священнослужителя благодати Божіей. Поясъ—утверждаетъ въ надеждѣ на помощь Божію и направляетъ на непорочный путь—на высокое служеніе. Поруча вразумляютъ научиться исполненію заповѣдей Господнихъ. Фелонь или саккосъ повелѣваютъ облечься въ правду предъ Богомъ, предъ людьми, предъ собою. Палица научаетъ властвовать для достиженія истины кротостію и правдою. Важнѣйшая изъ одеждъ—архіерейскій омофоръ знаменуетъ заблудшее естество, взятое Христомъ на рамена Свои, и повелѣваетъ архипастырю искать заблудшаго въ своей паствѣ съ такимъ тщаніемъ, съ какимъ научаетъ этому евангельская притча (Іоан. X гл.). Панагія архіерейская требуетъ сердца чистаго, а крестъ на персяхъ научаетъ заповѣди Христовой—

отвергнуться себя, взять крестъ свой и послѣдовать Христу. Митра—этотъ вѣнецъ отъ каменій драгихъ—знаменуетъ вѣнецъ спасенія, вѣнецъ живота вѣчнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ напоминаетъ и о томъ, что сей вѣнецъ дается не безъ вѣнца терноваго, сплетеннаго искушеніями и терпѣніемъ—подвигомъ пастырскаго служенія въ жизни земной. Наконецъ, священнослужитель-архиерей, облеченный во всеоружіе Божіе, пріять въ свои руки свѣтильники, знаменующіе Пресвятую Троицу и единосушіе двухъ естествъ во Христѣ, слышитъ въ великое назиданіе себѣ слова Христа-Спасителя: „Такъ да просвѣтитя свѣтъ твой предъ челоуѣки, яко да видятъ твоя добрая дѣла и прославятъ Отца нашего, иже есть на небесѣхъ“. (Мѡ. V, 16) Чье сердце не содрогнется при этихъ глаголахъ Божіихъ? Чей умъ не вперится къ Богу? Чья воля не преклонится предъ повелѣніемъ Божіимъ? И вмѣстѣ съ тѣмъ, кто не проникнется сознаниемъ своей немощи и не воскликнетъ: „Сила Твоя, Господи, въ немощи совершается, воздвигни-же силу Твою, прійди и спаси насъ“.

Выслушивая 3-й часть, священнослужитель размышляетъ о томъ, какъ Спаситель нашъ въ 3-й часть дня былъ судимъ. Пилатомъ, какъ претерпѣвалъ безчисленныя руганія, заушенія, біенія и оплеванія, а равно и о томъ, какъ въ 3 часа дня въ видѣ огненныхъ языковъ сошелъ на учениковъ Христовыхъ Духъ Святой. При чтеніи 6-го часа онъ размышляетъ о томъ, какъ въ это время Спаситель, неся крестъ свой, былъ веденъ на распятіе, и какъ пригвожденъ былъ ко кресту, какъ былъ поругаемъ, какъ хулилъ Его разбойникъ и какъ воины ризы Господни раздѣлили между собою.

Послѣ всего этого священнослужитель приступаетъ, наконецъ, къ совершенію величайшаго священнодѣйствія—Божественной литургіи, предварительно умывъ свои руки, въ знаменіе невинности своей въ тяжкихъ грѣхахъ и въ знаменіе незлобія и правоты, которыя требуются отъ него при совершеніи безкровной жертвы.

Послѣдованіе Божественной литургіи, какъ всѣмъ из-

вѣстно, представляетъ собою также священную исторію, и именно исторію земной жизни Христа Спасителя. Мы не будемъ останавливаться на изложеніи этой исторіи, ибо она болѣе или менѣе всѣмъ извѣстна.

Обратимся снова къ молитвенному подвигу пастыря во время совершенія имъ литургіи. Должно знать, что священнослужитель теперь совершаетъ величайшее Таинство. Его уста возглашаютъ слова самого Христа—Спасителя: „Примите, ядите, сіе есть Тѣло Мое, еже за вы ломимое во оставленіе грѣховъ. Пийте отъ нея вси, сія есть Кровь Моя, Новаго Завета, яже за вы и за многія изливаемая, во оставленіе грѣховъ“. И онъ самъ силою благодати Божіей дѣлается совершителемъ таинственнаго преложенія хлѣба и вина въ истинное Тѣло и въ истинную Кровь Христа Спасителя. Одно это сознаніе должно приводить въ трепетъ всякаго священнослужителя. Но въ то же самое время онъ долженъ помнить, что все это совершается чрезъ него силою благодати Божіей не для него только, но и для всего вѣрующаго христіанскаго міра и за спасеніе его. Посему, предстоя престолу Царя славы и исповѣдуя, что хотя „никто же достоинъ отъ связавшихся плотскими похотями и сладостми приходити, или приблизитися, или служити Царю славы“, ибо „служити Царю славы велико и страшно и самѣмъ небеснымъ силамъ“, но, такъ какъ священнодѣйствіе безкровной жертвы предано намъ Владыкою всѣхъ, то священнослужитель умоляетъ Господа не отвратить лица Своего и сподобить какъ его самого, такъ и всѣхъ вѣрующихъ принести эти дары. И въ то время, когда совершается страшная безкровная жертва Христова, священнослужитель, при сознаніи полнаго своего недостойнства, отъ своего ума и сердца долженъ возносить молитву къ Богу не только отъ себя, но и отъ всѣхъ вѣрующихъ чадъ Церкви Христовой, и держать на своихъ раменахъ всю тяжесть собственныхъ своихъ согрѣшеній и всего христіанскаго міра. Онъ молится за царей и правителей; онъ молится за мирное теченіе міровой жизни; онъ молится за всѣхъ страждущихъ

душевными и тѣлесными недугами; онъ молится за богатыхъ, чтобы они были щедродательнѣе и не превозносились; онъ молится за бѣдныхъ и убогихъ, чтобы не угнетались скорбію; онъ молится за всѣхъ находящихся въ пустыняхъ, горахъ, въ вертепахъ и пропастяхъ земныхъ; онъ молится о заключенныхъ въ темницахъ; онъ молится о мирномъ супружествѣ, о воспитаніи младенцевъ, о наставленіи юношей, о поддержаніи старости, объ утѣшеніи малодушныхъ, объ обращеніи къ Церкви прельщенныхъ; онъ молится о плавающихъ и о путешествующихъ, о вдовицахъ и сиротахъ, о плѣнныхъ и о находящихся на судѣ и во всякой скорби, нуждѣ и обстояніи сущихъ, просить на всѣхъ излить богатую милость Божію, „всѣмъ подая яже ко спасенію прошенія“. Наконецъ, онъ молится и о всѣхъ въ вѣрѣ почившихъ. По совершеніи страшной жертвы и по причащеніи св. Таинъ, священнослужитель благодарить Господа, даровавшаго страшныя сія и животворящія Таинства, во благодареніе и освященіе душъ и тѣлесъ нашихъ и просить, чтобы Господь далъ ему и всѣмъ причастившимся не для себя жить, но, въ соблюденіи заповѣдей и въ любви нелицемѣрной жить для Него—Владыки и Благодѣтеля, а по окончаніи сей временной жизни достигнуть покоя присносущнаго тамъ, гдѣ празднующихъ гласъ непрестанный.

Вотъ какъ величественна, обширна, глубока иумилительна молитва священнодѣйствующаго!..

И, о Боже, какой исполнена всеобъемлющей любви!

Вспомни при этомъ всякій пасомый, что, если ты близокъ своему пастырю, если онъ знаетъ твою семейную и внутреннюю жизнь твоей души, которую ты открылъ ему въ искренней бесѣдѣ и особенно въ таинствѣ исповѣди, то всякое твое горе, всякая твоя радость предносятся уму и сердцу твоего пастыря, молящагося этою великою любвеобильною молитвою. Онъ вспомнитъ твой семейный разладъ, и молится о его прекращеніи. Онъ помнитъ непослушаніе твоихъ дѣтей, и молится о вразумленіи ихъ. Онъ помнитъ нищету твою, и молится, чтобы Господь обогатилъ тебя. Онъ помнитъ труды

и болѣзни твои, и молится, чтобы Господь вознаградилъ, исцѣлилъ и утѣшилъ тебя. Онъ помнитъ доброту твою, и молится, чтобы Господь воздалъ тебѣ вмѣсто земныхъ небесныя. Онъ молится, чтобы Господь простилъ тебѣ всѣ твои согрѣшенія. Онъ молится, чтобы ты достойно причастился св. Христовыхъ Таинъ и взошелъ въ радость Господа Твоего.

Помни каждый христіанинъ, что совершеніе божественной литургіи есть величайшее таинство, въ которомъ Богъ Отецъ заслугами Своего Сына и благодатію Духа Святаго, чрезъ священнодѣйствующаго, пріемлетъ молитву всего міра. Убойся же всякій хулить таинства св. Церкви и ихъ совершителей. Это страшное дѣло! Человѣкъ, лишенный вѣры, не можетъ приблизиться къ уразумѣнію силы таинъ. Но, если не уразумѣваешь, то загради свои уста. Вѣдь къ полному уразумѣнію таинъ „желаютъ приникнуть ангелы“ Божіи (I Петр. I, V 2). А ты, не имѣя вѣры и не ощущая силы таинствъ, хулишь ихъ. Одумайся!...

Вы же, возлюбленные о Христѣ братіе и сестры, помните, что не осуждать вамъ нужно пастырей вашихъ: ибо вѣдь вы не знаете внутренней жизни душъ ихъ, а лучше всего молиться за нихъ, чтобы Господь даровалъ имъ право правити слово истины. Развѣ вы не знаете, что каждый священнослужитель есть человѣкъ, поползновенный ко грѣху. Вы можете видѣть его увлекшимся общимъ теченіемъ жизни; но вы не видите его въ уединеніи, когда онъ съ молитвою на устахъ взираетъ на икону, осіяваемую тихимъ свѣтомъ лампы, когда онъ чувствуетъ свое недостоинство и молить Господа о прощеніи своихъ и вашихъ грѣховъ. Удержите же языкъ свой отъ зла, и сотворите благо. Воздайте вашимъ пастырямъ за молитву молитвой, да сподобитъ насъ, Владыко, возлюбивши другъ друга и единомысленно исповѣдуя Отца и Сына и св. Духа, едиными усты и единымъ сердцемъ поклоняться Единому, въ Троицѣ славимому, Богу. Аминь.

Книга „Требникъ“ и ея значеніе въ жизни православнаго христіанина. (По поводу новѣйшихъ воззрѣній на эту книгу).

Въ своей бесѣдѣ, произнесенной въ собраніи Кіевскаго религіозно-просвѣтительнаго общества въ прошломъ году ¹⁾, мы вели рѣчь о „Тишиконѣ“ или Церковномъ Уставѣ и указывали тогда на весьма прискорбное и мало понятное явленіе въ религіозной жизни нашего современнаго общества—на явное пренебреженіе или же на весьма поверхностное его знакомство съ такою книгою, которая, по своему назначенію, должна бы регулировать каждый день и каждый шагъ нашей жизни. Событіе величайшей важности въ нашей религіозно-культурной жизни за истекшій годъ, взволновавшее умы нашей интеллигенціи, къ глубокому сожалѣнію, не могущей похвалиться твердостью и опредѣленностью своихъ религіозныхъ убѣжденій и основательнымъ знакомствомъ съ ученіемъ и обрядами той церкви, къ которой она себя причисляетъ, выдвигаетъ на очередь и настойчиво требуетъ отвѣта на новый вопросъ изъ той же отрасли нашихъ специальныхъ занятій—на вопросъ о значеніи другой, не менѣе важной въ религіозной жизни современнаго вѣрующаго человѣка, церковно-богослужебной книги, которая именуется у насъ *Требникомъ*. Книга эта, какъ не безызвѣстно, подверглась осужденію со стороны маститаго писателя русской земли, имя котораго у всѣхъ на устахъ, въ его „новой исповѣди“ или въ отвѣтѣ на постановленіе Св. Синода отъ 20—22 февраля прошлаго года, по поводу его отлученія отъ Церкви. Крайне несправедливыя и завѣдомо пристрастныя возраженія противъ этой книги, вылившіяся изъ подъ пера нашего великаго писателя, несомнѣнно подъ вліяніемъ вспышки оскорбленнаго самолюбія и желчнаго раздраженія, вспышки,

¹⁾ Бесѣда эта издана въ свѣтъ Кіевскимъ просвѣтительно-религіознымъ обществомъ отдѣльною брошюрою подъ заглавіемъ: „Недостатки современнаго церковно-религіознаго воспитанія и причины, ихъ породившія“. Кіевъ. 1901 г.

навѣянной актомъ, хотя и властнымъ, но преисполненнымъ высокою христіанскою любовью и горячаго призыва, обращеннаго къ нему со стороны нашего высшаго чиновначалія, къ возвращенію въ лоно Церкви православной, а къ намъ, его почитателямъ, къ молитвѣ о немъ,—особенно прискорбны для насъ потому, что изъ среды русской интеллигенціи нашлись такіе единомысленники, которые, путемъ печати, въ періодическихкихъ изданіяхъ ¹⁾, постарались развить крайнія воззрѣнія нашего писателя на данную книгу съ ссылкой на факты, якобы позаимствованные ими со страницъ нашего Требника, и съ несомнѣннымъ намѣреніемъ импонировать на людей, мало знакомыхъ съ его содержаніемъ.

Требникъ или, болѣе правильно, *Потребникъ* (такъ называлась у насъ эта книга въ древности), какъ показываетъ и самое наименованіе, есть такая церковно-богослужебная книга, въ которой собрано и заключено все то, что *потребно* каждому сыну православной Церкви отъ дня рожденія до послѣдняго его вздоха на землѣ. Съ Требникомъ въ рукахъ пастырь Церкви православной привѣтствуетъ въ христіанскомъ домѣ появленіе на свѣтъ cadaго новаго его члена и утѣшаетъ болящую мать новорожденнаго, перенесшую смертельныя муки рожденія; при выполненіи обрядовъ и молитвъ, положенныхъ въ Требникѣ „женѣ родильницѣ по чотыредесяти днехъ“, новорожденный вводится въ собраніе вѣрующихъ, „нарицающихся именемъ Христа“, воцерковляется, а матери его открывается доступъ въ храмъ славы Божіей, куда, по естественнымъ причинамъ, она лишена была права появляться; молитвословіями и обрядами въ чинахъ таинствъ Крещенія и Муропомазанія того-же Требника новорожденный содѣлывается сыномъ Церкви православной и получаетъ благодатные дары Св. Духа, укрѣпляющіе его духовныя силы на всякое дѣло благое; въ дни нашихъ нравственныхъ паденій и искренняго

¹⁾ Мы имѣемъ въ виду статьи въ „Русскихъ вѣдомостяхъ“ за прошлый годъ іюль, написанныя по поводу отвѣта графа Л. Н. Толстого Св. Синоду на его постановленіе отъ 20—22 февраля.

сердечнаго сокрушенія объ этомъ, молитвами Требника пастырь Церкви утѣшаетъ кающихся грѣшниковъ указаніемъ на всепрощающую любовь Божію и на Его безмѣрное милосердіе къ нимъ; при перемѣнѣ жизни одинокой на супружескую того или иного члена Церкви, христіанскій пастырь призываетъ на него благословеніе Божіе и въ молитвахъ Требника даетъ такое обиліе добрыхъ благопожеланій и поучительныхъ примѣровъ истинно счастливой супружеской жизни, какого не въ силахъ высказать самый просвѣщенный и умудренный житейскимъ опытомъ отецъ и самая нѣжная и горячо любящая своихъ дѣтей мать; въ моментъ рѣшимости посвятить себя на безбрачіе и служеніе Церкви въ образѣ иноческаго, порывающей связь съ міромъ и всѣмъ, что близко и дорого человѣку, состоящему изъ плоти и крови, чрезъ Требникъ въ ободреніе себя слышитъ напоминаніе о заповѣдяхъ Божественнаго Учителя: *„Иже любитъ отца или мать паче мене, нѣсть мене достоинъ: и иже любитъ сына или дочь паче мене, нѣсть мене достоинъ“* (Матѹ. X, 37) и еще: *„Аще кто хочетъ по мнѣ ити, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой, и по мнѣ грядетъ“* (XVI, 24), и получаетъ цѣлый рядъ указаній на величайшіе и удививительные въ исторіи христіанской Церкви примѣры аскетизма и анахоретства, которые самымъ убѣдительнымъ образомъ говорятъ, что люди, избравшіе этотъ родъ жизни, не только спаслись и достигли царства небеснаго, но и оказали человѣчеству и Церкви Христовой безцѣпныя услуги; въ различныхъ обстоятельствахъ нашей жизни, общественной или частной, при начатіи всякаго добраго и полезнаго дѣла, во время радости и тяжелаго горя, пастырь церкви съ Требникомъ въ рукахъ, молитвами его, преисполненными искреннихъ благопожеланій и неложныхъ обѣщаній на успѣхъ, при глубокой, конечно, съ нашей стороны вѣрѣ въ Бога, какъ источника и подателя всякаго добра, вселяетъ полное сознаніе необходимости—не падать духомъ, не приходитъ въ уныніе въ случаѣ неуспѣха или неудачи, памятуя всегда, что все исходитъ отъ воли Про-

мыслителя, безъ Котораго не падаетъ и волосъ съ нашей головы; въ болѣзняхъ, постигающихъ вѣрующаго челоуѣка по грѣхамъ его, священникъ молитвами нашего Требника горячо убѣждаетъ исповѣдать передъ Богомъ свой грѣхъ, какъ причину болѣзни, и радостною надеждою на скорое выздоровленіе, при помощи Божіей и по молитвамъ Церкви, поддерживаетъ духъ бодръ у болящаго и окружающихъ его близкихъ людей; въ часъ ужаснаго томленія духа, когда на глазахъ родныхъ и друзей, употребившихъ уже всѣ усилія къ спасенію жизни дорогого больного, происходитъ страшная борьба жизни и смерти, когда наступаетъ мучительный моментъ разлученія души съ тѣломъ, при которомъ ужасъ леденитъ кровь въ жилахъ, и умъ окружающихъ одръ умирающаго отказывается управлять мыслями и чувствами, св. Церковь, по Требнику, умоляетъ безсмертнаго Отца и едиnorodнаго Сына и пресвятаго Духа— „разрѣшить нестерпимыя болѣзни и содержація его горькія немощи“, „тѣлу, отъ ниже сложися, разытися, души же тамо преселитися, идѣже и еже быти пріяла есть, даже до общаго воскресенія“ ¹⁾; по смерти православнаго христіанина умилительными пѣсноиѣніями, трогательными обрядами и возвышенными молитвословіями нашего Требника св. Церковь, воздавая почести праху умершаго, какъ органу и проводнику благодати Святаго Духа въ душу живу, молитъ Бога о разрѣшеніи грѣховъ усопшему и „о вселеніи его души въ нѣдрахъ Авраама, Исаака, Иакова, идѣже праведницы упокоеваются“, и утѣшаетъ оставшихся въ живыхъ, объятыхъ горестнымъ чувствомъ разлуки, упованіемъ на взаимное общеніе живыхъ и мертвыхъ въ молитвѣ и на встрѣчу съ почившимъ въ томъ мірѣ, куда, со временемъ, пойдемъ и всѣ мы, какъ странники здѣшной жизни на короткое время. Скажемъ кратко, книга Требникъ, необходимая каждому православному христіанину безъ различія пола и возраста, во всякое время, при всякомъ обстоятельствѣ

¹⁾ Изъ молитвы „о долгострадающемъ умерети“. Требникъ изд. Кіев. 1873 г. л. 169.

въ жизни, есть, именно, та книга, при посредствѣ которой Церковь, созданная Христомъ и состоящая изъ живыхъ членовъ, вѣрующихъ въ Него, „благословляетъ именемъ Божиимъ, какъ выражается супруга нашего писателя, въ письмѣ къ высокопреосвященному Антонію, митрополиту петербургскому, всѣ значительнѣйшіе моменты человѣческой жизни: рожденій, браковъ, смертей, горестей и радостей людскихъ“¹⁾).

Какъ книга, заключающая въ себѣ чинослѣдованія почти всѣхъ христіанскихъ таинствъ, Требникъ въ возвышенно-поэтическихъ молитвахъ и пѣснопѣніяхъ и символическихъ обрядахъ, удивительнымъ образомъ гармонически слившихся въ одно неразрывное цѣлое, со всею ясностію и опредѣленностію предлагаетъ вѣрующимъ глубокое догматическое ученіе о таинствахъ и дѣлаетъ пониманіе этого ученія, благодаря отсутствію сухихъ схемъ и тонкихъ школьныхъ опредѣленій, доступнымъ всѣмъ людямъ, на какой бы ступени умственнаго развитія они ни находились.

Но книга Требникъ получила свое настоящее наименованіе у насъ въ Россіи, на православномъ же Востоцѣ, въ церкви византійской, гдѣ эта книга создавалась и приняла свой настоящій видъ, она носитъ другое названіе: *Евхологій* или *Молитвословъ*²⁾). Это послѣднее названіе болѣе доступно нашему пониманію, такъ какъ этимъ названіемъ характеризуются съ полною ясностію назначеніе и, отчасти, даже составъ нашей книги. Дѣйствительно, *Требникъ*—*Молитвословъ*, но не тотъ сокращенный, съ которымъ мы встрѣчаемъ утро и заключаемъ вечеръ cadaго дня нашей жизни, но *Молитвословъ*, какъ это ясно изъ вышесказаннаго, полный, обнимающій жизнь православнаго христіанина во всѣхъ ея многообразныхъ проявленіяхъ.

Предметъ нашей настоящей статьи, какъ показываетъ и сдѣланное нами сейчасъ опредѣленіе, не только весьма обши-

¹⁾ Церковн. Вѣстникъ 1901 г. № 13 ст. 418—419.

²⁾ *Εὐχολόγιον* Coar. edit. Venet. 1730 graef. См. филологическое объясненіе этого названія.

ренъ, но и весьма разностороненъ. Настоятъ, слѣдовательно, необходимость установить точку зрѣнія, съ которой мы намѣрены повести рѣчь о Требникѣ, какъ важнѣйшей изъ церковно-богослужебныхъ книгъ и полезнѣйшей каждому сыну православной Церкви. Думается намъ, что такимъ исходнымъ пунктомъ лучше и проще всего избрать тѣ возраженія и нападки на книгу Требникъ, какія были сдѣланы на нее въ самое недавнее время нашимъ талантливимъ писателемъ и его единомышленниками, съ цѣлью и дать послѣдній отвѣтъ на эти нападки, и поставить данную книгу на ту высоту, которую ей, по праву, отводитъ въ ряду другихъ церковно-богослужебныхъ книгъ наша Мать—православная Церковь. Но, при выполненіи указанной задачи, на насъ ложится прежде всего тяжелая необходимость воспроизвести здѣсь самый текстъ тѣхъ нападокъ на книгу Требникъ, какія были сдѣланы нашимъ писателемъ въ его, такъ называемой, „новой исповѣди“.

„Я убѣдился, исповѣдуется нашъ писатель въ своемъ отвѣтѣ на постановленіе Синода отъ 20—22 февраля объ отлученіи его отъ Церкви, что ученіе Церкви есть теоретически коварная и вредная ложь, *практически же собраніе самыхъ грубыхъ суеврій и колдовства*, скрывающихъ совершенно весь смыслъ христіанскаго ученія.

„Стоитъ только почитать *Требникъ*, прослѣдить за тѣми обрядами, которые, не переставая совершаются духовенствомъ и считаются христіанскимъ богослуженіемъ, чтобы увидѣть, что все эти обряды ничто иное, какъ *различныя пріемы колдовства, приспособленные ко всемъ возможнымъ случаямъ жизни*. Для того, чтобы ребенокъ, если умретъ, пошелъ въ рай, нужно умѣть помазать его масломъ и выкупать съ произнесеніемъ извѣстныхъ словъ; для того, чтобы родильница перестала быть нечистою, нужно произнести *извѣстныя заклинанія*; чтобы былъ успѣхъ въ дѣлѣ или спокойное житіе въ новомъ домѣ, для того, чтобы хорошо родился хлѣбъ, прекратилась засуха, для того, чтобы излѣчиться отъ болѣзни, для того, чтобы облегчилось положеніе умершаго на томъ свѣтѣ, для всего этого и тысячи другихъ обстоятельствъ есть

известныя заклинанія, которыя въ известномъ мѣстѣ, за известныя приношенія (sic!) произносятся священникомъ.

„И, дѣйствительно, отрекся отъ Церкви, пересталъ исполнять ея обряды и написалъ въ завѣщаніи своимъ близкимъ, чтобы они, когда я буду умирать, не допускали ко мнѣ церковныхъ служителей и мертвое мое тѣло убрали бы поскорѣе, *безъ всякихъ надѣ нимъ заклинаній и молитвъ*, какъ убираютъ всякую противную и ненужную вещь, чтобы она не мѣшала живымъ“¹⁾...

Нѣсколько ниже, въ той же исповѣди, нашъ писатель говоритъ: „Всѣ таинства я считаю измененнымъ, грубымъ, несоотвѣтствующимъ понятію о Богѣ и христіанскому ученію *колдовствомъ*, и, кромѣ того, нарушеніемъ самыхъ прямыхъ указаній Евангелія“²⁾.

Итакъ, обвиненіе, направленное противъ нашего *Требника*, при полномъ голословномъ отрицаніи обряда, вообще, касается, главнымъ образомъ и прежде всего, присутствія въ немъ, въ значительномъ количествѣ, *молитвъ заклинательныхъ*. Чтобы дискредитировать нашъ *Требникъ* въ глазахъ тѣхъ слабѣйшихъ изъ чадъ православной Церкви, которыя, хотя и считаютъ себя сынами ея, но мало или вовсе не интересуются церковностію, вообще, и нашими церковными богослужебными книгами, въ частности, нашъ писатель рѣшается прямо отождествить заклинательныя молитвы *Требника* съ ходячими среди простого народа заклинаніями и заговорами или волхвованіями, при помощи которыхъ знахари или, такъ называемые, колдуны эксплуатируютъ народныя невѣжественныя массы въ свою пользу и держатъ ихъ въ рабскомъ подчиненіи у себя.

Но добросовѣстно ли со стороны нашего мыслителя-писателя художника и его единомыслениковъ дѣлать завѣдомо преднамѣренныя сближенія и даже сравненія предметовъ несравнимыхъ и неоднородныхъ, стоящихъ, какъ увидимъ сейчасъ, на крайнихъ полюсахъ? (Продолженіе будетъ).

¹⁾ Миссіонерское Обозрѣніе 1901 г. Іюнь стр. 808.

²⁾ Тамъ же стр. 810.

Интересная переписка о соблюденіи поста.

Письмо Новгородскаго митрополита Гавріила къ графу П. В. Завадовскому.

Милостивый Государь!

По требованію вашего сіятельства, я препроводилъ 5-хъ семинаристовъ для приуготовленія ихъ къ учительской должности въ нормальныя училища. Отъ эконома того училища первый классъ для нихъ открытъ нарушеніемъ постовъ; одинъ изъ нихъ имѣеть отца, который сына проклинаеть, плачетъ и меня бранить. Сей омытъ подаеть мнѣ случай просить ваше сіятельство, чтобы установленія св. Церкви въ семъ училищѣ хранить. Мы видимъ плачевный и ужасный примѣръ Франціи. Папы разрушали установленія Церкви. Оттуду вышелъ Волтеръ и нынѣшняя Франція. Они почитали малостью; но сія малость хранила союзъ между государями и народомъ. Здѣсь, говоря истину,—усиливается развратъ нравовъ, оное училище учреждено, чтобы нравы поправить. Первые времена Россіи хотъ иные и почитаютъ непросвѣщенными, но только больше было и правительству и Церкви приверженности и честности слова.

Долгъ мой велить ваше сіятельство просить, дабы благоволили эконому предписать, чтобы посты въ нормальномъ училищѣ хранимы были; нарушеніе ихъ будетъ всеобщее проповѣдью для Россіи. Могутъ ли преступники закона Церкви быть учителями закона. Я довольно примѣтилъ, что отступленіе отъ Церкви въ народѣ обыкновенно начинается нарушеніемъ постовъ. Ваше сіятельство требуетъ въ сіе училище изъ семинаріи еще 45 человекъ; но они, слава Богу, для сего въ семинаріяхъ не приуготовлены. Экономъ училища можетъ сказать, что сіе дороже будетъ; но драгоцѣннѣе—обязанность къ Богу, государю, церкви и союзу Россіи. Покорнѣйше прошу запретить такія вольности дѣлать, а приказать держать учениковъ въ правилахъ христіанской Церкви. Какое

ваше о семъ всепослѣдуетъ опредѣленіе, прошу меня увѣдомить. Я, получивъ сіе, посиѣшу препроводить ихъ (т. е. 45 семинаристовъ) къ вамъ. Впрочемъ съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь пребыть.

21 іюля 1794 года.

Г. м. Н. и С.

Отвѣтъ на письмо митрополита графа Завадовскаго.

Преосвященнѣйшій Владыка!

Съ душевнымъ признаніемъ благодарю ваше преосвященство за отзывъ настырскій, который приѣмлю, какъ сынъ Церкви, благоговѣющей ко всѣмъ установленіямъ оной и глубоко почитающей ваши святительскія наставленія. По совѣсти моей доношу къ свѣдѣнію вашему, что дошедшій до васъ слухъ не былъ никакъ мнѣ извѣстенъ, а еще менѣе попускаемъ; но паче со стороны начальства предостережетъ точнымъ установленіемъ въ предписаніяхъ гимназій, дабы въ посты, согласно съ правилами церковными, ученики употребляли постныя яства. Возвращаемое на эконома принужденіе весьма напрасно, ибо онъ столовъ не учреждаетъ, а отъ его только получаютъ муку и крупу въ натурѣ; на прочія же харчи отпускаются ученикамъ деньги, на которыя сами они въ своихъ обществахъ по своей волѣ распоряжаются вседневною трапезой. Такимъ образомъ впадшіе въ соблазнъ произвольно грѣшатъ еще и клеветою. Изслѣдовавши о томъ, я теперь вновь и строго предписалъ, чтобы всѣ посты соблюдаемы были свято и увѣряю ваше преосвященство должнымъ моимъ повиновеніемъ, что отсель не услышите о прокрадывающихся въ томъ соблазнахъ. Я приверженъ вашей мысли, преосвященнѣйшій владыко, и почитаю заключенія ваши исполненными въ томъ благоразуміи, что суетудріе во всѣ вѣки и въ нашемъ столѣтіи губило и погубляетъ родъ человѣческій. Но столько жъ доказательно, что во тѣмъ невѣжества родъ человѣческій уподобляется скотамъ несмысленнымъ и страдная совершаетъ.

Парнасъ никогда не производилъ фурій ада, а сѣющій пшеницу не сѣялъ тернія; подобнымъ образомъ и науки кладь только богатный распространяють, не бывъ виною изверговъ, страстями развращенныхъ, они правятъ умъ и сердце къ познанію Бога, къ утверженію православной вѣры; образуютъ гражданина вѣрнаго государю, усерднаго и полезнаго отечеству. Таковы суть главные предметы нормальнаго ученія. И какъ въ сихъ чистыхъ источникахъ возмутить воду? Вольтеръ изрыгалъ то, что прежде его Спиноза и другіе лютыя безбожники изблевали: а народъ французскій, давно уже утопавшій въ развращеніи, наполнилъ мѣру своей гибели. Богу благодареніе,—мы помысломъ и сердцемъ далеко отстоимъ отъ нечестивыхъ, держася вѣры и правилъ святой Церкви, ограждаемые притомъ противу лукаваго духа. Вѣрующимъ въ Бога вся споспѣшествуетъ во благая. Обнаживъ мое внутреннее убѣжденіе предъ пастыремъ, котораго благодушіе и талантъ смысла возгрѣваетъ все стадо, пребываю съ высокопочитаніемъ и преданностью.

Вашею Преосвященства всепокорнѣйшій слуга

графъ П. Завадовскій.

21 іюля 1794 г.

Изъ душевной исторіи Н. В. Гоголя.

Въ Русскомъ собраніи (въ Петербургѣ) 22-го февраля С. Н. Сыромятниковъ сдѣлалъ, въ присутствіи многочисленныхъ слушателей, сообщеніе „Изъ душевной исторіи Гоголя“. Послѣ довольно обширнаго предисловія докладчикъ между прочимъ высказалъ, что о Гоголѣ издавна были довольно разнорѣчивыя мнѣнія. Нѣкоторые находили въ немъ слѣды рѣзкаго раздвоенія. Бѣлинскій выражался, что Гоголь не исполнилъ упованій; Гоголь, говорили, относился къ крѣпостному праву безъ какой-либо критики и къ простолюдинамъ какъ бы къ другой народности. Но у Гоголя мы часто встрѣчаемъ такіа, обрисовывающія характеръ его взглядовъ, выраженія: „мужика не бей!... Возьми самъ топоръ и косу...

Объдай съ мужикомъ“... и вообще массу совѣтовъ на основѣ, съ одной стороны народныхъ, съ другой нравственныхъ началъ. *Никакого раздуваемаго нѣкоторыми раздвоенія у Гоголя не было.* Отъ природы нѣжный, болѣзненный мальчикъ, онъ обладалъ сильно развитымъ религіознымъ чувствомъ. Напримеръ, еще въ юности онъ спрашивалъ въ письмахъ къ матери: отправили вы молебенъ и помолитесь ли передъ началомъ предпринятаго дѣла Богу? Съ одной стороны, Гоголь—поэтъ дѣйствительности. Въ первыхъ очеркахъ видѣнъ художникъ слова. Его пейзажи изумительны. „Мое дѣло—говорить живыми образами, а не разсужденіями, я долженъ выставить жизнь лицомъ, а не трактовать о жизни“. Съ другой стороны, Гоголь—духовидецъ русской литературы, духовный отецъ В. Соловьева. Острый вопросъ о взаимодействіи личности и государства Гоголь разрѣшалъ въ пользу личности. Гоголь могущественно участвовалъ въ созданіи того нравственнаго настроенія, которое дало ему, по справедливости, первенствующую роль въ русской литературѣ. Сознаніе своей гениальности заставляло его тяготиться проживать вначалѣ на счетъ бѣдныхъ родителей. „Горько мнѣ, писалъ онъ, что буду стоить вамъ дорого“. Школа дала мало знаній Гоголю. Плетневъ называетъ его гениемъ-самоучкой, а друзья называли его невѣждой. Будучи 19 лѣтъ, писалъ онъ: „Никто не разгадалъ меня,—одни называютъ педантомъ, другіе смиренникомъ, одни считаютъ учтивымъ, иные неотесаннымъ“. Въ домашнемъ обиходѣ въ юности отличался крайнею простотою; самъ хорошо заштопывалъ и шилъ простое платье, довольно удачно раскрашивалъ фрески и занимался живописью.

Въ Петербургѣ, куда онъ перебрался, постигло его первое разочарованіе. „Каждая столица отличается своею національностью здѣсь же русскіе объипострапились“.

Малороссія и рассказы о ней спасли его и прославили. Смѣялся онъ надъ влюбленностью въ толстую бабу-Москву, отъ которой, кромѣ щей и ругани, ничего не добьешься. Малороссійскіе рассказы сблизили Гоголя съ Пушкинымъ, который былъ его истиннымъ литературнымъ воспитателемъ. Протранжирить Пушкинъ, выражался о немъ Гоголь, всю свою жизнь на балахъ, если случай не заплетъ его въ деревню. „Я и со той доли не могу выразить моей скорби, писалъ Гоголь по случаю смерти Пушкина... Когда творилъ, я видѣлъ только Пушкина... Ничего не предпринималъ, ничего не писалъ безъ его совѣта. Ни одна строка не писалась безъ того, чтобы я не воображалъ его передъ собою. Что скажетъ онъ, что замѣнитъ онъ, чему посмѣется, чему изречетъ неразрушимое и

вѣчное одобреніе свое—вотъ что меня только занимало и одушевляло мои силы. Все, что есть у меня хорошаго, всёѣмъ я обязанъ ему“. Первымъ ударомъ для Гоголя была постановка „Ревизора“, когда возмущились купцы, чиновники и т. д. Только заступничество государя спасло пьесу и самого Гоголя. „Ревизоръ“ далъ автору возможность поѣхать за границу. Отзывы Гоголя о первыхъ заграничныхъ впечатлѣніяхъ поражаютъ своею скудностью. Чѣмъ дальше ѣхалъ и дальше находился Гоголь за границей, тѣмъ взоры его все чаще и чаще стали обращаться къ Россіи. Цензурныя условія, неудачныя переписки съ друзьями, постоянные займы—все это не могло не отразиться на здоровьѣ. Съ экзальтированнымъ духомъ, больной, онъ тайно напечаталъ переписку съ друзьями. „Я писалъ онъ впоследствии—размахнулся Хлестаковымъ“. Разочаровавшись въ Западѣ, онъ поѣхалъ въ Іерусалимъ, оттуда на родину, которую хотѣлъ изучать. „Нужно—говорилъ онъ—живое изображеніе Россіи. Вся беспорядочность происходитъ отъ невѣдѣнія земли своей. Къ несчастью, незнаніе родины кладется въ основу нашего воспитанія“. Но смерть уже ждала Гоголя.

Проведи параллель между двумя знаменитыми русскими писателями—Гоголемъ и графомъ Львомъ Толстымъ, которые оба оставили поэтическое творчество для разрѣшенія социальной проблемы, при чемъ Гоголь отрицалъ человѣческій разумъ, а Толстой вѣру, докладчикъ закончилъ пожеланіемъ по отношенію ко второму писателю просвѣтленія и примиренія съ Вѣчнымъ Откровеніемъ.

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Д. Семинаріи, Архимандритъ Θεодосій.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 2 марта 1902 г.

Цензоръ, экстра-орд. проф. Акад. прот. *Г. Корольковъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLIII.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 11.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1902 года, марта 14-го.

Содержаніе: Пастырскія привычки.—Современный русскій православный приходъ и задачи приходскаго духовенства.—Торжество православія въ первую недѣлю великаго поста на православномъ Востокѣ.—Самоосужденіе невѣрія.

ПАСТЫРСКІЯ ПРИВЫЧКИ.

Подъ такимъ заглавіемъ помѣщенъ въ прошломъ году въ французскомъ журналѣ „L'Ami du clergé“ рядъ статей, затрогивающихъ одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ пастырской жизни. Статьи эти представляютъ какъ бы очеркъ пастырской аскетики, разработанной, конечно, въ духѣ католической дисциплины и въ ближайшемъ примѣненіи къ строю жизни католическаго духовенства. Въ прошломъ году мы познакомили читателей Рук. д. с. паст. съ вступительной главой этого трактата о пастырскихъ привычкахъ, которую мы озаглавили такъ: „Значеніе въ жизни пастыря добрыхъ привычекъ и строгаго порядка“ (№ 39, 1901 г.); теперь представляемъ еще нѣсколько извлеченій изъ него, частью въ точномъ переводѣ, частью въ передѣлкѣ, полагая, что эти из-

влеченія изъ католическаго пастырскаго журнала будутъ небезынтересны и полезны для православныхъ пастырей какъ съ чисто теоретической, такъ и съ практической точки зрѣнія. Мы думаемъ, что было бы весьма полезно представить изображеніе хода внутренней жизни православнаго русскаго пастыря и указать тѣ способы и приемы „внутренняго дѣланія“, т. е. тѣ самовоспитательныя мѣры, которыя необходимы для постояннаго возгрѣванія и развитія въ пастырѣ духа пастырской ревности; иначе говоря, необходимо выработать, такъ сказать, православную пастырскую аскетику, но при мѣру аскетики монашеской. Но этотъ вопросъ можетъ быть разрѣшенъ только на почвѣ практической. Поэтому желательно было бы, чтобы наши выдающіеся пастыри, умудренные опытомъ пастырской духовной жизни, высказались и, на основаніи личнаго опыта, представили изображеніе внутренней жизни пастыря, ходъ его дѣятельности, складъ и порядокъ его внѣшняго поведенія и т. п. Несомнѣнно, что разрѣшеніе указаннаго вопроса могло бы имѣть значеніе и для правильной постановки воспитанія бѣдущихъ пастырей въ духовныхъ школахъ.

Г.

Регулярность (правильность) жизни пастыря.

Въ ряду пастырскихъ навыковъ на первомъ мѣстѣ безспорно нужно поставить регулярность. Она состоитъ, главнымъ образомъ, въ вѣрномъ соблюденіи разумно установленнаго порядка дня, въ которомъ каждый часъ имѣетъ свое опредѣленное занятіе и изъ котораго изгнаны произволь и фантазія. Равнымъ образомъ она обнимаетъ то, что должно быть совершено каждую недѣлю, каждый мѣсяцъ, каждый годъ. Въ этомъ обширномъ и полномъ смыслѣ мы и понимаемъ здѣсь *священническую регулярность*: она обнимаетъ всю жизнь пастыря, ни малѣйшая частица отъ нея не ускользаетъ.

Регулярность, правильная жизнь имѣеть для пастыря большую важность. Она созидаетъ, сохраняетъ и укрѣпляетъ всѣ другіе пастырскіе навыки. Она—могущественное орудіе дисциплины и совершенствованія. Безъ сомнѣнія, регулярность жизни не есть еще святость; но разумно понимаемая и съ постоянной вѣрностью соблюдаемая, она есть надежный путь къ достиженію ея. Она также насаждаетъ и укрѣпляетъ въ душѣ пастыря тѣ привычки, къ которымъ, главнымъ образомъ, клонятся всѣ упражненія въ семинаріи; эти привычки составляютъ одинъ изъ самыхъ цѣнныхъ плодовъ церковнаго ученичества. Счастливы тотъ пастырь, который сохраняетъ ихъ всю свою жизнь! Они очень споспѣшествуютъ тому, чтобы его священнослуженіе сдѣлалось спасительнымъ и освящающимъ какъ для него самого, такъ и для другихъ.

Св. отцы и учителя Церкви согласно учать, что соблюденіе устава или правила составляетъ существенное условіе жизни степенной и жизни въ Богѣ. Припомнимъ здѣсь только нѣкоторые болѣе извѣстные тексты, но мало принимаемые въ соображеніе. Св. Григорій Нисскій говоритъ: *„кто живетъ по правилу, живетъ для Бога“*.

Св. Кипріанъ: *„Дисциплина—путеводительница, наставница въ добродѣтели, заставляетъ пребывать во Христѣ, всегда и въ союзъ съ Богомъ жить и достигать небесной награды“*.

Блаж. Августинъ: *„Порядокъ ведетъ къ Богу“*. Св. Ефремъ: *„Итакъ, не проводи сегодня жизни суровой, а завтра изнѣженной и пріятной; но содержи правило подобно тому, какъ дѣлали и святые отцы“*. Авва Бернадъ: *„Прошу тебя братъ, стань въ Господь, всегда стараясь о соблюденіи порядка, чтобы порядокъ тебя охранялъ“*.

Эти наставленія пригодны для всѣхъ людей; но они особенно направлены къ пастырямъ, людямъ порядка по преимуществу. Необходимо, чтобы ихъ занятія были опредѣлены точнымъ образомъ и часы ихъ дней были благоразумно распределены. Пастырю нужно буквально соблюдать наставленіе

св. ап. Павла: *вся благообразно и по чину да бываютъ* (1 Кор. 14, 40). Эта чинность, эта регулярность сообщить его жизни особенную черту сходства съ Божественной премудростью, которая все располагаетъ *числомъ, въсомъ и мѣрою*. Благодаря этому средству, его поведение приобретаетъ нѣкоторую законченность, приятную всѣмъ. Напротивъ, недостатокъ порядка всегда производитъ непріятное впечатлѣніе; онъ омрачаетъ то, что есть наиболѣе прекраснаго и дорогаго въ человѣкѣ. Поведеніе человѣка можетъ быть похвально и совершенно во многихъ отношеніяхъ; но если ему недостаетъ порядка, то оно будетъ представляться какъ бы обезображеннымъ произведеніемъ искусства или собраніемъ цѣнныхъ, но разрозненныхъ книгъ. Удивляешься тому, что видишь; но сожалѣешь о томъ, чего недостаетъ. Вообще, выгоды, доставляемыя правильной жизнью, огромны и цѣны несравненной. Мы не можемъ лучше изложить ихъ, какъ приведа слова Бюатъ объ этомъ предметѣ въ его превосходномъ сочиненіи „Священнослуженіе“, гл. XVI.

„Правило—вотъ спасеніе. Для души, говорилъ Валентинъ Ріанъ, все заключается въ этихъ двухъ словахъ воли: да или нѣтъ, хочу или не хочу! Возмущенія ума, страданія сердца суть только чистыя частности. Опредѣленіе воли составляетъ все, это—*единое на потребу*. И вотъ ничто не опредѣляетъ волю такъ дѣйствительно, какъ правило; ничто не устанавливаетъ ее болѣе прочно, ничто не дѣлаетъ ее болѣе могущественною. Безъ правила душа похожа на корабль, качающійся въ открытомъ морѣ безъ паруса, безъ руля, безъ комнаса и безъ кормчаго; для потопленія его не нужно и бури,—достаточно перваго взрыва вѣтра. Правило, напротивъ, сосредоточиваетъ силы какъ сопротивленія, такъ и дѣйствія; оно управляетъ ихъ употребленіемъ, оно препятствуетъ ихъ разсѣянію, и содѣйствуетъ побѣдѣ. Постояннымъ призывомъ къ обязанности оно еще обуздываетъ страсти и укрощаетъ ярость ихъ. Оно, наконецъ, размѣчаетъ, какъ чертой, трудъ каждаго дня, будетъ ли это трудъ физическій, или умствен-

ный, нравственный и духовный. Правило для воли есть то же, что артеріи для крови и слои дерева для сока,—путь, который содержитъ въ себѣ и несетъ жизнь. „*Кто хранитъ наставленіе, тотъ на пути къ жизни*“ (Прит. X, 17).

Кто не знаетъ его неоцѣненной силы? Какъ день представляетъ послѣдованіе минутъ, жизнь есть сочетаніе частныхъ случаевъ и чрезъ христіанское исполненіе каждаго изъ нихъ мы постепенно приобретаемъ заслуги. Героическія жертвы представляютъ исключеніе. Богъ рѣдко требуетъ ихъ и, когда Онъ ихъ требуетъ, они, быть можетъ, стоѣтъ для душъ, хорошо направленныхъ, менѣе, чѣмъ относительно слабыя, но постоянно повторяемая усилія. Многіе предпочли бы осушить однимъ глоткомъ горькую чашу, чѣмъ пить по каплѣ. Умереть въ одинъ разъ для Божественнаго Учителя казалось бы дѣломъ легкимъ и почти радостнымъ: но умирать медленно и по частямъ, умирать, по слову апостола, каждый день,—вотъ что трудно и однако это главное условіе всякаго благочестія, стремящагося къ возрастанію. Въ этой тайной, но постоянной борьбѣ мы и должны завоевывать свой вѣнецъ.

Какимъ же образомъ исполнять эти многочисленныя обязанности каждаго дня, если онѣ напередъ не предусмотрены, и если онѣ затѣмъ не напоминаются и какъ бы приказываются правиломъ? Какимъ образомъ онѣ освящаются, если не возведены къ средоточію христіанской жизни дѣлательнымъ вниманіемъ, которое само имѣетъ свое начало въ заранѣе опредѣленной волѣ? Всѣ человѣческія дѣйствія, всѣ движенія и всѣ порывы души должны направляться къ Иисусу; но въ дѣйствительности они достигаютъ Его только посредствомъ правила, единственно вѣрной дороги, ведущей къ Спасителю и чрезъ Спасителя ко спасенію. Только правило приводитъ всякаго человѣка къ порядку: оно исправляетъ то, что есть порочнаго, умѣряетъ то, что есть неумѣреннаго, сдерживаетъ то, что есть чрезмѣрнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и возбуждаетъ то, что успуло, и толкаетъ то, что неподвижно. Будучи выраженіемъ Божественной мысли относительно каж-

даго изъ насъ, оно по этому самому есть неизсякаемый источникъ добрыхъ дѣлъ. Горе тому, кто отвергаетъ его, *ибо презирающій мудрость и наставленіе несчастенъ*. (Прем. Сол. III, 11). Безъ правила бываетъ бесполезная трата времени и дни проходятъ въ пустотѣ. Одно оно способно создать людей, христіанъ и святыхъ, будучи вмѣстѣ съ тѣмъ прочнымъ средствомъ для приложенія человѣческихъ силъ. Подъ его ярмомъ душа, пріучаемая къ трудностямъ, прямо идетъ своей дорогой и воля человѣческая, даже непокорная, принуждена стать въ согласіе съ волею Божественною. Несомнѣнно, въ мірѣ и во всѣхъ условіяхъ правило необходимо. Правило—это порядокъ, а порядокъ необходимъ всюду: управленіе жизнью, польза труда, чистота правовъ, сила и святость души происходятъ отъ него“.

Къ этимъ столь реальнымъ и цѣннымъ выгодамъ при-
совокупимъ еще, что регулярность для пастыря служитъ защитою и залогомъ постоянства, и источникомъ чистыхъ и спасительныхъ радостей.

1. Регулярность для пастыря служитъ защитою и залогомъ постоянства. Молодымъ клирикамъ ничего нельзя рекомендовать болѣе настойчиво, какъ ее. Если бы они оставались вѣрными доброму правилу жизни, и если бы соблюдали его ради любви къ Богу, то они имѣли бы полное основаніе надѣяться, что они живутъ сообразно съ волей Божіей; но, если они не тверды въ этой рѣшимости, то имъ нужно опасаться за свое спасеніе. И дѣйствительно, такъ какъ священнослуженіе не освобождаетъ насъ отъ нравственной слабости и отъ стремленія къ злу, составляющихъ печальный удѣлъ падшаго человѣчества, то случается, что пастыри подвержены и всѣмъ тѣмъ опасностямъ, которыя окружаютъ другихъ людей, и многимъ еще другимъ, которымъ подвергается только пастырь. Поставленные вверху и обязанные продолжать дѣло Спасителя, пастыри являются въ особенности мишенью для враждебныхъ нападеній со стороны міра и діавола. Но если опасности пастыря велики и многочисленны, то у него есть

также великія и многочисленныя средства защиты и регулярности, т. е. жизнь по правилу, безспорно, одно из самых могущественныхъ. Она не только укореняетъ въ немъ прочныя добродѣтели и удостовѣряетъ его въ благодати избранія; но дѣлаетъ еще болѣе—она немедленно возбуждаетъ ее, если онъ доходитъ до паденія. И дѣйствительно, если священникъ, по привычкѣ вѣрный добродѣтели своей жизни, испытываетъ нѣкоторое ослабленіе, то не опомнится ли онъ скоро и не примется ли опять съ жаромъ за благородную борьбу, на мгновеніе оставленную? Напротивъ, священнослужитель, живущій безъ правила, склоненъ впасть въ бездну, не замѣчая этого, и оставаться въ ней иногда надолго. Нѣтъ причины болѣе дѣятельной въ разрушеніи священнической жизни и поведенія, какъ отсутствіе регулярности.

2. Регулярность служить для пастыря источникомъ чистыхъ и спасительныхъ радостей. Развѣ не великое счастье и не сладчайшее утѣшеніе для пастыря, благоговѣнно соблюдающаго свое правило, имѣть возможность сказать вмѣстѣ съ Иисусомъ Христомъ: „Я всегда творю то, что угодно Моему Отцу“. Регулярность устраняетъ праздность, источникъ скуки и тысячи другихъ золъ; она освобождаетъ умъ отъ тягостныхъ предубѣжденій, столь обычныхъ въ жизни пастыря, занимая его трудами столько же полезными, сколько и разнообразными и время исправнаго пастыря проходитъ радостно, такъ что онъ почти не замѣчаетъ тяжести дня и труда. Есть и еще выгоды для пастыря отъ регулярности. Время для всѣхъ людей чрезвычайно дорого, потому что оно даровано человѣку для того, чтобы заслужить посредствомъ добраго употребленія его вѣчное блаженство, обѣтованное ему. Для всѣхъ людей время полно вѣчности, но время пастыря не только исполнено собственной вѣчности для него самого, но и вѣчности множества другихъ душъ. Поэтому онъ долженъ стараться не терять изъ него ни малѣйшей частицы и вотъ, самое надежное и удобное средство достигнуть этого счастливаго результата состоитъ, очевидно, въ регулярности,

т. е. въ точномъ соблюденіи правила, которое мудро опредѣляетъ пользованіе нашимъ временемъ.

Регулярность еще заключаетъ въ себѣ тайну увеличивать время и посредствомъ порядка, налагаемаго ею на всѣ вещи, она облегчаетъ исполненіе ихъ и пролагаетъ путь къ успѣху. Подъ вліяніемъ порядка, какъ послѣдствія регулярности, дѣла упрощаются, распутываются, приходятъ въ согласіе и, наконецъ, удивительнымъ образомъ преуспѣваютъ. „Когда все дѣлается въ свое время, говоритъ Бессонъ, и всякая вещь поставлена на своемъ мѣстѣ, то безирепятственно можно дѣлать и повелѣвать“. Опытъ подтверждаетъ это. Встрѣчаются люди, которые одновременно и съ успѣхомъ ведутъ многочисленные и запутанныя дѣла; въ чемъ тайна ихъ успѣха? Ни въ чемъ иномъ, какъ въ порядкѣ, регулярности, которая сдѣлалась ихъ привычкой и управляетъ всѣми ихъ предпріятіями.

Регулярность не только обезпечиваетъ вѣрное отправление благочестивыхъ упражненій, столь существенныхъ въ священнической жизни; но и даетъ возможность исполнять ихъ въ наилучшихъ условіяхъ, съ спокойствіемъ и сосредоточенностью; слѣдовательно, и съ большей пользой. Напротивъ, пастырь, живущій безъ правила, часто будетъ склоненъ совершать службу безъ надлежащаго приготовленія, торопливо, разсѣянно, допуская въ ней сокращенія и будучи занятъ въ душѣ различными посторонними мыслями и стремленіями.

Наконецъ, регулярность жизни пастыря доставляетъ большія выгоды и пасомымъ, ибо она облегчаетъ ему исправно отправлять службу всегда въ одно и то же время. Прибавимъ къ этому и то, что она есть самая сильная проповѣдь. Ибо невозможно, чтобы пастырь, подающій въ теченіе двадцати или тридцати лѣтъ примѣръ вполне регулярной жизни и всегда точнаго исполненія своего священническаго долга, не производилъ полезнаго воздѣйствія даже на самыхъ индифферентныхъ. Не будемъ думать, что пастырь не можетъ принудить себя къ жизни столь опредѣленной. Безъ сомнѣнія,

пастырское служеніе, иногда очень обремененное, препятствуетъ нѣкоторымъ пастырямъ буквально и всегда соблюдать правило жизни; но отсюда до жизни безъ правила и порядка—огромное разстояніе. Иногда приходится напр. отлагать молитву, чтобы спѣшить къ постели больного; но это не можетъ служить основаніемъ для того, чтобы вообще отвергать спасительное иго правила жизни. Кромѣ того, мы должны сказать, что оно не стѣсняетъ свободы и только побуждаетъ управлять и поставлать ее въ границы порядка и мудрости. Конечно, не всегда удобно и пріятно принуждать себя къ правилу; но это всегда полезно и спасительно.

(Продолженіе слѣдуетъ).

В. П.

Современный русский православный приходъ и задачи приходскаго духовенства.

Близкое и постоянное знакомство съ печатными органами всѣхъ епархій русской земли невольно останавливало наше вниманіе на дѣятельности приходскихъ пастырей Церкви и на томъ, въ какой мѣрѣ эта дѣятельность соотвѣтствуетъ дѣйствительной жизни современнаго православнаго прихода. И эта сторона нашей общественной и государственной жизни тѣмъ болѣе обращаетъ на себя вниманіе, чѣмъ, съ одной стороны, все яснѣе и яснѣе дѣлается значеніе для этой жизни церковныхъ началъ, и съ другой—чѣмъ рѣзче обрисовываются разныя отрицательныя стороны нашей современности. Есть и еще одна причина, настойчиво заставляющая мысленнымъ взоромъ обойти русскія селенія, веси и города и все достойное вниманія свести въ одно и это объединенное сопоставить съ дѣятельностію тѣхъ, кто Промысломъ Божиимъ поставленъ на стражѣ самыхъ жизненныхъ интересовъ народа. Припомнимъ, что XX вѣкъ уже вступаетъ во второй годъ своего существованія. Наслѣдію, полученному имъ отъ бывшихъ временъ и въ частности отъ XIX вѣка въ области политической, обществен-

ной, умственной, промышленной, кажется, быстро и точно подвели итоги; но очень мало пока еще сдѣлано для того, чтобы подвести итоги всему унаслѣдованному нами отъ прошлаго въ области религіозной, нравственной, въ области церковной и еще меньше сдѣлано въ этомъ направленіи для болѣе или менѣе яснаго представленія о томъ, что дѣлается въ жизни народной. Вѣроятно, мы не преувеличимъ, если даже скажемъ, что церковная жизнь, насколько она выражается въ тѣхъ или другихъ религіозныхъ, нравственныхъ и всѣхъ другихъ движеніяхъ среди народа, вообще-то мало интересуется, какъ мало интересовала въ прошломъ, и считается какъ-бы не только второстепенною, но и совершенно малозначащею въ нашей общественно-государственной жизни, а потому успѣхи и неуспѣхи въ этой жизни на вѣсахъ цѣнителей человѣческаго прогресса не представляютъ ничего серьезнаго. Совершенно справедливо въ одномъ изъ епархіальныхъ органовъ („Костр. Епарх. Вѣд.“ № 11 1901 г.) сказано: „признавая умственные и другіе интересы общенародными, присущими не только интеллигентному классу, но и сѣрой деревнѣ, у насъ какъ-то плохо пока мирятся съ тѣмъ сознаниемъ (мишніемъ?), что духовнаго, религіознаго удовлетворенія ищеть какъ „душа мужицкая“, такъ и душа интеллигента и что всѣ вообще и порознь должны быть на стражѣ этихъ интересовъ, а не одно только то сословіе, которое, по увѣренію гг. отрицателей, живетъ на счетъ этихъ интересовъ“ (стр. 708). Въ дѣйствительности же, если кто хотя въ малой степени и касается вышеуказанныхъ вопросовъ, то одни только „духовные“ или соприкасающіеся къ нимъ, а „свѣтскіе“ совершенно обходятъ эти вопросы, считая, очевидно, ихъ ничтожными въ общемъ итогѣ человѣческаго совершенствованія.

Такой не только несправедливый, но и вредный взглядъ на значеніе въ нашей жизни церковно-религіозныхъ вопросовъ становится положительно опаснымъ, если мы вспомнимъ, какое всегда въ жизни народовъ вообще и обособенно въ жизни нашего народа значеніе имѣла Церковь и ея строй, какое,

далѣе, имѣеть въ жизни народовъ значеніе борьба различныхъ міровоззрѣній, къ какимъ печальнымъ послѣдствіямъ всегда приводили всеѣ классы народовъ вспышки народныхъ страстей,—на почвѣ-ли религіозной или политической,—во время не предусмотрѣнныя, а потому и не предотвращенныя. А что въ жизни нашего народа, не только высшихъ образованныхъ классовъ,—это у всеѣхъ на виду,—но и простого народа, идетъ броженіе,—въ этомъ едва ли можно сомнѣваться. И такое броженіе чувствуется отъ края до края всей необъятной Россіи, чувствуется оно и въ центрахъ фабричной жизни, и въ самыхъ отдаленныхъ захолустьяхъ, чувствуется оно и въ былыхъ центрахъ особенной привязанности къ Православной Церкви, и тамъ, гдѣ иноземные и иновѣрные вѣтры не разъ вихремъ проносились по полю духовной жизни населенія и всегда оставляли свои слѣды. Очевидно, пережитое русскимъ народомъ не только въ отдаленномъ, но и недавно-прошломъ всколыхнуло море русской жизни и многое, что невѣдомо ни для кого лежало на днѣ души русской вынесло наружу, а многое, что и совершенно чуждо было душѣ народной, привило къ ней или продолжаетъ прививать.

Вотъ почему *кажется* не безвременнымъ будетъ остановиться на уясненіи характерныхъ явленій нашей современности въ области церковно-религіозной, а равно на уясненіи вновь возникшихъ потребностей этой современности. Мы избрали для этого приходъ, какъ такую церковно-общественную единицу, въ которой, собственно говоря, сосредоточено все, чѣмъ болѣемъ мы, и вмѣстѣ съ тѣмъ все, что можетъ дать средства для излѣченія болѣзни или, по крайней мѣрѣ, указать путь къ исцѣленію.

Что же такое приходъ?

Въ обыкновенной рѣчи и обиходѣ житейскомъ всеѣмъ это слово понятно, но въ строго юридическомъ смыслѣ, особенно если принять во вниманіе всю сумму правовыхъ отношеній населенія, понятію „приходъ“ до настоящаго времени не дано точной опредѣленности и полнаго согласованія въ немъ цер-

ковнаго и гражданскаго элементовъ. Отсутствие такого точнаго опредѣленія не могло и не можетъ давать себя чувствовать на всей жизни прихода. Когда и пока „Русь и Церковь“ были почти синонимами и сами цари, напр. Алексѣй Михайловичъ, величали себя по отношенію къ Церкви и ея представителю—патріарху не болѣе, какъ „первыми прихожанами“, тогда и до тѣхъ поръ принадлежность того или другаго сына Церкви къ приходу влекла за собою самымъ естественнымъ путемъ и извѣстныя, опредѣленныя для него обязанности и права. Но съ того уже времени много воды утекло, много и существенныхъ перемѣнъ произошло и въ настроеніи общества и въ порядкахъ государственной жизни, и эти перемѣны не могли не отразиться и на взаимныхъ отношеніяхъ „прихода“ и приходскаго духовенства и таковыхъ же отношеніяхъ самихъ прихожанъ между собою не только въ гражданскихъ дѣлахъ, но даже въ болѣе спеціальныхъ—церковно-приходскихъ.

Существенно важнымъ и крѣпкимъ звѣномъ, связующимъ извѣстное количество населенія и дающимъ этому иногда разнородному количеству единство, является въ приходѣ—храмъ, а затѣмъ уже—обязанности и права, вытекающія и основывающіяся на необходимости, въ силу принадлежности къ Православной Церкви, исполнять требованія послѣдней, поддерживаемыя уже государствомъ, относительно участія въ св. таинствахъ,—обязанности, наконецъ, по отношенію къ приходскому духовенству. Государство, такимъ образомъ, входитъ въ жизнь прихода съ своимъ юридическимъ элементомъ не въ началѣ, такъ сказать, сложенія прихода, объединяемаго храмомъ, а уже въ послѣдующей стадіи слагающейся приходской жизни, стадіи, являющейся непосредственнымъ слѣдствіемъ, но не всегда неизбѣжнымъ, основного элемента прихода. Можно даже сказать, что государство только пользуется возникшею формою общественной жизни для своихъ юридическихъ цѣлей и потому привноситъ въ приходскую жизнь необходимыя для достиженія этихъ цѣлей начала. От-

сюда—вся довольно сложная система метрическихъ записей, которая, повидимому, является, какъ и храмъ, точно также крѣпкимъ связующимъ элементомъ прихожанъ въ приходѣ,— въ дѣйствительности же можетъ быть таковою только до тѣхъ поръ, пока на то есть добрая воля отдѣльныхъ лицъ—прихожанъ. Ограничивая свою долю участія въ сложеніи приходской жизни только вышеуказанною системою, государство совершенно уже не касается всѣхъ другихъ сторонъ этой жизни, даже болѣе,—оно нерѣдко вноситъ такое раздробленіе въ общественные интересы прихожанъ, изъ-за котораго почти не виднымъ становится и главное связующее въ церковно-приходской жизни звѣно. Какъ извѣстно, у насъ очень много приходо-въ съ такъ называемыми приселками; такихъ приселковъ бываетъ иногда въ приходѣ довольно много. Что ихъ соединяетъ въ „приходѣ“? Единый для всѣхъ храмъ и причтъ церковный и изъ этого единства вытекающія обязанности—участвовать въ построеніи и поддержаніи храма и въ содержаніи причта посредствомъ „надѣловъ“ церковною землею. Во всемъ остальномъ—всѣ они составляютъ вполне самостоятельныя общественныя единицы, такъ какъ имѣютъ свои „сходки“, своихъ особыхъ должностныхъ лицъ и свои особыя же отношенія къ болѣе крупной общественной единицѣ—волости. Такою раздробленностію интересовъ общественныхъ въ приходѣ и объясняется, что иногда части одного и того-же прихода находятся между собою во враждѣ изъ за разныхъ, напр. земельныхъ или дорожныхъ, тоже общественныхъ интересовъ. И эта вражда или простой споръ почти всегда закрываютъ собою интересы церковно-приходскіе, и иногда такъ и окончательно разрываютъ послѣдніе. Иначе сказать—раздробленность общественныхъ интересовъ въ приходѣ, разграниченіе ихъ на чисто церковныя и чисто гражданскіе, нарушая въ существенномъ юридическую цѣлостность прихода, и раньше, и теперь еще чаще превращаютъ „приходъ“, какъ понятіе объ извѣстной общественной единицѣ, въ фикцію. А такая легкость превращенія не можетъ не отражаться на жизни

прихода, особенно когда составъ населенія въ немъ разнообразенъ.

Извѣстны въ церковно-приходской жизни, къ сожалѣнiю, все болѣе и болѣе учащающіеся случаи, когда не только нѣкоторыя отдѣльныя части прихода, но и весь онъ, во всемъ составѣ своемъ оказывается небрежнымъ даже къ интересамъ храма своего; не говоримъ уже—къ другимъ сторонамъ церковно-приходской жизни. Конечно, великое множество на православной Руси храмовъ Божіихъ и они все множатся и множатся. Но тотъ фактъ, что единодушiе среди прихожанъ съ разобщенными общественными интересами къ построенію храмовъ все болѣе и болѣе ослабѣваетъ, остается печальнымъ фактомъ. Прекрасные, обширные, нерѣдко каменные храмы, особенно часто попадающіеся въ центральныхъ епархіяхъ, болѣе всего свидѣтельствуютъ о быломъ церковномъ и религіозномъ усердіи прихожанъ изъ помѣщиковъ и другихъ благотворителей. Современный же прихожанинъ мирится и съ ветхимъ, деревяннымъ, тѣснымъ храмомъ. Особенно это печально, когда приходъ по числу прихожанъ большой, когда торговля и другіе промыслы придають имъ видъ зажиточности, когда малый и ветхій храмъ не можетъ вмѣстить въ себѣ и десятой доли прихожанъ. Въ такомъ явленіи коренится, между тѣмъ, начало многихъ другихъ, еще, быть можетъ, болѣе печальныхъ явленій. Конечно, въ созданіи этого явленія участвовала не одна только неопредѣленность понятія „приходъ“ въ юридическомъ и государственномъ отношеніяхъ и существующая въ церковно-приходской жизни раздробленность общественныхъ интересовъ прихожанъ. Нѣтъ, здѣсь не мало другихъ причинъ, но при внимательномъ и всестороннемъ разсмотрѣніи естественнымъ является вопросъ—послѣдующія причины не были-ли, хотя бы въ какомъ-нибудь одномъ отношеніи, прямыми или косвенными послѣдствіями первой? Такая связь между многоразличными причинами и указываемой нами какъ первичной особенно дѣлается ясной и очевидной для всѣхъ, если мы обратимъ вниманіе на другія стороны цер-

ковно-приходской жизни, которая болѣе, чѣмъ что-либо другое, требуютъ единства, и притомъ сознательнаго, общественныхъ интересовъ. Это напр., учрежденіе братствъ, попечительствъ, школь, — учрежденіе, требующее всегда не только сознанія единства интересовъ, но и фактическаго объединенія послѣднихъ. Между тѣмъ, кому изъ приходскихъ пастырей неизвѣстно, сколько вышеуказанныя учрежденія, становящіяся положительною необходимостію въ современной жизни, встрѣчаютъ при своемъ зарожденіи и дальнѣйшемъ развитіи препятствій, коренящихся, главнымъ образомъ, именно въ отсутствіи и сознанія единства интересовъ и фактическаго объединенія послѣднихъ въ приходѣ? Въ этомъ послѣднемъ отношеніи небезынтересна можетъ быть данная знаменитымъ русскимъ педагогомъ К. Д. Ушинскимъ характеристика нравственности русскаго народа. Въ нашемъ народѣ, по его мнѣнію, съ давнихъ временъ укоренилась патріархальная нравственность, которая христіанское понятіе—ближній часто принимаетъ въ значеніи родственника, семьянина. Выходя же за предѣлы тѣснаго кружка родни и ближайшаго знакомства, русскій простолюдинъ нерѣдко не знаетъ никакой нравственной узды. Въ немъ два поведенія: одно моральное—для тѣснаго кружка семьи, другое своевольное—для всѣхъ, съ кѣмъ приходится имѣть ему сношенія. Въ русскомъ народѣ очень сильна патріархальная нравственность, просвѣтленная христіанствомъ, но она, очевидно, безсильна удержать простолюдина за предѣлами семьи и „не выдерживаетъ столкновенія съ широкою общественною жизнію“. Отсюда задача народной школы, — Ушинскій, конечно, говоритъ съ точки зрѣнія этихъ только задачъ,—въ томъ, чтобы при содѣйствіи Церкви „вывести нашъ простой народъ изъ тѣсной отжившей сферы исключительно патріархальнаго быта въ болѣе обширную и свободную сферу гражданскаго общества, государства, человѣчества“. Нѣтъ сомнѣнія, со временъ Ушинскаго въ жизни народной произошло много уже переменъ и создалось не мало новыхъ чертъ въ міровоззрѣніи народномъ; но главная ха-

ракетриетическая черта этого міровоззрѣнія—отсутствіе болѣе или менѣе широкаго общественнаго интереса,—продолжаетъ господствовать и теперь и руководить всею жизнью народа, тѣмъ болѣе, что со времяъ Ушинскаго очень и очень мало сдѣлано для правильнаго воспитанія истинныхъ началъ общественности въ народѣ.

Создавшійся подъ вліяніемъ различныхъ, иногда случайныхъ, причинъ и при слабомъ участіи государства церковно-приходскій строй жизни, очевидно, нуждался для своего усовершенствованія, широкаго развитія своихъ общественныхъ интересовъ въ какой-либо другой силѣ, съ болѣе духовнымъ характеромъ и потому ближе отвѣчающей потребностямъ руководства въ столь важной и въ то же время сложной области, какъ возбужденіе общественныхъ чувствъ и интересовъ. *Такою силою могло быть только воспитательное воздѣйствіе пастырей на пасомыхъ.* Воздѣйствіе это и должно было направляться, главнымъ образомъ, на тѣ черты народнаго характера, которыя бы могли восполнить въ церковно-приходской жизни то, чего въ ней недоставало, которыя бы могли оживить, укрѣпить, сдѣлать достояніемъ сознанія пасомыхъ тѣ связи, которыя въ силу тѣхъ или другихъ обстоятельствъ соединили пасомыхъ въ одно цѣлое. Но что-же сдѣлано у насъ въ прошломъ для такого воспитательнаго воздѣйствія на пасомыхъ? Мы должны сказать, что за послѣдніе два вѣка (XVII и XIX) не только ничего не дѣлалось въ этомъ направленіи,—напротивъ—безсознательно или даже сознательно разрушалось и то, что было въ прежнее время сдѣлано и дѣлаемо. Какъ извѣстно, высшаго развитія церковно-приходская жизнь достигла у насъ въ западныхъ окраинахъ, гдѣ печальныя, тяжелыя обстоятельства заставляли всѣхъ членовъ прихода соединиться возможно тѣснѣе вокругъ своего храма и пастырей, развивать въ возможно широкой степени всѣ силы—духовно-нравственныя и матеріальныя—прихода для самозащиты. Вслѣдствіе этого приходъ являлся въ своей жизни и дѣятельности дѣйствительно единою силою, создавалъ могу-

чія братства, попечительства, школы, и потому борьба для него съ „вѣтрами буйными, шедшими съ запада“, хотя и казалась и должна была быть тяжелой, но далеко не безнадежной. Потомъ, съ постепеннымъ угасаніемъ борьбы, начинаетъ угасать и тотъ духъ церковно-приходской жизни, который единилъ и живилъ приходъ, придавалъ послѣдному все необходимое для его внутренней силы и для укрѣпленія внѣшнихъ его связей. Въ другихъ же мѣстностяхъ Россіи такого оживленія и въ это время не было. Жизнь церковно-приходская шла тихо, въ большинствѣ рутинно по избранному руслу. Не нарушили, не заставили встрепенуться эту жизнь наступившія у насъ, правда не столь тяжелыя, но не въ меньшей мѣрѣ опасныя для чистоты вѣры и церковной жизни времена увлеченія западомъ, идеями XVII вѣка, всѣмъ тѣмъ практическимъ и теоретическимъ невѣріемъ, которое безъ задержки и быстро распространилось по лицу нашей земли въ теченіе всего XIX вѣка. Это увлеченіе не могло не ослабить и безъ того некрѣпкихъ узъ церковно-приходской жизни, особенно если принять во вниманіе, что оно нерѣдко проявлялось въ жизни государственной и церковной съ опредѣленными тенденціями. А съ середины XIX вѣка шли реформы за реформами, которыя или отнимали отъ прихода и тѣ внѣшнія связи, которыя хотя грубо и сурово, но все таки заставляли смотрѣть всѣхъ членовъ прихода на себя, какъ на части единого цѣлаго, или вносили въ приходъ нѣчто новое и всегда почти разъединяющее. И при такихъ условіяхъ церковно-приходская жизнь продолжала держаться только прежними, старыми узами, внѣшній и случайный характеръ которыхъ, очевидно, былъ уже крайне недостаточенъ. Невольно здѣсь припоминается извѣстная попытка сократить количество приходовъ, вслѣдствіе чего оказалось очень много „приписныхъ церквей“. Ясно было, что и храмъ,—это главнѣйшее звѣно, объединяющее приходъ, въ сознаніи иныхъ дѣятелей пересталъ быть таковымъ, и, что всего важнѣе, можетъ перестать быть тако-

вымъ во всякое время, когда это нужно будетъ признать по тѣмъ или другимъ соображеніямъ.

Подобныя явленія должны бы обратить особенное вниманіе православнаго пастырства на необходимость изысканія и внѣдренія въ жизнь народную иныхъ, чѣмъ эти внѣшнія, началъ, которыя бы лучше, вѣрнѣе связывали пасомыхъ въ такія, крайне важныя общественныя единицы, какъ приходъ. Но обратили-ли?

Въ послѣднее время все чаще и чаще, особенно въ земскихъ собраніяхъ, поднимаются вопросы объ образованіи низшихъ земскихъ общественныхъ единицъ. Очевидно, въ этомъ назрѣла уже потребность. Какія, т. е. изъ какихъ элементовъ создадутся эти новыя единицы,—это вопросъ далеко не безразличный для церковно-приходской жизни. Съ точки зрѣнія интересовъ этой жизни, да и самаго земства крайне желательно, чтобы приходъ сталъ искомою низшею земскою единицею всего общественнаго строя. Съ такимъ превращеніемъ, безъ сомнѣнія, прекратилась бы раздробленность общественныхъ интересовъ въ приходъ и наступило бы единство ихъ, что для церковно-приходской жизни не только небезразлично, но положительно необходимо.

(Продолженіе будетъ).

Торжество православія въ первую недѣлю великаго поста на православномъ Востокѣ.

Главнымъ отличіемъ службы первой недѣли великаго поста, называемой *недѣлею православія*, считается обрядъ *анаематствованія*, который совершается у насъ нынѣ въ соборныхъ кафедральныхъ храмахъ или послѣ часовъ предъ литургіею, или послѣ литургіи, епископами, при участіи всего городского духовенства. Обрядъ этотъ обставленный необыкновенною торжественностію, умилительными и своеобразными пѣснопѣніями громогласнаго протодіакона и всего сон-

ма священнослужителей, привлекаетъ подь своды соборныхъ храмовъ массы богомольцевъ и производитъ на слушателей глубокое впечатлѣніе. Молебное пѣніе о сохраненіи мира въ Церкви и объ обращеніи заблудшихъ на путь истины, чтеніе *Синодика*¹⁾ (помянника) архидіакономъ, возглашеніе вѣчной памяти ревнителямъ православія и анаѣемы (отлученія) еретикамъ и отступникамъ отъ Церкви православной составляли и составляютъ у насъ доселѣ все содержаніе даннаго обряда, именуемаго „чиномъ православія“.

Чинъ православія во всей своей совокупности, за самыми незначительными дополненіями, появившимися у насъ въ Россіи, подь вліяніемъ мѣстныхъ историческихъ и церковно-религіозныхъ условій жизни, начавшій свое существованіе въ Церкви византійской съ 842 года, со времени торжества православія надъ иконоборчествомъ, выработался на православномъ Востокѣ и перешелъ въ практику нашей Церкви изъ Византіи. Однако же, Церковь православная греческая, въ виду тѣхъ тяжелыхъ и крайне стѣснительныхъ условій жизни, въ которыя она была поставлена, со времени завоеванія Константинополя въ 1453 году Мурадомъ II и основанія на берегахъ Босфора столицы Османскихъ турокъ, не могла совершать торжественно этотъ чинъ и совершенно забыла о немъ. Память же о величайшемъ торжествѣ Церкви православной, бывшемъ въ Константинополѣ въ 842 году, восточная Церковь всегда живо хранила и не забываетъ до настоящаго времени, но выражаетъ это нѣсколько иначе, чѣмъ наша русская церковь. Познакомить нашихъ читателей съ особенностями торжества православія на православномъ Востокѣ, вообще, и въ церкви іерусалимской, въ частности—вотъ цѣль нашей настоящей замѣтки.

¹⁾ Въ древней византійской церкви „Синодикъ“ читался послѣ малаго входа, по исполненіи Трисвятаго. При чтеніи его патріархъ съ сослужащимъ духовенствомъ сидѣлъ за престоломъ на горнемъ мѣстѣ, народъ же и императоръ стояли. Императоръ садился лишь тогда, когда протодіаконъ возглашалъ ему многолѣтіе.

По Типикону Великой Христовой Церкви, порядокъ службы утренней и вечерней недѣли православія сходенъ съ порядкомъ, практикуемымъ и у насъ, если, конечно, не принимать во вниманіе тѣхъ особенностей, которыя имѣютъ мѣсто въ богослуженіи восточной православной Церкви въ каждое воскресенье. Торжество православія въ Церкви Христовой выражается, во первыхъ, въ томъ, что по окончаніи чина великой вечерни, въ первую субботу великаго поста, готовится коливо и поется краткая панихида: „Со духи праведныхъ“ и проч., на которой патріархъ поминаетъ умершихъ царей, патріарховъ, архіереевъ и всѣхъ „отъ конецъ до конецъ вселенныя“ скончавшихся благочестивыхъ и православныхъ христіанъ; во вторыхъ, совершеніемъ такой же краткой панихиды послѣ отпуста литургіи въ самую недѣлю православія о всѣхъ почившихъ православныхъ христіанахъ, но уже въ присутствіи всѣхъ архіереевъ и многочисленныхъ священниковъ, и въ третьихъ, совершеніемъ литаніи или крестнаго хода вокругъ храма, или въ промежуткѣ между утренею и литургіею, или чаще всего, послѣ литургіи.

Храмъ воскресенія Христова въ Іерусалимѣ въ канунъ недѣли православія убирается весьма благолѣпно. Стѣны храма, иконостасъ и кувуклій гроба Господня украшаются небольшими иконками, которыя для сего имѣются въ большомъ количествѣ въ скевофилакѣи. Возжигаются не только свѣчи и кадила предъ намѣстными иконами, но въ верхнихъ ярусахъ иконостаса, у кувуклія и по всему храму. Богослуженія вечернія и утреннія совершаются патріархомъ съ соборомъ епископовъ и почетныхъ клириковъ. Приходы патріарха въ храмъ и возвращеніе его въ патріархію устроятся торжественные, какъ и въ дни другихъ величайшихъ праздниковъ христіанской Церкви. Встрѣчу патріарху дѣлаютъ святогробскіе клирики въ южныхъ дверяхъ, противъ *камня помазанія*, и оттуда вводятъ его, послѣ поклоненія Гробу Господню, въ тронъ, стоящій подъ величественнымъ балдахиномъ въ храмъ Воскресенія, на правой его сторонѣ у стѣны. Въ мантии и

съ посохомъ въ рукахъ стоитъ въ тронѣ патріархъ, при совершеніи вечерни и утрени, возглашая отсюда народу: „Миръ всѣмъ“ и читая предначинательный псаломъ и „Сподоби Господи“ за вечернею, и шестопсалміе за утренею.

По принятому обычаю, первая литургія въ этотъ день совершается однимъ изъ архіереевъ въ кувукліѣ Гроба Господня, патріархъ же совершаетъ вторую литургію на разсвѣтѣ дня въ храмѣ Воскресенія, послѣ того, какъ окончатся служенія литургій въ Гробѣ Господнемъ армянами и католиками.

Патріаршее служеніе литургіи въ этотъ день бываетъ весьма торжественное, благодаря сонму сослужащихъ ему архіереевъ и іереевъ и великолѣпною дорогихъ церковныхъ облачений, выносимыхъ для сего торжества нарочито изъ завѣтной скевофилакіи¹⁾. Храмъ переполненъ громаднымъ количествомъ богомольцевъ, которые стоятъ не только внутри его, но и во всѣхъ его многочисленныхъ полутемныхъ галереяхъ или проходахъ. Для поддержанія порядка, въ виду наплыва богомольцевъ и любопытствующихъ иновѣрцевъ, въ храмѣ присутствуетъ во время богослуженій большой парядъ войска. Солдаты образуютъ шпалеры для того, чтобы дать свободный проходъ священнодѣйствующимъ и почетнымъ посѣтителямъ этого торжества, напр., консуламъ русскому, греческому и др.

Послѣ окончанія патріаршей литургіи, священники, число которыхъ бываетъ на этомъ торжествѣ весьма велико, облачаются въ блестящія священныя одѣянія и получаютъ въ руки по иконѣ и по свѣчѣ. На патріарха надѣваютъ роскошный саккосъ, по которому, золотомъ и шелками расшиты иконныя изображенія, а на голову богатую, съ драгоценными

---

¹⁾ По принятому на Востокѣ обычаю, ризница находится въ безъотчетномъ завѣдываніи скевофилакса, отъ котораго зависятъ распоряженія относительно священныхъ облачений, употребляемыхъ въ тотъ или иной день.

украшеніями, старинную митру. По сторонамъ патріарха идутъ два старѣйшіе митрополита съ епитрахиліями и малыми омофорами на шеѣ и съ евангеліями въ рукахъ.

Изъ алтаря храма Воскресенія процессія, при цѣннѣ тронаря: „Пречистому Твоему образу поклоняемся, Благій“, направляется къ кувуклію Гроба Господня, обходитъ его трижды кругомъ и затѣмъ, по крытымъ ходамъ, окружающимъ храмъ Воскресенія, направляется къ Голгоѣѣ мимо камня помазанія, и затѣмъ окружаетъ весь храмъ Воскресенія. Когда процессія подойдетъ къ дверямъ кувуклія, то патріархъ прочитываетъ здѣсь евангеліе, положенное на молебиѣ Спасителю, архидіакономъ произносятся ектеньи о всѣхъ православныхъ христіанахъ съ испрошеніемъ для нихъ у Господа богатыхъ милостей, и по отпустѣ возвращается обратно въ алтарь храма Воскресенія.

Крестный ходъ этотъ движется весьма медленно по галереямъ храма Воскресенія и длится около полутора часа времени, потому что въ это время многіе изъ богомольцевъ выступаютъ изъ рядовъ вмѣстѣ съ малыми дѣтьми, приближаются къ священникамъ, держащимъ въ рукахъ святые иконы, цѣлуютъ и эти иконы и иногда даже края священническихъ ризъ. Все это совершается чинно, благообразно и безъ всякаго замѣшательства. Турецкіе солдаты поддерживаютъ въ храмѣ, во все время этой литаніи, образцовый порядокъ.

По возвращеніи процессіи въ храмъ, патріархъ раздаетъ присутствующимъ богомольцамъ антидоръ, стоя въ тронѣ, и потомъ, разоблачившись, въ сопровожденіи всего многочисленнаго духовенства, торжественно шествуетъ въ патріархію, гдѣ почетныхъ посѣтителей угощаетъ по восточному обыкновенію.

Торжественныя литаніи съ ношеніемъ св. иконъ въ рукахъ священнослужителями устроятся въ этотъ день и на Синаѣ, и въ обителяхъ св. Аѳонской горы и въ монастырѣ св. Іоанна Богослова на островѣ Патмосѣ, и въ другихъ зна-

менитыхъ обителяхъ православнаго Востока, и несомнѣнно свидѣтельствуютъ всему міру о томъ, что память о торжествѣ православія, послѣ ниспроверженія иконоборчества, живо хранится въ преданіяхъ православной восточной Церкви даже до сего дня.

САМООСУЖДЕНІЕ НЕВѢРІЯ.

По поводу Л. Толстого и его отвѣта Св. Синоду въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ приведена была историческая справка о другомъ *совопросникѣ вѣка сею*—А. И. Герценѣ. Но какая разница между тѣмъ и другимъ!

Покойный Л. Н. Майковъ свидѣтельствовалъ, и его свидѣтельство врѣзалось въ мое сердце, что въ бытность свою въ Лондонѣ, въ началѣ 60-хъ годовъ, онъ посѣтилъ съ однимъ изъ соотечественниковъ Герцена. Спутникъ Майкова, желая блеснуть своимъ образованіемъ предъ тогдашнимъ кумиромъ, сталъ говорить ему, что Россія погрязла въ самомъ грубомъ суевѣрїи и для примѣра привелъ богомольное поклоненіе вѣрующихъ чудотворной иконѣ Божіей Матери, этой „доскѣ“ (!) въ Казанскомъ соборѣ.

Къ величайшему изумленію „образованнаго“ человѣка, Герценъ, выслушавъ его, такъ разразился:

„Какое вы имѣете право, милостивый государь, глумиться надъ тѣмъ, что составляетъ святыню для милліоновъ, и оскорблять ихъ самыя высокія чувства? Если мы съ вами потеряли вѣру, то это наше несчастіе“.

Приведенное свидѣтельство Л. Н. Майкова вполне подтверждаетъ и самъ Герценъ. Вспомнимъ, какъ скорбѣлъ онъ о томъ, что его отдѣляетъ отъ И. В. Кирѣевского *церковная стѣна*, и какъ умилительно передаетъ Герценъ въ своихъ воспоминаніяхъ слѣдующій рассказъ И. В. Кирѣевского.

„Я разъ стоялъ въ часовнѣ,—говоритъ Кирѣевскій Герцену,—смотрѣлъ на чудотворную икону Богородицы и думалъ о

дѣтской вѣрѣ народа, молящагося Ей; нѣсколько женщинъ, больные, старики стояли на колѣняхъ и, крестясь, клали земные поклоны. Съ горячимъ упованіемъ глядѣлъ я потомъ на святыя черты, и мало-по-малу тайна чудесной силы стала мнѣ уясняться. Да, это не просто доска съ изображеніемъ... Вѣка цѣлѣя поглощала она эти потоки страстныхъ возношеній, молитвъ людей скорбящихъ, несчастныхъ. Она сдѣлалась живымъ органомъ, мѣстомъ встрѣчи между Творцомъ и людьми. Думая объ этомъ, я еще разъ посмотрѣлъ на старцевъ, на женщинъ съ дѣтьми, поверженныхъ во прахъ, и на святую икону,—тогда я самъ увидѣлъ черты Богородицы одушевленными. Она съ милосердіемъ и любовію смотрѣла на этихъ простыхъ людей.... И я палъ на колѣни и смиренно молился Ей“. (Дон. епарх. вѣдом.).

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Θεодосій.

Огъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 5 марта 1902 г.

Цензоръ, экстра-срд. проф. Акад. прот. *І. Корольковъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Авд. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLIII.

ВЪКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 12.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1902 года, марта 21-го.

Содержаніе: Книга „Требникъ“ и ея значеніе въ жизни православнаго христіанина. (По поводу новѣйшихъ воззрѣній на эту книгу).— О ношеніи волосъ священно-служителями.— Пастырскія привычки (продолженіе). Благовѣщеніе Пресвятой Дѣвѣ Маріи и празднованіе этого событія въ Назаретѣ.— Къ исновѣди.

Книга „Требникъ“ и ея значеніе въ жизни православнаго христіанина. (По поводу новѣйшихъ воззрѣній на эту книгу) ¹⁾.

Что такое заклинательныя молитвы нашего Требника и откуда онѣ ведутъ свое происхожденіе въ практикѣ христіанской Церкви?

Вѣра въ то, что злые демоны овладѣваютъ иногда человекомъ и доводятъ его до изступленія и бѣснованія, присуща была всѣмъ народамъ древности въ дохристіанское время, на какой бы ступени культурнаго развитія ни стоялъ народъ. Изъ исторіи Христа Спасителя, рассказанной святыми евангелистами, мы со всею поразительною очевидностію убѣжда-

¹⁾ См. № 10 за 1902 г.

емся какъ въ фактъ существованія злыхъ демоновъ, такъ и въ томъ, что они нерѣдко овладѣвали людьми и причиняли имъ жестокия мученія и болѣзни. Христось Спаситель, во время земной своей жизни и проповѣди, исцѣлявшій многихъ людей отъ *духъ злыхъ* (Лук. VII, 21; VIII, 2), передалъ власть надъ духами нечистыми св. апостоламъ и вѣрующимъ въ Него, какъ одно изъ могущественныхъ средствъ для убѣжденія народа въ истинности Его ученія. Посылая 12 учениковъ на проповѣдь къ погибшимъ овцамъ дома Израилева, Онъ даетъ имъ власть *надъ духи нечистыми* (Марк. VI, 7) и заповѣдуетъ: „болящія исцѣляйте, прокаженныхъ очищайте, мертвыхъ воскрешайте, *бѣсы изгоняйте*“ (Матѹ. X, 8). Семидесяти апостоламъ, когда они возвратились съ проповѣди и рассказы-вали съ радостію о своихъ успѣхахъ, говоря: „*Господи, и бѣсы повинуются намъ о имени Твоемъ*“, Христось Спаситель сказалъ: „*Видѣхъ сатану, яко молнію съ небесе спадша. Се даю вамъ власть наступати на змію и на скорпію, и на всю силу вражію: и ничесоже васъ вредитъ*“ (Лук. X, 17—19). По воскресенія Своемъ, Спаситель ко всѣмъ вѣрующимъ, посылаемымъ на проповѣдь *въ міръ весь проповѣдати евангеліе всей твари*, обращается съ такою рѣчью: „*знаменія же вѣровавшимъ сія будутъ: именемъ моимъ бѣсы ижденутъ*“ (Марк. XVI, 17).

Господь нашъ Исусъ Христось своимъ ученикамъ и послѣдователямъ указалъ и средства для борьбы съ демонами. Кромѣ призыванія имени Его, Онъ потребовалъ отъ нихъ вѣру въ Него хотя бы и съ *зерно горюшно*, а также постъ и молитву. „*Сей же родъ не исходитъ*, говоритъ Спаситель Своимъ ученикамъ, *только постомъ и молитвою*“ (Матѹ. XVII, 20, 21; Марк. IX, 29).

Примѣры могущественнаго значенія имени Христа Спасителя въ борьбѣ съ злыми духами и ужасный страхъ этихъ послѣднихъ предъ нимъ мы находимъ въ евангельской исторіи. Гадаринскій бѣсноватый, при видѣ Господа, вопіеть *гласомъ велиемъ*: „*что мнѣ и Тебѣ, Исусе Сыне Бога Вышняго;*

заклинаю тя Богомъ, не мучи мене“ (Марк. V, 7; Лук. VIII, 28). Объ исцѣленныхъ отъ бѣсовъ въ Капернаумѣ говорится: „Исхождаху же и бѣси отъ многихъ, вопіюще и глаголюще, яко ты еси Христосъ Сынъ Божій. И запрещающа не дающе имъ глаголати, яко вѣдяху Христа самаго суща“ (Лук. IV, 41).

Въ Церкви апостольской мы видимъ не только пользование вѣрующими во Христа Спасителя дарованнымъ имъ правомъ изгонять бѣсовъ (Дѣян. Апост. V, 16; VIII, 7, XIX, 12), но и поразительные случаи злоупотребленія этимъ правомъ со стороны людей невѣрующихъ. Семь сыновей первосвященника іудейскаго Скевы „начаша именовати надъ имущими души лукавыя имя Господа Исуса, глаголюще: заклинаемъ въ Исусомъ, егоже Павелъ проповѣдуетъ“ (XIX, 13). Но злоупотребленіе именемъ Господа со стороны неприванныхъ заклинателей не прошло имъ даромъ. Лукавый духъ, отвѣтивъ на ихъ заклинаніе: „Исуса знаю, и Павла свѣмъ, вы же кто есте“ (ст. 15), привелъ въ ярость больного, который разорвалъ на нихъ одежды и избилъ ихъ.

Дарованныя вѣрующимъ во Христа полномочія надъ демонами продолжали жить въ основанной Имъ Церкви и при мужахъ апостольскихъ. Призываніе имени Исуса Христа распятаго и молитва остаются грозными средствами въ борьбѣ съ нечистыми духами и въ это и въ послѣдующее затѣмъ время. „Всякій демонъ, говоритъ св. Іустинъ мученикъ, апологетъ II вѣка, въ разговорѣ съ Трифономъ іудеяниномъ, побѣждается и покоряется именемъ этого самаго Сына Божія, перворожденнаго всей твари, Который родился отъ Дѣвы и сдѣлался страждущимъ человѣкомъ, былъ распятъ народомъ высшимъ (іудейскимъ) при Понтіи Пилатѣ и умеръ и воскресъ изъ мертвыхъ и вознесся на небо“¹⁾. Въ III вѣкѣ въ Церкви Христіанской мы видимъ и заклинателей, которые однако же не рукополагались въ это званіе, потому что, какъ

¹⁾ Mign. Patrol. Curs. complet., t. VI, col. 676 (Ser. graec.).

говорится въ постановленіяхъ апостольскихъ, „славный подвигъ заклинанія есть дѣло *добровольнаго благорасположенія* и благодати Божіей чрезъ Христа наитіемъ Св. Духа“ ¹⁾. Власть изгонять нечистыхъ духовъ по прежнему принадлежала преемникамъ апостоловъ, пастырямъ Церкви Христовой и вѣрующимъ, удостоеннымъ особой благодати Божіей чрезъ наитіе Св. Духа. „Бояся Христа и Бога во Христѣ, по словамъ Тертуліана, христіанскаго апологета IV вѣка, они, т. е. демоны, покоряются служителямъ Бога и Христа“ ²⁾.

Страшны были демонамъ и имена Бога Авраама, Бога Исаака и Бога Іакова, но если эти имена праотцевъ производились заклинателями на еврейскомъ языкѣ. „Имена Авраама, Исаака и Іакова, говоритъ Оригенъ въ сочиненіи противъ Цельса, переведенныя на греческій языкъ не имѣютъ никакого значенія. Если ты скажешь—Бога отца избраннаго народа, и Богъ смѣха и Богъ держащагося за пятю, то этими именами ты не больше сдѣлаешь, какъ и произнося тѣ, которыя не имѣютъ никакой силы“ ³⁾.

Екзорцисты или заклинатели демоновъ вскорѣ однако же заняли мѣсто и въ клирѣ Церкви православной наравнѣ съ клириками. По 26 правилу Лаодикійскаго собора, „не слѣдуетъ дѣлать заклинаній ни въ Церквахъ, ни въ домахъ лицамъ, *не получившимъ на то власти отъ епископовъ*“ ⁴⁾. Екзорцисты или заклинатели посвящались архіереемъ по особому чину ⁵⁾, который сохранялъ свою силу у насъ на югѣ Россіи даже и въ XVII столѣтіи ⁶⁾.

Причина учрежденія такой должности въ практикѣ древне-христіанской Церкви вытекла изъ необходимости произво-

¹⁾ Постан. апост. изд. Каз., 1864 г., стр. 286.

²⁾ Mign. Patrol. Curs. complet. (Ser. lat.), t. I, col. 415.

³⁾ Ibid. (S. graec.), t. XI, col. 1252.

⁴⁾ Дѣян. девяти помѣстныхъ соборовъ. Каз., 1878, стр. 53.

⁵⁾ Ркп. моей библ. XVI в., л. 37 об. „Чинъ и рукоположеніе и благословеніе *экзорцисти*“ или заклинателя“.

⁶⁾ Опис. ркп. М. Синод. библ. М., 1869 г., отд. III, ч. I, стр. 124 ркп. Кіево-Софійев. собора № 17 л. 7; № 76 л. 3; № 77 л. 6.

дять заклинанія не надъ одержимыми только злыми демонами, но и надъ всѣми оглашенными, приступающими къ таинству крещенія. По ученію апостола Павла, люди, не вѣрующіе во Христа, ходять „*по вѣку міра сего, по князю власти воздушныхъ, духа, иже нынѣ дѣйствуетъ въ сынѣхъ противленія*“ (Ефес. II, 2). По свидѣтельствамъ писателя III вѣка, священномученика Кипріана Карфагенскаго ¹⁾ и патріарха іерусалимскаго IV вѣка Кирилла, заклинанія совершались уже надъ всѣми готовящимися къ крещенію и заклинанія эти длились довольно продолжительное время. „Намъ нужно имѣть у себя одно золото, а золото не можетъ быть очищено безъ огня, говоритъ въ объясненіе указаннаго обычая учитель христіанской Церкви св. Кириллъ іерусалимскій. Какъ опытные въ мастерствѣ золотыхъ дѣлъ, тонкими орудіями поддувая въ огонь и направляя оный на скрытое въ плавильномъ сосудѣ золото чрезъ усиленіе окружающаго пламени достигаютъ желаемого, такъ, когда заклинатели божественнымъ духомъ внушаютъ страхъ и въ тѣлѣ, какъ въ горнилѣ, разжигаютъ душу, —убѣгаетъ врагъ демонъ, остается же спасеніе, остается надежда жизни вѣчной, и душа, очистившись отъ грѣховъ, пріемлетъ, наконецъ спасеніе“ ²⁾. „Если вражія сила съ великою жестокостію нападаетъ на чье либо тѣло, смущаетъ и обольщаетъ умъ, то, по словамъ Оригена, христіане прибѣгаютъ къ частымъ молитвамъ, постамъ и призываніямъ заклинателей“ ³⁾.

Итакъ, дарованная Христомъ Спасителемъ апостоламъ, ихъ преемникамъ и даже вѣрующимъ, власть надъ демонами продолжала сохранять свою силу въ Церкви Христовой всегда; практиковались въ Церкви и указанные Спасителемъ средства для борьбы съ злыми духами—*молитвы*, постъ и призываніе имени Божія или имени Иисуса Христа. Слѣдуетъ ли уди-

¹⁾ Mign. Patrol. Curs. complet., t. III, col. 1150—1151.

²⁾ Mign. Patrol. Curs. complet., t. XXXIII, col. 348—349.

³⁾ Ibid., t. XII, col. 940.

вляться послѣ этого, что въ практикѣ христіанской Церкви были всегда *заклинательныя молитвы* и нѣкоторыя изъ нихъ сохраняютъ свою силу даже до настоящаго времени.

Надъ составленіемъ этихъ молитвъ трудились святые отцы Церкви. Церковное преданіе наиболѣе всего потрудившимся въ этого рода произведеніяхъ считаетъ Григорія Чудотворца, св. Василия Великаго и св. Іоанна Златоустаго ¹⁾, славныя имена которыхъ составляютъ блестящія страницы всемірной культурной исторіи. Молитвы заклинательныя, составляя нѣкогда отдѣльную самостоятельную книгу, которая вручалась экзорцисту архіереемъ, при его поставленіи— „діаконы подають ему (т. е. архіерею) книгу въ ней же суть заклинательныя молитвы ²⁾... юже вземь, святитель подаетъ рукою новополагаемому глаголетъ: „Пріими власть еже наступати на вѣсу силу діаволу и на зміе и злокъзньство ихъ. Во име Отца и Сына и Святаго Духа Аминь“ ³⁾, проникали и на страницы нашего Требника и Молитвослова. За чистоту и возвышенность христіанскихъ возрѣній этихъ молитвъ и ихъ неподражаемыя блестящія литературныя достоинства говорятъ намъ лучше всего названныя великія имена ихъ составителей и то, что Церковь православная хранитъ эти молитвы до настоящаго времени въ своей практикѣ безъ всякаго сомнѣнія въ ихъ пользѣ для благочестиваго назиданія людей вѣрующихъ.

Но злоупотребленія, какъ извѣстно, проникаютъ во всѣ сферы жизни и дѣятельности человѣка: не избѣжали этой участи и христіанскія заклинательныя молитвы. Въ Церкви Христовой находились всегда подражатели злополучнымъ сыновьямъ іудейскаго первосвященника Скевы, незаконно присвоив-

¹⁾ Εὐχολόγ., Goar., pag. 284, 578, 581, 584. Variarum lectiones 1—7.

²⁾ Въ нашихъ Требникахъ XVII столѣтія: „книгу *Требника великаго*, идѣже суть заклинательныя молитвы“ (Ркп. Кіево-Соф. библ., № 75, л. 9): „Аще ли же сіе нѣсть, то иную въ тое мѣсто подаетъ ему“ (Опис. ркп. М. Син. библ., отд. III, ч. I, стр. 125).

³⁾ Ркп. моей библ. XVI в., л. 38 об.

шимъ себѣ власть изгонять нечистыхъ духовъ. Непривзанные заклинатели брались и за трудъ составленія своихъ собственныхъ заклинательныхъ молитвъ, стараясь подражать въ этомъ авторитетнымъ произведеніямъ вселенскимъ учителей В. Великаго, Іоанна Златоуста и др., но ихъ молитвы, въ отличіе отъ послѣднихъ, получили, и по справедливости названіе молитвъ апокрифическихъ, ложныхъ, *отреченныхъ*. Составители этихъ молитвъ, будучи людьми простыми, простодушно вѣрующими, начитанными въ книгахъ Св. Писанія, въ свято отеческой литературѣ и въ твореніяхъ апологическихъ (житія святыхъ) и апокрифическаго характера, лишены научнаго богословскаго образованія и навыка судить здраво о предметахъ возвышенныхъ, и умѣть различать въ христіанской литературѣ истинное отъ ложнаго, полезное отъ вреднаго, написали немало такихъ молитвъ, которыя представляютъ смѣсь дѣйствительныхъ историческихъ событій съ фактами и разказами, коренящимися на апокрифахъ и легендахъ, заимствованій изъ общеупотребительныхъ христіанскихъ молитвъ и произведеній собственнаго творчества не высокаго достоинства, чередованіе мыслей глубокихъ и возвышенныхъ чистаго христіанскаго міросозерцанія съ мыслями и идеями простаго народнаго міровоззрѣнія, нерѣдко коренящагося на вымыслахъ досузей фантазіи и даже на народныхъ суевѣріяхъ. Имена этихъ авторовъ неизвѣстны.

При широкомъ распространеніи въ средѣ народной въ древнее время „Потребника“ или Требника, при отсутствіи и даже возможности строгаго контроля за переписчиками церковно-богослужебныхъ книгъ со стороны церковной власти, указанныя апокрифическія и отреченныя молитвы свободно проникали на страницы Требника, какъ на Востокъ въ Византію, такъ и у насъ на святой Руси. Борьба съ этимъ зломъ со стороны высшей духовной іерархіи стала возможна лишь послѣ изобрѣтенія книгопечатанія, со времени установленія строгаго духовной цензуры. У насъ въ Россіи Требникъ впервые подвергся тщательному пересмотру только въ 1658 году,

когда онъ принялъ приблизительно тотъ составъ, съ какимъ мы имѣемъ его въ настоящее время. Много въ это и послѣдующее время всякаго рода отреченныхъ и апокрифическихъ молитвъ было выброшено изъ нашего Требника нашими справщиками по указанію патріарховъ и Св. Синода, но, къ глубокому сожалѣнію, трудъ очищенія Требника отъ наноснаго, народнаго элемента еще не доведенъ до желаннаго совершенства и полноты. И доселѣ еще въ нашемъ Требникѣ можно находить хотя и незначительные остатки христіанской легенды или апокрифа напр., рассказъ „о снѣ угодника Авимелеха въ храмѣ Агрипповѣ“, еже не видѣти паденія Іерусалимова, въ молитвѣ „святыхъ семи отроковъ на немощнаго и неспящаго“¹⁾ и отраженія народнаго пониманія силъ природы, какъ напр., „презоръ очесъ“ въ молитвѣ „въ первый день по внегода родити женѣ отроча“²⁾, „великое имя, на камени написанное“, „разсѣдшееся яко воскъ отъ лица огня“ „въ чинѣ, бываемомъ на нивахъ, или виноградѣ, или вертоградѣ, аще случится вредитися отъ гадовъ или иныхъ видовъ“³⁾. Эти и весьма немногіе другіе остатки или пережитки нашего христіанскаго религіознаго міросозерцанія, коренящіеся глубоко въ историческомъ прошломъ нашего великаго отечества, и суть тѣ „сучцы“ (Матѣ. VII, 3) и зазоринки, о которые крушится слабая вѣра въ авторитетъ Церкви нашего интеллигента и на которые не безъ злородства онъ указываетъ нашимъ пастырямъ и архипастырямъ.

Но противники и хулители нашего Требника не считаютъ нужнымъ сравнивать содержащіеся въ немъ чины и молитвы съ указанными нами апокрифическими и отреченными молитвами, составленными людьми хотя и простодушно, но нерѣдко глубоко религіозными и искренними, а для большаго приниженія и излѣвательства (другого выраженія мы подо-

¹⁾ Требн., л. 152 об. 153.

²⁾ Требн., л. 1 об.

³⁾ Тамъ же, л. 151.

брать не можемъ) надъ этою важнѣйшею церковно-богослужебною книгою сопоставляютъ и даже прямо уподобляютъ низшему роду народнаго творчества, которое извѣстно подъ именемъ заговоровъ, заклинаній, прямо волшебства, или, какъ выражается нашъ писатель, *колдовства*. Въ этого рода произведеніяхъ людей невѣжественныхъ, даже безграмотныхъ, полу-христіанъ, полу-язычниковъ, мы видимъ самую странную смѣсь христіанскихъ возрѣній съ остатками грубаго язычества и темнаго суевѣрія, дѣйствительныхъ фактовъ съ нелѣпыми вымыслами досужей и иногда прямо больной фантазіи; со стороны литературной это наборъ фразъ и словъ безъ всякой связи и послѣдовательности, а иногда даже прямо бессмыслица. Въ этого рода произведеніяхъ невѣжественной народной массы мысль человѣка обращена не къ Богу Отцу, какъ источнику свѣта и всякаго добра, не къ Сыну Божію, какъ Искупителю рода человѣческаго и Исцѣлителю нашей души и тѣла, и не къ Духу Святому, которымъ живится всяка душа, чѣмъ переполнены молитвы нашего Трѣбника, а къ неразумной твари, къ темнымъ силамъ природы и иногда къ самому источнику зла демону и его служителямъ—вѣдьмамъ, колдунамъ, знахарямъ и т. п. Человѣкъ въ нихъ ищетъ помощи въ тяжелыхъ обстоятельствахъ жизни и облегченія отъ мучительныхъ болѣзней, обращаясь къ „солнцу жаркому“, къ „мѣсяцу съ серебрянными рожками съ золотыми ножками“, къ матери—сырой земли, къ зеленой дубравѣ, къ Окіанъ—морю и т. п. Въ символикѣ и обрядахъ, которыми сопровождаются эти народные заговоры, фигурируютъ островъ Буянъ, Алатырь—камень или Бѣль—латырь (янтарь), Петровъ—крестъ, спрыгъ—трава и разрывъ трава, растенія разыскиваемыя народомъ въ ночь подъ Ивана—Купала¹⁾ и т. п.

¹⁾ Объясненія этихъ травъ можно видѣть въ археологическомъ словарѣ, напечатанномъ въ „Древностяхъ“. Труды М. археол. общ. М., 1885 г., т. X, стр. 212, 215.

Для примѣра вотъ нѣсколько образчиковъ этого народнаго творчества ¹⁾: „На морѣ на окіянѣ, на островѣ Буянѣ, стоитъ соборная апостольская церковь; въ той соборной апостольской церкви стоитъ Мать пресвятая Богородица и преподобный Антоній, зубной исцѣлитель. Онъ просить и молить угодниковъ Божіихъ о рабѣ Божіемъ (имя рекъ): какъ у васъ, угодники Божіи, зубы не болѣли, такъ бы у раба Божія (имя рекъ) зубы не болѣли. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа Аминь, аминь, аминь“.

Это заговоръ противъ зубной боли. А вотъ образчикъ молитвы, приписываемой даже священномученику Антипѣ, которую слѣдуетъ читать, положивши „челюсть на камени“: „Радуйся стѣно и кореніе ея, измій, Господи, болѣзнь отъ моихъ челюстей и зубовъ моихъ, да не обрушатся стѣною въ вѣкъ, Христе Боже, и даждь помощь, Христе, и здравіе исцѣленіе главѣ и челюстемъ рабу твоему (имя рекъ) молитвами святаго священно-мученика Антипы и св. Богородицы и святыхъ безмездныхъ Козьмы и Даміана и всѣхъ святыхъ Твоихъ нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, Аминь“.

Образцомъ заклинательной молитвы можетъ служить заговоръ отъ лихорадки или отъ трясавицы, которыхъ народъ насчитываетъ 12: „Заклинаю васъ св. великимъ апостоломъ Сисиніемъ и святыми евангелистами Лукою, Маркомъ, Матѳеемъ, Іоанномъ! Побѣгите отъ раба Божія (имя рекъ) за три дня, за три поприща; а если не побѣжите отъ раба Божія (имя рекъ) и я призову на васъ великаго апостола Сисинія, святыхъ *Сихайла и Аноса*, и четырехъ евангелистовъ Луку, Марка, Матѳея, Іоанна и учнутъ васъ мучить, даючи вамъ по четыре тысячи ранъ на день“.

Къ такого-то рода нелѣпнымъ молитвамъ и заговорамъ относить молитвы и обряды нашего Требника нашъ великій писатель и его послѣдователи. Но есть ли въ этомъ хоть ка-

²⁾ Заимствуемъ изъ книги проф. И. Я. Порфирьева: „Исторія древней русской словесности“. Каз., 1882 г., изд. 3, стр. 155.

кая-нибудь доля правды, научной добросовѣстности и безпристрастія со стороны противниковъ данной церковно-богослужебной книги? Обстоятельный анализъ содержанія тѣхъ молитвъ и обрядовъ, противъ которыхъ такъ безпощадно вооружается въ своей „новой исповѣди“ нашъ великій писатель—вотъ, по нашему мнѣнію, лучший и прямой отвѣтъ на поставленный вопросъ. Пусть факты, такъ сказать, говорятъ сами за себя.

Высокое призваніе женщины, указанное ей Творцомъ въ раю словами: *множитесь и наполняйте землю* (Быт. I, 28), было омрачено на первыхъ же порахъ существованія на землѣ человѣка тяжелымъ наказаніемъ ей. За преступленіе заповѣди Божіей въ раю, женщина получила отъ Бога такой приговоръ: *„Умножая умножу печали твоя и въздыханія твоя: въ болѣзняхъ родиши чада“* (III, 16). И мы наблюдаемъ повседневно, какими тяжелыми страданіями тѣлесными и душевными сопровождается для женщины весь періодъ ея плодоношенія. Но эти болѣзни и муки только лишь предвѣстники болѣе тяжелыхъ физическихъ страданій, которыя переживаетъ женщина въ моментъ акта рожденія. Въ это время, когда нерѣдко висятъ на волосъ отъ смерти жизнь родильницы и рождаемаго, среди окружающихъ больную близкихъ людей, исчерпавшихъ уже всѣ человѣческія усилія для облегченія страданій ея, царятъ нерѣдко полное уныніе и душевныя тревоги, причиняющія имъ не менѣе тяжелыя нравственныя страданія. Но вотъ раздается крикъ рождаемаго дитяти—этотъ первый привѣтъ, хотя и прекрасному, но исполненному скорбей и въздыханій нашему міру—и прежній страхъ у всѣхъ исчезаетъ и смѣняется самою свѣтлою радостію. Естественно вполне объятому чувствомъ глубокаго удовлетворенія христіанскому семейству раздѣлить свою радость съ своею матерью св. Церковью, которая всегда отзывчива на призывъ своихъ истинныхъ чадъ, въ какихъ бы обстоятельствахъ жизни они не находились. Пастырь Церкви спѣшитъ къ одру болящей въ самый „первый день, по внигда родити женѣ отроча“, на

призывъ вѣрующихъ и молитъ Вседержителя, Господа, исцѣлителя всякаго недуга и всякой болѣзни, чтобы Онъ родившую рабу „исцѣлилъ, возставилъ отъ одра болѣзни, на немже лежить“, простилъ ей „вольная и невольныя ея прегрѣшенія, сохранилъ отъ всякаго діавольскаго мучительства“, „здравіе и благомошіе душѣ и тѣлу даровалъ, ангелы свѣтлыми и сіяющими ея оградилъ“, соблюлъ „отъ недуга и слабости, отъ ревности и зависти и отъ очесъ презора“, очистилъ „отъ тѣлесныя скверны“ и „отъ различныхъ утробныхъ стуженій“ и привелъ своею милостію „во смиренномъ ея тѣлѣ въ исправленіе“¹⁾. Не забыты въ этихъ молитвахъ новорожденный— предметъ ожиданій и надеждъ, о которомъ просить пастырь Церкви Бога, чтобы Онъ сохранилъ его „отъ всякаго яда, отъ всякія лютоги, отъ всякія бури сопротивнаго, отъ духовъ лукавыхъ, дневныхъ же и нощныхъ“ и сподобилъ „поклонитися земному храму, его же уготовалъ еси славословитися имени твоему святому“, не забыты бабка и женщины, присутствующія при рожденіи и прикоснувшіяся родильницѣ, и даже домъ, „въ немже родися отроча“²⁾. Для всѣхъ ихъ испрашиваетъ св. Церковь прощенія грѣховъ и милостей отъ богатыхъ щедротъ Спасителя, изволившаго родитися на землѣ отъ пр. Дѣвы Маріи.

Не менѣе возвышенны по содержанію и молитвы „женѣ родильницѣ по четыредесятихъ днехъ“, которыя читаются пастыремъ Церкви надъ женщиною, чтобы она, выражаясь языкомъ нашего писателя, „перестала быть нечистою“. Въ этихъ молитвахъ св. Церковь молитъ Господа Иисуса Христа очистить „отъ всякаго грѣха и отъ всякія скверны приходящую ко Твоей Церкви, да неосужденно сподобится причаститися святыхъ твоихъ Таинъ“ и удостоить „честнымъ пресвитерствомъ входа въ храмъ славы Его“³⁾.

¹⁾ Требн., л. 1.

²⁾ Тамъ же, л. 1 об.

³⁾ Тамъ же, л. 2 об., 3.

Средство для полученія царства небеснаго указано самимъ Христомъ Спасителемъ: „*Аще кто не родится водою и духомъ не можетъ внити въ царствіе Божіе*“ (Іоанн. III, 5).

Но не достаточно еще для этого одного таинства крещенія или, какъ выражается нашъ писатель,—умѣнья помазать его (т. е. младенца) масломъ и *выкупать* съ произнесеніемъ извѣстныхъ словъ“, а необходимо имѣть вѣру въ спасительную силу таинства крещенія. „*Иже вѣру иметъ и крестится, по словамъ Спасителя, спасенъ будетъ, а иже не иметъ вѣры осужденъ будетъ*“ (Марк. XVI, 16). Формула таинства крещенія или слова, произносимыя священникомъ при погруженіи крещаемаго указаны въ Евангеліи самимъ Господомъ. „*Шедше научите вся языки, говорилъ Иисусъ Христосъ своимъ ученикамъ по воскресеніи, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа*“ (Матѳ. XXVIII, 19). Отступающихъ отъ этой формулы правила апостольскія строго карають. „*Аще кто епископъ или пресвитеръ креститъ не по Господню учрежденію во имя Отца и Сына и Святаго Духа, говоритъ 49 правило апостольское, да будетъ изверженъ*“. Что же касается помазанія *масломъ*, ближе къ истинѣ, *елеемъ*, то на этотъ предметъ отъ пастыря Церкви уже не требуется никакого *умѣнья*. Въ древности въ Церкви христіанской помазывали елеемъ не только пресвитеры, но даже діаконы, восприемники и бабка, помазывали не только опредѣленныя части тѣла младенца, но и все его тѣло¹⁾. Цѣль установленія этого обычая въ Церкви Христовой—не заклинательная, волшебная, что чудится всюду нашему писателю, но „*во исцѣленіе души и тѣла, въ слышаніе вѣры (Христовой), во еже ходити ему по стопамъ заповѣдей Твоихъ*“²⁾. Обрядомъ этимъ св. Церковь желаетъ показать вѣрующимъ, что изъ cadaго новаго своего члена она приготовляетъ добраго воина для борьбы со

¹⁾ Εὐχολόγ., Goar., pag. 293, 294, 295; А. Дмитріевскій. Описан. литург. рки, хранящ. въ бібліотекахъ православнаго Востока, т. II, Εὐχολόγια, стр. 3, 93, 189 и др.

²⁾ Треби., л. 12. Изъ послѣдованія Святаго Крещенія.

всякаго рода врагами и особливо съ врагомъ нашего спасенія діаволомъ, который „яко левъ рыкая ходить, *искій кого поглотити* (I Петр. V, 8), а поэтому, подобно атлету древности, приготавливающемуся къ состязаніямъ и борьбѣ на аренѣ, умащаетъ его тѣло елеемъ.

Итакъ, въ ученіи о таинствѣ крещенія—единственномъ изъ таинствъ, подвергнутомъ нашимъ писателемъ не голословному осужденію, а съ указаніями на факты, мы не находимъ „ничего низменнаго грубаго, несоотвѣтствующаго понятію о Богѣ и христіанскому ученію“, никакого „колдовства“, а тѣмъ болѣе „нарушенія прямыхъ указаній Евангелія“.

(Продолженіе слѣдуетъ).

О ношеніи волосъ священнослужителями.

Повидимому, даже странно возбуждать вопросъ о ношеніи волосъ священно-служителями нашей православной Церкви. Мы такъ привыкли видѣть служителей православной Церкви съ извѣстной, уже вѣками существующей, формою ношенія волосъ, а именно—съ длинными волосами,—что иначе ихъ и представить себѣ невозможно. Вновь посвященный іерей или діаконь, не успѣвшій еще отростить себѣ длинныхъ волосъ, представляетъ въ нашихъ глазахъ довольно странную фигуру, вызываетъ въ насъ чувство неудовлетворенности, неполноты въ обликѣ служителя нашей родной Церкви. Извѣстной-же формою ношенія волосъ, въ связи съ другими чертами во внѣшности нашего духовенства, служители православной Церкви отличаются отъ служителей Церквей инославныхъ. Наконецъ, что самое главное, ношеніе длинныхъ волосъ освящено примѣромъ Самаго Господа І. Христа, Который, подобно ветхозавѣтнымъ назоретямъ, носилъ длинные волосы. Въ силу всего этого было-бы странно, даже дерзко, возбуждать вопросъ о ношеніи волосъ священнослужителями въ смыслѣ отрицанія длинныхъ волосъ; но злоупотребленія въ ношеніи волосъ ли-

цами духовнаго сана позволяютъ сказать нѣсколько словъ по этому предмету.

Прежде всего, наше духовенство злоупотребляетъ усвоенной ему формою ношенія волосъ въ смыслѣ излишней неряшливости своей прически. Кому изъ насъ не приходилось видѣть представителей духовенства съ самыми невозможными, въ смыслѣ неблагоприличія, прическами? У нѣкоторыхъ духовныхъ особъ на головѣ цѣлыя копны нечесанныхъ, или плохо причесанныхъ волосъ. Невольно приходитъ въ голову мысль, что у нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ не только „бритва не всходила на главу ихъ“ (какъ это требовалось отъ ветхозавѣтныхъ пазореевъ), но даже и гребень не касался головы ихъ. Особенно печально то, что нѣкоторыя духовныя особы въ такомъ видѣ совершаютъ богослуженія и требоисправленія. Служитель Церкви во всемъ долженъ быть простъ, скромнъ, уравновѣшенъ и благоприличенъ. Свѣтское общество, съ предубѣжденіемъ относящееся ко всему церковному, даже во внѣшнемъ видѣ служителей Церкви старается найти поводъ къ злословію духовенства. Само собою понятно, что представители Церкви, особенно въ настоящее время—время броженія умовъ и всевозможныхъ яростныхъ нападокъ на религію и Церковь,—должны блистать внутренними достоинствами, достоинствами ума, сердца и воли, должны быть вѣрными „стражами вѣреннаго имъ духовнаго Израиля“, готовыми дать отвѣтъ всякому совопроснику и отпоръ всякому врагу церковному, но въ то-же время они должны быть вполне благоприличны съ внѣшней стороны, поскольку внѣшность, прежде всего, бросается въ глаза, и съ внѣшности обычно начинаютъ свои нападки враги, немогущіе внутренно, болѣе существенно „зазрить“ Церковь Божию. Нужно стараться вездѣ и во всемъ обезоруживать враговъ своихъ!

Кромѣ того, даже на лицъ изъ среды духовенства неряшливое ношеніе волосъ духовными особами производитъ непріятное впечатлѣніе, о чемъ нерѣдко приходилось и приходится слышать.

Съ другой стороны, духовныя особы часто злоупотребляютъ ношеніемъ волосъ въ смыслѣ излишней заботливости о своей шевелюрѣ, въ смыслѣ особой пышности прически, усвоенной лицамъ духовнаго сана. Неприятное впечатлѣніе производятъ священно-служители со слишкомъ длинными, плохо расчесанными волосами, но едва-ли лучшее впечатлѣніе производятъ духовныя особы, слишкомъ много удѣляющія вниманія, подобно свѣтскимъ щеголямъ, своей шевелюрѣ, у которыхъ волосы, пышно завитые, пышно расчесанные, представляютъ, правда, красивые, но вовсе неумѣстные каскады. Между тѣмъ, многія духовныя особы, очевидно, щеголяютъ своими пышными, женственными волосами. Нѣкоторые священнослужители въ своихъ заботахъ о волосахъ доходятъ до того, что чуть-ли не послѣ каждаго возгласа или каждой эктени, чуть-ли не на глазахъ молящихся, на амвонѣ, поправляютъ и даже расчесываютъ свои волосы, которые для нихъ представляютъ, очевидно, предметъ первой заботы. Служитель Церкви долженъ быть благоприличенъ во всѣхъ отношеніяхъ, не исключая даже мелкихъ чертъ въ своемъ внѣшнемъ обликѣ, но въ то-же время онъ долженъ быть скроменъ, въ заботахъ о своей наружности не долженъ переступать границъ скромнаго благоприличія, должной благопристойности. Служитель Церкви, одѣтый не благопристойно только, съ сохраненіемъ должной скромности, но щеголевато, со щеголеватопышною шевелюрою, производитъ впечатлѣніе не скромнаго служителя Церкви, какимъ долженъ быть, по идеѣ, священнослужитель, но свѣтскаго франта, по какой-то странной случайности, одѣтаго въ костюмъ служителя Церкви и исполняющаго соотвѣтствующія обязанности. Духовное лицо, удѣляющее слишкомъ большое вниманіе своей внѣшности: своему костюму, своимъ волосамъ и пр., какъ-то невольно получаетъ видъ челоуѣка, находящагося не на своемъ мѣстѣ, мало интересующагося своими обязанностями, важнымъ значеніемъ и содержаніемъ послѣднихъ, только машинально, по-чиновничьи, отбывающаго свои столь важныя, для него-же скучныя, обя-

занности. Такъ и кажется, что такому духовному лицу болѣе подходитъ быть въ гостиниой за свѣтскими разговорами, и развлеченіями, чѣмъ въ церкви или за требоисправленіями.

Печально, повторяемъ, то, что многіе изъ сельскихъ, въ особенности, пастырей слишкомъ невнимательны къ своей внѣшности, являются нерѣдко „косматыми“ существами, но не менѣе печально и то, что многіе изъ духовенства столичныхъ, губернскихъ, уѣздныхъ городовъ и, даже, иногда, деревень, слишкомъ заняты своею внѣшностью, своими волосами.

Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ сказать кое-что о „косичкахъ“, практиковавшихся у духовенства въ старину и не прекращающихъ своего существованія и до настоящаго времени. Намъ кажется, что косички, какъ служащія только для удобства ношенія волосъ священно-служителями, могутъ быть допускаемы лишь у себя дома, среди домашнихъ, но никакъ не могутъ быть употребляемы внѣ дома и даже дома при выходѣ къ постороннимъ. Между тѣмъ, какъ это ни странно, косички носятъ съ неменьшимъ уснѣхомъ и безза-стѣнчивостью на улицахъ, даже при требоисправленіяхъ. Подобная форма ношенія волосъ, при всей своей странности, повторяемъ, является даже неприличною и, какъ таковая, еще можетъ быть допускаема, пожалуй, дома (хотя благоприлич-ный священно-служитель, думается намъ, даже и дома будетъ, по-возможности, избѣгать „косички“, дабы вездѣ быть благо-приличнымъ), а употребленіе „косички“ внѣ дома должно быть сочтено верхомъ неприличія.

Просимъ извиненія за рѣзкость выраженій, но право-же страшно досадно на подобное искаженіе величественной, освя-щенной вѣками формы ношенія волосъ священно-служителями. Зачѣмъ исказать одинъ изъ символовъ „особаго званія, хри-стіанской серьезности, христіанскаго отреченія отъ міра и воз-вышенія надъ его обычною низменною суетою“? Зачѣмъ иска-жать то, что напоминаетъ самому служителю Церкви о „его высококомъ служеніи, для котораго избираются люди, отдѣляе-мые изъ среды мірянъ“? Зачѣмъ исказать одну изъ чертъ

того, что и окружающимъ напоминаетъ объ особенномъ, отрѣ-
шенномъ отъ міра, служеніи духовенства, что можетъ казаться
неумѣстнымъ и смѣшнымъ только людямъ, „воспитаннымъ не
на національныхъ началахъ и, подь вліяніемъ заносной циви-
лизациі, утратившимъ въ себѣ духъ церковный“ ¹⁾?...

Смѣемъ увѣрить, что и вообще вся эта статья направлена
не къ осужденію духовенства, но, наоборотъ, авторъ желалъ-
бы своею статьею послужить къ тому, чтобы родное, а потому
и дорогое для него сословіе, не было посмѣшищемъ для свѣт-
скаго общества, которое, съ пренебреженіемъ и предубѣжде-
ніемъ относясь иногда къ духовенству, какъ-то особенно
строго судить послѣднее за что только можно. Конечно, намъ
могутъ возразить, что чувство собственного достоинства не
позволяетъ духовнымъ особамъ обращать вниманія на мелоч-
ныя придирки свѣтскаго общества, но и мы, въ свою очередь,
можемъ возразить, что истинная гордость, истинное чувство
достоинства заключается въ томъ, чтобы ни въ чемъ, не ис-
ключая даже мелочей, не давать повода къ осужденію или
нареканію. Намъ кажется, что съ этимъ нельзя не согла-
ситься.

А. Т.

¹⁾ Проф. В. О. Пѣвницкій „Священникъ“, стр. 141.

²⁾ См. № 11 за 1902 г.

ПАСТЫРСКІЯ ПРИВЫЧКИ²⁾.

1. Регулярность жизни пастыря.

Жизнь пастыря должна протекать по извѣстному правилу: регулярность есть одна изъ существенныхъ и исконныхъ формъ священнической жизни. Но что должна обнимать эта регулярность и на что должна она простирасться?

Конечно, правило священно-служителя, живущаго въ мірѣ и несущаго приходскія обязанности, не можетъ быть такъ жесточно, какъ правило монашеское, потому что въ его жизнь

¹⁾ Проф. В. О. Пѣвницкій „Священникъ“, стр. 141.

²⁾ См. № 11 за 1902 г.

необходимо входить много непредвидѣннаго; но при всемъ томъ, доброе и разумное правило пастырской жизни должно обнимать все дни пастыря и все часы каждаго его дня; ни одна частица столь дорогаго времени не должна отъ него ускользать.

Въ частности, это правило должно опредѣлить для каждаго дня время вставанія отъ сна и отхода ко сну, часть совершенія церковныхъ службъ, время домашней молитвы и другихъ благочестивыхъ упражненій, время для чтенія и литературныхъ занятій, время для посѣщенія больныхъ и бѣдныхъ, время отдыха и нѣкотораго развлеченія послѣ трудовъ и проч. Оно должно затѣмъ указать, насколько возможно, точно количество времени, потребнаго для каждаго изъ ежедневныхъ занятій. Невозможно указать опредѣленный образецъ распределенія пастырскихъ занятій и трудовъ, пригодный для каждаго пастыря; порядокъ дня и его трудовъ, а также порядокъ дѣлъ, предназначенныхъ для каждой недѣли, мѣсяца и года, можетъ быть различно опредѣляемъ и видоизмѣняемъ, соотвѣтственно особому положенію и обстоятельствамъ, среди которыхъ живетъ и дѣйствуетъ тотъ или иной пастырь. Не слѣдуетъ забывать, что правило есть только средство; поэтому оно не должно служить для пастыря помѣхой или препятствіемъ, но пособіемъ, помогающимъ ему лучше исполнять все свои обязанности. Оно не должно быть ни слишкомъ строгимъ, ни слишкомъ широкимъ. Точное соблюденіе слишкомъ строгаго правила трудно, и оно обыкновенно было бы пренебрегаемо, слишкомъ же широкое правило не было бы для пастыря достаточной поддержкой и не давало бы его священнической жизни необходимой пищи.

Правило жизни, установленное каждымъ пастыремъ для себя, сообразно съ своими личными особенностями и внѣшними обстоятельствами его пастырской жизни, должно быть для него предметомъ священнаго уваженія и возможно строгаго исполненія.

Для того, чтобы практическое исполненіе этого правила,

было полезно и спасительно для него, необходимо, чтобы оно оживлялось христіанскимъ духомъ, воодушевлялось любовью и направлялось благоразуміемъ; необходимо, чтобы оно было точно и постоянно.

1. Пастыри должны соблюдать свое правило въ духѣ христіанскомъ и пастырскомъ, т. е. съ вѣрой и съ намѣреніемъ исполнить волю Божію, трудясь надъ исправленіемъ своихъ недостатковъ и приобрѣтеніемъ христіанскихъ и пастырскихъ добродѣтелей. Ихъ регулярность должна быть духовна и добродѣтельна и служить ежедневнымъ свидѣтельствомъ ихъ сноровней любви къ Отцу Небесному; она должна быть практическимъ выраженіемъ ихъ искренняго желанія уподобить свою жизнь жизни Пастыреначальника Іисуса Христа. При этихъ условіяхъ, она будетъ для нихъ средствомъ совершенствованія и святости: правило указываетъ дорогу, обязанность, а одно только постоянное упражненіе въ добродѣтели дѣйствительно освящаетъ.

Затѣмъ, во 2-хъ, пастырское правило должно быть для него ярмомъ любви. Онъ долженъ быть счастливъ, исполняя его въ духѣ любви, а не по внушенію страха, въ той мысли, что чѣмъ менѣе оно обязываетъ, тѣмъ болѣе мы должны выражать Богу нашей любви и добраго желанія повиноваться ему. Безъ этого внутренняго расположенія наша регулярность не будетъ ни совершенной, ни прочной.

Въ 3-хъ, пастыри должны соблюдать свое правило съ разсудительностью. Исполненіе его должно быть направляемо мудростью. Имъ нужно поэтому избѣгать формализма и не допускать въ свою регулярность узости ума; имъ нужно умѣть сочетавать два дѣла: служеніе душамъ и своему личному спасенію. Никогда не должны они допускать никакого опущенія и переменъ въ своемъ правилѣ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда сами признаютъ, при свѣтѣ разума и вѣры, ихъ дѣйствительную пользу и необходимость.

При этомъ нужно избѣгать двухъ крайностей: 1) чрезмѣрной легкости, съ какой иногда позволяютъ ближнему безъ

достаточнаго побужденія употреблять наше время и разстраивать порядокъ нашихъ занятій и 2) фарисейской привязанности къ буквѣ нашего правила. Если дѣло усердія и любви призываетъ насъ, то мы должны безъ колебанія итти на него, оставляя Бога ради Бога, но мы не должны забывать, что если крайнія обстоятельства обязываютъ насъ измѣнить порядокъ нашего дня, то мы должны озаботиться о томъ, чтобы дать мѣсто и тому, что не могло быть исполнено во время, опредѣленное нашимъ правиломъ.

Въ 4-хъ пастырѣ долженъ быть точенъ въ практическомъ исполненіи своего правила. При правильномъ пониманіи и направленіи, всѣ предписанія, заключающіяся въ правилѣ, взаимно подтверждаютъ одно другое; пренебрегать однимъ только, даже маловажнымъ въ самомъ себѣ, предписаніемъ—это значитъ подвергать себя опасности пренебречь многими другими, болѣе важными. Наше правило должно быть настолько цѣлостно, чтобы въ немъ не было опущенія. Независимо отъ того, нѣтъ ничего незначительнаго и ничѣмъ не слѣдуетъ пренебрегать, что можетъ содѣйствовать возрастанію въ насъ энергіи воли.

Наконецъ, нужно быть постояннымъ въ соблюденіи своего правила. Вотъ трудное дѣло! Непостоянство такъ свойственно намъ! Небрежность, инертность, эта природенная разслабленность столько имѣютъ для насъ очарованія! И однако, одно только постоянство обезпечиваетъ намъ тѣ неисчислимыя сокровища, которыя приносятъ съ собой регулярность.

Перерывы въ правильномъ образѣ жизни, отклоненія отъ правила, хотя бы на время, не могутъ ни укрѣпить нашей воли, ни способствовать преуспѣянію нашему въ благочестіи и добродѣтели, ни благопріятствовать успѣху нашихъ дѣлъ. Нерадѣніе о завтрашнемъ днѣ уничтожитъ плодъ усилій, сдѣланныхъ наканунѣ. *Претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ*, говоритъ Господь. (Мѡ. 10, 22). А св. Василій Великій учитъ: „душѣ не пользуется вчерашнее доброе дѣло, если въ сей день оставлено исполненіе правды“. В. II.

Благовѣщеніе Пресвятой Дѣвѣ Маріи и празднованіе этого событія въ Назаретѣ.

Какъ пришествіе на землю Сына Божія составляетъ основаніе Новаго Завѣта, такъ Благовѣщеніе Архангеломъ Гавріиломъ Пр. Дѣвѣ Маріи составляетъ начальный фактъ въ исторіи Новозавѣтнаго домостроительства о спасеніи людей. Оно есть воистину *главизна нашего спасенія, явленіе таинства, отъ вѣка* predetermined, и исполненіе благословенія всѣмъ народамъ, даннаго Богомъ Аврааму, Исааку, Іакову, Давиду.

Событіе Благовѣщенія Пресвятой Дѣвѣ Маріи навсегда осталось въ Церкви Христовой всерадостнымъ и священнѣйшимъ. Въ память его еще съ первыхъ временъ христіанства установленъ праздникъ Благовѣщенія Пресв. Дѣвѣ Маріи, названный такъ сообразно съ значеніемъ привѣтствія Ангела: радуйся, благодатная! и вообще—той радости, которую принесло міру воплощеніе Сына Божія (Лк. 1, 28, 41, 44, 47). О древности этого праздника свидѣлствуютъ въ своихъ поученіяхъ на сей праздникъ св. отцы: въ III в. св. Григорій Неокесарійскій, въ IV в. св. Аѳанасій Вел., св. Іоаннъ Златоустъ, блаженные Іеронимъ и Августинъ и др. Бл. Іеронимъ пишетъ, что въ Назаретѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Архангелъ благовѣствовалъ Дѣвѣ Маріи о зачатіи отъ нея Спасителя, сооруженъ былъ храмъ въ честь Благовѣщенія Пресв. Богородицы. Бл. Августинъ говоритъ: „предками предано Церкви, что воплощеніе Бога Слова совершилось 25 марта“. Въ послѣдующіе вѣка многіе церковные писатели (въ V в. Анатолій, патр. Константинопольскій, въ VII в. Андрей Іерусалимскій, въ VIII в. св. Іоаннъ Дамаскинъ, въ IX в. Теофанъ и др.) составили хвалебныя пѣсни на день Благовѣщенія Богородицы, коими наша Церковь прославляетъ на службахъ это великое всемірное и всерадостное торжество.

Празднованіе Благовѣщенія въ Церкви считается однимъ изъ важнѣйшихъ въ году. Богослуженіе въ сей праздникъ

начинается всенощнымъ бдѣніемъ, на великомъ повечеріи котораго прославляется, какъ и въ дни Рождества Хр. и Богоявленія, воплощеніе Сына Божія пѣніемъ пророческихъ словъ: *съ нами Богъ, разумѣйте языцы*. Праздникъ этотъ бываетъ большею частію въ великій постъ, но, по опредѣленію VI всел. собора (691 г.)¹⁾, въ этотъ день никогда не совершается литургія Преждеосв. Даровъ, когда бы ни пришлось праздновать его. Въ виду важности этого праздника, празднованіе его не откладывается даже на Пасху, и самый постъ ослабляется, если праздникъ этотъ случится въ 40-цу.

Какъ важно въ исторіи Новозавѣтнаго домостроительства Божія о спасеніи людей Благовѣщеніе Пр. Дѣвѣ отъ Архангела Гавріила о зачатіи Ею Сына Божія по наитію отъ Духа Святаго, такъ дорого и священно сердцу истиннаго христіанина мѣсто Благовѣщенія и воплощенія Бога Слова, — Галилейскій городъ *Назаретъ*. Съ древнѣйшихъ временъ онъ привлекалъ къ себѣ вниманіе христіанскихъ паломниковъ. И въ настоящее время Назаретъ посѣщается богомольцами, въ особенности въ праздникъ Благовѣщенія, и при томъ въ большинствѣ богомольцами русскими. Едвали кто изъ посѣщавшихъ этотъ городъ, на который впервые излилась милость Божія съ неба, не унесъ отсюда самыхъ отрадныхъ, священнѣйшихъ воспоминаній. Скажемъ здѣсь какъ о самомъ градѣ Назаретѣ, такъ и о тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыя переживаютъ паломники, посѣщающіе его въ праздникъ Благовѣщенія Пр. Богородицы.

Въ теченіе года наши богомольцы, посѣщающіе Св. Землю, далеко не всѣ имѣютъ возможность быть въ Галилеѣ, а слѣдов. и въ Назаретѣ, на родинѣ Богоматери и Ея Божественнаго Сына. Причинами этого служатъ трудность, отдаленность и отчасти опасность пути изъ Іерусалима. Въ Галилею

¹⁾ 52 прав.

въ обыкновенное время въ году идутъ паломники только при болѣе или менѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ климатическихкихъ, при отсутствіи сильныхъ жаровъ (весною и въ началѣ лѣта) и дождей (осенью), а также еще при наличности достаточнаго количества спутниковъ, не говоря уже о большемъ свободномъ времени, матеріальныхъ средствахъ и самоотверженной рѣшимости. Остальные же, побывавъ въ Іерусалимѣ и другихъ мѣстахъ Іудеи, спѣшатъ въ обратный путь. Несомнѣнно однако, что кто не былъ въ Галилеѣ, тотъ далеко еще не могъ составить себѣ понятія о землѣ Обѣтованной. Путь въ Назаретъ совершается двумя дорогами: одинъ черезъ Самарію, другой—чрезъ Кайфу. Первый длиннѣе и труднѣе, за то болѣе разнообразенъ и поучителенъ. Къ празднику Благовѣщенія изъ Іерусалима въ Галилею отправляется обыкновенно болѣе или менѣе значительный караванъ богомольцевъ (тысячъ до двухъ) на мулахъ, лошадахъ, пѣшкомъ, въ сопровожденіи кавасовъ, лицъ духовныхъ изъ Русской Миссіи и прислуги изъ Русск. Палест. Общества. Богомольцы, отслушавъ напутственный молебенъ на русскихъ постройкахъ, отправляются изъ Іерусалима по Дамасской дорогѣ. Сначала мѣстность вокругъ пустынная. Лишь изрѣдка встрѣчаются участки, засѣянные хлѣбомъ, или засаженные маслиной, инжиремъ, виноградомъ. Къ вечеру обыкновенно приходятъ въ христіанское мѣстечко Рамаллу и останавливаются на ночлегъ въ греч. монастырѣ Авраама, на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, отецъ вѣрующихъ стоялъ шатромъ и стадами своими и пилъ воду изъ колодезя, находящагося отсюда въ полуверстѣ разстоянія. Далѣе путь идетъ также по пустынной мѣстности среди скалъ и развалинъ, изъ которыхъ особенно замѣчательны деревни *Ель-Бире*, древній Михмасъ, гдѣ, по преданію, Іосифъ Обручникъ и Матерь Божія, на пути изъ Іерусалима замѣтили отсутствіе 12-лѣтняго Богоотрока Іисуса и стали искать Его (Лк. 2, 42—45), и Бетиль, древній *Веомль*, гдѣ патріархъ Іаковъ видѣлъ нѣкогда во снѣ тѣниственную лѣстницу, утвержденную на землѣ и достигающую до небесъ. За

Воидемъ вскорѣ путники вступаютъ въ знаменитыя горы *Ефремовы*. Здѣсь картина сразу измѣняется: всюду почти сплошные виноградники и сады. Вправо отъ дороги, какъ разъ въ срединѣ земли Обѣтованной указываютъ развалины древняго города *Силома* (нынѣ Сейлунъ), гдѣ пребывали нѣкогда скинія и ковчегъ завѣта. Къ вечеру приходятъ къ древнему *Сихему*, нынѣ *Наблусу*. За версту отъ города богомольцы останавливаются у колодца Іакова, у котораго бесѣдоваль Господь нашъ съ самарянкой, и служатъ молебень съ чтеніемъ Евангелія о Самарянкѣ¹⁾. Самый городъ Сихемъ лежитъ въ продольной долинѣ среди двухъ высокихъ горъ. Видъ этихъ скалистыхъ безилодныхъ горъ, въ связи съ памятью совершившихся на нихъ благословенія исполнителямъ закона Моисеева и проклятія нарушителямъ его (при І. Навинѣ), а также—особенной роли Гаризина въ исторіи Самарянскаго раскола, столь ненавистнаго Іудеямъ, производитъ впечатлѣніе чего-то величественнаго, грознаго, потрясающаго. Самый городъ Наблусъ довольно населенъ и обилуетъ растительностью. Къ сожалѣнію, истомленныхъ путниковъ-христіанъ встрѣчаютъ здѣсь почти такъ же враждебно, какъ и въ Хевронѣ. Мальчишки магометане не даютъ проходу богомольцамъ, преслѣдуя ихъ позорными кличками въ родѣ „гяуръ“, бросая въ нихъ чѣмъ попало и забираясь къ нимъ чуть не въ карманы. Съ трудомъ доходятъ усталые путники до здѣшняго греческаго монастыря, очень тѣснаго и бѣднаго, но они и тому бываютъ рады, если найдется здѣсь для каждаго изъ нихъ хоть маленькій уголокъ. На другой день, отслушавъ литургію, большею частію Преждеосв. Даровъ, богомольцы идутъ далѣе. Дорога трудная, по горамъ, и при томъ завалена грудями камня, но видъ мѣстности пріятенъ вслѣдствіе множества садовъ и рощъ. Часовъ черезъ 5 приходятъ въ *Себастію*, древнюю *Самарію*, бывшую столицу Израильскаго царства,

¹⁾ На сѣверъ отъ колодезя находится гробница Іосифа, рѣдко посѣщаемая православными.

стоящую на высокой, совершенно изолированной горѣ. На окраинѣ ея, при дорогѣ существуютъ развалины древней христіанской церкви, принадлежащія здѣшнимъ мусульманамъ, а внутри ихъ подземелье, въ которомъ томился въ узахъ и былъ усѣченъ во главу св. Іоаннъ Креститель, по приказанію Ирода Антипы, изъ угожденія Иродіадѣ. Съ благоговѣніемъ сходятъ сюда православные христіане, лобызаяютъ мѣсто усѣкновенія и поютъ тропарь св. І. Крестителю: „Память праведнаго съ похвалами“... Еще и теперъ въ Себастіи сохранились нѣкоторые остатки древнихъ іудейскихъ сооружений (напр. колонны), но они христіанскому сердцу ничего не говорятъ, и наши путники, минуя ихъ, спѣшатъ далѣе. Дорога снова трудная, каменистая, но затѣмъ дѣлается болѣе удобною. Къ вечеру усталые паломники приходятъ въ городъ *Дженинъ*, древній *Доваинъ* или *Дотею*, памятный продажей Іосифа братьями измаильтянамъ, жительствовавшемъ здѣсь пр. Елисея и исцѣленіемъ 10 прокаженныхъ Іисусомъ Христомъ (по преданію, въ этомъ мѣстѣ). Приюта христіанамъ здѣсь вѣтъ, такъ какъ жители всѣ магометане. Поэтому часто богомольцы, оставляя вправо Дженинъ, идутъ на село *Буркинъ*, гдѣ есть православное населеніе (арабы), есть православная церковь и даже ханъ или гостиница, правда, очень бѣдная и малая для приѣма каравана богомольцевъ. Дженинъ и Буркинъ стоятъ на границѣ Самаріи.

Отдохнувъ здѣсь, богомольцы на другой день вступаютъ въ чудную *ЕздRELONскую* или *Израильскую* долину, видъ которой служитъ прекраснымъ приготовленіемъ къ лицезрѣнію Назарета, города, въ которомъ обитала Пресв. Дѣва Марія, бывшая садомъ добродѣтелей и раемъ Божественныхъ таинъ, и гдѣ жилъ 30 лѣтъ Господь нашъ въ кругу Св. Семейства, возрастая, укрьіляясь въ премудрости и находясь всегда подъ сѣнію благодати Божіей. Долина эта тянется въ длину на цѣлыя десятки верстъ отъ Средиземнаго моря до Іордана, въ ширину же имѣетъ верстъ 10. Всюду она представляетъ гладкую поверхность, состоящую изъ прекрас-

наго, тучнаго чернозема. Нигдѣ не видно ни одного камня. Дорога ровная, удобная для ѣзды, даже экипажной. По самой срединѣ ея находится ложе знаменитаго потока *Киссона*, окруженнаго болотами и трясинами, въ которыхъ нѣкогда погибла часть конницы военачальника Сисары. Не смотря на свою способность къ производству хлѣбныхъ растений, долина эта однако мало обработана и занята большею частію пастбищами. За то она щедро надѣлена отъ Бога природными красотами, чудною растительностью и очаровательными видами. Когда бы вы ни ѣхали по этой долинѣ, васъ приятно порази́тъ здѣсь обиліе зелени (даже въ самые жаркіе лѣтніе мѣсяцы). Въ особенности богата здѣсь растительность весною: всюду по зеленому полю красуются во всей своей роскоши, превосходящей Соломонову, цвѣты бѣлые, красные и др. Мѣстами зеленая поверхность долины буквально усѣяна цвѣтами, такъ что кажется самымъ дорогимъ ковромъ, сотканнымъ щедрою и искусною рукою Всесвятой Обитательницы Назарета и разотканнымъ для увеселенія взоровъ утомленныхъ паломниковъ и напоминанія имъ о близости мѣста мирнаго жительства Ея и всерадостной вѣсти, принесенной Ей съ неба Архангеломъ Гавріиломъ. Благодаря прозрачности здѣшней атмосферы, взоръ человѣка далеко проникаетъ вдаль. По краямъ долины возвышаются горы, а на взгорьяхъ расположены селенія. И сколько прелести и таинственной силы въ этихъ обрамляющихъ долину горахъ и разсѣянныхъ среди нихъ поселеніяхъ! сколько связано съ ними важныхъ историческихъ воспоминаній, то славныхъ и отрадныхъ, то позорныхъ, мрачныхъ и ужасныхъ! Горы *Гелвуйскія*, виднѣющіяся путникамъ вправо, слѣдующія за ними Малый *Ермонъ* и *Таворъ*, поднимающійся далеко влѣво, въ концѣ Ездрелонской долины, *Кармилъ*, встрѣчаемая по пути или виднѣющіяся вдали селенія—Санпуръ, древняя *Ветилуя*, отечество славной патріотки Іудіи, Зераинъ—древняя столица Израильскаго царства *Изреель-Ездрелонъ*, резиденція нечестиваго Ахаава и Іезавели, *Наинъ* и мн. др.—какъ много говорятъ сердцу эти

имена о величїи, всемогуществѣ, правосудїи и милосердїи Божїемъ, о превратности счастья человѣческаго, о ничтожествѣ порочныхъ человѣческихъ замысловъ и дѣяній!..

Но вотъ Ездrelонская долина кончилась. Паломники по крутой дорогѣ поднимаются на возвышенность, идутъ по ней и спустя около получаса имъ открывается видъ города *Назарета*. Они падаютъ на колѣни и со слезами на глазахъ благодарятъ Господа, сподобившаго ихъ узрѣть сей достопамятный градъ, съ чувствомъ радости поютъ они тропарь „Днесъ спасенїя нашего главизна“ ... „Архангельскїй гласъ вопїеть Ти, Чистая: Радуйся, Благодатная, Господь съ Тобою!“ „Достойно есть величати Тя, Честнѣйшую Херувимъ и Славнѣйшую безъ сравненїя Серафимъ!“ Съ горы панорама Назарета и окружности его очаровательна. Не даромъ названїе Назаретъ (въ настоящее время en-Nâsira) на еврейскомъ языкѣ означаетъ „цвѣтъ“, и подлинно, это цвѣтъ не только Галилеи, но и всей Палестины. Огромныя горы, раскинутыя кругомъ, образуютъ здѣсь прекрасную, защищенную со всѣхъ сторонъ долину, покрытую садами и виноградниками. По горамъ, огибающимъ городъ, также растутъ раскидистыя деревья и виноградъ: весной всѣ сосѣднїя горы и долины бывають одѣты въ зелень и блещутъ богатствомъ и свѣжестью травъ и цвѣтовъ. Все это придаетъ этому укромному уголку, бывшему долго прїютомъ Пресв. Дѣвѣ, Иисусу Христу и всему Св. Семейству, какой-то необыкновенный, мирный, всерадостный характеръ. Съ трепетнымъ сердцемъ вступаютъ паломники въ Назаретъ. Городъ расположенъ по склону западной возвышенности. Дома поднимаются по склону почти до вершины горы; своими плоскими крышами они производятъ впечатлѣнїе простирающихся одна надъ другой террасъ. Внизу идетъ прекрасная шоссированная дорога, по которой паломники идутъ вдоль всего города къ русской страннопрїимницѣ Православнаго Палестинскаго Общества, гдѣ, наконецъ, находятъ себѣ родственннй привѣтъ, прїютъ и отдыхъ.

Если паломники приходят за день, за два передъ 25 марта, то они стараются познакомиться ближе съ этимъ священнымъ городомъ и его святынями. Назаретъ дѣлится на три квартала: сѣверный—греческій, южный—латинскій и средній—мусульманскій. Въ настоящее время въ немъ около 10 тыс. жителей—арабовъ, изъ которыхъ большинство христіанъ (3500 правосл., 1500 латин., 1000 униат., 200 маронитовъ и 250 протест.; магометанъ 3500). Лучшія постройки (церкви, благотворительно-просвѣтительныя заведенія и пр.) принадлежатъ христіанамъ-европейцамъ. Большая часть святынь находится въ рукахъ латинянъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КЪ И С Н О В Ъ Д И.

Отъ тайныхъ моихъ очисти мя.
(Псал. 18, 13).

I.

Иду я медленно во храмъ; вхожу поникшій отъ смущенья: какъ часто преданъ я грѣхамъ, какъ рѣдко жажду я прощенья!.. Я нынѣ здѣсь не потому, чтобы душа того желала, а лишь по страху одному, чтобъ послѣ власть не покарала... Но какъ мнѣ стать предъ алтаремъ съ душой разсѣянной и хладной! какъ разогнать въ умѣ моемъ туманъ какой-то непроглядный!.. Дай вспомню здѣсь вотъ, въ уголку, свои дѣла, свои паденья, чтобы ихъ открыть духовнику въ свободномъ чувствѣ сокрушенья...

II.

Начать-бы мнѣ отъ дѣтскихъ лѣтъ, но сердце ихъ почти забыло... и чуть мерцаетъ тихій свѣтъ, что нѣчто доброе въ нихъ было. А нынѣ—все потрясено! гдѣ стыдъ и страхъ, гдѣ скорби мѣра, когда я вспомню лишь—одно, что въ сердцѣ оскудѣла вѣра! Мнѣ жутко видѣтъ каждый день, какъ сталъ безпеченъ я къ молитвѣ, и въ Божій храмъ пойти мнѣ лѣнь,

и некогда въ житейской битвѣ. И между жизнію моею и вѣрой—вѣчно раздвоеніе и спитъ душа среди страстей,—но страшно будетъ пробужденіе. И нынѣ, съ холодомъ въ крови, я слышу совѣсти укоры: „въ тебѣ ни вѣры, ни любви, лишь рѣчи праздныя, да ссоры!...“ О, да! по временамъ и я впадаю въ тяжкія сомнѣнья, и не страшатъ тогда меня ни смерть, ни вѣчныя мученія... Я лишь въ страданіяхъ дѣтей боюсь Бога,—и мгновенно (о, горе немощи моею!) охладѣваю совершенно... Я и при таинствахъ святыхъ болтаю въ церкви, раздражаюсь, служу соблазномъ для другихъ, крещусь небрежно, усмѣхаюсь. И не утѣшить мнѣ себя, что лишь-по своему я вѣрю; о, нѣтъ! я чувствую скорбю, что я постыдно лицебрю. О, грѣшенъ—грѣшенъ я душой въ дѣлахъ, словахъ и помысленныхъ!..

III.

Къ отцу и матери родной я былъ въ лукавыхъ отношеніяхъ... Я межъ родныхъ и межъ чужихъ все самовольничать стремился, и честными трудами ихъ всегда безчувственно радился. А чуть могъ я кому нибудь помочь случайно и ничтожно,—тщеславьемъ закипала грудь и похвалы я ждалъ тревожно. Какъ часто я трудомъ своимъ гордился словно плодовитымъ, а что устроено другимъ—встрѣчалъ я смѣхомъ ядовитымъ. Язвительный всегдашній смѣхъ, на всякомъ мѣстѣ, безъ предѣла—преобладающій мой грѣхъ, не чтущій ни лица, ни дѣла! Какъ часто время тратилъ я въ занятыхъ праздныхъ, глупыхъ, грѣшныхъ! какъ беспокоилась семья отъ походовъ безутѣшныхъ! Какъ часто тѣло я губилъ грѣхомъ и явнымъ и келейнымъ, и самъ себѣ врагомъ ~~и~~ былъ, и язвою друзьямъ семейнымъ...

IV.

А все-жъ, при помощи связей, и встрѣчь, и словъ приторно—лестныхъ, съ обычной гибкостью моею достигъ я степеней извѣстныхъ... Я старшимъ ногу подставлялъ—и выше шель, и мимоходомъ труды чужіе выдавалъ я за свои передъ народомъ. Служившихъ *мнѣ*—слегка ласкалъ, хвалилъ ихъ въ

фразамъ лицемѣрныхъ; служившихъ *отлу*—избѣгалъ и не цѣнилъ трудовъ ихъ вѣрныхъ. Что было дѣльно по всему, что только лучшаго имѣлось—я отвергалъ лишь потому, что, просто, такъ мнѣ захотѣлось! На службѣ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ *себя лишь* выдвигалъ ретиво; при разногласіи въ дѣлахъ, „здѣсь старшій я!“ кричалъ спѣсиво. И что случилось порой, я заносилъ въ журналъ служебный, себѣ—съ прозрачною похвалою, другимъ—съ замѣткою враждебной. Я оттолкнулъ своихъ друзей высокоуміемъ безбрежнымъ, безъ счету раздражалъ людей пренебреженіемъ мятежнымъ. А самъ служилъ я какъ-нибудь, снѣша отдѣлаться скорѣе; одно заботило-чтобъ грудь обвѣшать ярче и пестрѣе. Подъ-часъ и я, не безъ труда, невольно слѣдовалъ закону, но лишь для виду; а всегда работалъ вѣрно я мамону!...

V.

Мнѣ нипочемъ было занять, и обмануть довѣрье—любо; отъ должника вдвойнѣ взыскать, отъ долга уклониться грубо. Долги я дѣлалъ безъ границъ—вѣдь нынче труденъ заработокъ!—а долгъ себѣ съ умершихъ лицъ я бралъ съ имущества сиротокъ. Я жилъ, лишь только-бъ не прослыть предъ всѣми тяжело виноватымъ, а чтобы легче было жить, я поклонялся лишь богатымъ. Любви къ нимъ не было и нѣтъ, одно влеченье къ ихъ карману, и для него десятки лѣтъ служилъ я лести и обману. Другимъ, кто дѣлалъ мнѣ добро, платилъ поспѣшно я забвеньемъ, или обманывалъ хитро своимъ двуличнымъ отношеніемъ. По глупой вспышкѣ, иногда я оскорблялъ людей публично, но не винился никогда, какъ будто вель себя прилично. А чуть затронули меня, хотя-бъ друзья, хотя-бы дѣльно,—какъ порохъ вспыхну-было я; возненавижу вдругъ смертельно!... Я слѣпо мстилъ своимъ врагамъ, и часто, въ мести ненасытной, я шелъ молиться въ Божій храмъ, глядѣлъ въ немъ съ злобою нескрытой. Я предавался даже въ немъ движеніямъ мстительнымъ и страстнымъ, или, въ безсиліи своемъ, грозилъ полиціей подвластнымъ. Я зло лю-

билъ припомянуть; хотя-бъ кто искренно винился, я не прощаю; я—страхъ сказать—надъ умирающимъ кичился!.

VI.

Но, Боже! какъ съ такой душой, надменной, дерзкой и суровой, я приступать дерзалъ порой къ святѣйшей Вечери Христовой! И ей (несчастнѣйшій гордецъ!) отдавши нѣсколько мгновеній, я снова падалъ, какъ стѣпецъ, послѣшно въ пропасть прегрѣшеній. И такъ почти всю жизнь свою вредилъ себѣ, вредилъ собою, и даже кровную семью я разгонялъ и билъ порою!... И при ничтожествѣ такомъ, я всежь себя высоко ставилъ, дурачилъ немощныхъ умомъ, а передъ сильными лукавилъ... О, чѣмъ я былъ, и что я сталъ, пройдя путемъ своимъ некроткимъ! религіозный либералъ съ умомъ поверхностнымъ и шаткимъ!... Ахъ, жизнь прошедшая моя передо мной не вся раскрыта: весьма немного вспомнилъ я, а часть великая забыта... А сколько разъ я приносилъ съ невольнымъ страхомъ покаянье, и быть послушнымъ Богу силъ давалъ благое обѣщанье! Солгалъ я Богу!.. этой лжи избѣгну-ль я передъ могилой?!.

VII.

О, Боже! гибну: поддержи! О, Господи, спаси, помилуй! Ты зришь печаль мою о всемъ, содѣянномъ моею душою, и о безсиліи моемъ, и о Тебѣ, забытомъ мною!.. Стою, не подымая глазъ... мнѣ страшно здѣсь, въ Твоей святынѣ, и можетъ быть, въ послѣдній разъ передъ Тобой я каюсь нынѣ. О, даждь мнѣ силу лучшимъ стать; пошли, какую хочешь, долю, но только даждь мнѣ благодать любить Твою святую волю. О, даждь, да вѣру сохраню, и да услышу въ сердцѣ слово: „Покайся! Я не изгоню! прійди: прощеніе готово!..“.

(Черн. Ел. Вѣд.).

С. II.

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Д. Семинаріи, Архимандритъ Θεодосій.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 12 марта 1902 г.

Цензоръ, экстра-орд. проф. Акад. прот. *І. Корольковъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLIII.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 13. Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи

1902 года, апрѣля 1-го.

Содержаніе: Новый извѣтъ на Русское духовенство.—Книга „Требникъ“ и ея значеніе въ жизни православнаго христіанина. (По поводу воззрѣній на эту книгу).—Благовѣщеніе Пресвятой Дѣвѣ Маріи и празднованіе этого событія въ Назаретѣ (окончаніе).

Новый извѣтъ на Русское духовенство.

Въ „Новомъ Времени“, одной изъ распространеннѣйшихъ нашихъ газетъ, не такъ давно (17 февраля с. г. № 9324) напечатана статья „Дома“ съ большими претензіями на разрѣшеніе важнѣйшихъ вопросовъ современной нашей жизни. Въ этой статьѣ, стремящейся охватить „почти все“, затрогивается и православное русское духовенство и при томъ, хотя и кратко, но настолько существенно, что мы сочли необходимымъ и небезполезнымъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній по вопросамъ, обсуждаемымъ въ этой статьѣ,—тѣмъ болѣе, что мысли ея принадлежать далеко не одному автору. Авторъ статьи совершенно справедливо говоритъ, что у насъ теперь такъ много говорятъ и думаютъ, къ сожалѣнію больше говорятъ,

чѣмъ думаютъ, о реформѣ различныхъ сторонъ русской жизни, что, пожалуй, за формами забудутъ ея содержаніе. И если бы каждый изъ насъ понималъ, чего отъ насъ требуетъ исторія (наша, слѣдовало бы добавить), не было бы дикихъ и нелѣпныхъ голосовъ, раздающихся изъ отдѣльныхъ кружковъ и кружечекъ“, не было бы, добавимъ мы, и того общерусскаго современнаго шатанія мысли и дѣла, которымъ мы такъ богаты въ настоящее время и которое должно быть названо только печальнымъ. Впрочемъ, авторъ, укоряя всѣхъ и въ многоговореніи и въ малопониманіи историческихъ задачъ нашихъ, остается безгрѣшнымъ и самъ въ этихъ отношеніяхъ. Въ своей небольшой статьѣ фельетоннаго характера онъ смѣло разрѣшаетъ самые сложные вопросы не только современной, но и будущей нашей исторіи, смѣло и смело указываетъ всѣмъ сословіямъ русскаго народа и мѣсто въ жизни, и задачи ихъ дѣятельности, попутно произнося надъ ними свои безапелляціонные приговоры. Съ такою же смѣлостію онъ говоритъ о школахъ и о „нашей молодежи“. Послушать автора „Дома“,—такъ у насъ все легко разрѣшается! Пройдетъ какихъ-нибудь пятьдесятъ лѣтъ—и мы докатимся до Южнаго Океана, какъ докатились уже до Восточнаго, и тогда закончится постройка нашего русскаго дома, сведутся стѣны его въ одно, перестанемъ работать „помочью“, начнется децентрализація, и Тульская губернія будетъ жить самостоятельною жизнью безъ Варшавы и Владивостока, а когда мы найдемъ свои границы, когда человѣческій слой будетъ толстѣть и толстѣть на нашей землѣ, тогда улучшится земледѣліе, ископаются нѣдры, явится автономія общинъ. „Ясно, что настало время воспитывать государственную мысль, разъ ослабѣваетъ государственное чувство. Ясно, что пора говорить дѣтямъ о задачахъ Россійской имперіи, когда чувство не подсказываетъ имъ болѣе задачъ этихъ, а развивающійся скептицизмъ находитъ обильную пищу въ невѣжественно отрицательной или завѣдомо отрицательной книгѣ“. „Но государство, если оно желаетъ существовать, должно выработать нѣ-

которыя границы правъ и обязанностей, границы, которыя все сближаются и сближаются“. „Самопожертвованія никакого не должно быть въ современномъ государствѣ, да его почти нѣтъ. Но нѣтъ и пониманія государственныхъ интересовъ среди образованнаго класса. Вырожденіе государственнаго чувства началось совсѣмъ не среди крестьянъ или купцовъ, а среди чиновничества и духовенства, среди людей, отъ земли отошедшихъ и потому живущихъ не представленіями земли своей, а представленіями своей фантазіи, хотя бы и обработанными логикой. По самому закону общественной психологіи, эти слои должны были скорѣе всего вывѣтриться, что съ ними и случилось. Они были идеологами русскаго радикализма, тогда какъ земельное дворянство никогда не шло дальше прошеній о правахъ своихъ, требованій всеобщности, проектовъ организаціи деревни. Земля всегда консервативнѣе города. Земля медленнѣе, но прочнѣе мыслить“. На этомъ, очевидно, основаніи авторъ приглашаетъ къ „разоруженію городовъ“ и къ „дарованію деревнѣ такихъ правъ и преимуществъ, которыя бы сдѣлали жизнь въ деревнѣ болѣе выгодной, чѣмъ жизнь въ городѣ“. Въ деревню должны быть переведены всѣ школы, а во всѣхъ школахъ должны быть преподаваемы земледѣліе, ремесла, искусства“. Школа должна быть въ постоянной связи съ дѣйствительной жизнью страны, эта жизнь не должна быть тайной для юношества, потому что наша жизнь произведена нами самими, а не создана кѣмъ-то постороннимъ“. „Современная молодежь не та, что была въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, и нельзя требовать, чтобы она была такою, какъ тогда. Если среди отцовъ нѣтъ никакого идеализма, нѣтъ его и среди дѣтей... Кромѣ того, развитіе молодежи все ускоряется и ускоряется, а потому и годы ученія должны сокращаться. Современный юноша въ двадцать лѣтъ долженъ быть занять какимъ-нибудь дѣломъ, а онъ учится до двадцати пяти. ...Какое содержаніе, какіе жизненные устои даемъ мы той молодежи, которая такъ возмутительно ведетъ себя? Есть у насъ семей-

ная жизнь, есть у насъ жизнь общественная, которую мы можемъ поставить въ образецъ молодежи? Ставимъ мы въ примѣръ кого-нибудь нашимъ дѣтямъ? Гдѣ они, устойчивые и прочные свѣточки русскаго оптимизма?“ Бодрость и радость уходятъ изъ нашей жизни и на мѣсто ихъ входитъ усталость и скука... И, конечно, не театрами возвратимъ мы ушедшую радость и бодрость“.

Только съ крайнимъ недоумѣніемъ можно остановиться надъ многимъ изъ вышеприведеннаго! Что за смѣшеніе понятій, что за эклектическое, сборное міропониманіе! И правда и ложь, и свѣтъ и тьма,—все въ одномъ морѣ словъ и выраженій совмѣщено, а авторъ, набрасывая самыя разнообразныя штрихи нашего „Дома“, въ полной увѣренности, что онъ призвалъ „людей доброй воли“ къ объединенію, къ мирному, самостоятельному и полезному труду! Забывая, что „требуется, какъ онъ самъ же говоритъ, „гораздо больше тонкости (должно быть ума), чтобы изучать народное содержаніе, чѣмъ чтобы изучать внѣшнія формы жизни, въ которыя оно отливается“, что „содержаніе, отливаемое въ эти формы, безконечно разнообразно, измѣнчиво и въ одной и той же формѣ даетъ различныя отливки“, авторъ не остановился ни на одну минуту надъ вопросомъ, что-же составляетъ сущность этого содержанія и почему оно настолько всесильно, что онъ самъ же, ознакомившись со множествомъ племенъ и народовъ, изъ которыхъ многіе жили въ однѣхъ и тѣхъ же государственныхъ формахъ, не видитъ двухъ одинаковыхъ народовъ, даже двухъ одинаковыхъ племенъ внутри одного народа? Совершенно справедливо указывая на необходимость пониманія задачъ исторіи для избѣжанія „нелѣпныхъ голосовъ изъ отдѣльныхъ кружковъ и кучекъ“, авторъ самъ же нимало не считается съ указаніями нашей исторіи,—даже болѣе—съ указаніями нашей современности, ознакомиться съ которыми для всякаго, дѣйствительно боящагося „кружковъ“ и „кучекъ“, не составило бы и особенно большого труда, да, собственно говоря, и необходимо для всякаго выступающаго въ роли раз-

рѣшителя тяжелыхъ вопросовъ и глашатая мирнаго и плодотворнаго труда. Въ нашъ вѣкъ душевнаго упадка особенно полезно справляться съ исторіей и ея указаніями повѣрять современность, объяснять тѣ и другія явленія ея. А авторъ „Дома“ все съ птичьяго полета осмотрѣлъ, всего бойко консулся и, увлекшись полетомъ своей фантазіи, уже нисколько не обработанной логикой, не смутился ни на одну минуту передъ парадоксальностію нѣкоторыхъ своихъ сужденій, а смѣло выдалъ ихъ за истину. Забылъ онъ, что *такъ* создается общественное мнѣніе, что такимъ неогляднымъ наскокомъ на существеннѣйшіе и наиболѣе въ то же время вопросы нашей жизни и прививается то невѣжество, противъ котораго самъ авторъ вооружается и плодомъ котораго является современная намъ ложь, находящая въ наши дни такой обширный спросъ и сбытъ.

Все приведенное нами изъ статьи „Дома“ возбуждаетъ сомнѣніе, все требуетъ поясненій, но въ особенности то мѣсто въ ряду разорванныхъ и противорѣчивыхъ разсужденій автора, гдѣ онъ съ такой легкой душой говоритъ о православномъ духовенствѣ. „Вырожденіе государственнаго чувства“, говоритъ авторъ, и нужно замѣтить—говоритъ необыкновенно туманно,—„началось среди чиновничества и духовенства,—среди людей, отъ земли отошедшихъ, и потому живущихъ не представленіями земли своей, а представленіями (?) своей фантазіи, хотя бы и обработанными логикой (!!). По самому закону общественной психологіи (?) эти слои должны скорѣе всего вывѣтриться, что съ ними и случилось. Они были идеологами русскаго радикализма (!!)" „... Если бы не было извѣстно, что авторъ только что приведенныхъ словъ человѣкъ уже пожилой, дѣйствительно на своемъ вѣку много видѣвшій, то можно было бы подумать, что эти рѣчи плодъ юной фантазіи, мало умудренной логическими законами, но за то успѣвшей изъ разныхъ книжекъ набрать, если и не представленій и даже не образовъ, то по крайней мѣрѣ отдѣльныхъ трескучихъ фразъ и словъ. Въ самомъ дѣлѣ—рус-

ское православное духовенство было „идеологомъ русскаго радикализма“! Русское православное духовенство, отъ земли отошедшее, живущее не представленіями своей земли (должно быть, Франціи или Америки!), а представленіями своей фантазіи, создавшей эти представленія съ помощью логики, подверглось вырожденію государственнаго чувства! Вѣдь эти выраженія, если только они должны, дѣйствительно, выразить ту мысль, которая можетъ въ нихъ заключаться, по меньшей мѣрѣ требуютъ, хотя бы и не тщательно обработанныхъ логикой, поясненій. И это уже по тому одному, что до открытій, нужно сказать совершенно неожиданныхъ, автора „Дома“ всѣ—и „крайняя правая“, и „крайняя лѣвая“ единодушно признавали, что именно православное духовенство стоитъ на стражѣ государственнаго чувства, и такое его стояніе для однихъ крайнихъ было, да и есть, предметомъ злобы и войны, для другихъ—предметомъ, хотя и пріятнымъ, но далеко не всегда понятнымъ, для третьихъ—предметомъ, хотя и не подлежащимъ сомнѣнію, но или безразличнымъ, или удобнымъ при осуществленіи тѣхъ или другихъ цѣлей,—но какъ бы то ни было—для всѣхъ предметомъ существующимъ. И вдругъ—все, какъ дымъ исчезаетъ! Къ сожалѣнію, у насъ нерѣдки подобныя фантазмагоріи, и сколько-сколько онѣ зла внесли въ нашу жизнь, сколько онѣ способствовали вырожденію и даже вытравленію въ душахъ русскаго человѣка истиннаго государственнаго чувства!

Спрашивается, когда же началось это вырожденіе государственнаго чувства въ душѣ духовенства, когда началось, согласно какимъ-то, кѣру невѣдомымъ „законамъ общественной психологіи“, „вывѣтриваніе“ того же духовенства? Вѣдь, наши „періоды“ исторіи у всѣхъ на лицо, періоды, когда мы шатались и тѣда и сюда, и въ сторону Азіи, и въ сторону Европы, когда мы съ легкостію неопытныхъ юнцовъ искали и находили послѣднія слова науки во всемъ, что приходило съ Запада, оставаясь въ то же время и усердными хранителями крѣпостныхъ традицій, со всѣми „культурными“ преле-

стями, роскошно произраставшими на почвѣ этихъ традицій. Въ какой же изъ періодовъ нашей многострадальной исторической жизни православное духовенство начало отходить отъ земли и вывѣтриваться вплоть до вырожденія государственнаго чувства? Не укажутъ намъ такого періода, ибо его не было, ибо онъ еще, къ счастью Россіи и всѣхъ племенъ, объятыхъ этимъ именемъ, и не насталъ. Горе современной жизни нашей велико, но оно умѣряется сознаниемъ, что два сословія, дѣйствительно близкія къ землѣ и всей родной исторіи, крѣпко стоятъ за правду государственную, завѣщанную намъ всѣмъ прошлымъ нашей жизни, всѣмъ великимъ трудомъ государственнаго домостроительства, крѣпко берегутъ душу свою отъ растлѣвающихъ „дикихъ и нелѣпыхъ голосовъ, раздающихся изъ отдѣльныхъ кружковъ и кучекъ“, и въ этой душѣ хранится согрѣтое любовью „государственное чувство“, покоящееся на государственной мудрости, въ обыденной рѣчи называемой государственнымъ здравымъ смысломъ. Эти сословія—духовенство и крестьянство, неразрывно между собою связанныя. Что общаго между духовенствомъ и чиновничествомъ—было и есть, чтобы они вмѣстѣ стали „вывѣтриваться“? Между тѣмъ такъ легко найти общее между духовенствомъ и крестьянствомъ,—для этого нужно только присмотрѣться къ нашей жизни,—не той жизни, которая блещетъ всѣми новинками, вывезенными съ Запада, для которой Европа, дѣйствительно, „есть неизмѣнный и конечный судья всего міра“, а той, которая, если и не хитрыми, то во всякомъ случаѣ разнообразными „извивами“ неумолимо поглощаетъ „ручейки, и льется къ великому невѣдомому, къ послѣднему дѣйствию земной драмы, которая „несомнѣнно“, а не можетъ быть, явится прологомъ драмы небесной“.

И прежде всего это общее между духовенствомъ и крестьянствомъ создано историческимъ бытіемъ нашимъ. Отъ временъ Владиміра Святого и до сего дня оба эти сословія жили и живутъ рядомъ другъ съ другомъ, бокъ-о-бокъ. И горе и радости ихъ были одни и тѣ же, одни и тѣ же были для нихъ

и условія ихъ общественнаго быта: вмѣстѣ они терпѣли нужду, забвеніе со стороны „высшаго“, яко бы образованнаго класса, вмѣстѣ удостоивались въ былыя времена и наименованія „подлаго“. Такъ когда же на этомъ длинномъ общемъ жизненномъ пути духовенство начало отходить отъ земли и „вывѣтриваться“ вмѣстѣ съ чиновничествомъ? Тогда-ли, когда во время княжескихъ междоусобій оно учило лучшихъ изъ князей миру, любви и государственному строительству? Или тогда, когда оно являлось печальникомъ предъ татарскими ханами за народъ, когда оно возгрѣвало въ душѣ народной, измученной злой татарщиной, надежду на свѣтлое будущее, просто, но для народа понятно, быть можетъ грубо, но за то всесильно воспитывало душу народную въ преданности Церкви, вѣрѣ, отечеству, незамѣтно, но неуклонно вѣдряло въ сознаніе раздробленнаго между многими княжескими родами народа самое понятіе отечества? Или тогда, когда Москва начала объединять Русь, когда открылась вѣковая борьба съ Литвою и Польшею за русскія земли, за православную вѣру, когда все духовенство отъ мала до велика крѣпко стояло за единодержавіе, за единую Русь, за единство Церкви православной русской? Или, быть можетъ, въ періодъ великихъ смутъ на Руси духовенство поколебалось въ своемъ государственномъ чувствѣ? Но вѣдь въ это время были Гермогенъ, Діонисій, Авраамій, Филаретъ! Когда же могучею рукою Петра прорублено было „окно въ Европу“, когда извѣстная часть русскаго народа была оторвана отъ цѣлага и когда эта часть стала усердно заглядывать въ это окно, не обращая вниманія и даже не понимая, какіе вѣтры дуютъ съ Запада,—кто остался съ народомъ—то, на той же землѣ мало и плохо воздѣланной, на которой сидѣли все до Петра? Кто, далѣе, въ теченіе всего XVIII вѣка бережно хранилъ, хотя опять таки быть можетъ и въ довольно грубой формѣ, преданія родной старины, мудрые государственные завѣты, душу русскую народную, какъ не духовенство, которое и сохранило эту душу народную, не смотря на „бироновщину“, не смотря на всю вакха-

налію „вольтеріанства“. Стойкимъ и правымъ въ своемъ государственномъ чувствѣ и самымъ близкимъ къ народу духовенство перешло и въ XIX вѣкъ. Такимъ оно оставалось въ теченіе всего этого вѣка, не смотря на множество испытаній, искушеній. Страдая съ крестьянствомъ отъ крѣпостничества, оно вмѣстѣ съ тѣмъ же крестьянствомъ ожидало медленно восходящей зари освобожденія и въ то-же время, терпя нищету и униженіе, нерѣдко поруганіе, оставалось вѣрнымъ своему просвѣтительному призванію: учило, какъ могло, своихъ дѣтей, учило, гдѣ и какъ могло, народъ, и это ученіе было строго русскимъ, строго православнымъ, и было оно одинаково далекимъ какъ отъ гегеліанства, такъ и отъ завѣтовъ (эгалитарныхъ и утопическихъ) „великой французской революціи“. И наконецъ насталъ день свободы, 19 февраля 1861 года! Для кого этотъ день свободы былъ дѣйствительно днемъ свободы? Для простого народа и православнаго духовенства. Возставшее надъ Русью солнце свободы должно было озарить всю русскую жизнь, должно было всюду внести лучи свѣта и тепла. Но такъ ли въ дѣйствительности то было? Пригрѣло-ли оно русское дворянство на родной его землѣ? Сталь-ли міръ чиновничества ближе къ народу, свѣтлѣе свою жизнь и правовѣрнѣе въ своемъ государственномъ чувствѣ? Вѣдь не духовенство-же отпавилось „проѣдать“ выкупныя свидѣтельства въ Парижѣ и вообще „по заграницамъ“?! Вѣдь не оно же, какъ это часто указывалось и указывается въ печати, „извратило“, сузило „великое дѣло реформъ Императора Александра II-го“? Нѣтъ, оно и теперь, какъ и прежде, вмѣстѣ съ народомъ, близко-близко приавши къ своей землѣ, своей родной старинѣ, стойко, бодро и съ вѣрою на будущее переносило всѣ разочарованія, всѣ неудачи, всѣ „эксперименты“ рьяныхъ искателей житейской и государственной правды на Западѣ. Кто оставался твердъ, какъ скала, въ своихъ государственныхъ вѣрованіяхъ, въ то время, когда Русь подгоняли видимыми и невидимыми средствами, словами и дѣлами какъ можно скорѣе итти на дорогу западно-европейскаго

просвѣщенія, за идеалами европейской культурной жизни, когда старались всѣми мѣрами разорвать вѣковыя связи духовенства съ народомъ разные культуртрегеры, устраивавшіе и „хожденія въ народъ“, и почти полное изгнаніе духовенства изъ школъ, и сокращенія причтовъ и церквей,—кто оставался въ эти тяжелыя времена и среди этихъ тяжелыхъ испытаній по прежнему стойкимъ въ своихъ политическихъ вѣрованіяхъ и чувствованіяхъ, какъ не православное—высшее и низшее духовенство? И это очень хорошо понимала и понимает „крайняя лѣвая“, а потому возненавидѣла духовенство и открыла противъ него злобную войну, которая и до сего времени не прекращается, которая, напротивъ, приобрѣтаетъ все большее и большее напряженіе, выражаясь въ разныхъ формахъ навѣваемаго изъ „высшихъ“ сферъ сектанства, Пашковщины, Толстовства, въ открытой борьбѣ противъ Церкви, въ практическомъ и теоретическомъ невѣрїи и т. д. Спросите, почему это такъ ополчились на Церковь и духовенство поклонники „прогресса“, народнаго просвѣщенія, разныхъ видовъ самоуправленія? Неужели вы думаете, что и Церковь и духовенство въ глазахъ этихъ поклонниковъ составляютъ такой же предметъ борьбы, какъ, напримѣръ, взяточничество и другіе недостатки государственнаго механизма? Нѣтъ, Церковь и духовенство потому, главнымъ образомъ, являются предметомъ ожесточенныхъ нападковъ, что они служатъ самымъ могучимъ оплотомъ государственнаго порядка, ими воздвигнутаго, ими поддерживаемаго, государственнаго чувства, ими воспитаннаго и воспитываемаго, и за этимъ оплотомъ стоитъ весь народъ, надъ которымъ, благодаря этому оплоту, хотя и дѣлаются „просвѣтителями“ иногда разные опыты, но далеко неудачные и во всякомъ случаѣ не настолько блистательные и душу просвѣтителей радующіе, насколько это имъ желательно. Нужно для цѣлей радикализма, да не идеологическаго, а практическаго, унижить духовенство, оторвать его отъ народа, а не народъ отъ него, нужно, чтобы оно дѣйствительно отошло отъ земли и преданій родной старины,—

и тогда настанетъ царство искомыхъ „братства, равенства и свободы“. Наконецъ, неужели тогда православное духовенство начало вывѣтриваться и стало носителемъ радикализма, когда оно словомъ и волею Царя-Миротворца призвано къ церковно-школьной просвѣтительной дѣятельности, когда оно въ теченіе какихъ нибудь десяти—пятнадцати лѣтъ создало десятки тысячъ школъ, создало, не имѣя не только казначейскихъ милліоновъ, но и мѣдной полунки? Прислушайтесь къ звукамъ современной деревенской жизни, загляните изъ своего прекраснаго далека въ медвѣжьи углы русской жизни, и вы увидите, какая явная и подпольная идетъ война съ духовенствомъ за школы, увидите и услышите въ этой войнѣ и скрежетъ зубовънй отчаявшихся въ благополучномъ для себя исходѣ этой борьбы, и злорадство всегда радующихся чужимъ ошибкамъ, всегда живущихъ чужими недостатками. Да зачѣмъ итти въ захолустья,—въ Петербургѣ эта война и ея причины виднѣе, стоитъ только призадуматься надъ вопросомъ, зачѣмъ это на столбцахъ „либеральныхъ“ газетъ и въ не менѣе либеральныхъ гостиныхъ собираютъ отовсюду весь соръ, все свидѣтельствующее о тѣхъ или другихъ недостаткахъ церковныхъ школъ, хотя бы не по ихъ винѣ существующихъ, зачѣмъ это въ тѣхъ же самыхъ мѣстахъ съ необычною желчью „критикуютъ“ ассигновки государственнаго казначейства извѣстныхъ суммъ на улучшеніе церковныхъ школъ? Да ужъ, конечно, не потому, что духовенство страдаетъ вырожденіемъ государственнаго чувства, что оно вывѣтрилось и стало „идеологомъ русскаго радикализма“! Нѣтъ, не сказалъ бы этихъ созданныхъ его фантазіей словъ авторъ „Дома“, если бы онъ прислушался только къ голосу исторіи, и мы не слышали бы отъ него, дѣйствительно, „нелѣпныхъ“ рѣчей о вырожденіи духовенства, его вывѣтриваніи и радикализмѣ, найденныхъ имъ, очевидно, не въ представленіяхъ своей земли, а въ представленіяхъ своей фантазіи, совершенно необработанныхъ логикой. Не сказалъ бы онъ этихъ словъ, если бы прислушался къ указаніямъ хотя бы недавняго прошлаго, уже потому одному, что

онъ въ этихъ указаніяхъ встрѣтилъ бы такія имена, какъ Филаретъ Московскій, Иннокентій, Димитрій, Теофанъ, Іоаннъ Смоленскій, Леонидъ, и много-много другихъ именъ, съ которыми связаны представленія всего русскаго народа совершенно иного порядка.

Общее между крестьянствомъ и духовенствомъ и все истекающее изъ этой общности твердо, неизменно установлено тѣмъ, что на всемъ многовѣковомъ пространствѣ нашей сознательной исторической жизни православное духовенство является неизмѣннымъ и въ огромномъ большинствѣ случаевъ *единственнымъ учителемъ* народа. Мы, правда, подъ вліяніемъ разныхъ вѣяній подъ учительствомъ понимаемъ только школьное учительство, а въ послѣднее время среди извѣстнаго разряда людей—это понятіе еще болѣе сужено,—именно учить и учиться можно только въ свѣтской школѣ. Но, вѣдь, это дѣла и правды не измѣняетъ. Учило духовенство свою паству вездѣ, гдѣ только можно было: и въ храмѣ съ церковной кафедрой, и въ школѣ, и въ послѣдней не только въ качествѣ законоучителя, но и простого учителя. Мало того, дѣятельность учебно-воспитательная духовенства не только не ограничивалась указанными формами учительства, но и не могла ими ограничиться: живя рядомъ съ народомъ, одною съ нимъ сохою и бороною обрабатывая землю, вмѣстѣ съ нимъ прокладывая „пути“ и „путики“ съ юга на сѣверъ, съ береговъ Днѣпра до Волги, Урала и по всей Сибири, думая одною съ нимъ думою, разговаривая однимъ съ нимъ языкомъ даже до сего дня,—какое могучее и всестороннее-воспитательное вліяніе должно было имѣть и имѣло духовенство на „свой“ народъ! Вѣдь, по истинѣ, народъ русскій духовенство можетъ назвать „своимъ“ народомъ, ибо все, чѣмъ богата душа народная, все, чѣмъ она дѣйствительно живетъ и что составляетъ силу, славу и украшеніе ея,—все это выработано и пріобрѣтено народомъ не только *вмѣстѣ* съ его пастырями, ставшими для него „батюшками“, но и подъ неотразимымъ вліяніемъ и водительствомъ этихъ батюшекъ. Мы, увлеченные „со-

временными“ понятіями, взглядами, совѣмъ, кажется, забыли что душевный міръ нашъ, что наше „міропониманіе“ созидаются далеко не изъ однихъ книжекъ, своихъ и чужихъ, что въ этомъ дѣлѣ созиданія міровоззрѣнія человѣческаго имѣетъ величайшее значеніе та среда, въ которой приходится чело-вѣку или цѣлой группѣ человѣческихъ существъ постоянно вращаться. Кто же изъ „интеллигентовъ“ былъ постояннымъ другомъ, близкимъ другомъ народа на пространствѣ почти десяти вѣковъ? Кто изъ бывшаго „служилаго“ сословія, а потомъ помѣщичьяго и дворянскаго класса жилъ съ народомъ такъ душевно близко, такъ „душа въ душу“,—какъ жило съ чимъ духовенство? Именно этою близостию объясняется и „одинаковость“ міровоззрѣнія народа и его пастырей, одинаковость, конечно, въ существенныхъ его чертахъ,—и для всѣхъ замѣтное сходство въ образѣ жизни, и, наконецъ, та легкость обоюднаго пониманія, которая сказывается во всемъ,—и въ добромъ, и въ дурномъ, но особенно рѣзко въ томъ взаимномъ всепрощеніи, которому нерѣдко людямъ, далеко стоящимъ отъ этой жизни деревенской, приходится только удивляться. Предъ взорами простого народа въ теченіе многихъ вѣковъ стояли батюшка и вся его семья, стояли такъ, какъ они были и есть, безъ всякихъ прикрасъ,—и въ бѣдности и въ богатствѣ, и съ умомъ и въ простотѣ, и съ добромъ и съ недостатками, и съ горемъ и радостями. Какъ же послѣ этого не понять, почему именно народъ и духовенство и въ прошломъ и въ настоящее время представляютъ изъ себя единое цѣлое? Какъ не понять, что только фантазія и легкомысленное отношеніе къ указаніямъ исторіи могутъ отрывать духовенство отъ народа, отъ „земли“ и ставить его въ этомъ отношеніи наряду съ чиновничествомъ? Нѣтъ, вопіетъ самъ народъ на многочисленныхъ страницахъ своей исторіи, духовенство учило меня словомъ, дѣломъ, всею своею жизнію, учило въ церкви, въ школѣ, въ полѣ, въ огородѣ, на улицѣ, въ курной избѣ, на погостѣ,—вездѣ, гдѣ я былъ, гдѣ мнѣ нужно было утѣшеніе, и оно тамъ было. Спрашивается, когда же духовенство, яв-

ляющееся учителемъ и воспитателемъ народнымъ на пространствѣ чуть не тысячелѣтій, когда же оно учило народъ радикализму, само вывѣтривалось и вывѣтривало народъ? Никто не укажетъ намъ этого времени. Не могло быть, конечно, духовенство идеологомъ радикализма, не могло быть и рѣчи о вырожденіи государственнаго чувства и о вывѣтриваніи тогда, когда всѣ слои народа были безграмотны, когда еще не существовало у насъ и пресловутой „интеллигенціи“,—когда духовенство, будучи одно только грамотнымъ, учило народъ слову Божію, учило какъ могло и по книгамъ божественнымъ. Безусловно чуждымъ всѣмъ указаннымъ великимъ грѣхамъ государственнымъ оставалось духовенство и тогда, когда народилась у насъ свѣтская школа, а за нею европейничающая интеллигенція, когда именно за отсутствіе радикализма и за вѣрность государственному чувству и долгу духовенство сначала постепенно, а потомъ и круто начали оттирать отъ школьнаго учительства народа; но мало сказать, оставалось чуждымъ,—нѣтъ оно всѣмъ, находившимся въ его распоряженіи средствами старалось бороться противъ новыхъ вѣяній, за что не разъ и подвергалось обвиненію въ „мракобѣсіи“, „обскурантизмъ“, но не въ радикализмъ, хотя бы идеологическомъ. Современная же церковно-школьная дѣятельность духовенства уже однимъ тѣмъ, что возбуждаетъ противъ себя всѣхъ крайнихъ и красныхъ либераловъ, не говоря даже о самомъ сохраненіи этой дѣятельности, свидѣтельствуетъ, каково дѣйствительное настроеніе духовенства въ разсматриваемомъ отношеніи. Именно отсутствіемъ радикализма и крайнею неподатливостію, полнымъ отсутствіемъ „эволюціонизма“ въ духовенствѣ въ сторону радикальныхъ и иныхъ вѣяній и объясняется, почему такъ усердно нынѣ стараются всѣ приверженцы эволюцій народныхъ, оиять отнять у духовенства его школьную дѣятельность, стараются всѣ наши прогрессисты занугать общество самыми разными пугалами въ родѣ „клерикализма“, отсталости народной, надвигающейся на насъ экономической катастрофы и т. п. жупелами.

Провѣряя, такимъ образомъ, слова автора „Дома“ исторіей и современностію, можно только съ изумленіемъ спросить его, откуда онъ почерпнулъ свои представленія о вырожденіи государственнаго чувства въ духовенствѣ, о радикализмѣ его? Не сонъ-ли это? Нѣтъ, это не сонъ, а это плодъ того легкомысленнаго, не вдумчиваго, а истинно-фельетоннаго отношенія всѣхъ или почти всѣхъ нашихъ интеллигентовъ къ нашей же жизни, къ тому даже, что причиняетъ не малую боль, что, дѣйствительно, способно возмущать всякую благородную душу, плодъ того отношенія, отъ котораго мы страдали и страдаемъ,—этотъ плодъ всегдашней нашей партійности, мѣшающей людямъ думать и рѣшать безпристрастно, мѣшающей заняться, усидчиво заняться изученіемъ своего, потому что „легче прочесть иностранную книжку“, легче и повторить съ чужихъ словъ, чѣмъ провѣрить, насколько истинны эти слова.

Наконецъ, возводящему на православное духовенство вышеуказанныя небылицы, далеко не безразличныя, слѣдовало бы остано^виться надъ вопросомъ,—откуда это духовенство могло заразиться радикализмомъ, что въ его жизни и дѣятельности, въ его воспитаніи и служеніи могло вызвать вырожденіе государственнаго чувства и подвергнуть, на ряду съ чиновничествомъ, вѣвѣтриванію? А вѣдь на этотъ вопросъ могло бы натолкнуть автора „Дома“ и то, что онъ видитъ или лучше,—долженъ видѣть постоянно предъ собою, если только онъ видитъ предъ собою храмы Божіи, если онъ, конечно, слышитъ божественныя службы. Мало того, на этотъ вопросъ должно было навести его и то извѣстіе, которое онъ самъ же приводитъ въ своей статьѣ. Это „извѣстіе“ таково: „Установленная трудами великихъ языковѣдовъ прошлаго вѣка, говоритъ проф. Вязигинъ въ своемъ предувѣдомленіи къ вновь издаваемому журналу „Мирный трудъ“,—тѣсная и неразрывная связь между языкомъ даннаго народа и его міросозерцаніемъ даетъ правильное и безпристрастное рѣшеніе столь жгучаго и спорнаго вопроса о національной самобытности,

ставя его на вполнѣ научную почву: строй мышленія каждаго человѣка, уголь его зрѣнія опредѣляются, помимо его сознанія, постояннымъ и могучимъ воздѣйствіемъ его родного языка, хранителя мыслительной работы цѣлаго ряда угасшихъ поколѣній; всякое заимствованное понятіе неизбѣжно пропитывается національнымъ духомъ, приспособляется къ его особенностямъ и подвергается творческой переработкѣ. Эти выводы точной науки наносятъ смертельный ударъ космополитическимъ мечтаніямъ и увлеченіямъ: вѣ народности нѣтъ мышленія, нѣтъ познанія, нѣтъ творчества. Стало быть, и каждый русскій не можетъ отрѣшиться отъ своей національности, ибо еще ребенкомъ, съ первымъ своимъ лепетомъ началъ проникаться онъ, постепенно все тѣснѣе и неразрывнѣе сливаясь всѣмъ существомъ съ родной стихіей. Отъ свѣта науки исчезаютъ не одни только призраки „мірового гражданства“; она рѣшительно осуждаетъ и не въ мѣру усердныя стороны рьяныхъ охранителей, бьющихъ въ набатъ предъ мнимой опасностью: нашъ великій народъ не утратитъ своего облика и своей духовной самобытности, пока на землѣ будетъ звучать живая русская рѣчь“. На какомъ же языкѣ говорить наше православное духовенство, въ кругу какихъ понятій оно возвращается съ первыхъ минутъ своей жизни? Достаточно было задать себѣ эти вопросы, чтобы не только усомниться въ радикализмѣ духовенства, но и съ негодованіемъ отвергнуть это „представленіе“ плохо воспитанной фантазій. Въ самомъ дѣлѣ,—съ первыхъ минутъ своей жизни и до конца ея духовенство слышитъ ежедневно и многочасно въ теченіе дня слова молитвъ, въ которыхъ не только нѣтъ призыва къ радикализму или намѣковъ на это, но, напротивъ, все направлено противъ этого государственнаго грѣха. Во время богослуженій оно такъ часто молится о мирѣ всего міра, о благосостояніи церквей, о Царѣ, объ избавленіи отъ труса, потопа, нашествія иноплеменниковъ и междоусобной брани, что въ немъ, хотя бы оно не желало, невольно должно складываться совершенно чуждое радикализму міровоззрѣніе о людскихъ

отношеніяхъ, объ общественномъ строѣ жизни, о государствѣ, наконецъ, о самыхъ началахъ жизни, созидающихъ ее. Почти ежедневно стоя предъ престоломъ Всевышняго, принося безкровную жертву, поучаясь и научая другихъ заповѣдямъ Божиимъ о любви даже ко врагамъ, о необходимости внутренняго нравственнаго совершенствованія, какъ единственно вѣрнаго и истиннаго условія счастья человѣческаго на землѣ и вѣчнаго блаженства на небѣ,—какъ можетъ духовенство превратиться въ идеолога-радикала, какъ оно можетъ допустить въ себѣ вывѣтриваніе государственнаго чувства, которое такъ тѣсно связано со всѣмъ ученіемъ Церкви и слова Божія?! Но истинѣ для этого нужны особыя уже „законы общественной психологіи“, тайна познанія которыхъ, очевидно, хранится между тѣми представленіями, которыя не отъ „земли своей“, а изъ фантазіи автора „Дома“. Кромѣ того, вѣдь, всѣ наши прогрессисты давно уже ставятъ въ вину духовенству, что оно каста, замкнуто; хотя это и не правда, но все таки нужно же себя спросить, какъ это, воспринимая дѣло многихъ угасшихъ поколѣній, притомъ воспринимая въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ оно было всегда,—вращаясь въ теченіе многихъ вѣковъ въ кругу однѣхъ и тѣхъ же идей, дыша постоянно одною и тою же атмосферою,—какъ это духовенство такъ легко ударится въ радикализмъ и подвергнется вывѣтриванію? Нѣтъ, такіе переломы въ духовной жизни словій и даже отдѣльныхъ лицъ совершаются съ большимъ трудомъ, послѣ долголѣтней борьбы новаго со старымъ, послѣ своего рода душевныхъ катастрофъ. Къ счастью, такихъ катастрофъ нашему духовенству еще не приходилось переживать и потому оно остается не на радость врагамъ Церкви и отечества вѣрнымъ государственному чувству и долгу, имъ же самимъ воспитанному и въ себѣ и въ народѣ. Правда, хотятъ ревнители просвѣщенія вызвать такъ или иначе такую катастрофу—или посредствомъ сектантства, или посредствомъ реформированнаго воспитанія дѣтей духовенства по образцу свѣтскихъ учебныхъ заведеній, и посредствомъ отдаленія его

отъ народа,—но пока все это только еще попытки, неимѣющія серьезнаго значенія для міросозерцанія всего духовенства. Конечно, эти попытки не бывають безъ жертвъ со стороны духовенства, но вѣдь, у насъ рѣчь идетъ не о единицахъ, а о всемъ сословіи, да и самыя жертвы, увлекаемыя духомъ времени на распутія безбрежныхъ и безумныхъ мечтаній только свидѣтельствуютъ о крѣпости всего цѣлаго. Вѣруемъ и надѣемся, что никогда не придется русскому народу видѣть своихъ учителей-пастырей учениками радикализма и безъ государственнаго чувства. Вѣримъ и надѣемся, что оно, духовенство, вѣрное завѣтамъ исторіи своего отечества и незаблему ученію своей Церкви, будетъ не только само твердо въ служеніи государственнымъ задачамъ Православной Руси, но и поможетъ и всѣмъ другимъ разрозненнымъ силамъ въ борьбѣ съ тѣми недугами, которые вошли въ нашъ домъ—государство, которые стремятся охватить все большее и большее пространство и о которыхъ, хотя тоже легко, говорить и авторъ „Дома“.

М. Гн.

Книга „Требникъ“ и ея значеніе въ жизни православнаго христіанина. (По поводу новѣйшихъ воззрѣній на эту книгу) ¹⁾.

Но нашъ Требникъ, какъ мы сказали, обнимасть самыя разнообразныя стороны жизни и дѣятельности православнаго христіанина; нѣтъ ли въ самомъ дѣлѣ какихъ либо „пріемовъ колдовства“ и „грубыхъ суевѣрій“ поэтому въ другихъ молитвахъ его, указанныхъ нашимъ писателемъ?

Въ молитвѣ, напр., „егда, кто имать внити въ домъ новъ“ пастырь церкви просить Спасителя міра, не возгнушавшагося войти въ домъ мытаря Закхея, „всѣхъ, здѣ жити

---

¹⁾ См. № 12 за 1902 г.

восхотѣвшихъ и недостойныя мольбы тебѣ и моленія приносящихъ“ „отъ всякаго вреда соблюсти, благословляя тѣхъ здѣ жилище и не навѣтень тѣхъ животъ сохраняяй“¹⁾).

Въ молитвѣ „о храминѣ стужаемъ отъ злыхъ духовъ“ Церковь просить Господа, чтобы Онъ въ „бѣгство претворяя всякое діавольское дѣйство и всякое сатанинское нахожденіе, всякій навѣтъ сопротивныя и належація силы отъ крова сего и отъ одержимыхъ отъ него и отъ обходящихъ подъ нимъ, знаменіе страшныя на демоновъ победы креста твоего носящихъ и призывающихъ имя твое благое, молитъ, что Онъ Владыка—„крѣпкая стѣна уповающихъ“ и „надежду возлагающихъ“—вытти всякаго вреда и искушенія сущыя въ дому семъ сохранилъ, избавляя отъ, страха пощнаго, и стрѣлы, летяція во дни, отъ вещи, во тьмѣ преходяція, отъ еряща и демона полуденнаго: да твои раби, твоя рабыни и младенцы, *Твоя наслаждающесе помощи и ангельскимъ воинствомъ храними*, яко единъ вси въ единомысліи вѣрно поютъ: Господь мнѣ помощникъ, и не убоюся, что сотворитъ мнѣ человекъ; и наки: не убоюся зла, яко ты со мною еси“²⁾).

Молитва „надъ сѣянiемъ“ (ржи, пшеницы и другихъ плодовъ) такъ возвышенна по идеѣ, положенной въ основу ея, и такъ глубоко—назидательна по мыслямъ, что мы приведемъ ея текстъ здѣсь въ цѣльномъ видѣ:

„Господи Боже нашъ, отъ пречистыя и пребогатыя длани Твоя, предлежащее предъ очима Твоима сѣмень подааніе принесохомъ, Владыко, и сему Тебѣ вручители молимся: не бо смѣяхомъ въ бездушныхъ земли нѣдрѣхъ заключити сія, аще не воззримъ на повелѣніе Твоего величества, повелѣвающее родити и прозябати земли, и дати сѣмена сѣющему, и хлѣбъ въ снѣдъ. И нынѣ молимся Тебѣ, Боже нашъ, услыши ны молящияся Тебѣ, и отверзи намъ сокровище Твое великое,

¹⁾ Требникъ, л. 143 об.

²⁾ Тамъ же, л. 156.

и благое, и небесное, и излей благословеніе Твое, донелѣ же удволимся, по неложнымъ Твоимъ обѣщаніемъ: и отжени отъ насъ вся снѣдающая плодъ нашъ земный, и всякое наказаніе праведно наводимое на ны, грѣхъ ради нашихъ: и богатыя Твоя щедроты низпосли на вся люди Твоя“¹⁾).

Въ „послѣдованіи въ бездождіе“ во всѣхъ семи молитвахъ, составленныхъ Каллистомъ, патріархомъ константинопольскимъ, мы умолиемъ Владыку всѣхъ: „согрѣшенная нами презрѣвъ, дожди Твоя низпосли на требующія и просящая мѣста: возвесели лице земли нищихъ ради людей Твоихъ, и младенцовъ, и скотовъ, и иныхъ всѣхъ: зане къ Тебѣ чають еже дати пищу имъ во благо время“²⁾).

Молитвы эти исполнены глубокаго сокрушенія и самообличенія. „Мы только облагодѣтельствованы бывше, говорится въ третьей молитвѣ, якоже врази представихомся: и Тебе благодѣтели заповѣди презрѣхомъ, и житіе порочно и мысль скверну и нечисту стяжахомъ: и не точію Твою любовь отвергохомъ, но якоже звѣріе другъ на друга носимся, и плоти другъ друга снѣдаемъ лихоимствованными образы и неправеднымъ произволеніемъ нашимъ. Како убо достойни есмы Твоихъ благодѣтельствъ воспріяти: Ты бо праведенъ, мы неправедни; Ты любиши, мы враждуемъ; Ты благоутробенъ, мы неблагоутробни; Ты благодѣтель, мы хищницы“... Но „на неизслѣдимое Твое милосердіе и непамятозлобную утробу держающе, приступаемъ къ Тебѣ, благодѣтелю, неразумни и неблагодарни: не предаждь насъ грѣхъ ради нашихъ въ руцѣ сухости, ниже беззаконій ради нашихъ сокруши насъ узамъ глада, но благости ради Твоея подаждь земли, юже опредѣлялъ еси, и наслѣдію Твоему, дождь волень и исполни нѣдра земная живородными твоими водами“... „милостію посѣти ю и водными облаки воздухъ благораствори и богатымъ Твоимъ дождемъ землю ороси, и прозябенія ея оживи,

¹⁾ Тамъ же, л. 151 об.—152.

²⁾ Требникъ, л. 186 об.

и возвѣяніемъ добрѣйшихъ вѣтровъ плоды цѣлы и полны сотвори и умножи я благоутробіемъ Твоимъ“¹⁾).

„Помилуй насъ, Господи, помилуй насъ, взываетъ страждущая душа отъ засухи, въ четвертой молитвѣ, помяни, яко дѣла руку Твоею еси насъ: виждь птицъ стенаніе, скотовъ вопіеніе, младенческой плачь, юношъ вопль, старыхъ окаянство, сиротъ лишеніе, вдовиць уединеніе, убогихъ недостаточество, и всѣхъ людей Твоихъ молебный гласъ, и посѣти землю и уной ю тучными дожди, мокроты бо питающися, своимъ убо прозябеніямъ увяденіе, человѣкомъ же и скотомъ пагубно претить“²⁾).

Тѣ же мысли и прошенія составляютъ содержаніе и прочихъ трехъ молитвъ „о сухости бездождія“³⁾).

Въ „молитвѣ на всякую немощь“ пастырѣ возсылаетъ моленія къ Вседержителю Владыкѣ, врачу душъ и тѣлесъ“ „посѣтитъ немощствующаго брата“, простерѣтъ Свою мышцу, „исполнену исцѣленія и врачбы“ и возставитъ его отъ одра немощи. „Запрети, молится священникъ, духу немощи, остави отъ него всяку язву, всяку болѣзнь, всяку рану, всяку огневицу и трясавицу (лихорадку); и аще есть въ немъ согрѣшеніе, или беззаконіе, ослаби, остави, прости Твоего ради человѣколюбія“⁴⁾).

Молитва, читаемая въ Церкви при совершеніи поминовеній, моленій за упокой души усопшаго или, какъ выражается нашъ писатель, „чтобы облегчилось положеніе умершаго на томъ свѣтѣ“, одна, и она хорошо извѣстна каждому православному христіанину, а именно: „Боже духовъ и всякія плоти, смерть поправый и діавола упразднивый и животь міру Твоему даровавый“⁵⁾). Ею Церковь молить человѣколюб-

¹⁾ Тамъ же, л. 187.

²⁾ Тамъ же, л. 188 об.

³⁾ Тамъ же, л. 188 об.—190 об.

⁴⁾ Треникъ, л. 149.

⁵⁾ Тамъ же, л. 83 об.

ца Бога душу усопшаго упокоить „въ мѣстѣ свѣтлѣ, въ мѣстѣ злачнѣ, въ мѣстѣ покойнѣ, отнюду же отбѣже болѣзнь, печаль и воздыханіе“ и простить „всякое согрѣшеніе, содѣянное словомъ или дѣломъ или помышленіемъ“. Мы хорошо сознаемъ, „яко нѣсть челоувѣкъ, иже живъ будетъ и не согрѣшитъ: Ты бо единъ кромѣ грѣха, правда Твоя, правда во вѣки, и слово Твое истина“. Молитва эта, употребляемая въ Церкви христіанской съ глубокой древности, заключаетъ самыя задушевыя мысли и чаяніи, искренно-вѣрующаго челоувѣка и преисполнена глубокихъ симпатій къ почившему. Съ данною молитвою въ самомъ живомъ и непосредственномъ отношеніи по содержанію стоитъ и возгласъ отпустительный въ чинахъ погребеній и панихидъ, предваряемый, въ виду своей особой важности, возглашеніемъ діакона: „Премудрость“. „Воскресый изъ мертвыхъ Христосъ истинный Богъ нашъ“, по молитвамъ святыхъ мы вѣруемъ „душу отъ насъ представившагося раба въ селеніяхъ праведныхъ учинить въ нѣдрахъ Авраама упокоить и съ праведными причететь“¹⁾.

Но самымъ тяжкимъ нареканіямъ и даже, скажемъ прямо, издѣвательствамъ со стороны нашего маститаго писателя, подвергся чинъ христіанскаго погребенія и тѣ обряды, какими воздають „послѣдній долгъ“ умершему челоувѣку св. Церковь и близкіе, оставшіеся въ живыхъ. Мы увѣрены, что и съ этими обрядами, и съ главнѣйшими изъ нѣснопвнй этого умилительнаго чина православной Церкви знакомы болѣе или менѣе всѣ изъ нашихъ читателей, а поэтому льстимъ себя надеждою ни въ комъ изъ нихъ не видѣть сочувствующихъ крайнимъ взглядамъ на данное чинопослѣдованіе нашего писателя.

Въ самомъ дѣлѣ обряды, какими мы воздаемъ „послѣдній долгъ“ почившему, ясно говорятъ намъ, что и мы сами, а тѣмъ болѣе св. православная Церковь, далеки отъ мысли, что почившіе наши: отецъ, братъ, сынъ, мать, дочь—, „про-

¹⁾ Тамъ же, л. 96.

тивная, ненужная вещь, отъ которой мы спѣшили бы отдѣлаться, чтобы она не мѣшала намъ живымъ“. Напротивъ, всѣ мы, безъ различія общественнаго положенія и матеріальнаго благосостоянія, удрученные тяжелымъ горемъ потери и предстоящей разлуки съ дорогимъ существомъ, спѣшимъ пролить къ нему самыя нѣжные знаки вниманія и попечительности, на которые, къ глубокому сожалѣнію, мы не всегда бываемъ щедры при ихъ жизни. Мы одѣваемъ умершихъ въ лучшія чистыя одежды, украшаемъ цвѣтами, полагаемъ въ богатые гробы, возлагаемъ вѣнки, устроаемъ пышныя погребальныя церемоніи, устилаемъ путь покойника до могилы зѣленью, воздвигаемъ имъ склены, ставимъ надъ прахомъ ихъ дорогіе мавзолеи и памятники и т. д.

Св. Церковь, раздѣляя скорбь съ плачущими и болѣзнуюющими и чающими Христова утѣшенія“, съ своей стороны даритъ прахъ усопшаго еще большими знаками вниманія и почтенія. Главу усопшаго, какъ добраго воина своего, подвизавшагося за благо св. Церкви и теченіе свое скончавшаго, она увѣнчиваетъ вѣнцомъ съ изображеніемъ ликовъ Христа, Богородицы и св. Іоанна Предтечи, въ руки влагаетъ крестъ—символь нашего спасенія или полагаетъ на персѣхъ его св. икону, какъ знакъ его вѣры и принадлежности къ Церкви, гробъ покрываетъ покровомъ съ изображеніемъ креста изъ парчи, изъ которой обыкновенно приготовляются священныя облаченія священно-служителей и одѣянія предметовъ священныхъ, употребляемыхъ въ храмѣ, указуя, что прахъ усопшаго *святыня* и находится подъ особымъ попеченіемъ, покровомъ матери св. Церкви. Прахъ почившаго она именуетъ *мощами*“ (τὰ λείψανα)¹⁾, т. е. такимъ именемъ, которое усвоится только тѣламъ святыхъ мужей и прославленныхъ чудеснымъ нетлѣніемъ, близъ гроба почившаго, какъ у святыни, она возжигаетъ свѣчи; воскуряетъ оиміамъ, воздастъ усопшему цѣлованіе, начиная съ предстоятеля Церкви до послѣд-

¹⁾ Требникъ, л. 80 об., 96 об., 141 об. и др.

ниго вѣрующаго, присутствующаго при совершеніи обряда, возливаетъ на него св. елей, а въ древности и св. миро умашал его, по словамъ экзегетовъ православнаго богослуженія, за то, что „усоншій потрудился въ священнѣхъ подвигахъ и достигъ совершенства“¹⁾ и сопровождаетъ, наконецъ, до могилы ангельскимъ пѣснопѣніемъ: „Святый Боже“. Однимъ словомъ, къ праху почившаго православнаго христіанина св. Церковь наша относится, какъ нѣжная любящая мать.

По ея воззрѣнію, прахъ усоншаго не „противная, ненужная вещь“, „мѣшающая живымъ“, а „по образу Божию созданная красота“²⁾, *храмъ Божій, жилище Духа Божія* (1 Коринт. III, 16—17; VI, 19—20), *удовѣ Христовы* (VI, 15), органъ и проводникъ благодати Духа Святаго въ душу человѣка (Іоанн. III, 5; VI, 56—58) черезъ таинства крещенія, миропомазанія, приобщенія Тѣла и Крови Христовыхъ и чрезъ другіе обряды и молитвословія св. Церкви, а поэтому предметъ священнѣйшій и достойнѣйшій благовѣрнаго почитанія.

И у кого изъ насъ достанетъ смѣлости отрицать тотъ общезвѣстный фактъ, что эти-то именно указанные нами сейчасъ торжественные обряды христіанскаго погребенія и нѣжное любовное отношеніе къ нашимъ браннымъ останкамъ со стороны нашей матери Церкви, и даютъ всѣмъ умирающимъ съ *упованіемъ* (1 Солун. IV, 14) тотъ подъемъ нравственныхъ силъ, при которомъ и сама смерть не есть страхъ, а желанная гостя, предвѣстникъ новой жизни съ Господомъ навсегда (ст. 17). Умирающій въ мирѣ съ Церковью спокоенъ и хорошо сознаетъ, что св. мать наша Церковь не только воздастъ достодолжную дань почтенія его браннымъ тѣлу, но не забудетъ и о жившей въ немъ душѣ до скончанія вѣка, доколѣ стоитъ, молясь объ ея упокоеніи „со святыми“, въ мѣ-

¹⁾ Писан. отцевъ и учит. церкви, относящ. къ истолкованію прав. богослуж. Спб., 1855 г., т. I, стр. 232.

²⁾ Требн., л. 93. Изъ стихиръ самогласныхъ въ чинѣ погребенія мірскихъ чловѣкъ.

стѣ значнѣ“, въ „мѣстѣ покойнѣ“. Умрутъ всѣ близкіе родные, горько оплакивающіе гробъ почившаго, забудутъ „сродницы, и знаеміи“, могильный холмъ заростетъ травою и утратитъ всякій слѣдъ того, что подъ нимъ покоится прахъ почившаго, но св. Церковь будетъ достойному своему сыну возглашать „вѣчную память“ и при томъ во истину *вѣчно*, до скончанія міра. (О, какое было бы счастье для человѣка, еслибы онъ когда-нибудь сподобился вѣчной памяти *съ похвалами*). Напротивъ, какимъ холодомъ и ужасомъ охватываетъ душу человѣка мысль о смертномъ часѣ при сознаніи, что онъ одинокъ въ этомъ мірѣ и ему некому, какъ говорятъ, „закрыть глаза“ при послѣднемъ вздохѣ. Нужно ли рисовать намъ теперь мрачную картину смерти человѣка, который заранее знаетъ, что св. Церковь не простретъ своего покрованадъ его прахомъ и не проведетъ его своими уминительными пѣсноиѣніями до могилы?

Но христіанское погребеніе не есть только награда со стороны св. Церкви своему сыну за доблестный подвигъ преданности ей и служенія, по мѣрѣ силъ, ея интересамъ и благу, но есть, такъ сказать, религіозная манифестація, торжество православной Церкви, созданное ею съ тою цѣлью, чтобы, съ одной стороны, возбудить ревность и усердіе въ живыхъ членахъ, изнемогающихъ нерѣдко въ несеніи возложеннаго на нихъ креста, съ обѣщаніемъ и имъ такой же награды отъ нея въ будущемъ, а съ другой, пользуясь нагляднымъ доказательствомъ, предъ прахомъ почившаго, предложить въ своихъ религіозныхъ обрядахъ, молитвословіяхъ и пѣсноиѣніяхъ самыя краснорѣчивыя уроки суетности и скоротечности нашего пребыванія на землѣ, необходимости презрѣнія ко всему мимолетному и преходящему и достойнаго приготовленія себя здѣсь на землѣ для царства небеснаго—однимъ словомъ, всего того, что касается неба и мало относится къ землѣ, съ чѣмъ имѣютъ дѣло „волхвованія, заговоры, волшебства, суевѣрныя заклинанія и т. п.“. И нужно отдать полную справедливость, что для выполненія указанной цѣли,

св. Церковь весьма искусно воспользовалась произведениями двухъ величайшихъ церковныхъ писателей св. Ефрема Сирина и св. Иоанна Дамаскина. Горячій и воодушевленный проповѣдникъ покаянія и брѣнности чловѣческаго естества и суетности жизни на землѣ,—св. Ефремъ даетъ прекрасный матеріаль для высокоталантливыхъ и поэтическихъ твореній знаменитаго Иоанна Дамаскина, скромно именующаго себя въ надписаніяхъ „монахомъ Иоанномъ“¹⁾, и оба они вмѣстѣ переполняютъ чинъ христіанскаго погребенія такими образцовыми во всѣхъ отношеніяхъ пѣснопѣніями и молитвами, которыя производятъ неотразимо глубокое впечатлѣніе даже на людей, не принадлежащихъ къ православной Церкви.

(Продолженіе будетъ).

Проф. А. Дмитріевскій.

¹⁾ Требникъ, л. 92.

²⁾ См. № 12 за 1902 г.

Благовѣщеніе Пресвятой Дѣвѣ Маріи и празднованіе этого событія въ Назаретѣ¹⁾.

Всякому паломнику дорого видѣть то мѣсто, гдѣ, по преданію, былъ домъ Іосифа Обручника и гдѣ Архангелъ Гавріиль благовѣстилъ Дѣвѣ Маріи о зачатіи отъ нея Бога Слова. Мѣсто это находится въ стѣнахъ францисканскаго монастыря, въ южномъ концѣ города. Богомольцы идутъ по главной шоссированной дорогѣ Назарета почти на самую окраину города (гдѣ они вступили въ Назаретъ) и здѣсь, свернувъ влѣво отъ этой дороги, приходятъ въ католическій францисканскій монастырь. Здѣсь издавна указывалось мѣсто Благовѣщенія. Уже царица Елена, говорятъ, построила надъ симъ мѣстомъ церковь, можетъ быть, ту самую, о которой упоминаетъ и бл. Іеронимъ. Въ послѣдствіи магометане (съ полов. VII в.) не разъ опустошали храмъ и мѣсто. Крестоносцы возобновляли храмъ (съ XII в.) и снова потомъ должны

¹⁾ Требникъ, л. 92.

²⁾ См. № 12 за 1902 г.

были оставить его (въ XIII в.). Со временемъ (въ XVII в.) мѣсто это перешло было опять къ грекамъ; но потомъ ими было упущено (неизвѣстно, какимъ образомъ), послѣ чего здѣсь крѣпко утвердились латиняне (въ XVIII в.). Въ настоящее время надъ мѣстомъ дома Іосифа Обручника стоитъ великолѣпный *католическій соборъ*, состоящій изъ трехъ кораблей и осѣняемый большимъ куполомъ, утверждающимся на четырехъ среднихъ столбахъ. Впереди величественный главный алтарь, посвященный Архангелу Гавріилу; онъ стоитъ на возвышеніи, къ которому ведутъ съ двухъ сторонъ лѣстницы, по 12 мраморныхъ ступеней. За престоломъ художественное изображеніе Благовѣщенія. Самое *мѣсто Благовѣщенія* находится надъ главнымъ престоломъ въ пещерѣ. Къ этому мѣсту спускаются по 18 широкимъ мраморнымъ ступенямъ. Сперва входятъ въ просторную четырехугольную комнату, именуемую *капеллой Анела*; въ ней впереди два католическихъ престола,—св. Іоакима и св. Архангела Гавріила. Между ними широкій входъ въ главное святилище—*капеллу Благовѣщенія*, самое мѣсто этого всемірнаго и всерадостнаго событія. Съ великимъ благоговѣніемъ паломники входятъ за порогъ сего святилища. Капелла представляетъ комнату небольшихъ размѣровъ и не совсѣмъ правильной квадратной формы. Она сдѣлана въ скалѣ и теперь внутри обложена мраморомъ. Здѣсь было жилище Пресв. Дѣвы и сюда вошелъ къ Ней небесный вѣстникъ, Архангелъ Гавріиль. Прямо противъ входа у противоположной стѣны латинскій престоль, осѣняемый изящнымъ балдахиномъ. Надъ престоломъ художественная икона Благовѣщенія, а подъ нимъ въ полу мраморная звѣзда съ латинской надписью: *Verbum caro hic factum est* (здѣсь Слово стало плотію). На семь мѣстѣ, говорятъ, стояла Пречистая Дѣва Марія за молитвеннымъ чтеніемъ Слова Божія, когда вошелъ къ ней Ангелъ и благовѣствовалъ Ей о зачатіи и рожденіи отъ Нея Сына Божія. Надъ звѣздой и по всей капеллѣ множество лампадъ. Богомольцы повергаются предъ звѣздой на землю и въ различныхъ молитвахъ изли-

ваютъ свои благоговѣйныя чувства: кто читаетъ „Богородице Дѣво, радуйся“..., кто „О всепѣтая Мати“, иной—„Всесвятая Богородица, во время живота моего не остави мене“ и т. под.— Кѣво отъ престола, шагахъ въ 6—7 отъ него, есть двѣ мраморныя красноватыя колонны, изъ которыхъ одна, ближайшая къ престолу представляетъ нѣчто необыкновенное: она свѣшивается съ потолка и посрединѣ, ближе къ основанію (приблиз. на $2\frac{1}{2}$ арш. отъ земли) усѣчена; нижняя часть ея (ок. $1\frac{1}{2}$ арш.) и теперь стоитъ на своемъ мѣстѣ; разстояніе между верхнимъ и нижнимъ концами колонны около аршина. Говорятъ, она означаетъ мѣсто стоянія Архангела Гавріила при Благовѣщеніи. Колоннѣ этой даже мусульмане приписываютъ чудотворную силу ¹⁾. За переднею стѣною комнаты, или капеллы, Благовѣщенія есть другая, называемая *капеллой св. Іосифа Обручника*. Въ нее входятъ по тремъ ступенямъ вверхъ черезъ узкую дверь, находящуюся вправо отъ престола Благовѣщенія. Она менѣе первой и оставлена въ своемъ естественномъ видѣ. Въ ней указываютъ стѣнную нишу съ углубленіемъ внизу для лежанія, служившую Богомладенцу колыбелькой. Предъ этимъ мѣстомъ сооруженъ престолъ, а надъ нимъ виситъ картина, изображающая Христа возлежащимъ въ колыбели. На престолѣ имѣется надпись: *hic erat subditus illis* (здѣсь онъ бы повинуюся имъ). Комната эта считается *дѣтской* или *спальной Богомладенца*.—Далѣе идутъ вверхъ по 18 ступенямъ узкой пробитой въ скалѣ лѣстницы и приходятъ въ третью комнату Св. Семейства, довольно неправильной формы, тоже оставленную въ первобытномъ видѣ. Здѣсь, говорятъ, жилъ праведный Іосифъ, хранитель Богоматери и Ея Божественнаго Сына, и здѣсь же помѣщалась *кухня* и прочее насущное хозяйство Св. Семейства. Въ сѣверо-восточной ея части указываютъ слѣды выходной двери, черезъ которую Пресв. Дѣва ходила ежедневно за водой къ

¹⁾ Колонна эта, высѣчена въ давнія времена мусульманами, въ надеждѣ найти въ ней скрытыя сокровища; разрушители были наказаны слѣпотой.

источнику, какъ то дѣлають всегда Назаретянки. Были ль еще поверхъ этого жилища надстройки, неизвѣстно. Простота и убожество настоящаго жилища весьма поучительны всякому. Съ лѣстницы влѣво есть выходъ въ латинскую ризницу, гдѣ показываютъ древній *Нерукотворенный Образъ Спасителя*, хотя и не подлинный, но замѣчательный видомъ кротости, милосердія, любви и Божественности.

Посѣтивъ мѣсто Благовѣщенія, богомольцы заходятъ и въ находящуюся здѣсь недалеко, такъ называемую *плотничью мастерскую Іосифа*. Она находится на возвышеніи къ сѣверо-востоку отъ дома Іосифова. По преданію, здѣсь св. Іосифъ трудился совмѣстно съ своимъ Божественнымъ Питомцемъ для прокормленія Семьи. Мѣсто мастерской огорожено стѣною. Посрединѣ видны развалины древней православной Церкви, съ тремя абсидами, и на нѣкоторой части этихъ развалинъ устроена лѣтъ 40 тому назадъ (1858—9 г.) католическая церковь, состоящая изъ двухъ отдѣленій: первое, большее составляетъ собственно церковь и выдается католиками за мастерскую Іосифа; въ ней надъ престоломъ большая художественная картина, изображающая Богоотрока Іисуса, помогающаго Іосифу въ трудахъ древодѣлія; вторая комната, служащая собственно ризницей, будто бы была мѣстомъ склада и продажи издѣлій Іосифа и Богоотрока.

Спустившись внизъ къ западу, посѣщаютъ низкую греко-уніатскую церковь, стоящую, по преданію, на мѣстѣ древней *Назаретской синагоги*, въ которой проповѣдывалъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ во дни Своего общественнаго служенія и встрѣтилъ въ своихъ соотечественникахъ невѣріе, лицемѣріе, озлобленіе и намѣреніе тотчасъ погубить Его чрезъ сверженіе съ высокой Назаретской горы. Церковь эта на половину въ землѣ. Нижнія части стѣнъ ея, говорятъ, принадлежать древней синагогѣ. Внутренность церкви бѣдна и не представляетъ ничего замѣчательнаго.

Болѣе предпріимчивые и здоровые богомольцы посѣщаютъ и ту гору, съ которой, по православному преданію, На-

заретяне—іудеи хотѣли свергнуть Іисуса Христа (такъ наз. „гору сверженія“) Она находится къ юго-востоку отъ нынѣшняго Назарета, въ разстояніи 3—4 верстъ отъ мѣста бывшей синагоги. Путь къ ней чрезвычайно труденъ и идетъ по камнямъ и по надъ обрывами. Часа черезъ три приходятъ къ высокой утесистой горѣ; въ одномъ мѣстѣ она представляетъ крутой обрывъ въ пропасть, саженой 20 выс. Сюда, полагають, и привели Назаретяне Господа Іисуса. Противъ обрыва есть полуобрушившаяся пещера, въ которой замѣтны слѣды бывшей здѣсь живониси; полагають, здѣсь была церковь; въ глубинѣея есть ниша, служившая, можетъ быть, престоломъ. Сюда, говорятъ, скрылся Господь, когда прошелъ посреди ведшихъ Его. Если есть съ богомольцами священникъ, то онъ совершаетъ здѣсь молебень съ чтеніемъ соотвѣтствующаго мѣсту Евангелія. Полагають, до сей горы простирался древній Назареть.

Заходятъ также богомольцы въ Назаретъ въ одну латинскую церковь, гдѣ хранится *Mensa Christi*, т. е. *трапеза* или *столъ Христовъ*. Церковь эта находится въ латинскомъ же кварталѣ на склонѣ горы къ сѣверо-западу отъ мѣста Благовѣщенія. *Mensa Christi*—это большой камень овальной формы (6 арш. длины, 3 арш. ширины и 1½ арш. высоты). На немъ, по преданію, неоднократно вкушала пищу Іисусъ Христосъ вмѣстѣ съ Апостолами, въ особ. предъ Своими крестными страданіями и по воскресеніи изъ мертвыхъ. Лежитъ онъ среди церкви и служитъ престоломъ при совершеніи латинской мессы.

Въ сѣверной части Назарета есть еще одно мѣсто, несомнѣнно освященное частымъ посѣщеніемъ Пресв. Дѣвы и Ея Божественнаго Сына: это *источникъ Маріи съ соборной греко-арабской церковью Благовѣщенія*. Здѣсь-то, собственно, и сосредоточивается торжественное празднованіе православными Благовѣщенія Пресв. Богородицы. *Источникъ Маріи* (также—*Іисуса* и *Гавріила*) издавна имѣлъ важное значеніе для города, такъ какъ онъ есть почти единственный во всемъ На-

заретѣ и къ нему всегда ходили, какъ и теперь ходить, за водой Назаретскія женщины. Такъ дѣлала несомнѣнно и Матерь Божія; приходилъ сюда и Господь нашъ Иисусъ Христосъ, такъ какъ эта окраина всегда служила мѣстомъ народныхъ собраній. Священный источникъ поэтому издавна былъ окруженъ почтеніемъ въ народной памяти и въ настоящее время онъ заключенъ въ стѣнахъ греко-арабской соборной церкви Благовѣщенія. Церковь эта стоитъ на самой сѣверо-восточной окраинѣ города, недалеко отъ дороги ведущей изъ Назарета въ Галилейскіе города Капу и Тиверіяду. Вокругъ ея небольшая каменная ограда. Греко-арабская соборная церковь не высока и не особенно просторна, внутри благолѣпна, о двухъ престолахъ. Главный алтарь тѣсновать. Утварь церковная и иконы не блещутъ богатствомъ. Все, что здѣсь подороже (напрестольное Евангеліе, чаши и проч. напрестольная утварь, иконы)—дары изъ Россіи. Въ средней асти храма передъ алтаремъ мѣсто для митрополита. Въ задней части храма—отдѣленіе для женщинъ, внизу и вверху на хорахъ, отдѣленное рѣшеткой. Главная святыня—источникъ Маріи находится въ лѣвомъ придѣлѣ, устроенномъ гораздо ниже главнаго алтаря. Спускаются къ нему по мраморной лѣстницѣ изъ шести ступеней. Въ глубинѣ придѣла—престоль изъ одной верхней мраморной доски; боковыя стороны открыты, какъ въ Иерусалимѣ на Голгоѣѣ. Подъ престоломъ въ мраморномъ полу круглое отверстіе величиною въ обыкновенную тарелку: это и есть устье источника Маріи. Отверстіе это обложено по краямъ серебромъ и закрывается серебряной крышкой съ рельефнымъ изображеніемъ Благовѣщенія. Надъ источникомъ теплится множество лампадъ. Выше престола икона Благовѣщенія, предъ которой также нылаютъ лампады и свѣчи. Иконостаса и алтаря здѣсь нѣтъ. Здѣсь постоянно совершаются службы богомольцамъ—литургія и молебны. Послѣ обѣдни и раздаянія агтидора, а также при молебнахъ открывається крышка у источника, и изъ него серебрянымъ ведромъ на серебряной цѣпи черпають

воду для питья, умыванья и кропления. Поклонники, кромѣ того, набираютъ ее въ жестянки и стеклянки и бережливо уносятъ ее на родину для всякаго важнаго случая въ жизни. Существуетъ древнее преданіе, что у сего источника было *первое* Благовѣщеніе Пресв. Дѣвѣ отъ Арх. Гавріила. По словамъ нашего древняго паломника (XII в.), игумена Даниила „у сего кладязя было первое Благовѣщеніе Св. Богородицы отъ Архангела. Ибо, когда Она пришла сюда за водой и зачерпнула водоносомъ изъ источника, то услышала гласъ Ангела, котораго не видѣла: „радуйся, Обрадованная, Господь съ Тобою!“ Оглядѣвшись вкругъ и никого не увидѣвъ, Она взяла водоносъ и пошла домой, дивясь въ умѣ своемъ и размышляя: „Что бы значилъ этотъ гласъ, который Я слышала, но никого не видѣла?“ И пришла въ Назаретъ и вошла въ домъ Свой и сѣла на Своемъ мѣстѣ и начала пряхсть волну; и тогда явился Ей Арх. Гавріиль открыто... и благовѣстилъ Ей Рождество Христова“... — Вправо отъ источника есть и древняя каменная лѣстница къ источнику, по которой спускалась и Божія Матерь. Изъ подъ церкви вода проведена большимъ каналомъ къ наружному городскому резервуару, который находится у Самой Галилейской дороги, въ 15—20 саж. отъ церкви, ближе къ городу¹⁾). Здѣсь, подъ каменнымъ навѣсомъ, есть нѣсколько крановъ, изъ которыхъ и набираютъ воду. Сюда постоянно стекается много Назаретскихъ женщинъ въ ихъ характерныхъ костюмахъ изъ пестрой рубашки и шароваръ, — съ высокими глиняными кувшинами древней библейской формы и наполнивъ ихъ, возвращаются домой, держа свою ношу свободно на головѣ. Такъ, конечно, дѣлала нѣкогда и Божія Матерь.

Приведенное богослуженіе наканунѣ и въ день Благовѣщенія въ Назаретѣ совершается чрезвычайно торжественно и является, такъ сказать, чрезвычайнымъ событіемъ для населенія Назаретскаго и окрестнаго. Въ Назаретѣ въ другое

¹⁾ Этотъ резервуаръ называется также „источникомъ или колодезь Маріи“, разумѣется, въ производномъ, а не подлинномъ значеніи.

обычное время подъ праздничные и воскресные дни въ православномъ греко-арабскомъ соборѣ совершается только вечерня. Утренняя же всегда совершается на другой день передъ литургіей. Исключеніемъ является Богослуженіе наканунѣ 25 марта: тогда вечеромъ совершается полностью всенощное бдѣніе съ благословеніемъ хлѣбовъ и поіелеемъ. Дѣлается это ради русскихъ богомольцевъ, которыхъ въ это время почти всегда бываетъ много. Совершаетъ это бдѣніе русское духовенство по благословенію и въ присутствіи мѣстнаго митрополита. Богослуженіе это привлекаетъ въ церковь всѣхъ почти православныхъ Назаретянъ, которымъ „русское“ богослуженіе очень нравится, и которые ожидаютъ его съ нетерпѣніемъ изъ года въ годъ. Присутствующій при этомъ митрополитъ Назаретскій обыкновенно стоитъ облаченный въ мантию въ своемъ сѣдалищѣ посрединѣ церкви, рядомъ съ правымъ клиросомъ. При благословеніи хлѣбовъ, ему подносятъ одинъ изъ пяти, и онъ, по прочтеніи молитвы, преломляетъ его на двое, какъ то бываетъ и всегда при благословеніи хлѣбовъ¹⁾. На другой день совершается одна общая соборная литургія самимъ Митрополитомъ въ сослуженіи мѣстнаго и пріѣзжаго русскаго духовенства. Богослуженіе тогда отличается необыкновенною торжественностью. Греко-арабская соборная церковь, въ другіе праздники обыкновенно почти пустующая, теперь не вмѣщаетъ всѣхъ желающихъ помолиться. Почти всѣ богомольцы приобщаются св. Таинъ. По окончаніи Божественной литургіи вокругъ церкви совершается крестный ходъ. Въ немъ принимаютъ участіе въ полномъ св. облаченіи Митрополитъ и русское и греко-арабское духовенство; крестъ, икону Благовѣщенія и хоругви несутъ впереди хода русскіе богомольцы. Обхожденіе вокругъ церкви совершается трижды съ пѣніемъ тропаря „Днесъ спасенія

¹⁾ Благословеніе хлѣбовъ въ Назаретѣ бываетъ на вечернѣ и подъ другіе праздники; послѣ благословенія ихъ раздробляютъ на куски и даютъ присутствующимъ. Эти хлѣбы очень велики и вполне соотвѣтствуютъ своему назначенію.

нашего главизна“... на трехъ языкахъ—арабскомъ, русскомъ и греческомъ, съ чтеніемъ Евангелія и ектеній. Этотъ крестный ходъ, дѣйствительно торжественный и величественный, сильно трогаетъ сердца присутствующихъ христіанъ и умиляетъ ихъ до слезъ. Послѣ обхожденія церкви въ 3-й разъ, шествіе направляется къ митрополичьему дому, находящемуся почти рядомъ съ русской страннопріимницей, гдѣ въ домовой церкви совершается краткая литія и священнослужители разоблачаются. Этимъ собственно церковное торжество въ Назаретѣ и заканчивается.

Цѣлый день потомъ Митрополитъ принимаетъ поздравленія съ праздникомъ. Едвали не весь Назаретъ перебиваетъ тогда у него, и Архипастыръ Назаретскій, доступный всякому, принимаетъ въ своей гостиной поздравленія отъ всѣхъ своихъ духовныхъ чадъ, безъ различія сословія и состоянія,—принимаетъ съ тѣми простотою и отеческою спиходительностью, которыя такъ нерѣдки и такъ пріятно поражаютъ посѣтителей православнаго Востока!

II. II.

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ *Теодосій.*

Огъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 17 марта 1902 г.

Цензоръ, экстра-срд. проф. Акад. прот. *Г. Корольковъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLIII.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 14.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1902 года, апрѣля 7-го.

Содержаніе: Духовная семья, какъ помощница духовной школы въ дѣлѣ
приготовленія кандидатовъ священства.—Чинопослѣдованія хиро-
тоній и хиротесій съ объясненіями ихъ особенностей (продолженіе).—
Пастырскія привычки (окончаніе).—Л. Д. Малашкинъ.

Духовная семья, какъ помощница духовной школы въ дѣлѣ подготовленія кандидатовъ священства.

Вопросъ о семьѣ и школѣ, о тѣсномъ единеніи и вза-
имодѣйствіи ихъ въ дѣлѣ воспитанія, въ настоящее время
сдѣлался однимъ изъ злободневныхъ вопросовъ, въ равной
степени занимающимъ вниманіе печати и общества. На стра-
ницахъ ежедневной прессы, въ толстыхъ журналахъ, въ раз-
говорахъ вопросъ этотъ занимаетъ одно изъ главныхъ мѣстъ,
и не напрасно. Будущее общества и родной страны всецѣло
зависитъ отъ будущихъ его членовъ, подрастающаго поколѣнія:
чѣмъ прочіѣе будутъ заложены въ сердца грядущихъ поко-
лѣній сѣмена добра и правды, чѣмъ крѣпче они будутъ пси-
хически и физически, словомъ, чѣмъ лучше они будутъ вос-

питаны, тѣмъ спокойнѣе и увѣреннѣе можно смотрѣть въ глаза будущему. Если таково значеніе воспитанія, то не удивительно, что вопросъ о немъ вызвалъ такой живой обмѣнъ мыслей въ печати и обществѣ. Общее положеніе, на коемъ основываются всѣ настоящіе толки и разговоры, можно выразить такъ: „одна школа, какъ-бы она высоко ни стояла, не въ состояніи воспитать человѣка; необходима для этого дѣятельная работа не только со стороны педагоговъ, коимъ поручается воспитаніе и обученіе дѣтей въ школѣ; необходимъ воспитательный трудъ со стороны родителей“. Положеніе это вовсе не новое, мысль старая, но безусловно вѣрная.

Затронутый нами вопросъ разсматривался, главнымъ образомъ, на страницахъ свѣтской печати, но это не значитъ того, будто духовная печать и духовная школа игнорируетъ воспитательное вліяніе на дѣтей духовной семьи: напротивъ, это вліяніе необходимо предполагается. Духовная школа имѣетъ своею цѣлю приготовить будущихъ дѣятелей на нивѣ Христовой, будущихъ пастырей Церкви. Одна, только своими средствами, школа сдѣлать этого не въ состояніи: въ этомъ случаѣ для нея необходима самая дѣятельная, самая усердная помощь со стороны семьи.

Общепризнанная истина, что школа учитъ лучше, чѣмъ семья, семья за то воспитываетъ лучше, чѣмъ школа. Причина этому заключается въ томъ, что семья располагаетъ такими воспитательными средствами, находится въ такихъ условіяхъ по отношенію къ ребенку, какихъ никогда не будетъ въ распоряженіи у школы. Не только нравственная, но и физическая близость, близость по крови, всецѣлая зависимость ребенка отъ родителей въ матеріальномъ отношеніи, постоянное пребываніе вмѣстѣ, высокій авторитетъ родителей въ глазахъ ребенка,—все это открываетъ родителямъ возможность самаго широкаго воспитательнаго вліянія на дѣтей. Воспитатель, какъ бы онъ близко ни стоялъ къ ребенку, пусть онъ будетъ самый идеальный человѣкъ, искренно привязанный къ дѣтямъ, все таки для дѣтей, хотя нѣкоторое время, онъ бу-

детъ чужимъ; стать на мѣсто отца и матери, замѣнить ихъ онъ никогда не сможетъ. Духовная школа беретъ подъ свое руководство мальчика 10—11 лѣтъ; если предположить, что до этого времени не было никакого добраго вліянія на душу ребенка со стороны родной семьи, или, еще горше—вліяніе было отрицательное, то можно съ увѣренностію сказать, что духовная школа не въ состояніи будетъ исправить такого ребенка. Въ самомъ строѣ духовныхъ школъ есть не мало такихъ условій, которыя затрудняютъ ея воспитательное вліяніе на дѣтей. Усложнившіяся условія жизни, развитіе науки и общества, требуетъ отъ пастыря обширной научной подготовки. За 10 школьныхъ лѣтъ воспитанникъ духовной школы долженъ изучить обстоятельно до 30 предметовъ. Все это требуетъ громадной затраты времени и силъ какъ со стороны учащихся, такъ и со стороны педагогическаго персонала; на воспитаніе въ собственномъ смыслѣ времени остается очень мало. Учитель у насъ есть именно учитель, а не воспитатель; даже въ низшей духовной школѣ воспитатель всего чаще носитъ названіе надзирателя-репетитора и занимается больше приготовленіемъ уроковъ съ дѣтьми, чѣмъ ихъ воспитаніемъ. А между тѣмъ вовсе не многознаніе сила: нравственное образованіе души важнѣе, необходимѣе и несравненно труднѣе обученія; знаніе безъ нравственнаго развитія души не только не полезно, но прямо вредно; по словамъ Сперанскаго, ученіе и многознаніе безъ нравственности—то же, что безумному—мечъ. Въ школѣ, гдѣ собрано нѣсколько сотъ дѣтей, обыкновенно бываетъ 5—6 воспитателей; спрашивается, что они могутъ сдѣлать для сотни дѣтей въ воспитательномъ смыслѣ? Обыкновенно дѣло ограничивается одной отрицательной стороною; воспитатель старается исправить тѣ или другіе недостатки, ярко бросающіеся въ глаза въ томъ или другомъ индивидуумѣ; слѣдить въ равной степени за всѣми, подмѣтить психику каждаго, дать надлежащее направленіе индивидуальнымъ особенностямъ—это дѣло прямо невозможное для воспитателей.

Духовная школа имѣетъ свою цѣлію приготовить па-

стыря Церкви: служеніе это самое высокое, какое только да-
ется человѣку въ удѣлъ; это великая честь, но вмѣстѣ съ
тѣмъ и самый трудный подвигъ, требующій отъ человѣка та-
кихъ нравственныхъ качествъ, такой чистоты сердца, высоты
и силы духа, какія во всякомъ другомъ званіи требуются въ
меньшей степени. Пастырь воспитываетъ другихъ, ведетъ ихъ
по пути нравственнаго совершенствованія; его цѣль—сдѣлать
своихъ пасомыхъ достойными нашего вышняго званія, гор-
няго отечества, да совершенъ будетъ Божій человѣкъ, на вся-
кое дѣло благое уготованъ. Для того, чтобы воспитывать дру-
гихъ, самому надлежитъ быть воспитаннымъ; чтобы призывать
другихъ къ совершенству—для этого самому нужно идти по
пути къ совершенству. Отсюда, воспитать истиннаго пастыря,
совершеннаго по жизни, есть задача въ высшей степени труд-
ная; осуществить ее школа можетъ только при самомъ дѣя-
тельномъ участіи со стороны семьи.

Три періода предшествуютъ зрѣлому возрасту: дѣтство,
отрочество и юность; въ каждый изъ этихъ періодовъ духов-
ная семья должна дѣйствовать въ благопріятномъ смыслѣ на
своихъ дѣтей. Разсмотримъ эти періоды и укажемъ хотя нѣ-
которыя средства, коими могутъ пользоваться родители въ дѣлѣ
воспитанія своихъ дѣтей.

Христіанскій идеалъ воспитанія есть единственно вѣр-
ный; только этотъ идеалъ способенъ преобразовать естествен-
ную дѣтскую природу къ лучшему во всѣхъ отношеніяхъ,
только онъ одинъ можетъ возвести человѣка отъ грѣховнаго
состоянія въ состояніе высшее, совершенное. Если для вся-
каго христіанина этотъ идеалъ обязателенъ, то тѣмъ болѣе
должны воспитываться по нему дѣти духовенства, будущіе па-
стыри. Приготовляющимъ себя на святое и великое служеніе
іерейское необходимо заранѣе приготовить себя къ этому слу-
женію; кандидатамъ священства должно „заранѣе быть іере-
ями для христіанъ еще до священства“, какъ выразился св.
Григорій Богословъ о своемъ другѣ Василии Великомъ. Съ
самаго ранняго возраста, съ первыми проблесками созна-

нія должно начинать христіанское воспитаніе челоуѣка; духовная жизнь въ челоуѣкѣ нарождается вмѣстѣ съ крещеніемъ; какъ дитя въ утробѣ матери, какъ зерно въ землѣ, сѣмя добра живетъ въ душѣ ребенка и требуетъ питанія и укрѣпленія и чѣмъ раньше начнется это питаніе, тѣмъ лучше, тѣмъ въ лучшей плодъ возрастетъ душа челоуѣка. Задача семьи состоитъ здѣсь въ слѣдующемъ: съ пробужденіемъ сознанія въ ребенкѣ, она сначала сообщаетъ ребенку первоначальныя религіозныя понятія, самыя конечно элементарныя: о Богѣ какъ Творцѣ и любящемъ Отцѣ, о необходимости обращаться къ Нему съ молитвою. Это такія понятія, которыя усвоить всякій ребенокъ, научившійся говорить; родители учатъ затѣмъ дѣтей молитвамъ самымъ простымъ. Это будетъ, такъ сказать, теоретическое наученіе въ самой элементарной формѣ; здѣсь всего полезнѣе бесѣда, краткое наставленіе любящей матери, такъ какъ она ближе всего стоитъ къ ребенку, только одна она способна говорить дѣтскимъ языкомъ и понимать его.

Съ возрастомъ кругъ религіозныхъ понятій, запасъ молитвъ постепенно долженъ расширяться. Религіозныя понятія, пріобрѣтаемыя въ дѣтствѣ, самыя прочныя и самыя устойчивыя. Василій Великій, вспоминая съ глубокою благодарностію своихъ первыхъ воспитательницъ: мать и бабуку, говоритъ: „то понятіе о предметѣ вѣры, какое пріобрѣлъ я съ дѣтства отъ матери и бабуки Макрины, возростало во мнѣ, и я усовершеншалъ только преподаанныя ими мнѣ начала“ (Письмо 196). Но однихъ только религіозныхъ понятій, свѣдѣній въ области религіозной далеко недостаточно для истинно-христіанскаго воспитанія, а тѣмъ болѣе не достаточно ихъ въ дѣлѣ воспитанія будущаго служителя Церкви Христовой. „Христіанство не есть сборникъ проповѣдей или учебникъ по закону Божию, а молитвенная цѣломудренная, смиренная и благодатная жизнь“ ¹⁾. Важенъ, слѣдовательно, тотъ духъ, то настроеніе,

¹⁾ Посланіе Антонія Уфимскаго къ духовенству. Уфим. Еп. Изд. 1901 г. № 22

какимъ питають ребенка съ дѣтства. Пусть духовная семья разовьетъ въ своемъ дитяти то особое настроеніе, какое требуется отъ пастыря Церкви: имя этому настроенію набожность и религіозность. Опредѣлить это настроеніе кратко трудно; учить ему еще труднѣе; но указать нѣкоторыя средства, его развивающія и укрѣпляющія, возможно: эти средства: церковно-богослужебная жизнь и примѣръ родителей. Пусть ребенокъ съ малыхъ лѣтъ посѣщаетъ вмѣстѣ съ родителями храмъ Божій. Торжественныя и величественныя службы, пѣснощныя и молитвословія церковныя, самая обстановка храма настраиваютъ человѣка, а особенно чистую дѣтскую душу, на высокій ладъ, оставляютъ въ ней неизгладимый слѣдъ, вырабатываютъ особое настроеніе, которое выражается въ любви къ храму и богослуженію, въ благочестивомъ направленіи мысли. Настроеніе это дѣти унесутъ съ собою и въ духовную школу, оно навсегда сохранится въ ихъ душѣ.

Набожность и религіозность, заложенныя въ дѣтствѣ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ навсегда, на всю жизнь сохраняются въ человѣкѣ.

Недостаточно ребенка только учить, нужно показывать примѣръ тому, чему учишь. Воспріимчивая дѣтская натура легко воспринимаетъ то, что она можетъ видѣть; ребенокъ всегда переимчивъ; отсюда открывается вся важность примѣра со стороны родителей; мало сказать ребенку: дѣлай то, или другое, нужно указать въ своемъ лицѣ примѣръ или образецъ, какъ нужно дѣлать; важенъ въ этомъ дѣлѣ не внѣшній авторитетъ, а живой примѣръ родителей, та атмосфера набожности и церковности, которая должна царить въ семействѣ духовныхъ.

Въ семействѣ духовномъ свято должны быть соблюдаемы завѣты Церкви о молитвѣ, о временахъ праздничныхъ, о постахъ. Ребенокъ не только посѣщаетъ богослуженіе, но и молится дома; примѣръ этому должны подавать родители. Если отъ дѣтей требуютъ молитвы предъ столомъ, а сами родители не исполняютъ этого требованія, то ясно, что дѣти привык-

нужно смотрѣть на эту молитву, какъ на дѣло второстепенное, не важное, которое исполнять нужно только потому, что требуютъ того родители. Семейство священника свято должно хранить посты. Иногда поступаютъ такъ, что сами родители, исполняя постъ, дѣтей кормятъ скоромнымъ, не понимая того, какой вредъ они приносятъ имъ. Привыкнувъ съ дѣтства не соблюдать постовъ, дѣти и въ училищѣ будутъ тяготиться ими: такія дѣти будутъ непременно осаждаютъ родителей, особенно въ посты, жалобами, что ихъ морятъ голодомъ. Еще горше обстоитъ дѣло въ томъ случаѣ, если сами родители не соблюдаютъ постовъ... Въ этихъ случаяхъ дѣти привыкаютъ смотрѣть на постъ, какъ на дѣло обязательное только для простаго народа. Нарушеніе постовъ родителями часто ставитъ ихъ въ фальшивое и неловкое положеніе предъ дѣтьми, и не сомнѣвайтесь: дѣти всегда поймутъ это положеніе, чѣмъ конечно подрывается авторитетъ родителей. Въ Петровскій постъ пришлось намъ обѣдать у одного священника, столъ подавали для всѣхъ одинъ скоромный; вдругъ къ дому подкатила коляска сосѣдней помѣщицы, женщины благочестивой, доброй и всѣми уважаемой. Надо было видѣть лицо священника, чтобы понять, какъ онъ себя неловко чувствовалъ, когда барыня, вошедшая прямо въ столовую, на его приглашеніе къ столу отвѣчала, что она постится; по лицу мальчика, лѣтъ 9, сидѣвшаго за столомъ, казалось, пробѣжала улыбка, говорившая: „а что попался, папа“? И такъ еще до школьныхъ лѣтъ духовная семья должна заложить въ душу своихъ дѣтей прочныя сѣмена вѣры и нравственности; пусть она научитъ ихъ молиться, пріучитъ къ храму, къ богослуженію; укрѣпившись въ душѣ ребенка съ дѣтства, эти добрые навыки навсегда сохранятся въ его душѣ: „какъ маленькое деревцо, говоритъ святитель Тихонъ Задонскій, къ какой сторонѣ наклонено будетъ, такъ и до конца будетъ расти, такъ и малый отрочъ, чему сначала наставленъ будетъ, къ тому и до кончины жизни своей склонность будетъ имѣть“¹⁾.

¹⁾ Сочиненія Тихона Задонскаго. 1843 г., т. I, 96 стр.

За годами дѣтства начинается для дѣтей духовенства время обученія въ духовной школѣ: мальчика 10—11 лѣтъ отдаютъ въ духовное училище, затѣмъ въ семинарію; на все это расходуется минимум 10—12 лѣтъ. Большинство родителей на это время разстается со своими дѣтьми и видится съ ними только въ вакаціонное время.

Какъ у насъ относятся къ учащимся дѣтямъ? Въ большинствѣ случаевъ не такъ, какъ слѣдовало-бы. Воспитательныя заботы взваливаются на школу и обязанности родителей понимаются въ самомъ узкомъ смыслѣ: взнести за мальчика плату, приобрести книжки, одѣть и обуть его; въ остальномъ дѣти предоставляются самимъ себѣ. Школа всегда отдѣляетъ дѣтей отъ родителей, и родители нисколько не заботятся о томъ, чтобы заглянуть въ душу ребенка, приобрести его довѣріе; чрезмѣрное-ли тутъ довѣріе къ школѣ, просто-ли лѣнь родителей, но нравственное вліяніе родителей на дѣтей въ годы ученія бываетъ очень слабымъ. Въ свое время, занимаясь уроками, мы видѣли десятки духовныхъ семействъ и вездѣ вынесли одно впечатлѣніе отъ воспитательнаго вліянія въ это время родителей на дѣтей: оно слишкомъ слабо. Отецъ на дѣтей подростковъ обыкновенно не обращаетъ никакого вниманія; дѣти бѣгаютъ, гдѣ хотятъ, дѣлаютъ, что угодно—свобода полная. Главный интересъ для родителей—отпускной билетъ мальчика съ отмѣтками; около отмѣтокъ сосредоточиваются всѣ родительскія наставленія и весь интересъ. Что касается матерей, нашихъ первыхъ учительницъ, отъ которыхъ мы впервые научились молиться, узнали о Богѣ, то и ихъ воспитательное вліяніе на дѣтей въ школьные годы понижается. Приѣзжаютъ сыновья въ деревню и сердобольныя маменьки начинаютъ охать и вздыхать, глядя на дѣтей: какъ они похудали да поблѣднѣли: „наука подтянула“, объясняютъ родители, „кормятъ васъ совсѣмъ плохо“, и начинается кормленіе; хлопотливая заботливость сердобольныхъ матерей на этомъ и сосредоточивается. Столь училищный виновать въ худобѣ дѣтей мало; при незначительной платѣ, какая взимается за

содержаніе въ училищахъ, кормить здѣсь сносно: милліоны простыхъ людей живутъ во много кратъ хуже, чѣмъ наши воспитанники, и все же выглядятъ здоровыми и бодрыми; всего болѣе виновата въ этомъ скученность помѣщеній, недостатокъ свѣжаго воздуха и отдыха. Чувство родительское есть чувство высокое, заботливость родителей о здоровьѣ дѣтей заслуживаетъ всякой похвалы, но развѣ только въ этомъ должна сказываться ихъ любовь къ дѣтямъ?

Духовная семья должна внимательно слѣдить за своими дѣтьми въ школѣ, за ея воздѣйствіемъ на душу ребенка, восполнять тѣ недочеты въ воспитательномъ дѣлѣ, какіе могутъ быть въ школѣ. Часто родители не узнаютъ своихъ дѣтей: такъ мѣняется ихъ нравственная физіономія въ школѣ; за болѣе или менѣе продолжительный срокъ въ дунѣ мальчика могутъ родиться такія мысли, выработаться такія привычки, которыя совершенно видоизмѣняютъ доброе настроеніе ребенка, полученное дома. Исправить мальчика въ томъ или другомъ отношеніи всего скорѣе могутъ родители, такъ какъ это исправленіе будетъ согрѣто и обвѣяно родительской лаской и любовью.

В. Пестряковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Чинопослѣдованія хиротоній и хиротесій съ объясненіями ихъ особенностей¹⁾.

(Руководственныя указанія ставленникамъ).

VII. Чинъ, бываемый на произведеніе игумена (и игуменіи).

§ 19. Порядокъ чина и его происхожденіе. Особенности практики въ этомъ отношеніи нынѣ на православномъ Востоку.

Знаки игуменскаго достоинства и характеръ власти его.

При архіерейскомъ служеніи, подведеніе возводимаго въ санъ игумена совершается на маломъ выходѣ тѣмъ же порядкомъ, какъ и подведеніе возводимаго въ санъ протоіерея.

¹⁾ См. № 7 за 1902 г.

Но возведеніе въ санъ игумена, по Чиновнику, можетъ быть совершено архіересемъ и тогда, когда онъ самъ лично не участвуетъ въ совершеніи богослуженія. И въ этомъ послѣднемъ случаѣ возведеніе совершается также на маломъ выходѣ, по возложеніи архіереемъ на себя епитрахили, поручей и омофора. Послѣ того, какъ возводимый приблизится къ каедрѣ и преклонитъ главу предъ архіереемъ, сидящимъ на каедрѣ, послѣдній благословляетъ голову возводимаго въ санъ игумена крестнымъ знаменіемъ трижды и, по возгласѣ протодіакона: „Господу помолимся“, встаетъ съ сѣдалища и читаетъ молитву: „Боже, всегда челоѣковъ спасенія промысль творяй“. Пѣвцы поютъ: „Аминь“, архіерей возглашаетъ: „Миръ всѣмъ“, пѣвцы: „И духови твоему“, протодіаконъ: „Главы ваша“, пѣвцы: „Тебѣ, Господи“, и архіерей читаетъ тайно вторую молитву: „Приклони, Господи, ухо твое“. По возгласѣ архіерея: „Благодатію и щедротами“, протодіаконъ возглашаетъ: „Повели, владыко“, а архіерей „велегласно“ произноситъ; „Благодать всесвятаго Духа чрезъ нашу мѣрность производитъ тя, игумена честныя обители Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа (имярекъ, его же есть храмъ), или Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы (ея же есть храмъ, имярекъ), или святаго (имярекъ, его же есть храмъ)“ и, положи руку на голову возводимаго, восклицаетъ: „Аксіосъ“. Священнослужашіе на срединѣ храма и пѣвцы повторяютъ тоже возглашеніе по трижды. Возведенный въ игумена цѣлуетъ омофоръ въ оба плеча, руку архіерея, кланяется ему земно, отходитъ къ священнослужителямъ, цѣлуетъ въ руку архимандритовъ и іереевъ, сослужащихъ архіерею, и занимаетъ среди нихъ подобающее ему мѣсто. Протодіаконъ беретъ изъ рукъ второго діакона Евангеліе и совершаетъ малый входъ по обычаю.

По окончаніи литургіи, если возводимый въ игумена не назначается быть настоятелемъ обители, то онъ, снявъ съ себя священныя облаченія и одѣвшись въ обычныя одежды, ожидаетъ, когда архіерей разоблачится и надѣнетъ на себя мантію и клобукъ. Въ это время возведенный въ игумена при-

ближается съ правой стороны престола къ архіерею, кланяется ему земно, цѣлуетъ руку архіерея и, по благословеніи крестнымъ знаменіемъ отъ архіерея игуменской мантии, надѣваетъ ее на себя, снова кланяется земно архіерею, цѣлуетъ ему руку, удаляется въ діаконникъ и снимаетъ ее съ себя. Если же возведенный въ игумена назначается настоятелемъ обители¹⁾, то, надѣвъ на себя игуменскую мантию, стъ престола черезъ сѣверныя двери онъ выходитъ изъ алтаря и становится за солею, имѣя позади себя и нѣкоторыхъ иноковъ въѣремой его водительство обители. Архіерей выходитъ черезъ царскія двери на солею и, взявъ изъ рукъ посошника игуменскій жезль, подходитъ къ возведенному въ игумена и вручаетъ ему жезль съ словами: „Прими сей жезль, имже утверждеи паству твою да правиши: яко слово имаши отдати за ню нашему Богу во дни суда“, и произноситъ къ игумену и стоящей за нимъ братіи назидательное поученіе. Игумень, принимая жезль изъ рукъ архіерея, цѣлуетъ руку архіерея и земно ему кланяется.

Шествуетъ новый игумень, если возведеніе происходитъ въ той обители, въ которой онъ избранъ въ настоятеля, въ мантии и съ жезломъ позади архіерея до своихъ покоевъ и тамъ, разоблачившись, принимаетъ поздравленія отъ братіи и всѣхъ бывшихъ на торжествѣ. Если же возведеніе въ игумена совершено въ соборномъ храмѣ или въ иномъ монастырѣ, то, по полученіи жезла, новый игумень, поклонившись владыкѣ, отходитъ въ сторону и слагаетъ съ себя знаки своего достоинства здѣсь же въ храмѣ.

Возведеніе въ санъ игуменіи совершается по чину, описанному нами, но съ нѣкоторыми дополненіями, вызванными

---

¹⁾ Въ настоящее время саномъ игумена и архимандрита награждаются Св. Синодомъ почетнѣйшіе и заслуживнѣйшіе іеромонахи лавръ и важнѣйшихъ монастырей. Въ архимандриты возводятся, кромѣ того, изъ монашествующихъ лицъ непремѣнно ректора духовныхъ семинарій и очень часто инспектора духовныхъ академій.

особенностями положенія возводимой въ этотъ санъ инокини. Послѣдняя канунъ своего возведенія въ санъ игуменіи проводитъ въ постѣ и молитвѣ, такъ какъ, по принятому обычаю, въ день своего возведенія она приобщается Св. Таинъ Христовыхъ. Если возведеніе это совершается не въ своей обители, то возводимая, вмѣстѣ съ почетными сестрами обители, является въ храмъ до прихода въ него архіерея, имѣя съ собою изъ обители и игуменскій жезлъ. Вмѣстѣ съ своими сестрами, возводимая въ игуменію занимаетъ мѣсто въ храмѣ, или на лѣвомъ клиросѣ, если оно свободно отъ пѣвцовъ, или же на лѣвой сторонѣ близъ солеи, а жезлъ игуменскій отдаетъ въ алтарь. Приведеніе къ архіерею возводимой въ игуменію совершается на маломъ выходѣ по тому же порядку, какимъ совершается оно и надъ возводимымъ въ санъ игумена. По прочтеніи архіереемъ всѣхъ молитвъ чина и по произнесеніи формулы: „Благодать всесвятаго Духа чрезъ нашу мѣрность производитъ тя *игуменію* честныя обители“, архіерей, возложивъ руку на голову возводимой, возглашаетъ: „Аксія“. Священнослужители и пѣвцы повторяютъ тоже возглашеніе по трижды. Получивъ затѣмъ благословеніе архіерея, поцѣловавъ руку и поклонившись ему земно, возведенная въ игуменію становится за кафедрю архіерея и ожидаетъ здѣсь конца малаго выхода. По удаленіи архіерея и священнослужителей въ алтарь, возведенная въ игуменію идетъ или на прежнее мѣсто къ солеѣ, или становится на солеѣ предъ иконою Божіей Матери¹⁾. Во время пѣнія причастнаго стиха, она прикладывается къ намѣстнымъ иконамъ и, по возгласѣ діакона: „Со страхомъ Божіимъ“, приступаетъ къ принятію Св. Таинъ. По вкушеніи антидора и теплоты, въ ожиданіи конца литургіи, она стоитъ на прежнемъ мѣстѣ. Послѣ ли-

²⁾ Иногда возводимая въ игуменію, какъ бы исполняя обязанности древней діакониссы, на часахъ и во время херувимской пѣсни подаетъ архіерею блюдо для умовенія рукъ, имѣя на плечахъ и полотенце. Прот. К. Никольскій. Посobie къ изученію устава богослуженія православной Церкви, стр. 722 прим.

тургии, когда архіерей разоблачается передъ престоломъ, возведенная въ игуменію становится за солею, имѣя за собою сестеръ своей обители. Архіерей, облачившись въ мантию и клобукъ, выходитъ изъ алтаря, беретъ у посошника игуменскій жезлъ, который къ этому времени выносится изъ алтаря, вручаетъ его новопоставленной въ игуменію съ словами: „Пріими сей жезлъ“ и произноситъ поученіе ей и сестрамъ. По полученіи жезла, игуменія цѣлуетъ руку архіерея, земно ему кланяется и удаляется въ сторону, чтобы дать проходъ владыкѣ. Если возведеніе совершается въ своей обители, то игуменія съ жезломъ въ рукѣ шествуетъ изъ церкви до своей келіи за архіереемъ и здѣсь принимаетъ отъ всѣхъ поздравленія, если же—въ иной обители, или въ соборномъ храмѣ, то жезлъ свой она отлагаетъ въ сторону еще въ храмѣ.

Прямого оригинала нашего чина „на произведеніе въ игумена“ въ литургическихъ памятникахъ греческой церкви мы не находимъ. Ближе всего, по своему распорядку составныхъ частей и даже нѣкоторыми своими обрядовыми подробностями, стоитъ къ нашему чину „Εὐχή, γινομένη τοῦ ἡγουμένου“, въ рукописи 1407 года патріаршей Александрійской бібліотеки № 371 ¹⁾ и отчасти „Εὐχή ἐπὶ προχειρίσει ἡγουμένου ἐν τῷ πατριαρχείῳ“ ²⁾ (молитва на произведеніе въ игумена въ патріархіи), имѣющаяся въ Барбериновскомъ евхологіѣ Св. Марка VIII—IX вѣка. Въ обоихъ греческихъ памятникахъ имѣются на лицо молитвы нашего чина „на произведеніе въ игумена“, при чемъ въ первомъ памятникѣ мы видимъ и возмашеніе діакона: „Шовелите“, и формулу: „Благодѣль всесвятаго Духа чрезъ нашу мѣрность производитъ тя игумена“, которыя, однако-же, занимаютъ мѣсто въ самомъ началѣ чина, а не въ концѣ его, какъ нынѣ въ нашемъ чинѣ. Изъ греческихъ памятниковъ древняго времени намъ извѣ-

¹⁾ А. Дмитріевскій. Описаніе литург. рукописей, хранящихся въ библ. православнаго Востока, т. II *Εὐχολόγια*, стр. 377.

²⁾ *Εὐχολόγιον* Goa, pag. 396.

стенъ еще чинъ XIV вѣка съ надписаніемъ: „*Τάξις καὶ χειροτονία εἰς ἡγούμενον καὶ ἡγουμένῃν*“ ¹⁾). Это надписаніе, а равно и составъ чина свидѣтельствуютъ съ полной наглядностію, что въ древнѣйшее время чины возведенія въ игумена и въ игуменію имѣли много общаго между собою.

Нынѣшній чинъ возведенія въ игумена, надписываемый такъ: „*Τάξις, γινομένη ἐπὶ προχειρίσει ἡγουμένου*“ ²⁾ и практикуемый на православномъ Востокѣ, содержитъ въ себѣ много особенностей сравнительно съ нашимъ чиномъ. Игуменъ, по этому чину, приводится братіею обители, послѣ обычнаго начала, при чемъ іеромонахи обители, произносятъ слѣдующее: „Приводится достопочтеннѣйшій іеромонахъ, имярекъ, избранный законно, на воспріятіе святыхъ молитвъ, для возведенія на тронъ (*ἐνθρονισθῆναι*) игумена и вождя честныя обители, имярекъ“. Архіерей на это говоритъ: „Благодать святаго Духа да будетъ съ тобою, просвѣщающая, укрѣпляющая и дающая разумъ тебѣ во вся дни живота твоего“. Священникъ возглашаетъ: „Вонмемъ“, а архіерей, положивши руку на голову возводимаго, читаетъ первую молитву. По возгласѣ первой молитвы, одинъ изъ іереевъ произноситъ великую ектенью, въ которой молится между другими прошеніями о епископѣ и о дѣлѣ рукъ его и о возводимомъ въ игумена, проситъ челоуѣколюбца Бога, чтобы Онъ сохранилъ ввѣряемое ему братство въ мирѣ, единомысліи и благосостояніи. По прочтеніи на главопреклоненіе второй молитвы, надѣваютъ на возводимаго игуменскую мантию и ведутъ въ игуменскій тронъ, стоящій въ срединѣ храма съ правой его стороны. Архіерей произноситъ: „Возводится на тронъ игумена и вождя честныя обители, имярекъ, рабъ Божій, іеромонахъ, имярекъ“. Монахи поютъ при этомъ трижды: „Аксіось“. Архіерей и монахи цѣлуютъ новаго игумена. Въ заключеніе епископъ вручаетъ

¹⁾ А. Дмитріевскій. Описаніе литургическихъ рукописей, хранящ. въ библ. прав. Востока, т. II *Εὐχολόγια*, стр. 350.

²⁾ *Εὐχολόγιον* edit. Venet. 1767, σελ. 147—149; Goar. *Εὐχολόγιον*, pag. 395—396.

игумену жезлъ съ словами, которыя находятся и въ нашемъ чинѣ, а клиръ поетъ многолѣтіе епископу и новому игумену¹⁾.

На Аѳонѣ, по издавна установившемся обычаю, возведеніе въ игумена совершается архіереемъ, но жезлъ игуменскій вручается уже не епископомъ, а однимъ изъ старѣйшихъ антипросоновъ (представителей монастырей въ Карейскомъ протатѣ), въ присутствіи которыхъ всегда происходитъ возведеніе въ игумена. Этимъ правомъ пользуются три антипросона старѣйшихъ аѳонскихъ монастырей: лавры св. Аѳанасія Аѳонскаго, Ватопедскаго монастыря и Хиландарской обители, хотя бы эти антипросоны и не имѣли духовнаго сана, а были лишь простыми иноками. Аѳонскіе игумены носятъ архіерейскую мантию съ источниками²⁾, по вмѣсто скрижалей имѣютъ шитыя золотомъ изображенія святыхъ и по преимуществу патроновъ обители, и архіерейскіе жезлы безъ сулка. Игумень русскаго Пантелеимоновскаго на Аѳонѣ монастыря, по примѣру архимандритовъ русскихъ монастырей, носитъ при священнослуженіи и митру, которая возлагается на него архіереемъ въ концѣ литургіи предъ чтеніемъ 33 псалма, во время котораго, стоя въ тронѣ и имѣя на головѣ митру, онъ раздаетъ молящимся антидоръ. Если возведенный въ игумена не служитъ съ архіереемъ, то онъ всю литургію стоитъ въ тронѣ, принимая отъ братіи поздравленія съ метаніею (т. е. земнымъ поклоненіемъ), и въ положенное время за литургіею читаетъ Символь вѣры и молитву Господню.

Въ первой молитвѣ чина „на произведеніе игумена“ ар-

¹⁾ Намъ извѣстенъ, практикуемый нынѣ черезъ каждые два года на островѣ Патмосѣ въ монастырѣ св. Іоанна Богослова, чинъ возведенія въ игумена, въ которомъ совершенно нѣтъ нашихъ молитвъ, но за то имѣются такія подробности, вызываемыя несомнѣнно мѣстными условіями жизни данной обители, какія въ другихъ чинахъ совершенно отсутствуютъ и общаго значенія имѣть не могутъ. (А. Дмитріевскій. Патмосскіе очерки. Изъ поѣздки на островъ Патмосъ лѣтомъ 1891 г. Кіевъ, 1894 г., стр. 234—235; 48—50).

²⁾ Черную игуменскую мантию на Аѳонѣ игумены надѣваютъ лишь во время великаго поста. А. Дмитріевскій. Современное богослуженіе на православномъ Востокѣ, в. I, стр. 136.

хіерей молится, чтобы Богъ, всегда промысляющій о человѣческомъ спасеніи и „собравшій сію паству купно во едино“, по безмѣрному своему человѣколюбію, соблюлъ ее непорочну, „заповѣди непрестанну хранящу, ко еже не погибнути отъ нея иединому овчати и отъ волка противораствѣтися“, чтобы поставленнаго надъ этою паствою игумена всякими добродѣтелями украсилъ, и чтобы онъ служилъ примѣромъ для подражанія своимъ подчиненнымъ, съ которыми неосужденнымъ могъ бы предстать и на страшномъ судѣ. Во второй молитвѣ архіерей призываетъ Господа, чтобы Онъ возводимаго въ игумена показалъ „вѣрна и мудра иконома ввѣрившіяся ему отъ Твоея благодати словесныя паствы“, исполняющимъ Его волю и достойнымъ Его царствія. Знакомъ того, что игумень дѣлается пастыремъ „словесной паствы“ и принимаетъ на себя заботу „не погубити отъ нея иединому овчати и отъ волка противораствѣтися“, ему и вручается жезлъ съ словами: „Прими сей жезлъ, имже утверждеи паству твою да правиши, яко и слово имаши отдати за ню нашему Богу во дни суда“.

Многочисленныя наименованія игуменскаго жезла: *ῥάβδος*, *βακτηρία*, *πατερὶτζα* и *πατερὶσοα* и *διχαμχόν* опредѣляютъ и самый характеръ той власти, какая дается въ обители возводимому въ санъ игумена.

Первыя два наименованія: *ῥάβδος*, *βακτηρία*, переводимыя такъ: посохъ, жезлъ, трость, палка, указываютъ на его пастырскія обязанности игумена по отношенію къ ввѣренному попеченію духовному стаду, на его всегдашнюю заботливость о цѣлости и сохранности стада. „Дадеса тебѣ жезлъ сей, говорится въ поученіи къ игумену, *не властельства мірскаго*, еже гордѣтися надъ порученными тебѣ, или бити я безсловесно: но яко кормчію кормило вручися тебѣ, во правительство корабля духовнаго, плавающаго по многобурновѣлненномъ мори житія сего: жезлъ, яко истинно пастырю, и не яко наемнику: *не еже овцы поражати, но отъ волковъ мысленнохищающихъ защищати я и соблюдати*“¹⁾.

¹⁾ Чиновникъ архіерейскаго священнослуженія. М., 1897 г., л. 146 об.

Названіе *πατερῖτζα* или *πατερῖσσα* указываетъ на кроткій, любовный и истинно отеческій характеръ игуменской власти по отношенію къ подчиненнымъ духовнымъ дѣтямъ. „Долженствуеши, говорится въ томъ же поученіи къ игумену, *отечески утверждати братію немощствующую въ житіи ихъ монашескомъ, не жезломъ ярости и бїенія, но словесы кратконаставленія, и образомъ жительства святаго твоего, и немощи ихъ носити терпѣливо*. Времени же ключимствующу, настояти, понуждати, благовременно и безвременно обличати, запрещати и умоляти со всякимъ долготерпѣніемъ“... „Паси богоданное тебѣ стадо, *яко отецъ чадомъ равную любовь всмъ показуя, малодушныя утѣшая, немощная утверждал и врачуя, грѣшащія исправляя духомъ кротости*“¹⁾.

Въ названіи *δικαίχον* и *δικαίχόν*²⁾, корень котораго несомнѣнно въ глаголь *δικάζω*—сужу, произвожу расправу, наказываю, дается знать, что игумену, какъ начальнику обители, принадлежитъ также власть судебная и карательная. „Непокоряющыяся монашескимъ уставомъ, но ходящія противно монашескому чину, и инымъ преткновеніе и блязнь бывающыя, читаемъ мы далѣе въ поученіи къ игумену, *сія благопокорны и благоумны твори словомъ и духовными повѣствованіи*. Преслушаніемъ же ожесточенныя, и къ смерти грѣхъ дѣлающія: *сія яко непокоряющыяся слову учительну, должнымъ подлагай запрещеніемъ, да наказуемъи научатся, и иніи оныхъ цѣломудріемъ трезвшіи въ духовномъ дѣяніи да будутъ*“³⁾.

Жезль игуменскій устроится у насъ изъ чернаго дерева и представляетъ изъ себя обыкновенную палку съ небольшою поперечною перекалиною на верху, иногда загибающеюся къ низу по концамъ⁴⁾.

¹⁾ Тамъ же, л. 146. „Жезль пастырскій, по словамъ собора 1674 г., именуемый у грекъ *πατερῖσσα* отъ отча попеченія“. (Арх. Амвросій. Исторія російской іерархіи, ч. I, стр. 329).

²⁾ Du Cange, Glossarium, col. 309.

³⁾ Чинovníкъ архіер. священнослуж., л. 147.

⁴⁾ Образецъ игуменскаго жезла въ древнее время см. въ Извѣстіяхъ

Вторымъ отличіемъ игуменскаго достоинства считается у насъ мантия, которая отъ монашеской обычной мантии отличается нѣкоторою пышностію и качествомъ матеріала, изъ коего она готовится¹⁾. Въ нашемъ чинѣ „на произведеніе игумена“ не упоминается о возложеніи на игумена *новой* игуменской мантии, но въ греческихъ чинахъ съ древнѣйшаго времени до чина, практикуемаго нынѣ на Востокѣ, объ этомъ всегда опредѣленно говорится „Ἐπαίρει (т. е. архіерей) τὸ ἐπιχειμένον αὐτῷ παλλίον καὶ περιτίθησιν αὐτῷ ἕτερον“²⁾, т. е. снимаетъ архіерей надѣтый на немъ паллій (т. е. монашескую мантию) и облакаетъ его въ другой“, читаемъ мы въ чинахъ возведенія въ игумена греческой церкви. Что касается другихъ отличій, жалуемыхъ у насъ нѣкоторымъ игуменамъ, какъ напр., набедренника³⁾, палицы и даже наперснаго креста⁴⁾ съ украшеніями, то всѣ эти отличія даются за личныя заслуги игуменовъ и не считаются принадлежностію сана.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Профессоръ А. Дмитріевскій.

русскаго археологическаго института въ Константинополѣ, т. IV, в. 2-3, 1901 г. Софія, стр. 330 и миньютюра II.

¹⁾ „Прочіихъ же всѣхъ обителей великихъ и малыхъ, всѣхъ архіереевъ во епархіяхъ, архимандритомъ и игуменомъ, говорятъ отцы собора 1674 года, *носити мандіи простомонашескія*“. Арх. Амвросій. Исторія російской іерархіи, ч. I, стр. 340.

²⁾ Goar. *Εἰρηλόγ.*, pag. 393; А. Дмитріевскій. Описан. литургич. рки., хранящ. въ библиот. православнаго Востока, т. II, *Εἰρηλόγια*, стр. 350, 364, 497.

³⁾ „Въ чиноположеніи древнемъ со временъ російскихъ патріарховъ“ набедренникъ считается принадлежностію сана игумена. Амвросій арх. Исторія російской іерархіи, ч. I, стр. 320.

⁴⁾ Въ 1801 году пожалованъ алмазный наперсный крестъ вологодскому Тотемскому игумену *Израилю*, а въ 1809 г. таковой же крестъ астраханскаго Покровскаго монастыря игумену *Инокентію*. (Арх. Амвросій. Исторія російской іерархіи, ч. II, стр. LXIV, прим. 47). Въ 1820 г. получилъ отъ Государя въ награду наперсный крестъ съ драгоценными камнями игуменъ Валаамской Спасо-Преображенской обители. Сиб. Дух. Вѣстн., 1897 г., № 51-52, стр. 101.

ПАСТЫРСКІЯ ПРИВЫЧКИ ²⁾.

II. Раннее вставаніе отъ сна.

Первое положеніе всякаго ежедневнаго правила пастырской жизни естественно имѣеть своимъ предметомъ опредѣленіе часа вставанія отъ сна. Этотъ часъ долженъ быть ранній, опредѣленный и обыкновенно одинъ и тотъ же во всякое время года. Привычка къ раннему, въ опредѣленный часъ, вставанію отъ сна, воспитывается уже въ школахъ, приготовляющихъ къ пастырскому служенію, и этотъ фактъ представляетъ первый и сильный доводъ въ пользу практики ея, особенно въ жизни пастыря.

Въ настоящемъ случаѣ мы имѣемъ въ виду изслѣдовать основанія привычки ранняго вставанія и показать великую важность ея особенно въ священнической жизни. Затѣмъ мы скажемъ о тѣхъ средствахъ, при помощи которыхъ можно усвоить эту благодѣтельную привычку и, наконецъ, обратимъ вниманіе на то, какимъ образомъ и съ какимъ настроеніемъ пастырь долженъ отправлять это первое дѣйствіе своего трудового дня.

1) Прежде чѣмъ изслѣдовать особенныя основанія, доказывающія, если не необходимость, то по крайней мѣрѣ высокую благопристойность и полезное значеніе ранняго вставанія для совершеннаго осуществленія священнической жизни, мы приведемъ одно прекрасное мѣсто изъ Лякардера, въ которомъ онъ требуетъ ранняго вставанія и осуждаетъ продолжительныя ночныя занятія. Это мѣсто мы извлекаемъ изъ его двѣнадцатаго письма къ Эммануэлю о чтеніи Св. Писанія. „Утро есть пробужденіе міра, таковымъ пусть оно будетъ и для васъ. Этотъ моментъ пробужденія въ сумракѣ или сіяніи утра, смотря по времени года, есть моментъ священный. Душа, не знающая его цѣны, никогда хорошо не познаетъ путей Божіихъ, которыми управляется движеніе звѣздъ такъ же, какъ и жизнь человѣческая, и создается изъ обоихъ стройная гар-

²⁾ См. № 12 за 1902 г.

монія. Пренебреженіе этой гармоніей, гибельное для здоровья и труда, еще болѣе пагубно для благочестія. Кто продолжаетъ свой сонъ дальше утра вслѣдствіе того, что продолжалъ свое бдѣніе до поздней ночи, тотъ находитъ у своего изголовья шумъ и дѣла мірскія. Онъ охватывается ихъ шумнымъ отголоскомъ и тщетно ищетъ для Бога спокойнаго часа, который онъ упустилъ по своей ошибкѣ. Онъ находитъ только быстро смѣняющіяся обязанности, скорби, забвеніе о своей душѣ и молчаніе истины. Во времена болѣе христіанскія, чѣмъ наше, также было правиломъ всѣхъ прочныхъ семействъ и сильныхъ умовъ рано ложиться, чтобы такъ же рано встать, и когда я 20-ти лѣтъ оставилъ свою родину, чтобы отправиться въ Парижъ, одинъ превосходный человѣкъ, интересовавшійся моей юностью, сказалъ мнѣ слѣдующія слова, на всегда оставшіяся мнѣ памятными: „если вы хотите быть всѣмъ тѣмъ, чего требуетъ отъ васъ Богъ, и жить столько, сколько дозволяетъ ваша природа, никогда не бодрствуйте долше десяти часовъ вечера“. Въ настоящее время, вслѣдствіе всеобщаго, но строго наказываемаго уклоненія, хотять соединить обаяніе серьезныхъ трудовъ съ пользованіемъ ежедневными удовольствіями. Хотять быть свѣтскимъ человѣкомъ послѣ полуночи и пробуждаться писателемъ, ученымъ, даже министромъ, пока природа, отягощенная этимъ двойнымъ бременемъ, отомститъ даже самому гению ослабленіемъ силъ, котораго не знала древность. Какъ ни мало позволяютъ ваши занятія беречь ночи, уважайте предназначеніе Божественное; слѣдуйте и во снѣ, какъ и во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, священному порядку природы. Не напрасно вы будете нарушать ея величіе; не напрасно вы будете чтить въ ея законахъ ту руку, которая установила ихъ и которая, создавая вселенную для человѣка, положила всюду въ своемъ твореніи благодѣяніе для того, кто ее почитаетъ, и наказаніе для того, кто ее оскверняетъ“.

Раннее вставаніе сообразно съ порядкомъ, установленнымъ Провидѣніемъ, которое назначило ночь для отдыха и

день для труда. *Восходитъ солнце, говоритъ псалмопѣвецъ, и они (звѣри) собираются и ложатся въ свои ловища. Выходитъ человекъ на дѣло свое и на работу свою до вечера.* (Ис. 103, 22—23).

Конечно, вставать поздно, долго спустя послѣ восхода солнца, не значить нарушать божественную заповѣдь, положительную или естественную; это значить только итти противъ добраго порядка и подвергать себя тысячѣ неудобствъ. Режимъ позднихъ вставаній, вообще говоря,—режимъ дурной какъ для тѣла, такъ особенно для души и въ частности для души пастыря.

Сонъ есть законъ нашей природы и вмѣстѣ съ тѣмъ великое благодѣяніе Божіе, какъ потому, что онъ служитъ отдыхомъ, соотвѣтствующимъ нашимъ трудамъ, такъ потому, что онъ есть вѣрное убѣжище отъ нашихъ заботъ, печалей и страданій, такъ, наконецъ, еще и потому, что онъ по неволѣ прерываетъ нить нашихъ ежедневныхъ слабостей. Но мы можемъ злоупотреблять этимъ благодѣтельнымъ даромъ и, продолжая его, по привычкѣ, безъ важныхъ побужденій и въ утренніе часы, можемъ сдѣлать изъ него весьма вредное употребленіе. Сонъ, продолжаемый сверхъ мѣры, отягощаетъ и ослабляетъ тѣло, которое тогда легко становится тѣмъ рабомъ, который для того, чтобы съ нимъ хорошо обходились, ведетъ себя, по слову Соломона, гордо и мятежно. Но позднія вставанія особенно вредны для души и духовной жизни. Если по привычкѣ не умерщвляютъ себя въ правилѣ относительно своего сна, то нѣтъ никакой надежды серьезно подвигаться впередъ въ жизни внутренней и совершенно невозможно достигнуть совершенства.

Дѣйствительно, весьма часто, кто долго остается въ постели утромъ, тотъ или не спитъ или предается соблазнительнымъ грезамъ полусна. „Пустыя и обольстительныя грезы, говоритъ Гэй, рождаются какъ-то невольно во время этой чувственной спячки и тотчасъ же развиваются въ искушенія, которыя весьма часто производятъ свой естественный плодъ, т. е.

грѣхъ... Желать устроить свой день на утрѣ, отданномъ лѣпости, хуже, чѣмъ пытаться строить зданіе на пескѣ; это значитъ строить на облакахъ и иногда даже на гноѣ“.

Сверхъ того, сколько времени теряется вслѣдствіе позднихъ вставаній! Часъ, два быть можетъ ежедневно отнимаются у дѣйствительной жизни и какъ бы отдаются смерти! Вычислимъ теперь. Это составитъ 60 часовъ въ мѣсяцъ т. е. пять или шесть дней труда; такимъ образомъ 60 или 70 дней въ году похищаются у труда священническаго и дѣлъ пастырскихъ! Не заслуживаетъ ли это обстоятельство вниманія, особенно когда поразмыслить о тѣхъ важныхъ интересахъ, которыми пастырь обязанъ заниматься и которые онъ долженъ защищать? Правда, можно вознаградить за эти утренніе часы, продолжая бдѣніе съ вечера, но обыкновенно эта замѣна вечерними часами утреннихъ не лучше, чѣмъ замѣна понедѣльникомъ воскресенья. „Съ точки зрѣнія труда и выгоды, это, говоритъ Гэй, безусловно одно и тоже“. Затѣмъ, позднее вставаніе часто служитъ причиною того, что ежедневныя занятія скопляются и стѣняются одно другое; приходится во всемъ опаздывать, ничто не дѣлается во время, особенно ничто не дѣлается спокойно, сосредоточенно и съ постояннымъ усердіемъ, чего требуетъ исполненіе священническихъ и пастырскихъ обязанностей. Наконецъ, когда начало дня не принадлежитъ Богу, то онъ весьма вѣроятно будетъ нехорошимъ, сердце будетъ не удовлетворено и отягощено въ продолженіе дня тѣмъ гнетущимъ безпокойствомъ, которое составляетъ первое и неизбѣжное наказаніе всякаго акта лѣпности.

Но что особенно должно побуждать пастыря усвоить и практиковать спасительную привычку ранняго вставанія, это тѣ драгоценныя выгоды, которыя она ему доставляетъ. Пастырь есть молитвеникъ; молитва составляетъ одну изъ главныхъ его обязанностей и вмѣстѣ съ тѣмъ самое необходимое и самое дѣйствительное средство освященія какъ для него самаго, такъ и для тѣхъ душъ, о которыхъ онъ имѣетъ попеченіе. И вотъ раннее вставаніе особенно облегчаетъ ему до-

стойное выполненіе этой великой обязанности. Дѣйствительно, по всеобщему признанію, утреннее время, на зарѣ, удивительно прилично для молитвы и благословляется Богомъ. *Премудрость свѣтла и неувядающая*, говоритъ Соломонъ, *и легко созерцается любящими ее и обрѣтается ищущими ея. Съ раннюю утра ищущій ея не утомится; ибо найдетъ ее сидящею у дверей своихъ.* (Прем. Солом. VI, 12, 14). Для собиранія манны нужно было вставать до разсвѣта, пока лучи солнца не растопили ее, *дабы извѣстно было*, говоритъ тотъ же священный писатель, *что должно предупредить солнце благодареніемъ Тебѣ и обращаться къ Тебѣ на востокъ свѣта.* (Прем. Солом. XXVI, 28).

Привычка рано вставать поэтому особенно благопріятствуетъ упражненію въ молитвѣ и опытъ свидѣтельствуешь, что пастырь, остающійся постоянно вѣрнымъ ей, исполняетъ свои благочестивыя обязанности, особенно обязанности относительно ежедневнаго упражненія въ богомыслии и относительно необходимаго приготовленія къ совершенію церковнаго богослуженія, съ такой же точностію, какъ и съ усердіемъ. Напротивъ, позднее вставаніе чаще всего приводитъ къ опущенію въ домашней молитвѣ и къ небрежному приготовленію къ Божественной службѣ.

Есть и другія выгоды отъ привычки рано вставать отъ сна.

Раннее вставаніе въ опредѣленный часъ и обыкновенно въ одинъ и тотъ же часъ во всякое время, есть дѣйствіе спасительнаго самоограниченія, умерщвленія плоти. Оно угодно Богу и обезпечиваетъ намъ Его благословеніе на предстоящій день. Наша душа получаетъ отъ него возбужденіе, энергію и свободу, которая укрѣпляетъ нашъ духовный характеръ и дѣлаетъ насъ чрезвычайно способными къ состояніямъ и дѣламъ совершенной жизни и особенно къ сохраненію нравственной чистоты.

Наконецъ, пастырь, пріучившій себя рано вставать, находитъ время для всего: онъ предусматриваетъ и направляетъ

свои ежедневныя занятія такимъ образомъ, что каждое исполняется въ свое время и въ своемъ мѣстѣ тщательно, спокойно, съ тѣмъ прекраснымъ порядкомъ и добрымъ расположеніемъ, которыя составляютъ отличительныя черты всякой священнической жизни.

2) Для того, чтобы усвоить себѣ привычку рано вставать, прежде всего необходимо опредѣлить время, потребное для сна и отдыха тѣла. Вообще, для этого признаются достаточными 7—8 часовъ. Венсанъ Поль допускаетъ только семь часовъ, при чемъ утверждаетъ свое мнѣніе на единодушномъ признаніи медиковъ, которые говорятъ, что семь часовъ сна достаточно для всякаго человѣка. Нужно довольствоваться числомъ часовъ сна, мудро соразмѣреннымъ съ дѣйствительной потребностью. Хорошо также ограничивать себя въ снѣ, какъ и въ пищѣ; въ противномъ случаѣ человѣкъ отяжелѣваетъ тѣломъ и слабѣетъ духомъ; когда же, вслѣдствіе стеченія особыхъ обстоятельствъ, встрѣчается необходимость прибавить къ привычному времени часъ или два сверхъ, то лучше взять ихъ вечеромъ, чѣмъ утромъ. Затѣмъ, нужно рано ложиться и не продолжать слишкомъ долго занятія ночью. Сонъ есть потребность нашей природы, которой мы должны удовлетворять въ достаточной и разумной мѣрѣ.

Правда, многіе святые не довольствовались одними дневными часами, чтобы утолить свое желаніе молитвы и благочестивыхъ упражненій; ихъ бдѣнія были угодны Богу, полезны человѣчеству и не мѣшали имъ, часто по крайней мѣрѣ, достигать глубокой старости. Равнымъ образомъ исторія представляетъ намъ много выдающихся людей, ученыхъ, писателей, которые, увлекаясь любовью къ научнымъ занятіямъ и желаніемъ сдѣлаться полезными, не боялись посвящать большую часть своихъ ночей умственнымъ трудамъ. Въ этомъ случаѣ можно указать на Сенеку, св. Іоанна Златоуста, блаж. Іеронима и многихъ новѣйшихъ писателей. Но все это исключенія, въ принципѣ же благоразумно не продолжать трудовыхъ бдѣній ночью и увеличивать время дня посредствомъ

ранняго вставанія. Кто хочетъ рано встать, долженъ рано ложиться. Настырю, въ частности, необходимо убѣдить себя въ важности рано вставать для своего настырсаго труда и лажась спать, предать себя Богу и просить у Него силъ преодолѣть наклонность къ сну и лѣни, которая обыкновенно проявляется послѣ утренняго пробужденія. Затѣмъ легкой ужинъ вечеромъ также очень облегчаетъ раннее вставаніе и упражненіе въ богомыслии.

Для того, чтобы употребленіе всѣхъ этихъ средствъ было дѣйственнымъ, нужно, чтобы оно опиралось на твердое и рѣшительное желаніе достигнуть предположенной цѣли, т. е. совершенной правильности сна и образованія прочной привычки рано вставать. Безъ этого желанія, очевидно, ничего нельзя сдѣлать. Сверхъ того, употребленіе этихъ средствъ должно быть постояннымъ; почему бы не взять его въ теченіе нѣсколькихъ дней или недѣль предметомъ особеннаго испытанія себя?

3) Въ практикѣ раннее встаніе должно быть точно безъ промедленія, скромно и благочестиво. *Точно*: когда насталь установленный часъ, не должно допускать никакой отсрочки и промедленія. *Скромно*, какъ подобаешь настырю, личность котораго всецѣло посвящена служенію Богу. *Благочестиво*: будемъ исполнять это первое дѣйствіе съ намѣреніемъ угодить Богу и вѣрно служить Ему во все продолженіе дня; твердо будемъ управлять теченіемъ нашихъ мыслей и чувствъ; въ частности, будемъ ~~защищать~~ свою душу чувствованіями, соответствующими предмету благочестиваго размышленія, которое намъ придется въ тотъ день совершить.

Одинъ великій служитель Божій имѣлъ обыкновеніе говорить, что съ утра онъ уже зналъ, каково должно было быть остальное время его дня, т. е., что если онъ хорошо совершилъ свою утреннюю молитву, то все продолженіе дня соответствовало этому доброму началу, если же онъ дурно ее исполнилъ, то былъ испорченъ весь день. В. II.

Л. Д. М а л а ш к и н ъ .

29 января настоящаго года скончался на 60 году своей жизни небезызвѣстный композиторъ духовной и свѣтской музыки Леонидъ Дмитріевичъ Малашкинъ, одно время принимавшій участіе и въ нашемъ журналѣ въ качествѣ сотрудника. Покойный композиторъ былъ человѣкъ не безъ дарованія, всесторонне образованный и чрезвычайно трудолюбивый; но въ жизни оказался неудачникомъ и не успѣлъ создать ни прочной извѣстности, ни матеріально независимаго положенія.

Большая часть жизни Малашкина прошла въ Москвѣ; тамъ получилъ онъ общее и отчасти музыкальное образованіе, тамъ и скончался. По его словамъ, онъ слушалъ выдающихся профессоровъ, какъ напр. знаменитаго историка С. Соловьева. Какимъ образомъ у него явилась впервые мысль заняться музыкой и кто былъ его первымъ учителемъ въ этой области, мы не знаемъ; извѣстно только изъ его собственныхъ разсказовъ, что музыкальное образованіе свое онъ окончилъ въ семидесятыхъ годахъ за границей, главнымъ образомъ въ Берлинѣ, гдѣ онъ занимался теоріей композиціи и изучалъ органную игру. Въ области органной игры (виртуозы, спеціально изучавшіе игру на этомъ инструментѣ, среди русскихъ весьма рѣдки) онъ достигъ значительной степени виртуозности, хотя въ публикѣ и среди музыкантовъ не пользовался извѣстностью, какъ выдающійся артистъ, потому что вообще очень рѣдко выступалъ въ концертахъ (извѣстны такіе его концерты въ 1888 г. въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ городахъ).

По возвращеніи изъ за границы, Малашкинъ выступилъ въ Петербургѣ въ концертѣ съ своей Es-dur'ной симфоніей, но успѣха не имѣлъ. Вскорѣ послѣ этого онъ переѣхалъ въ Кіевъ, въ которомъ и прожилъ болѣе 10 лѣтъ. Въ теченіе короткаго времени онъ былъ здѣсь хормейстеромъ въ оперѣ, а впослѣдствіи исключительно занялся педагогическою дѣятельностью. Въ 1879 г. Малашкинъ поставилъ въ Кіевѣ же

свою оперу „Ілья Муромецъ“ и опять потерѣлъ неудачу, которая, быть можетъ, обусловливалась отчасти неудовлетворительнымъ исполненіемъ. Въ теченіе своей тридцатилѣтней композиторской дѣятельности Малапкинъ пробовалъ свои силы почти во всѣхъ родахъ музыкальныхъ сочиненій и написалъ не мало инструментальныхъ и вокальныхъ произведеній, изъ которыхъ получили извѣстность и болѣе или менѣе широкое распространеніе только нѣкоторые его романсы, дѣйствительно пѣвучіе и задушевные, а также его хоровыя піесы въ народномъ духѣ, каковы напр. былины, съ успѣхомъ исполняемыя извѣстнымъ Д. А. Славянскимъ. Къ числу его музыкальныхъ трудовъ, заслуживающихъ вниманія, относится также его обработка и гармонизація народныхъ пѣсенъ.

Въ Кіевѣ Малапкинъ впервые выступилъ и въ качествѣ духовнаго композитора. Въ началѣ онъ отдавался творчеству въ этой области музыки только случайно; но вступивъ съ 1883 г. въ болѣе или менѣе близкія отношенія къ редакціи Руковод. д. с. пастырей, по заказу которой онъ написалъ нѣсколько произведеній (гимнъ при встрѣчѣ преосвященныхъ, кантату въ память 1000-лѣтія кончины св. Меѳодія, юбилейную кантату по случаю 900-лѣтія крещенія Руси), а также сблизившись вообще съ духовной средой съ того времени, какъ былъ приглашенъ давать уроки музыки въ Кіевской духовной семинаріи, онъ началъ посвящать сочиненію духовной музыки много силъ и труда. Мало того, сближеніе съ духовнымъ міромъ и ознакомленіе, благодаря этому, съ потно-богослужебными книгами и древними церковными напѣвами благотворно отразилось на характерѣ и стилѣ его духовно-музыкальнаго творчества въ смыслѣ большей его строгости и церковности. Правда, и болѣе раннія его духовно-музыкальныя произведенія, каковы: „Душе моя“, „Помышляю день страшный“, „Покаянія отверзи ми двери“ и друг. обращаютъ на себя вниманіе своей стильностью и довольно близко выражаютъ настроеніе и мысль богослужебнаго текста; но все же они далеки были отъ нашего традиціоннаго церковнаго пѣ-

нія и написаны подь несомнѣннымъ вліяніемъ западной церковной музыки и даже съ замѣтнымъ подражаніемъ въ нѣкоторыхъ гармоническихъ приемахъ стариннымъ мастерамъ западнаго церковнаго пѣнія. Теперь онъ сталъ изучать подлинныя церковныя напѣвы и подь вліяніемъ тогдашняго редактора Руководства для сельскихъ пастырей, нынѣ преосвящ. Приней, еп. Екатеринбургскаго, обратилъ особенное вниманіе на Кіево-Печерскій лаврскій напѣвъ и его своеобразную гармонизацію, выработавшуюся въ лаврскомъ клиросѣ практически, непосредственнымъ чутьемъ старинныхъ простыхъ пѣвцовъ и сохраняющуюся въ практикѣ по преданію. Плодомъ занятій Малашкина лаврскимъ напѣвомъ было полное изданіе этого напѣва. Въ началѣ онъ издалъ только литургію лаврскаго напѣва, при чемъ гармонизацію исправилъ по правиламъ строгаго стиля, а по мѣстамъ и измѣнилъ, руководясь собственнымъ музыкальнымъ чувствомъ; но въ дальнѣйшихъ своихъ трудахъ по изданію лаврскаго пѣнія, обнимающихъ полный богослужебный кругъ пѣнія, онъ уже отрѣшился отъ правилъ строгаго стиля и старался, по возможности, сохранить неприкосновенною не только мелодію, но и традиціонную гармонію лаврскаго напѣва съ ея даже недостатками въ отношеніи строгой чистоты голосоведенія; онъ не безъ основанія видѣлъ въ лаврскомъ пѣніи замѣчательный памятникъ самобытнаго церковно-народнаго, безыскусственнаго творчества, заслуживающій вѣрнаго сохраненія. Внимательное изученіе особеннаго склада этого пѣнія, по его мнѣнію, прямо необходимо для композиторовъ, желающихъ сочинять церковную музыку, и могло бы дать ключъ къ созданію истинно художественнаго церковнаго пѣнія въ духѣ народномъ. Увлекаясь этой, во всякомъ случаѣ не безосновательной мыслью, Малашкинъ началъ смотрѣть на тѣ особенности лаврскаго пѣнія, которыя обуславливались отсутствіемъ музыкальнаго образованія старинныхъ творцовъ его, какъ на характерныя, чисто національныя черты православно-русскаго церковнаго пѣнія и одно время началъ усердно примѣнять въ своихъ собствен-

ныхъ духовно-музыкальныхъ сочиненіяхъ и переложеніяхъ напр. ходы голосовъ параллельными квинтами, думая этимъ придать имъ народный характеръ. Немаловажная заслуга Малашкина въ отношеніи къ церковному пѣнію заключается въ томъ, что онъ впервые издалъ лаврскій пѣвъ и познакомилъ съ нимъ во всей его оригинальности всю православную Русь. Долгія занятія Малашкина лаврскимъ пѣвомъ паложили отпечатокъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, и на его собственное духовно-музыкальное творчество въ отношеніи мелодическомъ. По мнѣнію напр. о. Металлова¹⁾, его мелодіи напоминаютъ лаврскій пѣвъ. Мы не можемъ этого утверждать со всей положительностью; намъ думается, что характеръ самостоятельныхъ мелодій этого композитора обуславливался скорѣе его индивидуальностью, чѣмъ зависимостью его отъ лаврскаго пѣнія; мелодіи его вообще тягучи, нѣсколько заунывны, не лишены задумчивости и искренняго чувства. Простыя и доступныя, написанныя съ безусловнымъ пониманіемъ вокальнаго стиля, пѣвучія, хотя и не особенно глубокія по своему содержанию, духовно-музыкальныя произведенія Л. Д. Малашкина представляютъ благодарный матеріалъ для церковныхъ хоровъ и въ исполненіи при церковномъ богослуженіи производятъ доброе впечатлѣніе. Правда, въ нихъ встрѣчается иногда одинъ недостатокъ, требующій исправленія,—нарушеніе просодическихъ удареній въ текстѣ, напр. въ его псалмѣ „Услышитъ ты Господь въ день печали“ звучитъ „помянетъ“ вмѣсто „помянётъ“, „защититъ ты“ вмѣсто защититъ ты“; въ лаврской всенощной—„избавителю“ вмѣсто „избавителю“.

Въ заключеніе нельзя не упомянуть еще о полезной педагогической дѣятельности покойнаго композитора. Какъ учитель на фисгармоніи (мы не говоримъ о его преподаваніи фортепіанной игры, потому что не знакомы съ этой стороной его дѣятельности, хотя знаемъ, что онъ давалъ уроки и на фор-

¹⁾ *Свящ. В. Металловъ. Очерки исторіи правосл. церк. пѣнія въ Россіи, стр. 117.*

тепіано), опъ преслѣдовалъ самыя серьезныя задачи, стараясь знакомить своихъ учениковъ съ выдающимися, классическими музыкальными произведеніями, при чемъ освѣщала всякій музыкальный образецъ теоретическими и историческими свѣдѣніями. Его методъ обученія игрѣ на гармоніумѣ имѣлъ ту важную особенность, что не требовалъ предварительнаго знакомства съ фортепіано и соединился съ изученіемъ гармоніи, что весьма важно и полезно для регентовъ и учителей церк. пѣнія. Въ такомъ духѣ имъ составлена школа игры на фисгармоніи (въ 3-хъ частяхъ) съ исторической христоматіей, заключающей много образцовъ церковной и свѣтской музыки, какъ западной, такъ и русской. Эта христоматія можетъ служить полезнымъ пособіемъ при изученіи исторіи музыки, такъ какъ въ примѣчаніяхъ авторъ даетъ много историко-критическихъ замѣчаній, часто весьма меткихъ и справедливыхъ, хотя по мѣстамъ, не вполне литературно изложенныхъ. Школа Малашигина, насколько намъ извѣстно, является единственной въ русской музыкально-педагогической литературѣ.

В. П—кій.

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Θεодосій.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 28 марта 1902 г.

Цензоръ, экстра-срд. проф. Акад. прот. *І. Корольковъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLIII.

УЧЕБНОЕ РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 15.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1902 года, апрѣля 14-го.

Содержаніе: Пасха въ Іерусалимѣ.—Духовная семья, какъ помощница духовной школы въ дѣлѣ приготовленія кандидатовъ священства (окончаніе).—Нетронутый уголокъ. (Разсказъ).—Предводигель дворянства о графѣ Л. Толстомъ.

ПАСХА ВЪ ІЕРУСАЛИМѢ.

Около семи часовъ вечера великой субботы богомольцы начинаютъ переполнять храмъ Воскресенія. По улицамъ Іерусалима, освѣщеннымъ ярко пылающими кострами, непрерывно до десяти часовъ ночи тянутся вереницы поклонниковъ, желающихъ встрѣтить свѣтлое Христово Воскресеніе предъ Гробомъ Господнимъ. Къ 10 часамъ ночи храмъ Воскресенія и окружающія его галлерей бываютъ переполнены богомольцами. Около 11 часовъ ночи приходитъ въ храмъ съ архіереями и духовенствомъ патріархъ, котораго встрѣчаетъ обычнымъ порядкомъ святогробское духовенство близъ камня помазанія. Надѣвъ мантию и приложившись къ камню помазанія и ко Гробу Господню, патріархъ идетъ въ храмъ Воскре-

сенія въ тронъ. Сѣвъ на стоящее въ немъ кресло, патріархъ даетъ благословеніе еkkлiсiарху, который начинаетъ торжественный звонъ „во вся тяжкая“. Два іеродіакона въ свѣтлыхъ облаченіяхъ, съ ладонницами на плечахъ, получивъ благословеніе у патріарха, начинаютъ совершать кажденіе святыхъ мѣсть.

По окончаніи звона совершается *аггипнiя*, называемая у насъ неправильно „полунощницею“, съ пѣніемъ канона: „Волною морскою“, при чемъ патріархъ и все духовенство облачаются въ свѣтлыя священныя одежды. На патріарха надѣваютъ въ этотъ день бѣлый глазетовый саккосъ, шитый золотомъ и жемчугомъ и богатую съ драгоценными украшеніями митру. Патріаршій посохъ, дикиріи и трикиріи, кресты, евангелія и вся прочая богослужебная утварь употребляется за этимъ богослуженіемъ самыя дорогіе, блестящiе богатствомъ украшеніи и цѣнные или за свою древность, или по имени жертвователей.

Опытные и неутомимые еkkлiсiархи быстро зажигаютъ люстры и лампы, развѣшенныя въ храмѣ по различнымъ направленіямъ на веревкахъ, и черезъ полчаса въ храмѣ „вся исполнишася свѣта“. „Источникъ нашего воскресенія“— „свѣтлѣйшій Гробъ Христовъ“, весьма старательно убранный разноцвѣтными лампадами и свѣчами по всѣмъ карнизамъ, въ нѣсколько рядовъ, отъ множества огней „воистину и чертога всякаго царскаго показася свѣтлѣйшій“.

По окончаніи канона, когда облачится духовенство, изъ алтаря выносятъ 12 богато шитыхъ золотомъ и украшенныхъ жемчугомъ бархатныхъ хоругвей, около каждой изъ нихъ становится мальчикъ въ стихарѣ съ лампадою, между хоругвей идетъ псалтъ съ запрестольнымъ крестомъ; за хоругвями слѣдуютъ многочисленныя діаконы, далѣе іеромонахи и архимандриты, потомъ архіереи по-парно, діаконы съ дикиріями трикиріями и кадильницами въ рукахъ и, наконецъ, патріархъ съ драгоценнымъ крестомъ въ рукахъ. Священники и архіереи несутъ въ рукахъ иконы, евангелія и ковчеги съ мощами.

При пѣніи тропаря: „Воскресеніе Твое, Христе Спасе“, крестный ходъ трижды обходитъ кувуклій и останавливается предъ дверьми Гроба Господня. Патріархъ входитъ внутрь предѣла ангела и, ставъ въ дверяхъ Гроба и обратившись лицомъ къ народу, читаетъ евангеліе о воскресеніи Спасителя (Матѣ. XXVIII, 1—10)¹⁾. Потомъ, взявъ изъ рукъ діакона кадило, кадитъ Гробъ Господень, святая иконы и всѣхъ предстоящихъ, а потомъ входитъ съ архіереями внутрь св. Гроба и произноситъ возгласъ: „Слава святѣй, и единосущнѣй и животворящей, и нераздѣльнѣй Троицѣ“, послѣ котораго всѣ архіереи поютъ трижды тропарь: „Христось воскресе“. Послѣ архіереевъ трижды повторяютъ тотъ же тропарь пѣвцы, стоящіе предъ кувукліемъ, причемъ раздается звонъ на колокольнѣ, а держащіе рипиды послушники начинаютъ вертѣть ими. Патріархъ произноситъ затѣмъ обычные стихи: „Да воскреснетъ Богъ“ и др., на которые пѣвцы отвѣчаютъ пѣніемъ тропаря: „Христось воскресе“. Послѣ пѣнія этого тропаря на „Слава и нынѣ“, архидіаконъ здѣсь же предъ кувукліемъ Гроба Господня произноситъ великую ектенію, по заключительномъ возгласѣ которой патріархъ начинаетъ пѣть первую пѣснь канона: „Воскресенія день, просвѣтимся людіе“. При пѣніи этой пѣсни, крестный ходъ возвращается въ храмъ Воскресенія²⁾. Оставшійся въ св. Гробѣ одинъ изъ синодальныхъ архіереевъ съ частію клириковъ начинаетъ совершать литургію, которую поютъ русскіе поклонники и поклонницы. Евангеліе и апостоль на этой литургіи читаются на славянскомъ языкѣ.

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вмѣсто этого евангелія читается утреннее евангеліе (Марк. XVI, 1—8).

²⁾ Въ храмахъ монастырскихъ и городскихъ предъ началомъ утрени послѣ того, какъ предстоятель совершитъ „полунощницу“, облачится въ священныя одежды и приготовится къ выходу въ притворъ для начала утрени, онъ, имѣя въ рукѣ зажженную свѣчу, становится въ царскихъ дверяхъ и поетъ: „Прійдите, пріймите свѣтъ отъ невечерняго Свѣта, и прославите Христа, воскресшаго изъ мертвыхъ“. Весь народъ, находя-

Торжественная патриаршая утренняя въ храмѣ воскресенія совершается съ нѣкоторыми особенностями, неизвѣстными въ вашей практикѣ. Пѣсни канона съ тропарями его поются только *на шесть*. Къ каждому тропарю, вмѣсто нашего припѣва: „Христосъ воскресе“, положено припѣвать стихъ: „Слава святому воскресенію Твоему, Господи“. Въ концѣ катавасіи послѣ каждой пѣсни, кромѣ троекратнаго „Христосъ воскресе“, поютъ тропарь „Воскресъ Іисусъ отъ гроба“. Ектенію послѣ каждой пѣсни діаконы произносятъ, имѣя въ рукахъ крестъ и свѣчу. Возгласы послѣ ектеній *обычныя* и слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ: „яко твоя держава“, „яко ты еси Богъ нашъ“, „яко благъ и челоуѣколюбець Богъ“, „яко освятися и прославися царство Твое“, „Ты бо еси Царь міра“, „Буди держа царствія Твоего“, „яко благословися и прославися имя Твое“ и „яко Тя хвалятъ вся силы небесныя“. Предъ девятою пѣснію архидіаконъ возглашаетъ: „Богородицу и Матерь свѣта въ пѣсняхъ возвеличимъ“. За катавасію поютъ: „Ангель вопіаше“ и „свѣтися, свѣтися“. Послѣ стихиръ на хвалитѣхъ и „Да воскреснетъ Богъ“ и „Пасха священная намъ днесъ показася“¹⁾ непосредственно начинается пасхальная литургія.

щійся въ храмѣ, подходитъ къ предстоятелю церкви и зажигаетъ свою свѣчу отъ его свѣчи. Есть и другая особенность въ чинѣ пасхальной утрени этихъ храмовъ. Предъ вступленіемъ въ храмъ изъ нарѣкка, послѣ начала утрени и произнесенія великой ектеніи, предстоятель церкви предъ затворенными дверями храма произноситъ стихи: „Возмите врата, князи ваша“, „Кто есть, сей царь славы“ съ отвѣтами на нихъ еклисіарха извнутри храма. Предстоятель послѣ этихъ стиховъ сильнымъ ударомъ ноги отворяетъ дверь храма и съ пѣніемъ: „Воскресенія день“ вступаетъ внутрь его. Отмѣтимъ, наконецъ, и третію особенность въ богослуженіи этого дня, имѣющую мѣсто въ Великой константинопольской церкви. Такъ какъ большинство богомольцевъ не можетъ присутствовать въ нарѣкскѣ при началѣ утрени, то въ храмѣ остается одинъ изъ архіереевъ и совершаетъ для остающихся богомольцевъ все начало утрени, которое въ нарѣкскѣ отправляетъ патриархъ.

¹⁾ Христосованіе съ народомъ въ храмѣ святогробскомъ иногда совершается, но большею частію, чтобы не затягивать пасхальнаго бого-

Пасхальная литургія въ воскресенскомъ храмѣ совершается болѣе торжественно, чѣмъ въ храмахъ константинопольскихъ. Въ виду присутствія за этою литургіею множества богомольцевъ и при томъ разноплеменныхъ, пасхальное евангеліе читается по гречески, по арабски, по славянски и на другихъ языкахъ, но безъ раздѣленій на статьи и безъ звона въ колокола, какъ это дѣлается у насъ. Въ концѣ литургіи, послѣ заамвонной молитвы читается патріархомъ слово св. Іоанна Златоуста: „Аще кто благочестивъ и боголюбивъ“, и поется тропарь его: „Устъ твоихъ, якоже свѣтлость огня“. по отпустѣ литургіи и послѣ троекратнаго возглашенія патріархомъ: „Христосъ воскресъ“ съ отвѣтами на него всякій разъ со стороны народа: „Воистину воскресъ“, патріархъ заключаетъ: „Слава Его тридневному воскресенію“, а народъ дополняетъ: „поклоняемся Его тридневному воскресенію“. Литургія оканчивается „еще сущей тьмѣ“. Патріархъ въ сопровожденіи архіереевъ и духовенства, торжественно возвращается въ патріархію, гдѣ бывають „розговины“ для участниковъ богослуженія и почетныхъ паломниковъ.

Послѣ 12 часовъ дня патріархія переполняется духовенствомъ и почетными гостями—паломниками, желающими присутствовать на вечернемъ пасхальномъ богослуженіи, которое на всемъ православномъ Востокѣ совершается съ необыкновеннымъ великолѣпіемъ и носитъ названіе „второго Воскресенія“. Всѣ гости и участники богослуженія радушно привѣтствуются патріархомъ, получаютъ по два пасхальныхъ яйца съ рисунками на нихъ, соотвѣтственно воспоминаемому событію, и угощаются по восточному кофе, вареньемъ, сластями и разноцвѣтными ликерами.

Патріархъ, архіереи и множество архимандритовъ и іеромонаховъ облачаются въ блестящія священныя облаченія и

служенія, оно откладывается до вечерняго богослуженія. Въ храмахъ приходскихъ на Востокѣ христосованіе совершается на заутрени, при пѣніи стихирь на хвалитѣхъ, въ самомъ началѣ ихъ пѣнія, или послѣ стихирь: „Воскресенія день, просвѣтимся торжествомъ“.

готовятся къ крестному ходу для совершенія вечерни, при пѣннїи пасхальнаго 9 часа. На патріарха надѣвають великолѣпный изъ золотой нарчи саккосъ съ вышитымъ на немъ серебромъ изображеніемъ воскресенія Христова, на голову возлагаютъ драгоцѣнную художественной работы митру, грудь его украшаютъ панагіями, сверкающими массою драгоцѣнныхъ камней, въ правую руку даютъ зажженную свѣчу и чудный эмалевый образъ воскресенія Христова, въ рамкѣ изъ изумрудовъ, рубиновъ и брилліантовъ (подарокъ покойнаго великаго князя Константина Николаевича), и въ лѣвую руку не менѣе драгоцѣнный посохъ. Когда всѣ облечутся въ ризы, начинается тотчасъ же торжественное шествіе изъ патріархіи въ храмъ Воскресенія.

Впереди процессіи несутъ хоругви, за ними слѣдуютъ послушники въ стихаряхъ съ возженными свѣчами, потомъ діаконы съ рипидами, за ними попарно іеромонахи, архимандриты, архіереи и наконецъ патріархъ. Всѣ улицы, по которымъ шествуетъ крестный ходъ, усыпаны зеленью и цвѣтами и переполнены густыми толпами народа. Дождь цвѣтовъ непрерывно сылется подъ ноги патріарха съ крышъ домовъ и изъ толпы богомольцевъ.

По приходѣ въ храмъ Воскресенія, при торжественномъ колокольномъ звонѣ, патріархъ со всѣмъ духовенствомъ вступаетъ въ алтарь и предъ престоломъ совершаетъ обычное начало вечерни, съ кажденіемъ престола. При пѣннїи „Да исправится молитва моя“ и первой стихиры на „Господи воззвахъ“, патріархъ совершаетъ каженіе всего храма и народа и послѣ того становится въ свой тронъ. Входъ съ евангеліемъ совершается торжественно всѣмъ духовенствомъ. При пѣннїи: „Свѣте тихій“, патріархъ вступаетъ въ алтарь, и послѣ пѣннїи прокимна священнослужителями въ алтарѣ и по клирамъ, возглашаетъ: „И осподобитися намъ слышанію святаго евангелія“. Это возглашеніе повторяютъ потомъ двѣнадцать чтецовъ—епископы, іеромонахи и іеродіаконы занимающіе мѣста въ различныхъ частяхъ обширнаго воскресенскаго хра-

ма вплоть до кувуклія Гроба Господня, и громогласный архидіаконъ, восходящій на амвонъ, устроенный надъ иконостасомъ храма Воскресенія. Евангеліе вечернее читается на двѣнадцати языкахъ и по отдѣламъ или статьямъ. Послѣ каждаго отдѣла совершается торжественный звонъ на колокольнѣ воскресенскаго храма. При пѣніи стихирь на стиховнѣ, патріархъ со всѣми архіереями, имѣя въ рукахъ кресты или евангелія, выходятъ изъ алтаря, садятся въ поставленныя близъ патріаршаго трона полукругомъ волоченныя кресла и христосываются съ народомъ. Патріархъ каждаго богомольца одѣляетъ пасхальнымъ яйцомъ. При христосываніи народъ цѣлуетъ лишь крестъ или евангеліе и руку владыки. Позднимъ вечеромъ оканчивается эта вечерня. Патріархъ, разоблачившись, возвращается домой, въ сопровожденіи многочисленнаго духовенства, предлагая ему обычное на востокѣ угощеніе.

Проф. А. Дмитріевскій.

---

¹⁾ См. № 14 за 1902 г.

Духовная семья, какъ помощница духовной школы въ дѣлѣ приготовленія кандидатовъ священства ¹⁾.

Религіозное настроеніе, какое дается въ дѣтствѣ, необходимо поддерживать и въ отрочествѣ; къ несчастію, родители часто упускаютъ изъ виду это требованіе, не обращаютъ вниманія на то, что дѣти, не смотря на требованіе училищныхъ правилъ, лѣзутся на вакаціяхъ бывать въ церкви, не желаютъ участвовать въ чтеніи и пѣніи. Правда, и духовная школа заботится о томъ же, но тамъ все это есть обязательство, за нарушеніе котораго виновнаго ждетъ кара; въ родной семьѣ, напротивъ, долженъ дѣйствовать не внѣшній авторитетъ, а живой примѣръ родителей, та атмосфера набожности и церковности, которая царитъ во многихъ нашихъ духовныхъ семействахъ.

¹⁾ См. № 14 за 1902 г.

Въ каникулярное время родители могутъ приохотить дѣтей своихъ къ назидательному и полезному для нихъ чтенію. Часто семинаристы бываютъ очень не развиты, потому что ничего не читаютъ; въ школѣ у нихъ не хватаетъ на это времени—оно все уходитъ на уроки и сочиненія, а дома или нечего читать, или привычки къ чтенію совсѣмъ нѣтъ. На эту сторону могли-бы обратить вниманіе родители и принести этимъ большую пользу какъ самимъ дѣтямъ, такъ и школѣ.

Въ отроческіе годы въ дѣтяхъ развивается чувство дружбы, которое естественно направляется прежде всего на товарищей. Въ каждой школѣ, конечно и въ духовной, собираются дѣти самыхъ разнообразныхъ настроеній; часто дѣти съ дурными задатками сближаются съ дѣтьми благовоспитанными, скромными и дѣйствуютъ на нихъ прямо губельно: касаясь смолѣ, говоритъ Премудрый, очернится и общаясь гордому подобенъ ему будетъ (Сир. 13,1). Много духовныхъ юношей гибнетъ для Церкви и родины, многіе губятъ здоровье и жизнь, и вовсе не потому, чтобы были съ дурными задатками, а просто потому, что подпали дурному вліянію. Кто-же, какъ не родители, долженъ предостерегать своихъ дѣтей отъ такихъ знакомствъ? Къ нимъ дѣти относятся съ большимъ довѣріемъ, чѣмъ къ воспитателямъ; имъ охотнѣе расскажутъ о житьѣ-бытьѣ, о своихъ знакомствахъ, о волнующихъ ихъ вопросахъ. Особенно должны родители наблюдать и руководить знакомствами дѣтей въ семинаріи, гдѣ дѣтямъ предоставляется больше свободы, гдѣ знакомства на сторонѣ заключаются легче.

Въ старшихъ классахъ семинаріи для воспитанника наступаетъ пора, когда онъ долженъ задуматься надъ своимъ будущимъ, куда ему итти, какую избрать дорогу. Къ этому времени характеръ челоуѣка, направленіе его мыслей начинается опредѣляться. По нашимъ наблюденіямъ всѣхъ семинаристовъ въ эту пору можно раздѣлить на три категоріи. Есть юноши, какъ бы съ дѣтства предназначенные къ служенію пастырскому; родная семья и духовная школа выработа-

ла въ нихъ твердую рѣшимость потрудиться на пользу Церкви и на благо ближнимъ, сообщили имъ нравственный закалъ, необходимый для этого труднаго дѣла. Семьѣ по отношенію къ таковымъ юношамъ остается одно: благословить ихъ на трудное дѣло и пожелать успѣха въ ихъ подвигѣ.

Есть другого рода семинаристы—колеблющіеся; часто приходится видѣть, что юноша религіозно-настроенный, честный и добрый не желаетъ принимать священнаго сана; юноши съ самыми идеальными порывами, съ искреннимъ желаніемъ потрудиться на благо другихъ бѣгутъ куда угодно, только лишь-бы не въ духовные. Въ настоящее время сотни семинаристовъ каждый годъ бѣгутъ въ университеты; они буквально ломаются въ высшія учебныя заведенія; пользуются всякимъ случаемъ, всякой лазейкой, какая только открывается туда. Высшее образованіе—дѣло высокое, желаніе учиться, желаніе законное; противъ призванія трудно возражать. Но загляните въ душу бѣгущихъ и повѣрьте, что большая половина ихъ идетъ въ университеты не потому, чтобы тамъ было ихъ призваніе, а къ духовному званію у нихъ нѣтъ никакого расположенія. Смѣло утверждаемъ, что многіе семинаристы бѣгутъ отъ духовнаго званія потому, что боятся тѣхъ трудностей, тѣхъ неудобствъ въ жизни и терній, какія встрѣчаются на пастырскомъ поприщѣ. Изъ всѣхъ сословій, послѣ крестьянъ, духовенство—едва-ли не самое обездоленное, если принять во вниманіе ту массу всякихъ нареканій, какія приходится на каждомъ шагѣ выслушивать священнику, трудности самаго служенія, матеріальную необезпеченность, способъ вознагражденія и т. д. Часто сами родители при дѣтяхъ не стѣсняются говорить объ этихъ трудностяхъ и нерѣдко сгущаютъ при этомъ краски своего бѣдственнаго положенія. Капля точитъ и камень; постоянные разговоры о трудности положенія священника тяжелымъ камнемъ ложатся на душу юноши, отзываются на его настроеніи. Наставники, часто разсуждаетъ окончившій семинарію, говорили намъ о высотѣ пастырскаго служенія, указывали примѣры идеальныхъ пасты-

рей, звали на трудное дѣланіе на нивѣ Христовой, но сами они говорили только отъ теоріи, а устами отца говоритъ сама жизнь, сама правда. Что же выходитъ изъ такихъ разговоровъ? Дѣти начинаютъ чуждаться званія своего отца, бѣгутъ изъ духовнаго сословія и въ другихъ сферахъ ищутъ себѣ служенія, хотя могли-бы по своимъ внутреннимъ качествамъ быть хорошими пастырями.

Что же должна сдѣлать родная семья по отношенію къ такимъ колеблющимся дѣтямъ, чтобы расположить ихъ къ пастырскому служенію—скрывать отъ нихъ тѣ трудности и горести, какія приходится испытывать на трудномъ служеніи, обманывать дѣтей? О, нѣтъ! Пусть юноша знаетъ, что ожидаетъ его впередъ, но пусть вмѣстѣ съ тѣмъ разъяснитъ ему, что не одни только огорченія даетъ это служеніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ доставляетъ она и много свѣтлыхъ радостей, самыхъ высокихъ, какія только возможны на землѣ. Священникъ совершаетъ богослуженіе, а для искренно вѣрующаго человѣка можетъ-ли быть радость выше той, какую доставляетъ оно? Священникъ есть руководитель и воспитатель своего прихода. Заронить въ чужую душу сѣмя добра и правды, спасти хотя одну погибшую овцу, облегчить горе страждущаго или умирающаго, утереть бѣдному слезу—да есть ли на землѣ радость выше этой радости? Священникъ въ деревнѣ часто единственный представитель просвѣщенія; ему открывается возможность самаго широкаго культурнаго вліянія на темную деревенскую массу. Народъ нашъ любитъ духовенство, вѣритъ ему; къ доброму пастырю придуть не сотни, а тысячи довѣрчивыхъ простыхъ сердець съ своимъ горемъ и радостями, и возлюбятъ его и къ каждому его слову станутъ прислушиваться. Званіе пастыря имѣетъ свои радости чистыя и высокія, но кто-же скажетъ о нихъ кандидату священства, какъ не отецъ, ибо для другихъ эти радости не видны. Юное, хотя и колеблющееся, но благородное, на все отзывчивое сердце, пойметъ эти радости, а кто пойметъ ихъ, того не испугаютъ трудности іерейскаго званія, тотъ смѣло станетъ

въ ряды скромныхъ борцовъ за дѣло вѣры и за спасеніе ближнихъ.

Многіе кандидаты священства не идутъ въ духовное званіе потому, что стѣсняются отношенія свѣтскаго общества къ этому званію; многихъ смущаютъ тѣ упреки и нареканія, какія стали обычными по адресу духовенства. „Я не пойду въ духовные, заявляетъ иной семинаристъ; извѣстно какъ относится къ намъ общество“. Что другое показываютъ эти слова, какъ не то, что юноша молчаливо призналъ всѣ укоры по отношенію къ духовенству справедливыми, призналъ даже невозможнымъ бороться съ ними? Пусть же отецъ родной и своею жизнію и бесѣдами съ сыномъ разъяснитъ ему, какъ часто несправедливы къ намъ, пусть разсѣетъ укоры эти и этимъ подвигнетъ рѣшимость юноши, съ колебаніемъ стоящаго на порогѣ священства.

Наконецъ, есть еще третій типъ семинариста—человѣкъ равнодушный къ дѣлу вѣры. Гдѣ и какъ вырабатывается этотъ типъ, подъ какими вліяніями онъ образуется—прослѣдить трудно, но онъ несомнѣнно есть, хотя и не часто встрѣчается. Если грустенъ фактъ появленія такихъ субъектовъ въ семинарской семьѣ, то еще грустнѣе, что иногда такіе люди принимаютъ священный санъ, совсѣмъ безъ всякаго расположенія къ нему, не имѣя съ духовнымъ званіемъ никакой связи, кромѣ происхожденія и ученія въ духовной школѣ; принимаютъ такіе субъекты священный санъ потому только, что нѣтъ другой дороги, или вѣрнѣе—лѣнь поискать такой дороги, а нужно же человѣку чѣмъ нибудь питаться? Кромѣ униженія и безъ того всѣми унижаемому духовному сословію отъ такихъ членовъ ожидать нечего. По отношенію къ такимъ юношамъ родители могли-бы быть лучшими помощниками епархіальной власти въ выборѣ кандидатовъ священства, отклоняя отъ духовной службы лицъ къ ней не расположенныхъ. Знать епархіальному архіерею всѣхъ ищущихъ священства физически невозможно; судятъ обыкновенно по семинарскому аттестату, но всегда ли это вѣрный критерій для опредѣленія

пригодности человѣка къ пастырскому служенію? Для всякаго ясно, что нѣтъ; можно имѣть и въ поведеніи и въ наукахъ высшіе баллы и быть дурнымъ человѣкомъ, плохимъ христіаниномъ, а тѣмъ болѣе пастыремъ. Дѣтей своихъ родители всегда знаютъ лучше, чѣмъ семинарское начальство, передъ которымъ всегда можно носить личину; родители скорѣе, чѣмъ семинарское начальство, замѣтятъ въ дѣтяхъ доброе благочестивое настроеніе, расположеніе къ духовному званію или наоборотъ—дурные инстинкты, страсть къ развлеченіямъ, отсутствіе благочестія и скромности; родители всего скорѣе могутъ замѣтить, что юноша не охотно посѣщаетъ богослуженіе, тяготится постами, любитъ веселую жизнь; пусть же родители всячески удерживаютъ такихъ дѣтей отъ принятія священнаго сана; ибо отъ такого неосторожнаго ихъ шага будетъ страдать пастырское дѣло, да и самъ юноша никогда не будетъ счастливъ на чуждомъ для его сердца поприщѣ. Къ грѣху нашихъ родителей нужно сказать, что они, располагая дѣтей къ духовному званію, больше говорятъ о матеріальной сторонѣ жизни, чѣмъ о нравственныхъ мотивахъ.

Родители, располагая дѣтей къ священному званію, часто обнаруживаютъ неразумную поспѣшность: лишь-бы скорѣе отправить сына на свои хлѣба. По существующимъ правиламъ для принятія священства отъ кандидата требуется извѣстный опредѣленный возрастъ, но законъ этотъ далеко не вездѣ исполняется. Частію за недостаткомъ кандидатовъ священства, частію по другимъ мотивамъ, семинаристамъ даются священническія мѣста сейчасъ по выходѣ ихъ изъ семинаріи, къ этому располагаютъ дѣтей и родители; раннее поступленіе на служеніе священническое имѣетъ то неудобство, что не даетъ возможности кандидату обдумать свой шагъ, провѣрить свои силы, достойно приготовиться къ предстоящему служенію.

Духовная семья, собственно отецъ, много можетъ помочь кандидату священства въ дѣлѣ практической подготовки его

къ священству. Главѣйшая обязанность пастыря есть совершеніе богослуженія, для чего необходимо знаніе церковнаго Устава. Безспорно, что семинарія въ этомъ отношеніи многое дѣлаетъ для семинариста, но безспорно и то, что одной семинарской подготовки для этого далеко недостаточно. Есть преподаватели литургики, которые обращаютъ главное вниманіе на изученіе церковнаго Устава, прямо заявляя воспитанникамъ, что это для нихъ главное, это хлѣбъ ихъ; но въ очень многихъ семинаріяхъ, какъ это можно видѣть изъ бесѣдъ съ бывшими воспитанниками различныхъ семинарій, преподаваніе литургики поставлено не совсѣмъ правильно: заучиваютъ учебникъ по литургикѣ Лебедева, а на уставъ не обращаютъ никакого вниманія. Въ X. семинаріи преподаватель считаетъ своимъ долгомъ заявить, что „литургики онъ не знаетъ, это не его спеціальность“. Изъ 10 человекъ спрошенныхъ у него на экзаменѣ ни одинъ не могъ найти Марковыхъ главъ. Положимъ, семинаристы сами отправляютъ богослуженіе въ своихъ училищныхъ церквахъ, но и это мало помогаетъ дѣлу: въ каждой семинаріи не меньше 300—400 человекъ; часто ли придется за годъ каждому изъ нихъ участвовать въ чтеніи? Обыкновенно въ семинаріи изъ старшихъ воспитанниковъ семинаріи выбирается одинъ, лучше другихъ знающій уставъ, онъ и указываетъ остальнымъ, что нужно читать и пѣть, онъ все найдетъ и укажетъ. По нашимъ наблюденіямъ, такіе уставщики узнаютъ уставъ вовсе не въ семинаріи, а дома подъ руководствомъ отца. Вспоминается такой случай изъ семинарскихъ годовъ. Одинъ разъ въ субботу на клиросѣ собрались очередные чтецы на провъѣрку; такъ какъ и въ понедѣльникъ былъ праздникъ, то чтецовъ собралось человекъ 15. Канонъ назначались читать воспитанники 5-го класса; уставщикъ передъ приходомъ преподавателя литургики указалъ каждому, что слѣдуетъ читать. Пока читали младшіе, одинъ изъ воспитанниковъ 5-го класса закрылъ назначенное ему уставщикомъ мѣсто и послѣ, какъ ни бился съ нимъ преподаватель, не могъ найти его. Это

фактъ. Въ деревнѣ, гдѣ на клиросѣ стоитъ одинъ дьячокъ, для семинариста открывається полная возможность принять самое дѣятельное участіе въ отпращиваніи службы Божіей; указанія дьячка могутъ быть иной разъ полезнѣе, чѣмъ разъясненія ученаго литургиста. Самое дѣятельное участіе семинаристовъ въ богослуженіи въ деревнѣ желательно еще и потому, что въ вакаціонное время—на рождественскіе праздники, на страстной недѣлѣ совершаются самыя трудныя и самыя интересныя въ литургическомъ отношеніи службы. Въ деревнѣ, помогая псаломщику, кандидатъ священства можетъ лучше ознакомиться съ совершеніемъ тѣхъ требъ и службъ, которыя въ семинарскомъ храмѣ совершаются рѣдко: молебны на разные случаи, водоосвященіе, таинство крещенія, брака и т. д. По наблюденіямъ можно сказать, что современный семинаристъ не всегда охотно участвуетъ въ чтеніи и пѣніи, считаетъ себя выше этого дѣла, сторонится отъ него и, вмѣсто того, чтобы стоять на правомъ клиросѣ, предпочитаетъ лѣвый, гдѣ обыкновенно стоитъ деревенская аристократія (старшина, писарь, лавочникъ съ домочадцами).

„Священнику знать, какъ порученную себѣ паству добрѣ управить есть наука всѣхъ наукъ и художествъ высочайшая“,—такъ говоритъ Св. Григорій Богословъ о трудности духовнаго руководства паствою. Никакая школа и наука не въ состояніи дать точныхъ правилъ, указывающихъ, какъ вести себя пастырю съ приходомъ, какія мѣры нужно считать лучшими въ смыслѣ желательнаго ихъ воздѣйствія на сердца пасомыхъ. Каждая губернія нашего обширнаго отечества имѣетъ свои бытовыя и религіозныя особенности; каждая предъявляетъ къ пастырю свои особыя мѣстныя требованія: въ одной приходится имѣть дѣло съ кореннымъ русскимъ населеніемъ, съ другой—съ инородцами и т. д. Отсюда многіе молодые священники на первыхъ порахъ чувствуютъ себя неподготовленными, теряются; опытъ родителей могъ-бы принести имъ существенную пользу, такъ какъ сыну и отцу приходится часто работать въ одинаковыхъ условіяхъ, въ одной губерніи и

уѣздѣ. Пусть отецъ дѣлится съ сыномъ своими практическими свѣдѣніями, своими знаніями, радостями и горестями, успѣхами и неудачами и эти бесѣды послужатъ сыну лучшей школой, школой жизни. Отъ отца можетъ сынъ пріобрѣсти навыки и пріемы пастырскаго обхожденія съ пасомыми, узнать запросы народнаго духа, его отношеніе къ духовенству; на примѣрѣ отца пусть учится онъ одному изъ главныхъ качествъ требующихся отъ пастыря—терпѣнію. Въ каникулярное время семинаристы могутъ учиться произносить предъ народомъ проповѣди, пользуясь указаніями и руководствомъ отца. Въ семинаріяхъ очень основательно поставлена теоретическая сторона проповѣди; но мало обращаютъ вниманія на практическую. За весь курсъ семинаристу приходится написать не больше 2—3 проповѣдей, а произносятъ проповѣди въ семинарской церкви только избранные, получившіе полный баллъ. Въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ разрѣшаютъ семинаристамъ проповѣдывать въ приходскихъ церквахъ, но большинство смотритъ на это несочувственно: „проповѣдь въ приходскихъ церквахъ будетъ отвлекать-де учащихся „отъ прямой ихъ обязанности—учить уроки“. Проповѣди, какія обыкновенно пишутъ семинаристы, мало пригодны для жизни. Маститый профессоръ Кіевской Академіи В. О. Пѣвницкій такъ отзывался о нихъ. „Проповѣди, составляемыя въ семинаріи, пишутся на общія темы безъ всякаго почти отношенія къ запросамъ тѣхъ лицъ, предъ которыми кандидатъ священства впослѣдствіи явится учителемъ; пишутся больше для голыхъ стѣнъ, чѣмъ для живыхъ людей“¹⁾. Умѣнье писать проповѣди и произносить ихъ вырабатывается практикой; гдѣ же для семинариста искать лучшей практики, какъ не въ деревнѣ: здѣсь онъ знаетъ народъ, его жизнь и недостатки; здѣсь у него времени свободнаго больше, чѣмъ въ семинаріи; здѣсь онъ будетъ себя чувствовать не такъ робко, какъ въ семинаріи, гдѣ на его проповѣдь найдется много критиковъ; здѣсь есть указанія и руководство опытнаго пастыря.

¹⁾ Священникъ В. О. Пѣвницкій. Кіевъ, 1885 г., 63 стр.

Семья, наконецъ, должна воспитать кандидата священства и во внѣшнемъ отношеніи, приучить его къ внѣшнему благоприличію, къ скромной непритязательной жизни сельскаго пастыря. Что касается перваго, то здѣсь много говорить не приходится, внѣшнія манеры вырабатываются постепенно по мѣрѣ обращенія и знакомства съ людьми; гораздо важнѣе второе. Потребности въ жизни, тотъ или иной образъ ея складываются обыкновенно подъ вліяніемъ пережитаго: здѣсь особенно много значить привычка. Семинаріи, давая своимъ питомцамъ все необходимое, удовлетворяя minimum'у потребностей, далеки отъ роскоши и не балуютъ своихъ питомцевъ. Не то бываетъ иногда въ семействахъ: общее направленіе жизни нашего времени—стремленіе къ роскоши, къ наслажденію, какъ ядъ, начинаетъ проникать и въ духовное словіе: стремленіе жить такъ же, какъ живутъ люди состоятельные, званые обѣды, вечера, иногда появляются и въ духовныхъ семействахъ. Все это отображается и на дѣтяхъ, предрасполагая ихъ къ такому же пустому, безсодержательному образу жизни; жизнь родителей, если не во всѣхъ частностяхъ, то въ общемъ, повторяютъ и дѣти.

Среди нежелательныхъ и вредныхъ развлеченій, какія практикуются въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, можно указать на попойки и карты. Эти навыки семинаристы приносятъ откуда то совнѣ, и всего вѣрнѣе изъ дому. Молодость имѣетъ всѣ права на радость и веселье, пусть и духовному воспитаннику будетъ чѣмъ вспомнить молодость; но пусть родители дадутъ дѣтямъ радости и развлеченія высокія и облагораживающія—а таковыхъ не мало въ жизни: одна, наприкладъ, музыка, какъ можетъ усладить и скрасить жизнь человѣка! Къ такимъ радостямъ и развлеченіямъ относится пѣніе, хорошая книга, легкій физическій трудъ на открытомъ воздухѣ и т. д.

В. Пестряковъ.

Нетронутый уголокъ.

Разсказъ.

I.

— Нѣтъ, что ни говори,—не особенно-то нравится мнѣ бойкая, шумная жизнь вашихъ мѣстъ, твоего прихода. Тревогой, безпокойствомъ отзывается она, заставляетъ крѣпко—крѣпко задумываться. Совсѣмъ у васъ здѣсь не то, что въ нашихъ благословенныхъ мѣстахъ!..

— Что-жь дѣлать? Каждое мѣсто имѣетъ свои особенности. Вотъ тебя удивляетъ наша жизнь: кажется и слишкомъ бойкой и неспокойной. А я успѣлъ уже присмотрѣться къ этой житейской сутолокѣ—и ничего! Даже лучше, пожалуй,—некогда задумываться, опускаться: долженъ по неволѣ быть вѣчно на сторожѣ. У насъ не заспишься!..

Такую бесѣду вели два священника, сидя за вечернимъ чаемъ на балкончикѣ сельскаго церковнаго дома и наслаждаясь чуднымъ лѣтнимъ вечеромъ. Предъ ними открывался красивый видъ на рѣку и широко раскинувшееся село, утопавшее въ зелени садиковъ, имѣвшихся почти при каждомъ домѣ. Село Крутые Верхы стояло на высокомъ берегу судоходной рѣки, впадающей въ кормилицу—Волгу; мѣсто было бойкое, благодаря торговой пристани, и оживленіе здѣсь не прекращалось ни зимой, ни лѣтомъ. Пристань находилась какъ-разъ противъ церковнаго домика, скрытая отъ взоровъ собесѣдниковъ высокимъ, крутымъ берегомъ. По берегу тянулись длинные ряды амбаровъ для склада всевозможнаго рода товара. Съ пристани доносился смѣшанный гулъ голо-совъ, слышались звуки гармоникъ и затутой цынымъ, видимо, человѣкомъ пѣсни. Время, отъ времени шумъ этотъ покрывался рѣзкимъ свисткомъ парохода... Село было большое, населенное, въ нѣсколько улицъ, изъ которыхъ выдѣлялась

особенно одна своими большими каменными домами; здѣсь жили по преимуществу раскольники—богачи, державшіе въ своихъ рукахъ всю мѣстную торговлю. Православная, приходская церковь, деревянная, маленькая, окрашенная въ бѣлую краску, скромно стояла на сельской площади, кротко сіяя позолотой крестовъ въ лучахъ лѣтняго заката...

Сидѣвшіе на балконѣ священники были родственники. Одинъ изъ нихъ—сухощавый брюнетъ, среднихъ лѣтъ, съ черными выразительными глазами и короткими вьющимися волосами, отличался подвижностію и живостію рѣчи. Это былъ хозяинъ, мѣстный священникъ о. Петръ Главизининъ; онъ уже болѣе десяти лѣтъ служилъ въ Крутыхъ Верхахъ и пользовался репутаціей дѣятельнаго, примѣрнаго пастыря. И надо сказать правду—успѣлъ онъ за это время не мало сдѣлать на пользу прихода: ввелъ постоянныя бесѣды съ раскольниками и православными, заботился о благоустройствѣ церкви и принималъ дѣятельное участіе въ заведенныхъ имъ чтеніяхъ съ туманными картинами при мѣстномъ земскомъ училищѣ. Прихожане любили о. Петра; не безъ уваженія къ нему относились и сами раскольники.

Другой собесѣдникъ былъ о. Аркадій Поповъ. Женатъ онъ былъ на родной сестрѣ о. Петра и теперь пріѣхалъ навѣстить его изъ отдаленнаго захолустнаго села Ровнаго, гдѣ священствовалъ не мало уже лѣтъ, поступивъ на мѣсто прямо съ семинарской скамьи. Гость и видомъ и характеромъ являлъ рѣзкую противоположность съ хозяиномъ. Круглое, полное лицо съ голубыми глазами, обрамленное русыми длинными волосами, падавшими на плечи, и широкой бородой, дышало простотой и добродушіемъ; въ движеніяхъ, въ рѣчи замѣчалась медлительность—неотъемлемое свойство флегматика. Видимо, по природѣ былъ онъ врагомъ какихъ бы то ни было тревогъ и волненій; бойкая жизнь паствы о. Петра даже какъ будто пугала непривыкшаго къ подобной сутолокѣ кроткаго о. Аркадія. Вотъ уже третій день гостилъ онъ у о. Петра, и предъ нимъ открывались все новыя и новыя сто-

роны здѣшной приходской жизни, давая обильный матеріалъ для родственныхъ задушевныхъ бесѣдъ.

Подолгу затягивались ихъ разговоры, среди которыхъ забывались и время, и мѣсто, и даже болѣе насущныя общепринятія требованія гостепрѣимства. Такъ было и на этотъ разъ. Давно успѣло закатиться солнце, становилось почти темно, а собесѣдники все еще сидѣли за остывшими стаканами чая; только приглашеніе матушки къ ужину обратило ихъ вниманіе къ дѣйствительности.

II.

На слѣдующій день гостю о. Петра предстояло ближе познакомиться съ его миссіонерской дѣятельностью — побывать на его вечерней бесѣдѣ со старообрядцами. Собесѣдованіе предполагалось серьезное; въ немъ обѣщаль принять участіе знатокъ раскола и умѣлый полемистъ, самъ бывший раскольниковомъ — безпоповцемъ и обратившійся въ православіе, благодаря большой начитанности въ старопечатныхъ книгахъ.

Собраніе было назначено въ домѣ одного раскольника. Когда явились о. Аркадій и о. Петръ, то застали здѣсь известнаго полемиста во всеоружіи, окруженнаго множествомъ старопечатныхъ книгъ. Онъ поджидалъ священниковъ и съ приходомъ ихъ не замедлил начать бесѣду съ собравшимися слушателями. Народу, по правдѣ говоря, собралось не много — человѣкъ 30—40 и то — главнымъ образомъ православныхъ. Мѣстные раскольники, не смотря на приглашеніе, почти отсутствовали, — пришло ихъ всего пять человѣкъ и въ томъ числѣ два начетчика: можно было подумать, что они убоялись прибывшаго для полемики съ ними знатока раскола. О. Аркадій съ любопытствомъ и вниманіемъ присматривался и прислушивался ко всему на этой бесѣдѣ, и — странное дѣло — вынесъ далеко не успокоительное впечатлѣніе. Своими впечатлѣніями онъ не преминулъ подѣлиться съ о. Петромъ,

возвратившись съ бесѣды, тогда же вечеромъ, не смотря на поздній часъ.

— Дивлюсь я только твсей охотѣ и терпѣнію вести подобныя бесѣды—такъ, по моему, въ нихъ мало отраднато, утѣнительнаго,—говорилъ о. Аркадій разочарованно:—посмотришь—сошлись двѣ стороны, которыя не понимаютъ и даже не хотятъ понимать другъ друга. Одинъ говорить про то, другой про иное, и въ концѣ концовъ каждый остается при своемъ, раскольники не признаютъ своего явнаго пораженія. Странно упорство ихъ противъ очевидности и желаніе непременно уклониться въ сторону отъ намѣченнаго предмета. Вотъ и сегодня—о чемъ только не было у васъ рѣчи: и о необходимости причащенія, и о троерестіи, и о догматѣ,—а окончились споры ничѣмъ. Видно было по всему, что нѣтъ въ совопросникахъ искренности, исканія правды. А безъ этого, согласишь, какой можетъ быть успѣхъ, какая можетъ быть польза?...

Но о. Петръ не хотѣлъ согласиться и настаивалъ на полезности собесѣдованій, которыя не всегда же оканчиваются безрезультатно и мало-по-малу убѣждаютъ нѣкоторыхъ раскольниковъ.

— Пусть и такъ; но часто ли, скажи мнѣ, случаются такія отрадныя явленія?—продолжалъ развивать свой мрачный взглядъ о. Аркадій:—а потомъ есть и еще одна сторона въ вашихъ бесѣдахъ, которая не особенно меня радуетъ. Ты скажи мнѣ вотъ что: не могутъ ли онѣ вредно повліять на православныхъ слушателей? Что, если раскольническое совопросничество пріучитъ и православныхъ относиться такъ же казуистически къ вопросамъ вѣры, расшатаетъ цѣлостность и простоту ихъ православнаго міросозерцанія?—Станетъ послѣ такой бесѣды твой православный прихожанинъ на молитву—и задумается о троерестіи, о его превосходствѣ надъ двуерестіемъ вмѣсто того, чтобы сосредоточиться на самомъ предметѣ молитвы. И въ другихъ подобныхъ случаяхъ развѣ

не можетъ случиться нѣчто подобное?... Вотъ это-то и наводитъ меня невольно на невеселыя размышленія!...

Такія впечатлѣнія производила приходская жизнь Крутыхъ Верховъ на кроткую, не способную къ кипучей дѣятельности натуру о. Аркадія. На каждомъ шагѣ поражала его энергія, стойкость о. Петра, удивлялся не мало онъ, какъ его родственникъ при такихъ условіяхъ не надаетъ духомъ, бодро ведетъ свое пастырское дѣло и, при неприглядной дѣйствительности, съ свѣтлой надеждой смотритъ въ будущее. Честь и слава ему, убѣжденному борцу!.. Нѣтъ, его бы, самого о. Аркадія, не хватило на такое трудное дѣло, не сохранить бы ему здѣсь душевнаго равновѣсія!... Совсѣмъ другое дѣло—его село Ровное, гдѣ онъ столько лѣтъ служить съ любовью и, по-своему, не безъ пользы... Боже мой! какая страшная разница! Послѣ всего, что онъ наблюдалъ здѣсь, такъ и тицетъ скорѣе возвратиться въ этотъ благословенный, мирный, родной его сердцу уголокъ! И слава Богу, что завтра утромъ онъ отправится туда на пароходъ, опять будетъ дома, увидитъ свою церковь, свой приходъ!..

— Пріѣзжай теперь ко мнѣ, дорогой братъ и другъ,—приглашалъ о. Аркадій о. Петра:—отдохнешь хотя душой отъ здѣшней суетоки въ нашихъ палестинахъ. Не повѣришь, какая у насъ тихая, благодатная жизнь. Чужды мы еще вашихъ тревогъ и волненій. Нѣтъ, ни на какое другое мѣсто не промѣнялъ бы я свое родное сердцу, милое Ровное!..

О. Петръ обѣщаль исполнить его желаніе, но только не теперь, а зимой, когда легче, удобнѣе будетъ ему покинуть на короткое время свой приходъ, оторваться отъ кипучей дѣятельности. Предвкушая радость возвращенія, мирно провелъ послѣднюю ночь о. Аркадій подъ гостепріимной кровлей о. Петра; и снилась ему своя семья, своя церковь и простые, безхитростные ровненскіе прихожане.

III.

Было еще совѣмъ рано, когда о. Аркадій, простившись съ радушными родственниками, поспѣшилъ на пароходъ, и теперь, сидя на палубѣ, совершалъ свое обратное путешествіе. Свѣжесть лѣтняго яснаго утра, смѣна красивыхъ береговыхъ видовъ и ровный ходъ парохода, мѣрно подвигавшагося вверхъ по рѣкѣ, сообщали ясное и мирное настроеніе его думамъ и чувствамъ. Теперь, наединѣ, онъ мысленно переживалъ и суммировалъ впечатлѣнія четырехдневнаго пребыванія въ Крутыхъ Верхахъ,—и предъ нимъ вставала болѣе цѣлостная картина приходской жизни только-что покинутаго села, и больше смысла и значенія видѣлъ онъ въ дѣятельности энергичнаго о. Петра.

— Да, хорошо еще, что въ такіе приходы, тронутые „культурой“ и подтачиваемые расколомъ, попадаютъ духовные руководители, подобные о. Петру:—размышлялъ о. Аркадій:—а то—страшно и подумать, что бы случилось съ православнымъ людомъ!... Подъ рукой всякіе соблазны, трактиры, пивцья; легкой способъ наживы, постоянный притокъ разнаго рабочаго и празднаго люда,—и тутъ же рядомъ—расколъ съ его фарисействомъ въ старшихъ представителяхъ и развратомъ въ молодомъ безпоповщинскомъ поколѣніи. Кто, какъ не священникъ—и въ церкви, и на чтеніи, и на бесѣдѣ—можетъ объединить православныхъ, оградить ихъ отъ губельной силы соблазновъ? И какая при этомъ требуется отъ него мощь на подобное трудное дѣло! Только вотъ такіе о. о. Петры и способны вынести на своихъ плечахъ, не падая, не унывая, подобное бремя; но много ли ихъ?...

И снова, при этихъ размысленіяхъ, въ душу о. Аркадія закрадывалось скорбное чувство сожалѣнія: зачѣмъ не вездѣ такъ мирно, невозмутимо течетъ жизнь, какъ въ его приходѣ, который еще не тронула пока грязная волна „новой“ жизни. Но на долго-ли? Рано или поздно захватитъ эта губительная

волна и его уголокъ, съ шумомъ ворвется въ него и безпощадно унесетъ его свѣтлое счастье, миръ и покой. Смутная тревога щемила сердце о. Аркадія, и минутами казалось ему, что не застанетъ уже онъ прежняго „Ровнаго“, что роковая переменна уже успѣла коснуться и дорогого ему уголка... Но это были только минуты; яркое солнце, радостный день скоро и властно разогнали его мрачныя думы, и ему хотѣлось только одного—скорѣе возвратиться домой, къ своимъ славнымъ, простымъ, довѣрчивымъ прихожанамъ, гдѣ ждала его привычная мирная дѣятельность, не возмущаемая пока никакими житейскими противорѣчіями, диссонансами...

На обратное путешествіе о. Аркадію предстояло употребить не меньше трехъ дней—двое сутокъ до послѣдней пристани и еще верстъ восемьдесятъ на лошадахъ. Но время для него текло незамѣтно среди думъ и разнообразія дорожныхъ впечатлѣній... Вотъ, наконецъ, о. Аркадій вздохнулъ облегченно, сойдя съ пристани и усѣвшись въ наемный тарантасъ, запряженный парой сытыхъ лошадокъ. Каждая верста, каждый поворотъ дороги удаляли его отъ тревожной, непривычной и смущавшей душу житейской сутолоки, и онъ съ радостнымъ чувствомъ приближался къ своему милому, дорогому Ровному.

IV.

Село Ровное своимъ положеніемъ, на ровной, плоской мѣстности оправдывало данное ему названіе. На десятки верстъ отъ села не было ни одного значительнаго пригорка или возвышенности; разстилалась вокругъ необъятная равнина, покрытая хвойными перелѣсками, которые окаймляли поля, примыкающія къ небольшимъ деревенькамъ, домовъ въ 20—30. Благодаря такому положенію и сохраненію лѣса, мѣстность благопріятствовала земледѣльческому труду. Имъ безбѣдно существовало населеніе; про хроническіе засухи и недороды не слыхать было въ этомъ благодатномъ краю. Къ

селу, небольшому, однопричтному, принадлежало около десятка небольших деревень, дышавших довольством и выгодно отличавшихся типичной простотой и исконным православіемъ населявшихъ ихъ крестьянъ.

Быль прекрасный лѣтній вечеръ, когда о. Аркадій въѣзжалъ въ предѣлы своего прихода. Тарантасъ его только-что выткнулся изъ небольшого зеленого перелѣска и по узкому проселку чрезъ яровое поле приближался къ первой деревнѣ Ровненскаго прихода—Потанину. Въѣзжалъ въ Потанино, о. Аркадій испытывалъ особенно успокоительное, радостное чувство: каждая изба и дворъ были ему знакомы; простодушно улыбаясь кланялись ему проходившіе и встрѣчавшіеся на улицѣ прихожане,—видимо, имъ всѣмъ пріятно было привѣтствовать любимаго батюшку. Не мало пришлось ему при этомъ увидѣть знакомыхъ лицъ: былъ канунъ воскресенія, и народъ, покончивъ раньше работы, проводилъ время на улицѣ,—одни сидѣли на завалинахъ у своихъ избъ, другіе собирались въ кружокъ и вели немудрые крестьянскіе разговоры.

И зналъ и чувствовалъ о. Аркадій, что всѣ эти простые люди, его прихожане, отъ мала до велика, привязаны къ нему, какъ малыя дѣти, вѣрятъ ему во всемъ и любятъ его; и онъ съ своей стороны чувствовалъ къ нимъ теплое, искреннее расположеніе,

— Хорошо имѣть такой приходъ, служить среди такихъ прихожанъ, вмѣстѣ съ ними возносить Господу Богу въ мирѣ и единомысліи свои недостойныя мольбы и благодаренія—думалось ему, когда онъ уже оставилъ за собою деревню.

Мирное настроеніе не покидало болѣе о. Аркадія до самаго въѣзда въ село. Скоро „Ровное“ открылось предъ нимъ во всей своей скромной красѣ.

Средину площади, зеленѣющей подобно газону, занимала небольшихъ размѣровъ каменная церковь съ невысокой колокольней, тщательно отремонтированная, окруженная низкой оградой, изъ-за которой выглядывали ряды сиреней, шиповника и другихъ кустарниковъ, заботливо насаженныхъ рукой

самого настоятеля. По краямъ площади ютились причтовые дома, содержимые въ большемъ порядкѣ, благоустроенные; позади ихъ тянулись усадьбы съ садиками и огородами, принадлежащими причту. Какъ-разъ противъ церкви находилось зданіе церковной школы, устроенное заботами о. Аркадія и выгодно выдѣлявшееся своей величиной и красотой постройки. Крестьянскихъ избъ въ селѣ совсѣмъ не было, отчего Ровное больше напоминало собой уединенный, мирный поселокъ... Бойко подкатилъ тарантасъ съ о. Аркадіемъ къ его дому и скоро скрылся въ широко растворенныхъ, въ ожиданіи хозяйина, воротахъ. Дома ожидала его радостная семейная встреча со стороны соскучившейся матушки и самыя мирныя сообщенія хозяйственнаго характера ..

Оказалось, что въ отсутствіе о. Аркадія, по собственному доброму желанію, прихожане совсѣмъ бесплатно скопили и сметали сѣно на лугу его; въ приходѣ все было благополучно. Скоро явился и церковный сторожъ Михай, добродушный, славный старикъ, съ ключами отъ церкви. Принявъ благословеніе и спросивъ о времени благовѣста, старикъ не уходилъ и участливо смотрѣлъ на батюшку: ясно было, что ему хотѣлось о чемъ-то еще поговорить.

— А что, батюшка нашъ, о. Аркадій, каково-то тебя Господь носилъ—миловаль?—спросилъ онъ, наконецъ: соскучились здѣсь мы по тебѣ; словно потеряли что безъ тебя...

— Слава Богу, Михеюшко, все хорошо. Спасибо тебѣ за участливое, доброе слово. И я, милые, безъ васъ да по васъ тоже порядкомъ скучалъ. Радъ вотъ теперь—радешенекъ своему возвращенію!...

— Знаемъ, батюшка, знаемъ все мы довольно про любовь твою... Вотъ и слава Богу—опять будешь съ нами!—съ глубокимъ чувствомъ промолвилъ старый служака и, еще разъ благословившись отъ о. Аркадія, отправился въ церковную сторожку.

Спать послѣ дороги крѣпкимъ, спокойнымъ сномъ о. Аркадій эту ночь, а на утро бодро, благоговѣйно совершалъ

въ своей церкви воскресную службу. Съ какимъ умиленіемъ, съ какимъ молитвеннымъ, возвышенно-чистымъ чувствомъ служилъ онъ въ этотъ день! Предъ нимъ была полная церковь молящихся его безхитростныхъ прихожанъ; въ рядахъ мужчинъ не видѣлось пестрыхъ пиджаковъ и пальто, на женщинахъ не было „модныхъ“ кофть и вычурныхъ до смѣшного нарядовъ. Все было въ простой праздничной крестьянской одеждѣ, и въ душѣ они были также просты и искренни. Вся паства, вмѣстѣ съ своимъ настояремъ, молилась одной искренней, чистой молитвой, и простыя души были полны умиленія и вѣры въ эти святія минуты...

Не мало утѣшенія, духовнаго удовлетворенія получилъ о. Аркадій, и возвращаясь изъ храма: на каждомъ шагѣ выслушивалъ онъ отъ прихожанъ искреннія выраженія любви, преданности и довѣрія.

— Вотъ,—думалъ онъ,—скорѣе бы пріѣзжалъ о. Петръ и узналъ бы поближе мой славный приходъ: что-то сказалъ бы онъ про него?... Впрочемъ, кто знаетъ, не показался ли бы онъ ему на первый разъ соннымъ царствомъ?... А я, во всякомъ случаѣ, назвалъ бы его *нетронутымъ* святымъ *уголкомъ*. И дай Богъ, чтобы побольше сохранялось въ нашей родной землѣ такихъ уголковъ и на долгое—долгое время!...

Свящ. *Аѳанасій Веселюкій*.

Предводитель дворянства о графѣ М. Толстомъ.

„Саратовскій Дневникъ“ передаетъ, что среди гласныхъ губернскаго земства циркулируетъ докладъ чернскаго предводителя дворянства А. П. Сухотина, разосланный уѣзднымъ предводителямъ дворянства и некоторымъ гласнымъ, слѣдующаго содержания:

XXXVII тульскому очередному губернскаму земскому собранію. Съ недавняго времени отъ губернскаго земства открытъ складъ, въ коемъ продаются предметы первой необходимости, и между прочимъ въ числѣ предметовъ первой необходимости продаются и портреты выдающихся дѣятелей, но, къ сожалѣнію, не всѣхъ дѣятелей, а почему-то особенно излюбленныхъ, какъ-то: гр. Л. Н. Толстого, Чехова, Максима Горькаго и имъ подобныхъ. Не отвергая вообще пользы въ ознакомленіи населенія съ выдавшимися и выдающимися дѣятелями, работавшими и работающими на пользу „малыхъ сихъ“ и вообще родниѣ въ духѣ православія и самодержавія, т. е. въ духѣ общегосударственной пользы, я не могу согласиться съ тѣмъ, чтобы гр. Толстой, какъ прославившійся за послѣднія 15—20 лѣтъ своею литературною дѣятельностью въ духѣ антиправославія, могъ бы быть признаннымъ такимъ полезнымъ дѣятелемъ, чтобы являлась потребность въ сохраненіи памяти о немъ не только среди „малыхъ сихъ“, но даже и среди интеллигенціи, не проникнутой пока еще бѣсовскою гордыней, слѣпо и свято чтущей свою православную вѣру со всѣми ея обычаями и обрядами,—интеллигенціи, каковой во всякомъ случаѣ больше сравнительно съ интеллигенціей, проникнутой бѣсовскою гордыней своего учителя гр. Толстого. Спрашивается, можно ли признать слѣдующія сочиненія гр. Толстого достойными памяти: „Власть тьмы“, т. е. сплошную ложь на крестьянскую жизнь автора, только кажущагося народолюбомъ, ибо картинѣ, какія онъ выводитъ въ своемъ произведеніи, никто изъ живущихъ въ деревнѣ никогда не видалъ; „Воскресеніе“,—полную ложь и кощунственное издѣвательство надъ всѣмъ святымъ, что чтить и во что вѣруетъ многомилліонный русскій народъ; „Крейцерову сонату“,—поученіе къ полиѣйшему разврату; ученіе о непротивленіи злу, ведущее къ анархіи; кощун-

ственный протестъ противъ Св. Синода? Можно-ли признать достойнымъ памяти того человѣка, который нашею верховною властью признанъ непринадлежащимъ къ Церкви, который по правиламъ Церкви долженъ быть предаваемъ анаѳемѣ? По моему—нѣтъ! Подобный человѣкъ не можетъ быть признанъ за такого дѣятеля народнаго, о которомъ желательно было бы сохраненіе памяти, ибо какую назидательную память можетъ оставить по себѣ гр. Толстой для будущаго и настоящаго неиспорченнаго еще поколѣнія? Думаю, что всякій, любящій свою родину, искренно долженъ по совѣсти отвѣтить: самую зловредную память. Такъ какимъ же образомъ мы, вѣрные защитники самодержавія и православія и вѣрные слуги нашего Царя и своей родины, можемъ допустить, чтобы нашъ магазинъ служилъ пособникомъ пропагандированія среди малыхъ сихъ памяти не только имени гр. Толстого, но еще и портрета того, который желалъ развратить малыхъ сихъ, и котораго, слава Богу, большинство не видало, да и не желаетъ видѣть, какъ своего оскорбителя“.

(Крымскій Курьеръ).

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ **Θεοδοσίη.**

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 2 апрѣля 1901 г.
Цензоръ, экстра-орд. проф. Акад. прот. *І. Корольковъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 16.

Подписка принимается въ редак-
ци сего журнала, при Кіевской
духовной Семминаріи.

1902 года, апрѣля 21-го.

Содержаніе: Чинопослѣдованія хиротоній и хиротесій съ объясненіями ихъ особенностей.—О пастырскомъ взаимообщеніи (По поводу архипастырскихъ обзоровъ епархій).—Къ вопросу объ обезпеченіи духовенства жалованьемъ.—Замѣтка.

Чинопослѣдованія хиротоній и хиротесій съ объясненіями ихъ особенностей¹⁾.

(Руководственныя указанія ставленникамъ).

VIII. Чинъ, бываемый на произведеніе архимандрита.

§ 20. *Порядокъ, мѣсто и время происхожденія чина. Вліяніе на его составъ чина на произведеніе игумена и отличія богослужебныя. Значеніе титула архимандритъ на православномъ Востокѣ. Отличія богослужебныя и внѣшнія архимандритовъ у насъ и на Востокѣ.*

Возводимый въ санъ архимандрита подводится къ архіерею, сидящѣму на кафедрѣ, на маломъ выходѣ такъ же, какъ

¹⁾ См. № 14 за 1902 г.

и возводимый въ санъ протоіерея и игумена. Если возводимый въ этотъ санъ—игуменъ, то надъ нимъ не читаются молитвы, имѣющіяся въ чинѣ „на произведеніе игумена“, но сейчасъ, по приведеніи его къ каѳедрѣ, протодіаконъ возглашаетъ „велегласно“: „Повели, владыко“, и архіерей произноситъ формулу: „Благодать всесвятаго Духа чрезъ мѣрность нашу производитъ ти архимандрита честныя обители Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа (имярекъ, егоже есть храмъ), или Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы (имярекъ, еяже есть храмъ), или святаго (имярекъ, егоже есть храмъ)“. Затѣмъ, возложивъ руку на голову возводимаго, архіерей возглашаетъ: „Аксіосъ“. Священники и клиръ поютъ троекратно: „Аксіосъ“. Ключарь собора подноситъ въ это время къ архіерею на блюдѣ знаки архимандритскаго сана: палицу, наперсный крестъ и митру. Архіерей дѣлаетъ надъ каждою изъ этихъ принадлежностей крестъ и даетъ возводимому цѣловать свою руку и каждую изъ принадлежностей и, при помощи иподіаконовъ, возлагаетъ ихъ на возведеннаго въ архимандрита. По возложеніи знаковъ сана, новый архимандритъ цѣлуетъ плечо и руку архіерея, кланяется ему и занимаетъ первое мѣсто среди священнослужителей, вышедшихъ на малый выходъ къ каѳедрѣ архіерея.

По окончаніи литургіи, когда архіерей сложитъ съ себя священныя одежды и облачится въ мантию и клобукъ, произведенный въ архимандрита, снявъ съ себя облаченія и надѣвъ рясу и наперсный крестъ съ клобукомъ, подходитъ къ архіерею съ правой стороны престола, кланяется ему земно, и, поцѣловавъ руку архіерея и крестъ на воротникѣ мантии, надѣваетъ архимандритскую мантию. Если новый архимандритъ назначается въ настоятели обители, то онъ сѣверными дверями изъ алтаря выходитъ въ храмъ и становится за солеей противъ царскихъ дверей Архіерей, благословивши сослужившихъ ему іереевъ у престола, выходитъ черезъ царскія двери на солею и, взявши у посошника жезлъ архимандрита, вручаетъ его новопроизве-

денному со словами: „Прими сей жезль, имже утверждей паству твою да правиши: яко слово имаши отдати за ню нашему Богу въ дни суда“, при чемъ произноситъ въ назиданіе ему и стоящей за нимъ братіи поученіе. Возведенный въ санъ архимандрита идетъ за архіереемъ и у порога церкви, по удаленіи епископа, отлагаєть жезль и снимаетъ съ себя мантию. Иногда со славою онъ провожаєтся до настоятельскихъ покоевъ и здѣсь, разоблачившись, принимаетъ отъ всѣхъ, бывшихъ на возведеніи въ архимандрита, поздравленія. Удостоенный награжденія саномъ архимандрита, но не имѣющій въ своемъ управленіи обители, жезла не получаетъ и мантию архимандрита слагаєть съ себя въ алтарѣ.

Греческая церковь не знала и не знаетъ до настоящаго времени „чина, бываемаго на произведеніе архимандрита“. Въ нашей церкви самостоятельный „чинъ на постановленіе архимандрита“ появляется не раньше XVI столѣтія, и при томъ сначала лишь въ богослужебныхъ памятникахъ южной Россіи 1), но ни этотъ древнѣйшій чинъ „на поставленіе архимандрита“, ни современный намъ чинъ „на произведеніе архимандрита“ ничѣмъ не говорятъ о самостоятельности своего происхожденія въ нашей богослужебной практикѣ. Зависимость ихъ отъ чина „на произведеніе въ игумена“ въ всякаго сомнѣнія, и съ поразительною очевидностію ясна особенно изъ чина „на произведеніе архимандрита“, нынѣ практикуемаго у насъ. Чинъ этотъ прежде всего не имѣетъ самостоятельныхъ молитвъ, о которыхъ въ Чиновникѣ читаемъ слѣдующее замѣчаніе: „И аще производимый архимандритъ не бысть игумень, глаголетъ архіерей надъ нимъ молитвы, яже надъ игуменомъ. Аще же бысть первѣе игумень, молитвы надъ архимандритомъ не глаголются“ 2). Не имѣя главнѣйшей самостоятельной составной части у себя—молитвъ, чинъ „на произведеніе архимандрита“

1) А. Дмитриевскій. Богослуженіе въ русской церкви въ XVI в., ч. I, стр. 366.

2) Чиновникъ архіерейскаго священнослуженія, л, 144 об., 145.

копируетъ и все остальное изъ того же чина „на произведе-
ніе игумена“. Такъ, формула производства въ архимандрита:
„Благодать всесвятаго Духа чрезъ мѣрность нашу производитъ тя *архимандрита*“, возгласеніе: „Аксіосъ“ съ возложе-
ніемъ руки архіерея на голову возводимаго, слова при вру-
ченіи жезла: „Прими сей жезлъ“, и даже поученіе къ игу-
мену и братіи—все это дословное повтореніе того, что нахо-
дится въ чинѣ „на произведеніе игумена“.

Но не имѣя у себя особаго чина на „произведеніе архи-
мандрита“, православный Востокъ, однако же, не чуждался ни-
когда названія *ἀρχιμανδρίτης*¹⁾, въ значеніи почетнаго титула,
даваемаго нѣкоторымъ настоятелямъ знатнѣйшихъ монасты-
рей, съ сохраненіемъ въ оффиціальныхъ документахъ²⁾ пре-
имущественнаго значенія за титуломъ игуменъ³⁾. Титуло архи-
мандритъ носятъ на Востокѣ и заслуженные іеромонахи, за-
нимающіе служебное положеніе при патріархіяхъ, при цер-
квахъ въ заграничныхъ миссіяхъ, въ патріаршихъ метохахъ
(владѣніяхъ или подворіяхъ) и т. п. Эти архимандриты и
считаются кандидатами на епископскія кафедры. Они, въ от-
личіе отъ рядовыхъ іеромонаховъ, носятъ въ торжественныхъ
случаяхъ и на богослуженіяхъ поверхъ камилавки наметку
(ἐπανω-καμηλαύχιον), епигонатій и даже наперсный крестъ съ

¹⁾ *Ἀρχιμανδρίτης*— слово составное изъ *ἀρχων* или *ἀρχος*— началь-
никъ и *μόναstra*—монастырь и означаетъ названіе начальника обители.
Du Cange. Glossarium ad scriptores mediae et infimae Graecitatis, col.
863—866; Древности. Труды Москов. археолог. общества, т. IV, в. I,
1874 г. (Матеріалы для археологическаго словаря, стр. 3—6).

²⁾ Miklos. et Müller. Acta et diplomata monasteriorum et ecclesiarum
orientis. Vindob., 1890 an., t. III, pag. 265; t. I, pag. 295; А. Дмитріевскій.
Патмосскіе очерки, стр. 51. Въ древности на Востокѣ были архиман-
дриты пресвитеры и *архимандриты діаконы*. Древности. Труды М. арх.
общ., стр. 4 (словарь археолог.).

³⁾ На Аеонѣ полный титулъ игуменовъ такой: „Игуменъ ставро-
пигіальной патріаршей обители такой-то архимандритъ, имярекъ“. При-
мѣры употребленія обоихъ титуловъ на православномъ Востокѣ сов-
мѣстно указываетъ проф. Казанскій въ статьѣ „архимандритъ“. Древности.
Труды М. арх. общ., т. IV, в. I, стр. 5.

украшеніями¹⁾. На богослуженіи эти архимандриты въ подобающихъ случаяхъ называются не священно-архимандритами, какъ у насъ это принято, а *іеромонахами*. Съ Востока это титуло было перенесено и къ намъ въ русскую церковь очень рано²⁾, и до XVI вѣка, до времени появленія у насъ особаго чина на возведеніе въ архимандрита, употреблялось почти съ тѣмъ же значеніемъ³⁾, какъ и на православномъ Востокѣ.

Архимандриты получаютъ у насъ многія богослужебныя и внѣшнія отличія, принадлежащія вышшему въ іерархіи сану архіерейскому. Такъ, на архимандритовъ у насъ возлагаютъ нынѣ палицу, наперсный крестъ и митру и вручаютъ имъ *архіерейскій* жезлъ. Впрочемъ, что касается жезла архимандритовъ, то въ древнее время онъ у насъ отличался во многомъ отъ жезловъ архіерейскихъ.

„Жезлъ пастырскій, именуемый у грекъ *патерисса*, отъ отча попеченія, описываетъ архіерейскій посохъ соборъ 1674 года, руками носится, овогда сребрянъ, частѣе же слоновою

¹⁾ А. Дмитріевскій. Патмоскіе очерки, стр. 51. Въ исключительныхъ случаяхъ восточные патріархи жалуютъ архимандритамъ для пошени на персяхъ даже и *панатіи* или *энколпії*. Такой чести удостоенъ былъ 27 іюля 1899 года нынѣ здравствующій игумень русскаго Пантелеимоновскаго монастыря архимандритъ Андрей вселенскимъ патріархомъ Іоакимомъ III, въ бытность его на покоѣ на Аѳонѣ. Въ грамматѣ патріарха, написанной на другой день послѣ пожалованія, говорится не только о томъ, что энколпій съ изображеніемъ распятія Господня онъ имѣетъ право „носить по великимъ и торжественнымъ днямъ и праздникамъ нашей религіи“, но—что особенно важно для обители—дается заповѣдь, „дабы сей священный энколпій *былъ носимъ преемственно*“, т. е. преемниками о. Андрея по игуменству въ обители св. Пантелеимона. (Душеп. Собесѣдн., 1901 г., в. 9, стр. 283—284).

²⁾ Проф. Е. Е. Голубинскій. Исторія русской церкви, т. I, полов. II, стр. 594. Впервые называется архимандритомъ игумень Поликарпъ подъ 1174 годомъ (тамъ же, прим. 3).

³⁾ Титулъ архимандрита употреблялся у насъ въ древности въ соединеніи съ титуломъ игумена въ такомъ видѣ: „*архимандритъ печерскій игумень... архимандритъ игумень печерскій*“ (тамъ же, прим. 3; Сн. Древности. Труды М. археол. общ., т. IV, в. 1, стр. 5—6).

костію, или звеномъ (древомъ) унещряется, его же высшая часть при рудѣ украшена, преложенымъ древомъ, или словнымъ зміями, къ себѣ главы взаимъ обращенными, аки котвами, имже архіерей утверждается путешествуа¹⁾. Архимандриты наши стали употреблять такіе жезлы не раньше второй половины XVII столѣтія, довольствуясь доголѣ въ практикѣ обычными игуменскими жезлами. Исключеніе въ этомъ отношеніи сдѣлано было лишь для архимандрита Троице-Сергіевской лавры.

Право ношенія архіерейскихъ жезловъ нѣкоторымъ архимандритамъ русскихъ монастырей было даровано восточными патріархами— Паисіемъ александрійскимъ и Макаріемъ антиохійскимъ, которые въ этомъ случаѣ руководились практикою православнаго Востока и обычаемъ св. Аѳонской горы. „Въ рудѣ держати жезлъ пастырскій, пишутъ восточные патріархи въ грамматѣ архимандриту московскаго Чудова монастыря Іоакиму и „по немъ будущимъ преподобнымъ наслѣдникамъ“, мая 8 дня 1667 года, воеже пастырски пасти овцы себѣ врученныя, на прогнаніе же волковъ душехищныхъ, якоже *обычай жезлодержаніе имѣютъ и наша страны архимандриты и во святой именной горѣ Аѳонской предста- телие, и здѣ въ Великой Россіи во святой великой лаврѣ Живоначальныя Троицы Сергіева монастыря*²⁾ архимандриты“³⁾. Московскій соборъ 1674 года, однако же, не нашель возможнымъ обычай православнаго Востока перенести въ русскую церковь цѣликомъ и сдѣлалъ относительно жезловъ архимандритовъ самыя обстоятельныя постановленія, а именно: „жезлы имѣти имъ (т. е. архимандритамъ Сергіева монастыря Радонежскаго, Владиміра града Рождественскаго монастыря, на Москвѣ архистратига Михаила Чудова монастыря)

¹⁾ Арх. Амвросій. Исторія російской іерархіи, ч. I, стр. 329.

²⁾ Граммату патріарха Іосафа 1667 г. архимандриту Троице-Сергіева монастыря Θεодосію на право „въ десницѣ носити патерицу“ см. тамъ же, ч. II, стр. 115.

³⁾ Тамъ же, ч. II, стр. 544.

епископствіи деревянии съ шипками (яблоками или перехватами), верхнюю часть и шипки позлащенны и мушци: златомъ же или серебромъ кованыхъ же не имѣти имъ, токмо Чудова монастыря архимандриту“¹⁾, при чемъ дѣлается ссылка на вышеприведенную граммату восточныхъ патріарховъ. „Прочихъ же всѣхъ обителей великихъ и малыхъ, всѣхъ архіереевъ во епархіяхъ архимандритомъ и игуменомъ... жезлы имѣти простіи игуменствіи“²⁾.

Соборъ московскій 1674 года, впрочемъ, предоставлялъ широкое право награжденія архимандритовъ богослужебными отличіями царю и патріарху, говоря: „впредъ же, аще кому благоволитъ благочестивѣйшій царь, по совѣту со святѣйшимъ патріархомъ, дати что кому, тогда велѣти оному быти“³⁾. Поэтому мы видимъ въ практикѣ русской церкви, что въ XVIII столѣтіи очень многіе архимандриты получаютъ такіа отличія, въ которыхъ имъ соборъ положительно отказывалъ. Въ частности относительно жезловъ архимандритовъ русскихъ монастырей находимъ въ документахъ указанія, что въ 1705 году, по указу Государя, митрополитъ Стефанъ Яворскій разрѣшилъ архимандриту Соловецкаго монастыря Фирсу „посохъ носить съ яблоками“ „противъ Чудовскаго архимандрита“⁴⁾, т. е. архіерейскій посохъ. Въ 1715 году⁵⁾ тотъ же митрополитъ Стефанъ Яворскій архимандриту Донскаго московскаго монастыря повелѣлъ служить „съ сулкомъ“⁶⁾. Жезль епи-

¹⁾ Арх. Амвросій. Исторія російской іерархіи, ч. I, стр. 337—338.

²⁾ Тамъ же, стр. 340—341. Въ грамматѣ 1707 году, данной архимандриту Бизюкова монастыря *Иоасафу Драннику* дается „посохъ просто архимандрическій безъ яблокъ“ (тамъ же, ч. II, стр. 602)—одно изъ отличій епископскихъ жезловъ.

³⁾ Тамъ же, ч. I, стр. 342.

⁴⁾ Тамъ же, ч. II, стр. 432.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 374.

⁶⁾ *Сулкомъ* или *сулокъ* состоитъ изъ двухъ небольшихъ, одинъ въ другой вложенныхъ, платковъ (по древнему—ширинка), обшитыхъ по краямъ позументомъ и стягиваемыхъ шнуромъ на жезлѣ вверху у самой поперечины. На Востокѣ архіерейскіе жезлы сулковъ не имѣютъ

скопскій въ 1717 году отъ того же митрополита получаетъ архимандритѣ родного ему Нѣжинскаго—Благовѣщенскаго монастыря ¹⁾. Въ 1727 году „сулогъ“ на жезль получилъ архимандритъ Спасо-Прилуцкаго монастыря ²⁾, въ 1730 году — архимандритъ новгородскаго Николаевскаго-Вяжицкаго монастыря ³⁾ и архимандритъ валдайскаго Иверскаго монастыря Филареть ⁴⁾ и др.

Со второй половины XVIII столѣтія жезль съ сулкою дается архимандритамъ очень часто ⁵⁾, но архимандритскіе жезлы въ это время отличаются еще отъ архіерейскихъ количествомъ на нихъ яблокъ или шиповъ. Такъ, въ 1759 г. архимандритъ новгородскаго Тихвинскаго монастыря получаетъ деревянный посохъ съ тремя позлащенными яблоками ⁶⁾; въ 1761 году посохъ съ четырьмя сребро-позлащенными яблоками получаетъ архимандритъ Козловскаго монастыря там-

(см. у Гоар. *Εὑχολόγ.*, pag. 98). Явились эти украшенія на нашихъ епископскихъ, а потомъ и архимандритскихъ жезлахъ въ силу естественныхъ причинъ. Держаніе металлическаго жезла въ рукахъ, при сильныхъ морозахъ, во время крестныхъ ходовъ на открытомъ воздухѣ, составляетъ подвигъ тяжелый и для многихъ даже невыносимый. Для того, чтобы защитить руку держащаго жезль отъ прикосновенія къ холодному металлу, и придумано было обертывать его ширинками-платками, получившими названіе *сулка*. Двойной составъ сулка имѣеть цѣлью защитить нижнимъ платкомъ руку отъ прикосновенія къ холодному металлу, а верхнимъ—прикрыть ее отъ вѣшняго холода. Изобрѣтеніе—несомнѣнно практическое. При служеніяхъ въ храмѣ, сулки остались украшеніемъ и иногда очень богатымъ. Въ 1684 году въ Новодѣвичемъ монастырѣ „на часѣхъ боярыня Марья Ивановна (Хитрово) поднесла святѣйшему патріарху (Іоакиму) *ширинку таятяную, золотомъ нахишену, на послуженіе на посохъ*“ (Арх. Савва. Указат. для обозрѣнія М. Синод. библ. Объяснит. словарь, стр. 39).

¹⁾ Арх. Амвросій. Исторія російской іерархіи, ч. I, стр. 394.

²⁾ Тамъ же, стр. 382.

³⁾ Тамъ же, стр. 383.

⁴⁾ Полн. собран. постан. и распоряж. по вѣдомству прав. исповѣданія, т. VII, стр. 253.

⁵⁾ Арх. Амвросій. Исторія російской іерархіи, ч. I, стр. 372, 374, 380, 384; ч. II, стр. 609.

⁶⁾ Тамъ же, ч. I, стр. 380.

бовской епархіи 1), а въ 1763 году такой же посохъ—архимандритъ Лихвинскаго Покровскаго монастыря, именуемаго Добрымъ, калужской епархіи 2). Однимъ словомъ, къ концу XVIII столѣтія жезлы архимандритовъ все болѣе и болѣе приближаются къ епископскимъ посохамъ и къ началу XIX столѣтія утрачиваютъ почти всякое различіе. Въ описяхъ архіерейскаго имущества XVIII столѣтія упоминаются, кромѣ обычныхъ посоховъ, еще „понахидные“, т. е. траурные, черные 3).

Мантия архимандрита имѣетъ свою исторію. „Въ древнемъ чиноположеніи со временъ російскихъ патріарховъ“ архимандритъ Кіево-печерскій въ ношеніи имѣетъ мантию, на скрижалѣхъ образъ Антонія и Θεодосія Печерскихъ... Троицы-Сергіева монастыря въ ношеніи на скрижалѣхъ образъ Сергія и Никона Радонежскихъ... изъ Володиміра-Рождествена монастыря имѣетъ въ ношеніи на мантии скрижали *лазоревыя*..., Чудова московскаго монастыря скрижали *вишневыя*“ 4). Соборъ московскій 1674 г. указаннымъ сейчѣсь тремъ архимандритамъ великорусскихъ монастырей повелѣлъ „мандіи носити монашескія *чернаго сукна, со единьми верхними поматами* (скрижалями), *багряно-виднаго цвѣта атласными, или камчатными*, за честь великихъ оныхъ лавръ, и въ нихъ святыхъ чудотворцевъ преславныхъ“... „прочихъ же всѣхъ обителей великихъ и малыхъ всѣхъ архіереевъ во епархіяхъ архимандритомъ и игуменомъ *носити мандіи простомонашескія*“ 5). Но и съ мантиею архимандритовъ у насъ на Руси повторяется та же исторія, какою мы видѣли при награжденіи архимандритовъ архіерей-

1) Тамъ же, стр. 379. Въ описаніяхъ ризницъ и архіерейскаго имущества XVIII ст. часто встрѣчаются указанія на посохи съ разнымъ количествомъ на нихъ яблокъ. Опис. док. и дѣль. хранящ. въ арх. Св. Синода. Спб., 1868 г., т. I, ст. XLIX, CLXVII.

2) Тамъ же, стр. 320.

3) Тамъ же, ч. I, стр. 388.

4) Опис. дѣль и докум., хранящ. въ архивѣ Св. Прав. Синода, т. I, ст. XLIX, CLXVII.

5) Тамъ же, стр. 337, 340.

скими жезлами, т. е. скоро же начались отступленія отъ постановленій собора 1674 года, и мантии шелковыя и съ скрижалями не только вверху, но и внизу стали давать архимандритамъ весьма многихъ монастырей. Въ 1705 году „мантию съ поматами“ получилъ архимандритъ Соловецкаго монастыря Өирсъ¹⁾. Въ 1717 г. архимандритъ Нѣжинскаго Благовѣщенскаго монастыря награжденъ не только мантиею съ скрижалями, но и съ изображеніями въ нихъ на одной сторонѣ образа Богоматери, а на другой—архангела Гавріила²⁾. Въ 1732 году дана, по повелѣнію императрицы, *мантия съ скрижалями* архимандриту Донскаго монастыря Кириллу³⁾. Въ 1750 г. мантию черную, но шелковую безъ скрижалей получилъ архимандритъ костромскаго Богоявленскаго монастыря⁴⁾; въ 1759 году архимандритъ Николаевскаго верхотуровскаго монастыря пермской епархіи—мантию съ скрижалями верхними и нижними бархатными⁵⁾; въ 1760 году архимандритъ тобольско - томскаго Богородичнаго монастыря—мантию съ скрижалями верхними и нижними зелеными⁶⁾ и т. д. Такому разнообразію въ украшеніяхъ на мантияхъ архимандритовъ русскихъ монастырей былъ положенъ предѣлъ учрежденіемъ штатовъ для великорусскихъ монастырей въ 1764 году и дѣленіемъ ихъ на классы, при чемъ въ первыхъ двухъ классахъ настоятелями назначались архимандриты, а въ третъеклассныхъ монастыряхъ игумены. Классомъ монастыря опредѣлялся и цвѣтъ скрижалей на мантияхъ: архимандриты монастырей перваго класса скрижали носили вишневаго или малиноваго бархата, а архимандриты втораго класса—зеленаго бархата. Съ 1797 г. и настоятели третъе-

¹⁾ Тамъ же, ч. II, стр. 431.

²⁾ Тамъ же, ч. I, стр. 394.

³⁾ Полн. собран. постановл. и распоряж. по вѣд. прав. исповѣд., т. VII, стр. 470.

⁴⁾ Арх. Амвросій. Исторія російской іерархіи, ч. I, стр. 377.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 385.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 387.

классныхъ монастырей возводятся въ архимандриты, но, въ отличіе отъ архимандритовъ первыхъ двухъ классовъ, съ правомъ ношенія мантий камлотовыхъ безъ скрижалей ¹⁾).

О митрѣ, палицѣ и наперсномъ крестѣ, какъ принадлежности у насъ сана архимандрита, мы уже говорили выше. Что же касается другихъ отличій, даваемыхъ у насъ архимандритамъ, какъ напр., право служенія съ дикиріемъ и трикиріемъ, то всѣ эти отличія составляютъ или привилегіи монастыря, или же плодъ личныхъ заслугъ того или иного архимандрита. Къ чину на „произведеніе архимандрита“ эти отличія не имѣютъ никакого отношенія и нашему разсмотрѣнію не подлежатъ.

Профессоръ А. Дмитриевскій.

---

¹⁾ П. С. З., т. XXIV, № 18, 273; арх. Амвросій. Истор. російской іерархіи, ч. II, стр. СXXXIII.

О пастырскомъ взаимоотношеніи.

(По поводу Архипастырскихъ обзоровъ Епархіи).

Никто не станетъ отрицать, что взаимоотношеніе между пастырями Церкви настоятельно необходимо. Не можетъ подлежать сомнѣнію и то, что, посѣщая другъ друга, равно какъ собиравсь время отъ времени по-нѣскольку вмѣстѣ у того или другого собрата по службѣ или и у людей свѣтскихъ, но христіански настроенныхъ, священнослужители могутъ позволять себѣ, въ предѣлахъ умѣренности и закона, и такія или иныя развлеченія. Самъ Пастыреначальникъ—Господь нашъ Іисусъ Христосъ не чуждался мірскихъ собраній и развлеченій (см., напр., Лук. 7, 36 и д.; 11, 37 и д.; Іоанн. 2, 1—11). Весьма лишь прискорбно, если пастыри въ собраніяхъ другъ у друга, а тѣмъ болѣе у лицъ свѣтскихъ, позволяютъ себѣ игры и удо-

---

¹⁾ Ц. С. З., т. XXIV, № 18, 273; арх. Амвросій. Истор. російской іерархіи, ч. II, стр. СXXXIII.

вольствія, отнюдь ихъ сану не соотвѣтствующія и даже нерѣдко унижающія пастырское достоинство.

Чего же пастырямъ избѣгать во время дружественныхъ собраній и въ чемъ проводить ихъ?

Не беремъ отвѣтить на эти вопросы во всей ихъ широтѣ. Наша цѣль—намѣтить главное лишь какъ изъ неприличествующаго духовенству, такъ и изъ вполне соотвѣтствующаго и благопотребнаго ему.

Къ непозволительнымъ для пастырей Церкви и предосудительнымъ для священнослужителей развлеченіямъ мы относимъ, прежде всего, отмѣчаемая иногда въ отчетахъ архипастырей послѣ объѣзда ими своихъ епархій игру въ карты, винопитіе и куреніе табака. Игра въ карты, какъ, несомнѣнно, согласится всякій, развлеченіе не только пустое, но часто и весьма вредное. Не давая ровно ничего ни уму, ни сердцу, карточная игра расслабляетъ волю: переходя нерѣдко въ привычку, пристрастіе, она отвлекаетъ человѣка отъ его прямыхъ обязанностей. Въ то же время предающіеся ей безвозвратно теряютъ не только драгоценное время, а нерѣдко и здоровье, вслѣдствіе бессонныхъ ночей, постояннаго нервнаго напряженія во время и даже иногда долго спустя послѣ игры и т. п. Довольно ощутительно подчасъ отражается она, помимо всего, и на матеріальномъ благосостояніи игроковъ. А сколько изъ-за нея бываетъ въ семьяхъ пререканій, слезъ и, вообще, „семейныхъ сценъ“!.. При вредѣ съ общечеловѣческой точки зрѣнія, игра въ карты вредна священнослужителямъ, и какъ пастырямъ именно. Каждый пастырь Церкви все вообще ненормальное въ обществѣ долженъ обличать и искоренять. Какъ же онъ выступить съ обличеніемъ другихъ въ карточной игрѣ, если самъ предается ей? Да и какое значеніе и авторитетъ могло бы имѣть въ этомъ случаѣ его обличеніе? Обличаемые будутъ въ полномъ правѣ сказать обличителю: *врачу, исцѣлися самъ...* Наконецъ, „*есть апостольское правило*“,—говоритъ высокоавторитетный въ вопросахъ пастырской дѣятельности проф. В. О. Пѣвницкій,—

которое хотя не называется по имени нынѣшней игры въ карты, но своимъ смысломъ и содержаніемъ запрещаетъ ее священнику. Оно (42-е) гласитъ: *Епископъ, или пресвитеръ, или діаконъ, ирть и пьянству преданный, или да престанетъ, или да будетъ изверженъ* („Священникъ“, изд. 2-е, 1886 г., стр. 120—121).

Итакъ, предосудительность для священника игры въ карты слишкомъ явна и очевидна, чтобы могли быть объ этомъ различныя мнѣнія.

Изъ того же 42-го *апостольскаго правила* вполне очевидно, что пастыри Церкви во время своихъ дружественныхъ собраній, а тѣмъ болѣе при посѣщеніи своихъ свѣтскихъ знакомыхъ, отнюдь не должны предаваться винопитію. Нечего и говорить о томъ, насколько унижительно для священнослужителя охмелѣніе отъ излишка выпитаго вина. Но даже и умѣренное употребленіе его безъ нужды пастырями Церкви по возможности не должно быть допускаемо. *Постоянное* же, хотя бы то и очень умѣренное, употребленіе вина, чрезъ повтореніе, какъ показываетъ опытъ, часто доводитъ и до пристрастія къ вину. А тогда... погибла и пастырская дѣятельность, исчезъ и миръ душевный, испорчена и семейная жизнь, пойдетъ въ разстройство и разореніе и хозяйство,—наступитъ вообще непрерывный и безконечный рядъ бѣдъ!..

Итакъ, каждый пастырь долженъ непрестанно помнить, что винопитіе есть порокъ, вполне ясно и прямо указанный въ Свящ. Писаніи (см., напр., Ис. 5, 11; Лк. 21, 34; Ефес. 5, 18 и др.), и потому вино въ домъ священника должно появляться, въ особыхъ случаяхъ, а иногда лишь какъ лѣкарство, по заповѣди св. апостола (1 Тимое. 5, 23).

Въ гораздо большей степени, чѣмъ вино и карты, распространено среди духовенства, какъ въ домашнемъ его быту, такъ въ особенности во время дружественныхъ собраній, куреніе табака.

Не входя въ научное изслѣдованіе вреда привычки курить табакъ, мы рассмотримъ ее съ точки зрѣнія благоповеденія и благоприличія.—Правда, ни въ Свящ. Писаніи, ни въ каноническихъ постановленіяхъ Церкви на куреніе табака, какъ на порокъ, нигдѣ не указывается. И это вполне понятно: первенствующимъ христіанамъ самый табакъ былъ даже не извѣстенъ. Но есть у св. ап. Павла указаніе объ „идоложертвенныхъ приношеніяхъ“, которое читается такъ: „пища не приближаетъ насъ къ Богу; ибо ѣдимъ ли мы, ничего не приобретаемъ; не ѣдимъ ли, ничего не теряемъ. Берегитесь, однако, чтобы эта свобода ваша не послужила соблазномъ для немощныхъ. Ибо если кто-нибудь увидитъ, что ты, *имѣя знаніе*, сидишь за столомъ въ капищѣ, то совѣсть его, какъ немощнаго, не расположитъ ли и его ѣсть идоложертвенное. И отъ знанія твоего погибнетъ немощный братъ, за котораго умеръ Христосъ. А согрѣшая такимъ образомъ противъ братьевъ и уязвляя немощную совѣсть ихъ, вы согрѣшаете противъ Христа. И потому, если пища соблазняетъ брата моего, не буду ѣсть мяса во вѣкъ, чтобы не соблазнить брата моего“ (1 Кор. 8, 8—13). Эти слова св. апостола вполне применимы и къ курящимъ. И прежде всего, развѣ курящіе родители не соблазняютъ своихъ дѣтей? Развѣ эти послѣдніе, видя, что родители ихъ, *имѣя знаніе*, курятъ, не стремятся подражать имъ? А чтобы удовлетворить это свое стремленіе, не приходится ли имъ нерѣдко красть у взрослыхъ табакъ или деньги на покупку его, прятаться, таиться, лгать, божиться и т. п.? Всего этого, думаемъ, отрицать никто не станетъ. Такимъ образомъ, курящій наноситъ тяжкій и часто непоправимый вредъ самымъ близкимъ и дорогимъ для себя лицамъ. *Аще же кто о своихъ, паче же о присныхъ не промышляетъ, вѣры отвергся есть и невѣрнаго горшій есть* (1 Тим. 5, 8).

Соблазняя своихъ присныхъ, курящій пастырь соблазняетъ и вообще *малыхъ сихъ*, вѣренныхъ его духовному водительству темныхъ и невѣжественныхъ простецовъ, которые,

видя, что пастырь ихъ, „имѣя знаніе“, курить, будутъ смотрѣть на куреніе табака, даже, пожалуй, какъ на что-то доброе, „благородное“. Такимъ образомъ выйдетъ уже соблазнъ общественный, преступленіе противъ пастырской присяги, противъ Христа Спасителя, изрекшаго великое наказаніе даже за соблазнъ *единаго отъ малыхъ* (Мѡ. 18, 6). Весьма важнымъ побужденіемъ для пастырей оставить привычку курить табакъ должно служить и то обстоятельство, что враги православія и нашей св. матери Церкви, раскольники и сектанты, зазираютъ этотъ порокъ не только въ духовенствѣ, а и вообще въ православныхъ.

Наконецъ, въ послѣдніе годы и наши архипастыри, эти зоркіе и неусыпные стражи вѣры и благочестія, прямо и властно призываютъ священнослужителей къ оставленію дурной привычки курить табакъ. Вотъ что, напр., пишетъ по этому поводу преосв. Ювеналій, бывшій еп. Курскій: „изъ личныхъ бесѣдъ со многими священнослужителями нашей епархіи, равно какъ и изъ письменныхъ, присылаемыхъ мнѣ жалобъ, со скорбію убѣждаюсь, что нѣкоторые изъ священнослужителей и даже жены ихъ имѣютъ отвратительно дурную и вовсе неприличную для служителей алтаря Господня привычку курить табакъ. Привычка эта, сама по себѣ противная здоровью и здравому смыслу, служитъ, сверхъ того, большимъ соблазномъ для прихожанъ, а въ Евангеліи, какъ всѣ мы знаемъ, Господь возвѣстилъ великое горе тѣмъ, кто производитъ соблазнъ (Мѡ. 18, 6—7); потому и считаю своимъ долгомъ предложить оо. благочиннымъ обратить на это особенное вниманіе и отъ моего имени требовать отъ всѣхъ подчиненныхъ имъ священно- и церковно-служителей, подверженныхъ нравственной болѣзни табако-куренія, чтобы они, имѣя въ памяти свои пастырскія обязанности, изъ страха суда Божія за соблазнъ ближнихъ, понудили себя оставить эту грѣховную привычку. Съ своей стороны, чрезъ эти строки, также усердно прошу о томъ же всѣхъ священно- и церковно-служителей нашей епархіи, имѣющихъ эту гибельную привычку. Конечно, не трава грѣхъ

но пристрастіе грѣхъ, тѣмъ болѣе, что оно даетъ пасомымъ поводъ къ справедливому осужденію своихъ пастырей. *Тако согрѣшающе въ братію, и біюще ихъ совѣсть немощну сушу, во Христа согрѣшаете* (1 Кор. 8 12). Если скажутъ: трудно оставить долговременную привычку,—отвѣчаю: правда, но возможно и должно это сдѣлать ради Бога и Его повелѣній, въ силу своего пастырскаго долга (Кіевск. епарх. вѣд., 1896 г., № 9, стр. 365—6, ч. неоффиц.). И высокопреосв. Θεогность, митр. Кіевскій и Галицкій, предписалъ благочиннымъ и окружнымъ духовникамъ всячески (игру въ карты и табако-курение) братски искоренять, при недѣйствительности же принимаемыхъ мѣръ первыми и увѣщаній со стороны вторыхъ, доносить о неисправныхъ епархіальному начальству“.

Какіе-либо комментаріи къ столь трогательно сердечнымъ призывамъ и положительнымъ предписаніямъ со стороны архипастырей, конечно, излишни.

Карты, вино и табакъ—главнѣйшія немощи, отъ которыхъ пастыри обязаны всѣми силами воздерживаться какъ во время своихъ дружественныхъ собраній, такъ въ особенности при посѣщеніи свѣтскихъ лицъ. Вообще, надо сказать, что священнослужители, по возможности, не должны позволять себѣ всего того, что позволяютъ себѣ люди свѣтскіе, и всегда должны помнить наставленія св. ап. Павла: „все миѣ позволено, но не все полезно; все миѣ позволительно, но не все назидаетъ“ (1 Кор. 6, 12, 10, 23); и его прямой завѣтъ всѣмъ пастырямъ въ лицѣ Тимоѳея: *образъ буди вѣрнымъ словомъ, житіемъ, любовію* (1 Тим. 4, 12).

Чѣмъ же приличнѣе всего заниматься пастырямъ во время дружественныхъ собраній?

Обыкновенно принято за правило и, какъ выражаются, „вѣками освящено“ среди духовенства (не изъ подражанія ли свѣтскимъ?) собираться по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, непременно поздно вечеромъ, и на собраніяхъ этихъ предла-

гать угощеніе, чаще всего покупное, не дешево стоящее и ужь неизбѣжно обильное.—О полномъ несоотвѣтствіи дней воскресныхъ и праздничныхъ для устройства собраній съ характеромъ хотя бы и скромныхъ увеселеній нечего и говорить: *день седмый, суббота,—Господу Богу Твоему*, гласить прямая заповѣдь Божія. Въ такіе дни пастыри Церкви должны отправлять торжественныя вечерни, устраивать религіозно-назидательныя бесѣды и чтенія съ прихожанами и т. п. Не удобно также лишать праздничнаго отдыха какъ прислугу (Колос. 4, 1), такъ и животныхъ (Втор. 25, 4; 1 Кор. 9, 9; 1 Тимое. 5, 18).

Настоятельно необходимо, по нашему разумѣнію, оставить и укоренившійся обычай собираться по ночамъ: это, во-первыхъ, противоестественно. Ночь дана для отдыха, а не для бодрствованія, никакою нуждою не вызываемаго; во-вторыхъ, собираясь по ночамъ сами, что могутъ сказать пастыри противъ ночныхъ сборищъ приходской молодежи? Наконецъ, ночью вообще совершаются главнымъ образомъ дѣла темныя, боящіяся свѣта и людей.

Относительно обильныхъ и дорогихъ угощеній на этихъ собраніяхъ считаемъ достаточнымъ привести миѣніе проф. В. Ѳ. Пѣвницкаго: „могутъ быть собранія,—говоритъ онъ,—безъ отяготительныхъ угощеній, и таковыми они должны быть, если они повторяются періодично, и если хотятъ имѣть характеръ дружескій или товарищескій. Гораздо болѣе свободы будетъ чувствовать хозяинъ, открывающій свой домъ для близкихъ людей, если обычай не будетъ налагать на него обязанности заботиться объ угощеніи ихъ и предлагать имъ больше, чѣмъ сколько требуется для нихъ въ своемъ углу. И гости, собирающіеся къ священнику или къ доброму мірянину, само собою разумѣется, собираются не съ тѣмъ, чтобы на чужой счетъ удовлетворить потребности своей природы болѣе той мѣры, какая предписана имъ благоразуміемъ“ („Священникъ“, стр. 121—122). Къ тѣмъ, которые собираются нарочно ради уго-

щенія, вполне приложимъ вопросъ св. ап. Павла: *еда бо домовъ не имате, во еже ясти и пити?* (1 Корин. 11, 22).

Итакъ, пастыри должны собираться въ дни будничные или по праздниства непремѣнно днемъ, а не по ночамъ, и на своихъ собраніяхъ избѣгать обильныхъ и особенно покупныхъ угощеній, довольствуясь въ этомъ отношеніи лишь самымъ необходимымъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Свищенникъ А. Т—ій.

Къ вопросу объ обезпеченіи духовенства жалованьемъ.

Въ настоящее время очень много пишутъ о необходимости обезпеченія духовенства казеннымъ жалованьемъ, и справедливость требуетъ сказать, что пора измѣнить существующій порядокъ вознагражденія духовенства за совершеніе таинствъ и другихъ требъ, такъ какъ поручная плата за требоисправленіе унижительно для духовенства и нерѣдко является причиною отрицательнаго отношенія пасомыхъ къ своимъ пастырямъ, поводомъ къ насмѣшкамъ, порицанію и глумленію и т. п. Уже одно то обстоятельство, что отовсюду раздаются единодушные голоса по этому больному вопросу, ясно говоритъ, что наступило время подумать о томъ, какъ бы вывести духовенство изъ этого тяжелаго положенія, для многихъ являющагося камнемъ преткновенія на нелегкомъ поприщѣ пастырскаго служенія, а для нѣкоторыхъ даже и причиною уклоненія отъ священства. Но, къ прискорбію, нужно сказать, что вмѣстѣ съ этими громкими голосами за необходимость дать духовенству приличное казенное содержаніе, слышатся и другіе голоса, которые настойчиво утверждаютъ, что жало-

ванья духовенству не нужно. При этомъ одни указываютъ на то, что, когда священники будутъ получать жалованье, по примѣру чиновниковъ, тогда и сами они обратятся въ чиновниковъ; другіе говорятъ, что тогда порвется та внутреняя связь между пастырями и пасомыми, которая существуетъ теперь; третьи опираются на примѣръ и слова св. апостоловъ; четвертые говорятъ, что духовенство ни въ какомъ жалованьи не нуждается, что оно, молъ, и „безъ того хорошо обезпечено: у него есть земля, которая можетъ давать хорошія средства въ жизни, и при этомъ указываютъ на сельскихъ священниковъ, занимающихся обработкою земли и иногда, дѣйствительно, живущихъ безбѣдно и даже богато.

Въ настоящей своей замѣткѣ я и хотѣлъ бы коснуться жизни этихъ пастырей-хлѣбопашцевъ и показать, какою цѣною пріобрѣтается это видимое благосостояніе. Мой родитель принадлежитъ именно къ числу такихъ пастырей, и всѣ свои молодые годы провелъ въ земледѣльческомъ трудѣ, и только теперь, когда уже стало не подъ силу, сдалъ землю въ арендное пользованіе своимъ же крестьянамъ. Кто не знаетъ сельской жизни, кто мало знакомъ съ условіями жизни деревенскаго священника, тому она, пожалуй, покажется привлекательной, а есть и такіе люди, которые даже склонны чуть-ли возводить въ идеаль священниковъ-земледѣльцевъ. Но кто знаетъ эту жизнь, знаетъ, чего стоитъ сельскому священнику это видимое благосостояніе, какую нравственную пытку долженъ переживать священникъ, сколько непосильныхъ хлопотъ и труда выпадаетъ на долю его и его жены и домочадцевъ въ теченіе шести—семи мѣсяцевъ въ году, то невольно откажется, и отъ земли, и отъ тѣхъ продуктовъ, которые даетъ она въ видѣ: хлѣба, гороха, сѣна, а также мяса, молока и т. п. Трудно совмѣщать священнику, въ особенности въ большомъ приходѣ, пастырскія обязанности съ правильнымъ веденіемъ своего земледѣльческаго хозяйства; трудно одновременно и одинаково служить двумъ господамъ. Кромѣ того, зависимость его отъ прихожанъ и въ самой обработкѣ земли

нерѣдко ставятъ священника въ такія положенія, которыя противорѣчаютъ его словамъ, его убѣжденіямъ и являются причиною всевозможныхъ на него нареканій.

Для иллюстраціи этой мысли я нарисую слѣдующую картину изъ своей дѣтской жизни.

Я уже сказалъ, что отецъ мой самъ занимался обработкой земли и слылъ въ своемъ округѣ хорошимъ хозяиномъ. Въ сѣверныхъ уѣздахъ Н-ской губерніи большинство полевыхъ работъ производится прихожанами, которыхъ для этого и созываютъ „на помочь“. „На помочь“ звать ѣздилъ обыкновенно самъ отецъ.—Вотъ напримѣръ, праздничный воскресный день въ концѣ Іюля. Въ это время бываетъ, какъ извѣстно, самая горячая пора въ деревнѣ. Вдругъ подоспѣли всѣ работы: нужно сѣять рожь, жать, доканчивать сѣнокосъ.

Отецъ, придя на короткое время домой изъ церкви послѣ обѣдни, спѣшитъ въ приходъ звать на помочь,—въ одинъ конецъ—звать мужиковъ пахать и боронить, а въ другой—бабъ жать рожь. Въ понедѣльникъ собрались пахари чловѣкъ 35, а иногда и 40.

Дорогъ крестьянину рабочій день въ такое горячее время, когда всѣ полевые работы подоспѣли и идутъ одна за другой. Понимаетъ это мужичекъ, явившійся на помочь на цѣлый день со своею лошадыю, и даетъ это чувствовать. Сознаетъ это и родитель мой и старается ласково обойтись съ каждымъ изъ нихъ и угостить ихъ. И вотъ на обѣдѣ прежде всего собственноручно подноситъ каждому по двѣ рюмки водки, и первую рюмку, по просьбѣ ихъ, выпиваетъ самъ. Затѣмъ садятся за столы. Господи, какое тутъ обиліе кушаній! Тутъ и студень, тутъ и щи съ мясомъ; тутъ и масляная каша, тутъ и пироги со всевозможными начинками и молоко; однимъ словомъ, кушаній столько, сколько не бываетъ у другого крестьянина въ Пасху. Мать и тетушка еще съ вечера наварили, напекли и нажарили всякой всячины, чтобы всѣ были довольны. Кончился обѣдъ; отдохнули мужички и

лошадки и отправились вмѣстѣ съ отцомъ опять въ поле на работу.

Но матери и тетусьѣ некогда отдыхать: они собираютъ, такъ называемую „поужну“, т. е. закуску около 4 часовъ вечера въ полѣ. Нѣсколько корзины съ пирогами, два деревянныхъ ведерка: одно съ творогомъ, а другое съ молокомъ, отправляются съ двумя прислугами въ поле, гдѣ пашутъ. Тамъ прямо на травѣ разстилаются скатерти, раскладываются деревянные ложки, ставятся такія же чашки съ молокомъ, и приглашаются мужички закусывать. Между тѣмъ у насъ въ кухнѣ топится вторично русская печка и готовится ужинъ, который по числу блюдъ долженъ быть еще обильнѣе обѣда. Сколько изводится мяса, масла, сметаны, молока! Если бы все это перевести на деньги, продавъ по тѣмъ цѣнамъ, которыя существуютъ на городскихъ рынкахъ, то, навѣрное, получилась бы довольно внушительная цифра. Но на это не обращается вниманія: мать и тетуська заняты одною мыслию, чтобы мужичковъ накормить хорошенько.—8 часовъ вечера... Пашня подходит къ концу; остается только нѣсколько полосъ не вспаханныхъ... Отецъ разсчитываетъ, что эти полосы спасетъ и работникъ на нашей лошади, приказываетъ заканчивать работу, благодарить за труды и приглашаетъ ужинать. Въ началѣ угощаютъ всѣхъ чаемъ въ одной половинѣ нашей огромной кухни; и затѣмъ переходятъ въ другую половину и усаживаются всѣ за накрытые столы ужинать. Подается до 5 или 6 блюдъ. Отецъ же опять является съ графиномъ водки, опять выпиваетъ первую рюмку и угощаетъ всѣхъ. Но теперь угощаетъ непрерывно въ теченіе всего ужина. Не одинъ разъ осушивается графинъ и наполняется вновь одурманивающимъ напиткомъ. Сосредоточенныя и угрюмыя лица пахарей начинаютъ просвѣтляться; тихій и сдержанный разговоръ въ началѣ ужина переходитъ въ шумный говоръ. Нѣкоторые уже начинаютъ отказываться отъ подносимой рюмки, а пьяницы все пьютъ и пьютъ и напиваются до полного опьяненія.

Наконецъ, подается послѣднее кушанье, т. н. „саломата“¹⁾ съ молокомъ. На средину комнаты выходитъ мать или тетушка, кланяется въ поясъ и извиняется, что больше потчевать нечѣмъ.

Крестьяне встаютъ изъ за стола, молятся Богу и начинаютъ прощаться. Нѣкоторые съ трудомъ держатся на ногахъ. Тутъ уже забыто всякое уваженіе къ священнику: фамиллярно подаютъ руку батюшкѣ и матушкѣ, другіе тутъ же и закуриваютъ свои „цыгарки“. Съ помощью болѣе трезвыхъ сосѣдей запрягаютъ лошадей въ телѣги и направляются къ своимъ домамъ версты за три, за четыре, съ пьянымъ говоромъ и съ пѣснями, которыя въ вечерней тишинѣ раздаются долго и послѣ того, когда уже поѣздъ скроется изъ виду. Такъ заканчивается помочъ. Завтра будетъ то же самое, что и сегодня.

Только завтра соберутся бабы и дѣвушки жать рожь, числомъ 50 или 60 человѣкъ и ихъ будетъ угощать водкой не батюшка, а мать или тетушка съ 2 работницами. Крику будетъ еще больше. Нѣкоторыя бабы напьются до пьяна и будутъ плясать и пойдутъ домой съ громкими пѣснями. Иная бабенка доплетется до дому только къ полуночи, а тамъ грудной ребенокъ, оставленный на дѣвченку—подростка или на дряхлую старуху, перекричался въ ожиданіи матери.

Я помню, что меня ужасно поражало все это, и я не разъ приставала къ отцу и матери съ вопросами, почему же отецъ въ своихъ поученіяхъ въ церкви убѣждаетъ своихъ прихожанъ не пить вина, а самъ угощаетъ ихъ, даже напиваетъ ихъ до опьяненія. И я всегда видѣла страдальческое выраженіе на лицѣ отца, всегда слышала, что безъ водки крестьяне не придутъ и на „помочъ“, и что угощать ихъ виномъ заставляеть необходимость. Нерѣдко при этомъ указы-

¹⁾ Саломата готовится изъ толокна и сметаны и приправляется масломъ.

валось на примѣръ сосѣдняго священника, который не угощаетъ водкой своихъ прихожанъ, а только кормить обѣдомъ, что къ нему на помочь являются только по праздникамъ и то не на цѣлый день, а на полъ-дня.

Да не подумаетъ кто-либо, что я намѣренно сгущаю краски. Нѣтъ, эти грустныя картины мнѣ знакомы съ дѣтства. Угощеніе виномъ крестьянъ, являющихся на помочь, всегда было самымъ больнымъ моимъ мѣстомъ, когда я и подросъ и сталъ учиться въ училищѣ и семинаріи,—больнымъ потому, что и на мою долю перѣдко выпадало несчастіе угощать „помощниковъ“ водкой вмѣсто отца или матери.

Бывало,—радъ, что угодно сдѣлать, лишь бы только не подносить водки; но мать начнетъ просить, и не смѣешь не послушаться, такъ какъ знаешь, что, въ противномъ случаѣ, эту тяжелую обязанность придется исправлять ей самой. Эти помочи положительно отравляли наши лѣтніе каникулы, отравляли тѣмъ, что мы видѣли измученныхъ непосильнымъ трудомъ мать и тетюшку, которымъ приходилось спать не больше 4 или 5 часовъ въ сутки, и которыя должны были почти ежедневно кормить по нѣсколько десятковъ человѣкъ чужого народа; что мы чувствовали тѣ нравственныя пытки, которыя переживалъ отецъ, у котораго слово расходилось съ дѣломъ, и что, наконецъ, мы являлись невольными свидѣтелями и даже виновниками народнаго пьянства въ домѣ священника, который и словомъ и примѣромъ своей жизни долженъ быть образцомъ воздержанія и трезвости.

Много разъ я и братья мои заводили съ своими родителями разговоръ о томъ, чтобы они сдали землю въ аренду, на что намъ они, обыкновенно, отвѣчали, что тогда и жить будетъ нечѣмъ, не на что будетъ содержать насъ въ училищѣ и семинаріи, т. к. приходъ хотя и многолюдный, не давалъ и 400 р. дохода на весь трехчленный причтъ (священникъ, псаломщикъ и пономарь). Доволь у родителей моихъ были силы, они такъ и мучились всю свою жизнь, не зная ни покоя, ни отдыха, никакого удовольствія. И только недавно,

когда настъ трое старшихъ сыновей, окончили семинарскій курсъ и поступили на мѣста, и на ихъ попеченіи остались два младшихъ сына, и когда ихъ силы ослабѣли, они рѣшились разстаться съ землей и отдать ее въ аренду своимъ же прихожанамъ. Въ настоящее время хлѣба только хватаетъ на прожитіе, а продавать уже не приходится ни одного зерна; а раньше продавалось рублей на 200, а иногда и больше.

И бы хотѣлъ спросить у всѣхъ защитниковъ существующей системы матеріальнаго содержанія духовенства, неужели нормаленъ такой порядокъ, неужели въ этомъ призваніе священника, чтобы большую часть года быть занятымъ одною землею, не имѣя возможности въ теченіе 6 или 7 мѣсяцевъ даже взять книги въ руки, т. к. присутствіе священника, какъ добраго хозяина, постоянно необходимо въ полѣ, на сѣнокосѣ, на дворѣ, въ гумнѣ, въ амбарѣ?—Намъ скажутъ, что можно и не созывать прихожанъ на помочи, а обрабатывать землю наемными руками. Да, это можно было бы тогда, когда земля была бы болѣе плодородною, какъ напр. на югѣ, или рабочія руки были дешевле. Но при существующихъ высокихъ цѣнахъ на рабочія руки и при той скудости почвы, которою отличается нашъ сѣверъ Россіи, обработка земли наемными рабочими обойдется развѣ немного дешевле того, что священнику даетъ земля.

Затѣмъ, по отзыву всѣхъ опытныхъ священниковъ и сельскихъ хозяевъ, земля тогда только и представляетъ доходную статью, когда священникъ самолично будетъ входить во всѣ хозяйственныя мелочи, будетъ съ любовію заниматься ею и, главное, хорошо понимать сельское хозяйство. Но при современныхъ условіяхъ жизни и тѣхъ требованіяхъ отъ священника, которыя налагаются на него епархіальнымъ начальствомъ и обществомъ, такая жизнь, безъ ущерба прямому пастьерскому дѣлу, почти невозможна. Нѣтъ, прошло то время, когда духовенство спокойно жило, занимаясь хозяйствомъ, и когда интересы его не выходили изъ узкихъ рамокъ крестьянской жизни, когда не было ни школъ, ни внѣбогослужебныхъ

собесѣдованій, когда духовенство не было обременено тою массою канцелярской работы, требующей времени, внимательности и аккуратности, когда къ духовенству начальство и пастыри не предъявляли тѣхъ требованій, какія предъявляются теперь, съ развитіемъ грамотности и просвѣщенія. Чтобы крѣпко держать въ іерейскихъ рукахъ знамя незыблемаго, истиннаго православія и съ пользою проходить великое пастырское служеніе въ настоящій вѣкъ индифферентнаго и часто враждебнаго отношенія въ православной Церкви, въ вѣкъ маловѣрія и увлеченія всевозможными неправыми ученіями, священнику надо заниматься побольше умственнымъ трудомъ, чтобы быть готовымъ выступить на борьбу во всеоружіи богословскихъ знаній,—а не земледѣльчествомъ.

Я не отвергаю въ принципѣ пользы земледѣльческаго труда, труда святого и прекраснаго, но настаиваю на томъ, чтобы земля для пастыря была второстепеннымъ дѣломъ, а на первомъ планѣ стояли-бы пастырскія обязанности, умственные интересы и добрый примѣръ жизни. А это возможно тогда, когда духовенство будетъ матеріально обезпечено и не будетъ находиться въ той зависимости отъ прихожанъ, въ какой находится въ настоящее время.

Свящ. А. В—й.

ЗАМѢТКА.

Въ № 5-мъ журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“ за текущій годъ, въ статьѣ: „Изъ дневника священника“ достопочтенный о. К. Аггеевъ изъявляетъ желаніе притти на помощь намъ, сельскимъ священникамъ, въ нашей пастырской дѣятельности. Благое желаніе! Да поможетъ ему Господь Богъ въ томъ!

Дѣйствительно, положеніе очень многихъ сельскихъ священниковъ, если не всѣхъ, въ глуши, безъ интеллигентнаго

общества, безъ книгъ, при необезпеченности матеріальной, таково, что духовенство это нуждается въ помощи.

Многіе изъ насъ, сельскихъ священниковъ, по выходѣ изъ семинаріи, имѣютъ въ мечтахъ своихъ „хорошія стремленія“, думаютъ привнести *новое* въ жизнь; но жизнь эта слагается такъ, что всѣ „хорошія стремленія“ забываются, заглушаются безъ посторонней поддержки. Вотъ эту-то, именно, поддержку и можетъ оказать намъ городское духовенство, которое поставлено въ совѣзмъ другія условія.

Совершенно справедливо говорить о. К. Аггеевъ, что „несравнимая выгода положенія городского духовенства—совокупная жизнь многихъ священниковъ, а также близость и общедоступность всевозможныхъ книжныхъ сокровищъ, какія являются для однихъ вдохновителями, для другихъ выразителями ихъ *сгедо*“. *Имъ*, значить, городскимъ священникамъ, какъ говорится, *и книги въ руки*. Необходимость и важность такого пособія сельскому духовенству со стороны духовенства городского ясно выражена преосв. Никодимомъ, еп. Приамурскимъ (см. „Церк. Вѣдомости“, № 3, 1902 г.). Онъ обратился къ Благовѣщенской духовной консисторіи съ такимъ предложеніемъ: „при крайне разбросанномъ составѣ пастырей въ нашей обширной, раскинутой на тысячи верстъ, епархіи для болѣе единообразнаго пастырскаго дѣйствованія и вообще для оживленія пастырской и законоучительской дѣятельности, было бы въ высшей степени полезно, чтобы приходскіе священники чаще совѣщались между собою, дѣлились бы другъ съ другомъ каждый своимъ опытомъ, впечатлѣніями и недоумѣніями и совокупно вырабатывали бы мѣры и способы къ единодушному и, по возможности, единообразному дѣйствованію въ пастырскомъ отношеніи и т. д. Въ виду этого, я признаю необходимымъ и полезнымъ учредить въ г. Благовѣщенскѣ особую комиссію изъ опытныхъ, конечно, городскихъ священниковъ, въ которую всѣ священники епархіи могли бы присылать свои недоумѣнія, вопросы и проекты мѣръ и способовъ пастырскаго дѣйствованія и благоустройства цер-

ковно-приходской жизни, для предварительнаго ихъ разсмотрѣнія, разработки, и систематизированія, а затѣмъ и представленія ихъ съ своимъ мнѣніемъ, но особенно важнымъ изъ нихъ, на епархіальные съѣзды депутатовъ или о.о. благочинныхъ и т. д. на утвержденіе епархіальнаго начальства“.

Вотъ какимъ способомъ городское духовенство можетъ оказать содѣйствіе намъ, сельскимъ священникамъ, и вообще сельскому духовенству. Настоятъ необходимость, чтобы такія комиссіи учреждены были въ каждомъ епархіальномъ городѣ.

Здѣсь нужно сказать, что епархіальное начальство обременено массою текущихъ дѣлъ (напр., въ нѣкоторыхъ епархіяхъ бываетъ по консисторіи болѣе 20,000 „дѣлъ“), да оно можетъ и не знать всего того, на что бы нужно обратить вниманіе—жизнь такъ сложна и разнообразна....

А потому, комиссіи, предлагаемыя преосв. Никодимомъ, могли бы оказать громадную и весьма существенную и важную помощь въ епархіальномъ управленіи. Хотя наши епархіи и не такъ пространны, какъ Пріамурская, но все же онѣ и не малы, по густотѣ же населенія, конечно, другія епархіи превосходятъ Сибирскія. А гдѣ гуще населеніе, понятно, тамъ и больше представляется жизнію вопросовъ, которые могутъ быть рѣшены только коллективно.

Комиссія могла бы заняться, между прочимъ, разсмотрѣніемъ поученій духовенства, изданіемъ лучшихъ изъ нихъ, а также изданіемъ книжекъ для народнаго чтенія, въ чемъ чувствуется въ настоящее время большая потребность, особенно изданіемъ житій мѣстнотимыхъ угодниковъ, описаніемъ чудотворныхъ иконъ и т. п. Кстати, весьма хорошо было бы при каждахъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ открыть особый *отдѣлъ народнаго чтенія*: вѣдь епархіальныя вѣдомости издаются, такъ сказать, на средства народа, а потому, по всей справедливости, должны же дать хоть что либо народу.—Вотъ тутъ-то и можетъ быть особенно полезно городское духовенство; это его дѣло, и лучше всего, если будетъ организовано для этого коллегіальное учрежденіе—не официальное, а до-

бровольное, изъ лицъ, вполнѣ сочувствующихъ дѣлу и вполнѣ подготовленныхъ къ нему.

Вотъ тѣ немногія мысли, на которыя невольно навела меня статья почтеннаго о. Аггеева: „Изъ дневника священника“.

Свящ. *Василій Дроздовъ*.

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Д. Семинаріи, Архимандритъ Θεодосій.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 18 апрѣля 1902 г.

Цензоръ, экстра-орд. проф. Акад. прот. *Г. Корольковъ*.

Кіевъ. Университетская типографія Авц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLIII.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 17.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1902 года, апрѣля 28-го.

Содержаніе: Изъ педагогіи графа Л. Н. Толстого. (Критическій анализъ съ христіанской точки зрѣнія).—О пастырскомъ взаимообщеніи. (По поводу архипастырскихъ обзоровъ епархіи).—Книга „Требникъ“ и ея значеніе въ жизни православнаго христіанина. (По поводу новѣйшихъ воззрѣній на эту книгу).

Изъ педагогіи графа Л. Н. Толстого.

(Критическій анализъ съ христіанской точки зрѣнія).

Среди того немногаго, что сдѣлано въ нашей педагогической литературѣ для принципіальнаго рѣшенія вопросовъ воспитанія, не обошлось безъ опыта радикально отрицательнаго направленія. Такова оригинальная педагогія графа Л. Н. Толстого.

Еще въ 60-хъ годахъ нашъ великій писатель, можно сказать, весь отдался заинтересовавшимъ его вопросамъ воспитанія: рѣшалъ ихъ не только въ теоріи, но, для провѣрки своихъ выводовъ, открылъ у себя въ Ясной Полянѣ (Крапивенскаго уѣзда, Тульской губерніи) школу, въ которой самъ

непосредственно заправлялъ всѣмъ ходомъ обученія крестьянскихъ дѣтей. Результаты не замедлили тогда-же явиться въ печати, и такимъ образомъ, вмѣстѣ съ статьями позднѣйшаго времени, образовался довольно большой отдѣлъ въ литературныхъ произведеніяхъ Толстого—спеціально педагогическаго характера ¹⁾).

Популярность Толстого извѣстна: имя его облетѣло весь культурный міръ. Но никогда интересъ къ личности и воззрѣніямъ нашего писателя не достигалъ такого широкаго развитія, какъ въ настоящее время. Причины тому различныя, и нѣтъ необходимости обсуждать ихъ здѣсь; но мы считаемъ вполне благовременнымъ именно теперь, когда замѣчается особенное стремленіе къ возможно полному анализу всего, что связано съ именемъ Толстого, произвести оцѣнку и педагогическихъ воззрѣній его. Насъ интересуесть основная или принципиальная часть въ нихъ, вызывающая обсужденіе съ христіанской точки зрѣнія.

Въ основаніи воспитанія, въ какой бы формѣ мы ни взяли его, по словамъ Толстого, „лежитъ одинъ и тотъ же принципъ: признанное за однимъ человѣкомъ, или небольшимъ собраніемъ людей право дѣлать изъ другихъ людей такихъ, какихъ имъ хочется“ ²⁾. Между тѣмъ, существуетъ ли такое право? „Вопросъ поставленъ такъ, говорить Толстой: имѣеть ли нѣтъ одинъ человѣкъ право на воспитаніе другого?“. И рѣшеніе должно быть категорически опредѣленнымъ: „нельзя отвѣчать—нѣтъ, но однако-же... Необходимо отвѣчать: да или нѣтъ“ ³⁾. Такой рѣшительный отвѣтъ на этотъ вопросъ и даетъ самъ Толстой: „воспитаніе говоритъ онъ, какъ умышенное формированіе людей по извѣстнымъ образцамъ, не плодотворно, незаконно и невозможно... *Права воспитанія не существуетъ...*

¹⁾ Въ IV-й части сочиненій Л. Н. Толстого (изд. 7, М., 1887 г.) оцѣ занимаютъ стр. 1—455.

²⁾ Сочиненія, ч. IV, стр. 123 (изд. 1887 г.).

³⁾ Тамъ-же, стр. 117.

Воспитаніе есть возведенное въ принципъ стремленіе къ нравственному деспотизму..., явленіе, доказывающее неразвитость человѣческой мысли“¹⁾).

Какъ видимъ, взглядъ на предметъ устанавливается вполне опредѣленный, въ формѣ самой категорической. Но гдѣ же основанія для такого оригинальнаго рѣшенія вопроса? Зданіе педагогики покоится на двухъ столбахъ: это—этика и психологія. Слѣдовательно, и разрушить его легче всего—пошатнуть эти его опоры. Попытку въ этомъ направленіи мы и находимъ у Толстого.

По мнѣнію нашего писателя, человѣчество до сихъ поръ не имѣетъ опредѣленныхъ, вполне сложившихся идеаловъ, которые могли бы служить конечною цѣлью для воспитанія. Что такое наилучшій человѣкъ, мы не знаемъ. „Всѣ философы отыскиваютъ законы добра и зла; отыскавъ эти законы, они, касаясь педагогики..., заставляютъ образовывать родъ человѣческой по этимъ законамъ. Но каждая изъ этихъ теорій, въ ряду другихъ теорій, является неполною... Всякій мыслитель выражаетъ только то, что сознано его эпохой... Платонъ не сомнѣвается въ истинахъ своей этики... Шлейермахеръ говоритъ, что этика еще наука не законченная“..., и все это отражается и въ ихъ теоріяхъ воспитанія²⁾). Между тѣмъ, такъ не должно быть: если всѣ идеалы этики философской имѣютъ лишь временное, а не абсолютное значеніе, то и класть ихъ въ основу воспитанія нельзя.

Но можетъ быть, большую силу должны имѣть тѣ идеалы, какіе предлагаетъ этика религіозная, а именно—христіанская. Категорическій отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ у Толстого уже въ позднѣйшее время. Религіозное воспитаніе—это обманъ, сознательный обманъ взрослыми людьми дѣтей, отражающійся крайне губительно на дѣтской душѣ. Это—„пріемъ обмана вѣры, говоритъ Толстой, самый жесто-

¹⁾ Тамъ-же, стр. 115—116.

²⁾ Тамъ-же, стр. 7—8.

кій, потому что онъ состоитъ въ томъ, что ребенку, спрашивающему у старшихъ... о томъ, что такое этотъ міръ и его жизнь..., отвѣчаютъ не то, что думаютъ и знаютъ эти старшіе (?), а то, что думали люди, жившіе тысячи лѣтъ тому назадъ, и во что никто изъ большихъ уже не вѣритъ и не можетъ вѣрить (?). вмѣсто духовной, необходимой ему пищи, о которой просить ребенокъ, ему дается *убыщій его здоровье ядъ*, отъ котораго онъ можетъ исцѣлиться только величайшими усилями и страданіями“¹⁾. Въ этихъ строкахъ вполнѣ выразился категорическій отрицательный взглядъ Толстого на религіозное воспитаніе: это сознательный обманъ, отравляющій дѣтскую душу. Да иначе Толстой и не могъ рѣшить этого вопроса—въ силу закона послѣдовательности: такого рѣшенія требовала его „этика“, какъ выразилась она уже въ 60-хъ годахъ.

Основная мысль этой „этики“—отсутствіе и даже невозможность законченныхъ нравственныхъ идеаловъ съ абсолютнымъ значеніемъ—слишкомъ ясно и твердо проведена въ его педагогическихъ статьяхъ. Идеалы эти находятся въ процессѣ постояннаго развитія, который совершается *безсознательно*, независимо отъ воли отдѣльныхъ личностей, всѣмъ человѣчествомъ. „Мы убѣждены, говоритъ Толстой, что сознаніе добра и зла, независимо отъ воли человѣка, лежитъ во всемъ человѣчествѣ и развивается безсознательно вмѣстѣ съ исторіей“²⁾. Оно есть, слѣдовательно, и въ каждомъ молодомъ поколѣніи, которое подобно всякому другому неизбѣжно должно пройти свой путь проясненія для себя этого сознанія, каковой оно и пройдетъ непремѣнно, совершенно независимо отъ нашихъ воздѣйствій въ этомъ отношеніи: мы, взрослое поколѣніе, не въ силахъ ни помочь, ни помѣшать ему въ этомъ. Своею, якобы, помощью мы скорѣе приносимъ лишь вредъ, тормозимъ естественный ходъ развитія міровыхъ идеаловъ.

¹⁾ См. „Миссіон. Обзор.“, 1901 г., № 2, стр. 246.

²⁾ Сочин., ч. IV, стр. 30.

Такова этика графа Толстого. Очевидно, что на такой основѣ не можетъ быть построена никакая прочная теорія воспитанія, понимаемаго въ обычномъ смыслѣ слова. Перейдемъ къ его психологiи.

„Воспитывая, образовывая, развивая, или какъ хотите дѣйствуя на ребенка, говоритъ Толстой, мы должны имѣть и имѣемъ безсознательно одну цѣль—достигнуть наибольшей гармоніи въ смыслѣ правды, красоты и добра“. При этомъ мы, конечно, „видимъ свой идеаль *впереди*“. Между тѣмъ, такъ ли это? Можетъ быть, онъ уже данъ дѣтской душѣ, заложенъ здѣсь самою природой? „Здоровый ребенокъ говоритъ Толстой, родится на свѣтъ, вполне удовлетворяя тѣмъ требованіямъ безусловной гармоніи въ отношеніи правды, красоты и добра, которыя мы носимъ въ себѣ... Во всѣхъ вѣкахъ и у всѣхъ людей ребенокъ представлялся образомъ невинности, безгрѣшности, добра, правды и красоты. Человѣкъ родится совершеннымъ—есть великое слово, сказанное Руссо, и слово это какъ камень, останется твердымъ и истиннымъ“¹⁾.

Если такова природа дѣтской души, то возрастаніе и развитіе ея силъ нужно предоставить ей самой, тѣмъ естественнымъ законамъ, которымъ необходимо подчиняется все живущее. Всякое воздѣйствіе съ нашей стороны, въ смыслѣ сознательнаго направленія духовныхъ силъ питомца въ ту или иную сторону, не только не можетъ быть полезнымъ здѣсь, но должно быть признано прямо вреднымъ: Именно оно-то является причиной постепенной утраты всякимъ подрастающимъ ребенкомъ своего первоначальнаго совершенства. „Ребенокъ живетъ, каждая сторона его оущества стремится къ развитію, перегоня одна другую“... И вотъ, мы стараемся содѣйствовать этому развитію... Ребенка развиваютъ все дальше и дальше, и все дальше и дальше удаляются отъ бывшаго и уничтоженнаго первообраза, и все невозможнѣе и

¹⁾ Тамъ-же, стр. 230—231.

невозможи́те дѣлается достиженіе воображаемаго первообраза совершенства взрослого человѣка. *Идеалъ нашъ сзади, а не впереди*“¹⁾).

Отъ этого идеала мы, взрослые люди, ушли слишкомъ далеко. Почему? потому что все то, чѣмъ такъ гордится человечество, что считаетъ оно признакомъ и доказательствомъ своего духовнаго роста, развитія, такъ называемаго прогресса, вся наша культура и цивилизація, науки, искусства, всё видимыя улучшенія жизни—все это, по мнѣнію Толстого, ложно, испорчено въ самомъ корнѣ своемъ, все это идетъ по ложному пути, противно и духовной и физической природѣ человѣка.

Какое бы явленіе изъ области этого прогресса ни взяли мы, оно, по мнѣнію Толстого, всегда будетъ служить только подтвержденіемъ этого взгляда его. Телеграфы, книгопечатаніе, желѣзныя дороги, повидимому, приносятъ пользу; но польза эта лишь кажущаяся: для громаднаго большинства, для всего народа они не только не нужны, но даже прямо вредны. Напр., распространеніе книгопечатанія, а вмѣстѣ съ нимъ и грамотности всегда считается несомнѣннымъ благомъ для всего народа. Между тѣмъ, такъ ли это? „Книгопечатаніе, грамотность и то, что мы называемъ образованіемъ, суть коренныя суевѣрія религіи прогресса“, говоритъ Толстой. Польза отъ нихъ—только „для писателей, редакторовъ, издателей, корректоровъ и наборщиковъ“²⁾. Что же касается народа, то „всякій добросовѣстный судья, не одержимый вѣрою прогресса, признается, что выгодъ книгопечатанія для народа не было“. Почему?—потому-что „ни пахать, ни дѣлать квасъ, ни плестъ лапти, ни рубить срубы, ни пѣть пѣсни, ни даже молиться—не учится и не научился народъ изъ книгъ“³⁾.

То же самое представляетъ, по мнѣнію Толстого, и та обширная область прогресса высшаго порядка, въ которой

¹⁾ Тамъ-же, стр. 233.

²⁾ Тамъ-же, стр. 179.

³⁾ Тамъ-же, стр. 181.

проявилась творческая дѣятельность лучшихъ человѣческихъ силъ и дарованій,—область наукъ и искусствъ. И здѣсь—непригодность, ненужность и даже непонятность произведеній культурнаго человѣка для громаднаго большинства людей. Среди своихъ „жреческихъ занятій“ люди науки даже не видятъ, что нужно народу. „Какимъ топоромъ, какимъ топорщикомъ выгоднѣе что рубить; какая пила самая спорая; какъ мѣсить лучше хлѣбы—изъ какой муки, какъ ставить ихъ, какъ топить, строить печи; какая пища, какое питье, какая посуда самая удобная и выгодная въ данныхъ условіяхъ..., про это наука никогда и не думала. А вѣдь все это дѣло науки“¹⁾. То же и въ области искусства: самыя лучшія, по нашему мнѣнію, произведенія его совершенно непонятны для народа. Напр., „картина Иванова (явленіе Господа Иисуса Христа народу) возбудить въ народѣ только удивленіе предъ техническимъ мастерствомъ, но не возбудить никакого ни поэтическаго, ни религіознаго чувства... Квартетъ Бетховена послѣдней эпохи представится непріятнымъ шумомъ... Лучшее произведеніе нашей поэзій, лирическое стихотвореніе Пушкина представится наборомъ словъ, а смыслъ его презрѣнными пустяками“²⁾.

Такіе факты, по мнѣнію Толстого, служатъ показателемъ не малоразвитости народа, какъ то принято думать, а ложности направленія и нашей науки и нашихъ искусствъ, какъ и всей культуры вообще. „Знанія эти и искусства *не тѣ, которыя нужны вообще*“... Они „*нехороши, ненормальны*... Пушкинъ и Бетховенъ нравятся намъ не потому, что въ нихъ есть абсолютная красота, но потому, что мы такъ же испорчены, какъ Пушкинъ и Бетховенъ“³⁾...

Такими мрачными чертами изображаетъ Толстой состояніе всего культурнаго человѣчества. Вездѣ, по всѣмъ на-

¹⁾ Сочин., ч. XII, стр. 398—399.

²⁾ Сочин., ч. IV, стр. 354.

³⁾ Тамъ-же, стр. 352, 353, 356.

правлениямъ этой культуры, ложь и извращенность. Какое же право, послѣ этого, имѣемъ мы, взрослые люди, прививать эту нашу жизнь, всѣ эти наши ложные идеалы каждому новому поколѣнію? „Учить и воспитывать ребенка, говорить Толстой, нельзя и бессмысленно по той простой причинѣ, что ребенокъ стоитъ ближе меня, ближе каждому взрослому къ тому идеалу гармоніи правды, красоты и добра, до котораго я, въ своей гордости, хочу возвести его. Сознаніе этого идеала лежитъ въ немъ сильнѣе, чѣмъ во мнѣ“¹⁾. Но въ такомъ случаѣ—зачѣмъ же, почему воспитываютъ всѣ эти испорченные взрослые люди своихъ и чужихъ дѣтей, разъ они знаютъ, что послѣднія всегда лучше ихъ? Какъ объяснить этотъ странный фактъ? „Я убѣжденъ, отвѣчаетъ Толстой, что воспитатель только потому можетъ съ такимъ жаромъ заниматься воспитаніемъ ребенка, что въ основѣ этого стремленія лежитъ зависть къ чистотѣ ребенка и желаніе сдѣлать его похожимъ на себя, т. е. больше испорченнымъ“... Это—„стремленіе бѣднаго отнять богатство у богатаго, чувство зависти стараго при взглядѣ на свѣжую и сильную молодость, —чувство зависти, возведенное въ принципъ и теорію“²⁾.

Какъ видимъ, отрицательный путь пройденъ нашимъ педагогомъ-критикомъ до конца: дальше, кажется, идти некуда. Однако, въ такомъ важномъ, глубоко жизненномъ вопросѣ, какъ воспитаніе, покончить все дѣло однимъ отрицаніемъ никакъ нельзя. Воспитаніе есть фактъ, причины котораго, по признанію самого Толстого, лежатъ въ человѣческой природѣ³⁾. Естественно поэтому, что отвергнувъ воспитаніе, какъ оно есть и какъ понимается обыкновенно, нужно рѣшить и другую сторону вопроса: показать, какимъ должно быть замѣнено это подлежащее устраниенію воспитаніе. Толстой отвѣчаетъ на этотъ вопросъ такъ.

¹⁾ Тамъ-же, стр. 233.

²⁾ Тамъ-же, стр. 115.

³⁾ Тамъ-же, стр. 119—120.

Нужно различать воспитаніе отъ образованія. „Воспитаніе есть *принудительное, насильственное* воздѣйствіе одного лица на другое съ цѣлью образовать такого человѣка, который намъ кажется хорошимъ; а образованіе есть *свободное* отношеніе людей, имѣющее своимъ основаніемъ потребность одного пріобрѣтать свѣдѣнія, а другого—сообщать уже пріобрѣтенное имъ... Различіе воспитанія отъ образованія только въ насиліи... Воспитаніе есть образованіе насильственное. Образованіе свободно“¹⁾. Въ широкомъ смыслѣ, образованіе „составляетъ совокупность всѣхъ тѣхъ вліяній, которыя развиваютъ человѣка, даютъ ему болѣе обширное міросозерцаніе, даютъ ему новыя свѣдѣнія. Дѣтскія игры, страданія, наказанія родителей, книги, работы, ученье, насильственное и свободное, искусства, науки, жизнь—все образовываетъ. Итакъ, не воспитаніе—этотъ актъ насилія взрослого человѣка надъ юною душою, а образованіе, какъ свободное пріобрѣтеніе этою душою знаній изъ всевозможныхъ источниковъ и свободное развитіе ея, единственно „законно и справедливо“²⁾. Въ основѣ его лежитъ присущее человѣку стремленіе къ равенству знаній,—„стремленіе образовывающагося къ равенству въ знаніи съ образовывающимъ“³⁾. Отсюда—задача послѣдняго заключается лишь въ томъ, чтобы передать знанія, какія онъ имѣетъ, молодому уму, ищущему ихъ. Какъ только это сдѣлано и, слѣдовательно, въ этомъ отношеніи равенство обѣихъ сторонъ достигнуто, дѣятельность образовывающаго прекращается.

Но какія же знанія и въ какой формѣ нужно передавать молодому поколѣнію? По мнѣнію Толстого, истинный критерій образованія не найденъ, чему и какъ учить, мы не знаемъ. Поэтому все дѣло образованія должно быть представлено своему свободному, естественному теченію: „един-

¹⁾ Тамъ-же, стр. 114.

²⁾ Тамъ-же, стр. 149.

³⁾ Тамъ-же, стр. 193—200; сравн. стр. 31.

ственный критеріумъ педагогіи есть *свобода*, единственный методъ есть *опытъ*¹⁾. Въ этой свободѣ заключается наилучшее мѣрило всѣхъ методовъ; въ ней же—единственно вѣрный путь къ правильной оцѣнкѣ и самаго того учебнаго матеріала, какой предлагается учащимся. Поэтому, чѣмъ больше въ дѣлѣ образованія свободы, тѣмъ лучше: тѣмъ скорѣе попадетъ оно на вѣрный путь и достигнетъ своей цѣли. Нужно предоставить учащимся полную свободу воспринять только то, что они хотятъ, и настолько, насколько хотятъ. „Школа не должна считать ни одну науку, ни цѣлый сводъ наукъ—необходимыми, а должна передавать тѣ знанія, которыми владѣеть, предоставляя учащимся право воспринимать или не воспринимать ихъ“. Пытаться предвидѣть послѣдствія науки, результаты ея вліянія на личность ученика—въ задачу школы не должно входить. Ея дѣло только передача знаній, науки, а наука, сама по себѣ, по мнѣнію Толстого, никакого воспитательнаго элемента въ себѣ не заключаетъ²⁾.

Наилучшими образцами такого свободно-образовательнаго вліянія могутъ служить публичныя лекціи и музеи, выучиваніе грамоты отъ товарищей и братьевъ, народныя дѣтскія игры, публичныя зрѣлища, райки, картины и книги, сказки и пѣсни, работы³⁾. Въ общемъ смыслѣ, все это также можетъ быть названо школой. Но та же свобода должна лечь въ основу и всякой обыкновенной школы, конечно радикально измѣнивъ при этомъ весь нынѣшній строй ея. И какъ на доказательство, что это дѣло возможное, вполне осуществимое на практикѣ, Толстой указываетъ на свой опытъ въ Ясной Полянѣ. Эта его школа была основана всецѣло на принципѣ свободы, понимаемой въ самомъ широкомъ смыслѣ. Начала этой свободы проникали всю жизнь школы; печать ея лежала на всемъ, начиная съ того, какъ

¹⁾ Тамъ-же, стр. 417; сравн. стр. 29.

²⁾ Тамъ-же, стр. 151—154, 157.

³⁾ Тамъ-же, стр. 151—152.

располагались и вели себя ученики въ классѣ и оканчивая содержаніемъ уроковъ и пріемами преподававшихъ ихъ учителей. Все здѣсь было предоставлено своему естественному теченію...

Въ такомъ видѣ представляется намъ эта своеобразная педагогія нашего писателя. Что сказать о ней: какую цѣну можетъ имѣть она?

(Окончаніе будетъ).

Н. Маккавейскій.

О пастырскомъ взаимоотношеніи¹⁾.

(По поводу архипастырскихъ обзоровъ епархіи).

На пастырскихъ дружественныхъ собраніяхъ первое и главное мѣсто должно занять все то, что можетъ способствовать пастырскому самообразованію. Служеніе пастырей Церкви никогда легкимъ не было да и быть таковымъ не можетъ. Въ наше же время оно въ особенности сопряжено съ большими трудностями и требуетъ множества свѣдѣній и познаній отъ священнослужителей. На Церковь Божию ополчаются нынѣ со всѣхъ сторонъ люди разныхъ классовъ и сословій, званій и состояній. А потому, каждый пастырь неустанно долженъ готовиться не только „дать отвѣтъ съ кротостью и благоговѣніемъ всякому, требующему отчета въ нашемъ упованіи“ (1 Петр. 3, 15), но и къ тому, чтобы быть въ состояніи вполнѣ неустрашимо, твердо и основательно „угасить всѣ раскаленные стрѣлы лукаваго“ (Ефес. 6, 16), направляемая имъ нынѣ тьмами темъ на Церковь Христову и ея служителей.

О настоятельной и постоянной необходимости для пастырей самообразованія проф. В. Θ. Пѣвницкій говоритъ: „какъ

¹⁾ См. № 16 за 1902 г.

учитель и руководитель народа, священникъ долженъ сообщать другимъ отъ полноты своей вѣры и своего знанія то, что имъ нужно для ихъ наученія. Школа могла дать достаточное содержаніе его душѣ изъ области богословія. Но и это содержаніе можетъ изсякнуть если онъ не будетъ стараться обновлять и оживлять его, и вмѣстѣ съ тѣмъ его можетъ быть и недостаточно для удовлетворенія тѣмъ потребностямъ, съ какими обращаются къ нему ищущіе религіознаго назиданія и просвѣщеннаго слова вѣры, если онъ будетъ пробавляться только тѣмъ, что вынесъ изъ школы. Время несетъ постоянно нѣчто новое, и иные вопросы, даваемые теченіемъ жизни, могли быть и не памѣчены въ школѣ; а между тѣмъ на нихъ требуется отвѣтъ отъ религіознаго руководителя народа“ („Священникъ“, стр. 109).

Къ самообразованію, оживленію и восполненію своихъ знаній призываются пастыри и прямыми распоряженіями своихъ архипастырей (Кіевск. еп. вѣд., 1902 г., № 1, ч. офф., стр. 25—26).

Какъ же пастыри во время своихъ дружественныхъ собраній могутъ споспѣшествовать своему самообразованію?— Намъ кажется, что наилучшимъ способомъ къ этому былъ бы слѣдующій: пусть нѣсколько сосѣдей—священниковъ напередъ условятся, какой каждому изъ нихъ духовный журналъ выписать въ текущемъ году. При нынѣшнемъ обиліи и содержательности духовныхъ журналовъ сдѣлать выборъ, при самомъ широкомъ разнообразіи, никакого затрудненія представиться не можетъ. Кромѣ журналовъ, тѣ изъ священниковъ, у которыхъ найдутся средства, должны выписывать и лучшія сочиненія по разнымъ отраслямъ богословской науки, въ особенности же, конечно, сообразно духу нашего времени, апологетико-миссіонерскія. Изъ выписываемыхъ журналовъ и сочиненій (а также и изъ имѣющихся уже въ бібліотекахъ при церквахъ) каждый долженъ выбрать, по своему усмотрѣнію, статью или отдѣлъ, вполне усвоить выбранное, всесторонне обдумать и обслѣдовать его и на пастырскомъ собраніи изложить предъ

собратіями въ живой рѣчи. Какое въ этомъ случаѣ широкое поле для самообразованія откроется! Сколько свѣдѣній приоб- рѣтетъ каждый участникъ собранія—и приобрѣтетъ безъ осо- беннаго труда и съ громаднѣйшею пользою!... Разумѣется, и самыя собранія такія должны быть организованы правильно, т. е. должна быть установлена очередь, и назначено напередъ время, когда и у кого устроить каждое новое собраніе.— Вполнѣ понятно также, что на такихъ собраніяхъ долженъ царить вполнѣ братскій и къ общей пользѣ направленный тонъ: каждый собесѣдникъ долженъ отнестись съ полнымъ вни- маніемъ къ сообщеніямъ собратій и съ своей стороны прило- жить все усилія къ тому, чтобы сообщать именно полезное для пастырства и Церкви, а не блистать лишь своею начи- танностью и эффектами краснорѣчія (1 Кор. 4, 6).

По тѣмъ же причинамъ и съ тѣми же цѣлями, т. е. въ виду требованій и запросовъ нашего времени и для отраженія нападковъ на св. мать нашу Церковь, на братскихъ собра- ніяхъ пастырей было бы весьма благовременно и цѣлесооб- разно практиковать противосектантскія собесѣдованія, а въ мѣстахъ процвѣтанія раскола—и противораскольническія. Не- забвенной памяти бывшій о. ректоръ Кіевской духовной се- минаріи, нынѣ преосв. Орловскій и Сѣвскій Иринеи, за- вель было такія собесѣдованія въ семинаріи. Все воспитан- ники собирались въ одинъ общій залъ (въ свободное, конечно, отъ уроковъ время); одинъ изъ учениковъ богословскаго класса выступалъ отъ лица сектантовъ-штундистовъ и высказывалъ наиболѣе ходячія среди нихъ возраженія противъ того или другого догмата или обряда Православной Церкви. Эти воз- раженія основательно разбиралъ и опровергалъ предъ лицомъ всѣхъ присутствовавшихъ другой ученикъ богословскаго же класса.—Думается, что такая „практика“ вполнѣ была бы удобна и для пастырей Церкви. И сколько пользы было бы отъ этого для православія и его служителей! О пользѣ для пастырей, въ приходахъ которыхъ врагъ рода человѣческаго уже носилъ плевелы, сектантство свило уже себѣ гнѣздо, не-

чего и говорить: она вполне очевидна. Но и каждый пастырь нынѣ долженъ быть готовымъ во всякое время умѣло, основательно и толково разоблачить и опровергнуть тѣ или иные лжеученія, такъ какъ они проникаютъ теперь всюду. Да и помимо сектантовъ—какъ много есть, особенно среди мнящихъ себя „интеллигентами“, такихъ, которые нерѣдко даже въ домахъ самихъ священнослужителей позволяютъ себѣ въ лучшихъ случаяхъ высказывать двусмысленности на счетъ Церкви и православія, а въ худшихъ—прямо-таки нагло и открыто глумиться надъ ними!... Весьма печально было бы допустить, чтобы столкнувшійся гдѣ бы то ни было съ сектантомъ или сектантствующимъ „интеллигентомъ“ пастырь Церкви на его хулы и лжеученія лишь отмалчивался. Намъ думается, что такое отмалчиваніе возможно только въ случаѣ малой подготовленности пастыря къ собесѣдованію съ лжеучащими. А потому, для устраненія даже малѣйшей возможности со стороны пастырей оказаться неготовыми къ опроверженію сектантскихъ и иныхъ лжеученій на всякомъ мѣстѣ и во всякое время и сослужили бы незамѣнимую службу указываемыи нами собесѣдованія на собраніяхъ пастырей.

Но и помимо своего нарочитаго назначенія—укрѣплять и расширять подготовку священниковъ къ полемики и апологетико-миссіонерскимъ собесѣдованіямъ, такія „упражненія“ служили бы для пастырей прекраснымъ средствомъ къ практическому изученію Свящ. Писанія, изъясненію труднѣйшихъ мѣстъ его и, вообще, развивали бы въ пастыряхъ способность собесѣдовать и проповѣдывать Слово Божіе.—Само собою разумѣется, что на пастырскихъ собесѣдованіяхъ надлежало бы нарочито и отдѣльно отвести видное мѣсто изъясненію вообще труднѣйшихъ не только выраженій и стиховъ, но и цѣлыхъ главъ и отдѣловъ Св. Писанія; а также обсужденію церковно-богослужебныхъ чинослѣдованій и порядковъ. Правда, каждый священникъ изучаетъ въ семинаріи книги Св. Писанія съ соответствующимъ изъясненіемъ. Но, во-первыхъ, въ учебникахъ изъясненія большею частію краткія и общія; во-вто-

рыхъ, усвоенное на школьной скамьѣ скоро забывается; наконецъ, экзегесисъ Св. Писанія, какъ и всякая наука, не стоитъ неподвижно на одномъ мѣстѣ и уровнѣ: многое изъ Библии, при свѣтѣ новѣйшихъ открытій и изысканій, получаетъ совершенно новое освѣщеніе, другое толкованіе.

Относительно изученія на пастырскихъ собраніяхъ церковной уставности прекрасный образецъ представляетъ духовенство Ярославльскаго Епархіи. Среди него, при покойномъ архіепископѣ Евгеніи (Казанцевѣ), не въ рѣдкость были знатоки исключительныхъ и весьма не часто встрѣчающихся указаній Церковнаго Устава, напр.: какой праздникъ имѣетъ предпразднество, а попразднества не имѣетъ? когда поется вечерня безъ прокимна? и т. п. И вообще, для духовенства Ярославльскаго Епархіи, при названномъ святителѣ, „особенности той или другой церковной службы были любимой темой бесѣдъ, интереснымъ предметомъ было совопросничество“ (Прилож. къ Церк. Вѣд. за 1900 г., № 1, стр. 29—31).—Примѣръ, вполне достойный подражанія!

Занятія научнаго характера пастыри Церкви могутъ и должны разнообразить при своихъ взаимоотношеніяхъ обсужденіемъ вопросовъ и дѣлъ уже чисто житейскаго, практическаго свойства.

Приходская практика пастырей выдвигаетъ нерѣдко такія обстоятельства и потребности, къ которымъ пастыри раньше совсѣмъ не были подготовлены; не найдутъ они зачастую соответствующихъ указаній и въ церковно-каноническихъ постановленіяхъ. Для примѣра укажемъ на распространенныя, къ великому прискорбію, въ наше время чуть ли не повсемѣстно незаконныя сожителства среди прихожанъ. Правда, на счетъ блудодѣющихъ есть вполне ясныя, опредѣленныя и точныя указанія какъ въ Св. Писаніи (напр.: Мѡ. 5, 32; 19, 9; Мрк. 10, 11; Лк. 16, 18; 1 Кор. 6, 18; 7, 11—14 и др.), такъ и въ церковныхъ канонахъ (напр.: Большой Требникъ, изд. 1864 г. Кіево-Печ. л., гл. 12-я; тамъ же „Законоправильникъ о блудѣхъ“, прав. 28-е и др.). Но что дѣлать, если прихо-

жане знать и вѣдать не хотять приведенныхъ указаній не только во всей ихъ силѣ и строгости, а даже весьма и весьма значительно смягченныхъ и ослабленныхъ?!.. Налагаетъ, напр., духовникъ на явнаго прелюбодѣя эпитимію, состоящую всего лишь въ томъ, чтобы онъ, прелюбодѣй, въ Великій постъ, предъ исповѣдію, „поговѣль“, походилъ бы неопустительно 4—5 дней въ приходскій храмъ (къ прискорбію и говѣнне практикуется лишь, какъ „эпитимія“!); а онъ и „совсѣмъ къ исповѣди не является, наговоривши притомъ священнику предварительно дерзостей и оскорбленій!.. Или: священникъ, для ослабленія соблазна въ глазахъ прихожанъ, обличаетъ, послѣ многократныхъ увѣщаній на—единѣ, явно прелюбодѣйствующую—и притомъ неприлично ведущую себя въ храмѣ Божіемъ, предъ лицомъ всей Церкви. Что же?—Она, вмѣсто признанія своей вины и принесенія покаянія, жалуется на батюшку въ судъ за „публичное“ будто бы оскорбленіе!..

Нельзя умолчать тутъ и о повсемѣстномъ, при томъ глумительно-беззастѣнчивомъ, нарушеніи помѣщиками (поляками-католиками, которые въ этомъ случаѣ превосходятъ и евреевъ) святости воскресныхъ и праздничныхъ дней. Сплошь и рядомъ въ эти дни экономіи производятъ разнаго рода работы, часто даже не дожидаясь окончанія богослуженія въ мѣстномъ православномъ храмѣ. О такихъ работахъ, какъ перевозка разныхъ предметовъ, нечего уже и говорить: слишкомъ съ ними всѣ свыклись!.. Но бываетъ, что въ воскресенье или праздникъ и „саможатки“ „испытываются“, и плуги „пробуются“ и т. д. Правда, въ законѣ есть на этотъ счетъ прямая и точная указанія. Но, во-первыхъ, практикуется множество способовъ *обходить законъ*; во-вторыхъ, хотя священнику вполнѣ прилично и даже обязательно „защищать отъ поруганія то, что должно быть предметомъ общаго почитанія и благоговѣнія“ („Священникъ“, стр. 239), но наши представители закона нерѣдко, должно сознаться, такъ индифферентны ко всему религіозному и церковному, что часто лучше и не вчинать такой защиты; наконецъ, не одинъ полякъ въ такихъ

случаяхъ бросаетъ въ глаза справедливый укоръ: „а зачѣмъ, батюшка, ваши прихожане работаютъ по праздникамъ и для себя, и къ намъ идутъ на работу“?..

И множество еще такихъ и подобныхъ „случаевъ“ можно бы привести изъ пастырской практики. Всѣ они заслуживаютъ обсужденія—и непременно должны обсуждаться—на пастырскихъ собраніяхъ. И сопастыри, разумѣется, не могутъ отнестись къ обсужденію ихъ иначе, какъ съ самымъ серьезнымъ вниманіемъ и полнымъ сочувствіемъ, потому что отъ столкновенія съ подобными вопросами не застрахованъ ни одинъ изъ сельскихъ пастырей, и такое или иное рѣшеніе ихъ (вопросовъ) весьма важно для духовнаго благосостоянія приходской жизни.

Не слѣдуетъ также упускать изъ вида, что почти каждый сельскій священникъ занимается хозяйствомъ. Правда, сельское хозяйство должно служить отнюдь не главнымъ, а лишь побочнымъ и второстепеннымъ занятіемъ для пастыря; но тѣмъ не менѣе, разъ священникъ ведетъ хозяйство, слѣдуетъ ему, какъ человѣку образованному, на котораго всегда и во всемъ обращены взоры прихожанъ, хозяйничать раціонально, чтобы и въ этомъ отношеніи быть руководителемъ своей паствы. Поэтому, вопросы изъ области разумнаго веденія сельскаго хозяйства тоже должны имѣть свое мѣсто на пастырскихъ собраніяхъ. Въ этомъ направленіи, при нынѣшнемъ оскудѣніи плодородія земли и сравнительной малоземельности, пастырямъ Церкви благовременно, въ особенности, обсуждать на собраніяхъ и осуществлять на дѣлѣ, для наученія своихъ прихожанъ, такія многополезныя и пріятныя отрасли сельскаго хозяйства, какъ садоводство и пчеловодство, а также искусственное, путемъ удобренія, повышеніе земельной доходности, травосѣяніе (въ виду почти повсемѣстнаго теперь уничтоженія и сокращенія „выпасовъ“ для скота), улучшеніе мѣстнаго скотоводства и т. п. Повторяемъ: слѣдуетъ лишь пастырямъ непрестанно памятовать, что сельское хозяйство—

для нихъ занятіе побочное, и увлекаться имъ для пастыря далеко не безопасно.

Можно бы и еще указать нѣсколько вполне соответствующихъ пастырскому званію и необходимыхъ,—а въ то же время съ характеромъ пріятныхъ развлеченій,—занятій на пастырскихъ собраніяхъ; напр., изъ области церковно-школьнаго дѣла и пр. Но и сказаннаго, сообразно намѣченной нами цѣли, на нашъ взглядъ, вполне достаточно. Заканчивая настоящую замѣтку, для обоснованія и подтвержденія многого изъ высказаннаго въ ней, мы находимъ необходимымъ—и не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи—привести еще слѣдующія слова В. Ѳ. Шѣвницкаго: „пріятная не принужденная бесѣда, обмѣнъ мыслей, наблюденій, свѣдѣній и чувствъ, свободное обсужденіе вопросовъ, выдвигаемыхъ временемъ, литературою, состояніемъ и направленіемъ общества, жизнь церковною или политическою—вотъ что должно наполнять часы, свободные отъ обязательныхъ занятій, въ которыхъ священникъ можетъ видѣть себя среди кружка сочувствующихъ себѣ лицъ. Въ такомъ общеніи мысли и любви можно отвести душу и найти себѣ успокоеніе, приводящее въ равновѣсіе разстроенныя или утомленныя силы. вмѣстѣ съ тѣмъ такое общеніе мысли можетъ быть не только пріятнымъ, но и полезнымъ времяпрепровожденіемъ: при немъ мы можемъ увеличивать запасъ своихъ свѣдѣній; чрезъ него мы можемъ получать больше свѣта и ясности въ сужденіи о дѣлахъ, насъ интересующихъ; при немъ могутъ зарождаться добрые замыслы, благотворные для нашего личнаго положенія или для исправленія той или другой стороны приходской или общественно-церковной жизни; чрезъ него, наконецъ, могутъ скрѣпляться связи, способствующія успѣшнѣйшему проведенію въ жизни того или другого предпріятія“ („Священникъ“, изд. 1886 г., стр. 122).

Свящ. А. Т.

Книга „Требникъ“ и ея значеніе въ жизни православнаго христіанина. (По поводу новѣйшихъ воззрѣній на эту книгу) ¹⁾.

Въ стихирахъ погребальнаго чина изображается прежде всего суета человѣческой жизни. „Какъ житейская сладость, поетъ св. Церковь въ стихирахъ самогласныхъ, пребываетъ печали непричастна; какъ ли слава стоитъ на земли непреложна; вся сѣни немощнѣйша, вся соній прелестнѣйша: единѣмъ мгновеніемъ и вся сія смерть приѣмлетъ“ ²⁾... „Яко животь нашъ есть цвѣтъ и дымъ и роса утренняя во истину. Приидите убо узримъ на гробѣхъ ясно, гдѣ доброта тѣлѣсная; гдѣ юность; гдѣ суть очеса и зракъ плотскій; вся увидоша, яко трава, вся потребишася“ ³⁾.

Слава человѣческая, молва народная, знатность, богатство, красота—все это суета и ничтожество потому, что все это остается здѣсь на землѣ и не слѣдуетъ за умершимъ по ту сторону нашей жизни, и все это никого не избавляетъ отъ общей человѣческой участи—смерти, подкрадывающейся неожиданно. „Странное смерти таинство: *надходитъ бо встѣмъ въ безоднѣи*, естество растлѣвается нуждею, старцы взираетъ, игумены, книжники, *учители мудрствующая тлѣтъ* ⁴⁾...“

Въ виду ничтожества и кратковременности человѣческой жизни и неожиданности смерти, которая не щадитъ ни пола, ни возраста, св. Церковь приглашаетъ всѣхъ вѣрующихъ, смотря на гробъ усопшаго, перестать думать о привременномъ. „Приидите и видите вси странное и грозное видѣніе всѣмъ познаваемое, образъ нынѣ видимый, и никому мудрствуйте привременная. Днесъ душа отъ тѣла разлучается, ко вѣчному представляемому міру: во путь бо идетъ, имже никогдаже ше-

¹⁾ См. № 13 за 1902 г.

²⁾ Тамъ же, л. 92, 133. Изъ стихиръ самогласныхъ въ погребеніи мірскихъ человѣкъ.

³⁾ Тамъ же, л. 94 об.—95. Изъ стихиръ на цѣлованіе въ томъ же чинѣ.

⁴⁾ Тамъ же, л. 133. Изъ стихиръ на хвалитѣхъ въ томъ же чинѣ.

ствова, и къ судіи нелицепріемному, идѣже предстоятъ ангеловъ чини. Страшно бо, братіе мои, судище оно, идѣже вси предстанемъ нази: овѣи убо вѣнчаваеми, овѣи убо посрамляеми“. Тѣмже возопіимъ ко безсмертному царю: егда имаши испытати сокровенная челоѣвѣческая, пощади раба твоего, егоже пріялъ еси, Господи челоѣвѣколюбче“ 1).

Для большаго усиленія впечатлѣнія на предстоящихъ у гроба почившаго, поэтъ христіанскій въ цѣлованіяхъ церковныхъ говоритъ отъ лица умершаго къ нимъ. „Зряще мя безгласна и бездыханна предлежаща, восплачите о мнѣ, братіе и друзи, сродницы и знаеміи: вчерашній бо день бесѣдовахъ съ вами, и внезапно найде на мя страшный часъ смертный: но пріидите вси, любящїи мя, и цѣлуйте мя послѣднимъ цѣлованіемъ: не кому бо съ вами похожду, или собесѣдую прочее. Къ судіи бо отхожду, идѣже нѣсть лицепріятія: рабъ бо и владыка вкушѣ предстоятъ; царь и воинъ, богатый и убогій въ равнѣмъ достоинствѣ: кійждо бо отъ своихъ дѣлъ, или прославится или постыдится. Но прошу всѣхъ и молю, непрестаюно о мнѣ молитесь Христу Богу, да не низведенъ буду по грѣхомъ моимъ на мѣсто мученія, но да вчинитъ мя, идѣже свѣтъ животный“ 2).

Среди погребальныхъ стихиръ мы слышимъ нерѣдко самыя теплыя утѣшенія къ плачущимъ, окружающимъ гробъ почившаго, утѣшенія, исходящїя опять отъ лица умершаго. „Почто мене рыдаете люто, о челоѣвѣцы: почто всеу мятетесь; преставленный всѣмъ провѣщаетъ: смерть бо есть всѣмъ упокоеніе: отнюдуже гласъ Юва услышимъ, глаголюща: смерть мужу покой есть“ 3).

Всѣ стихиры чиновъ погребеній полны самыхъ возвышенныхъ христіанскихъ мыслей и глубокихъ челоѣвѣческихъ

1) Требникъ, л. 136. Изъ стихиръ самогласныхъ въ чинѣ погребенія священниковъ.

2) Тамъ же, л. 95 об. Изъ стихиръ на цѣлованіе въ послѣдованіи мірскихъ челоѣвѣкъ.

3) Тамъ же, л. 127. Изъ блаженствъ въ чинѣ погребенія священниковъ.

чувствованій, но найбільшею нѣжністю чувства проникнуты стихиры и пѣснопѣнія въ чинѣ погребенія младенческаго. Потеря нѣжнаго любимаго дитяти обыкновенно болѣзненно отзывается въ сердцѣ родителей, и св. Церковь въ своихъ пѣснопѣніяхъ стремится выразить самое горячее соболѣзнованіе безутѣшно плачущимъ родителямъ.

Но исчерпать всего богатства мыслей, високаго поэтического вдохновенія и чистаго христіанскаго міросозерцанія, какое представляютъ намъ обряды, молитвословія и пѣснопѣнія чиновъ христіанскаго погребенія, а равно чины другихъ таинствъ и молитвословій по различнымъ случаямъ нашей жизни, нѣтъ никакой возможности. Желательно вѣрить, что и на основаніи представленнаго матеріала, извлеченнаго нами непосредственно изъ Требника, у людей непредубѣжденныхъ и ищущихъ истины, едвали найдется смѣлость утверждать, что эти произведенія великаго богословствующаго ума и чистой христіанской поэзіи имѣють хоть какое-нибудь сходство съ вышериведенными образцами народнаго творчества, извѣстными подъ именемъ отреченныхъ молитвъ, заговоровъ, заклинаній и т. п. Просвѣщенному уму совѣсти предоставляемъ рѣшить вопросъ: есть ли во всемъ, что мы сказали доселѣ объ обрядахъ, чинопослѣдованіяхъ и молитвословіяхъ, содержимыхъ въ нашемъ Требникѣ, что нибудь такое, что дѣйствительно было бы „грубо, низменно“, полно „грубыхъ суевѣрій“ и напоминало бы народныя „пріемы колдовства, приспособленные ко всѣмъ возможнымъ случаямъ въ жизни“¹⁾. Напротивъ, дѣлать сопоставленія молитвъ, чинопослѣдованій и обрядовъ съ памятниками народнаго творчества, созданнаго людьми невѣжественными съ цѣлью эксплуатировать народную дѣтскую вѣру и слабо развитое религиозное міросозерцаніе, при полномъ непониманіи силъ природы и суевѣрномъ предъ нею страхѣ, не значитъ ли со стороны нашего писателя поступать „произвольно, неосновательно“ взводить на нашъ Требникъ завѣдомую кле-

¹⁾ Миссіонер. Обозрѣв., 1901 г., июнь, стр. 808.

вету“, скажемъ болѣе даже, „подстрекать къ дурнымъ чувствамъ и поступкамъ“¹⁾ (пользуемся словами нашего писателя, обращенными къ св. Синоду) людей мало знакомыхъ съ этою книгою, слабыхъ и неустойчивыхъ въ вѣрѣ православной, слѣпо вѣрующихъ въ авторитетъ художника русскаго слова, когда то умѣвшаго будить „лучшія чувства“ въ средѣ своихъ почитателей. Въ частности, по отношенію къ чину православнаго христіанскаго погребенія, въ опроверженіе крайне грубаго издѣвательства надъ нимъ со стороны нашего маститаго писателя возстали неожиданно на защиту самыя близкія лица къ нему. Въ извѣстномъ письмѣ къ высокопреосвященному митрополиту петербургскому Антонію, супруга нашего писателя прямо сознается что „горестному ея негодованію нѣтъ предѣловъ“ и, главнымъ образомъ, потому, что она узнала „о секретномъ распоряженіи Синода священникамъ не отпѣвать въ церкви Льва Николаевича въ случаѣ его смерти“²⁾. Хорошо понимая, какого великаго утѣшенія она и прочіе члены ея семьи лишаются въ христіанскомъ погребеніи, она подъ впечатлѣніемъ „остраго порыва своего огорченія“ въ видѣ угрозы св. Синоду намѣревается незаконнымъ образомъ, даже черезъ *непорядочнаго священника*“, путемъ подкупа „за большія деньги“³⁾, добиться отпѣванія своего мужа и молитвъ Церкви, въ чемъ никогда не отказываетъ наша мать—Церковь никому изъ своихъ истинныхъ чадъ, и предлагаетъ все это всегда охотно и туне, даромъ. Въ этомъ случаѣ совершеніемъ христіанскаго погребенія надъ невѣрующимъ мужемъ она, какъ выяснилъ ей въ отвѣтъ, исполненномъ достоинста и такта, первосвятитель русской Церкви, высокопреосвященный митрополитъ Антоній, въ порывѣ своего негодованія, готова даже „допустить преступную профанацію священнаго обряда“⁴⁾, потому что

1) Тамъ же, стр. 806.

2) Церк. Вѣстн., 1901 г., № 13, стр. 418.

3) Тамъ же.

4) Тамъ же, стр. 419.

„безъ вѣры не полезна молитва. Молитва учреждена въ Церкви, какъ объясняетъ приснопамятный святитель московскій Филаретъ, не какъ *блгозидный обрядъ*, но какъ духовная помощь и орудіе къ привлеченію благодати Божіей милующей и спасающей“, которой нашъ писатель „не требуетъ“ и существованія которой въ Церкви онъ „не признаетъ“¹⁾. Но, рѣшаясь на преступную профанацію священнаго обряда, супруга нашего писателя, какъ извѣстно нынѣ изъ послѣдней исповѣди, идетъ и вопреки „написаннаго имъ въ завѣщаніи своимъ близкимъ“, а слѣдовательно и ей, распоряженія— „не допускать къ нему церковныхъ служителей и мертвое тѣло убрать поскорѣ“, „какъ убираютъ всякую противную и ненужную вещь“²⁾. Такъ велика въ человѣкѣ, воспитанномъ въ духѣ вѣры православной и не порывающемъ связи съ Церковью православною, хотя и своеобразно понимающемъ эту Церковь, потребность въ христіанской молитвѣ и обрядахъ нашей православной Церкви! Нужно ли говорить о людяхъ истинно вѣрующихъ и глубоко-религіозныхъ, для которыхъ отсутствіе всего этого въ нашей Церкви казалось бы непроглядною тьмою, вѣяло бы въ душу человѣка ужаснымъ холодомъ.

Всѣ мы, истинныя чада нашей Матери-Церкви, живемъ въ лучшемъ изъ міровъ, но всѣ мы—странники и пришельцы въ немъ. На долю нашу выпадаютъ отрадные минуты блаженной радости, но большею частію жизнь наша проходитъ среди искушеній, бѣдъ и скорбей, и иногда тяжелыхъ настолько, что мы надаемъ и изнемогаемъ. Какъ въ свѣтлыя минуты радостей, такъ, особенно, въ тяжелые дни скорбей и неудачъ, всѣ мы нуждаемся въ укрѣпляющей и спасающей насъ благодати Божіей, которая низводится въ нашу душу *по молитвамъ* св. Церкви, при помощи нашего Требника или великаго Молитвослова. Трудяющійся въ потѣ лица, обре-

¹⁾ Дѣло архива Св. Спсда, 1841 г., № 2513 (Чтен. въ Общ. любит. духовн. просв., 1887 г., ч. II и III, стр. 137).

²⁾ Миссіон. Обзор., 1901 г., июль, стр. 809.

мененный тяжелыми невзгодами жизни, удрученный скорбями, переживающий свѣтлыя минуты семейнаго счастья и чистыхъ радостей—каждый найдетъ для себя отвѣтъ въ этой книгѣ соотвѣтственно данному своему положенію и даже настрою, нію. Пусть же эта книга, обнимающая жизнь христіанина во всѣхъ ея разнообразныхъ проявленіяхъ, перестанетъ быть книгою только библіотекъ церковной и приходскаго пастыря, а сдѣлается настольною книгою въ домѣ каждаго православнаго христіанина и займетъ мѣсто рядомъ съ Библіею. При близкомъ и всестороннемъ знакомствѣ съ содержаніемъ этой книги, глумленія надъ нею будутъ не возможны, мы лучше и сознательнѣе будемъ относиться къ христіанскимъ обрядамъ, а вмѣстѣ съ этимъ научимся и глубже и горячѣе любить нашу святую православную Церковь—нашу мать кормилицу, поилицу, защитницу, покровительницу и молитвенницу до скончанія міра.

Проф. А. Дмитріевскій.

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Θεодосій.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 18 апрѣля 1901 г.

Цензоръ, экстр-орд. проф. Акад. прот. *І. Корольковъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Авд. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.